

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А. Н. КОСЫГИНА
(ТЕХНОЛОГИИ. ДИЗАЙН. ИСКУССТВО)»

ИНСТИТУТ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

16+

Вестник славянских культур

Научный журнал

Издается с 2000 г.

Том 48

июнь 2018

*Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-68467 от 27 января 2017 г.
ISSN 2073-9567*

Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 83274

Журнал входит в перечень утвержденных ВАК РФ изданий
для публикации трудов соискателей ученых степеней

E-mail: vsk_gask@mail.ru

Сайт: www.vestnik-sk.ru

**Москва
2018**

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

A. N. KOSYGIN RUSSIAN STATE UNIVERSITY
(TECHNOLOGY. DESIGN. ART)

THE INSTITUTE OF SLAVIC CULTURES

16+

VESTNIK SLAVIANSKIKH KUL'TUR [BULLETIN OF SLAVIC CULTURES]

Scientific journal

Published since 2000

Volume 48
June 2018

The journal is registered in Federal service on legislation observance in sphere
of communication, information technologies and mass communications

The registration certificate ПИ № ФС77-68467 of January, 27, 2017

Subscription index in the catalogue of «Rospechat»: 83274

ISSN 2073–9567

The Bulletin is included in the list of the periodicals, the publications in which are
accepted for the consideration by the Higher Attestation Commission of the Russian
Federation when defending the thesis for PhD and DSc degrees

E-mail: vsk_gask@mail.ru

Сайт: www.vestnik-sk.ru

Moscow
2018

Вестник славянских культур: науч. журн. — 2018. — Т. 48, июнь. — М.: РГУ им. А. Н. Косыгина, Ин-т славянской культуры, 2018. — 326 с.; ил. — ISSN 2073-9567

Главный редактор

О. А. Запека (РГУ им. А. Н. Косыгина, Институт славянской культуры, Москва, Россия)

Заместитель главного редактора

О. А. Туфанова (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Ответственный секретарь

К. К. Маслова (Институт славяноведения РАН, Москва, Россия)

Редактор

М. В. Рудаков (РГУ им. А. Н. Косыгина, Институт славянской культуры, Москва, Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. М. Воробьев (РГУ им. А. Н. Косыгина, Москва, Россия), *М. Н. Громов* (Институт философии, РАН, Москва, Россия), *С. Елушич* (Черногорский университет, Подгорица, Черногория), *Е. М. Калашникова* (ФГБОУ ВО «ПГГПУ», Пермь, Россия), *И. И. Калиганов* (Институт славяноведения РАН Москва, Россия), *В. Ф. Козлов* (Историко-архивный институт РГГУ, Москва, Россия), *М. Костова-Панайотова* (Юго-западный университет им. Неофита Рыльского, Благоевград, Болгария), *Н. Мотоки* (Университет Хоккайдо, Хоккайдо, Япония), *К. В. Никифоров* (Институт славяноведения РАН, Москва, Россия), *В. Н. Рассторгуев* (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия), *Г. Спак* (Университет INALCO — Институт восточных языков и восточных культур, Париж, Франция)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. И. Бажов (Институт философии, РАН, Москва, Россия), *В. Вилимек* (Философский факультет Остравского университета, Острава, Чешская Республика), *Х. Ковальска-Стус* (Ягеллонский университет, Краков, Польша), *Л. В. Ковтун* (РГУ им. А. Н. Косыгина, Институт международного образования, Москва, Россия), *А. К. Коненкова* (РГУ им. А. Н. Косыгина, Институт славянской культуры, Москва, Россия), *Н. Б. Корина* (Университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия), *М. Ю. Люстров* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *В. Н. Матонин* (Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия), *Г. П. Мельников* (Институт славяноведения РАН, Москва, Россия), *Г. А. Пожидаева* (ВТУ им. М. С. Щепкина при ГАМТ России, Москва, Россия), *М. А. Пузина* (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН), *Т. И. Радомская* (РГУ им. А. Н. Косыгина, Институт славянской культуры, Москва, Россия), *Е. В. Сальникова* (Государственный институт искусствознания), *И. Е. Светлов* (МГАХИ им. В. И. Сурикова, Москва, Россия), *С. С. Степанова* (Государственная Третьяковская галерея, Москва, Россия), *Н. В. Трофимова* (ФГБОУ ВО «МПГУ», Москва, Россия), *Е. С. Узенева* (Институт славяноведения РАН, Москва, Россия)

Адрес редакции: 129337 г. Москва, Хибинский проезд, д. 6

Телефон: +7 (499) 188-72-01

E-mail: vsk_gask@mail.ru

Сайт: www.vestnik-sk.ru

Vestnik slavianskikh kul'tur: nauch. zhurn. [Bulletin of Slavic Cultures: scientific journal]. — 2018. — Volume 48, June. — Moscow, A. N. Kosygin Russian State University, The Institute of Slavic Culture Publ., 2018. — 326 p.; il. — ISSN 2073–9567

Editor-in-Chief

Oksana A. Zapeka (A. N. Kosygin Russian State University, The Institute of Slavic Culture, Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Olga A. Tufanova (A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Managing Editor

Ksenia K. Maslova (The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Editor

Mikhail V. Rudakov (A. N. Kosygin Russian State University, The Institute of Slavic Culture, Moscow, Russia)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Vyacheslav M. Vorob'ev (A. N. Kosygin Russian State University, Tver, Russia), *Mikhail N. Gromov* (The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Sinisa Jelusic* (University of Montenegro, Podgorica, Montenegro), *Elena M. Kalashnikova* (Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Perm, Russia), *Igor I. Kaliganov* (The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Vladimir F. Kozlov* (History and Archives at Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia), *Magdalena Kostova-Panayotova* (Neofit Rilski South-West University, Blagoevgrad, Bulgaria), *Nomachi Motoki* (Slavic Research Center of Hokkaido University, Hokkaido, Japan), *Konstantin V. Nikiforov* (The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Valeriy N. Rastorguev* (M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), *Gaiane Spach* (University INALCO — The Institute of Eastern Languages and Cultures, Paris, France)

EDITORIAL BOARD

Sergey I. Bazhov (The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Vitezslav Vilimek* (Philosophical department, Ostrava University, Ostrava, Česká republika), *Hannah Kowalska-Stus* (Jagiellonian university, Krakow, Poland), *Liliya V. Kovtun* (A. N. Kosygin Russian State University, The Institute of International Education, Moscow, Russia), *Alla K. Konenkova* (A. N. Kosygin Russian State University, The Institute of Slavic Culture, Moscow, Russia), *Nataliya B. Korina* (Constantine the Philosopher University (Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre), Nitra, Slovakia), *Mikhail Iu. Lyustrov* (A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Vasily N. Matonin* (Northern Arctic Federal University, Arkhangelsk, Russia), *Georgiy P. Melnikov* (The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Galina A. Pozhidaeva* (Schepkin Higher Theatre School (Institute) associated with the State Academic Maly Theatre, Moscow, Russia), *Maria A. Puzina* (V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Tat'iana I. Radomskaia* (A. N. Kosygin Russian State University, The Institute of Slavic Culture, Moscow, Russia), *Ekaterina V. Salnikova* (The State Institute for Art Studies, Moscow, Russia), *Igor E. Svetlov* (V. I. Surikov Moscow State Academic Art Institute, Moscow, Russia), *Svetlana S. Stepanova* (The State Tretyakov gallery, Moscow, Russia), *Nina V. Trofimova* (Moscow State University of Education (MSPU), Moscow, Russia), *Elena S. Uzeneva* (The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Address: Khibinsky proezd 6, Moscow 129337

Telephone: +7 (499) 188-72-01

E-mail: vsk_gask@mail.ru

Website: www.vestnik-sk.ru

© РГУ им. А. Н. Косыгина, 2018
© Вестник славянских культур, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история культуры

БРЕДИХИН А. В. Альтернативные славянские идентичности.....	8
БАЛЫХИН Г. А., БАЛЫХИН М. Г., НЕТЁСИНА М. С. Семантическое поле понятия «мигрант» (неродной, иной, иностранной, билингвальный) в русской национальной картине мира.....	19
АРТАМОНОВА Ю. Д. К вопросу о механизмах исторической памяти.....	29
ЛОБОВА Т. Г., МИРОНЕНКО Т. В. Противоречивость человеческого бытия: этический проект русской философской мысли.....	41
ГУБАНОВ Н. И., ГУБАНОВ Н. Н. Криминальное поведение: биологическая, социальная и личностная обусловленность.....	53
ЕВМЕНОВА Л. Н. Традиционная пищевая культура народов Сибири.....	67
КАМИНСКАЯ Е. А. Современный музыкальный фольклоризм в актуализации традиционного фольклора: функциональный аспект проблемы.....	76
СКРИПАЧЕВА И. А., ДОРОГОВА Л. Н. Релятивизм понятия «культура» и попытки его преодоления в процессе изложения учебного курса культурологии...	83
ZAKIROVA N. N., OLKHOVSKAIA L. V., CONLIFFE M. Vladimir Korolenko's peacekeeping humanism (on the anniversary of the book "On war, the fatherland and humanity").....	92

Филологические науки

КУДЕЛИН А. Б. Нестилизационные подражания как явление мировой литературы Средних веков.....	101
КИРИЛЛИН В. М. Развитие состава эпитетов, характеризующих Владимира Святого в посвященной ему древнерусской гимнографии.....	113
ТРОФИМОВА Н. В. Функционирование библейских цитат в воинских повестях, вошедших в летописи XIV–XV вв.....	137
ПАВЛОВА Л. В. Христианство и христиане в публицистическом и литературно-художественном творчестве Е. Н. Клетновой.....	151
ПОЛОНСКИЙ В. В. Литераторы польского происхождения как культурные посредники между Россией и Францией на рубеже XIX–XX вв.: случай Т. Выжевского.....	161
СУХАРЕВ А. К. Зачем Волх в Индию ходил? Или следы древнейших сказаний о Волхе в былинах «Волх Всеславьевич».....	179
ЕГОРОВА Е. Н. Вещь как ключ к воспоминанию (культурно-семантический анализ произведения «Чемодан» С. Д. Довлатова).....	200
НЕЛЮБОВА Н. Ю., ФОМИНА П. С. Использование приема адаптации при переводе художественных произведений, относящихся к различным типам культур (западной и русской).....	211
ЧЕКУНОВА М. А. Особенности политико-административного сетевого медиадискурса: язык и стиль средств массовой информации.....	225

Искусствоведение

БЫЧКОВ В. В. Проблема творчества в эстетике русского символизма.....	235
ПОЖИДАЕВА Г. А. Культурные связи славянства в истории древнерусского певческого искусства (к проблеме «южнославянских влияний»).....	250

ЗАЙЦЕВА Е. А. Из Севска в Вену: доглиннинская «Камаринская» в западноевропейской музыке.....	264
МИШАЧЕВА И. В. Мир народной сказки в книжной иллюстрации рубежа XIX–XX вв.: герои и пейзаж. Герман Фогель (Германия) – Иван Билибин (Россия).....	280
ПОЗДНЯКОВ Е. В., ПОЗДНЯКОВА Д. Ю. Об иконостасах храма Климента папы римского на Пятницкой в Москве 70-х гг. XVIII в. и их сюжетах.....	291
ЯНЬШИНА М. М., УПИНЕ А. М., КОРОБЦЕВА Н. А., ПЕТУШКОВА Г. И. Определение функций изделий из козьего пуха (на примере Оренбургского пуховязального промысла).....	302

Рецензии

ГАВРИКОВ В. А. Синтетическая языковая личность в современной песенно-поэтической культуре. Рецензия на книгу Иванова Д. И. Теория синтетической языковой личности: в 2 т. Иваново: ПресСто, 2017.....	318
От редакции	323

CONTENTS

Theory and history of culture

BREDIKHIN A. V. Alternative Slavic identities.....	8
BALYKHINI G. A., BALYKHIN M. G., NETESINA M. S. Semantic field of concept “migrant” (foster, other, foreign, bilingual) in Russian national picture of the world.....	19
ARTAMONOVA YU. D. The mechanisms of historical memory revisited.....	29
LOBOVA T. G., MIRONENKO T. V. Contrariety of human being: ethical project of the Russian philosophical thought.....	41
GUBANOV N. I., GUBANOV N. N. Criminal behavior: biological, social and personal causality.....	53
EVMEENOVA L. N. Traditional food culture of Siberian peoples.....	67
KAMINSKAYA E. A. Modern musical folklorism in terms of actualization of the traditional folklore: functional aspect of the issue.....	76
SCRIPATCHEVA I. A., DOROGOVA L. N. Semantic relativism of the concept “culture” and attempts of its overcoming in the process of presentation of the training course Cultural studies.....	83
ZAKIROVA N. N., OLKHOVSKAIA L. V., CONLIFFE M. Vladimir Korolenko’s peacemaking humanism (on the anniversary of the book “On war, fatherland and humanity”).....	92

Philological sciences

KUDELIN A. B. Non-stylistic imitations as an event in World literature of the Middle Ages.....	101
KIRILLIN V. M. Development of structure of the epithets characterizing Vladimir the Saint in the eponymous Old Russian hymnography.....	113

TROFIMOVA N. V. Functioning of the biblical quotations in military narrations, included in the chronicles of XIV–XV cc.....	137
PAVLOVA L. V. Christianity and Christians in the journalistic and literary work of E. N. Kletnova.....	151
POLONSKIY V. V. Men of letters of Polish origin as cultural mediators between Russia and France at the turn of the XX century: the case of T. Wyżewski.....	161
SUKHAREV A. K. Why Volkh invaded the Indian land? Or the trails of the ancient heroic and mythical tales in the Russian epic tale “Vol Vseslavievich”.....	179
EGOROVA E. N. Object as the key to remembering (cultural and semantic analysis of the work “Suitcase” by S. D. Dovlatov).....	200
NELYUBOVA N. Y., FOMINA P. S. Adaptation technique in translation of literary texts, of different culture types (e.g. Western and Russian).....	211
CHEKUNOVA M. A. Features of the political and administrative network media discourse as phenomena of modern language culture.....	225

History of Arts

BYCHKOV V. V. The issue of creativity in Russian symbolist aesthetics.....	235
POZHIDAEVA G. A. Cultural communication of the Slavs in the history of Old Russian chanting art (on the issue of “South Slavic influences”).....	250
ZAITSEVA E. A. From Sevsk to Vienna: pre-Glinka’s “Kamarinskaya” in West European music 21.11.2017.....	264
MISHACHEVA I. V. World of the folk tales in book illustrations at the turn of the XX c.: characters and landscape. Hermann Vogel (Germany) – Ivan Bilibin (Russia).....	280
POZDNYAKOV E. V., POZDNYAKOVA D. Y. On iconostases in the church of Pope Clement in Pyatnitskaya st. in Moscow of 70-s of the XVIII c.....	291
YAN`SHINA M. M., UPINE A. M., KOROBTSSEVA N. A., PETUSHKOVA G. I. Definition of functions of goat down articles (on the example of the Orenburg’s wool-knitting trade).....	302

Reviews

GAVRIKOV V. A. Synthetic language person in the modern song-poetic culture. Review on the book “Theory of synthetic personality” (2 volumes) by D. Ivanov.....	318
Editorial note	323

УДК 008(075)
ББК 71

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. А. В. Бредихин
г. Москва, Россия

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Статья подготовлена в ФГБНУ Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 17-68-00001 «Влияние институциональной нестабильности сопредельных стран на деятельность экстремистских организаций Юга России»)

Аннотация: Развитие современных этнических институтов в государствах, входивших до 1991 г. в социалистический блок, показывает, что процесс становления малых народов в настоящее время не завершен. Обладающие своей историей, культурой, языком (диалектом), религией, субэтностью, получив возможность к развитию, стремятся сформировать обособленную идентичность, заявить о возможности создания автономии или самостоятельного государства. Подобным тенденциям подвержены в первую очередь крупные, государствообразующие народы, такие как русские, болгары, поляки, сербы, украинцы, чехи. Во многом этносепаратистские тенденции субэтностей проявляются благодаря воздействию внешних акторов. В исследовании проводится анализ исторических предпосылок к развитию новых славянских идентичностей, выявляются современные факторы, определяются проблемные моменты.

Ключевые слова: евразийство, идентичность, казаки, моравы, полешуки, российская нация, русины, Русский мир, славяне, украинцы.

Информация об авторе: Антон Викторович Бредихин — кандидат исторических наук, советник директора, ФГБНУ Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук, ул. Гарибальди, д. 21 б, 117335 г. Москва, Россия. E-mail: bredikhin90@yandex.ru

Дата поступления статьи: 20.11.2017

Дата публикации: 15.06.2018

Для цитирования: Бредихин А. В. Альтернативные славянские идентичности // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 8–18.

«Русская весна» 2014 г. выступила точкой невозврата для населения Крымского полуострова и Донбасса и одновременно заострила вопрос цивилизационного понятия «Русского мира», его определения, границ, перспектив. Если само словосочетание «русский мир» встречается еще в летописях XI в., то «Русский мир» как философское

и идеолого-политическое понятие принадлежит туркестанскому генерал-губернатору М. Г. Черняеву, издававшему после своей отставки одноименную ультраславянофильскую газету [14]. В настоящее время идея «Русского мира» получила поддержку Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла и Президента Российской Федерации В. В. Путина. Член-корреспондент РАН, президент РГГУ Е. И. Пивовар видит под этим понятием глобальный цивилизационный феномен, охватывающий триста миллионов человек, объединенных русской культурой и языком [17, с. 169]. Академик РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН В. А. Тишков сравнивает «Русский мир» с английским, испанским, китайским, португальским, французским мирами [26, с. 87].

На наш взгляд, естественной формой реализации «Русского мира» выступил Евразийский Экономический Союз как наднациональное образование, способное стать объединяющим для стран с общей исторической судьбой, сформированными экономическими связями и близким культурным кодом. Естественным центром данной системы выступает русский народ, ставший после распада СССР, по словам Президента Российской Федерации В. В. Путина, самым большим разделенным народом Европы. При этом сама идея ЕАЭС, озвученная Президентом Казахстана Н. А. Назарбаевым в 1994 г., подразумевала объединение цивилизационно близких народов для экономической интеграции путем создания совместных органов наднационального управления и обеспечения суверенности входящих в него держав [15]. Цивилизационная близость народов, проживающих на территории «Русского мира», определялась и теоретиками евразийской идеологии Л. Н. Гумилевым [10], П. Н. Савицким [21], Н. С. Трубецким [27].

На расстоянии от Калининграда до Владивостока люди одинаково говорят по-русски, чего не встретишь в современной Европе, где житель Северной Германии, говорящий на своем диалекте, далеко не всегда поймет жителя Баварии или совсем не поймет швейцарца, ответившего ему на своем языке. Однако последнее время русский народ стал подвержен такому понятию, как этнический сепаратизм. Происходит активное формирование новых субэтносов, претендующих на роль отдельных этнических сообществ, таких как казаки [2; 34], поморы [22; 29], сибиряки [5] и другие. В этом велика роль и сопредельных стран, поддерживающих лидеров молодых этнических маргиналов.

Общеславянский синдром. Распад Российской и Австро-Венгерской империй дал возможность для появления не только новых государств, но и становления и закрепления в этнических правах новых славянских идентичностей. Если до 1917 г. с позиции государственной власти в России этническое деление сопрягалось с делением конфессиональным и украинцы (малороссы) с белорусами рассматривались в качестве частей русского народа (великороссов), то благодаря ленинской политике права наций на самоопределение в рамках СССР закрепился триумвират восточнославянской общности: русских, украинцев и белорусов. Остальным славянским идентичностям было отказано в праве развития, и их этнокультура была объявлена составной частью титульной нации союзной республики.

Ставшие плацдармом белого движения в годы Гражданской войны Дон, Кубань и Терек оказались площадкой экспериментов советской национальной политики. В отношении казаков была начата политика «расказачивания», трактуемая современными казачьими лидерами и учеными-казачковедами как геноцид [12; 28]. Затем на территории Северо-Кавказского края была развернута политика «украинизации», в рамках

которой донские, кубанские и терские казаки в одночасье стали украинцами, начали изучать украинский язык в школах, вести на нем делопроизводство и готовиться к дальнейшему вхождению в состав УССР. Вскоре сталинская политика осознала бесперспективность и опасность подобных начинаний, и «украинизация» была свернута, а затем начата кампания «за советское казачество», в рамках которой казакам были сделаны небольшие уступки в военной и бытовой сфере и поставлена задача привлечения оставшихся к выполнению задач советской власти [23, с. 7].

Победное наступление Красной армии в годы Великой Отечественной войны позволило включить в состав СССР ряд территорий. В 1944 г. православный съезд Карпатской Руси (Карпатской Украины), имевшей до войны статус автономии в составе Чехословакии, обратился к советскому правительству с просьбой войти в состав СССР на правах союзной Карпато-русской советской республики. Однако официальная Москва смотрела на данный вопрос по-другому и была образована Закарпатская область в составе Украинской ССР, а вместе с ней русинское население было объявлено украинцами со всеми вытекающими обстоятельствами [13, с. 105].

По аналогии шли процессы и в других славянских странах, где титульная нация стирала национальные меньшинства, сводила их этнокультурное развитие к нулю: силезцы, лемки и кашубы в Польше, русины в Словакии, моравы и хорваты в Чехии и т. д. Правительства славянских республик выстраивали политику формирования наций-государств, при которой развитие этнических сообществ негласно «замораживалось», а их тенденции к этнокультурному возрождению получили возможность лишь в 1980-х гг., что способствовало росту национальных движений за независимость.

Распад социалистического блока выступил важным фактором на пути «пробуждения» субэтносов и непризнанных славянских народов. «Бархатный развод» Чехословакии поставил вопрос о будущем национальных меньшинств. В 1993 г. представители моравского национального движения объявили о создании Моравской автономии в составе Чехии в рамках федеративной единицы. При этом на волне подъема национального самосознания по данным Чешского статистического управления в 1991 г. моравы себя считали 1 362 313 человек. Затем ввиду институционализации чешского сообщества произошло уменьшение моравов до 380 474 человек, но в последнее время произошел процесс увеличения числа людей с моравской самоидентификацией до 521 801 человек [32].

По аналогии развивались события и в бывших советских республиках: Белоруссии и Украине. Белорусское сообщество, то отрекаясь, то приходя к идеям «Русского мира», получило значимые признаки этнического сепаратизма в лице полешуков [30, с. 6]. Обладающие большей лингвистической и традиционной близостью с украинцами, нежели белорусами, полешуки ведут работу над выработкой собственного литературного языка и вполне способны войти в число геостратегических интересов Варшавы и Киева.

Русинское национальное движение, имеющее активную поддержку канадской и венгерской диаспоры, объявило об отдельной от украинцев национальной идентификации и провело 1 декабря 1991 г. референдум, на котором 78% жителей Закарпатской области Украины высказались за введение статуса специальной самоуправляемой территории. Однако результаты референдума не были признаны официальным Киевом, что не остановило подъем русинского «пробуждения». В настоящее время, по оценкам лидеров русинов, на территории региона их численность составляет порядка 700 тыс. человек [31, с. 58].

Конструирование новых идентичностей. Процесс создания новых славянских идентичностей внешними акторами имеет глубокие исторические корни. Данный процесс носил обоюдный характер: с одной стороны, шло образование в той или иной стране лояльного народа, а с другой — элита шла на данный шаг, получая преференции и сохраняя свое имущество. Одной из первых в данном направлении начала работу Османская империя. Ввиду целенаправленной политики по исламизации славян Балканского полуострова возникла новая этническая группа босняков, населяющая современную Боснию и Герцеговину. Их самоидентификация и сегодня максимально приближена к турецкой. Анкара помнит опыт своего исторического предшественника и организует работы по формированию турецко-помакского этноса (порядка 200 тыс. человек) в рамках дальнейшего присоединения юго-восточных районов Болгарии к турецкой Восточной Фракии. Активно Стамбулом и протурецкими политиками транслируется идея тюркского происхождения болгар и их отрыв от славянской общности. Подобные процессы имеют место и в других странах Балканского полуострова, представляющего собой достаточно пестрый с этнической и конфессиональной точек зрения регион.

По аналогии действовала Австро-Венгерская империя — «тюрьма для славян», проводившая политику формирования лояльных славянских этносов, она выступила одним из архитекторов будущей украинской идентичности, для чего ею, с одной стороны, осуществлялось создание украинского литературного языка, а с другой — проводилось физическое уничтожение русофильски настроенных русинов, отразившееся в создании концлагерей в Талергофе и Терезине. При этом общее количество убитых в результате репрессий русинов в годы Первой мировой войны составило 60 тыс. человек, не меньшее число покинуло родные края. Как написал в 1917 г. новый император Карл I, «Все арестованные русские невиновны, но были арестованы, чтобы не стать ними» [25, с. 74].

С распадом социалистического блока и крупнейшей геополитической ошибкой XX в. — крахом СССР — процесс формирования новых славянских идентичностей начал активно развиваться на постсоветском пространстве. Процесс возрождения казачества, начавшийся в 1980-х гг., поднял вопрос: а кем же являются казаки? Сословием, группой по интересам, этносоциальной группой (субэтносом) или отдельным народом? Следствием альтернативных толкований состояния современного казачества стали многочисленные расколы в среде казачьего движения, радикализация и маргинализация отдельных групп, переросшие в самостийничество и казакийство [16, с. 154].

Отмежевание казаков от русского народа выступило естественным процессом периода кризиса национальной идеи, неустойчивости понятия новой общегражданской идентичности — российской нации. Появление альтернативных версий истории развития казаков (автохтонная, скифо-сарматская, кавказская и др.) авторства Е. П. Савельева [20], А. А. Гордеева [9], А. Г. Попова [18], И.Ф. Быкадорова [4] и новых центров притяжения (Киев, а также усиление в данном вопросе политики Варшавы и Вашингтона) способствовали выработке новых парадигмальных подходов к формированию казачьего самосознания, идентификации.

Сохранение североамериканскими властями в законе о поработанных народах Казакии позволило дать казачьим лидерам пищу для размышления в вопросе построения собственной государственности. В последние годы кризиса власти в СССР и период становления Российской Федерации тенденции казачьего сепаратизма, подкрепленные идеей отдельной этнической идентичности, привели к объявлению о создании ряда «государственных» образований: «Донская Казачья Республика», «Терская Казачья Ре-

спублика», «Армавирская Казачья Республика», «Верхне-Кубанская Казачья Республика», объединившая две другие «республики», «Зеленчукско-Урупскую Казачью Советскую Социалистическую Республику» и «Баталпашинскую Казачью Республику», и др. В этом плане интересна и позиция Всевеликого войска Донского периода атаманства Н. И. Козицына, заключившего соглашение о сотрудничестве и взаимопомощи с так называемым президентом Ичкерии Д. М. Дудаевым.

Проблема с казачьей идентичностью, кем являются казаки — отдельным народом или субэтнотом русского народа, — выразилась в период проведения Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. В это время проводилась активная кампания по признанию казаков в качестве отдельного народа. Однако если в 2002 г. свою национальность как «казак» определили 140 028 человек (на территории войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское» (ВКО ВВД) порядка 108 тыс. человек) [7], то в 2010 г. только 67 573 человек (на территории ВКО ВВД порядка 48 тыс. человек) [8].

В 2011 г. Южнороссийским филиалом Института социологии РАН было проведено социологическое исследование «Казачество как этносоциальный феномен современной России» среди представителей донской, кубанской и терской казачьих общин, проживающих в Ростовской области. По данным исследования, большинство респондентов (71,7%) самоопределяется как «часть русского народа, обладающего особой культурой и традициями», т. е. в качестве субэтнота русского народа, 9,8% считают себя сословием защитников государства Российского, 6,3% определяют казаков как род войск на государственной службе [1, с. 12]. Несмотря на пропагандистскую кампанию в период проведения Всероссийской переписи населения 2010 г., лишь 8,4% опрошенных высказались за то, что казаки являются отдельным народом. Как видим, наблюдается тенденция к снижению числа людей, определяющих свою национальную идентичность как казак. При этом численность ВКО ВВД по состоянию на 2015 г. составляла 44 031 человек¹.

Формирование казачьей идентичности шло вместе с процессом выработки не столько диалекта, сколько отдельного казачьего языка (гутара, балачки). Ряд филологов, проводивших исследование казачьих диалектов, сформировали значимую лингвистическую базу — это работы В. И. Дегтярева [11], А. А. Диброва [6], В. Н. Ремчукова [19] и др. Однако в среде казачьих маргинальных объединений и особенно радикально настроенной казачьей молодежи имеет отображение в соответствующих пабликах в социальных сетях выработка принципиально нового языка казаков, за основу которого берутся диалектизмы, слова украинского языка, современные лингвистические разработки: «Стях мой синя жолта алай над маей радемаю станицай будя свещна вица», «Табейнай Присуд — табейная адаты», «Казак у куреню для наглядю». В сельском хозяйстве применяются: «катух» — петух, «казарка» — гуска, «курщенак» — цыпленок, «кутень» — пес, «бугай» — бык и т. д.

Подобные казачьему этносепаратизму процессы имеют место и в других регионах Российской Федерации: поморы (северороссы) на территории Архангельской области, интерес к развитию которых имеют норвежские и финские НКО; ингерманландский проект в Ленинградской области, имеющий поддержку стран Балтии и Финляндии; сибиряки, также формирующие свой язык и получающие поддержку от США и Японии, и многие другие.

Киев — мать городов нерусских? На наш взгляд, центром формирования восточнославянских альтернативных идентичностей на протяжении длительного периода

¹ По данным отчетов войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское» в Федеральное агентство по делам национальностей.

выступает Киев. Именно Украина, обладающая широкой мозаикой регионов, сформированная из разных цивилизационных, конфессиональных, лингвистических регионов, проходя период формирования единой нации, оказалась источником этносепаратистских тенденций самого различного толка. В выведенном Л. Д. Кучмой понятии «Украина не Россия» содержится суть строительства украинской нации как отвергающей «Русский мир», единство восточнославянских народов.

Именно против такого тезиса боролся гетман Украинского государства периода Гражданской войны П. П. Скоропадский, отмечая угрозу влияния галичанской культуры и доминирования ее в украинском обществе: «Узкое украинство исключительно продукт, привезенный нам из Галиции, культуру которой полностью пересаживать нам нет ни единого смысла: никаких предпосылок к успеху нет и просто преступление, поскольку там, собственно, и культуры нет. Ведь галичане живут обедками от немецкого и польского стола. Уже один язык их выразительно это отображает, где на пять слов четыре польского и немецкого происхождения...» [33, с. 59].

Однако в современных политических реалиях вместе с тенденцией навязывания западноукраинской культуры всему народу Украины происходит процесс отмежевания, обособления этносоциальных групп, конструирования новых этнических идентичностей. «Русская весна», ставшая ответом на «Евромайдан» и государственный переворот 2013–2014 гг., выступила катализатором народного протеста русского населения Украины, не желающего видеть у власти националистические организации.

Объединяя территории, ранее подконтрольные Османской империи и Крымскому ханству, Новороссия включала земли Запорожской Сечи, Новую Сербию, основанную венграми и сербами-переселенцами, включала поселения болгар, гагаузов, греков, евреев, малороссов, молдаван, немцев, великороссов и др. На наш взгляд, достаточно интересна и значима роль в развитии Новороссийского края подданных Британской империи: британский промышленник валлийского происхождения Джон Джеймс Юз основал г. Донецк (Юзовка); шотландец с французскими корнями Карл Карлович Гаскойн — г. Луганск; революционер, ставший британским гражданином, проживая в Австралии, Артем (Ф. А. Сергеев) возглавил Донецко-Криворожскую республику; и др.

Объявление независимости Донецкой и Луганской народных республик, заявления о создании Новороссии способствовали новой этнической самоидентификации для жителей Донбасса: новороссы, донбассовцы, а также этнизации региональной идентичности дончан и луганчан. Происходит переход от региональной к этнической самоидентичности, понимание своей самобытности и хотя и наличия единства с «Русским миром», но некоторой непохожести, разделенности с ним. Формирование на территории региона в 2014 г. казачьего самоуправления, объявление атаманом Казачьей национальной гвардии Н. И. Козицыным о создании Казачьей республики вошли в число элементов нового конструкта, подкрепленного длительной историей развития, отдельной от украинского этноса.

Ранее «казачья карта» неоднократно разыгрывалась самим Киевом. Позиционирование Украины в качестве «козацкой державы», что подкреплено словами гимна «Душу й тіло ми положим за нашу свободу, І покажем, що ми, браття, козацького роду», способствовало формированию ее имиджа центра притяжения и интеграции казачества. Ряд украинских НПО вели работу на территории Краснодарского края (Украина-Кубань), проводилась активная поддержка украинских национально-культурных автономий, украинские политики неоднократно предъявляют свои территориальные претензии на приграничные казачьи регионы Российской Федерации [3, с. 18]. Украина после «Евромайдана» выступила местом для так называемой «политической эмигра-

ции» ряда казачьих активистов, недовольных действующей политикой официальной Москвы.

На основании изложенного переходим к выводам.

Во-первых, процесс формирования новых славянских этнических идентичностей носит сложный характер, подкрепленный особенностями исторического процесса, административно-территориального развития, лингвистическими особенностями, культурным и конфессиональным влиянием.

Во-вторых, внешние акторы используют славянский вопрос для разрешения поставленных геополитических целей, стремясь изменить этнополитическую ситуацию в регионе, развивая маргинальные и экстремистские организации, поддерживая радикальных лидеров.

В-третьих, «Русский мир», как и российская нация, проходят сложный процесс укрепления своих позиций, определения целей и идеалов. В данном случае этнический сепаратизм несет в себе важнейшую угрозу безопасности и государственной целостности Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Барков Ф. А., Водолацкий В. П., Садко Д. О. и др. Казачество как этносоциальный феномен современной России (по результатам социологического исследования казачества Дона). Ростов-н/Д.: Антей, 2011. 168 с.
- 2 Бредихин А. В. Казачий сепаратизм на Юге России // Альманах Казачество. 2016. № 14. С. 36–46.
- 3 Бредихин А. В. О территориальных претензиях в российско-украинском приграничье // Альманах Казачество. 2016. № 16. С. 17–32.
- 4 Быкадоров И. Ф. История казачества. Париж, 1930. Т. 1. 673 с.
- 5 Васеха М. В. Кто такой «сибиряк»: что такое сибирская идентичность // Вестник российской нации. 2014. Т. 6, № 6. С. 316–327.
- 6 Валюсинская З., Выгонная М., Дибров А и др. Словарь русских донских говоров: в 3 т. Ростов-н/Д.: Изд-во РГУ, 1976. Т. 1: А-З (закласть). 171 с. + Т. 2: З (закле-
кать) — П (перветка). 223 с. + Т. 3: П (первитка) — Я. 207 с.
- 7 Всероссийская перепись населения 2002 г. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 10.11.2017).
- 8 Всероссийская перепись населения 2010 г. URL: [http://www.gks.ru/free_doc/new_ site/perepis2010/стос/perepis_itogi1612.htm](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/стос/perepis_itogi1612.htm) (дата обращения: 02.10.2017).
- 9 Гордеев А. А. История казачества. М.: Вече, 2006. 640 с.
- 10 Гумилев Л. Н. От Руси к России. М.: Айрис-пресс, 2003. 318 с.
- 11 Дегтярев В. И., Кудряшова Р. И., Проценко Б. Н. и др. Большой толковый сло-
варь донского казачества. М.: Русские словари; Астрель, АСТ; 2003. 608 с.
- 12 Матишов Г. Г. Донские казаки: от опоры самодержавия до жертв большевизма (XVIII–XX вв.). Заметки на полях истории / отв. ред. А. В. Венков. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 273 с.
- 13 Миронов Г. Ю. Исторический аспект проблемы идентификации русинского эт-
нокультурного сообщества: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-н/Д., 2013. 207 с.
- 14 Михайлов А. Михаил Григорьевич Черняев. Биографический очерк. С прило-
жением выражений общественного к нему сочувствия // Восточная литература.

- URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Cernjaev/text.htm> (дата обращения: 20.10.2017).
- 15 Назарбаев Н. А. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего // Известия. URL: <https://iz.ru/news/504908> (дата обращения: 16.11.2017).
- 16 Неменский О. Б. Восточнославянский этнический сепаратизм: русины и казаки // Актуальные проблемы Европы. 2009. № 3. С. 149–174.
- 17 Пивовар Е. И. Русский язык и русский мир как факторы социокультурного диалога на постсоветском пространстве // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры: X Лихачевские международные чтения, 13–14 мая 2010 г. СПб.: СПбГУП, 2010. С. 167–170.
- 18 Попов А. Г. История о Донском войске. Харьков: Университетская тип., 1814. 195 с.
- 19 Ремчуков В. Н. Толковый казачий словарь. Волгоград: Станица-2, 2007. 192 с.
- 20 Савельев Е. П. Древняя история казачества. М.: Вече, 2012. 448 с.
- 21 Савицкий П. Н. В борьбе за евразийство. Париж: Изд-е евразийцев, 1931. 55 с.
- 22 Семушин Д. Л. Поморье и поморы: структура одного исторического мифа // Арктика и север. 2012. № 7. С. 45–57.
- 23 Скорик А. П. Кампания «За советское казачество» на Юге России: ретроспективный анализ экспектаций // Былые годы. Российский исторический журнал. 2012. № 1 (23). С. 5–10.
- 24 Скорик А. П., Озеров А. А. Этносоциальный адрес донцов: научно-полемический дискурс. Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ, 2005. 232 с.
- 25 Суляк С. Г. Талергоф и Терезин: забытый геноцид // Русин. 2008. № 3–4. С. 69–75.
- 26 Тишков В. А. И русский, и российский // Вестник российской нации. 2009. Т. 4, № 2. С. 85–97.
- 27 Трубецкой Н. С. Об истинном и ложном национализме // Исход к Востоку. София, 1921. С. 71–85.
- 28 Трут В. П. Истребить поголовно. Как организовать расказачивание // Родина. 2004. № 5. С. 95–97.
- 29 Шабает Ю. П., Садохин А. П. Новые этнополитические конструкторы в региональной практике современной России // Вестник Московского университета. Серия 19: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 4. С. 62–70.
- 30 Клімчук Ф. Д. Феномен Палесся // Загароддзе-1. Матэрыялы Міждысцыплінарнага навуковага семінара па пытаннях даследавання Палесся (Мінск, 19 верасня 1997 г.): сб. / пад агул. рэд. Ф. Д. Клімчука. Мінск: БелППК, 1999. С. 5–9.
- 31 Магочій П.-Р. Народ нивыдкы: Ілюстрована історія карпаторусинов / потовмачив по русинськы В. Падыак; сюжетні комент. ид іл. В. Падыака. Ужгород: Выд-во В. Падыака, 2007. 120 с.
- 32 Population by ethnicity by 1921–2011 censuses // Český statistický úřad. URL: <https://www.czso.cz/documents/10180/20548153/130055140116.pdf/12b2d09a-5297-4053-b9fd-7839dbab43f2?version=1.0> (дата обращения: 10.11.2017).
- 33 Скоропадський П. Спогади. Кінець 1917 — грудень 1918. Київ; Філадельфія, 1995. 493 с.

© 2018. Anton V. Bredikhin
Moscow, Russia

ALTERNATIVE SLAVIC IDENTITIES

Acknowledgements: The paper is prepared in FSBSI Security problems studies center of RAS with financial support of the Russian scientific fund (project №17-68-00001 "The impact of institutional instability in adjacent states on activities of extremist organizations of Russia`s South")

Abstract: The development of modern ethnic institutions in the countries that belonged to the socialist block till 1991 shows that the process of small nations` formation is still currently under way. With its history, culture, language (dialect), religion, ethnic groups, having the opportunity to develop, seek to forge a separate identity and to claim the possibility of creating autonomy or an independent state. Similar trends affect such large, state-forming peoples as Russians, Bulgarians, Poles, Serbs, Ukrainians, Czechs in the first place. At the same time ethno separatist tendencies of ethnic groups are largely due to the influence of external actors. The study explores historical background of the new Slavic identities` development, identifying contemporary factors and detecting challenging issues.

Keywords: Eurasianism, identity, Cossacks, Moravia, Polishchuk, Russian nation, Rusyns, Russian world, the Slavs, the Ukrainians.

Information about the author: Anton V. Bredikhin — PhD in History, Advisor to Director, Center for Security Studies of the Russian Academy of Sciences, Garibaldi Str., 216, 117335 Moscow, Russia. E-mail: bredikhin90@yandex.ru

Received: November 20, 2017

Date of publication: June 15, 2018

For citation: Bredikhin A. V. Alternative Slavic identities. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 48, pp. 8–18. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Barkov F. A., Vodolatskii V. P., Sadko D. O. i dr. *Kazachestvo kak etnosotsial'nyi fenomen sovremennoi Rossii (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniia kazachestva Dona)* [The Cossacks as ethnic and social phenomenon of modern Russia (based on results of sociological research on the Cossacks of the Don)]. Rostov-na-Donu, Antei Publ., 2011. 168 p. (In Russian)
- 2 Bredikhin A. V. Kazachii separatizm na Iuge Rossii [Cossack separatism in the South of Russia]. *Al'manakh Kazachestvo*, 2016, no 14, pp. 36–46. (In Russian)
- 3 Bredikhin A. V. O territorial'nykh pretenziiakh v rossiisko-ukrainskom prigranich'e [On territorial claims in the Russian-Ukrainian borderland]. *Al'manakh Kazachestvo*, 2016, no 16, pp. 17–32. (In Russian)
- 4 Bykadorov I. F. *Istoriia kazachestva* [History of the Cossacks]. Parizh, 1930. Vol. 1. 673 p. (In Russian)
- 5 Vasekha M. V. Kto takoi "sibiriak": chto takoe sibirskaiia identichnost' [Who is Sibiryak: what is Siberian identity]. *Vestnik rossiiskoi natsii*, 2014, vol. 6, no 6, pp. 316–327. (In Russian)

- 6 Valiusinskaia Z., Vygonnaia M., Dibrov A. i dr. *Slovar' russkikh donskikh govorov: v 3 t.* [Dictionary of Russian Don dialects: in 3 vols.]. Rostov-na-Donu, Izdatel'stvo RGU, Publ., 1976. Vol. 1: A-Z (zaklast'). 171 p. + Vol. 2: Z (zaklekat') — P (pervetka). 223 p. + Vol. 3: P (pervitka) — Ia. 207 p. (In Russian)
- 7 *Vserossiiskaia perepis' naseleniia 2002 goda* [All-Russian population census of 2002]. Available at: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (accessed 10 November 2017). (In Russian)
- 8 *Vserossiiskaia perepis' naseleniia 2010 goda* [All-Russian population census of 2010]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed 02 October 2017). (In Russian)
- 9 Gordeev A. A. *Istoriia kazachestva* [History of the Cossacks]. Moscow, Veche Publ., 2006. 640 p. (In Russian)
- 10 Gumilev L. N. *Ot Rusi k Rossii* [From Rus' to Russia]. Moscow, Airis-press Publ., 2003. 318 p. (In Russian)
- 11 Degtiarev V. I., Kudriashova R. I., Protsenko B. N. i dr. *Bol'shoi tolkovyi slovar' donskogo kazachestva* [Big explanatory dictionary of the Don Cossacks]. Moscow, Russkie slovari; Astrel', AST Publ., 2003. 608 p. (In Russian)
- 12 Matishov G. G. *Donskie kazaki: ot opory samoderzhaviia do zhertv bol'shevizma (XVIII–XX vv.). Zametki na poliakh istorii* [Don Cossacks: from the pillar of the autocracy to the victims of Bolshevism (XVIII–XX centuries). Notes in the margin of history], ex. ed. by A. V. Venkov. Rostov-na-Donu, Izdatel'stvo IuNTs RAN Publ., 2013. 273 p. (In Russian)
- 13 Mironov G. Iu. *Istoricheskii aspekt problemy identifikatsii rusinskogo etnokul'turnogo soobshchestva* [Historical aspect of the issue of identifying the Ruthenian ethno-cultural community]. Abstract of dissertation candidate of History. Rostov-na-Donu, 2013. 207 p. (In Russian)
- 14 Mikhailov A. Mikhail Grigor'evich Cherniaev. Biograficheskii ocherk. S prilozheniem vyrazhenii obshchestvennogo k nemu sochuvstviia [Mikhail Grigorievich Chernyayev. Biographical sketch. With attachment of expressions of public sympathy]. *Vostochnaia literature* [Oriental literature]. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Cernjaev/text.htm> (accessed 20 October 2017). (In Russian)
- 15 Nazarbaev N. A. *Evraziiskii Soiuz: ot idei k istorii budushchego* [Eurasian Union: from idea to future's history]. *Izvestiia*. Available at: <https://iz.ru/news/504908> (accessed 16 November 2017). (In Russian)
- 16 Nemenskii O. B. *Vostochnoslavianskii etnicheskii separatizm: rusiny i kazaki* [East Slavic ethnic separatism: the Ruthenians and Cossacks]. *Aktual'nye problemy Evropy*, 2009, no 3, pp. 149–174. (In Russian)
- 17 Pivovar E. I. *Russkii iazyk i russkii mir kak faktory sotsiokul'turnogo dialoga na postsovet'skom prostranstve* [Russian language and Russian world as factors of socio-cultural dialogue in the post-Soviet space]. *Dialog kul'tur i partnerstvo tsivilizatsii: stanovlenie global'noi kul'tury: X Likhachevskie mezhdunarodnye chteniia, 13–14 maia 2010 g.* [Dialogue of cultures and partnership of civilizations: emergence of the global culture: X Likhachev international readings, 13–14 may 2010]. St. Peterburg, SPbGUP Publ., 2010, pp. 167–170. (In Russian)
- 18 Popov A. G. *Istoriia o Donskom voiske* [History of the Don army]. Khar'kov, Universitetskaia tipografiia Publ., 1814. 195 p. (In Russian)

- 19 Remchukov V. N. *Tolkovyi kazachii slovar'* [Explanatory Cossack dictionary]. Volgograd, Stanitsa-2 Publ., 2007. 192 p. (In Russian)
- 20 Savel'ev E. P. *Drevniaia istoriia kazachestva* [Ancient history of the Cossacks]. Moscow, Veche Publ., 2012. 448 p. (In Russian)
- 21 Savitskii P. N. *V bor'be za evraziistvo* [In the struggle for Eurasia]. Parizh, Izdanie evraziitsev Publ., 1931. 55 p. (In Russian)
- 22 Semushin D. L. Pomor'e i pomory: struktura odnogo istoricheskogo mifa. [Pomorie and Pomors: the structure of one historical myth]. *Arktika i sever*, 2012, no 7, pp. 45–57. (In Russian)
- 23 Skorik A. P. Kampaniia “Za sovetskoe kazachestvo” na Iuge Rossii: retrospektivnyi analiz ekspektatsii [Campaign “For the Soviet Cossacks” in the South of Russia: retrospective analysis of expectations]. *Bylye gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal*, 2012, no 1 (23), pp. 5–10. (In Russian)
- 24 Skorik A. P., Ozerov A. A. *Etnosotsial'nyi adres dontsov: nauchno-polemicheskii diskurs* [Ethnosocial address of Don Cossacks: scientific and polemical discourse]. Rostov-na-Donu, SKNTs VSh Publ., 2005. (In Russian)
- 25 Suliak S. G. Talergof i Terezin: zabytyi genotsid [Talerhof and Terezin: forgotten genocide]. *Rusin*, 2008, no 3–4, pp. 69–75. (In Russian)
- 26 Tishkov V. A. I russkii, i rossiiskii [Both Russian, and Russia-based]. *Vestnik rossiiskoi natsii*, 2009, vol. 4, no 2, pp. 85–97. (In Russian)
- 27 Trubetskoi N. S. Ob istinnom i lozhnom natsionalizme [On true and false nationalism]. *Iskhod k Vostoku* [Exodus to the East]. Sofiia, 1921, pp. 71–85. (In Russian)
- 28 Trut V. P. Istrebit' pogolovno. Kak organizovat' raskazachivanie [Kill them all. How to organize the decossackization]. *Rodina*, 2004, no 5, pp. 95–97. (In Russian)
- 29 Shabaev Iu. P., Sadokhin A. P. Novye etnopoliticheskie konstrukty v regional'noi praktike sovremennoi Rossii [New ethno-political constructs in the regional practice of modern Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 19: lingvistika i mezkul'turnaia kommunikatsiia* [Series 19: linguistics and intercultural communication], 2012, no 4, pp. 62–70. (In Russian)
- 30 Klimchuk F. D. Fenomen Palessia [The Phenomenon of Polesse]. *Zagaroddze-1. Materyialy Mizhdystsyplinarnaga navukovaga seminaru pa pytaniakh dasledavannia Palessia (Minsk, 19 verasnia 1997 g.): sbornik* [Sagaradze-1. Materials of Interdisciplinary research seminar on study of Polesse (Minsk, 19 September, 1997): Collection], gen. ed. by F. D. Klimchuka. Minsk, BellPK Publ., 1999, pp. 5–9. (In Belarussian)
- 31 Magochii P.-R. *Narod nivydky: Iliustrovana istoriia karpatorusinov* [The people of nowhere: Illustrated history of Carpatho-Rusyns], tr. From Russian by V. Padiak; comment. by V. Padiaka. Uzhgorod, Vyd-vo V. Padiaka Publ., 2007. 120 p. (In Ruthenian)
- 32 Population by ethnicity by 1921–2011 censuses. *Český statistický úřad* [Czech statistical office]. Available at: <https://www.czso.cz/documents/10180/20548153/130055140116.pdf/12b2d09a-5297-4053-b9fd-7839dbab43f2?version=1.0> (accessed 10 November 2017). (In Czech)
- 33 Skoropads'kii P. *Spogadi. Kinets' 1917 — grudan' 1918* [Memories. The end of 1917 – December 1918]. Kiiv, Filadel'fiia, 1995. 493 p. (In Ukrainian)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. Г. А. Балыхин
г. Москва, Россия

© 2018 г. М. Г. Балыхин
г. Москва, Россия

© 2018 г. М. С. Нетёсина
г. Москва, Россия

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ПОНЯТИЯ «МИГРАНТ»
(НЕРОДНОЙ, ИНОЙ, ИНОСТРАННЫЙ, БИЛИНГВАЛЬНЫЙ)
В РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Аннотация: В основе наименования часто лежит наличие коннотативных элементов значения. Коннотации обладают национально-культурной спецификой и исторически подвижны. В советское время слово *эмигрант* содержало негативную коннотацию «изменник Родины» и в таком понимании использовалось авторами художественных произведений. В западно-европейской – и российской – литературе и прессе (в основном в связи с массовой миграцией выходцев из мусульманских стран) в постсоветский период отрицательную коннотацию приобрело слово *иммигрант*. Активно используемое в современном языке слово *мигрант* тоже коннотативно, не нейтрально. Интересным и перспективным направлением дальнейшего исследования является анализ семантики понятия *мигрант* в художественной картине мира в современной литературе.

Ключевые слова: понятие «мигрант», национальная картина мира, художественная картина мира, коннотативные элементы значения, тексты современной литературы.

Информация об авторах:

Григорий Артемович Балыхин — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, депутат, Государственная Дума РФ, ул. Охотный ряд, д. 1, 103265 г. Москва, Россия. E-mail: Balykhin@duma.gov.ru

Михаил Григорьевич Балыхин — доктор экономических наук, ректор, Московский государственный университет пищевых производств, Волоколамское ш., д. 11, 125080 г. Москва, Россия. E-mail: 9684176@gmail.com

Марина Сергеевна Нетёсина — кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Московский государственный Медико-стоматологический университет им. А. И. Евдокимова» Минздрава России, ул. Делегатская, д. 20, стр.1, 127473 г. Москва, Россия. E-mail: netesinam@mail.ru

Дата поступления статьи: 15.11.2017

Дата публикации: 15.06.2018

Для цитирования: Балыхин Г. А., Балыхин М. Г., Нетёсина М. С. Семантическое поле понятия «мигрант» (неродной, иной, иностранный, билингвальный)

в русской национальной картине мира // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 19–28.

К вопросу о семантическом поле понятия «мигрант»: неродной, иностранный

Миграционные проблемы стимулируют исследователей из различных сфер науки к более детальному изучению перемещений населения, поскольку на основе полученных результатов становится возможной выработка прогностических рекомендаций, нацеленных на повышение эффективности миграционной, в том числе образовательной, политики. Еще идет упорядочение терминосистемы и методики обучения мигрантов русскому языку путем исследования в аспекте современной социологии, истории, юриспруденции, психологии, лингвистики, педагогики, теории и методики обучения и воспитания.

Считаем целесообразным, во-первых, сказать об использовании выбранного нами термина «русский язык как второй» и других из этого ряда.

Возникновение второго по отношению к традиционному в российской методике «РКИ» (русский язык как иностранный) термина «РКН» (русский язык как неродной) было вызвано социолингвистическими и административно-политическими причинами.

Во-первых, наличием разных типов билингвизма, т. е. владения индивидом двумя языками в разной степени совершенства. При этом в ситуации «РКН» у говорящего на «неродном» языке формировались так называемые «частичные» компетенции (например, только устный русский язык).

Во-вторых, формулировка «русский язык как неродной» была разработана, главным образом, в контексте обучения русскому языку новых соотечественников, т. е. людей, прибывших на постоянное жительство в РФ из других стран и владеющих местным (национальным) родным языком. Став гражданами РФ, такие обучаемые не могли, по очевидным причинам, являться субъектами обучения «русскому языку как иностранному». Сложилась ситуация, при которой методика обучения РКИ применялась не к иностранцам, а к соотечественникам, что и потребовало создания термина «РКН» — русский как неродной.

Использование термина «РКН» в сфере обучения русскому языку прочих граждан РФ, в том числе жителей республик в ее составе (к примеру, Татарстан, Башкортостан, Ингушетия), объяснялось наличием у уроженцев этих республик родного — первого — языка, тогда как русский язык как государственный язык Российской Федерации изучался ими как второй — неродной — язык. Даже в случае параллельного изучения двух языков (ситуация естественного билингвизма) семейный язык оказывался для таких граждан первичным.

Термин «РКИ» в обоих случаях не мог применяться по определению, так как государственный — русский — язык для граждан России не является иностранным.

Вместе с тем термин «неродной» в указанном контексте также не вполне отражает языковую и политическую ситуацию в субъектах РФ. Оба языка — национальный и русский — в ряде случаев воспринимаются индивидом как родные (например, татарский и русский языки в Республике Крым или в Татарстане). Кроме того, определение государственного языка как «неродного» можно назвать политически небезопасным и неудачным в языковом отношении (*мачеха, отчим, пасынок* и пр.).

По отношению к мигрантам, приехавшим из стран СНГ, термин «РКН» тоже применялся, синонимичными расшифровками при этом были «русский язык как неродной» и «как новый».

С момента принятия решения заменить термин «РКН» (см. дискуссии в российских СМИ) возникли варианты: второй язык (хотя в западной традиции под вторым языком подразумевается любой второй по степени владения язык); второй родной язык (принят в зарубежной русистике как обозначающий семейный язык, сохраняемый вне языковой среды).

Мы говорим об обучении русскому языку как второму (*любой язык, который был освоен после первого (или родного языка): специально изученный иностранный язык или один язык, усвоение которого происходит в многоязычной среде без специального обучения* [4]).

Во-вторых, следует сделать несколько замечаний по поводу собственно термина «мигрант». В модели мира, в том числе в национальной картине мира, отражаются результаты классификации — одной из обычных операций нашего мышления [14]. Язык влияет на тех, кто им пользуется, обозначая определенную картину мира, шкалу ценностей, поскольку отражает идеологические ориентиры.

В основе наименования часто лежит наличие коннотативных элементов значения. Коннотации обладают национально-культурной спецификой и исторически подвижны. В советское время слово *эмигрант* содержало негативную коннотацию «изменник Родины» и в таком понимании использовалось авторами художественных произведений. В западно-европейской и российской литературе и прессе в связи с массовой миграцией выходцев из мусульманских стран в постсоветский период отрицательную коннотацию приобрело слово *иммигрант*. Активно используется в языке в настоящий момент слово *мигрант*, но оно тоже коннотативно, не нейтрально. Уровень толерантности к новым соотечественникам со стороны российских граждан и особенно молодежи неодинаков. По данным социологов, «молодежь в большей степени ориентирована на негативные этнические стереотипы, которые с возрастом ослабевают» [20, с. 10].

Между тем восприятие этого слова и преподавателями, работающими с мигрантами, и самими мигрантами различается. Преподаватели молдавского и таджикского языков нормально относятся к этому слову, а вот казахи, живущие в России, себя мигрантами не считают. Точно так же и узбеки — узбекский эквивалент слова «мигрант» имеет негативную окраску.

Вместе с тем значение слова «мигрант» не несет в себе негативного оттенка: «Лицо, совершающее миграцию, т. е. пересекающее границы тех или иных территорий со сменой постоянного места жительства навсегда или на более или менее длительное время... переселенец в другую местность (населенный пункт), меняющий место постоянного жительства» [4, с. 76].

Следует добавить, что многие приезжие из стран СНГ — бывших республик Советского Союза — вообще не считают себя мигрантами в полном смысле слова, а, напротив, ощущают единым целым с россиянами, следовательно, и с москвичами, отделяются от остальных иностранцев. Так, из уст мигрантов-таджиков можно услышать следующие фразы: *В Россию приезжают иностранцы, а также таджики* (подчеркивается особенность, отличие таджиков от «иностранцев») [7]. *Бабаев Акмалхон Бобоевич, таджик-иностранец* (видимо, говорящий чувствует необходимость дополнить свой статус «таджика» статусом «иностранец», однако мы не услышим «араб-иностранец» или, например, «болгарин-иностранец»).

Интересным и перспективным направлением дальнейшего исследования является анализ семантики понятия *мигрант* в художественной картине мира в современной литературе.

«Иной», «билингв»

Особое значение приобретает еще малоисследованная в качестве самостоятельной тема различий и сходства в позициях межэтнических отношений людей, в рамках которой лежит понятие «иной». Такой подход позволяет рассмотреть иные, другие типы личностей, позволяющие понять и осмыслить их цели, приоритеты, мнения.

Характеристики, включаемые в социолингвистический портрет (социокультурная, социо- и психолингвистическая, также языковая компетенция) мигранта в большой степени зависят от выделяемых нами (вслед за В. А. Ионцевым, В. И. Мукомелем и др.) параметров миграции: наличия и уровня образования, профессии¹, цели приезда, срока пребывания в России, опыта обучения в стране предыдущего пребывания, опыта изучения языков [11; 19] и др. При этом возможность межкультурной коммуникации является важным фактором в адаптации, например, иностранных студентов из стран СНГ (так называемых учебных мигрантов) [9].

Мигранты из стран СНГ (и взрослые, и дети) являются особым типом учащихся с точки зрения социолингвистики, психолингвистики, лингводидактики. В зависимости от исходного уровня знания ими русского языка и особенностей этого знания можно разделить их на группы:

- мигранты с нулевым знанием русского языка;
- полуязычные учащиеся, демонстрирующие слабое владение и родным, и русским языками;
- мигранты, для которых русский язык является домашним языком (один русский родитель), — в этом случае язык, как правило, только устный;
- учащиеся с родным языком из славянской группы;
- билингвы по происхождению (относятся преимущественно дети от смешанных интеллигентных браков, привыкшие с самого раннего детства равноправно пользоваться обоими языками);
- билингвы по ситуации — индивиды, полноценно осваивающие второй язык по обстоятельствам или из-за профессиональной специфики, вплоть до работы в коллективе людей другой национальности;
- билингвы по образованию — индивиды, во время получения образования полностью овладевшие вторым языком и продолжающие им пользоваться.

Неодинаковы и традиционные системы, методы, методики обучения в странах, откуда приехали мигранты. Уровень владения русским языком, а также опыт изучения языков у этих групп учащихся очень разный. У многих уже сформированы ошибочные речевые навыки. Большинство не имеет навыков изучения иностранного языка и знаний о системе своего родного языка.

Именно поэтому при обучении мигрантов целесообразно использовать методы, развивающие аналитическое, критическое и эвристическое мышление.

«Школа языков мигрантов»: жест толерантности

Среди новых идей, связанных с методикой обучения мигрантов, — так называемая «Школа языков мигрантов». Очевидна необходимость знания языка (знаний о язы-

¹ Портрет российского мигранта: возраст, образование, зарплата, инфографика // АиФ. 24.10.2012. № 43. URL: <http://www.aif.ru/society/37265> (дата обращения 12.03.2013).

ке) ученика-мигранта для выработки правильных стратегий и тактик обучения этого ученика русскому языку как второму/иностранному. Принцип учета родного языка — один из основополагающих в методике РКИ. Традиционными были учебные пособия по русскому языку, предназначенные для носителей определенных языков — национально-ориентированные. Существуют единичные современные исследования по данной теме (см., к примеру, [3]), однако подобных пособий для мигрантов, созданных с учетом их родных языков, до сих пор нет.

Уже существует опыт преподавания языков трудовых мигрантов в Москве, при этом количество желающих изучать язык зависит от численности мигрантов — носителей этого языка². По данным «Школы», таджикский и узбекский пользовались в 2015 г. наибольшим спросом, на будущее есть запрос на украинский, армянский, азербайджанский языки.

Ученики «Школы» — те, кому эти языки нужны по работе; давно живущие в России граждане Молдавии, Узбекистана, Таджикистана и Казахстана, плохо знающие свой язык; либерально настроенные граждане, для которых изучение языка своего рода жест толерантности; просто желающие знать, о чем говорят мигранты.

Знать особенности родного языка учащегося важно для педагога, чтобы прогнозировать ошибки, понять, как представить, объяснить то или иное явление изучаемого языка, чтобы выстроить логику представления материала.

Приведем некоторые наиболее яркие примеры.

Так, таджикский язык по своему грамматическому строю принадлежит к числу языков аналитического типа и не имеет системы флективных форм, в отличие от русского [2; 17]. Отношения между словами выражаются не при помощи падежей, а через синтаксис: предлоги, послелог, изафет, порядок слов в предложении и др. Соответственно, можно прогнозировать трудности при изучении предложно-падежной системы русского языка таджиками. Долгота гласных в таджикском языке имеет дифференциальное значение (*ōt* огонь — *ot* трава, *ata* отец — *atā* отцу и т. д.), что придется учитывать преподавателю-фонетисту.

Узбекский, как агглютинативный язык, имеет строй, при котором доминирующим типом словоизменения является агглютинация («приклеивание») различных формантов (суффиксов или префиксов), причем каждый из них несет только одно значение [13; 16; 23].

В киргизском языке существительное не имеет категории рода³ [1].

Молдавский язык — язык, относящийся к балкано-романской подгруппе романских языков [21]. Одна из характерных его черты такова: наличествует постпозиция артикля (по мнению некоторых лингвистов, данная черта не является признаком принадлежности к восточнороманской ветви, поскольку постпозитивный артикль является балканизмом, характерным и для нероманских языков).

Туркменский язык — относящийся к огузской группе тюркских языков [10; 12]. В синтаксисе можно отметить остатки так называемой категории сказуемости и возможность посредством двух форм (*alan* и *beren*) в различных падежах передавать ряд оттенков, которые по-русски выражаются системой придаточных предложений.

² URL: <http://www.grrf.ru/smi-o-nas/novosti/277-v-moskve-otkrylas-shkola-yazykov-migrantov-dlya-vsekh-zhelayushchikh.html> (дата обращения: 14.05.2015).

³ Портрет российского мигранта: возраст, образование, зарплата, инфографика // АиФ. 24.10.2012. № 43. URL: <http://www.aif.ru/society/37265> (дата обращения: 12.03.2013).

«Мигрант»: опыт в области нескольких культур и языков

Наличие частично сформированных компонентов коммуникативной компетенции — важнейшая характеристика мигранта как объекта обучения. Данное явление возникает именно тогда, когда человек владеет несколькими языками в разной степени и имеет неодинаковый опыт в области нескольких культур [8].

На процесс формирования этих компонентов может влиять изменение обстоятельств жизни и потребностей человека, объем практики и времени, непосредственно связанных с использованием разных видов речевой деятельности. Мигранту при этом может не потребоваться развивать все компоненты компетенций равномерно. В таких условиях не только проверка, но и постановка целей обучения совершается с опорой на понятие «частичная компетенция».

При этом существует возможность опоры на соположенные компетенции в данном языке и на коррелирующие компетенции в других известных человеку языках.

Вместе с тем при обучении группы учеников-мигрантов со сформированными частичными — и различными — составляющими коммуникативной компетенции в русском языке преподаватель сталкивается с трудностями выбора методики, обусловленными именно разнородностью такой группы [18]. Данная проблематика является предметом рассмотрения ряда исследователей, в частности, мы писали о разработках в области методики обучения разнородной группы мигрантов⁴ [18; 22].

Рекомендации ALTE и LAMI (Language Assessment for Migration and Integration) заключаются в составлении профиля ученика, учитывающего уровень грамотности, навыки говорения и слушания в языке принимающей страны, навыки письма в родном языке, области использования мигрантом языка принимающей страны [10]. В оценочные шкалы включены грамматическая правильность, объем словаря, фонология и орфография, социолингвистическая пригодность, гибкость, взаимодействие, развитие темы, свобода и др.

Авторы издания «Миграция и мигранты: права и обязанности, работа и обучение, язык и культура» подчеркивают важность овладения мигрантами в первую очередь общими коммуникативными умениями, социокультурной компетенцией, называя актуальными диалогическую готовность, настроенность на конструктивное общение, умение общаться, слышать и быть услышанным, говорить и воспринимать, учитывать и направлять ситуацию, понимать и продолжать изучать русский мир.

В заключение отметим, что описанные подходы к обучению мигрантов второму — русскому — языку предполагают, помимо вышеперечисленного, взгляд на речь как проявление духовно-нравственного состояния общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Абдулдаев М., Второв П. П., Орозгожоев Б.* Мы путешествуем по Киргизии: Краткий русско-киргизский разговорник. Фрунзе: Изд-во Кыргызстан, 1969. 132 с.
- 2 *Арзуманов С. Дж.* Самоучитель таджикского языка / под ред. проф. А. Л. Хромова. Душанбе: Маориф, 1989. 328 с.
- 3 *Ашурова Т. М.* Обучение лексике русского языка в таджикской школе в лингвострановедческом аспекте: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Душанбе, 2015. 12 с.

⁴ Программа ДПО «Социокультурная адаптация детей мигрантов средствами русского языка в урочной деятельности». URL: <http://www.dpomos.ru/curs/894402/#card> (дата обращения: 15.06.2017).

- 4 *Балыхин Г. А., Балыхин М. Г.* Миграция и мигранты: права и обязанности, работа и обучение, язык и культура: инновационный словарь-справочник терминов и понятий. 2-е изд., испр. и доп. М.: РУДН, 2016. 256 с.
- 5 *Балыхина Т. М.* Инновационные подходы к преподаванию русского языка в условиях поликультурной среды // *European Social Science Journal*. 2014. № 5–2 (44). С. 126–129.
- 6 *Балыхина Т. М.* Методика преподавания русского языка как неродного (нового): учеб. пособие. Изд. 2-е, испр. М.: РУДН, 2010. 188 с.
- 7 *Балыхина Т. М., Нетёсина М. С.* Коммуникативное пространство мегаполиса: анализ звучащей речи: Монография. М.: РУДН, 2012. 340 с.
- 8 *Вайсбурд М. Л.* Использование учебно-речевых ситуаций при обучении устной речи на иностранном языке. Обнинск: Титул, 2001. 128 с.
- 9 *Гиниятова Е. В., Дрыга С. В.* Социально-демографический профиль иностранного учащегося в средних профессиональных учреждениях России: социологический анализ // *Вестник науки Сибири*. 2016. № 4 (23). С. 1–9.
- 10 *Грунина Э. А.* Туркменский язык. М.: Восточная литература, 2005. 288 с.
- 11 *Железнякова Е. А.* Дети мигрантов в современной российской школе: пути языковой адаптации // *Известия Пензенского государственного университета*. 2012. № 28. С. 774–778.
- 12 *Журинская М. А.* Типологическая классификация языков // *Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 686 с.
- 13 *Исматуллаев Х. Х.* Самоучитель узбекского языка. Ташкент: Ўқитувчи, 1991. 145 с.
- 14 *Иссерс О. С.* Речевое воздействие: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2011. 224 с.
- 15 *Киргизский язык* // *Канцелярия конфискации – Киргизы*. М.: Большая Российская энциклопедия, 2009. 772 с.
- 16 *Кононов А. Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 446 с.
- 17 *Расторгуева В. С.* Краткий очерк грамматики таджикского языка // *Таджикско-русский словарь* / под ред. М. В. Рахими и Л. В. Успенской; гл. ред. Е. Э. Бертельс. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1954. 789 с.
- 18 *Синева О. В.* Уроки русского языка в разноуровневом и разноязычном коллективе // *Русский язык в школе*. 2007. № 5. С. 12–17.
- 19 *Скороспелкина Г. С.* Как организовать обучение мигрантов русскому языку? // *Книжная индустрия*. 2014. № 4. С. 32–33.
- 20 *Современная русская речь: состояние и функционирование: Сб. аналитических материалов* / под ред. С. И. Богданова, Л. А. Вербицкой, Л. В. Московкина, Е. Е. Юркова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 368 с.
- 21 *Стати В. Н.* Происхождение и строение молдавского языка // *Молдаване*. М.: Наука, 2010. С. 84–91.
- 22 *Тюрюканова Е. В., Леденева Л. И.* Ориентации детей мигрантов на получение высшего образования // *Социологические исследования*. 2005. № 4. С. 94–100.
- 23 *Ходжиев А. П.* Узбекский язык // *Языки мира: Тюркские языки*. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 426–437.
- 24 *Language tests for access, integration and citizenship: An outline for policy makers*. UK, Cambridge: UCLES, 2016. 53 p.

© 2018. Grigoriy A. Balykhin
Moscow, Russia

© 2018. Mikhail G. Balykhin
Moscow, Russia

© 2018. Marina S. Netesina
Moscow, Russia

SEMANTIC FIELD OF CONCEPT “MIGRANT” (FOSTER, OTHER, FOREIGN, BILINGUAL) IN RUSSIAN NATIONAL PICTURE OF THE WORLD

Abstract: Connotations have ethnic and cultural specificity and historically mobile. In Soviet times the word emigrant contained pejorative connotation “traitor of the motherland” and in this sense was used by the authors of works of art. In West-European-and Russian-language press and literature (mainly due to the mass migration of immigrants from Muslim countries) in the post-Soviet period the word immigrant has acquired a negative connotation. Actively used in modern language the word migrant is not neutral as well. Interesting and promising direction for further research is the analysis of the semantics of the concepts of migrants in the national picture of the world modern literature.

Keywords: concept of “migrant”, national picture of the world, connotative elements of meaning, texts of modern literature.

Information about authors:

Grigoriy A. Balykhin — DSc in Economy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Deputy, State Duma of the Russian Federation, Okhotny Ryad Str., 1, 103265 Moscow, Russia. E-mail: Balykhin@duma.gov.ru

Michael G. Balykhin — DSc in Economy, Rector, Moscow State University of Food Production, Volokolamskoe highway, 11, 125080 Moscow, Russia. E-mail: 9684176@gmail.com

Marina S. Netesina — PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor at the Chair of language communication, Moscow State University of Medicine and Dentistry named after A. I. Evdokimov, Russia, Delegatskaya Str., 20/1, 127473 Moscow, Russia. E-mail: netesinam@mail.ru

Received: November 15, 2017

Date of publication: June 15, 2018

For citation: Balykhin G. A., Balykhin M. G., Netesina M. S. Semantic field of concept “migrant” (foster, other, foreign, bilingual) in Russian national picture of the world. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 48, pp. 19-28. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Abduldaev M., Vtorov P. P., Orozgozhoev B. *My puteshestvuem po Kirgizii: Kratkii russko-kirgizskii razgovornik* [We travel to Kyrgyzstan: short Russian-Kyrgyz phrasebook]. Frunze, Izd-vo Kyrgyzstan Publ., 1969. 132 p. (In Russian)
- 2 Arzumanov Dzh. *Samouchitel' tadzhikskogo iazyka* [Tajik language tutorial], ed. prof. A. L. Khromova. Dushanbe, Maorif Publ., 1989. 328 p. (In Russian)

- 3 Ashurova T. M. *Obuchenie leksike russkogo iazyka v tadzhikskoi shkole v lingvostranovedcheskom aspekte* [Learning vocabulary in Russian language Tajik school in lingvostranovedcheskom aspect], avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Dushanbe, 2015. 12 p. (In Russian)
- 4 Balykhin G. A., Balykhin M. G. *Migratsiia i migranty: prava i obiazannosti, rabota i obuchenie, iazyk i kul'tura: innovatsionnyi slovar'-spravochnik terminov i poniatii* [Migration and migrants: rights and responsibilities, work and learning, language and culture: an innovative dictionary-glossary and definitions]. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow, RUDN Publ., 2016. 256 p. (In Russian)
- 5 Balykhina T. M. Innovatsionnye podkhody k prepodavaniuu russkogo iazyka v usloviiakh polikul'turnoi sredy [Innovative approaches to the teaching of the Russian language in multicultural enviroment]. *European Social Science Journal*, 2014, no 5–2 (44), pp. 126–129. (In Russian)
- 6 Balykhina T. M. *Metodika prepodavaniia russkogo iazyka kak nerodnogo (novogo)* [Methodology of teaching Russian language as native (new)]. Ucheb. posobie. Izd. 2-e, ispr. Moscow, RUDN Publ., 2010. 188 p. (In Russian)
- 7 Balykhina T. M., Netesina M. S. *Kommunikativnoe prostranstvo megapolisa: analiz zvuchashchei rechi* [Communicative space of metropolis: an analysis of sounding speech]. Moscow, RUDN Publ., 2012. 340 p. (In Russian)
- 8 Vaisburd M. L. *Ispol'zovanie uchebno-rechevykh situatsii pri obuchenii ustnoi rechi na inostrannom iazyke* [The use of teaching and learning situations in speech fluency in a foreign language]. Obnins, Titul Publ., 2001. 128 p. (In Russian)
- 9 Giniiatova E. V., Dryga S. V. Sotsial'no-demograficheskii profil' inostrannogo uchashchegosia v srednikh professional'nykh uchrezhdeniiakh Rossii: sotsiologicheskii analiz [The socio-demographic profile of the foreign student in secondary vocational institutions of Russia: a sociological analysis]. *Vestnik nauki Sibiri*, 2016, no 4 (23), pp. 1–9. (In Russian)
- 10 Grunina E. A. *Turkmenskii iazyk* [Turkmen language]. Moscow, Vostochnaia literature Publ., 2005. 288 p. (In Russian)
- 11 Zhelezniakova E. A. *Deti migrantov v sovremennoi rossiiskoi shkole: puti iazykovoi adaptatsii* [Children of migrants in the contemporary Russian school: language adaptation]. *Izvestiia Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no 28, pp. 774–778. (In Russian)
- 12 Zhurinskaia M. A. Tipologicheskaiia klassifikatsiia iazykov [Typological classification of languages]. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*, ed. V. N. Iartseva. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1990. 686 p. (In Russian)
- 13 Ismatullaev Kh. Kh. *Samouchitel' uzbekskogo iazyka* [Uzbek language tutorial]. Tashkent, Ÿkituvchi Publ., 1991. 145 p. (In Russian)
- 14 Issers O. *Rechevoe vozdeistvie* [Vocal impact], ucheb. posobie. 2-e izd. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2011. 224 p. (In Russian)
- 15 Kirgizskii iazyk [Kirghiz language]. *Kantseliariia konfiskatsii — Kirgizy*. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., 2009. 772 p. (In Russian)
- 16 Kononov A. N. *Grammatika sovremennogo uzbekskogo literaturnogo iazyka* [Grammar of the modern Uzbek literary language]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1960. 446 p. (In Russian)
- 17 Rastorgueva V. S. *Kratkii ocherk grammatiki tadzhikskogo iazyka* [A short history of the Tajik language grammar]. *Tadzhiksko-russkii slovar'*, ed. M. V. Rakhimi i

- L. V. Uspenskoj; chief ed. E. E. Bertel'pp. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei Publ., 1954. 789 p. (In Russian)
- 18 Sineva O. V. Uroki russkogo iazyka v raznourovnevom i raznoiazychnom kollektive [Russian lessons in raznourovnevom and multilingual team]. *Russkii iazyk v shkole*, 2007, no 5, pp. 12–17. (In Russian)
- 19 Skorospelkina G. S. Kak organizovat' obuchenie migrantov russkomu iazyku? [How to organize the training of migrants to the Russian language?]. *Knizhnaia industriia*, 2014, no 4, pp. 32–33. (In Russian)
- 20 Sovremennaia russkaia rech': sostoianie i funktsionirovanie [Modern Russian speech: condition and operation]. *Sb. analiticheskikh materialov*, ed. S. I. Bogdanova, L. A. Verbitskoi, L. V. Moskovkina, E. E. Iurkova. St. Petersburg, Izd-vo SPbGU Publ., 2004. 368 p. (In Russian)
- 21 Stati V. N. Proiskhozhdenie i stroenie moldavskogo iazyka [The origin and structure of the Moldovan language]. *Moldavane*. Moscow, Nauka Publ., 2010, pp. 84–91. (In Russian)
- 22 Tiuriukanova E. V., Ledeneva L. I. Orientatsii detei migrantov na poluchenie vysshego obrazovaniia [Orientation of migrant children to receive higher education]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2005, no 4, pp. 94–100. (In Russian)
- 23 Khodzhiev A. P. Uzbekskii iazyk [Uzbek language]. *Iazyki mira: Tiurkskie iazyki*. Moscow, Institut iazykoznaniiia RAN Publ., 1996, pp. 426–437 (In Russian)
- 24 *Language tests for access, integration and citizenship: An outline for policy maker*. UK, Cambridge Publ., UCLES, 2016. 53 p. (In English)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. Ю. Д. Артамонова
г. Москва, Россия

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Аннотация: Российские исследования исторической памяти в основном посвящены проблемам политики памяти; при этом упускаются из виду объективные механизмы функционирования исторической памяти. Проанализировав ряд предложенных механизмов и показав их проблематичность, автор предлагает сопоставить социологические исследования восприятия фигур и событий истории России разными возрастными группами и когнитивные исследования памяти, чтобы выявить некоторые механизмы организации коллективных исторических представлений. Выявлены следующие механизмы. 1. Как и в индивидуальной памяти, в коллективной мы имеем дело не с сюжетным упорядочиванием событий — историческая память не выстраивает события в устойчивую последовательность. 2. Любое «ключевое» (т. е. попросту запомнившееся) событие существует в исторической памяти через малое число «основных» действий (например, Петр I воспринимается как «прорубивший окно в Европу» и модернизировавший Россию, при этом указать, какие именно реформы провел Петр I, респонденты затрудняются). 3. Эти «основные действия» не нейтральны, а эмоционально окрашены. 4. Это эмоциональное окрашивание довольно интенсивно и обычно полярно (строго позитивно или строго негативно). 5. Эта эмоциональная полярность достаточно устойчива. 6. Из этой памяти «извлекается» именно «основное действие» (лозунг празднования Победы — «Если надо, повторим»). Выявленные механизмы говорят о невозможности создать консенсусный исторический нарратив.

Ключевые слова: историческая память, схема, опыт.

Информация об авторе: Юлия Дмитриевна Артамонова — кандидат философских наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, 119991 г. Москва, Россия. E-mail: juliaartamonova@yahoo.com

Дата поступления статьи: 06.12.2017

Дата публикации: 15.06.2018

Для цитирования: Артамонова Ю. Д. К вопросу о механизмах исторической памяти // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 29–40.

Говоря о коллективной исторической памяти, как минимум, мы предполагаем, что речь идет о представлениях, общих всем членам определенной группы (1); это именно память, а не просто знания, поэтому эти представления не нейтральны, а окрашены позитивно или негативно (2); это не просто набор знаний, а пригодный к использованию опыт (или опыт, кажущийся таковым) (3).

В одной из первых комплексных моделей, предложенной М. Хальбваксом и интенсивно критикуемой в настоящее время, речь идет о живой культурной памяти, и ко-

дирование событий выглядит следующим образом: «Чаще всего я вспоминаю о чем-то потому, что к этому побуждают меня другие, что их память помогает моей памяти, а моя память опирается на их память. <...> В таком смысле получается, что существует коллективная память и индивидуальные рамки памяти, и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти» [23, с. 28–29].

Отметим здесь, что М. Хальбвакс при построении данной модели делает два допущения. Во-первых, он предполагает «консенсусное» прошлое, непрерывность исторической памяти и единого субъекта этой памяти. Во-вторых, он берет за основу научное освоение мира.

Оба допущения неочевидны. Во-первых, можно указать на феномен «забытого прошлого», который тонко подмечают, в частности, П. Рикер [17] и Ф. Анкерсмит [1], или разрывы памяти, проанализированные П. Нора [15]. Во-вторых, модель М. Хальбвакса предполагает исторический консенсус — историческая память постоянно транслируется, картина уточняется и обогащается, укрепляя и далее идентичность и консенсус. В-третьих, автор верит в возможность «убрать» конструирование в коллективной памяти — однако любое общество живет в некоторой смысловой «рамке», за счет которой часть событий просто может быть банально «незаметной», не говоря уже об идеологическом переконструировании истории, с которым мы встречаемся достаточно часто в разных странах в XX в. В-четвертых, эти представления актуализируются, являясь коллективным и социальным опытом и руководством к действию, и здесь мы подмечаем внутреннее противоречие — чем многогранней явление и множественней интерпретации, тем шире спектр «практических выводов», которые можно извлечь. М. Хальбвакс же предполагает, без серьезных обоснований, «сходимость» всех возможных интерпретаций. Я. Ассман, в частности, пишет о том, что автор не ограничился анализом «социальных рамок» памяти, а «пошел еще дальше, объявив коллектив субъектом памяти и воспоминания, создав понятия «групповая память» и «память нации», в которых понятие памяти оборачивается метафорой» [3, с. 37]. И, наконец, в модели Хальбвакса предполагается научное осмысление событий; но научный аппарат — специальный навык, которые долго ставится; даже будучи поставленным, он далеко не всегда срабатывает.

Тем не менее данная модель обладала стройностью — он полагал компонентами исторической памяти значимые представления конкретного субъекта, которые также известны другим субъектам и значимы для них. Как только мы оспариваем его допущения о едином коллективном субъекте памяти и едином последовательном и обогащающемся нарративе, мы встречаемся со следующими серьезными затруднениями.

Во-первых, непроясненным и проблематичным становится источник единства этой памяти. Во-вторых, не столь очевидна ее структура — если это не все представления, и к тому же разделяемые не всеми людьми, то непонятно, что входит и что не входит в эту совокупность и каковы основания включения (исключения) компонентов. В результате память рассматривается как многоуровневое и нестройное образование. К тому же в рамках такого допущения она становится конструктом, и остро встает вопрос о ее сознательном и бессознательном конструировании. В-третьих, становится проблематичным и статус этого образования как памяти: если она уже не служит коллективному субъекту для его диалектической самоидентификации (т. е. прояснения и расширения сферы опыта), то как и для чего она функционирует?

Эти трудности явно или неявно дают себя знать. И теоретические штудии феномена исторической памяти, и его эмпирические исследования сталкиваются с этими трудностями и предлагают свои решения.

Попробуем взглянуть на конструкцию исторической памяти как на механизм отбора и переработки представлений о прошлом, являющихся достоянием не индивидуального, а минимально коллективного сознания (группы и более широких общностей), учитывая достижения прежде всего когнитивной психологии, а также эмпирические данные о характере исторической памяти.

1. Историческая память — не последовательный нарратив, в котором есть взаимосвязь событий и даже банальная последовательность.

Одним из первых исследования в данном ключе начинает Ф. Барлетт. Проводя опыты по запоминанию текста, он введет такое понятие, как «схема»; обработка определенного типа ситуаций не является организуемой каждый раз заново — существует некий динамический прототип, устойчивый, однако реорганизуемый в каждой конкретной ситуации: «...прошлое действует больше как некая организованная масса, нежели группа элементов, в который каждый элемент хранит свой собственный признак» [24, р. 197]. Согласно исследованиям Барлетта, текст запоминается не через последовательность сюжетной линии, а через центральное событие; однако последнее существует не в полноте своих характеристик.

Многие исследования показывают, что последовательный нарратив — культурный навык, сложившийся в эпоху модерна, а не логика действительного функционирования памяти [2; 5; 9; 19; 21]. Между тем ряд исследователей до сих пор настаивают на необходимости конструирования целостного и неразрывного нарратива. Здесь, видимо, ключевой является идея Дж. Де Воса, который подчеркивает, что этническая идентичность как раз направлена в прошлое в отличие от других форм групповой идентичности, отсюда и произрастают идеи «целостного исторического нарратива» и т. д. Например, Т. В. Евгеньева и А. В. Селезнева утверждают: «В ситуации поиска российским обществом оснований для формирования национально-государственной идентичности особое значение приобретает <...> направление, связанное с целенаправленной деятельностью по “возвращению” в массовое сознание, в сознание молодежи исторических образов и символов, позволяющих формировать представление о национальной истории как о целостном, неразрывном процессе, в котором современный человек может найти обоснование и оправдание собственному существованию и в качестве личности, и в качестве гражданина» [7, с. 165]; О. Ю. Малинова, фиксируя отсутствие связности в дискурсе о прошлом в России в рамках концепции «суверенной демократии», считает отсутствие цельности серьезной оплошностью: «<...> требовалось не только напомнить о самобытности российского пути, но и связать национальное прошлое с идеей демократии, а также обнаружить в нем параллели с историей европейских стран, дабы придать основательность притязаниям на актуальное (а не потенциальное, как в традиционных западных схемах) подобие и равенство с “Западом”. Нетрудно заметить, что при решении этой задачи авторы “суверенной демократии” довольствовались “точечным” переопределением отдельных событий и символов коллективного прошлого, не посягая на формирование целостного нарратива...» [11, с. 124].

Однако для большинства исследователей историческая память не последовательный нарратив. Исследователи вынуждены подчеркивать принципиальное «неединство» исторической памяти и искать принцип, по которому события «включаются» в общую канву, обрабатываются и упорядочиваются. А. В. Полетаев и И. М. Савельева

справедливо замечают: «Интерес к теме “исторической памяти” реализуется не только в попытках определить содержание социальных представлений о прошлом, но и в стремлении выявить механизмы их формирования. Наиболее доступной для анализа оказалась политическая (точнее, властная) составляющая этого процесса. Именно поэтому “политика памяти” выглядит самой разработанной в исторических работах, ориентированных на проблематику “исторической памяти” <...>. “Историческая память”, в контексте “политики памяти”, трактуется преимущественно как функция власти, определяющей, как следует представлять прошлое. Поэтому востребованность такого понятия, как “политика памяти”, отражает и смену интересов в предметной области, в результате которой целый ряд историков переключился с изучения идеологически насыщенных текстов на пропагандистские образы и символы, с политической истории — на культурную политику» [20, с. 503–504].

Однако подчеркнем, что, несмотря на то что многие российские исследователи видят проблематику «исторической памяти» именно в «политике памяти», т. е. анализе действий властных структур данного общества по формированию и трансляции интерпретаций прошлого, само понятие «исторической памяти» шире. Достаточно привести два банальных соображения. Во-первых, само понятие памяти предполагает, что есть отбор — ведь есть удерживаемое в этой памяти, а есть «забываемое»; вряд ли любой организм мог бы функционировать, «удерживая в памяти» все с ним происходившее. Считать все «пропуски», «сокращения», «переинтерпретации» продуктом политики памяти — явное преувеличение. Однако именно это и происходит. Во-вторых, если не придерживаться утверждения «все есть политика», то следует все-таки признать, что историческая память формируется под влиянием индивидуального социального опыта, а он вряд ли на 100% является результатом культурной политики, хотя бы потому, что она по-прежнему не охватывает все моменты жизни человека. Поэтому проблема механизма исторической памяти намного шире проблем «политики памяти».

И в рамках теоретических штудий [1; 13; 17; 21], и эмпирических исследований предложен огромный спектр упорядочивающих схем, «работающих» в рамках исторической памяти. Например, в рамках проекта «Youth and History» (1995), было проведено комплексное исследование исторического сознания молодежи во всех странах Европы (32 000 подростков), в качестве ориентира предложена предельно широкая схема, базирующаяся на идее исторического и социального пространства и времени — модель Х. Ю. Панделя. Он предлагал анализировать историческое сознание детей и молодежи через семь взаимосвязанных категорий: сознание времени (вчера, сегодня, завтра), сознание действительности (реальное-воображаемое), сознание историчности (статичное-изменчивое), сознание идентичности (мы-они), политическое сознание (вверху-внизу), социально-экономическое сознание (богатый-бедный), моральное сознание (правильное-неправильное) [26]. Но даже если брать ее за основу (а схема мыслится как комплексная), на практике оказывается, что часть ее сложных звеньев опускается. Например, сами участники проекта «Youth and History» отмечают, что в практиках преподавания истории реализуются определенные узкие интерпретации данной схемы. Б. фон Боррис говорит, например, о различных культурах преподавания истории в европейских рамках — для развивающихся и небогатых стран Южной и Восточной Европы характерны в первую очередь именно моральные интерпретации истории [25].

А О. Ю. Малинова, например, использует метафору «коллаж», характеризуя способ интерпретации истории в рамках концепции суверенной демократии: «Привлекая

прошлое для подкрепления своих идеологических конструкций, участники дискуссий о “суверенной демократии” работали с ним в технике коллажа: они спешили заполнить контуры “удобной” в функциональном отношении схемы путем механического соединения элементов разных дискурсов» [11, с. 125].

При таком анализе феномена коллективной исторической памяти необходимо выделить следующие важные моменты.

2. Любое событие сохраняется не в полноте своих характеристик, а как «основное действие».

Именно об этом довольно часто говорят исследователи, например: «В самом общем виде можно сказать, что знания о прошлом должны обеспечивать ориентацию во времени и социальном пространстве. С этой точки зрения, знание или незнание исторической конкретики (дат, событий, личностей) само по себе не может рассматриваться как свидетельство неинструментальности обыденных представлений о прошлом в целом» [6]. Этот вывод коррелирует и с эмпирическими данными. Например, знакомая каждому россиянину фигура Петра I существует в исторической памяти отнюдь не в полноте и тем более полифоничности своей деятельности, как свидетельствуют исследования Института психологии РАН и Московского городского психолого-педагогического университета, проведенного в 2012 г. и охватывающего 585 респондентов разных возрастных когорт в Москве. «При помощи тематического контент-анализа ответов на открытые вопросы были выявлены содержащиеся в коллективной памяти респондентов наиболее яркие сферы деятельности Петра I. 42% опрошенных ответили, что Петр I открыл “окно в Европу”, то есть наладил связи России с европейскими странами и способствовал общей европеизации жизненного уклада внутри страны. Вторым по частоте упоминаний (16%) значимым для респондентов достижением императора является создание *морского флота*. На третьем месте среди важных достижений оказалась *реформаторская деятельность* Петра I (13% упоминаний). Причем в большинстве случаев респонденты не давали указания на конкретные реформы, а говорили об абстрактных “массовых”, “крупных” реформах, повлиявших на жизнь всей страны. Статистически значимых отличий между ответами респондентов из разных возрастных групп найдено не было» [8].

3. Это событие представлено через основное действие, которое не нейтрально — оно соотносится с жизненным опытом.

Ю. Хабермас и Г. Козеллек показывают, что на рубеже XVIII–XIX вв. история начинает пониматься как изменения типов действия человека, что понятийно и закрепляется в понятии «модерна»: «...мир модерна отличается от старого тем, что <...> в каждом моменте современности, порождающей новое из себя самой, повторяется и приобретает характер непрерывности процесс зарождения новой эпохи заново, так происходит снова и снова» [22, с. 12]. История теперь предполагает новое действие; при этом речь не идет о власти прошлых образцов действия, а о действии в меняющейся ситуации. Прошлое рассматривается как комплекс исторических примеров для анализа и выводов — «нет никакого ожидания без опыта и нет никакого опыта без ожидания» [9, с. 152]. Очевидно, что нас привлекают в прошлом такие действия, которые соотносятся каким-либо образом с нашими действиями здесь и сейчас.

Эти теоретические выкладки подтверждаются результатами эмпирических исследований. Так, ученые Института социологии РАН по итогам двух штудий: масштабного исследования РНИСНП совместно с Фондом Эберта 1999 г., охватившего 3000 человек разных возрастных когорт в 24 субъектах РФ, а также проведенного Институтом

социологии РАН в 2007 г., тонко подмечают: «Петровские реформы ближе всего по духу студенчеству и тем, кто уже закончил вуз. В этой группе уровень симпатий к Петру I и его эпохе выше среднего — 47%, тогда как в группе имеющих образование не выше среднего — 36%. В середине 1990-х годов доля поклонников Петра I среди молодежи с высшим образованием также была выше и составляла 65%. Для объяснения такой динамики правомерно связать историю с социальным опытом сегодняшнего дня. Кто такой Петр I, какую идею и какие явления общественной жизни он символизирует? В глазах “среднего” россиянина он прежде всего твердый и последовательный реформатор и “западник”. Снижение значения образа Петра в глазах населения, в том числе наиболее образованной и приобщенной к процессам модернизации части молодежи, естественно интерпретировать как следствие некоторого разочарования в реформаторстве и “западничестве» [4, с. 203].

С их выводами согласна и Т. П. Емельянова, считающая, что значимой фигурой для населения России сегодня Петра I делает существующий у населения запрос на реформы своей жизни. При этом каждая возрастная когорта «видит» тот срез реформ, который существенен для нее: «Анализируя ядерные элементы представлений о Петре I, можно видеть, что у старшей когорты ведущие места занимают элементы “Нововведения в армии и флоте” и “Период активной внешней политики и войн” <...>. Возникает предположение, что старшие респонденты высоко оценивают военные реформы и военные победы императора в сопоставлении с обороноспособностью современной России и косвенно проявляют таким образом свою озабоченность <...>. Средняя возрастная когорта через ядерные элементы представлений демонстрирует, прежде всего, свою заинтересованность реформаторской деятельностью Петра I: “Конец XVII – начало XVIII века — время реформ в России”, “Необходимость реформирования России в этот период”, “Петр I поднял Россию на качественно новый уровень”, “Главная черта характера Петра I — это целеустремленность” <...>. Успехи реформ Петра I косвенно сопоставляются этими респондентами с современной реформаторской политикой, которую они не считают результативной <...>. Младшая поколенческая когорта — студенты — в своих представлениях об императоре выдвигают на первый план “Потребность в изменении старого уклада жизни”, “Установление дружеских отношений с разными странами” и “Стремление Петра I достичь уровня Европы” <...>. Тот факт, что современная Россия еще не достигла в своем общественном и гуманитарном развитии уровня ведущих европейских стран, подводит молодежь к сопоставлению этих переломных эпох. Неудовлетворенность младшей когорты отчетливо выразилась в результатах методики “Незаконченные предложения”. Современное российское общество этими респондентами оценивается как общество с низким уровнем развития (39,02%), сословное, разделенное на классы (24,39%), неудовлетворенное жизнью (9,76%)» [8].

Следует также отметить, что и бытовая интерпретация и переинтерпретация праздников показывает эту соотнесенность с текущим жизненным опытом. Вряд ли, празднуя 23 февраля и 8 марта в России, мы вспоминаем в первом случае о создании рабоче-крестьянской Красной Армии — речь идет просто о поздравлении мужчин как защитников; 8 марта тем более не является праздником развитого феминизма.

4. Речь идет об историческом опыте, а не о нейтральной информации — соответственно, конструкты полярно эмоционально заряжены — позитивно или негативно.

Интересно, что размышления теоретиков и философов истории [1; 10; 16; 17; 18] коррелируют с рассуждениями психологов [27] и данными социологов. Можно со-

слаться и на недавние жесткие споры в России вокруг установки памятников Ивану Грозному или князю Владимиру, переименования ряда станций метро («Войковская» и др.) или фильма «Матильда». В этих дискуссиях речь не идет об установлении исторических фактов; исторические события оцениваются с учетом жизненного опыта — поэтому оценки, как правило, либо нейтральны (но тогда они «не интересны», и люди не включаются в идущие дебаты), либо резко поляризованы — положительны или отрицательны.

В рамках уже упоминавшегося исследования о личности Петра I «респонденты называли пятерых наиболее значимых с их точки зрения политических деятелей в истории России <...>. Обнаружено, что Петр I является первым по упоминаниям исторических деятелей для всей выборки, занимая лидирующее место (62% упоминаний) и опережая И. В. Сталина (57%)». Обработанные при помощи тематического контент-анализа описания политических деятелей выявили «различия в эмоциональном отношении респондентов к первым в рейтинге трем историческим фигурам. Так, в описаниях Петра I преобладают позитивные оценки (69%) — *сильный, смелый, талантливый*, негативных было всего 12% (*жесткий, самодур*) и нейтральных — 19% (*высокий, неоднозначный*). В то же время в описаниях И. В. Сталина — иная ситуация — 57% оценок негативны (*жестокый, кровавый, тиран*), позитивны чуть более четверти описаний (26%, *сильный, умный, решительный*), наименьшая доля (17%) — нейтральны (*властный, неоднозначный*)» [8].

5. Эти схемы событий должны устойчиво воспроизводиться при сохранении эмоциональной полярности.

Известный антрополог Б. Малиновский так же обратил внимание на устойчивую полярность сказаний: «Эти сказания живут в памяти человека, в способе их передачи и даже в еще большей мере в совокупном интересе, который не дает им умереть, который заставляет рассказчика пересказывать их с гордостью или печалью, который заставляет слушателя внимать им с нетерпением и завистью, пробуждает надежды и амбиции» [12, с. 103–104].

Интересный феномен подмечает также российский социальный психолог А. П. Назаретян, анализируя состояние толпы в период перестройки: «Открытые шлюзы “гласности”, потоки новой информации и неожиданных интерпретаций затопили обыденное сознание, и всего через несколько лет массы наших соотечественников были склонны считать себя, свой народ и родную страну самыми худшими в мире, а каждого западного политика — средоточием всех мыслимых и немыслимых добродетелей. Многие готовы были утверждать, что “на самом деле” и Великую Отечественную войну мы не выиграли, а просто “забросали противника трупами”, и на космос зря только деньги тратили, и нации в СССР всегда друг друга ненавидели, и вообще вся наша история не содержит в себе ничего, кроме беззаконий и безобразий. А чтобы достичь вождя коммунизма (этот образ остался жестко фиксированным в подсознании), достаточно скопировать какое-нибудь “цивилизованное” государство. Это был настоящий триумф стереотипов-перевертышей. Шаблонные картины прошлого, настоящего и будущего оказались настолько ригидными, что не поддавались разрушающему воздействию, под давлением информационного урагана они только опрокидывались вверх дном» [14].

6. Это опыт — и, соответственно, он важен для принятия решений о действиях в современных условиях.

Достаточно вспомнить основной слоган празднования Победы в Великой Отечественной войне, который, кстати, разделяли представители всех социальных

групп: «Если надо, повторим». Исследователи единодушны — значимость исторических фигур и событий связана с современными запросами носителей исторического сознания. Т. П. Емельянова и А. В. Кузнецова указывают: «Именно релевантность образа Петра I актуальному запросу на реформы и преобразования, видимо, становится ключевым фактором значимости фигуры этого исторического деятеля в представлениях различных возрастных когорт» [8]. Т. В. Евгеньева также подмечает «чересчур эмоциональное отношение сознания к историческим событиям давнего прошлого, усиливающееся в условиях кризиса. Такое отношение можно было наблюдать, например, среди участников массовых митингов в Татарстане в начале 1990-х гг., посвященных очередной годовщине взятия Казани войсками Ивана Грозного. Казалось, участники митингов воспринимали эту трагедию как происходящую здесь и сейчас» [7].

Даже отбрасывая важные этапы дальнейших превращений интерпретированных событий в историю, о которых пишут, в частности, П. Рикер, Р. Дарнтон, Ф. Анкерсмит, Х. Уайт и другие, мы должны заметить, что в российской истории мало событий, которые безусловным большинством оценивались бы позитивно. М. К. Горшков замечает, что при ограничении опытом живущих поколений «в качестве наиболее выдающихся исторических событий России выступают достижения в области космонавтики, победа в Великой Отечественной войне, восстановление страны после военной разрухи» [4]. Остальные события в силу самих особенностей исторической памяти интерпретируются разными группами неизбежно полярно противоположно; тем самым общество раскалывается. И именно поэтому сейчас для построения гражданского мира в России достаточно проблематично использовать такой инструмент, как коллективная историческая память.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 612 с.
- 2 Артамонова Ю. Д. Основные версии происхождения историзма // Эпистемология & философия науки. 2010. № 3. С. 169–185.
- 3 Ассман Я. Культурная память: Письмо. Память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- 4 Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Историческое сознание молодежи // Вестник Российской Академии наук. 2010. Т. 80, № 3. С. 195–203.
- 5 Дарнтон Р. Поэзия и полиция. Сеть коммуникаций в Париже XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 192 с.
- 6 Докторов Б. Андрей Полетаев: интервью как опыт научной биографии. Биография историка-профессионала: линии судьбы // Логос. 2015. Т. 25, № 1 (103). 2015. С. 226–288.
- 7 Евгеньева Т. В., Селезнева А. В. Политические представления в контексте исторической памяти: обращение к прошлому в ситуации кризиса идентичности // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 3–1. С. 158–167.
- 8 Емельянова Т. П., Кузнецова А. В. Представления коллективной памяти об эпохе Петра I и его личности у представителей различных социальных групп // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 28 (электронный журнал). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n28/809-emelyanova28.html> (дата обращения: 30.11.2017).

- 9 *Козеллек Г.* «Пространство опыта» и «горизонт ожидания» — две исторические категории // Социология власти. 2016. № 2. С. 149–173.
- 10 *Лавабр М. К.* Память и политика: о социологии коллективной памяти // Психоанализ и науки о человеке / под ред. Н. С. Автономовой, В. С. Степина. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 233–244.
- 11 *Малинова О. Ю.* Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. 2013. № 1. С. 114–130.
- 12 *Малиновский Б.* Миф в примитивной психологии // Магия, наука, религия. М.: Рефл-бук, 1998. С. 92–144.
- 13 *Междисциплинарные исследования памяти* / под ред. А. Л. Журавлева, Н. Н. Коржа. М.: ИП РАН, 2009. 283 с.
- 14 *Назаретян А. П.* Психология стихийного массового поведения: толпа, слухи, избирательные и рекламные кампании // Сайт журнала «Темный лес». URL: <http://temnyjles.narod.ru/Nzrtn/Tolpa.htm> (дата обращения: 30.11.2017).
- 15 *Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 30.11.2017).
- 16 *Поляк М.* Память, забвенье, молчание // Психоанализ и науки о человеке / под ред. Н. С. Автономовой, В. С. Степина. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 191–216.
- 17 *Рикер П.* Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
- 18 *Руссо А.* Черные страницы национального прошлого. Послевоенная история и историческая память // Психоанализ и науки о человеке / под ред. Н. С. Автономовой, В. С. Степина. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 217–232.
- 19 *Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. 2001. Вып. 7. С. 8–26.
- 20 *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Теория исторического знания (учебное пособие для вузов). СПб.: Алетей; М.: ГУ-ВШЭ, 2008. 523 с.
- 21 *Уайт Х.* Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. 527 с.
- 22 *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003. 416 с.
- 23 *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
- 24 *Bartlett F.* Remembering: A study in experimental and social psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1932. 317 p.
- 25 *Borries B. von.* Europe's Past, Present and Future — Perceived by European Adolescents. A Cross-Cultural Study // History for today and tomorrow. What Does Europe Mean for School History? / ed. by Joke van der Leeuw-Roord. Hamburg, 2001. P. 179–204.
- 26 *Pandel H.-J.* Geschichtlichkeit und Gesellschaftlichkeit im Geschichtsbewusstsein. Zusammenfassendes Resümee empirischer Untersuchungen // Geschichtsbewusstsein empirisch. Pfaffenweiler, 1991. P. 1–24.
- 27 *Wagner W.* Social representations and beyond: Brute facts, symbolic coping and domesticated worlds // Culture and psychology. 1998. V. 3 (4). P. 297–329.

© 2018. Yulia D. Artamonova
Moscow, Russia

THE MECHANISMS OF HISTORICAL MEMORY REVISITED

Abstract: Russian studies of historical memory are mainly focused on the “memory policy” issues; at the same time, the objective mechanisms of the functioning of historical memory are overlooked. Having analyzed a number of proposed mechanisms and showed their problematic nature, the author suggests comparing sociological studies of the perception of figures and events in the history of Russia by different age groups and cognitive studies of memory in order to reveal some mechanisms for organizing collective historical representations. The following mechanisms are revealed. 1. In collective memory, as in individual, we are not dealing with the plot ordering of events — historical memory does not build events into a steady sequence. 2. Any “key” (i.e. simply remembered) event exists in historical memory through a small number of “main” actions (for example, Peter I is perceived as one who “hacked a window to Europe” and modernized Russia, while respondents find it difficult to specify exactly which reforms were conducted by Peter I). 3. These “main actions” are not neutrally, but emotionally colored. 4. This emotional coloration is rather intense and usually polar (strictly positive or strictly negative). 5. This emotional polarity is fairly stable. 6. From this memory the “main action” is “extracted” (e.g. the Victory celebration slogan is “If necessary, we will repeat”). The mechanisms revealed indicate the impossibility of creating a consensual historical narrative.

Keywords: historical memory, scheme, experience.

Information about the author: Yulia D. Artamonova — PhD in Philosophy, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, GSP-1, 1, 119991 Moscow, Russia. E-mail: juliaartamonova@yahoo.com

Received: December 06, 2017

Date of publication: June 15, 2018

For citation: Artamonova Yu. D. The mechanisms of historical memory revisited. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 48, pp. 29–40. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Ankersmit F. R. *Vozvyshennyj istoricheskij opyt* [Sublime historical experience]. Moscow, Evropa Publ., 2007. 612 p. (In Russian)
- 2 Artamonova Yu. D. Osnovnye versii proishozhdenija istorizma [The main versions of the origins of historicism]. *Jepistemologija & filosofija nauki*, 2010, no 3, pp. 169–185. (In Russian)
- 3 Assman Ya. *Kul'turnaja pamjat': Pis'mo. Pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural memory: Script. Memory of the past and political identity in high cultures of antiquity]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004. 368 p. (In Russian)
- 4 Gorshkov M. K., Sheregi F. Eh. Istoricheskoe soznanie molodezhi [Historical consciousness of the youth]. *Vestnik Rossijskoj Akademii nauk*, 2010, vol. 80, no 3, pp. 195–203. (In Russian)

- 5 Darnton R. *Pojezija i policija. Set' komunikacij v Parizhe XVIII veka* [Poetry and police. Communication network in Paris in the XVIII century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 192 p. (In Russian)
- 6 Doktorov B. Andrej Poletaev: interv'yu kak opyt nauchnoj biografii. Biografiya istorika-professionalna: linii sud'by [Andrei Poletayev: interview as an experience of scientific biography. A biography of a professional historian: lines of fortune]. *Logos*, 2015, vol. 25, no 1 (103), pp. 226–288. (In Russian)
- 7 Evgen'eva T. V., Selezneva A. V. Politicheskie predstavlenija v kontekste istoricheskoj pamjati: obrashhenie k proshlomu v situacii krizisa identichnosti [Political perspectives in the context of historical memory: addressing the past in the situation of identity crisis]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2012, no 3–1, pp. 158–167. (In Russian)
- 8 Emel'yanova T. P., Kuznecova A. V. Predstavlenija kollektivnoj pamjati ob jepohe Petra I i ego lichnosti u predstavitelej razlicnyh social'nyh grupp [Collective memory's perceptions of different social groups representatives' about the times and personality of Peter I]. *Psihologicheskie issledovaniya*, vol. 6, no 28. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n28/809-emelyanova28.html> (accessed 30 November 2017). (In Russian)
- 9 Kozellek G. “Prostranstvo opyta” i “gorizont ozhidaniya” — dve istoricheskie kategorii [“Space of experience” and “horizon of expectation” — two historical categories]. *Sociologiya vlasti*, 2016, no 2, pp. 149–173. (In Russian)
- 10 Lavabr M. K. Pamjat' i politika: o sociologii kollektivnoj pamjati [Memory and politics: on the sociology of collective memory]. *Psihoanaliz i nauki o cheloveke* [Psychoanalysis and sciences of man], ed. by N. S. Avtonomova, V. S. Stepin. Moscow, Progress-Kul'tura Publ., 1995, pp. 233–244. (In Russian)
- 11 Malinova O. Yu. Problema politicheski “prigodnogo” proshlogo i jevoljucija oficial'noj simvolicheskoj politiki v postsovetskoj Rossii [The problem of politically “suitable” past and the evolution of official symbolical policy in post-Soviet Russia]. *Politicheskaya konceptologiya*, 2013, no 1, pp. 114–130. (In Russian)
- 12 Malinovskij B. Mif v primitivnoj psihologii [Myth in primitive psychology]. *Magiya, nauka, religiya* [Magic, science, religion]. Moscow, Refl-buk Publ., 1998, pp. 92–144. (In Russian)
- 13 *Mezhdisciplinarnye issledovaniya pamjati* [Interdisciplinary studies of memory], ed. by Zhuravlev A. L., Korzh N. N. Moscow, IP RAN Publ., 2009. 283 p. (In Russian)
- 14 Nazaretyan A. P. Psihologija stihijnogo massovogo povedenija: tolpa, sluhi, izbiratel'nye i reklamnye kampanii [Psychology of spontaneous crowd behavior: crowd, rumors, electoral and advertising campaigns]. *Sait zhurnala “Temnyi les”* [The website of the journal “Dark forest”]. Available at: <http://temnyjles.narod.ru/Nzrtn/Tolpa.htm> (accessed 30 November 2017). (In Russian)
- 15 Nora P. Vsemirnoe torzhestvo pamjati [Worldwide triumph of memory]. *Neprikosnovenny zapas*, 2005, no 2–3 (40–41). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (accessed 30 November 2017). (In Russian)
- 16 Pollyak M. Pamjat', zabven'e, molchanie [Memory, oblivion, silence]. *Psihoanaliz i nauki o cheloveke* [Psychoanalysis and sciences of man], ed. by N. S. Avtonomova, V. S. Stepin. Moscow, Progress-Kul'tura Publ., 1995, pp. 191–216. (In Russian)
- 17 Riker P. *Pamjat', istorija, zabvenie* [Memory, history, oblivion]. Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury Publ., 2004. 728 p. (In Russian)

- 18 Russo A. Chernye stranicy nacional'nogo proshlogo. Poslevoennaja istorija i istoricheskaja pamjat' [Black pages of national past. Postwar history and historical memory]. *Psihoanaliz i nauki o cheloveke* [Psychoanalysis and sciences of man], ed. by N. S. Avtonomova, V. S. Stepin. Moscow, Progress-Kul'tura Publ., 1995, pp. 217–232. (In Russian)
- 19 Ryuzen. J. Utrachivaja posledovatel'nost' istorii (nekotorye aspekty istoricheskoi nauki na perekrestke modernizma, postmodernizma i diskussii o pamjati) [Loosing progression of history (some aspects of historical science at the junction of modernism, postmodernism and discussions about memory)]. *Dialog so vremenem*, 2001, vol. 7, pp. 8–26. (In Russian)
- 20 Savel'jeva I. M., Poletayev A. V. *Teorija istoricheskogo znanija (uchebnoe posobie dlja vuzov)* [Theory of historical knowledge (educational supply for high schools)]. St. Petersburg, Aleteya Publ.; Moscow, GU-VShE Publ., 2008. 523 p. (In Russian)
- 21 Uajt H. *Metaistorija: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX v.* [Meta-history: historical imagination in Europe in the XIX century]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural'skogo un-ta Publ., 2002. 527 p. (In Russian)
- 22 Habermas Ju. *Filosofskij diskurs o moderne* [Philosophical discourse on modernity]. Moscow, Ves' mir Publ., 2003. 416 p. (In Russian)
- 23 Halbvaks M. *Social'nye ramki pamjati* [Social frameworks of memory]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2007. 348 p. (In Russian)
- 24 Bartlett F. *Remembering: A study in experimental and social psychology*. Cambridge, Cambridge University Press, 1932. 317 p. (In English)
- 25 Borries B. von. Europe's Past, Present and Future — Perceived by European Adolescents. A Cross-Cultural Study. *History for today and tomorrow. What Does Europe Mean for School History?* Ed. by Joke van der Leeuw-Roord. Hamburg, 2001, pp. 179–204. (In English)
- 26 Pandel H.-J. Geschichtlichkeit und Gesellschaftlichkeit im Geschichtsbewusstsein. Zusammenfassendes Resümee empirischer Untersuchungen [Historicity and sociality in history. Summary of empirical studies]. *Geschichtsbewusstsein empirisch*, Pfaffenweiler, 1991, pp. 1–24. (In German)
- 27 Wagner W. Social representations and beyond: Brute facts, symbolic coping and domesticated worlds. *Culture and psychology*, vol. 3(4), 1998, pp. 297–329. (In English)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. Т. Г. Лобова

г. Омск, Россия

© 2018 г. Т. В. Мироненко

г. Омск, Россия

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ: «ЭТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ» РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 15-03-00-710/17 «Категориальная оппозиция «альтруизм — эгоизм»
в морально-нравственном дискурсе современности»

Аннотация: Действительность, властно вторгаясь в довольно долго существовавший классический моральный дискурс, расшатала его прежний «каркас». Становится неясным, как может и должен существовать человек как свободная субъективность и есть ли вообще какие-либо прочные устои в этических измерениях его жизни. Нарастающие в современном обществе процессы индивидуализации, решительно отстаиваемые права и ценности отдельной личности, разрушают чувство целого и приводят к распаду всей системы нравственных норм, порождая морально-нравственный хаос. Русская философская мысль и прежде, и теперь видит причину такого положения дел в отказе от метафизических оснований, определяющих бытие человека. Осознавая пределы рациональности, она устремляется к тому, что лежит вне рациональной сферы, разворачивая действенную диалектику двух размерностей бытия человека. В человеке она видит существо, способное к нравственному поступку в силу переживания им включенности в целое мира. Последнее мыслится как жизненно необходимое.

Ключевые слова: русская философия, этическое, целое мира, эгоизм, индивидуальность, нравственность.

Информация об авторах:

Татьяна Геннадьевна Лобова — кандидат философских наук, доцент, Омский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, ул. Ленина, д. 12, 644099 г. Омск, Россия. E-mail: kafphil@mail.ru

Татьяна Васильевна Мироненко — старший преподаватель, Омский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, ул. Ленина, д. 12, 644099 г. Омск, Россия. E-mail: kafphil@mail.ru

Дата поступления статьи: 05.10.2017

Дата публикации: 15.06.2018

Для цитирования: Лобова Т. Г., Мироненко Т. В. Противоречивость человеческого бытия: этический проект русской философской мысли // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 41–52.

Судьба современного общества и культуры, по мысли Н. Элиаса и З. Баумана (виднейших социологов XX в.), неотделима от постепенно набирающего все большую силу процесса индивидуализации. Мы живем в «обществе индивидуумов». Не граждан, каковыми являлись члены общества в условиях «модели общежития с узаконенными нормами и воплощенными в привычку правилами», а именно *индивидуумов*. Отмеченная разница принципиальна. Если «гражданин» — это «человек, склонный добиваться собственного благополучия через благополучие города», то «индивидуум склонен быть равнодушным, скептически настроенным или настороженным по отношению к “общей причине”, “общему благу”, “хорошему обществу” или “справедливому обществу”» [1, с. 44]. Недоверие ко всему *общему* усиливает эгоистические настроения, сводящие духовную (если сегодня так позволительно будет выразиться) жизнь человека к отстаиванию первозначимости, прежде всего, *его* прав и приводит к искажению этического сознания, а точнее, к девальвации значений традиционных моральных ценностей с последующей их трансформацией в средства достижения блага и счастья для отдельно взятой личности (либо отдельной социальной группы). Оно (сознание) все чаще апеллирует к таким категориям, как «права человека», «достоинство человека», «толерантность», «качество жизни», и испытывает некоторую неловкость тогда, когда принуждено обращаться к классическим нравственным понятиям — совести, долгу, ответственности, состраданию, милосердию.

Решительно отстаиваемые права и ценности отдельной личности «разрушают чувство целого, <...> приводят к распаду всей системы нравственных норм, всей иерархии ценностей» [16, с. 253], порождая то, что сегодня принято обозначать как «моральный релятивизм» или еще резче как «морально-нравственный хаос». В чем видится причина такого положения дел в этическом пространстве?

Моральный релятивизм, породивший морально-нравственный хаос в этическом пространстве, стал результатом «расколдовывания» фундаментальных положений классической теории морали. Когда-то английская моральная философия, о которой Ю. В. Перов писал как о первой крупной исторической форме новоевропейской моральной философии, сделала *природу человека* предметом своего рассмотрения. Главным ее обретением стало открытие общего морального чувства. Видя в эгоистических интересах и себялюбии мощные движущие силы поведения человека, английские моралисты доказывали, что «в природе человека изначально укоренены и противоположные моральные чувства: сострадания, человеколюбия, благожелательности, симпатии, альтруизма» [14, с. 65], и именно они делают человека человеком. Возражения по поводу того, что «благородные принципы морали не соответствуют действительности, реальному поведению», снимались убежденностью в том, что моральная философия «исследует природу человека, а не создает нормативно-нравственные образцы» [14, с. 66]. К тому же размышления о природе человека, которую относили к категориям сущностного ряда, допускали некий «зазор» между должным и действительным, как реально существующим. Природа человека как она есть, как сущее, принадлежа миру сущего, несла в себе, по мысли английских моралистов, элемент долженствования. Именно с ним (с необходимостью!) соотносилось эмпирическое существование человека.

Но человек — особая реальность. Есть нечто, к чему он стремится, чего он желает, в чем видит благо, а значит, стоит перед необходимостью уяснения взаимоотношений между тем, что должно быть (должным), и тем, что есть, существует (сущим). Однако знание сущего не говорит прямо, как должно жить человеку. Задачу прояснения соотношения *должного* и *сущего* возьмет на себя И. Кант. Философ проведет после-

довательное противопоставление должного и сущего, исходя из понимания человека как существа, принадлежащего двум мирам: будучи природным существом, человек одновременно и свободное существо, т. е. такое, которое призвано осуществлять *себя* в качестве *своей собственной* цели. Это различие позволило Канту обосновать всеобщность и необходимость морального закона. Но без «критических стрел» в адрес его моральной философии все-таки не обошлось. Уже гегелевская критика «всякого рода морализаторства», да и все возрастающее число исторических сведений о многообразии нравов, обычаев, идеалов привели к глубоким сдвигам в моральной философии. К концу XIX в., пожалуй, Ницше был самым серьезным противником «морального тартюфства», ценностей, построенных на «предпосылках, лежащих вне жизни». Его позиция вполне ясна, а именно: невозможно, чтобы моральная философия была направлена против жизни, против чувств и инстинктов, которые возвеличивают жизнь, невозможно, чтобы философия «стала великой школой клеветы» на жизнь [17, с. 17]. Все это вместе взятое в конечном итоге привело к этическому релятивизму, а действительность, властно вторгшись в оформившийся в Новое время и довольно долго существовавший классический моральный дискурс (от Сократа к Аристотелю и далее к Канту и Гегелю), лишь довершила работу по стиранию прежнего «каркаса» этики. Становилось неясным, как может и как должен существовать человек как свободная субъективность и есть ли вообще какие-либо прочные устои в этических измерениях его жизни. Случившееся, как представляется, свидетельствовало о том недостатке, который был присущ европейской моральной философии: она не брала во внимание конкретного, живого человека. Скорее, это были абстрактные размышления о некоем абсолютном, идеальном существе, способном к нравственному поступку, а рационально устанавливаемые этические нормы и полное господство логики в их утверждении не могли не привести, в конечном итоге, лишь к искажению понимания «*этического*». Этическое перестало рассматриваться в качестве *естественной внутренней связанности* жизни отдельного человека и «порядка общей жизни», в которую вот-этот-вот человек включен, и обернулось некой формой идеологического компромисса, продиктованного природной необходимостью. Компромисса, исключающего саму возможность *живого* взаимоотношения. Современный человек вдруг обнаружил себя в качестве существа, которому свойственно, «с одной стороны, чувство собственной индивидуальности и свободы, с другой — все большее отсутствие этой индивидуальности, самоотрицание собственной свободы, бегство от самого себя и распыление» [21, с. 52]. Эти обстоятельства говорят нам о том, что современный человек, утратив чувство жизни как целостной, достиг «дна индивидуальности». Оказавшись на этом дне, он понял, что «индивидуализация сегодня — это судьба, а не выбор» (З. Бауман): *принужденный* к самоуправлению и самоутверждению человек вместе с тем может совершенно не обладать необходимыми для разрешения ситуации силами и возможностями. Не случайно постмодернистский «этический проект» утверждает невозможность субъективной автономии при наличии универсальной нормативности: они исключают друг друга. Однако возможен и другой вариант. Речь идет об особой нормативности, современной «демократической морали» как этики «охранительного консерватизма» (А. Бадью). Но и она обнаруживает свое фактическое банкротство, ибо следование ей приводит к обезличиванию и объективации я и мира, в котором живет это я.

Процесс утраты целостного восприятия жизни, самоутраты начался не вчера. Значительно раньше. Он был «угадан», и не просто угадан, а основательно продуман русской философской мыслью, которую всегда отличал интерес к антропологической

проблематике. Были продуманы причины, породившие этот процесс, опасности с ним связанные, пути спасения человека в качестве нравственного существа.

Русские мыслители начинают с критического преодоления кантовской этики. Принимая кантовское понимание человека как свободного существа, т. е. такого, которое не находится во власти *абсолютного* детерминизма, русская этическая мысль, в отличие от мысли Канта, не искала начал свободы человека в его (человека) «ноуменальной глубине», а связывала ее (свободу) с сопряженностью, соотношенностью человека с *абсолютным* началом. Кант часто высказывал убеждение, что «подвел под мораль прочный фундамент разума». Он стремился освободить моральные законы от религии, чувств. Русские философы, напротив, придавали и придают чувствам человека, особенно таким, как совесть, сострадание, благоволие, решающее значение в его нравственном самоопределении. Для них авторитет разума, усвоившего «навыки механической рациональности», но «утратившего жажду бесконечного» [18, с. 21], разума, утверждающего обязательные нормы, представляется сомнительным. Еще о. П. Флоренский писал о том, что «сознание, <...> порабощенное своими же порождениями <...> теряет связь с миром», а «духовный атомизм <...> мертвит современную душу», ведет к распаду «начал внутренней жизни», когда «святыня, красота, добро, польза не только не образуют единого целого, и даже и в мыслях не подлежат теперь слиянию. Современная святыня робка и жметя в затаенный, ни для чего более не нужный уголок души. Красота бездейственна и мечтательна, добро ригористично, польза — пресловутый кумир наших дней — нагла и жестока. Жизнь распылилась. <...> День мелькает за днем, “дело” за “делом”, <...> но нет цельной жизни» [23]. Это совсем не значит, что русские философы (В. С. Соловьев, Н. О. Лосский, С. Л. Франк, И. А. Ильин) прежде отрицали и теперь (М. М. Бахтин, В. С. Библер, В. В. Библихин, О. А. Седакова) отрицают ценность автономного существования человека, его индивидуальность. Просто автономность и индивидуальность ими понимались и понимаются принципиально иначе. «Автономность, — пишет О. Седакова, — так необходима вещам и человеческой жизни именно потому, что только она освобождает в них “тягу к общему”... При условии свободы от внешних и “нижних” причин и целей в них только и может действовать закон, “номос” этой автономии: закон тяги к общему» [18, с. 130]. В этой тяге к всеобщему как благу автономия становится собой, иначе, не исчерпывает себя данностью. И подлинная индивидуальность, так как она понималась и понимается русской философской мыслью, не питает “социальный эгоизм”. Она связана с раскрытием «внутреннего качественного своеобразия личности». Как замечал С. Л. Франк, «Индивидуальность есть не то же самое, что единичность <...> Единичность как таковая есть лишь раздельность и обособленность; индивидуальность есть внутреннее качественное своеобразие. Казалось бы, что в лице индивидуальности мы имеем начало, уже коренным образом противоположное *общности* душевной жизни. В действительности, однако, это не так <...> Совершенная индивидуальность есть, вместе с тем, совершенная универсальность; та и другая совместно суть черты, отличающие духовную жизнь от низших ступеней сознания...» [24, с. 177]. Индивидуальность противоположна общности, но она не отрицает ее, «не противоборствует» ей. Индивидуальность есть то же, что *самость* личности, которая «не означает оппозиции “Я” versus “ты”, но является онтологической структурой бытия, которая определяет каждое “Я” в его бытии» [9, с. 75].

Мы не можем не признавать, что реальность — это всегда реальность разного, и это не может не создавать в пространстве этического то напряжение, которое вряд ли возможно разрешить исключительно в формате рациональной обоснованности. Кри-

тически относясь к возможностям ограниченного рационализма, преодолевая объективирующий взгляд науки на мир и человека, русская философия осуществляет невольную *редукцию* этики. Последняя перестает быть «конгломератом безжизненных пустых принципов», а обнаруживает себя как действительный *праксис* самой жизни. Уже в ранней статье «Догматизм и догматика» (1906) о. П. Флоренский утверждает приоритет жизни и непосредственного переживания над рассудочной схемой и догматической формулой. Он говорит об особом опыте, в котором осуществляется в полной мере «живознание», преодолевающее дистанцию между теоретизированием о жизни и самой жизнью. Истоком этического в этом случае оказывается ощущаемая человеком «цельность жизни» и «сродственность» всего со всем, но «не в силу <...> механической смешанности», а в силу внутреннего «сродства и единства»: все существующее оказывается связано «тайными узлами между собой, все дышит вместе друг с другом» [22]. Органическое единство делает возможным «синергию», «со-деятельность». Возможно, главная заслуга о. П. Флоренского состоит в том, что он «глубоко развил идею консубстанциальности», утверждающую, что «онтологически все существа тесно связаны внутренне» [13, с. 244].

Живое восприятие действительности, переживание человеком живой связи с явлениями и вещами, преодолевает «секуляризованную рациональность» разума. Разума вопрошающего, перераспрашивающего, критического, возведенного в культ, противопоставленного сердцу и вере. Русская философская мысль никогда не противопоставляла разум сердцу. В этом противопоставлении она видела источник зла. Там, где есть такое противопоставление, «господствует закон, внешний по отношению к вещам, лишаящий всякую реальность ее абсолютной ценности». Русская мысль отдает предпочтение не закону, как норме внешнего поведения («законом спастись нельзя»), а вере, но «не через посредство приказов и запретов закона» [6, с. 138]. Она стремится к цельному знанию. Это то, что ее отличает. С. Н. Трубецкой писал, что не одни только чувства, не один только разум, а их *синтез с верой*, как самостоятельной познавательной способностью, делают возможным переживание включенности бытия человека в целое мира и прояснение его (человека) «действия» в нем. Отсутствие такого синтеза чревато, по мысли о. С. Булгакова, «нравственным падением <...>, и внутренним рабством души, безволием, страхом перед миром сим», «русский народ, — напишет он, — ...> вне веры — ничто» [5, с. 116].

Нарастающая в современном российском обществе автономизация морали и нравственности на уровне отдельного человека побуждает внимательнее отнестись к усилиям русских мыслителей. Они остро чувствовали опасность *самодовлеющего* эгоизма и полагали, что если рассматривать эгоизм лишь в качестве морально допустимого принципа, к тому же имеющего «самостоятельную историю», то в таком случае человеческое существование лишается своей опоры, а выбор той или иной поведенческой стратегии, скорее всего, будет детерминирован внешними обстоятельствами. Последнее (усиление влияния извне) проблематизирует соотношение морали и нравственности. Вот уже и наш современник, испытавший сильное влияние русской религиозной философии, запишет в дневнике: «Нравственность — внутри человека. Мораль — вне, и выдумана как замена нравственности. Там, где нет нравственности, царит мораль — нищая и ничтожная. Там, где она есть, — морали нечего делать» [20, с. 27].

Русская мысль задается вопросом об истоке нравственности. Однако рефлексия феномена нравственности осуществляется ею не в гносеологическо-сциентистском режиме. Скорее, перед нами разворачивается действенная диалектика двух размерностей

бытия человека, находящая свое выражение в различных способах «полноты переживания жизни». Ясно осознавая пределы рациональности, русская мысль, по замечанию В. В. Зеньковского, устремляется к тому, что лежит вне рациональной сферы. В тематизации истока нравственности русские мыслители, очевидно, различаются, но тем не менее обнаруживают «уровень идейной солидарности» (А. А. Доброхотов) — они говорят о природной и непосредственно данной «материи нравственности». Что еще отличает русскую этическую мысль, так это ее стремление исходить из приложимости этических суждений к реальной действительности. Иначе она никогда не рассматривала человека в качестве пассивно вбирающего и внешне детерминированного в своем нравственном поведении субъекта. В человеке она видела деятельное существо, обладающее целостной, но одновременно амбивалентной и потому подвижной природой.

Если исходить из утверждения русских мыслителей, что «нравственная данность в природе человека» [19, с. 75], что «где-то в глубине человеческого бессознательного находится то “священное место”, где дремлет первоначальное *духовное естество инстинкта*» [8, с. 372], то становится ясно: русская этическая мысль не грешит высокомерным отношением к эмпирико-фактической стороне человеческого существования. Она говорит лишь о «частичности и ущербности предметно-объективного бытия человека». Настаивая на том, что «дух есть высшее естество инстинкта, а инстинкт есть элементарная, но органически-целостная сила самого духа», что разъединение их, а «тем более противоборство — болезненно и опасно» [8, с. 377], русская мысль *разворачивает нас к метафизическому истоку*, который определяет собою саму возможность удержания онтологической и онтической размерностей бытия в их взаимной связанности. Она (мысль) не доверяет вполне упованию только на природные начала в человеке. Стремление вывести нравственность из принципа биологизма оказывается недостаточным, ибо, по мысли В. С. Соловьева, «между природным и духовным человеком разница не в том, что первый лишен высшего, духовного элемента, а в том, что этот элемент в нем [человеке] не имеет сам по себе силы совершенного осуществления» [19, с. 197]. Природное, биологическое, как полагали русские мыслители, оказывается не тем, что противостоит духовному, но тем, что ему *сопряжено*. Иначе феномен нравственности может быть понят в *диалектике* природно-духовного. В этом случае духовность утверждает себя как еще одно основание человека, которое ему не знакомо, в том смысле, что не поддается формализации, но которое заявляет о себе как о непредметной, неэмпирической стороне человеческого существования. Исключение одной из сторон из жизни человека приводит к «угасанию творческой способности <...> субстанциального деятеля» и «обедняет как жизнь самого деятеля, так и [жизнь] других существ» [12, с. 334].

Но даже если мыслитель исходит из «эмпирически удостоверяемых частей», он тем не менее признает, что «обоснования нравственности вне метафизики нет и не может быть» (Б. Н. Чичерин). Когда один из ярких сторонников эволюционистской теории П. А. Кропоткин утверждает, что «метафизическое» понимание истока нравственности, берущее за основу этики «начала любви», «ведет лишь к сужению понятия о нравственном чувстве», а в дневнике, путешествуя по Сибири, делает запись: «Где та польза, которую я мог бы приносить? И что мои мечтания? Бесполезны? И с каждым днем, с каждым разом, как я встречаюсь с этим народом, с его нищенской жизнью <...> — боль, слезы просятся», то мы понимаем, что избежать отнесения к метафизическим основаниям (высказанным невольно!) он не может. Отталкиваясь мыслью от одного из главных тезисов эволюционистов — именно в природе, в жизни рода как биологического

феномена уже заложен «инстинкт общности», — он приходит к пониманию, что «нравственность есть сложнейшая система чувств и понятий, медленно развивающихся и все далее развивающихся в человечестве» [11]. Она не сводится к «инстинкту общности». Она так же определяется «понятием *справедливости*», и, более того, Кропоткин обращает наше внимание на «третий» элемент нравственности, на то, что он называет «нравственным чувством». Последнее чаще всего определяется им как *великодушие*. Казалось бы, усилия философа направлены на обоснование той мысли, что выводит «два ряда противоположных чувств» из природы человека — «одни <...> влекут к тому, чтобы подчинить себе других ради своих личных интересов; тогда как другие <...> влекут <...> объединяться <...>, чтобы совместными усилиями достигать известных целей» [10, с. 248]. И те, и другие в природе человека. Но, странным образом, высказанные им идеи, скорее, обнаруживают два фундаментальных измерения бытия, отсылающие нас к некоей целостности. Последняя, в разной степени, заявляет свое определяющее значение. Скажем так, то самое абсолютное начало, которому причастен человек и которое задает и способ его существования, и его «мирочувствие», и выбор его поведенческих стратегий. Человек обладает неким знанием. Оно оказывается внутренним, то есть таким, что «мы лишь тогда подлинно обладаем “осмысленной жизнью”, когда не мы как-то со стороны, по собственной нашей человеческой инициативе и нашим собственным усилиям “сознаем” ее, а когда она сама [жизнь] сознает себя в нас» [25, с. 527]. Свобода человека в этом случае будет заключаться в выборе личностного императива, который всегда остается неясным.

Человек погружен в действительность бесчисленных возможностей. Понять, которые из этих возможностей нравственно измеримы, исходя из наличного эмпирического материала, не удастся, поскольку последний свидетельствует лишь об относительности и многообразии норм, обычаев, традиций. Потребуется личностные усилия, поскольку ничто человеческое не осуществляется само собой, автоматически. М. М. Бахтин в «Философии поступка», ставя проблему сущности этического, говорит о «*долженствующей единственности*»: «<...> долженствование есть именно категория индивидуального поступка, даже более, категория самой индивидуальности, единственности поступка, его незаменимости и незаменимости, единственной нудительности <...>. То, что мною может быть совершено, никем и никогда совершено быть не может» [2]. Как видим, основанием нравственного поступка для человека как свободной субъективности оказывается *единственность*. Она может пониматься нами не в качестве целеполагания свободной субъективностью себя «в интересах слепого себялюбия», а как *основание, связывающее собой этическое пространство*, пространство поступка, поскольку свидетельствует об онтологическом равенстве всех участников этого пространства и их причастности целому миру. Иначе у *индивидуализации* (утверждение собственной отдельности, единственности) есть *коррелят* — *соучастие*, как включенность этой самой отдельности в целое мира.

Переживание причастности *целому* мира оказывается для единственного, индивидуального *я* «корнем», «последней опорой и почвой под ногами субъективного «я» (С. Л. Франк). Этимологически нашему слову «целое» родственно немецкое слово «*Heil*». Оно означает «*благо, исцеление, спасение*». Таким образом, быть включенным, приобщенным к *целому*, «поместить себя в целое мира» — значит быть *спасенным*, т. е. быть вырванным из объективной конечности существования. Отпадение от целого рассматривается как зло. Зло есть проявление «заблуждения индивидуализма» в его замыкании и самодовольстве собой в «пределах своей конечности» и разъединенно-

сти с миром. Включенность же в целое мира мыслится как жизненно необходимое для «я». Индивидуальности, «чтобы состояться как индивидуальность в том, определяющем и необходимом, из чего состоит, — в простоте, неделимости, цельности <...> — не на что опереться, кроме как на целое, в конечном счете, вселенское...» [3, с. 148]. Из *не безразличия* к целому рождается «этическое».

Пережитый опыт связанности, вовлеченности в *целое* мира, мира, понимаемого широко, проявляется в поступке, в том, что «вы чувствуете боль и радость всего вокруг» и одновременно чувствуете «вину перед каждым, которому не мог[ли] помочь, кого ударил[и] и обидел[и], не мог[ли] не ударить и не обидеть» [15, с. 58, 61]. И здесь важно не «качество» переживания, а сама «чувственность», вне которой никакое этическое действие невозможно. Чувственная жизнь как раз и может «обеспечить» нравственность, поскольку в ней проявляется верность «*свободной субстанциальности*» самой себе.

Для русской этической мысли очевидно, что «личность есть живая неповторимая бесконечность», она всегда самобытна, и исключать это — значит отрицать личность. Однако человек — это часть «конкретной действительности», в которой он сталкивается с конкретностью в лице многих других. Погруженный в эту действительность, человек движим противоположными чувствами, а именно чувством *родства* (стремлением к общности) и чувством *сиротства*. Чувство родства с другими обусловлено переживанием *особого рода единства* людей в «сверхчувственной духовной целостности» (идея соборности). Чувство родства, связанности с другими, как и переживание «целого», оказывается для индивидуальности, как мы уже замечали, спасительным: «<...> первозданное бытие состоит из индивидуальных субстанциальных деятелей; каждому из них присуща первозданная мирообъемлющая “этостность” <...>, [но] в состоянии изоляции от других деятелей индивидуум утрачивает возможность выявить свою индивидуальность во всей полноте и низводит свою жизнь на степень реализации общих идей, временно превращая себя в экземпляр того или иного вида, рода» [12, с. 56].

Чувство сиротства рождается из дискретности эмпирического существования человека в обществе. Как писал И. Ильин, «Человек человеку есть духовно-душевно-телесное инобытие. Люди взаимно разъединены и это разъединение неизменно. Закон этого существования может быть выражен формулой “ты не я, а я не ты”...» [7, с. 435]. Разъединение в мире онтического усиливает, по мысли русского философа, эгоцентризм и обособленность разных «я». Собственно, этический акт в ситуации разъединенности есть ее (разъединенности) преодоление, которое, однако, не может быть абсолютным. Именно поэтому внутренняя противоречивость человеческого бытия высвечивает собой радикальную проблему — проблему нравственного напряжения, выбора позиции в нравственных перипетиях. Всякая из перипетий безвыходна в том смысле, что не указывает конкретного пути, выводящего из сложившейся ситуации. Она (перипетия) *вненормативна*. Напряжение перипетии, по слову В. С. Библера, это «ситуация создания нравственности и личной ответственности за *эту* единственный и уникальный поступок, отнюдь не ориентированный на моральные ценности *вне себя*» [4].

Как видим, русская этическая мысль в стремлении прояснить нравственные начала в поведенческих стратегиях человека как свободной субъективности разворачивает наше внимание от внешних поведенческих форм к фундаментальным истокам человеческого бытия. Это тем более необходимо, поскольку содержание современной эпохи, радикально порвавшей с некогда господствовавшей традицией этической мысли, составляют потери и освобождения. Ее (эпохи) основные характеристики выражаются

через отрицательные морфемы — «без», «пост», «вне» («бездомность», «безбожность», «вненравственность», «вненаходимость»), как свидетельства «ссыхания нравственности и морали», «смещения коренной точки нравственной ответственности и свободы» [4]. Оказавшись «изгнанным из природы» и изолированным от других, но *живущим* в этом мире как в своем окружении, человек между тем *призван к укоренению* в нем. Сама ситуация сегодняшнего дня всякий раз вновь и вновь, как полагал В. Библер, «отталкивает» человека в ту исходную точку, из которой только и возможно его становление в качестве человека как такового. Вот только удается ли ему (человеку) удержаться в этой точке?

В мире онтического человек обнаруживает и утверждает вечное противостояние собственного *я* и внешнего своему *я* мира других. И только отнесенность к метафизическим основаниям собственного существования делает возможным то, что В. Библер назвал «космосом человеческих отношений», т. е. умением «разглядеть в своем сиюминутном соседе <...> не просто “соседа”, но иного, самостоятельного индивида, которому необходимо уступить (только тогда я смогу разглядеть и самого себя)» [4]. Изолированность же «индивидуального своеобразия» утверждает *безусловность* «эгоистической исключительности», и эгоизм оказывается *вплетенным* в жизнь человека как нерасположенность-к-открытости. И это не удивительно, ибо эгоист всегда равен только себе и прикован к себе, «загроможден самим собой», поэтому метафизика ему чужда. Этика же, исходящая из метафизических оснований, этика как пространство взаимно необходимых отношений изначально неэгоистична. По сути своей она, как отмечал о. П. Флоренский, *мистична*, ибо связана с постижением «онтологического родства» всего всему. А значит, способна не допустить подмены нравственных категорий «сухими, однозначными, моральными нормативами», лишаящими человека способности к нравственному поступку как свободному и ответственному.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
- 2 Бахтин М. М. К философии поступка // Infoliolib. Университетская электронная библиотека. URL: <http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/postupok3.html#1> (дата обращения: 23.07.2017).
- 3 Библихин В. Узнай себя. СПб.: Наука, 1998. 577 с.
- 4 Библер В. С. На гранях логики культуры // Библер и вокруг. URL: http://www.bibler.ru/bim_ng_nravstv.html (дата обращения: 17.07.2017).
- 5 Булгаков С. Н. Россия, эмиграция, православие // Русские философы (конец XIX – середина XX века): Антология. М.: Книжная палата, 1993. 368 с.
- 6 Вышеславцев Б. П. Этика преображенного эроса // Русские философы (конец XIX – середина XX века): Антология. М.: Книжная палата, 1993. 368 с.
- 7 Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М.: АСТ, 2006. 695 с.
- 8 Ильин И. А. Религиозный смысл философии. М.: АСТ, 2003. 694 с.
- 9 Кожарова Т. В. Понятие заботы в творчестве М. Фуко и М. Хайдеггера // Вестник СПбГУ. Серия 6. 2007. Вып. 2. Ч. 1. С. 74–83.
- 10 Кропоткин П. А. Этика / Опыты: литературно-философский сборник. М.: Сов. писатель, 1990. 480 с.
- 11 Кропоткин П. А. Справедливость и нравственность // Библиотека фантастики: rulibs.com. URL: http://rulibs.com/ru_zar/sci_history/kropotkin/1/j114.html (дата обращения: 12.04.2018).

- 12 Лосский Н. О. Ценность и бытие. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. 864 с.
- 13 Лосский Н. О. История русской философии. М.: Высшая школа, 1991. 559 с.
- 14 Перов Ю. В. Судьбы моральной философии // Ленинградские международные чтения по философии культуры. Л.: Логос, 1991. С. 60–77.
- 15 Померанц Г. Выход из трансa. М.: Юрист, 1995. 575 с.
- 16 Померанц Г., Миркина З. Работа любви. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 360 с.
- 17 Свасьян К. А. Фридрих Ницше: мученик познания // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 5–49.
- 18 Седакова О. А. Апология разума. М.: Русский путь, 2013. 160 с.
- 19 Соловьев В. С. Оправдание добра. М.: Республика, 1996. 479 с.
- 20 Тарковский А. А. Мартиролог. Дневники 1970–1986. [Флоренция]: Международный ин-т им. Андрея Тарковского, 2018. 622 с.
- 21 Тульчинский Г. Л. Слово и тело постмодернизма (от феноменологии невменяемости к метафизике свободы) // Вопросы философии. 1999. № 10. С. 35–53.
- 22 Флоренский П. А. Общечеловеческие корни идеализма // Богословский вестник. 1909. № 2, 3. URL: www.magister.msk.ru/library/philos/florensk/floren01.htm (дата обращения: 12.04.2018).
- 23 Флоренский П. А. Столп и утверждение истины: в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 1. 496 с.
- 24 Франк С. Л. Душа человека. Реальность и человек. М.: Республика, 1997. 479 с.
- 25 Франк С. Л. Смысл жизни. Хрестоматия по философии: учеб. пособие. М.: ПБО-ЮЛ Грачев С., 2000. С. 522–539.

© 2018. Tatiana G. Lobova
Omsk, Russia

©2018. Tatiana V. Mironenko
Omsk, Russia

CONTRARIETY OF HUMAN BEING: THE ETHICAL PROJECT OF RUSSIAN PHILOSOPHICAL THOUGHT

Acknowledgements: The article is carried out with financial support of RFBR, project № 15-03-00-710/17 “Categorical opposition “altruism — egoism” in moral discourse of contemporaneity”.

Abstract: The reality, having commandingly intruded into the long-lasting classic moral discourse, has shaken its previous structure. It became unclear how human being can and should exist as a free subjectivity and is there any firm basis in ethical dimensions of its life. Advancing processes of individualization along with persistently advocated rights and values of the individual personality, destroy the sense of oneness and lead to the collapse of the whole system of moral norms, causing moral chaos in the modern society. Russian philosophy previously and currently sees the cause of this state of things in the denial of metaphysical basis, which determines existence of humans. Realizing the limits of rationality it turns toward those things beyond rational realm,

revealing active dialectics of two dimensions of human existence. In human it sees the creature capable of a moral act due to the inclusion into the oneness of the world. The latter is considered as vital.

Keywords: Russian philosophy, ethical, the oneness of the world, egoism, individuality, morality.

Information about the authors:

Tatiana G. Lobova — PhD in Philosophy, Associate Professor, Omsk State Medical University of the Public Health Ministry, Lenina Str., 12, 644099 Omsk, Russia. E-mail: kafphil@mail.ru

Tatiana V. Mironenko — Senior lecturer, Omsk State Medical University of the Public Health Ministry, Lenina Str., 12, 644099 Omsk, Russia. E-mail: kafphil@mail.ru

Received: October 05, 2017

Date of publication: June 15, 2018

For citation: Lobova T. G., Mironenko T. V. Contrariety of human being: ethical project of the Russian philosophical thought. *Vestnik slavianskikh kul'tur*; 2018, vol. 48, pp. 41-52. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Bauman 3. *Tekuchaja sovremennost'* [Fluid modernity]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 240 p. (In Russian)
- 2 Bahtin M. M. K filosofii postupka [The philosophy of the Act]. *Infoliolib*. Available at: <http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/postupok3.html#1> (accessed 23 June 2017). (In Russian)
- 3 Bibihin V. *Uznaj sebja* [Know yourself]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1998. 577 p. (In Russian)
- 4 Bibler V. S. Na granjah logiki kul'tury [On the sides of the culture's logic]. *Bibler i vokrug* [Bibler and around]. Available at: http://www.bibler.ru/bim_ng_nravstv.html (accessed 17 June 2017). (In Russian)
- 5 Bulgakov S. N. Rossija, jemigracija, pravoslavie [Russia, emigration, orthodoxy]. *Russkie filosofy (konec XIX – seredina XX veka): Antologija* [Russian philosophers (late 19th to mid – 20th century): Anthology]. Moscow, Knizhnaja palata Publ., 1993. Vol. 1. 368 p. (In Russian)
- 6 Vysheslavcev B. P. Jetika preobrazhennogo jerosa [Ethics of transfigured Eros]. *Russkie filosofy (konec XIX – seredina XX veka): Antologija* [Russian philosophers (late 19th to mid – 20th century): Anthology]. Moscow, Knizhnaja palata Publ., 1993. Vol. 1. 368 p. (In Russian)
- 7 Il'in I. A. *Aksiomy religioznogo opyta* [Axioms of religious experience]. Moscow, AST Publ., 2006. 695 p. (In Russian)
- 8 Il'in I. A. *Religioznyj smysl filosofii* [Religious meaning of philosophy]. Moscow, AST Publ., 2003. 694 p. (In Russian)
- 9 Kozharova T. V. Ponjatie zaboty v tvorcestve M. Fuko i M. Hajdeggera [The concept of caring in the works of Foucault and Heidegger]. *Vestnik SPbGU*, Series 6, 2007, vol. 2, part 1, pp. 74–83. (In Russian)
- 10 Kropotkin P. A. Jetika [Ethics]. *Opyty: literaturno-filosofskij sbornik* [Experiences: literary-philosophical collection]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1990. 480 p. (In Russian)

- 11 Kropotkin P. A. Spravedlivost' i нравstvennost' [Justice and morality]. *Biblioteka fantastiki: rulibs.com* [Library of science fiction: rulibs.com]. Available at: http://rulibs.com/ru_zar/sci_history/kropotkin/1/j114.html (accessed 12 April 2017). (In Russian)
- 12 Losskij N. O. *Cennost' i bytie* [Value and Being]. Kharkiv, Folio Publ., Moscow, AST Publ., 2000. 864 p. (In Russian)
- 13 Losskij N. O. *Istorija russkoj filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1991. 559 p. (In Russian)
- 14 Perov Ju. V. Sud'by moral'noj filosofii [The fate of moral philosophy]. *Leningradskie mezhdunarodnye chtenija po filosofii kul'tury* [Leningrad international readings on the philosophy of culture]. Leningrad, Logos Publ., 1991, pp. 60–77. (In Russian)
- 15 Pomeranc G. *Vyhod iz transa* [Exit trance]. Moscow, Jurist Publ., 1995. 575 p. (In Russian)
- 16 Pomeranc G., Mirkina Z. *Rabota ljubvi* [Work of love]. Moscow, St. Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ Publ., 2013. 360 p. (In Russian)
- 17 Svas'jan K. A. Fridrih Nicshe: muchenik poznanija [F. Nietzsche martyr of knowledge]. Nicshe A. *Sochinenija: v 2 t.* [Nietzsche F. The works: in 2 vols.]. Moscow, Misl' Publ., 1990, vol. 1, pp. 5–46. (In Russian)
- 18 Sedakova O. A. *Apologija razuma* [Apology of reason]. Moscow, Russkij put' Publ., 2013. 160 p. (In Russian)
- 19 Solov'ev V. S. *Opravdanie dobra* [Justification of good]. Moscow, Respublika Publ., 1996. 479 p. (In Russian)
- 20 Tarkovskij A. A. *Martirolog. Dnevniky 1970–1986* [Martyrology. The diaries of 1970–1986]. Mezhdunarodnyj Institut im. Andreja Tarkovskogo Publ. 622 p. (In Russian)
- 21 Tul'chinskij G. L. Slovo i telo postmodernizma (ot fenomenologii nevmenjaemosti k metafizike svobody) [The word and the body of postmodernism (from phenomenology of insanity to the metaphysics of freedom)]. *Voprosy filosofii*, 1999, no 10, pp. 35–53. (In Russian)
- 22 Florenskij P. A. Obshhechelovecheske korni idealizma [Universal roots of idealism]. *Bogoslovskij vestnik*, 1909, no 2, 3. Available at: www.magister.msk.ru/library/philos/florensk/floren01.htm (accessed 12 April 2017). (In Russian)
- 23 Florenskij P. A. *Stolp i utverzhdenie istiny: v 2 t.* [Pillar and statement of the truth: in 2 vols.] Moscow, Pravda Publ., 1990. Vol. 1. 496 p. (In Russian)
- 24 Frank S. L. *Dusha cheloveka. Real'nost' i chelovek* [Man's soul. Reality and man]. Moscow, Respublika Publ., 1997. 479 p. (In Russian)
- 25 Frank S. L. *Smysl zhizni. Hrestomatija po filosofii: Uchebnoe posobie* [The meaning of life. Reader in Philosophy: Textbook]. Moscow, PBOJuL Grachev S. Publ., 2000, pp. 522–539. (In Russian)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. Н. И. Губанов
г. Тюмень, Россия

© 2018 г. Н. Н. Губанов
г. Москва, Россия

КРИМИНАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: БИОЛОГИЧЕСКАЯ, СОЦИАЛЬНАЯ И ЛИЧНОСТНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ

Аннотация: Показана недостаточность объяснения криминального поведения действием только биологических и (или) социальных факторов. Цель и новизна работы состоят в том, что в ней впервые предпринята попытка обосновать положение о тройной детерминации криминального поведения: наследственностью, социальной средой и личностным началом — свободной волей человека, его самодетерминацией. Авторы отошли от устаревшей парадигмы «биологическое — социальное» и перешли к более адекватной парадигме «биологическое — социальное — личностное». Новое в понимании проблемы состоит в признании того, что человек не пассивное произведение генетической наследственности и социальных условий, он является личностью, обладающей свободой воли, которая, взаимодействуя с генетическими задатками и внешними условиями, может доминировать над ними, а может и поддаваться им. Воздействие наследственности на криминальное поведение обнаруживается в форме криминальных и аморальных задатков. Нельзя абсолютизировать значение наследственности, но следует признать ее значительную роль в совершении преступлений. Из лиц, проживающих в одинаковых социальных условиях и одинаково воспитанных, правонарушений больше совершают те, у которых наиболее выражены задатки эгоизма, и меньше нарушений производятся людьми, у которых более выражены альтруистические задатки. Но если условия ухудшаются, то преступления начинают совершать и те люди, которые обладали менее выраженной предрасположенностью к преступлениям, как это было в возникших странах СНГ. Несмотря на особенности генотипа и неблагоприятные условия, человек благодаря свободе воли в любом случае самостоятельно производит правовой выбор. В ряде случаев из-за социальных и наследственных факторов человеку трудно противостоять агрессивным импульсам. Ему может помочь внутренняя самоорганизация и внешняя помощь. Возможная в будущем диагностика генетической предрасположенности к правонарушениям может послужить основанием для: 1) создания способов психотерапевтической коррекции поведения лиц, обладающих аномалиями генотипа; 2) разработки приемов личностного самоконтроля, которые бы нейтрализовали агрессивные импульсы; 3) совершенствования воспитательной системы, способствующей реализации альтруистических задатков и нейтрализации эгоистических задатков.

Ключевые слова: задатки, способности, криминальные способности, биосоциальный отбор, агрессивность, свободная воля.

Информация об авторах:

Николай Иванович Губанов — доктор философских наук, профессор, Тюменский государственный медицинский университет, ул. Одесская, д. 54, 625023 г. Тюмень, Россия. E-mail: gubanov48@mail.ru

Николай Николаевич Губанов — доктор философских наук, доцент, Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, 2-я Бауманская ул., д. 5/1, 105005 г. Москва, Россия. E-mail: gubanovnn@mail.ru

Дата поступления статьи: 07.03.2017

Дата публикации: 15.06.2018

Для цитирования: Губанов Н. И., Губанов Н. Н. Криминальное поведение: биологическая, социальная и личностная обусловленность // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 53–66.

На протяжении всей истории проблема преступности волновала людей. В наше время возрастающие миграционные потоки, отрицательные последствия политической и правовой конфронтации в мире вызвали ускорение темпов роста криминального поведения как на национальном, так и на международном уровне [21]. Главный вопрос в проблеме преступности: почему люди совершают правонарушения, каковы причины криминального поведения? Этот вопрос порождает другие, более частные вопросы: 1) имеет ли место наследственная обусловленность нравственности человека, его положительных и отрицательных качеств, а также преступности? 2) полностью ли обучение, воспитание, экономические условия и другие социальные факторы детерминируют криминальное поведение? 3) каково значение для криминального поведения свободной воли человека и его разума, могут ли они блокировать бессознательные и сознательные агрессивные импульсы?

Цель статьи — показать недостаточность объяснения криминального поведения действием только биологических и (или) социальных факторов. Такое объяснение представляет человека пассивным следствием генотипа и социальных условий и снимает с него ответственность за свое поведение. Новизна работы состоит в том, что в ней впервые предпринята попытка обосновать положение о закономерности тройной детерминации криминального поведения: наследственностью, социальной средой и личностным началом — свободной волей человека, его разумом и самодетерминацией. Мы попытались отойти от устаревшей, на наш взгляд, парадигмы «биологическое — социальное» и перейти к парадигме «биологическое — социальное — личностное». Новое в понимании проблемы при такой парадигме состоит в том, что человек не служит пассивным производением генетической наследственности и социальных условий, а является личностью, обладающей свободой воли, которая, взаимодействуя с генетическими задатками и внешними условиями, может доминировать над ними, а может и поддаваться им.

Аналогично ситуации с проблемой биосоциальной обусловленности интеллекта ранее выделялись две крайние концепции детерминации криминального поведения: одна берет начало от взглядов Ч. Ломброзо, итальянского антрополога. Он представлял преступность как прямое следствие плохой наследственности. Другая концепция связывала все проявления криминального поведения исключительно с особенностями социально-экономических и культурных факторов той среды, в которой проживал преступник. Ломброзо производил антропологические измерения осужденных за правонарушения лиц и на основе этого сделал вывод о существовании прирожденных пре-

ступников, обладающих такими физическими чертами, как большие челюсти, низкий лоб, сплюснутый нос и др. Созданная Ломброзо таблица черт «прирожденного преступника», на его взгляд, свидетельствовала о наличии атавистических черт личности, наделенной с рождения криминальными наклонностями

Наиболее систематически Ломброзо изложил свои взгляды в книге «Преступный человек» [25]. Идеи Ломброзо развивали его ученики Р. Гарофало [24] и Э. Ферри [23]. Последний, в частности, писал, что склонность к преступлениям передается по наследству, человек совершает преступления в силу роковой тирании своего ненормального организма. Относящийся к преступному типу по наследству человек рано или поздно под влиянием окружающей среды совершит преступление. У Ферри мы обнаруживаем признание некоторой роли среды в совершении преступления, которая здесь играет роль не причины, но только повода.

Российский криминолог Д. А. Дриль признавал, что наследственность влияет на противоправное поведение [9]. Однако он правильно отмечал неадекватность термина «прирожденный преступник». Им отмечалось, что особая психофизиологическая организация располагает к преступлению, но она не обязательно должна подтолкнуть человека к противоправному поведению. Здесь в умалчиваемой форме допускается возможность влияния на криминальное поведение свободной воли человека.

Концепция Ломброзо и его учеников гипертрофирует роль наследственных факторов в осуществлении криминального поведения. Однако эта концепция, как и любое одностороннее учение, включается в себя в преувеличенном виде и некоторое рациональное зерно — положение о влиянии наследственных факторов на преступное поведение. В XX в. в нашей стране доминировала установка, которая абсолютизировала социальную сущность человека. В соответствии с ней формулировался отрицательный ответ по вопросу о наследственной детерминации нравственных качеств человека, криминального и законопослушного поведения.

Ситуация не полностью поменялась и в данное время. Хотя положение об исключительно социально-культурной обусловленности человеческой психики сейчас никто явно и настойчиво не отстаивает, подобно тому, как, к примеру, это делалось Э. В. Ильенковым, Ф. Т. Михайловым и Н. П. Дубининым в 80-е гг. ушедшего века, однако в целом при разработке различных аспектов проблемы человека значению наследственных факторов для становления его психики уделяется недостаточное внимание.

Эта ситуация сказывается и на обсуждении вопросов, связанных с причинами преступного поведения. Например, в учебнике криминологии справедливо утверждается, что «человек — продукт совместного воздействия как биологических, так и социальных факторов» [12, с. 36]. Однако в главе «Личность преступника» отмечается только, что связанная с преступностью «высокая тревожность может быть природной» [12, с. 174]. То есть роль генетических факторов авторами не раскрывается, о ней лишь упоминается.

В недавнее время некоторые отечественные философы предприняли конкретную попытку синтеза адекватных моментов отмеченных выше крайних учений о преступности на базе концепции единства социальной и природной обусловленности интеллекта как системы способностей [5]. Суть ее такова: для становления человеческого интеллекта необходимы и генетические задатки, предполагающие определенную сложную структуру головного мозга, и адекватные социальные условия, в которых происходят общение, обучение, игра, развлечения, труд.

Генетические задатки передаются детям от их родителей по каналу биологической наследственности и являются природной одаренностью человека. О необходимости задатков для становления человеческого интеллекта и сознания свидетельствуют безуспешные попытки психологов «воспитывать» детенышей шимпанзе вместе с человеческими детьми и превращать их в разумные существа. От рождения человек не обладает мыслительными и речевыми способностями, однако обладает задатками к их формированию. Но обезьяне такие задатки не присущи. Необходимость социальных условий для формирования способностей подтверждается фактом отсутствия сознания, понятийного мышления и речи у детей, которые в раннем возрасте были оторваны от общества и выросли с животными. Если при достижении ими определенного возраста их возвращали в общество, то они уже не могли социализироваться. Задатки интеллекта человека вне общественной среды реализованы быть не могут, по крайней мере до той степени, которая необходима для социализации индивида.

Активность людей, определяемая социальными условиями, реализует задатки и превращает их в соответствующие способности. Генотип человека обуславливает его психические возможности (задатки), а обучение и воспитание, зависящие от социальных условий, определяют, в какой степени эти задатки будут реализованы и превращены в способности. Известно, что средняя величина IQ, который есть обобщенный показатель способностей, у пастухов составляет примерно 88, у водителей и маляров — 96, у токарей, электриков, авиамехаников — 109, у университетских студентов — 120, у банкиров и юристов — 128, у докторов наук — 130 [7, с. 43–44]. Эти данные показывают влияние на интеллект социального положения и уровня образования человека.

Так как отсутствует направленный подбор супружеских пар и имеет место естественный случайный мутационный процесс, то значения задатков разных лиц располагаются на кривой случайных величин (кривой Гаусса). Самое большее число людей имеет какую-то среднюю величину задатка, а лиц с меньшим или большим значением задатка по степени удаления от среднего значения становится все меньше и меньше. Непосредственные способы измерения задатков еще не созданы. А тесты позволяют измерять величину способности, служащей актуализированным компонентом задатка. Но различия в величине задатков у людей подтверждаются данными о детях, которые с рождения проживают в сиротских приютах в общих условиях. Значения их способностей, полученные с помощью измерения IQ, обладают статистическим распределением [17, с. 399–400]. А это объясняется только различиями в значениях интеллектуальных наследственных задатков, поскольку внешние условия у них одинаковые.

Помимо различий в наследственных задатках, для людей характерно и различие в условиях воспитания и обучения. Проиллюстрируем двойную обусловленность интеллекта с помощью такой гипотезы. Пусть для трех людей задатки одной и той же способности равны 100, 80 и 60 условным единицам. Если отмеченные задатки полностью реализуются при наличии оптимальных условий обучения и воспитания, то способности этих лиц станут равны указанным числам. Допустим, для каждого из лиц, проживавших в различных социальных условиях, соответственно задатки реализовались на 20, 30 и 50%. В этом случае величины их способностей станут равны соответственно 20, 24 и 30 единицам. Поэтому не всегда лица, обладавшие более высокими задатками (одаренностью), будут иметь и более развитые способности.

На основе обобщения данных о природной и социальной обусловленности интеллекта Н. И. Губановым, Н. Н. Никольской, Г. И. Царегородцевым, Г. Х. Шингаровым были сформулированы положения концепции двойной обусловленности преступно-

го поведения. Согласно ей, человек не обладает врожденными способностями к преступному поведению (как и любыми врожденными способностями), но он обладает врожденными задатками к формированию преступных способностей. Превратятся ли указанные задатки в криминальные способности и в какой мере это зависит от социальных факторов — воспитания, обучения, экономических и политических условий [5, с. 98–105; 18, с. 394–409]?

По сравнению с социологизаторской и биологизаторской концепциями концепция двойной обусловленности преступного поведения, конечно, более адекватна. Но и она не является достаточно истинной, хотя до сих пор фигурирует временами как последнее слово науки. Так, в учебнике психологии, изданного в серии с претенциозным названием «Учебник нового века», глава четвертая именуется в духе устаревшей парадигмы «Природная и социальная детерминация психического развития» [16, с. 70–85]. От личностного фактора авторы абстрагируются. То же самое видим в статье «Биологические и социальные основы эволюции языка и коммуникации: современные дискуссии» [8, с. 77–87].

Ранее мы отмечали, что парадигма «биологическое — социальное» устарела и необходим переход к парадигме «биологическое — социальное — личностное» [6]. В данной статье мы более детально обоснуем это положение. Наша, новая, позиция заключается в следующем: все качества личности, включая и те, которые влияют на ее поведение, в том числе и криминальное, обладают не одной, и не двумя, а тремя группами источников детерминации: 1) природным началом — наследственными задатками человека; 2) социальным началом — экономическими, политическими, культурными условиями жизни человека; 3) личностным началом — свободной волей человека, самодетерминацией, его разумом и собственной креативной деятельностью по самосовершенствованию и созиданию инновационных культурных смыслов. Мы попытаемся обрисовать контуры концепции тройной детерминации криминального поведения.

Наследственность детерминирует величину задатков — психических, в том числе и интеллектуальных, возможностей человека. Внешние условия, в первую очередь условия воспитания и обучения, а еще собственные интеллектуальные и волевые усилия личности обуславливают степень реализации задатков. В соответствии со сформулированным одним из авторов статьи законом тройной обусловленности ментальности, «неповторимый ансамбль ментальных особенностей каждого человека обусловлен взаимодействием трех начал — генетического, средового и личностного» [7, с. 92]. Люди не являются пассивными произведениями генетической наследственности и социальных условий. Д. Беляев писал: «Если все живое развивается в системе двух составляющих — наследственности и среды — в их взаимодействии, то для человека как личности надо добавить третий элемент, а именно самого себя, свое собственное «эго» с индивидуальным миром духа, чувств, мыслей, страстей, поведения и собственных решений» [2, с. 97]. Только одно существо на планете обладает способностью к самодетерминации. Это — человек. Самодетерминация означает свободу в отношении как сил внешней среды, так и сил внутри самого человека — его неприемлемых с этической и правовой точки зрения стремлений, ослабляющих и разрушающих организм и личность желаний, например, употреблять спиртные напитки, табак, наркотики, не заниматься физкультурой, предаваться переяданию и т. п.

Так как по настоящее время недостаточно раскрыто значение генетических задатков для осуществления правонарушений, то сначала коснемся этого аспекта. Но перед этим поясним один тонкий момент. Задатки криминального поведения существу-

ют в форме значительно выраженных задатков эгоизма и мало выраженных задатков альтруизма. Они и представляют генетическую основу криминального поведения. Личность, у которой в наличии такая диспропорция задатков нравственных качеств, наиболее предрасположена к преступлениям. Субъективным проявлением задатков эгоистических качеств служат внутренние агрессивные импульсы. И чем более они выражены, тем сложнее личности их подавлять, и тем большей становится вероятность криминального поведения. Итак, возможность преступного поведения детерминруется задатками агрессивности и эгоизма — задатками негативных моральных качеств. Между правосознанием и моралью существует тесная связь. Задаток превращается в способность в ходе его реализации.

В нашей концепции криминальная способность не служит характеристикой преступного мастерства, а представляет собой готовность переступить черту, которая отделяет законопослушное и нравственное поведение от правонарушения и аморализма, способность сознательно причинить зло другому человеку. Криминальная способность отличается от умения измышлять, планировать и осуществлять правонарушения. Вожаки криминальных группировок обычно превосходят других членов группировки в этом отношении. В качестве показателя криминальной способности можно признать степень зла, которую преступник готов допустить для другого человека. К примеру, какой-то преступник может лишь украсть, иной — совершить воровство и избить при этом человека, а третий — ограбить и убить другого человека. Здесь нами условно допускается, что преступник не испытывает страха разоблачения и обладает уверенностью в безнаказанности своих действий. Имеет значение лишь свободная воля преступника. Человек решает сам, свободно, что ему делать. По этой причине он является ответственным за свои действия. При условии, если законы справедливы, противоправное поведение всегда безнравственно.

Противоправное и аморальное зло характеризуются единым механизмом — осознанной готовностью человека преступить в своих поступках меру допустимого в обществе поведения. Аморализм, отрицательные нравственные качества человека служат в качестве личностной основы преступного поведения. Если положительные нравственные нормы у человека отсутствуют, то он способен пересечь границы допустимого в социуме законом и моралью поведения и сделать правонарушение. *Чем на более низком уровне находится нравственность человека, тем более тяжёлые преступления может совершить этот человек.*

Без признания задатков к преступному поведению невозможно объяснить наличие самих правонарушений, так как всякая деятельность — безнравственная и нравственная, противозаконная и законная — предполагает существование соответствующей способности, реализующей эту деятельность. Без способности никакая деятельность не существует. В. А. Петровский пишет: «Способности обнаруживаются только в деятельности, которая не может осуществляться без наличия этих способностей» [14, с. 469]. А в основе любой способности лежит генетический задаток, служащий истоком соответствующей способности.

Можно привести эмпирические подтверждения воздействия генотипа на моральную сферу личности. К ним относятся, например, определенные особенности преступности близнецов. В парах правонарушителей-близнецов однойцевых встречается в два раза больше, чем двуйцевых. К тому же однойцевые преступники-близнецы, в отличие от двуйцевых, были сильно сходными по способу своих правонарушений, хотя производили их независимо друг от друга. Вспомним, что если различие по вся-

ким признакам между близнецами двуйцевыми обусловлена и генетической разницей между ними, и различием в условиях жизни, обучения и воспитания, то различие между близнецами однойцевыми обусловлена лишь различием в социально-культурных условиях жизни, в то время как генетическая основа у них совпадает, т. е. идентична. Аномалии ХХУ среди преступников с низким интеллектом обнаруживаются чаще в 10 раз в сравнении с остальным населением. У преступников высокого роста аномалия ХУУ выявляется в десятки раз чаще, чем у нормальных мужчин [5, с. 98–105]. Два последние факта демонстрируют, конечно, некий крайний вариант воздействия наследственности на моральные качества личности. Но вполне можно допустить, что имеет место генетическая обусловленность моральных качеств личности не только в случаях генетической аномалии, но и в случаях нормы. Каждое качество человека может быть представлено как потенциальная способность, если соотнести это качество с теми действиями, специфику которых эта способность определяет.

Как лишь человек начинает исполнять соответствующую деятельность, то потенциальная способность модифицируется в актуальную [15]. К примеру, добротой можно считать способность приносить бескорыстно другим людям пользу; альтруизмом — способность любить других людей, а не только себя; смелостью — способность преодолевать опасность; честность — способность в конфликтных ситуациях отстаивать и говорить правду; жестокость — способность наслаждаться страданиями других людей и доставлять их ему (одна из норм учения Ницше о сверхчеловеке, которую он считал правильной в противоположность христианскому и социалистическому милосердию).

Если моральные качества личности признать особыми способностями, то к ним будут относиться все описанные выше положения о природной и социальной обусловленности интеллекта: 1) личность обладает генетическими задатками моральных качеств; 2) степень выраженности задатков детерминирована врожденной нормой реакции; 3) превращение определенной части задатков (потенциальных способностей) в реальные способности обусловлена условиями обучения, самовоспитания и воспитания; 4) в популяции людей имеет место нормальное математическое распределение по величинам генетических задатков моральных качеств: самое большее число людей имеет какую-то среднюю величину задатка, а число лиц с меньшим и большим значением этого задатка становится меньше и меньше при удалении от среднего значения задатка (колоколообразная кривая Гаусса, обусловленная отсутствием направленного в генетическом отношении характера подбора супружеских пар и случайным распределением генов в популяции). При этом личности присущи задатки и альтруистических, и эгоистических качеств. Альтруистические задатки требовались в ходе антропогенеза для выживания популяции целиком, а эгоистические задатки возникли как необходимость индивидуального выживания. «Агрессия и альтруизм — две стороны единой человеческой сущности, эволюционировавшие скоординировано под действием общих внешних и внутренних факторов» [3, с. 150].

Естественный отбор в ходе антропогенеза происходил в двух формах. При одной из них отбирались отдельные индивиды, которые успешно конкурировали в борьбе за существование, лучше выживали и оставляли больше потомства. В ходе такого отбора возникали эгоистические задатки, которые и помогали большему выживанию более приспособленных индивидов. При другой форме происходил биосоциальный отбор, воплощавший в себе уже единство биологического и социального. Он представлял собой отбор первобытных стад, протосоциальных групп. Эти группы лучше, чем

другие, выполняли хозяйственную деятельность и отличались лучшей сплоченностью. Поэтому они успешнее других групп участвовали в борьбе за существование и легче выживали. В результате такого отбора возникали задатки альтруистических качеств. «Составляющая нравственности заложена... в биологии человека, в невозможности ему выжить в одиночку, что и развило комплекс генов, стоящих в основе необходимости сплоченности, социализации, дружелюбности, ответственности за жизнь других и даже в возможности сознательно стать жертвой, спасая других особей рода» [11, с. 5].

В. П. Эфроимсон писал: «Группа, стая, род, орда, не обладавшие биологическими основами мощных инстинктов и экстраполяционных рефлексов коллективной защиты потомства и группы, обрекались на гибель особой формой естественного отбора — групповым естественным отбором. Иными словами, наряду с элементарным индивидуальным отбором шел и групповой отбор на бесчисленные формы альтруизма, направленные на развитие коллективизма и множества других индивидуально невыгодных, но полезных обществу форм поведения, диктуемых совестью» [19, с. 18].

Как и задатки когнитивных и эстетических способностей, задатки моральных качеств у разных людей могут выражаться в различной степени. Н. С. Лейтесом справедливо ставится вопрос о наличии моральной одаренности. Он отмечает, что в одной и той же семье вырастают и нравственные лица, и нравственные уроды, причем эти различия проявляются с раннего детства [13, с. 127]. Если отрицать генетическую обусловленность морали, то невозможно объяснить то обстоятельство, что из множества лиц, живущих в одних и тех же социальных условиях, учащихся в одних школах, служащих в одной армии, смотрящих одни и те же передачи по телевизору, читающих одни и те же книги и т. д., одни лица совершают преступления, а иные — нет.

Степень моральной одаренности людей, так же как когнитивной и эстетической, может изменяться в очень широком диапазоне. Д. И. Дубровский обоснованно предполагает, что «есть не только гении научные и поэтические, но и гении добра и нравственной силы <...> и есть, по-видимому, что-то, напоминающее гения зла с его демонической силой» [10, с. 116]. С учетом неоднородности человеческого генотипа, т. е. наследственной гетерогенности, следует признать верным утверждение о том, что «гений и злодейство иногда могут идти рука об руку и что не столь уж редко одаренная творческая личность отталкивает своим аморализмом» [10, с. 117]. Эту точку зрения разделял и В. П. Эфроимсон: «Гениальность не исключает реакционности <...> история знает немало злых гениев, оказавшихся на стороне реакции» [20, с. 15]. Злодейство и гений все же совместны: это бывает тогда, когда незаурядная одаренность в политическом, художественном, научном отношении сочетается с низкой одаренностью в моральном отношении.

Отрицательные моральные качества человека мы рассматриваем как личностную основу преступного поведения. Одно из них — агрессивность — способность принести другому человеку моральный, материальный или физический вред. Высшим выражением агрессивности служит стремление убить другого человека. М. В. Алфинова и В. П. Трубников с помощью близнецовых и семейных исследований обнаружили: различия в агрессивности приблизительно в равной мере обусловлены генотипом и средовыми факторами. Они также отмечают, что «концепция одного “гена агрессивности” не реалистична... на склонность к агрессии могут влиять многие гены и сложные взаимодействия между ними... со временем, когда индивидуальная генетическая диагностика станет доступной, генетические данные можно будет использовать для оценки индивидуальной реактивности на различные средовые воздействия, провоцирующие агрессию, а значит — и для профилактики агрессии» [1, с. 121].

При исследовании причин криминального поведения находится очень большое количество факторов, и каждому из них можно придать главное значение. *Но все они могут быть объединены в три группы — генетические, социальные (средовые) и личностные.* Нельзя абсолютизировать значение наследственности, но следует признать ее значительную роль в совершении преступлений. Например, в обычных условиях страдают, скажем, острым респираторным заболеванием в основном люди, которые к этому наиболее предрасположены. Но при неожиданном и резком похолодании болезнь приключается и с лицами, которые меньше предрасположены к этому. Аналогично этому *из лиц, проживающих в одинаковых социальных условиях и одинаково воспитанных, правонарушений больше совершают те, у которых наиболее выражены задатки эгоизма, и меньше нарушений производятся людьми, у которых более выражены альтруистические задатки.* Но если социально-экономические условия ухудшаются, то правонарушения начинают совершать и те люди, которые обладали менее выраженной наследственной предрасположенностью к преступлениям. Это наблюдалось, к сожалению, в три последних десятилетия в странах СНГ.

Наличие генетических задатков моральных качеств не означает, что имеется жесткая наследственная предзаданность нравственного облика человека и его поступков, в том числе противоправных. Задатки, как уже отмечалось, представляют собой лишь возможность возникновения тех или иных свойств личности, а реализация этой возможности обусловлена условиями жизни в целом, условиями воспитания и обучения, но особенно самодетерминацией — личностной духовной активностью, трансцендирующей как над внешними обстоятельствами, так и над собственными негативными мотивами. Нет ни природной, ни социальной предопределенности (неизбежности) совершения преступлений. Гегель справедливо отмечал: «Обстоятельства и мотивы господствуют над человеком лишь в той мере, в какой он сам позволяет им это» [4, с. 26]. Даже если человеку были присущи выраженные криминальные задатки, а его условия жизни (семейные отношения, обучение, воспитание, трудоустройство, быт, отношения с коллегами и др.) были неблагоприятными, его разум и свободная воля могут преобладать над этими внутренними и внешними отрицательными обстоятельствами и нейтрализовывать агрессивные импульсы.

Свобода воли означает способность сознательно выбрать для реализации один из возможных поступков. Частным случаем свободы воли служит способность человека совершить какой-либо поступок, либо воздержаться от этого. При рассмотрении свободы воли мы стоим на позиции компатибилизма — учения о том, что свобода воли совместима с детерминизмом. Это совмещение возможно благодаря тому, что воля человека есть самодетерминация личности, предполагающая деятельность, свободную от наличных условий — и внешних, и внутренних, включая туда собственные неприемлемые желания. В этом случае человек одновременно является и субъектом, и объектом. При самодетерминации человек становится над собой — совершает трансценденцию — выходит за пределы своего внутреннего мира, критически оценивает свои побуждения и совершает свободный выбор того или иного поведения. Самодетерминация дополняет внешнюю причинность внутренней целевой каузальностью.

Исследования психологов показывают, что с возрастом происходит монотонное снижение корреляций у моно- и дизиготных близнецов по личностным характеристикам [16, с. 78–79]. Этот факт расхождения сходства можно интерпретировать как повышение с возрастом роли самодетерминации и свободы воли в индивидуальном разви-

тии человека. С возрастом человек при правильном развитии все больше склонен сам управлять собой, а генотип и среда начинают играть меньшую роль в его развитии.

Сказанное выше о решающей роли свободной воли человека в осуществлении законопослушного или криминального поведения относится к психически здоровым людям. Степень свободы воли зависит от уровня самосознания личности и ее способности к рефлексии. При душевных заболеваниях человек может частично, а в крайних случаях и полностью, утрачивать свободу воли. И в таких случаях человек может освобождаться от уголовной ответственности после совершения преступления. Если судебно-психиатрическая экспертиза признает его неменяемым, т. е. не способным сознательно управлять собой, то он не подвергается уголовному преследованию, а направляется на лечение. Последнее может быть и принудительным в случае значительной социальной опасности больного человека.

Проблема «Генетика и преступность» вызвала повышенный интерес в конце 90-х гг. XX в., в наибольшей мере в США. В штате Джорджия Стефаном Мобли был ограблен и затем хладнокровно убит выстрелом в голову управляющий магазином. После ареста Мобли признал, что еще до этого он совершил несколько вооруженных ограблений и убийств. Его адвокаты, рассчитывая на смягчение приговора, попросили суд о проведении генетического исследования Мобли с целью установить, не обусловлено ли криминальное поведение их клиента его наследственными особенностями. Им хотелось показать, что Мобли не способен быть ответственным за свое поведение в той степени, в какой им является человек, не обладающий наследственной предрасположенностью к криминальному поведению. Однако указанная просьба была судом отклонена, и Мобли был приговорен к смертной казни [22].

Решение суда с научной точки зрения было правильным. Генотип человека, как было показано выше, воздействует на криминальное поведение. Но так как гены не являются пусковым механизмом конкретного поведения, а воздействуют на него с помощью создания соответствующей предрасположенности, то знание собственных генетических особенностей не снимает с человека ответственности за свое криминальное поведение, а, наоборот, усиливает ее. И здесь особую важность приобретает личностный фактор: человек может осознавать и осмысливать свою жизненную ситуацию и благодаря наличию свободной воли он способен удерживать агрессивные импульсы и не сходить с законопослушного и нравственного пути поведения. К примеру, если человеку известно, что после употребления спиртных напитков он склонен к агрессивному поведению, то ему следует избегать любыми способами тех ситуаций, в которых люди употребляют алкоголь. Во всех случаях человек сам совершает правовой и моральный выбор, но некоторым лицам из-за их генетических особенностей и факторов социального порядка тяжелее совершать верный выбор и нейтрализовывать внутренние агрессивные импульсы. Возможная в будущем генетическая диагностика предрасположенности к криминальному поведению поможет создать способы самоконтроля для нейтрализации внутренних агрессивных импульсов. *Таким образом, главное средство профилактики правонарушений состоит в нужной активации духовно-нравственного личностного фактора.* Если же разделять концепцию двойной детерминации криминального поведения и не учитывать личностный фактор, то про любого преступника можно говорить, что он не виновен, а причиной его поведения служат неблагоприятные генотип или среда, или же оба эти фактора. Вопрос о взаимодействии биологического, социального и личностного фактора в криминальном поведении нуждается в более детальной и глубокой проработке.

Заключение. Изложенная пока во фрагментарном виде концепция тройной детерминации преступности позволяет сформулировать такие выводы: 1) преступное поведение человека зависит от его генетических особенностей, которые проявляются в форме меньшей или большей предрасположенности к аморальному и антисоциальному поведению; 2) в будущем возможна диагностика наследственной предрасположенности к преступному и аморальному поведению; такая диагностика может быть использована для следующих социальных мероприятий: а) разработки методов воспитания, препятствующих реализации задатков криминального поведения; б) создания мер, направленных на психотерапевтическую коррекцию поступков у людей с определенными аномалиями генотипа; в) создания психологических приемов личностного самоконтроля, направленного на нейтрализацию внутренних агрессивных побуждений; 3) свободная воля человека и его разум — решающие факторы, которые могут обеспечить ему правильный выбор линии поведения и избежать совершения преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Алфимова М. В., Трубников В. П. Психогенетика агрессивности // Вопросы психологии. 2000. № 6. С. 112–123.
- 2 Беляев Д. Генетика, общество, личность // Коммунист. 1987. № 7. С. 90–98.
- 3 Бутовская М. Л. Агрессия и примирение как проявление социальности у приматов // Общественные науки и современность. 1998. № 6. С. 149–160.
- 4 Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: в 2 т. / пер с нем. В. А. Рубина. М.: Мысль. Т. 2. 1971. 630 с.
- 5 Губанов Н. И., Никольская Н. Н. О природной и социальной детерминации нравственности и криминального поведения // Философские науки. 2002. № 2. С. 98–105.
- 6 Губанов Н. И., Губанов Н. Н. О биологической, социальной и личностной детерминации нравственности и криминального поведения // Социум и власть. 2016. № 2. С. 41–46.
- 7 Губанов Н. Н. Формирование, развитие и функционирование менталитета в обществе. М.: Международный издат. центр «Этносоциум», 2014. 214 с.
- 8 Данилова М. И., Суховерхов А. В. Биологические и социальные основы эволюции языка и коммуникации: современные дискуссии // Вопросы философии. 2015. № 12. С. 77–87.
- 9 Дриль Д. А. Преступность и преступники. Учение о преступности. СПб.: Изд-е тип. «Шиповник», 1912. 712 с.
- 10 Дубровский Д. И. Обман. Философско-психологический анализ. М.: РЭЙ, 1994. 120 с.
- 11 Зенкин А. О биологии нравственности человека // Российская Философская Газета. 2014. № 1–3 (87–89). С. 5.
- 12 Криминология / под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. М.: Норма-Инфра, 2010. 800 с.
- 13 Лейтес Н. С. Возрастная одаренность и индивидуальные различия // Лейтес Н. С. Избранные труды. М.; Воронеж: МОДЭК, 1997. 448 с.
- 14 Петровский А. В. Введение в психологию. М.: Академия, 1995. 496 с.
- 15 Платонов К. К. Система психологии и теория отражения. М.: Наука, 1982. 310 с.
- 16 Психология: учебник / под общ. ред. В. Н. Дружинина. СПб.: Питер, 2006. 656 с.

- 17 Царегородцев Г. И., Шингаров Г. Х., Губанов Н. И. Биологическая и социальная детерминация интеллекта // *Философия*. М.: Изд-во СГУ, 2012. С. 397–402.
- 18 Царегородцев Г. И., Шингаров Г. Х., Губанов Н. И. Философский анализ проблемы природной и социальной обусловленности криминального поведения // *История и философия науки*. М.: Изд-во СГУ, 2014. С. 394–409.
- 19 Эфроимсон В. П. Генетика этики и эстетики. СПб.: Талисман, 1995. 288 с.
- 20 Эфроимсон В. П. Предпосылки гениальности (Биосоциальные факторы повышенной умственной активности) // *Человек*. 1997. № 3. С. 5–18.
- 21 *Binsung He*. Essentials of the Missions of Criminal Law (Theory) in the Age of Globalization. Beijing (Пекин), 2015. 59 p.
- 22 *Botkin J. R., McMahon W. M., Fransis L. P.* Genetics and criminality. Washington: Am. Psychol. Assoc., 1999. 484 p.
- 23 *Ferri E.* Sociologia Criminale. Torino: Fratelli bocca editori, 1883. 416 p.
- 24 *Garofalo R.* Riparazione alle vittime del delitto. Torino: Fratelli bocca editori, 1891. 326 p.
- 25 *Lombroso Ch.* L'Uomo delinguent. Torino: Fratelli bocca editori, 1896. Vol. 3. 286 p.

© 2018. Nikolai I. Gubanov
Tyumen, Russia

© 2018. Nikolay N. Gubanov
Moscow, Russia

CRIMINAL BEHAVIOR: BIOLOGICAL, SOCIAL AND PERSONAL CAUSALITY

Abstract: Criminal behavior has until now been insufficiently explained only by biological and (or) social factors. The purpose and novelty of the work is to make the first attempt in justifying the position of triple determination of criminal behavior: heredity, social environment and personal choice — free will of man, his self-determination. The authors have moved away from the outdated paradigm of “biological — social” and moved on to a more adequate paradigm of “bio — social — personal”. The new approach to the issue implies recognition that man is not a passive product of genetic inheritance and social conditions, but instead he is a person of free will which interacting with genetic inclinations and environmental conditions may dominate them or give in to them. The impact of heredity on criminal behavior is found in the form of criminal and immoral inclinations. This impact is not absolute but it does play an important role in criminal behavior. For example, under normal conditions influenza affects only people who are predisposed to it most. However when influenza coincides with a sudden cold weather spell it may befall those less prone to it. By analogy, when considering people of equal education, living in similar social circumstances, those with selfish inclinations commit offences more than those with more pronounced altruistic inclinations. But if conditions deteriorate, people who were less predisposed may also resort to crime. In spite of genotype and adverse social conditions, anyone makes a legal choice independently due to the personal free will. In some cases, because of the social and

human genetic factors it may be difficult to resist aggressive impulses. However man may turn to internal self-organization and look for external assistance. Maybe in future, diagnosis of hereditary predisposition to offenses may serve as a ground for: 1) creating methods for behavioral psychotherapy for individuals with genetic abnormalities; 2) the development of methods for personal self-control, which would neutralize aggressive impulses; 3) improving of the educational system to promote acting on altruistic instincts and to neutralize selfish inclinations.

Keywords: abilities, criminal inclinations, biosocial selection, aggressiveness, predisposition, free will.

Information about the authors:

Nikolai I. Gubanov — DSc in Philosophy, Professor, Tyumen State Medical University, Odessa Str., 54, 625023 Tyumen, Russia. E-mail: gubanov48@mail.ru

Nikolay N. Gubanov — DSc in Philosophy, Associate Professor, Bauman Moscow State Technical University, 2nd Bauman Str., 5/1, 105005 Moscow, Russia. E-mail: gubanovnn@mail.ru

Received: March 03, 2017

Date of publication: June 15, 2018

For citation: Gubanov N. I., Gubanov N. N. Criminal behavior: biological, social and personal causality. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 48, pp. 53–66. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Alfimova M. V., Trubnikov V. P. Psihogenetika agressivnosti [Psychogenetics of aggressiveness]. *Voprosy psichologii*, 2000, no 6, pp. 112–123. (In Russian)
- 2 Belyaev D. Genetika, obshchestvo, lichnost' [Genetics, society, personality], *Kommunist*, 1987, no 7, pp. 90–98. (In Russian)
- 3 Butovskaya M. L. Agressiya i primirenje kak proyavlenie social'nosti u primatov [Aggression and reconciliation as manifestations of sociality in primates]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1998, no 6, pp. 149–160. (In Russian)
- 4 Gegel' G. V. F. *Raboty raznyh let: v 2 t.* [The works of various years: in 2 vols.], transl. from the German by V. A. Rubin. Moscow, Thought Publ., 1971. Vol. 2. 630 p. (In Russian)
- 5 Gubanov N. I., Nikol'skaya N. N. O prirodnoj i social'noj determinacii npravstvennosti i kriminal'nogo povedeniya [On the natural and social determination of morality and criminal behavior]. *Filosofskie nauki*, 2002, no 2, pp. 98–105. (In Russian)
- 6 Gubanov N. I., Gubanov N. N. O biologicheskoy, social'noj i lichnostnoj determinacii npravstvennosti i kriminal'nogo povedeniya [On the biological, social and personal determination of morality and criminal behavior]. *Socium i vlast'*, 2016, no 2, pp. 41–46. (In Russian)
- 7 Gubanov N. N. *Formirovanie, razvitie i funkcionirovanie mentaliteta v obshchestve* [Formation, development and functioning of mentality in society]. Moscow, International Publishing Center “Etnosotsium”, 2014. 214 p. (In Russian)
- 8 Danilova M. I., Suverhov A. V. Biologicheskie i social'nye osnovy ehvolucii yazyka i kommunikacii: sovremennye diskussii [Biological and social basis of the evolution of language and communication: contemporary debates]. *Voprosy filosofii*, 2015, no 12, pp. 77–87. (In Russian)
- 9 Dril' D. A. *Prestupnost' i prestupniki. Uchenie o prestupnosti* [Crime and criminals. The doctrine of crime]. St. Petersburg, St. Petersburg edition printing “Rosehip”, 1912. 712 p. (In Russian)

- 10 Dubrovskij D. I. *Obman. Filosofsko-psihologicheskij analiz* [Deception. Philosophical and psychological analysis]. Moscow, RAY Publ., 1994. 120 p. (In Russian)
- 11 Zenkin A. O biologii npravstvennosti cheloveka [On biology of human morality]. *Rossijskaya Filosofskaya Gazeta*, 2014, no 1–3 (87–89), p. 5. (In Russian)
- 12 *Kriminologiya* [Criminology], ed. by V. N. Kudryavtsev, V. E. Eminov. Moscow, Norma-Infra Publ., 2010. 800 p. (In Russian)
- 13 Lejtes N. S. Vozrastnaya odaryonnost' i individual'nye razlichiya [Age endowments and individual differences]. N. S. Leites. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Voronezh, MODEK Publ., 1997. 448 p. (In Russian)
- 14 Petrovskij A. V. *Vvedenie v psihologiyu* [Introduction to Psychology]. Moscow, Academy Publ., 1995. 496 p. (In Russian)
- 15 Platonov K. K. *Sistema psihologii i teoriya otrazheniya* [Psychology system and the theory of reflection]. Moscow, Science Publ., 1982. 310 p. (In Russian)
- 16 *Psihologiya: uchebnik* [Psychology: a textbook], ed. by V. N. Druzhinin. St. Petersburg, Peter Publ., 2006. 656 p. (In Russian)
- 17 Caregorodcev G. I., Shingarov G. H., Gubanov N. I. Biologicheskaya i social'naya determinaciya intellekta [Biological and social determination of intelligence]. *Filosofiya* [Philosophy]. Moscow, SGU Publ., 2012, pp. 397–402. (In Russian)
- 18 Caregorodcev G. I., Shingarov G. H., Gubanov N. I. Filosofskij analiz problemy prirodnoj i social'noj obuslovlennosti kriminal'nogo povedeniya [Philosophical analysis of the issue of natural and social conditioning of criminal behavior]. *Istoriya i filosofiya nauki* [History and philosophy of science]. Moscow, SGU Publ., 2014, pp. 394–409. (In Russian)
- 19 Ehfroimson V. P. *Genetika ehtiki i ehstetiki* [Genetics of ethics and aesthetics]. St. Petersburg, Mascot Publ., 1995, 288 p. (In Russian)
- 20 Ehfroimson V. P. Predposylki genial'nosti (Biosocial'nye faktory povyshennoj umstvennoj aktivnosti) [Prerequisites of genius (Biosocial factors of increased mental activity)]. *Chelovek*, 1997, no 3, pp. 5–18. (In Russian)
- 21 Binsung He. *Essentials of the Missions of Criminal Law (Theory) in the Age of Globalization*. Beijing (Pekin), 2015. 59 p. (In English)
- 22 Botkin J. R., McMahon W. M., Fransis L. P. *Genetics and criminality*. Washington, Am. Psychol. Assoc. Publ., 1999. 484 p. (In English)
- 23 Ferri E. *Sociologia Criminale* [Criminal sociology]. Torino, Fratelli bocca editori Publ., 1883. 416 p. (In Italian)
- 24 Garofalo R. *Riparazione alle vittime del delitto* [Recovery for victims of crime]. Torino, Fratelli bocca editori, 1891. 326 p. (In Italian)
- 25 Lombroso Ch. *L'Uomo delinguent* [Criminal man]. Torino, Fratelli bocca editori Publ., 1896. Vol. 3. 286 p. (In Italian)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. Л. Н. Евменова
г. Красноярск, Россия

ТРАДИЦИОННАЯ ПИЩЕВАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ СИБИРИ

Аннотация: В статье исследуется пищевая культура сибиряков XIX – начала XX вв. как значимая часть культуры повседневности. На богатом фактическом материале рассматриваются традиционные пищевые пристрастия народов, проживающих на территории Сибири: русских, хакасов, ненцев, долган, кетов, нганасан, эвенков, тувинцев. Специфика пищевой культуры объясняется с точки зрения влияния природно-климатических условий, социально-экономической организации жизни, религиозных воззрений. Автор приходит к выводу, что разнообразный и богатый пищевой рацион сибиряков обусловил формирование представления о «сибирском здоровье», благодаря которому возможно выживание разных этносов в регионе.

Ключевые слова: культура повседневности, традиционная пищевая культура, народы Сибири.

Информация об авторе: Лариса Николаевна Евменова — доктор культурологии, профессор, Сибирский федеральный университет, Свободный пр., д. 79, 660041 г. Красноярск, Россия. E-mail: 2260430@mail.ru

Дата поступления статьи: 05.07.2017

Дата публикации: 15.06.2018

Для цитирования: Евменова Л. Н. Традиционная пищевая культура народов Сибири // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 67–75.

Гуманизация общественной жизни в России повлекла за собой увеличение интереса к изучению всех сторон жизни человека. В 2014 г. в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова состоялся Первый международный научно-практический симпозиум «Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира». Центром по изучению взаимодействия культур в 2015 г. был опубликован сборник статей под общим названием «Еда и культура», освещавшим материалы симпозиума [5]. Впервые научный форум такого уровня поднимал вопросы истории, традиций, норм пищевой культуры народов мира и их взаимовлияние. Следует учесть, что различия культур существуют не только на уровне стран и континентов, но и в рамках отдельных регионов одной страны. Огромная территория России служит таким примером, где в сибирском регионе сосуществует множество национальных и этнических культур. До недавнего времени в гуманитарной науке уделялось малое внимание «гастрономической проблематике», вследствие чего существуют лакуны в изучении этой важной части культуры повседневности. Актуальность данной статьи заключается в необходимости исследовании многообразия пищевой культуры народов Сибири для более полной реконструкции образа жизни наших предков. В данной статье в историко-культурологической ретроспективе будут проанализированы пищевые при-

страстия народов Сибири: русских, хакасов, эвенков, ненцев, кетов, долган, нганасан, тувинцев.

Исследованием сибирской пищевой культуры русского населения дореволюционной России занимался Ю. Н. Гончаров, в частности, он пишет: «<...> в целом, питание сибиряков XIX в. было обильнее, чем жителей европейской части страны, а блюда разнообразнее. Даже сибирский крестьянин питался “как дай Бог чиновнику средней руки в Петербурге”. Сами сибиряки отмечали, что обилие пищи, способы сибирского питания наложили печать на организацию и характер сибиряка. В Сибири мы встречаем более, чем где-либо, людей приземистых, ширококостных, крупных размером, увесистых, которые подают все признаки упитанности» [2, с. 163].

Безусловно, питание купца и крестьянина было несопоставимым, как и горожанина с сельским жителем. С ростом городов и развитием торговли ширилась сеть гастрономических магазинов, бакалейных лавок с широким ассортиментом товаров. О международных связях в пищевой промышленности свидетельствует тот факт, что в 1892 г. на промышленной и сельскохозяйственной выставке в Красноярске была удостоена золотой медали продукция производителя Фильберта, которая содержала сто наименований спиртных напитков, в том числе из США и Бразилии. В Бийске можно было приобрести венские колбасные изделия, в Томске богатые продовольственные рынки свидетельствовали о высокой пищевой культуре сибирских городов. Для заключения сделок крупные купцы выезжали в Москву и Варшаву. Постепенно развивалась система общественного питания, купцы по воскресным дням любили посещать рестораны. Не пустовали и харчевни, трактиры, пивные и чайные.

Сибирская кухня отличалась большим количеством жирной пищи, особой любовью к чаепитию. К чаю подавали обильные мучные блюда: шаньги, оладьи, пироги, калачики, караваи, а также сладости. Блины из кислого и пресного теста пекли не только на Масленицу, когда угощали гостей, но и в обычные дни. Пироги и калачи выпекали в русской печи или жарили в жире. Богатый стол сибиряка дополнялся природными яствами: грибами, ягодами, травами. Из молочных, мясных, рыбных продуктов готовили супы, щи, борщи, похлебки, рассольники, солянки. На второе подавали жаркое из поросят, гусей, уток. Сибиряки большей частью соблюдали религиозные посты, занимавшие около двухсот дней в году. Для постных дней заготавливали много овощей и фруктов, яблок, груш, слив, которые тоже называли овощами. Ели каши, паренки из репы и брюквы, редьку, толокно, пили квас. Даже в семьях средней зажиточности стол был достаточно разнообразным и сытным. С самого начала заселения Сибири русские люди стремились создавать хлебную, мучную основу питания. Для этого выращивали рожь, пшеницу, ячмень, овес, просо, гречу.

Русские люди в Сибири не обходились без напитков: кроме привозных виноградных вин, сами варили пиво, брагу, ягодные наливки, меды, квас. Всеобщим продуктом потребления в Сибири был чай, особенно любимым был китайский, который пили без сахара. Никто из хозяев не отпустит гостя без чая, которого выпивают до десяти и более чашек. На стол ставили большой самовар, сидящая рядом хозяйка разливала напиток по чашкам. К чаю подавали варенья, фрукты, печенья, вафли. По вечерам было принято часто ходить друг к другу в гости «побаловаться чайком», при этом не забывали и другие напитки. Все встречи, беседы не обходились без обильной еды — это было непререкаемой нормой.

Праздничные застолья зажиточных купцов отличались таким чревоугодием и усыпляющими порциями спиртного, что вызывало критику представителей обще-

ственности. В будни было принято рано вставать, пить чай и завтракать; занятые делами, обедали около двух часов дня, затем следовало чаепитие в четыре часа и, наконец, в восемь–девять часов — ужин. Спокойный распорядок дня сопутствовал здоровому образу жизни, поэтому вошло в лексику понятие «сибирское здоровье». Семейной традицией русских сибиряков являлась заготовка продуктов на год. Впрок приобретали разные крупы, муку, ягоды и орехи, коровье масло, солонину. В больших бочках засаливали капусту, огурцы, грузди, рыжики, из ягод варили разные варенья, к лету припасали рыбу, мясо, сало. В Сибири мяса употребляли гораздо больше, чем в европейской части России, а нарушение постов считалось вполне допустимым. В пищевом рационе использовали не только свеженину, но соленое и вяленое, держали домашнюю птицу, охотники добывали дичь.

Безусловно, питание в разных семьях не было одинаковым, поскольку в Сибири проживали люди разных сословных и социальных групп, этнические слои населения. Однако в целом пищевая культура сибиряков была достаточно развитой. В семьях простых людей умели приготовить и подать кулебяку, ботвинью. В чести были традиционные блюда: «щи да каша — пища наша». Подавали к столу разнообразные русские кушанья: овощную и крупяную похлебку, квасную тюрю, калью. Умело готовили разнообразные подливы с рассолом, взвары, которые теперь именуются соусами. К сожалению, со временем утрачены некоторые вкусные и полезные блюда вместе с их названиями. Вместе с тем пищевая культура русского народа в Сибири отличалась богатством, разнообразием и мастерством приготовления блюд. В рацион традиционной сибирской кухни входили блины сибирские, сдобренные молоком, маслом, яйцами, сахаром; сибирские пельмени с мясом свиным, говяжьим, дичиной и салом; саламат, горошница; кисель овсяный: бурдук, оригинальный кисель; варево — вид похлебки в дорогу, на покос и др. [1, с. 262–263].

Причин обилия разнообразной, сытной и полезной пищи русских сибиряков, на наш взгляд, несколько: заселяли Сибирь люди чаще всего энергичные, деловые, предприимчивые, пассионарного типа, умеющие преодолевать трудности, а также богатая природа и относительная свобода людей от произвола властей в отдаленности от центра — все это позволяло сибирякам создавать лучшие материальные условия жизни.

Русская народная кухня сибиряков оказала существенное влияние на пищевую культуру других народов, проживающих в Сибири. Так, например, кухня хакасов впитала в себя не только русскую культуру, но и культуру других национальностей. Из всех народностей Сибирского региона хакасы наиболее близко проживали с русскими переселенцами. Хакасы, в прошлом скотоводы, научились у русских крестьян хлебопашеству, огородничеству и даже садоводству. Они стали сажать картофель, разводить овощные культуры, готовить разнообразные блюда. В Енисее и многих озерах Хакасии водилась рыба: хариус, ленок, таймень, осетровые. Рыбные блюда издавна использовались в хакасской кухне.

Особым пищевым пристрастием хакасов были молочные и мясные продукты, из которых хозяйки издавна умели готовить и подавать к столу красиво оформленные блюда. В хозяйствах, как правило, держали много скота. Когда забивали скот, приглашали родственников, друзей и соседей на свеженину (тамах). Хакасы, как и все сибиряки, гостеприимны и добры, готовы оказать помощь и поддержку тем, кто беднее. В поэтических произведениях этого народа воздается искусным хозяйкам хвала и благодарность. Любое празднество с застольем объединяет людей. В Хакасии празднуют

начало хозяйственных работ, конец зимовки и выгон скота на пастбища, начало и завершение полевых работ. Богатая природа Хакасии позволяет обогащать стол витаминами и микроэлементами за счет дикорастущих разнообразных ягод, грибов, кедрового ореха, трав. Широко используют хакасы полевой лук, черемшу. Праздничный стол или званый обед в хакасской семье отличался богатством и разнообразием блюд и напитков.

У хакасов свои обычаи, традиции в приготовлении пищи, свой жизненный уклад. Современная кулинария хакасов впитала древние народные традиции. Как прежде, широко используются блюда из конины, говядины, баранины, молочных продуктов, рыбы, мяса дичи. В более позднее время наблюдалось использование зерновых культур.

В исследовании Г. В. Ивановой широко представлена традиционная кухня народностей Сибири. Материальная культура этих народов нашла яркое выражение в пищевых предпочтениях, которые определяются средой обитания. На территории Енисейского Севера проживают эвенки, ненцы, кеты, долгане, нганасаны и другие «малые народности». Суровый климат и своеобразные бытовые условия оказали влияние на пищевой рацион коренных народов. Современная пищевая культура народов Сибирского Севера претерпела существенные изменения с утратой традиций. Причина многих заболеваний заключается в неправильном питании, недостатке витаминов и микроэлементов. Своеобразная генетика этих народов не позволяет использовать современные пищевые продукты и напитки. Выход из ситуации вымирания северных народов — в возвращении их к прежнему хозяйственному укладу и традиционной пищевой культуре, что тесно связано с традиционным природопользованием.

Основой традиционной культуры народов Севера являются зверобойный промысел, оленеводство и рыболовство. Вместе с тем каждая из народностей имеет свои навыки приготовления пищи и особые кулинарные рецепты. Характерной особенностью пищевой культуры северян является употребление в пищу сырых продуктов, без тепловой обработки. Те, кто употребляет в сыром виде мясо и рыбу, не болеют цингой, не страдают авитаминозом. Автор Г. В. Иванова выделяет три вида употребляемого сырого мяса. Первый вид: свежее парное мясо оленя, моржа, тюленя, жир и кровь раненого животного поедают, отрезая кусками. Такое мясо отличается нежностью, мягкостью, особым вкусом, как свидетельствуют европейские путешественники. Кровь животного выпускается из небольшого надреза и выпивается сразу. В смеси крови с молоком напиток считается целебным. Второй вид употребления сырого мяса — парное, схваченное морозом. Оно еще не утратило своей ценности. Из такого мяса делают строганину, режут тонкими длинными стружками, сдабривая острыми приправами: травами, мороженой клюквой, морошкой и другими. Третий вид употребления мяса — сушеное на морозе и ветру [7, с. 22–23].

Разнообразны способы приготовления рыбы: она может употребляться как сырой, так и мороженой, соленой, квашеной, печенной в золе, при этом ее не варят и не жарят. Семга, омуль, лосось разнообразят и дополняют пищевой стол северян. Любимое горячее блюдо всех северных народов — чай с молоком. Употребляются яйца и мясо куропаток, в приготовлении которых используют местные травы. Таким образом, традиционную пищевую культуру северных народов нельзя назвать примитивной, она соответствует генетическим особенностям народов, северному климату, образу их жизни. Стремление каждого народа вернуться к своим корням, истокам, своим традициям не утрачено. Необходимо помочь людям в создании условий для хозяйствования и возрождения культуры северных народов. Следует восстановить связь организма северян с внешней средой, с экологическими условиями жизни. Коренные народности

Севера употребляют в пищу нетрадиционные для других народов продукты питания, которые позволяют организму полноценно развиваться в суровых климатических условиях.

Исследователь проблемы питания коренных народностей Севера и особенностей их пищевой культуры Г. В. Иванова в своей работе обобщает традиционные пищевые продукты. Во-первых, употребление большого количества жира и сала морских зверей и животных в период неблагоприятных погодных условий, когда невозможно готовить пищу обычным способом. Во-вторых, использование в пищу мяса, рыбы, крови животных, специально заквашенных в емкостях или ямах с добавлением консервантов в виде растительного сырья. Специалисты в области питания считают, что такой способ обработки продуктов, как закапывание туши убитого животного, обогащает организм витаминами за счет их синтеза с микрофлорой кишечника или бактериями. В-третьих, употребление в пищу сырого мяса и рыбы, а также свежей крови животных обогащает организм биологически активными веществами. И, наконец, в-четвертых, использование большого количества растительного сырья для приготовления блюд и напитков позволяет удовлетворять потребности организма в макро- и микроэлементах и витаминах. Удивляет то, что в пищу северян идут растения, считающиеся несъедобными и даже ядовитыми в других регионах [7, с. 6–7]. Такова сила приспособляемости человека к природе.

В XVIII в. пищевой рацион северных народов пополнился мукой, крупами и другими продуктами, которые завезли русские. Кухни народов енисейского севера исследовали И. Н. Пушмина, Р. Р. Алеева, Л. В. Ерофеева. Они, например, дали описание ненецкой кухни. Отличительной чертой традиционной ненецкой кухни является использование сырого мяса, крови только что убитых животных, которое потом замораживали, варили или коптили. Из оленины и других видов мяса ненцы варили бульон, суп, заправляя его ржаной мукой. Использовали мясо куропаток, гусей, уток, весной собирали гусиные яйца и употребляли их вареными. Излюбленным блюдом ненцев является строганина из рыбы и мяса, которую макали в соленую воду. Сушеную рыбу, юколу, варили в рыбьем жире и ели с лепешками и сухарями. Большим лакомством считался вытопленный жир, в него обмакивали куски рыбы и лепешки. С кусочками вареной рыбы смешивали икру, добавляя в блюдо ягоды [8, с. 133].

В пищевой культуре ненцев исторически сложился определенный порядок приема пищи, своеобразный этикет. По утрам ели хлеб с жиром, запивая горячим чаем. Чай заваривали прямо в котле и кипятили, чтобы он стал крепким и ароматным. К обеду и к вечеру варили мясо или рыбу и пили чай. Условия быта кочевников не позволяли иметь стационарные очаги и кухонную утварь. В первую очередь ели мужчины и мальчики 5–6 лет, и только после них — женщины и девочки. Такой обычай сложился в связи с кочевым образом жизни, с особой ценностью охотников — кормильцев. В настоящее время некоторые традиции ушли в прошлое.

Не менее своеобразна и оригинальна бытовая культура эвенков (тунгусов). Пищевая культура эвенков, коренного народа Сибири, зависела от его хозяйственной деятельности. В период кочевья очень часто недоставало продуктов питания, поэтому отношение к еде у эвенков было особенно почтительным. С древних времен эвенки поклонялись огню, дающему тепло и отгоняющему злых духов. Эвенки просили огонь послать добычу, дать здоровье людям и сохранить олени стада. Огонь кормили, бросая в него кусочки пищи. В связи с обожествлением огня его широко использовали для приготовления пищи. Сыроедение использовалось гораздо реже, чем у других север-

ных народностей, парное мясо, свежая рыба и строганина считались деликатесами. Основная пища готовилась на огне. В основе питания эвенков издавна было мясо оленя. Его варили, жарили, толкли, вялили, коптили, сушили, смешивали с лесными ягодами, делали кровяную колбасу. Все части туши убитого животного находили применение в разнообразии блюд. Мясо жарили на огне, варили бульон «сирба» и подавали его горячим в чашках или кружках. Единственное животное, которое старались не употреблять в пищу, — медведь, он считался хозяином тайги, великим тотемом. На него специально не охотились, а если случалось убить, то просили прощения. Для стола охотники приносили много беличьих тушек, которые считались особенно вкусными в сезон ореха. Мясо зайца — диетический, весьма полезный продукт, его готовили детям, старикам и больным. Разнообразием пищи эвенков служили рябчики, тетерева, глухари, куропатки — лесная дичь, ее варили, тушили, запекали на огне. Эвенки никогда не употребляют в пищу мясо лебедей, орлов, цаплей, гагар, так как они считаются священными. Для этого народа было свойственно добывать пищи столько, сколько необходимо для питания.

Значительное место в рационе эвенков занимает рыба, которую они едят вареной или жареной на рожне. Ее не обязательно потрошить, но важно посыпать солью перед запеканием. Рыбу предпочитали есть в вареном, растертом, вяленом виде, а из сушеной производили муку и заправляли ею первые блюда. Разнообразило пищевой рацион эвенков молоко важенки, самки оленя, оно содержит много жира, белка, очень питательное и вкусное. Из него готовили масло, его добавляли в крепкий чай, делали много блюд. Эвенки, знакомые с мукой, научились у русских выпекать хлеб. Не случайно хлебная выпечка на родном языке эвенков звучит «колобо». Разнообразят и обогащают пищевой рацион эвенков лесные ягоды, орехи, грибы и травы. Особенно полезной и вкусной считалась черемша — кладезь витаминов и микроэлементов. Черемшу измельчали и добавляли в супы. Таким образом, пищевая культура эвенков была достаточно развитой и обеспечивала потребности людей в самом необходимом для роста, развития и физического здоровья. Не случайно исследователи называли этот народ «дворянством Сибири».

Национальная кухня является частью народной культуры. Блюда этой кухни пережили века благодаря передаче практического опыта каждому новому поколению. При рассмотрении традиционной сибирской пищевой культуры, было уделено внимание народам Севера и средней полосы Красноярского края.

Представляет интерес также традиционная пищевая культура тувинцев, народа, проживающего на юге этого региона Сибири. Система питания тувинцев относится к центрально-азиатскому типу, который распространен в Монголии, Бурятии и других странах Азии. Поскольку основным занятием тувинцев было скотоводство, пищевой рацион тувинцев составляли блюда из вареного мяса и молока. В летнее время питались в основном молочными продуктами — кислым молоком, сметаной, сыром, маслом и сливками. В зимнее время употребляли мясную пищу и злаки. Варили ячменную похлебку с мясом, Готовили пищу в больших котлах, закладывая мясо крупными кусками в слегка подсоленную воду. В котле растапливали жир, смешивая его с мукой, и хранили в посуде из желудка копытных. Мясо заготавливали впрок, сушили и солили его. Гостеприимство тувинцев требовало отдать почетному гостю лучшие куски мяса. По религиозным убеждениям каждая часть туши обладает охранительными или карательными свойствами, что учитывалось при распределении культовой пищи. Ели много хлеба.

Любимый напиток тувинцев — ароматный чай из местных трав с молоком и маслом. Лакомством считалось блюдо из кипяченной в котле сметаны, смешанной с мукой. Пища из рыбных продуктов не была столь распространенной, особенно у степных народов. Те, кто проживал вблизи рек и озер, занимались рыболовством. Из рыбы варили суп, ее толкли, превращали в муку, солили. В основном ловили хариуса, тайменя, сига, щуку. Нередко рыбу жарили на костре или над очагом в чуме, нанизывая на палочки. Растительная пища тувинцев была весьма ограниченной и состояла из высушенных луковиц сараны, из них варили густой, похожий на кашу суп.

Для праздничного угощения гостей и исполнения некоторых обрядов готовили молочную водку — «араку». Хозяйка раздавала пищу и подносила гостям водку, держа пиалу одной рукой. Первым получал угощение хозяин, потом — все остальные. Гостей угощали аракой из одной фарфоровой пиалы, передавая ее от одного гостя другому. Из чашки водки, или любого продукта, осуществляли кропление духам, прежде чем начать трапезу. Этот обычай сохранился и до нашего времени.

Тувинцы были хорошо знакомы со свойствами трав, произрастающих в степных и лесных районах Тувы. Горячие источники, аржаны, причислены к средствам народной медицины и широко используются при многих заболеваниях.

Поскольку кочевникам требовалось часто менять места жительства, приходилось держать верховой выючный «транспорт»: лошадей, верблюдов, оленей и быков, особенно сарлыков. Эти животные также пополняли рацион питания тувинцев. В таежных районах пищевая культура тувинцев была более разнообразной за счет богатств тайги — орехов, трав, ягод.

Среди сибирских народов, в том числе и у тувинцев, было поклонение духу медведя. Это тотемное животное не было объектом охоты, существовал «медвежий праздник». В исключительных случаях хоронили убитого медведя, возлагая вину за его смерть на тайгу, реку, ветер и др. Просили прощения у трупа медведя и верили в его возрождение. Национальный менталитет, быт и нравы людей, условия их жизни оказывают основное влияние на пищевую культуру каждого народа.

Таким образом, пищевая культура народа — это не только материальное явление, но и составляющая духовной культуры. Она способствует воспитанию гостеприимства, патриотизма, любви к людям, своей малой Родине, уважения к ее традициям. Пища дает радость жизни, здоровье и счастье тем, кто умеет правильно ею пользоваться. «В здоровом теле — здоровый дух», поэтому пищевая культура способствует рождению таланта. Интересные сведения о специфике сибирской пищевой культуры находим в письме великого художника В. И. Сурикова, который в письме к родным писал: «...сегодня утром стою и смотрю на ту сторону, где наша Сибирь и Красноярск. Так бы и полетел к вам. Вот что, мама: пришлите мне сушеной черемухи, тут есть и апельсины, и ананасы, груши, сливы, а черемухи родной нету» [8, с. 12]. Сибирская черемуха — ягода особая, крупная, черно-коричневая, терпко-сладкая. Собирают ее созревшую и сушат в печи, на подду, до шелеста. Потом толкут в порошок. Из толченой черемухи, распаренной с сахаром, делают знаменитые сибирские шаньги — треугольные и круглые ватрушки, смазанные сверху сметаной.

Таким образом, мы рассмотрели лишь небольшую часть пищевой культуры сибиряков — пищевые пристрастия, обусловленные прежде всего климатическими условиями, природными ресурсами и, безусловно, религиозно-мировоззренческими установками. В целом, весь строй социокультурной деятельности сибиряков определял в той или иной степени специфику продуктов, употребляемых в пищу. Безусловно,

в настоящее время сибиряки сильно изменились, ушла в прошлое жизнь, наполненная тяжелой физической работой, которая требует употребления в пищу большого количества жирной и мучной пищи. Тем не менее можно заключить насколько значим состав и количество продуктов для выживания всего народа, история культуры знает немало примеров, когда изменение системы питания влекло за собой вымирание этноса. Знание и применение традиционного типа питания в своем регионе будет способствовать развитию правильной пищевой культуры в современных условиях «быстрой еды». И от того, насколько правильным будет этот выбор, зависит физическое и душевное здоровье народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Андюсев Б. Е.* Сибирское краеведение. Красноярск: РИО КГПУ, 2003. 334 с.
- 2 *Гончаров Ю. М.* Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX вв.). Новосибирск: Сова, 2004. 354 с.
- 3 *Евменова Л. Н.* Культура русских переселенцев Приенисейского края. Красноярск: Поликом, 2006. 226 с.
- 4 *Евменова Л. Н.* Этнические культуры народов Приенисейского края. Красноярск: Поликом, 2007. 228 с.
- 5 *Еда и культура: сб. ст. М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2015. 362 с.*
- 6 *Иванова Г. В.* Кулинарная культура коренных народностей Севера. Красноярск: КГТЭИ, 2006. 208 с.
- 7 *Кончаловская Н. П.* Дар бесценный. М.: Детская литература, 1989. 282 с.
- 8 *Кухня Сибири: прошлое, настоящее, будущее: Материалы Регион. науч.-практ. конф. 19 марта 2004 г. Красноярский гос. торгово-экономический ин-т. Красноярск: КГТЭИ 2004. 304 с.*
- 9 *Похлебкин В. В.* Национальные кухни наших народов. М.: Центрполиграф, 1991. 607 с.

© 2018. Larisa N. Evmenova
Krasnoyarsk, Russia

TRADITIONAL FOOD CULTURE OF SIBERIAN PEOPLES

Abstract: The paper examines the food culture of the Siberians in XIX – early XX centuries as a significant part of everyday culture. The author studies traditional food choices of the peoples living in Siberia, i.e. Russians, Khakas, Nenets, Dolgans, Kets, Nganasans, Evenks, Tuvinians basing on the rich factual material. The study displays characteristics of the food in terms of the influence of natural and climatic conditions, social and economic life arrangement, religious beliefs. The author comes to the conclusion that varied and rich daily diet of the Siberians has led to the idea of “Siberian health”, which makes it possible for different ethnic groups to survive in this region.

Keywords: everyday culture, traditional food culture, Siberian peoples.

Information about the author: Larisa N. Evmenova — DSc in Cultural Studies, Professor, Siberian Federal University, Svobodnyi Av., 79, 660041 Krasnoyarsk, Russia. E-mail: 2260430@mail.ru

Received: July 07, 2017

Date of publication: June 15, 2018

For citation: Evmenova L. N. Traditional food culture of Siberian peoples. *Vestnik slavianskikh kul'tur*; 2018, vol. 48, pp. 67–75. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Andjusev B. E. *Sibirskoe kraevedenie* [Siberian ethnography]. Krasnoyarsk, RIO KGPU Publ., 2003. 334 p. (In Russian)
- 2 Goncharov Ju. M. *Ocherki istorii gorodskogo byta dorevoljucionnoj Sibiri (seredina XIX – nachalo XX vv.)* [Essays on the history of urban life in pre-revolutionary Siberia (middle of the XIX – early XX centuries)]. Novosibirsk, Sova Publ., 2004. 354 p. (In Russian)
- 3 Evmenova L. N. *Kul'tura russkih pereselencev Prienisejskogo kraja* [Culture of Russian settlers in Yenisei region]. Krasnoyarsk, Polikom Publ., 2006. 226 p. (In Russian)
- 4 Evmenova L. N. *Jetnicheskie kul'tury narodov Prienisejskogo kraja* [Ethnic culture of the peoples in Yenisei region]. Krasnoyarsk, Polikom Publ., 2007. 228 p. (In Russian)
- 5 *Eda i kul'tura: Sbornik statej* [Food and culture: Collection of articles]. Moscow, Centr po izucheniju vzaimodejstvija kul'tur Publ., 2015. 362 p. (In Russian)
- 6 Ivanova G. V. *Kulinarnaja kul'tura korennyh narodnostej Severa* [Culinary culture of indigenous Arctic ethnic groups]. Krasnoyarsk, KGTJeI Publ., 2006. 208 p. (In Russian)
- 7 Konchalovskaja N. P. *Dar bescennyj* [Priceless gift]. Moscow, Detskaja literature Publ., 1989. 282 p. (In Russian)
- 8 *Kuhnja Sibiri: proshloe, nastojashhee, budushhee: Materialy Regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii 19 marta 2004 g. Krasnoiarskii gosudarstvennyi torgovo-ekonomicheskii institute* [Siberian cuisine: past, present, future: Proceedings of the regional scientific and practical conference March 19, 2004 Krasnoyarsk state trade and economic Institute]. Krasnoyarsk, KGTJeI Publ., 2004. 304 p. (In Russian)
- 9 Pohlebkin V. V. *Nacional'nye kuhni nashih narodov* [National cuisines of our peoples]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 1991. 607 p. (In Russian)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. Е. А. Каминская
г. Москва, Россия

СОВРЕМЕННЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОРИЗМ В АКТУАЛИЗАЦИИ ТРАДИЦИОННОГО ФОЛЬКЛОРА: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация: В современной культуре достаточно ярко проявляет себя взаимодействие двух ее пластов: народной культуры и профессиональной культуры. Одним из проявлений такого взаимодействия выступает фольклоризм. В соответствии с видовой классификацией искусства фольклоризм может быть различных видов: литературный, музыкальный, в изобразительном искусстве и т. д. Музыкальный фольклоризм в современной культуре представлен разнообразными вариантами обращения к фольклорным материалам: от точного цитирования до стилизации под фольклор и опосредованного апеллирования к его образно-смысловой палитре. В этом контексте профессиональная художественная культура может выступить средой актуализации фольклорной культуры в силу достаточно регулярного обращения к последней как источнику авторского творчества.

Ключевые слова: фольклоризм, музыкальный фольклоризм, современная фольклорная культура, профессиональная художественная культура.

Информация об авторе: Елена Альбертовна Каминская — доктор культурологии, кандидат педагогических наук, доцент АНО ВО «Институт современного искусства», ул. Новозаводская, д. 27 А, 121309 г. Москва, Россия. E-mail: kaminskayae@mail.ru

Дата отправки статьи: 14.06.2017

Дата публикации: 15.06.2018

Для цитирования: Каминская Е. А. Современный музыкальный фольклоризм в актуализации традиционного фольклора: функциональный аспект проблемы // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 76–82.

Проблемы сохранения, актуализации и грамотного использования традиций во всех их проявлениях являются одними из приоритетных в культурных практиках современности. Как правило, в обыденном сознании традиции связывают с устоями, постоянством, гармонией культуры. В функциональном значении традиций могут быть восприняты любые явления прошлого, дошедшие до наших дней и отвечающие потребностям как отдельного индивида, так и общества в целом. В качестве подобного устойчивого феномена выступает фольклорная культура во всех ее проявлениях: от архаических до современных форм. В свою очередь одним из компонентов современной фольклорной культуры выступает такое явление, как фольклоризм. В данной статье мы под фольклоризмом, опираясь на мнение Л. П. Ивановой [3, с. 10], будем понимать особый феномен, рожденный в результате взаимодействия народной и профессиональной художественных систем и представляющий воплощенный художественными средствами индивидуально неповторимый образ произведения, созданного профессиональным

художником, в тексте которого свойства фольклора представляют органичную, неотъемлемую и смыслонесущую составляющую. Следует отметить, что в современности процессы взаимодействия народной и профессиональной культуры становятся более интенсивными. В наше время можно констатировать не просто увеличение объема проявлений фольклоризма, но существенный рост разнообразия самих вариантов обращения к фольклорной культуре, в том числе возникновение различных гибридных сочетаний и конструкций. В XX–XXI вв. все больший интерес среди профессиональных деятелей художественной культуры вызывает постфольклор (т. е. поздний городской фольклор, «неофольклор»), с одной стороны, и в то же время глубинные аутентичные образцы древнего (архаического, традиционного) фольклора (вспомним, например, Б. Бартока и З. Кодая, обратившихся к архаическим звучаниям венгерской музыки; И. Стравинского — одного из ярчайших представителей неофольклоризма; композиторов «новой фольклорной волны» второй половины XX в. А. Хачатуряна, Г. Свиридова, В. Гаврилина и др.). Как отмечает Ю. В. Тихонова в исследовании, посвященном творчеству В. Калистратова, во второй половине XX в. можно выделить две основных тенденции использования традиционного фольклора в профессиональном творчестве. Первая из них связана с использованием современных техник воплощения фольклорного материала, вторая — с максимально бережным соблюдением стилистики самих фольклорных произведений [8]. То есть поиски собственного индивидуального стиля порождают обращение к фольклорной культуре в целом. Именно в силу того, что фольклор воплощает глубинные культурные смыслы и значения, он служит важнейшим фактором культурной идентификации, в том числе в контексте профессиональной художественной культуры. При этом генетическая связь с фольклором, несомненно, сохраняется, хотя обнаружить ее не всегда легко. Это, например, касается случаев, когда обращение автора к фольклору не входит в осознанные компоненты замысла, а происходит на уровне «культурного подсознания».

Фольклоризм как явление профессиональной художественной культуры проявляет себя в различных видах искусств. В рамках данной статьи остановимся несколько более подробно на музыкальном (композиторском) фольклоризме. Принято выделять следующие приемы обращения композитора к музыкальному фольклору: использование его образов, сюжетов, форм и пр.; цитирование (прямое или косвенное); «переинтонирование»; написание обработок, аранжировок, вариаций, фантазий, парафраз на народные темы; сочинение «в народном духе» (стилизация) [4]. Конечно же, авторское творчество гораздо шире представленной общей классификации. Однако даже такое, пусть схематизированное, представление показывает, что современный музыкальный фольклоризм демонстрирует отмеченную выше тенденцию обогащения разнообразия вариантов авторского обращения к фольклору как содержательной палитре актуального творчества, но с опорой на собственно фольклорные основания, хотя и в разной степени. В искусствоведческих работах, посвященных воплощению подобных аспектов, рассматриваются различные ситуации обращения к фольклорным материалам со стороны профессиональных музыкантов [1; 7; 8 и др.]. Например, М. С. Высоцкая, Г. В. Григорьева указывают на синтез «фольклорных истоков с современными технико-стилевыми тенденциями и приемами» [2, с. 128], «новое отношение к жанру <...>, новое отношение к тематизму <...>, тотальная мелодическая вариантность <...>, новое понимание музыкальной формы с преобладанием вариантно-вариационных принципов развития <...>, проникновение инструментального начала в песенный тематизм и речевого начала, новая ладовая основа <...>» [2, с. 128].

Следовательно, можно сделать вывод о том, что преломление и претворение фольклора в композиторском творчестве является ярким свидетельством проявления таких важных свойств фольклора, как вариантность и его способность к перекодировке, когда фольклорное произведение может быть использовано и в качестве музыкального материала, из которого вырастает авторское произведение (приведем в качестве примера обработки народных мелодий, вариации на них, кантаты «Курские песни» Г. Свиридова, «Свадебные песни» Ю. Буцко, фольклорный концерт «Времена года» А. Киселева и т. п.), и как один из элементов творческого замысла (например, использование текстов народных песен в творчестве группы Led Zeppelin, в «Русской тетради» В. Гаврилина, в «Голосах замерзшей земли» А. Раскатова, «Тихом Доне» С. Слонимского и т. п.; цитирование народных мелодий в балете «Весна священная» И. Стравинского, обращение к народным мелодиям во Втором фортепианном трио Д. Шостаковича и мн. др.), и как средство для создания «народного духа» в собственно композиторском тексте (например, в произведении «Отчалившая Русь» Г. Свиридова и др.).

Само применение текстов традиционного фольклора в профессиональной художественной культуре способствует их сохранению (пусть и в видоизмененном варианте), запоминанию, узнаванию. Подобное обстоятельство может быть расценено как положительный эффект для самого традиционного фольклора. В этом случае его тексты становятся значимыми для публики, входят в систему фоновых знаний, укореняются в памяти, тем самым формируя потенциальные предпосылки для обращения к таким материалам в новых вариантах актуализации. В этом отношении следует указать на наиболее значимую роль создания композиторами вариаций на народные мелодии, которые активно применялись в музыке для народных инструментов. Укажем хотя бы на «Концерт для трехструнной домры с оркестром» Н. П. Будашкина, где автор «уверенно распорядился народными темами» [6, с. 30]. А если обратить внимание на нотографию, указанную в работе А. И. Пересады, то мы насчитаем более 150 произведений на народные темы — обработок, вариаций, фантазий и т. п. Аналогично дело обстоит с нотографией для балалайки, составленной этим же автором [5]. Это косвенно свидетельствует о том, что традиционный фольклор не только востребован в профессиональном творчестве, но узнаваем и ожидаем в среде слушателей. Значит, живая память хранит информацию о традиционном фольклоре, и актуальной остается задача — не прервать эту «нить памяти», а, наоборот, всесторонне поддерживать.

Именно в звучании народных инструментов фольклорные произведения воспринимаются наиболее органично, что понятно. Ведь перенос фольклора в иную, не свойственную условию его бытования среду, подвергает его видоизменениям, порой весьма существенным. Если при этом еще убрать звучание наиболее «родственных» тембральных окрасок, то такие изменения могут быть столь существенными, что сам фольклорный первоисточник в них как бы «растворится». Конечно, для авторского замысла, где фольклорное произведение лишь источник или элемент творчества, этот момент не столь существенен. Однако если рассматривать эту ситуацию с точки зрения сохранности и актуализации самого фольклорного произведения, то момент его «растворения», неузнавания, может привести к забвению в отсутствие актуально звучащего первоисточника. Именно поэтому обработки и вариации на народные мелодии для народных инструментов в большей степени могут способствовать введению фольклорных произведений в актуальную культурную практику лишь при одновременном существовании с аутентичными первоисточниками в своеобразном созвучии-диалоге с ними.

Тенденция создания обработок народной музыки, вариаций и фантазий на народные темы сохраняется и в наше время. Например, в творчестве уральского композитора Т. Ю. Шкербиной довольно часто встречаются цитаты из народных песен: в опере-розыгрыше «Дюймовочка» это тема русской народной песни «Коробейники», которая подчеркивает и усиливает сюжетную линию (звучит во время сватовства Крота, как бы завершая «делку» с Мышью), и украинская народная песня «Наша перепелочка», употребленная, наоборот, в ироничном, противоположном по отношению к традиционному содержанию смысле; в балете «Аркаим» использована уральская народная песня «Не долго веноченку на стенке ему висеть»; в балете «Сломанные игрушки» цитируется русская народная песня «Выйду на улицу». Обращается автор и к традиционному музыкальному фольклору других народов. В уже указанной опере-розыгрыше «Дюймовочка» используются интонации еврейской традиционной песни «Хава Нагила» (дуэт Жабищи и Жабича). То есть в силу собственных творческих изысканий зачастую отечественные авторы обращаются и к традиционной музыке других народов. Примеры такого рода можно продолжить: А. Нижник (украинский, теперь — российский композитор) в своей «Пьесе» использует балканский фольклор как интенцию творческого мышления, а в «Карагоде весны» творчески перерабатывает подлинные народные мелодии Белгородской области. Уральский композитор А. Кузьмин в опере «Алхимик» во вступлении к сцене на рыночной площади применяет имитацию народной арабской темы. Тем самым сохраняется и развивается традиция обращения к музыкальному фольклору в достаточно широких социокультурных контекстах.

Отметим особо то обстоятельство, что современное отечественное музыкальное искусство все же в большей мере показывает нам образцы успешного обращения к русскому фольклору. Пример тому — обработки народных песен для ансамбля (в дальнейшем — театра) «Русская песня» под руководством Н. Бабкиной. Именно благодаря современным аранжировкам популярных народных песен творчество ансамбля и самой певицы стало широко известным. В дальнейшем коллектив в своем репертуаре стал использовать не только популярные народные песни, вводя их в круг интересов современной публики, формируя ее вкус, но и внедрять в память «новые» образцы традиционного фольклора. К сожалению, мало известна деятельность театра народной музыки под руководством Т. Смысловой. Большинство артистов этого театра — бывшие артисты ансамбля Д. Покровского, который одно время был широко известен своим творчеством. Это был «экспериментальный» ансамбль, созданный при фольклорной комиссии Союза композиторов РСФСР. Деятельность ансамбля не ограничивалась только исполнительским творчеством, его участники провели огромную работу по собиранию текстов традиционного фольклора. Под его воздействием, как считается, родилось широкое молодежное фольклорное движение в нашей стране.

Бережное, чуткое обращение к традиционному фольклору демонстрирует челябинский ансамбль «Ариэль», основу репертуара которого изначально составляли произведения, опирающиеся на русский фольклор. Это использование его образов («Баба-Яга»), парафразы на народные темы («Отдавали молоду на чужую сторону»), обработки народных песен («Уж ты, Порушка, Параня», «В амбар за мукой», «Я на камушке сижу», «На улице дождик» и пр.). В приведенных примерах сохраняются тексты традиционного фольклора, но они приобретают современное звучание. Тем самым выполняется важнейшая задача сохранения и живого воспроизведения фольклора в современном звучании, в качественной профессиональной обработке и исполнении.

Другой вариант обращения к фольклору — творчество ансамбля «Золотое кольцо» (Н. Кадышева). Несмотря на то что в репертуаре коллектива есть и подлинно народные песни («У церкви стояла карета», «Когда б имел золотые горы», «По Дону гуляет...», «Мой костер» и пр.), и авторские, но стилизованные под фольклор (муз. Е. Родыгина, сл. М. Пелипенко «Уральская рябинушка», муз. А. Костюка, сл. П. Черняева «Течет ручей» и пр.), их отличает иная манера исполнения, «попсовый» характер подачи материала. Но все же и эта грань сохранения фольклора важна и нужна. Она позволяет в легкой, непринужденной манере воспроизводить его тексты, запоминать их, превращать в фоновое знание, тем самым даже в таком варианте оставляя возможность обращаться к эйдетической памяти с тем, чтобы вновь возвращаться к более близким аутентичным фольклорным формам.

Такие обращения к традиционному фольклору не отдельные случайные явления в культуре, которые мы привели как разовые примеры. Тенденция использовать элементы, жанры, виды, образы, символы, интонации, формулы традиционного фольклора, способы «переинтонировать» его, включать в собственное произведение, строить на его основе разнообразные композиции универсальна и общекультурна.

Таким образом, мы представили краткий, но достаточно представительный обзор ситуаций обращения профессиональной художественной культуры к традиционному фольклору. Подводя итог, можно утвердительно заявить, что актуализация традиционного фольклора профессиональной художественной культурой фактически осуществляется процессуально, но происходит это спонтанно, ситуативно, спорадически. При таком подходе к традиционному фольклору неизбежны потери, ошибки, неполное использование его потенциала, а то и забвение фольклорных явлений. А при неизбежной «частичности» невозможно представить и весь спектр фольклорной культуры, который мог бы быть использован в профессиональной художественной деятельности существенно более эффективно. Тем самым возникает дуализм, выраженный, с одной стороны, в направленности профессиональной художественной культуры на фольклор как богатейший источник творчества и одновременно в самодостаточности самовыражения художника и его произведений, при которой возникает эффект дистанцирования от фольклорных истоков, что затрудняет возможность их актуализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Аишотов Б. Г.* Размышления об аксиональности традиционной культуры в современном социокультурном пространстве // *Культурная жизнь Юга России.* 2016. № 2 (61). С. 24–30.
- 2 *Высоцкая М. С.* Музыка XX века: от авангарда к постмодерну: учеб. пособие. М.: Научно-издат. центр «Московская консерватория», 2011. 440 с., нот.
- 3 *Иванова Л. П.* Типология фольклоризма в русской музыке XX века: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. СПб., 2005. 35 с.
- 4 *Каминская Е. А.* Профессиональная художественная культура как один из механизмов актуализации традиционного фольклора // *Казанский педагогический журнал.* 2015. № 5 (112). Ч. 2. С. 412–414.
- 5 *Пересада А. И.* Справочник балалаечника / под ред. О. Глухов. М.: Сов. композитор, 1977. 224 с.
- 6 *Пересада А. И.* Справочник домриста. Краснодар: Краснодар. изд.-полигр. произв. предприятие, 1993. 400 с.

- 7 Соломонова Н. А. Музыкальная культура народов Дальнего Востока России XIX–XX вв. (Этномузыкологические очерки): авторефер. дис. ... д-ра искусствоведения. М., 2000. 49 с.
- 8 Тихонова Ю. В. Хоровая музыка Валерия Калистратова: к проблеме «фольклор и композитор сегодня»: авторефер. дис. ... канд. искусствоведения. Москва, 2014. 24 с.

© 2018. Elena A. Kaminskaya
Moscow, Russia

MODERN MUSICAL FOLKLORISM IN TERMS OF ACTUALIZATION OF THE TRADITIONAL FOLKLORE: FUNCTIONAL ASPECT OF THE ISSUE

Abstract: The paper focuses on the interaction of two layers clearly visible in contemporary culture: folk culture and professional culture. Folklorism is a manifestation of such interaction, which in accordance with the arts classification may be of the various types: literary, musical, visual arts etc. In contemporary culture musical folklorism displays a variety of options in terms of addressing folk culture: exact quoting, imitation of folklore and indirect appealing to its figurative signification. Professional culture may act as a means of mainstreaming the folk culture due to the fairly regular references to the latter as a source of creative work.

Keywords: Folklorism, musical folklorism, contemporary folklore culture, professional art culture.

Information about author: Elena A. Kaminskaya — DSc in Cultural Studies, PhD in Pedagogics, Associate Professor, Nonprofit Organization of higher education «Institute of modern art», Novozavodskaya Str., 27 a, 121309 Moscow, Russia. E-mail: kaminskayae@mail.ru

Received: June 14, 2017

Date of publication: June 15, 2018

For citation: Kaminskaya E. A. Modern musical folklorism in terms of actualization of the traditional folklore: functional aspect of the issue. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 48, pp. 76–82. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Ashkhotov B. G., Rakhaev A. I. Razmyshleniia ob aksional'nosti traditsionnoi kul'tury v sovremennom sotsiokul'turnom prostranstve [Reflections on the relevance of traditional culture in the modern socio-cultural environment]. *Kul'turnaia zhizn' Iuga Rossii*, 2016, no 2 (61), pp. 24–30. (In Russian)
- 2 Vysockaja M. S., Grigor'eva G. V. *Muzyka XX veka: ot avangarda k postmodernu: uchebnoe posobie* [Music of the XX century: from avant-garde to postmodern: textbook]. Moscow, Nauchno-izdatel'skij centr “Moskovskaja konservatorija”, 2011. 440 p., sheet music. (In Russian)
- 3 Ivanova L. P. *Tipologija fol'klorizma v russkoj muzyke XX veka* [Typology of folklorism in Russian music of the XX century]. Abstract of the PhD dissertation in Art History. St. Petersburg, 2005. 35 p. (In Russian)

- 4 Kaminskaia E. A. *Professional'naiia khudozhestvennaia kul'tura kak odin iz mekhanizmov aktualizatsii traditsionnogo fol'klora* [Professional artistic culture as one of the mechanisms of actualization of traditional folklore]. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal*, 2015, no 5 (112), part 2, pp. 412–414. (In Russian)
- 5 Peresada A. I. *Spravochnik balalaichnika* [Balalaika player's reference guide], ed. by O. Glukhov. Moscow, Sov. Kompozitor Publ., 1977. 224 p. (In Russian)
- 6 Peresada A. I. *Spravochnik domrista* [Domra player's reference guide]. Krasnodar, Krasnodarskoe izdatel'sko-poligraficheskoe proizvodstvennoe predpriiatie Publ., 1993. 400 p. (In Russian)
- 7 Solomonova N. A. *Muzykal'naiia kul'tura narodov Dal'nego Vostoka Rossii XIX–XX vv. (Etnomuzykologicheskie ocherki)* [Musical culture of the peoples of the Russian Far East in XIX–XX centuries (Ethnomusicological essays)]. Abstract of the PhD dissertation in Art History. Moscow, 2000. 49 p.: il. (In Russian)
- 8 Tikhonova Y. V. *Khorovaia muzyka Valerii Kalistratova: k probleme "fol'klor i kompozitor segodnia"* [Choral music of Valery Kalistratov: on the issue of "folklore and composer today"]. Abstract of the PhD dissertation in Art History. Moscow, 2014. 24 p. (In Russian)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. И. А. Скрипачева
г. Тольятти, Россия

© 2018 г. Л. Н. Дорогова
г. Тольятти, Россия

СМЫСЛОВОЙ РЕЛЯТИВИЗМ ПОНЯТИЯ «КУЛЬТУРА» И ПОПЫТКИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ИЗЛОЖЕНИЯ УЧЕБНОГО КУРСА КУЛЬТУРОЛОГИИ

Аннотация: В статье анализируется ситуация, существующая в практике преподавания курса культурологии, предопределенная смысловой релятивностью понятия культура, а также возникающие в связи с этим теоретические, познавательные коллизии. Констатируется факт недостаточной разработанности тезауруса понятия «культура», что в определенных случаях может создавать опасность софистических суждений, приводящих к нарушению логического закона тождества. Обращается внимание на важность разработки законов и категорий, содействующих теоретико-методологическому направлению развитию культурологической теории.

Ключевые слова: культура, культурология, определение, релятивность, логика изложения, понятийно-категориальный аппарат, законы.

Информация об авторах:

Ирина Александровна Скрипачева — доктор культурологии, профессор, Тольяттинский государственный университет, ул. Белорусская, д. 14, 445020 г. Тольятти, Россия. E-mail: skripka1958@yandex.ru

Людмила Николаевна Дорогова — доктор философских наук, профессор, Научно-исследовательский сектор Тольяттинской консерватории, ул. Победы, д. 46, 445017 г. Тольятти, Россия. E-mail: L.N.Dorog@mail.ru

Дата поступления статьи: 19.09.2017

Дата публикации: 15.06.2018

Для цитирования: Скрипачева И. А., Дорогова Л. Н. Релятивизм понятия «культура» и попытки его преодоления в процессе изложения учебного курса культурологии // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 83–91.

Релятивизм и релятивность относятся к числу философских понятий, входящих в круг интересов теории познания. К обсуждению проблемы нарастающего релятивизма при рассмотрении современных познавательных процессов в разных сферах знания обращалось в разное время значительное число отечественных и зарубежных ученых. Об этом писал, в частности, К. Поппер: «Интеллектуальный и моральный релятивизм — вот главная болезнь философии нашего времени» [14, с. 441]. Проблеме релятивизма в современной науке посвящали свои работы Н. Н. Моисеев, Е. А. Мамчур, В. А. Лекторский и многие другие ученые [13; 14; 12; 17].

Релятивизм и релятивность не однозначные, но близкие понятия, суть которых сближается в смысловой точке, которую можно охарактеризовать как «относительность». Н. Н. Моисеев писал в своей работе: «То, чем современный рационализм <...> отличается от классического рационализма XVIII в. состоит не только в том, что вместо классических представлений Евклида и Ньютона пришло неизмеримо более сложное видение мира <...> мы неизбежно приходим к представлению о множественности понимания, поскольку каждое из них связано с неповторимыми особенностями конкретных наблюдателей — не столько приборов, которыми они пользуются, сколько разумов» [14, с. 58–59]. Исследовательница концепта «релятивность-релятивизм» Е. А. Мамчур замечает: «Концепция релятивности, будучи полностью адекватной реальной научной практике, давно замечена и зафиксирована в историко-научных и методологических исследованиях. Никакой угрозы научному познанию она не несет. Опасным является релятивизм. И это именно он имеется в виду в тех ожесточенных спорах между релятивистами и фундаменталистами (объективистами), которые ведутся в настоящее время в среде исследователей, изучающих феномен научного познания» [13, с. 16].

Таким образом, с одной стороны, «множественность пониманий», а с другой — «отсутствие угрозы научному познанию» — это и есть те отправные пункты, от которых может вестись отсчет различных интерпретаций, в том числе и понятия «культура». В обширном коллективном труде «Антология исследования культуры. Интерпретации культуры» [1] собраны статьи и выдержки из работ зарубежных ученых, известных отечественным культурологам по отдельным высказываниям и цитатам (Боаса, Кребера, Уайта и др.). Проанализировав представленные в труде материалы, можно выделить сам факт релятивности понимания феномена культура и связанных с ним процессов. Так, Р. Х. Лоуи писал: «Культура есть “вещь в себе” и может быть объяснена только в своих собственных терминах» [1, с. 32]. Ему возражал Боас: «Не вижу необходимости считать культуру мистической субстанцией, которая существует вне общества и развивается по своим собственным законам» [1, с. 33]. А. К. Кафанья, рассуждая о формальном анализе определений понятия «культура», относит понятие к разряду «неясных» (*vagueness*), т. е. таких, «которые обладают определенной степенью неясности, неопределенности и двусмысленности <...>» [1, с. 93].

Таким образом, коллективный труд, включающий огромное количество определений феномена «культура», данных как зарубежными, так и отечественными учеными (благодаря этому в заголовок даже было вынесено определение «интерпретация культуры»), фактически подтверждает наличие релятивности в процессе изучения феноменов культуры, невозможность дать однозначное, удовлетворяющее всех определение данного понятия, расширяет варианты его трактовки и выводит понимание и объяснение сложного феномена в пространство неопределенности, релятивности. В связи с этим возникает проблема или даже целый ряд проблем, имеющих отношение как к теоретическим вопросам, так и к практике преподавания культурологии обширной аудитории отечественного студенчества страны, вынуждая педагога «обуздывать» теоретическую релятивность, ища способы логико-методологического упорядочения хаотичного многообразия, выстраивая каркас учебной дисциплины. И трагизм столкновения разных подходов ощущается в полной мере тогда, когда приходит время контрольного интернет-тестирования студентов на выявление «остаточных знаний».

Как же выходит из создавшегося положения многотысячная армия педагогов-культурологов и какие при этом возникают теоретические коллизии? В свое время профессор МГУ Р. И. Косолапов говорил о необходимости соблюдения *методологической*

дисциплины мысли каждым исследователем, который решает какие-либо научные проблемы. Что собой представляет методологическая дисциплина мысли? Представляется, что это не что иное, как соблюдение требований диалектической логики и формально-логических правил при выстраивании теоретического каркаса предмета. Последний же, т. е. теоретический каркас, должен состоять из определенного числа понятийно-смысловых единиц, их логической взаимосвязи и строгой последовательности. Последовательное раскрытие их содержания должно содействовать как формированию структуры исследуемого объекта, так и наполнению содержанием того или иного аспекта этого объекта. Иными словами, можно сказать, что смысловой релятивизм преодолевается через логико-понятийное структурирование смыслообразующих единиц и расширение тезауруса понятия «культура». Представляется, что тезаурус, описывающий разные смысловые сферы, случаи употребления понятия «культура» должен состояться по мере обнаружения в научной и языковой практике тех или иных смысловых аспектов этого понятия. В настоящее время очевидно, что под понятием «культура» понимается:

- все, что не природа, т. е. рукотворный мир, созданный человеком;
- культура как «детерминированное поведение человека (воспроизведение или следование культурному образцу-паттерну)» (по определению Л. А. Мостовой [1, с. 6]);
- культура как высокая степень поддержания какого-либо качественного состояния предмета или процесса (напр. «культура пользования водой в Средней Азии выше, чем в средней полосе европейской части России»);
- культура как совокупность форм реализации духовной деятельности людей (искусство, наука, образование, мораль, религия), а также социальных институтов, связанных с этой деятельностью (например, Министерство культуры и т. п.).

Игнорирование данного теоретического аспекта при использовании слова «культура» может привести к нарушению логического закона тождества, появлению неистинных, софистических суждений. Таковым, например, является суждение, которое иногда можно встретить в учебниках по культурологии: «До Октябрьской революции наш народ был отторгнут от ценностей культуры». Это слишком широкое, слишком категоричное суждение, которое не может быть истинным, так как именно народ изначально создает язык, песенное, хореографическое и другие виды творчества, лежащие в основе профессионального искусства. Поэтому по законам логики такое суждение относится к разряду софизмов. В контексте рассматриваемой темы и применительно к рассматриваемому случаю, следовало бы уточнить: от какого именно вида культуры был отторгнут народ? С одной стороны, данный экскурс в понятийную сферу культурологии осуществлен с целью демонстрации многосмыслового характера понятия «культура». А с другой стороны, с целью подчеркнуть тот факт, что для описания тех или иных особенностей культурного процесса практика их изучения прибегает к приему «изучения культур с помощью некультур». Этот подход подкреплен и теоремой Геделя: никакая сложная система не может быть описана средствами самой системы. Для ее описания необходимы заимствованные средства, поиск смыслового эквивалента. Таким образом, понятийно-категориальная база культурологии развивается за счет заимствования необходимого числа понятий и терминов из других сфер общественной практики. «Понятийно-терминологическая база — это инструментарий, с помощью которого формируются законы, принципы <...> В терминах отражается социально-организованная действительность. Поэтому термины имеют социально обязательный характер», — писал основатель теории научной терминологии как специального научного направления Д. С. Лотте [10, с. 68].

В научной практике сформировалось целое научное направление — терминоведение. В числе известных ученых, изучавших значение терминологии для развития наук, были Д. С. Лотте, А. А. Реформатский, Г. О. Винокур, О. С. Ахманова, В. М. Лейчик и другие [13]. Понятийно-терминологическая база считается таким инструментом, с помощью которого формулируются законы, принципы, осуществляется структурирование познанных процессов.

Однако если для обогащения понятийной базы культурологии возможно использование широкого ассортимента понятий, заимствованных из других сфер общественной практики (что подтверждается наличием огромного числа смысловых единиц, представленных в культурологических словарях), то выведение законов развития культуры может быть делом только самой культурологии.

Раздел «закономерности развития культуры» крайне редко можно встретить в учебниках по культурологии. В связи с этим поиск оснований для выделения специфических особенностей развития культуры, как целостного социального явления, продолжает сохранять свою актуальность. В качестве одного из доказательств выказанного суждения можно привести в пример эмоциональную просьбу студентки Кати Коньшиной, опубликованную в Интернете. Обращаясь к Интернет-сообществу студентка пишет: «<...> второй год обучаюсь культурологии. Но все же с трудом себе представляю, что это за наука, что изучает и чем отличается от искусствоведения. Во всех источниках сказано, что она изучает закономерности развития культуры. И я хотела спросить: может ли кто-нибудь привести мне конкретный пример такой закономерности, чтобы мне стало лучше понятно, что она из себя представляет?» Посоветовав ей, студент Алексей Панченко в ответ пишет: «Мне кажется, в качестве такой закономерности можно назвать смену архитектурных стилей в Западной Европе в VIII–XVIII вв. — от романского к готике, а потом к барокко...» [15]. Оставляя без комментариев приведенную переписку студентов, дополним ее не менее эмоциональным рассуждением педагога В. Л. Кургузова: «В отличие от многих дисциплин законы развития культуры <...> не менее объективны и строги, чем законы, например, математики или философии, физики или истории и т. д. Однако в отличие от многих дисциплин они менее изучены и поняты нами. Эту мысль подтверждает хотя бы тот факт, что во всех известных культурологических энциклопедиях и словарях в абсолютном большинстве учебников сведения о законах культуры отсутствуют» [8, с. 443–456].

В имеющихся на данную тему работах, непосредственно касающихся гносеологических принципов познания законов развития культуры, следует назвать специальную статью А. Я. Флиера «Природа культуры и закономерности ее развития», опубликованную в электронном «Культурологическом журнале» [13], в которой закономерности развития культуры выводятся из природной сущности человека. Первая закономерность, согласно А. Я. Флиеру, заключается в том, что в ходе исторического развития общества углубляется уровень специализированности в деятельности людей. При раскрытии смысла этой закономерности автор ссылается на Э. Дюркгейма, который объяснял причины формирования этой тенденции в последовательном усложнении технологий в любой сфере деятельности. Вторая закономерность заключается во взаимозависимости темпов социокультурного развития общества и уровня локальной самобытности его культуры. Наконец, третья закономерность динамики культуры заключается во взаимозависимости между уровнем социокультурного развития и параметрами социальной свободы человеческой личности. Перечислив эти три закономерности развития культуры, А. Я. Флиер замечает, что «приведенный перечень, ко-

нечно, не исчерпывает все закономерности, регулирующие социокультурное развитие человечества, но он позволяет спрогнозировать некоторые тенденции обозримого культурного будущего». Три названные особенности развития культуры, отражая по сути дела процессуальный характер ее развития, тем не менее нуждаются в номинативных характеристиках, подобных тем, которыми обладают философские законы (например, переход количества в качество, единство и борьба противоположностей и др.).

В упоминаемой ранее статье В. Л. Кургузова, касающейся законов развития культуры, рассматриваются шесть законов:

- 1 Закон единства и разнообразия культур;
- 2 Закон прерывности и непрерывности в развитии культур;
- 3 Закон преемственности развития культур;
- 4 Закон взаимодействия и сотрудничества различных, нередко противоречивых культур;
- 5 Закон воспроизводства культурных артефактов;
- 6 Закон синхронности культурных актов.

Завершая рассмотрение содержательного аспекта каждого из перечисленных законов, автор заключает: «Мне представляется, что без учета этих законов, никакое полноценное исследование культуры и ее артефактов невозможно. Речь сегодня целесообразно вести лишь о теоретическом обосновании новых законов развития культуры, ибо наличие вышеназванных, конечно же, не исчерпывает эту фундаментальную по своей значимости проблему» [12, с. 56].

Продолжение работы по исследованию и описанию закономерностей развития культуры не может осуществляться без поиска, обнаружения, описания в терминах науки культурологии тех или иных процессов и явлений, помогающих сформулировать вновь выявляемые закономерности.

«Худший враг науки — категоричность суждений, безапелляционность выводов», — замечал А. Я. Гуревич [14, с. 9]. В вопросе исследования закономерностей развития культуры равное значение имеют проблемы: выявления повторяющихся, существенных связей и отношений, приводящих к изменениям в конкретной области культуры; направленность выявленных изменений; поиск термина (понятия), с помощью которого возможно описать особенность той или иной закономерности, учесть при этом максимальную адекватность понятийно-словесной формы выявленной сущности того или иного процесса.

Завершая рассмотрение теоретических проблем, связанных с формулировкой закономерностей развития культуры, можно было бы дополнить приведенный перечень закономерностей такими специфическими закономерностями, как дивергентность развития, синхронно-диахронный характер развития, неравномерность развития и использования культурных ценностей, историко-смысловую необратимость полного содержания культурно-исторических процессов в новых исторических условиях, частичную преемственность отдельных элементов содержания прежних культурных достижений [6, с. 70–81].

Кратко охарактеризуем содержание приведенных закономерностей развития культуры.

Дивергентность развития культуры демонстрирует существующее на всех уровнях (этапах) культурного процесса наличие количественно-качественных изменений, выражающихся в раздвоении, делении целостного феномена на два и более элемента. В ходе исторического развития процессу дивергентности подвержены территориальные

образования, этнические общности, родоплеменные, семейные и другие социальные образования. Из единого праязыка путем деления появлялись и появляются новые, относительно самостоятельные языковые семьи. На уровне видов профессиональной деятельности выделяются новые, все более узкоспециализированные профессиональные группы. На уровне обществ разного типа в процессе их развития шел и идет процесс непрерывного деления на классы, касты, страты, группы, подгруппы, различающиеся по разным признакам: это древность рода, имущественный достаток, религиозные взгляды, места расселения, средства существования, сословная принадлежность, профессиональные признаки и др. При этом каждое вновь появившееся и закрепившееся в жизненной практике культурно-социальное образование стремится, руководствуясь самыми разными мотивами (родо-племенными, территориальными, языковыми, религиозными и т. п.), сохранять, оберегать, упрочивать сложившиеся по тем или иным причинам культурные особенности, при каждом удобном случае.

Синхронно-диахронность развития культур демонстрирует сосуществование в одном временном пространстве культурных явлений, находящихся на разных стадиях развития. Синхронность — одновременность, диахронность — последовательность расположения культур на стадильной шкале исторического развития.

Неравномерность развития и использования культурных ценностей. Эта закономерность демонстрирует разные темпы культурного развития и освоения культурных ценностей разными субъектами культурно-исторического процесса (на уровне жителей разных континентов, регионов одной страны, городских и сельских поселений, разновозрастных групп, имущественно различающихся субъектов, социальных групп, с разной степенью активности участвующих в освоении разнообразной культурной информации и т. п.). Она же проявляется в смене периодов относительно стабильного и равномерного развития, заменой их периодами нарушения стабильности, внедрения в относительно устоявшиеся культурные системы новых, а иногда и просто чуждых культурных стереотипов поведения, взглядов, идей и т. п. Эта закономерность дает себя знать и тогда, когда речь идет о неодинаковом культурном оснащении регионов одной страны, районов одного города, сельских и городских территорий. Следует иметь в виду, что освоение культурных ценностей, участие в их создании или распространении подвержено возрастным изменениям в жизни людей. Чем старше становится человек, тем все более сужается круг культурных предпочтений и возможностей.

Неравномерность культурно-исторического развития регионов, стремление к относительному выравниванию условий и предоставляемых услуг обычно стоит в центре внимания государственных и региональных управленческих структур, становится предметом социологических, маркетинговых исследований и т. п.

Необратимость культурно-исторических изменений, происходящих время от времени в том или ином обществе, действует с силой закона. Совокупность множества содержательных конкретно-исторических, сиюминутных изменений, происходящих на том или ином этапе развития страны, государства, общественной системы, влияет на существенные параметры культурных процессов. Но даже тогда, когда появляются, казалось бы, в социально-политическом, идейно-духовном «подтексте» похожие условия для развития тех или иных культурных процессов или явлений, они совпадают только внешне. Так, в процессе художественно-исторического развития стилевые признаки искусств (в архитектуре, живописи, музыке), относящиеся к разным историческим периодам демонстрировали внешне похожие черты при совершенно различных идейно-смысловых основах. Так, искусство эпохи Романтизма, особенно на ранних

этапах, черпало истоки творчества в раннесредневековых формах. Творчество эпохи Классицизма обращалось к идеалам и формам позднего Рима; Возрождение черпало силы в античном творчестве, раннесредневековое творчество обращалось к искусству Древнего Египта.

Таким образом, из всего вышесказанного вытекает такая закономерность развития культуры, как необратимость результатов культурно-исторических изменений. Наличие закономерности находит подтверждение и в естественных природных, и в общественно-исторических процессах, т. е. в постоянном изменении ментальностей людей. Профессор А. Я. Гуревич определял ментальность как социально-психологическую установку, способ восприятия мира, манеру чувствовать и думать. Характер ментальностей каждого нового поколения отличается от характера ментальности всех предшествующих поколений, что находит подтверждение в результатах материальной, социальной и духовной культур. Итак, наука о культуре, дополняя и углубляя теоретическую базу культурологической теории, стремится более четко структурировать смысловое поле культуры, преодолевая его релятивность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Антология исследования культуры. Интерпретации культуры. М.; СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 718 с.
- 2 *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 2012. 576 с.
- 3 *Винокур Г. О.* Избранные работы. М.: Госучпедиздат, 1959. 489 с.
- 4 *Гринев С. В.* Введение в терминоведение. М.: Московский лицей, 1993. 309 с.
- 5 *Гуревич А. Я.* Введение // Одиссей. Человек в истории. Исследования по социальной истории и истории культуры. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 3–9.
- 6 *Дорогова Л. Н.* Общая теория культуры. М.: Изд-во МГПУ, 2008. 118 с.
- 7 Закономерность развития культуры // Культурологи — наша наука! URL: https://vk.com/topic-7168129_25952489 (дата обращения: 10.07.2017).
- 8 *Кургузов В. Л.* Законы развития культуры как маркеры методологического суверенитета культурологии // Культура и цивилизация. 2014. № 1–2. С. 43–56.
- 9 *Лейчик А. М.* Терминоведение. М.: Либроком, 2009. 256 с.
- 10 *Лотте Д. С.* Как работать над терминологией: Основы и методы. М.: Наука, 1968. 120 с.
- 11 *Лотте Д. С.* Основы построения научно-технической терминологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 170 с.
- 12 *Мамчур Е. А.* Объективность науки и релятивизм (К дискуссиям в современной эпистемологии). М.: Изд-во ИФ РАН, 2004. 239 с.
- 13 *Мамчур Е. А.* Проблемы социокультурной детерминации научного знания. М.: Изд-во ИФ РАН, 2004. 231 с.
- 14 *Моисеев Н. Н.* Современный рационализм. М.: МНЭПУ, 1995. 376 с.
- 15 *Мостова Л. А.* Предисловие // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. М.; СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 6–9.
- 16 *Поппер К.* Открытое общество и его враги / пер. с англ.; под ред. В. Н. Садовского. М.: Феникс, 1992. Т. 2. 441 с.
- 17 Релятивизм как болезнь современной философии / под ред. В. А. Лекторского. М.: Канон +, 2015. 392 с.
- 18 *Реформатский А. А.* Введение в языкознание. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.

© 2018. Irina A. Skripacheva
Tolyatti, Russia

© 2018. Lyudmila N. Dorogova
Tolyatti, Russia

**SEMANTIC RELATIVISM OF THE CONCEPT OF “CULTURE”
AND ATTEMPTS OF OVERCOMING IT IN THE PROCESS
OF PRESENTATION OF THE TRAINING COURSE OF CULTURAL STUDIES**

Abstract: The article is to study the situation prevailing in the teaching practice of university course “Cultural studies”. Such a situation stems from the semantic relativity of the concept of culture, allowing for various theoretical and cognitive collisions. The author detects the lack of elaboration of the thesaurus of “culture”, which in certain cases creates danger of sophistical judgments leading to violation of the logical law of identity. The paper draws attention to the importance of developing of conceptual-categorical apparatus for cultural studies, contributing to the theoretical and methodological aspect of the development of cultural theory.

Keywords: culture, culturology, definition, relativity, the logic of presentation, the conceptual-categorical apparatus, laws.

Information about the authors:

Irina A. Skripacheva — DSc in Cultural Studies, Professor, The Tolyatti Conservatory, Belorusskaya Str., 14, 445020 Tolyatti, Russia. E-mail: skripka1958@yandex.ru

Lyudmila N. Dorogova — PhD in Philosophy, Professor, Research Sector of the Tolyatti Conservatory, Pobedy Str., 26, 445017 Tolyatti, Russia. E-mail: L.N.Dorog@mail.ru

Received: September 17, 2017

Date of publication: June 15, 2018

For citation: Skripacheva I. A., Dorogova L. N. Semantic relativism of the concept “culture” and attempts of its overcoming in the process of presentation of the training course Cultural studies. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 48, pp. 83–91. (In Russian)

REFERENCES

- 1 *Antologiya issledovaniia kul'tury. Interpretatsii kul'tury* [Anthology of cultural research. Interpretation of culture]. Moscow, St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 2006. 718 p. (In Russian)
- 2 Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Vocabulary of linguistic terms]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 2012. 576 p. (In Russian)
- 3 Vinokur G. O. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow, Gosuchpedizdat Publ., 1959. 489 p. (In Russian)
- 4 Grinev S. V. *Vvedenie v terminovedenie* [Introduction to terminology]. Moscow, Moskovskii litsei Publ., 1993. 309 p. (In Russian)
- 5 Gurevich A. Ia. *Vvedenie* [Introduction]. *Odissei. Chelovek v istorii. Issledovaniia po sotsial'noi istorii i istorii kul'tury* [Odysseus. Man in history. Research on social and cultural history]. Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1989, pp. 3–9. (In Russian)
- 6 Dorogova L. N. *Obshchaia teoriia kul'tury* [General theory of culture]. Moscow, Izdatel'stvo MGPU Publ., 2008. 118 p. (In Russian)

- 7 Zakonomernost' razvitiia kul'tury [Cultural law of development]. *Kul'turologi — nasha nauka!* [Cultural studies — our science!] Available at: https://vk.com/topic-7168129_25952489 (accessed 10 July 2017). (In Russian)
- 8 Kurguzov V. L. Zakony razvitiia kul'tury kak markery metodologicheskogo suvereniteta kul'turologii [The laws of development of culture as markers of methodological sovereignty of cultural studies]. *Kul'tura i tsivilizatsiia*, 2014, no 1–2, pp. 43–56. (In Russian)
- 9 Leichik A. M. *Terminovedenie* [Terminology]. Moscow, Librokom Publ., 2009. 256 p. (In Russian)
- 10 Lotte D. S. *Kak rabotat' nad terminologiei: Osnovy i metody* [How to work on terminology: Basics and methods]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 120 p. (In Russian)
- 11 Lotte D. S. *Osnovy postroeniia nauchno-tekhnicheskoi terminologii* [Fundamentals of scientific and technical terminology]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1961. 170 p. (In Russian)
- 12 Mamchur E. A. *Ob"ektivnost' nauki i relativizm. (K diskussiiam v sovremennoi epistemologii)* [The objectivity of science and relativism. (Towards discussions in contemporary epistemology)]. Moscow, Izdatel'stvo IF RAN Publ., 2004. 239 p. (In Russian)
- 13 Mamchur E. A. *Problemy sotsiokul'turnoi determinatsii nauchnogo znaniia* [Problems of socio-cultural determination of scientific knowledge]. Moscow, Izdatel'stvo IF RAN Publ., 2004. 231 p. (In Russian)
- 14 Moiseev N. N. *Sovremennyi ratsionalizm* [Modern rationalism]. Moscow, MNEPU Publ., 1995. 376 p. (In Russian)
- 15 Mostova L. A. Predislovie [Preface]. *Antologiya issledovaniia kul'tury. Interpretatsii kul'tury* [The anthology of cultural research. Interpretation of culture]. Moscow, St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 2006, pp. 6–9. (In Russian)
- 16 Popper K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vrugi* [The open society and its enemies], transl. from English, ed. by V. N. Sadovskii. Moscow, Feniks Publ., 1992. Vol. 2. 441 p. (In Russian)
- 17 *Relativizm kak bolezni' sovremennoi filosofii* [Relativism as a disease of modern philosophy], ed. by V. A. Lektorskii. Moscow, Kanon + Publ., 2015. 392 p. (In Russian)
- 18 Reformatskii A. A. *Vvedenie v iazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moscow, Aspent Press Publ., 1996. 536 p. (In Russian)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018. **Natalia N. Zakirova**
Glazov, Russia

© 2018. **Lyudmila V. Olkhovskaia**
Poltava, Ukraine

© 2018. **M. Conliffe**
Calgary, Canada

**VLADIMIR KOROLENKO'S PEACEKEEPING HUMANISM
(ON THE ANNIVERSARY OF THE BOOK
"ON WAR, THE FATHERLAND AND HUMANITY")**

Acknowledgement: The reported study was funded by RFBR according to the research project № 17-14-18005-ОГН.

Abstract: Having shown his talent as a prose fiction writer, V. Korolenko then left a significant mark in history as a public figure in the Populist movement [Narodnichestvo], the First World War, and the Russian revolutions. In his book "War, the Fatherland and Humanity" (1917), he provides a panorama of wars in the world's historical process from the ancient past to the modern era. As an historian, sociologist, and philosopher in this book, V. Korolenko explores such categories as patriotism, internationalism, chauvinism, and nationalism. From a psychological and moral-ethical standpoint, he assesses governmental and social development in conditions of traumatizing mass conflict. His humanist approach permitted the writer-publicist to make such important, time-proven conclusions as "...war is getting more dreadful", gaining a universal scale, in so much as, in a society that excludes equality, there are groups that benefit from militarism. V. Korolenko's apocalyptic forecast is effaced by his confidence in the power of the "law of mutual sympathy and love" that opposes evil. The moral-philosophical and socio-historical views of the writer deserve close attention, wide popularization, and further study in the face of environmental and humanitarian catastrophes that threaten humanity. The article's authors have restored the history of the creation of "War, Fatherland and Humanity" and revealed the relevance of its humanistic meaning in society today; they have introduced archival materials from the Poltava Museum collections scholarly dissemination; and they have shared information about international cooperation in the field of Korolenko studies.

Keywords: Korolenko, humanism, international cooperation, Russia, Ukraine, The Poltava Literary and Memorial Museum of V. G. Korolenko.

Information about the authors:

Natalia N. Zakirova — PhD in Philology, Professor, V. G. Korolenko Glazov State Pedagogical Institute, Pervomayskaya Str., 25, 427621 Glazov, Russia. E-mail: natnik50@rambler.ru

Lyudmila V. Olkhovskaia — leading researcher, The Poltava Literary and Memorial

Museum of V. G. Korolenko, Korolenko Str., 1, 36000 Poltava, Ukraine. E-mail: olhovska.luda@gmail.com

Mark Conliffe — Professor, University of Calgary, Director School of Languages, Linguistics, Literatures and Cultures, University Dr NW, 2500 Calgary, Alberta T2N 1N4, Canada. E-mail: mark.conliffe@ucalgary.ca

Received: January 05, 2018

Date of publication: June 15, 2018

For citation: Zakirova N. N., Olkhovskaia L. V., Conliffe M. Vladimir Korolenko's peacemaking humanism (on the anniversary of the book "On war, fatherland and humanity"). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 48, pp. 92–100. (In English)

© 2018. Н. Н. Закирова

г. Глазов, Россия

© 2018. Л. В. Ольховская

г. Полтава, Украина

© 2018. М. Конлифф

г. Калгари, Канада

**МИРОТВОРЧЕСКИЙ ГУМАНИЗМ В. КОРОЛЕНКО
(К ЮБИЛЕЮ КНИГИ «О ВОЙНЕ, ОТЕЧЕСТВЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ»)**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 17-14-18005-ОГН ОГН-Р_УРАЛ-А

Аннотация: Проявивший свой талант писателя-беллетриста В. Короленко оставил значительный след в истории как общественный деятель периода народнического движения, Первой мировой войны и русских революций. В книге «Война, отечество и человечество» (1917) автор дает панораму войн в мировом историческом процессе от древности до современной эпохи. Как историк, социолог и философ В. Короленко исследует такие категории, как патриотизм, интернационализм, шовинизм, национализм. С психологической и морально-этической позиций автор оценивает государственное и общественное развитие в условиях массовой вражды, травмирующей человека. Гуманистический подход позволил писателю-публицисту прийти к важным, проверенным временем выводам о том, что «война становится все страшнее», приобретая вселенские масштабы, поскольку в обществе, исключая равенство, есть слои, имеющие от милитаризма выгоды. Созданный писателем апокалиптический прогноз снимается его уверенностью в силе противостоящего злу «закона взаимного сочувствия и любви». Нравственно-философские и социально-исторические воззрения писателя достойны пристального внимания, широкой популяризации и дальнейшего изучения в условиях грозящей человечеству экологической и гуманитарной катастрофы. Авторами статьи восстановлена история создания книги «Война, отечество и человечество», вскрыт ее гуманистический смысл как актуальный для современности. Введены в научный оборот новые архивные материалы, даны сведения о международном сотрудничестве в области королениковедения.

Ключевые слова: В. Г. Короленко, гуманизм, международное сотрудничество, Россия, Украина, Америка, Полтавский Дом-музей В. Г. Короленко.

Информация об авторах:

Наталья Николаевна Закирова — кандидат филологических наук, доцент, профессор, Глазовский государственный педагогический институт имени В. Г. Короленко, Первомайская ул., д. 25, 427621 г. Глазов, Россия. E-mail: natnik50@ Rambler.ru

Людмила Васильевна Ольховская — ведущий научный сотрудник, Полтавский литературно-мемориальный музей В. Г. Короленко, Короленко ул., д. 1, 36000 Полтава, Украина. E-mail: olhovska.luda@gmail.com

Марк Конлифф — профессор русского языка Университета Калгари, директор Школы языков, лингвистики, литератур и культур, University Dr NW, 2500 Калгари, Альберта, Канада. E-mail: mark.conliffe@ucalgary.ca

Дата поступления статьи: 05.01.2017

Дата публикации: 15.06.2018

Для цитирования: Закирова Н. Н., Ольховская Л. В., Конлифф М. Vladimir Korolenko's peacemaking humanism (on the anniversary of the book "On war, fatherland and humanity") // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 92–100.

The Russian writer Vladimir Galaktionovich Korolenko (1853–1821) lived a turbulent and interesting life. He proved himself as a talented prose writer, literary critic, editor of the boundary between the “golden” and “silver” ages in Russian literature, as a public figure in the populist movement, Russian revolutions, Civil War, and First World War. His book “War, the Homeland and Humanity” was published 100 years ago. Korolenko indicated its genre and focus on modernity in the subtitle “Letters on Questions of our Time,” but, despite his reference to “our time,” this journalistic work remains relevant and responds to questions that face us today. For example, in it Korolenko speaks out against incessant manifestations of “triumphant nationalism.”

Patriotism, devotion to the homeland, the value of people's heroic deed, when the best sons are ready to defend their homeland even at the cost of their own lives, the international idea and its relation to feelings of patriotism and chauvinism, its manifestation in various forms — these are Korolenko's research subjects, and thus we must understand Korolenko in this work as writer, sociologist, historian, and philosopher [13].

In fact, in analyzing wars from different times, he unfolds before the reader a panorama of the world's historical canvas from ancient times to his contemporary Russia and Europe, for the whole story, to borrow his words, is nothing but war and peace, but “peace <...> is a particular, so-called ‘armed peace’” [10, p. 15].

A person at war and in the rear, that person's psychology, morality, behavior — this also is a subject of Korolenko's research. He deduces general laws of the development of state and society in abnormal conditions of general enmity and mass killing of one's own kind. These laws, as it turned out for Korolenko, are universal for all states and for all epochs: “One state sees value in building a warship, and its neighbor sees value in building two. One power establishes an infantry regiment, and its neighbor establishes identical regiments. How much work, ingenuity, how much of each country's time and natural resources goes into making tools for death. The burden of taxes and poverty is growing, and people have to give up what is necessary and useful for life, in order to create what is harmful and necessary only for murder. And this rivalry grows uncontrollably, like a lump of snow that is rolling down a mountain” [10, p. 15].

Korolenko's humanitarian thought process and his drawing on a broad range of historical material brought him to an important philosophical deduction: "<...> the war is getting worse and worse. Under the [separate] cover of the homelands, science and industry developed, which, along with delivering tools that are useful for life, also brought terrible tools of destruction. The human being became more powerful than his primitive ancestor. He ascended into the air, he lowered himself to the bottom of the sea. He brought the possibility of war everywhere, and, besides, war is not local, but general <...> Involuntarily the best people get an idea: how to stop this horror, how to make wars impossible?" [10, p. 29].

Logically, he reached the following conclusion: "Of course, under the current system, which is based entirely on inequality, war brings more burdens to some and more benefits to others" [10, p. 29].

In the opinion of this great humanist, nevertheless, along with the eternal law of enmity, there is another law in all living things: the law of love. And here "the struggle of these two principles — of enmity and love — which people call evil and good, Belbog and Chernobog, Ormuzd and Ahriman, the spirit of light and the spirit of darkness constitutes the substance of all human history, all religions, and all human morality" [10, pp. 5–6].

The history of the brochure's composition is connected with concrete facts. The fundamental one is that Korolenko himself witnessed World War I; what is more, he happened to witness the beginning of it when he was in France. What brought him to such troubled times in Europe?

On January 27, 1914, together with his wife Evdokiia Semionovna and their older daughter Sofiia, Korolenko set off from Poltava on his and Evdokiia's wedding anniversary on a trip abroad, so that he might take bath treatments (he had weak lungs) and prepare for publication the first complete collection of his works. They planned also to stay with Korolenko and Evdokiia's younger daughter, Natalia, and her family, who had been living in the south of France — in Nice and Toulouse — since October 1912. Korolenko's letters make clear that at this time he wanted to travel abroad very much, unlike in 1893, when he traveled to the United States but did so with great doubt about the need for that trip. Although political life was tense in Europe, no one in the family believed in the possibility of a war. On January 29, 1914, the Korolenko family was already in Berlin, and on the 31st they reached Paris.

The family's private life in many ways continued as usual, but in July they faced serious unexpected events. In June and early July 1914, Korolenko, along with his son-in-law Konstantin Liakhovich, was in Nauheim (Germany), where he took bath therapy, and on July 3 he was forced to return to France, when he learned that the health of Natalia, who was pregnant, was deteriorating. However, Natalia recovered, and on July 5, to the family's great pleasure, she gave birth to Sonechka, Korolenko's only granddaughter, who would become the joy of the last years of her his life.

On July 18 Germany declared war on Russia, and on July 21 on France. Thus, the travelers found themselves in historical rock and a hard place. In his letters the newly-fledged grandfather shared with friends that his granddaughter had saved him from German captivity. Almost certainly, if he had stayed in Germany, he might have found himself in captivity. Still, in France it also was not possible to avoid troubles. On July 24 Korolenko and his wife were detained on the street in Toulouse and taken to the mayor's office as foreigners. (Sofiia would explain that this was done in connection with the moods of the first days of the war). The mayor, after learning about the Korolenko family's circumstances, granted them an official permit for residence in France.

Korolenko and Evdokiia lived in France until May 19, 1915, after which — and with some great difficulties — they were able to return to Poltava (Sofia had returned earlier). At home, a period of military devastation, defeat at the fronts, and the dissolution of the State Duma awaited them. In February 1917, Korolenko wrote a literary sketch, “The Captives” [*Plennye*], which appeared in March in the journal *Russkie zapiski* (*Notes on Russian Issues*, books 2 and 3). On March 9, he received a request from the Provisional Committee of the State Duma to speak out by telegraph on the latest news of the day and, in particular, about the war, and on March 14, what he wrote in response to that request was published as a public letter under the titles “The Homeland is in Danger” [*Otechestvo v opasnosti*] in the newspaper *Rech* (*Speech*, no 62) and “The Homeland is in Danger” [*Otechestvo v opasnosti*] in the newspaper *Russkie vedomosti* (*Russian Gazette*, no 58). Through June, July, and August 1917, he worked on the “letters” that make up “On War, the Homeland, and Humanity.” On August 15, the five letter appeared in *Russkie vedomosti* (no 186–196). In the second half of September, Korolenko prepared a separate edition of “War, the Homeland and Humanity”, and during the author's lifetime, the book was published in eight separate editions.

For Korolenko, literary activity was always closely united with what he was doing in society. Most famously, his work during the famine of 1891–1892, which consisted of raising donations and using the donations to open free dining halls for peasants, is reflected in his 1892 collection of essays “In the Year of Famine” [*V golodnyi god*]; his efforts to absolve Udmurt peasants who had been wrongly accused of ritual murder led to the series of articles that make up *The Multan Sacrifice* [*Multanskoe zhertvoprinoshenie*, 1895–1896]; and his defense in the press of the Russian Jew Mendel Beilis against charges of committing a ritual murder resulted in a series of publications on the Beilis case (1911–1913). The period under investigation was no different. This was a time when Korolenko also was active in society, acting on residents’ behalf and working to bring Russian society into larger conversation about the war and that society.

Recently, a remarkable document was added to the collection of the Korolenko literary and memorial museum in Poltava. It is a poster appeal “To Poltava citizens” that was produced in the Poltava province printing house and signed by Korolenko. The appeal does not have a full date, but it can be determined from the text of the document. With details (date, day of the week, month) at hand, it is not difficult to establish the year: 1916. The appeal states that the group of people who organized monthly contributions from provincial zemstvo workers to help prisoners of war, have initiated a convening of the constituent assembly in order to create a society to help captured compatriots. The date and place of the assembly are indicated: Tuesday, April 4, in the dining room of the Provincial Administration. However, only twelve people responded to this appeal. Perhaps people were tired, maybe they had lost faith in their own initiatives. Regardless, Korolenko tried to support the noble cause and informed the population of Poltava that a new meeting was planned for Friday, April 14, in the same place, explaining the importance of the event thus: “Only in this way can we begin to collect regularly and finally realize this necessary task, this sacred duty of the Russian society towards its captive countrymen.

In this situation, to the aid of the experience of a public figure comes his writer's talent, the ability to vividly and convincingly convey all the circumstances of the case. Underscoring the importance of the event, Korolenko brings emotion to the clearly imagine the situation of our prisoners in some hostile country, which itself is suffering from deprivation. In Germany and Austria, in Bulgaria and Turkey they languish in the most terrible conditions. The prisoners of other nationalities have at least some consolation — that they and their sufferings

are remembered in their homeland. The British, the French, the Italians receive constant and abundant help from their homeland. It's only too ours who are captive, as it is to orphans, that this help hardly comes. It's as if they really do not have a homeland, that they have no compatriots. At times their terrible situation is made easier by those very captives of other nationalities. Think about it, citizens, because that means that we force our fellow countrymen in a foreign country to support their existence with alms from almost fifteen other countries' people who take upon themselves our duty, our sacred obligation"¹.

And, Korolenko explains, his compatriots act this way not because "we forgot about them [fellow countrymen in captivity] and did not sympathize with their grave suffering," but because "the old system weaned us from taking initiative, we do not easily organize and therefore miss so much time in this matter. Let us be grateful to the originators of a good deed. Let us remember that someday those who will suffer the terrible conditions of captivity will return to us. It is necessary that we, whom the war has touched with a lesser burden, who did not see the battlefield or the torture of captivity, had the right to look them in their eyes without shame, and only with pure joy for their return"².

The meeting took place, and at it Korolenko was unanimously elected Honorary Chairman of the Poltava Society for the Assistance to Prisoners of War. In the summer of 1917 he wrote the Society's charter and many more such appeals. The aid that came in was significant both from society and personally from Korolenko. Fedor Kornienko, a native of the Poltava region, who lived not far from Korolenko's dacha in Khatki, recalled, "I was in captivity in Germany. I send a letter, but I don't receive a penny from home. I wrote to Korolenko and he sent three packages" [11].

One form of philanthropy consisted of Korolenko's donating his own books. On March 29, 1916 the writer asked the editorial board of *Russkoe bogatstvo* (*Russian Wealth*) to donate some of his books for the charity lottery. The books had to serve as an Easter gift to the soldiers. Vladimir Galaktionovich gave his works also to replenish libraries at the front: "I am not designating how many: 5, 10, 15 — it depends on need"³.

In his letters Korolenko raised stirring questions about the inspiring power of patriotic enthusiasm when "the people are able to work miracles", about the imperishability of universal human values, about the need always to be ready to defend the Motherland, about the inadmissibility of the army's collapse and the infection of its bacillus of "democracy of discord," and about the danger of anarchy, which looms over the world and still looms today as did the wandering specter of revolution over Russia in 1917.

Unquestionably, Korolenko's works have enduring value — the fictional ones, of course, but the journalistic ones, too. Sofia Vladimirovna, who would become the first director of the Korolenko literary and memorial museum, recalled in the museum's first guidebook (1955) that on his fiftieth birthday, in 1903, her father claimed that, "my fame will not last long, because I responded to present day events, and when people have moved on from inquiries into our time, they will forget me". And then Sofia refutes her father's words: "In this sincere conviction my father turned out to be wrong" [15].

Korolenko concludes "War, the Homeland and Humanity" with words of hope: "If they [these letters] direct some minds to a consciousness of the homeland's importance, awaken in some hearts the old, sacred, rightful sense of reciprocal love for one's homeland, I will assume that I did not think in vain about these agonizing questions of our terrible time" [10, p. 47]. No

¹ Poltavskii literaturno-memorial'nyi muzei V. G. Korolenko (PLMMK), I. 1709. (In Russian)

² Poltavskii literaturno-memorial'nyi muzei V. G. Korolenko (PLMMK), I. 1709. (In Russian)

³ Poltavskii literaturno-memorial'nyi muzei V. G. Korolenko (PLMMK), № 2156 (889). (In Russian)

matter how demanding and terrible this trial — war — always is, we must state: in any times, in any countries war created particular experiences. At one extreme are tragedies, losses, hunger, captivity, and at the other are mutual aid, support, sincere desire to share what you have because sharing can save peoples' lives and protect them from death. Still, there also is the awareness that comes from participating directly in the fate of their country, which includes the wave of patriotism and the verification of the stability of moral values. Korolenko's moral and socio-historical views deserve close attention, wide popularization and further study in the face of environmental and humanitarian catastrophes that threaten humanity. Today his spiritual heritage not accidentally unites the culture and science of different countries. Not confrontation, but the constructive dialogue of scholars and students helps to examine and expand the horizons of research about the writer and his work [1–9; 13–16].

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- 1 Экогуманизм В. Г. Короленко=Екогуманізм В. Г. Короленка: сб. ст/ / заг. ред. О. В. Труханенка. Львів: Сполом, 2016. Вып. 2. 196 с.
- 2 *Гущина-Закирова Н. Н., Труханенко А. В.* Этюды о жизни и творчестве В. Г. Короленко: к 130-летию ссылки В. Г. Короленко в г. Глазов. Львов, Глазов: Сполом, 2009. 268 с.
- 3 *Закирова Н.* Опыт пассионарности в короленковедении // Принадність Вашого слова та імені безмежна у часі (до 160-річчя з дня народження В. Г. Короленка): матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції (з міжнародною участю). Полтава: ПНПУ ім. В. Г. Короленка, 2013. С. 54–60.
- 4 *Закирова Н. Н.* Международные научные связи в области короленковедения // Проблемы школьного и дошкольного образования: материалы VII регионально-го научно-практического семинара «Достижения науки и практики — в деятельность образовательных учреждений» (с междунар. участием). Глазов: ГГПИ, 2016. С. 58–61.
- 5 *Закирова Н. Н., Скопкарева С. Л., Труханенко А. В.* В мире Короленко / под ред. А. В. Труханенко. Ижевск; Львов; Глазов: Сполом, 2012. 240 с.
- 6 *Закирова Н. Н., Сутягина А. Ю.* О российско-американско-украинском сотрудничестве ГГПИ в области короленковедения // Українська освіта і наука в ХХІ столітті: погляд молоді: матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції молодих учених (22–23 травня 2014 року, м. Харків) / ред. кол.: Прокopenko І. Ф. (гол. ред.) та ін. Харків: ХНПУ, 2014. С. 22–24.
- 7 *Закирова Н., Чиговская-Назарова Я.* Ведущий короленковед современности А. Труханенко // Філологічні науки. 2015. № 21. С. 30–35.
- 8 *Закирова Н. Н., Труханенко А. В.* Поэт Владимир Короленко: монография / под общ. ред. А. В. Труханенко. Львов: Сполом, 2013. 132 с.
- 9 *Закирова Н. Н.* Концептуализация местнографизма градоведческого наследия В. Короленко // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2016. Т. 158, кн. 1. С. 37–53.
- 10 *Короленко В. Г.* Война, отечество и человечество (Письма о вопросах нашего времени). Самара, 1917. 47 с.
- 11 *Липовий В., Литвин І., Любимець Л. В.* Короленко та українське селянство // Червоний шлях. 1920. № 2. 236 с.
- 12 *Ольховська Л.* Володимир Короленко і Полтава / автор-упорядник тексту та перекладач російських джерел українською, автор анотації для перекладу

- англійською мовою Ольховська Л.. Переклад М. Конлифф. Полтава: ФОП Говоров С. В., 2013. 64 с.
- 13 *Ольховская Л. В.* В. Г. Короленко о войне, отечестве и человечестве (К 100-летию выхода в свет одноимённой книги выдающегося гуманиста) // Актуальные проблемы гуманитарных и экономических наук: сб. материалов XVII Межрегиональной научно-практической конференции 31 марта 2017 г. Киров: Веси, 2017. С. 10–16.
- 14 Полтавський державний літературно-меморіальний музей В. Г. Короленко: Путеводитель. Харків: Изд-во Книжної палати УРСР, 1955. 90 с.
- 15 *Скопкарєва С. Л.* Короленковедение в современных условиях: о межкультурном взаимодействии Украины и России // Наука и Мир: международный научный журнал. 2014. № 5. С. 104–105.
- 16 *Труханенко, А. Закирова Н. и др.* Экогуманизм В. Г. Короленко. = Екогуманізм В. Г. Короленка / заг. ред. О. В. Труханенко. Львів: Сполом, 2015. 168 с.

REFERENCES

- 1 *Ekogumanizm V. G. Korolenko: Sat. Articles*, cf. ed. O. V. Truhanenka. Lviv, Spolom Publ., 2016. Issue 2. 196 p. (In Russian)
- 2 Gushchina-Zakirova N. N., Trukhanenko A. V. *Etiudy o zhizniitvorchestve V. G. Korolenko: k 130-letiiussylki V. G. Korolenkovg. Glazov*. L'vov, Glazov, 2009. 268 p. (In Russian)
- 3 Zakirova N. "Opyt passionarnosti v korolenkovedenii". *Prinadnist' Vashogo slova taimeni bezmezhnauchasi (do 160-richchiazdnianarodzhennia V. G. Korolenka): materialy Vseukrains'koi naukovopraktichnoi konferentsii (zmizhnarodnoiuchastiu*. Poltava, 2013, pp. 54–60. (In Russian)
- 4 Zakirova N. N. "Mezhdunarodnye nauchnye sviazi v oblasti korolenkovedeniia," in *Problemy shkol'nogo i doskol'nogo obrazovaniia: materialy VII regional'nogo nauchno-prakticheskogo seminarra "Dostizheniia nauki I praktiki — v deiatel'nost' obrazovatel'nykh uchrezhdenii"*. Glazov, 2016, pp. 58–61. (In Russian)
- 5 Zakirova N. N., Skopkareva S. L., Trukahenko A. V. "V mire Korolenko". Izhevsk, L'vov, Glazov, 2012. 238 p. (In Russian).
- 6 Zakirova N. N., Sutiagina A. Iu. "Orossiisko-amerikansko-ukrainskom sotrudnichestve GGPI v oblasti korolenkovedeniia". *Ukrains'kaosvitai nauka v XXI stolitti: pogliadmolodi: materialy Vseukrains'koi naukovopraktichnoi konferentsii molodikh uchenikh (22–23 travnia 2014 roku, m. Kharkiv)*, ed. I. F. Prokopenko. Kharkiv, 2014, pp. 22–24. (In Russian).
- 7 Zakirova N., Chigovskaia-Nazarova Ia. "Vedushchii korolenkoved sovremennosti A. Trukhanenko". *Filologichni nauki*, 2015, vol. 21, pp. 30–35 (In Russian).
- 8 Zakirova N. N., Trukhanenko A. V. "Poet Vladimir Korolenko". Lviv, 2013. 132 p. (In Russian).
- 9 Zakirova N. N. "Kontseptualizatsiia mestnografizma gradovedcheskogo naslediiia V. G. Korolenko" [Conceptualization of the local aspect of V. G. Korolenko's heritage of urban descriptions]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no 1, pp. 37–53. (In Russian).
- 10 Korolenko V. G. *Voina, otechestvo i chelovechestvo (Pis'ma o voprosakh nashego vremeni)* [War, the Homeland and Humanity]. Samara, 1917. 47 p. (In Russian)

- 11 Lipovyi V., Litvin I. and Liubivets L. “V. Korolenko ta ukrains’ke selianstvo,” [V. Korolenko, the Ukrainian village]. *Chervonyi shliakh*, 1920. Vol. 2. 168 p. (In Ukrainian)
- 12 Olkhovskaia L. *Volodimir Korolenko i Poltava*. Poltava, FOP Govorov S. V. Publ., 2013. 64 p. (In Russian).
- 13 Olkhovskaia L. V. “V. G. Korolenko o voine, otechestve i chelovechestve (K 100-letiiu vykhoda v svet odnoimennoi knigi vydaiushchegosia gumanista)”. *Aktual’nye problemy gumanitarnykh i ekonomicheskikh nauk: sb. Materialov XVII Mezhhregional’noi nauchno-prakticheskoi konferentsii 31 marta 2017 g.* Kirov, 2017, pp. 10–16. (In Russian)
- 14 *Poltavskii gosudarstvennyi literaturno-memorial’nyi muzei V. G. Korolenko: Putevoditel’*. Khar’kov, 1955, pp. 8–9. (In Russian)
- 15 Skopkareva S. L. Korolenkovedenie v sovremennykh usloviakh: o mezhkul’turnom vzaimodeistvii Ukrainy i Rossii. *Nauka I Mir: Mezhdunarodny I nauchnyi zhurnal*, 2014, vol. 5, pp. 104–105. (In Russian)
- 16 Trukhanenko O., Zakirova N. et al. *Ekogumanizm V. G. Korolenko*. L’viv, Spolom Publ., 2015. (In Russian)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. А. Б. Куделин
г. Москва, Россия

НЕСТИЛИЗАЦИОННЫЕ ПОДРАЖАНИЯ КАК ЯВЛЕНИЕ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Аннотация: В статье на широком материале мировой литературы рассматриваются нестилизационные подражания, подвергшиеся детальному анализу в книге Д. С. Лихачева «Поэтика древнерусской литературы». Углубленное исследование материала средневековых литератур Ближнего и Среднего Востока позволяет расширить наши представления о данном художественном средстве средневековой литературы. Развитие известных историко- и теоретико-литературных представлений в последние десятилетия дало новый импульс для переосмысления проблем литературного развития на региональном и межрегиональном уровнях, проблем творчества отдельных представителей этого процесса вплоть до пересмотра некоторых итогов развития мировой литературы в Средние века. В контексте нового подхода к средневековой литературе как к *особому* периоду в истории мировой литературы со своим *особым* типом художественного сознания в статье предлагается новая теоретико-литературная интерпретация *нестилизационных подражаний* в качестве одного из действенных художественных средств средневековой литературы.

Ключевые слова: нестилизационные подражания, стилизации, Д. С. Лихачев, мировая литература Средних веков, художественные средства древнерусской литературы, средневековые литературы Ближнего и Среднего Востока, *назира*, соперничество.

Информация об авторе: Александр Борисович Куделин — доктор филологических наук, профессор, академик РАН, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: abkudelin@ Rambler.ru

Дата поступления статьи: 12.02.2018

Дата публикации: 15.06.2018

Для цитирования: Куделин А. Б. Нестилизационные подражания как явление мировой литературы Средних веков // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 101–112.

В классическом труде «Поэтика древнерусской литературы», впервые увидевшем свет в 1967 г., в разделе «Поэтика литературных средств» Д. С. Лихачев рассмотрел некоторые «наиболее типичные» «художественные средства древнерусской литературы» — метафоры-символы, стилистическую симметрию, сравнения, нестилизацион-

ные подражания. Целью анализа избранных художественных средств, по словам ученого, было «показать различие стилистических средств средневековья и стилистических средств нового времени» [13, с. 208].

Продолжая исследование Д. С. Лихачева в избранном направлении, попытаемся в настоящей статье расширить и углубить предпринятый им анализ одного из перечисленных средств — нестилизационных подражаний.

Вначале представляется целесообразным напомнить об исходных позициях, которые сформулировал в 1967 г. Д. С. Лихачев при анализе нестилизационных подражаний.

Для выявления природы нестилизационных подражаний в древнерусской литературе принципиально важным для дальнейших рассуждений ученого является разграничение между явлениями «стилизация» и «подражания». Согласно Д. С. Лихачеву, «явления подражательности так же стары, как и литература, стилизации же появляются сравнительно поздно — с развитием индивидуальных писательских стилей и сопутствующим им ростом ощущения чужого стиля» [13, с. 184]. «То, что во времена Пушкина называлось “подражанием”, по существу было подражанием стилизационным. Для Пушкина стилизации были своего рода школой, в которой оттачивался его собственный индивидуальный стиль. Он как бы экспериментировал, типизируя стиль и содержание того автора, которому подражал» [13, с. 184]. Д. С. Лихачев подкрепляет свою позицию цитатой из труда В. В. Виноградова: стили «писателей мировой литературы служили ему (Пушкину. — А. К.) материалом для оригинального творчества» [8, с. 484]. «Поэтому стилизации Пушкина носят творческий характер», — заключает автор «Поэтики» [13, с. 184].

Вслед за этим Д. С. Лихачев переходит от стилизационных подражаний к подражаниям нестилизационным — основному объекту своего исследования.

Нестилизационные подражания, о которых ведет речь в «Поэтике» Д. С. Лихачев, «носят совсем другой, механический характер». Ввиду важности формулировки ученого приведем большую цитату на этот счет из его работы. Нестилизационные подражания «заимствуют отдельные готовые элементы формы своего оригинала, но они не дополняют и не развивают оригинал творчески. Эти подражания не являются стилизациями... Отдельные элементы старой формы используются в новом произведении как своего рода украшения. Из этих украшений составляется мозаичная новая композиция. При этом элементы старой формы, приспособляясь к новому содержанию, часто деформируются, упрощаются, сокращаются. Заимствуются не все, а только некоторые элементы оригинала, и эти некоторые элементы по несколько раз повторяются в новом произведении: подражатель настойчиво применяет именно то, что ему понравилось в оригинале» [13, с. 185].

Важный элемент концепции нестилизационных подражаний в «Поэтике древнерусской литературы» — интерпретация их природы Д. С. Лихачевым. «Такие нестилизационные подражания, — утверждает Д. С. Лихачев, — существуют по преимуществу в эпохи, когда понятие литературной собственности отсутствует или носит неразвитый характер» [13, с. 185]. И далее ученый развивает свою мысль: «Нестилизационные подражания были широко развиты в древнерусской литературе конца XIV – XV в., а в значительной мере и в дальнейшем. Объяснялось это несколькими причинами. Одна из важнейших состояла в том, что с конца XIV – начала XV в. началось медленное восстановление русской литературы после полутора столетий иноземного ига, затормозившего ее развитие... И вот русские обращаются к культурным традициям домонголь-

ской Руси, ищут в них опоры для своего культурного возрождения, ищут в старине вдохновения и образов для заимствований... В литературе возникают многочисленные нестилизационные подражания отдельным произведениям XI–XIII вв., — подражания, которые инкрустируют в свой текст, отдельные стилистические формулы, отдельные образы, даже целые отрывки из лучших произведений эпохи расцвета древнерусской литературы...» [13, с. 185]¹.

Главную мысль о нестилизационных подражаниях Д. С. Лихачев формулирует строго определенно: «Для нестилизационных подражаний типично, что обычно объектом подражания избирается произведение с яркой стилистической характерностью, произведение своеобразное» [13, с. 189]. Так, в частности, как отмечает ученый, «объектами подражаний в конце XIV – XV в. служат “Житие Александра Невского”, “Слово о Законе и Благодати” Илариона, “Слово о гибели Русской земли”, “Повесть о разорении Рязани Батыем”, “Похвала роду рязанских князей”» [13, с. 189].

Д. С. Лихачев завершает свой разбор поэтики нестилизационных подражаний в древнерусской литературе демонстрацией основных приемов нестилизационных подражаний конца XIV – XV в. на примере «Задонщины» [13, с. 189-203]. Детальный анализ ученого завершается выводами, которые представляется целесообразным привести подробно.

«“Задонщина” имеет все черты нестилизационного подражания, тип которых широко представлен в древнерусской литературе» [13, с. 207-208]. «“Задонщина” — типичное для конца XIV – начала XV в. нестилизационное подражание памятнику эпохи независимости Руси — эпохи, к которой обращалась вся русская культура после куликовской победы» [13, с. 203]. «“Задонщина” представляет собой вполне типичное для конца XIV – начала XV в. подражание произведению эпохи независимости Руси. Она относится к периоду, когда русская литература начинала медленно возрождаться после застоя, вызванного полуторавековым чужеземным игом. Произведения этого времени обращаются как к своим образцам к лучшим памятникам эпохи расцвета и независимости Руси. Но это обращение своеобразно: из старых произведений извлекаются образы, обороты речи, формулы, которые затем инкрустируются в сочинения, посвященные современности» [13, с. 207].

Из анализа Д. С. Лихачева нестилизационных подражаний в древнерусской литературе следуют с непреложностью следующие выводы. Все подобные подражания оказываются «нестилизационного типа»: «это подражания, но не стилизации» [13, с. 189]. При ряде оговорок общий вывод ученого о нестилизационных подражаниях в древнерусской литературе сводится к тому, что в отличие от стилизаций, стилизационных подражаний, нестилизационные подражания не имеют определенно выраженного творческого характера, «не дополняют и не развивают оригинал творчески» [13, с. 185]. Интерес к нестилизационным подражаниям был обусловлен известными причинами на определенном этапе развития древнерусской литературы.

Прежде чем перейти к нашей части анализа данного художественного средства в мировой литературе Средних веков необходимо указать на принципиально важный

¹ Сходные мысли относительно природы нестилизационных подражаний в древнерусской литературе Д. С. Лихачев высказывает еще несколько раз в своей книге. Ср., например: «Много литературных произведений конца XIV – XV в. было посвящено куликовской победе 1380 г. (“Мамаеву побоищу”). Авторы этих произведений стремились придать им возможно более пышный характер. Для этого они обращались за отдельными стилистическими формулами к произведениям XI–XIII вв. <...> Аналогичные заимствования поэтических формул видим мы и в других произведениях конца XIV – XV в...» [13, с. 186–187].

элемент концепции нестилизационных подражаний у Д. С. Лихачева — наличие компаративного востоковедного материала, значение которого — при относительно небольшом его месте в книге ученого — переоценить невозможно. Всё дело в том, что Д. С. Лихачев, рассматривая проблемы нестилизационных подражаний в древнерусской литературе, мимоходом коснулся большого класса своеобразных литературных явлений, получивших широкое распространение на Ближнем и Среднем Востоке в Средние века и проблематика изучения которых имеет длительную историю, уходящую своими корнями далеко за время первой публикации «Поэтики древнерусской литературы». В труде Д. С. Лихачева данная проблематика, разумеется, не может претендовать на сколько-нибудь полное освещение, но ее присутствие симптоматично.

Чтобы не быть голословным, скажем определенно, о чем идет речь. Проводя разграничение между явлениями «стилизация» и «подражания», Д. С. Лихачев обращает внимание на явления, так сказать, переходные между подражаниями и стилизациями, обнаруженные им в восточных литературах:

Менее творческий, но все же творческий характер носят и стилизации, в которых форма и содержание оригинала не типизируются, а как бы продолжают. Так, например, восточные продолжатели Хафиза использовали и форму стихов Хафиза, и их общее содержание, лишь несколько его варьируя от произведения к произведению. Такие стихи воспринимали как стихи Хафиза не только их читатели. Их авторы искренне не считали себя их «авторами», а надписывая их именем Хафиза, как бы посвящали их ему, считали Хафиза не только вдохновителем этих стихов, но и своего рода автором. Поэтика этих стихов не отличается, по существу, от поэтики стихов Хафиза. Вот почему очень трудно атрибутировать стихи Хафиза из массы ему приписываемых.

Сказанное относится и к «Хайямиаде» — циклам «рубайи», написанным неизвестными авторами на темы Омара Хайяма и подражающим ему по форме. Эти стилизационные подражания — результат своеобразного «сотворчества»; подражатели, по существу, являлись продолжателями своих поэтических авторитетов [13, с. 184–185]².

Отдавая должное стремлению Д. С. Лихачева привлечь для своей концепции нестилизационных подражаний восточный материал, приходится тем не менее признать, что очень многое из сказанного им в данном отрывке о восточных нестилизационных подражаниях не в полной мере отвечало представлениям более ранней и современной ему востоковедной науки. Тем не менее следует отметить полезность введения компаративного восточного материала для освещения поднятой в нашей статье проблемы.

Итак, приступим к изложению известных в востоковедении представлений по данной теме, касающихся обширного класса явлений, получивших широкое распространение на Ближнем и Среднем Востоке в Средние века.

Прежде всего скажем несколько слов о наиболее распространенных терминах для обозначения восточных «подражаний». К их числу средневековые теоретики литературы относили *джаваб* (букв. «ответ»), *татаббу'* (букв. «следование»), *назира* (букв. «подобие»), *истикбал* (букв. «выход для почетной встречи»), *таклид* («подражание»), *пайрави* (букв. «ступание след в след»), *мукабила* (букв. «выход навстречу») и др., в целом более 10 терминов. Однако наиболее употребительными из них были первые 3. Содержание этих терминов в авторитетных трудах на арабском, персидском, тюркских

² В оценке «Хайямиады» Д. С. Лихачев опирается на мнение авторов публикации [2].

языках и урду точно не определяется, соответственно нет полной ясности и относительно границ определяемых ими явлений. Впрочем, нас сейчас интересуют не тонкие дефиниции, а существо явления, его наиболее характерные и повторяющиеся в большинстве видов «подражания» признаки.

Если «подражание» пишется на лирическое произведение, то в нем обязательно должны быть повторены метр, рифма, *редиф* (если он имеется), чаще всего тема и какой-либо художественный прием. При сочинении «подражания» повествовательного характера необходимо повторить поэтический размер, главные элементы фабулы, количество глав и т. п. По мнению выдающегося отечественного ученого Е. Э. Бертельса, условия «подражания» на эпическое произведение оказываются даже труднее, чем в лирике. «Берясь за такое произведение, — пишет ученый, — поэт должен заполнить промежуток между заранее намеченными узловыми точками совершенно по-новому, ввести иную мотивировку действий своих героев, изменить их характер и психологию» [7, с. 435].

«Подражания» писались не только на отдельное эпическое произведение, но и на их собрание. Наиболее известный случай — так называемая пятерица («Хамсе») Низами (ок. 1141–1209), имевшая многовековую традицию составления «подражаний». Важный элемент «подражаний» на Ближнем и Среднем Востоке состоял в том, что часто они писались на языке, отличном от языка «оригинала» (например, на тюркском в «подражание» произведению на персидском).

Приведем для иллюстрации несколько примеров средневековых подражаний из разных регионов Ближнего и Среднего Востока.

Панегирист мусульманской Испании Ибн Даррадж ал-Касталли (958–1030) сочинил по заказу правителя ал-Мансура касыду в «подражание» известному произведению выдающегося поэта аббасидского периода Абу Нуваса (756–758 – ок. 815 г.). Андалусский поэт повторяет рифму, размер и некоторые ведущие темы произведения своего предшественника. Однако, трактуя темы, затронутые Абу Нувасом, Ибн Даррадж, как правило, развивает их несколько подробнее. В итоге андалусец успешно справился со своей задачей и создал произведение, принесшее ему широчайшую известность «на Востоке и на Западе»³.

Фарсиязычный поэт Исфакана Камал ад-Дин Исмаил (ок. 1172–73–1237) создал уникальное произведение, в котором в 94 строках (бейтах) 102 раза повторяется слово *му* («волос»). Сверхзадача поэта, по мнению З. Н. Ворожейкиной, состояла в том, чтобы, «строя многие десятки поэтических высказываний на основе одного и того же слова, искусно обыгрывая его в словообразованиях, идиомах и каламбурах», использовать «все смысловые “валентности” заданной лексемы» [9, с. 64]. Касыда «Волос», причисленная знатоками к высшим достижениям поэзии, вызвала поток «подражаний». Однако ни одному из последователей (в том числе и выдающемуся поэту Салману Саваджи) не удалось создать произведение, которое отвечало бы всем требованиям, предъявлявшимся к *назира* [9, с. 64–65].

Индийский персоязычный поэт Фани Кашмири (ум. в 1670 г.) написал свою поэму «Хафт ахтар» («Семь звезд») как «подражание» «Хафт пейкар» («Семь красавиц») Низами. Сюжетная основа первоисточника изменена, в ней отсутствуют образы царя-охотника Бахрама Гура, красавиц-рассказчиц. Одновременно Фани Кашмири вводит в поэму семь самостоятельных рассказов и т. п. Известная самостоятельность «подражания» очевидна, вместе с тем и его зависимость от «Семи красавиц» не вызывает сомнений [1, с. 9].

³ Подробнее см.: [11, с. 52–55].

Любопытно посмотреть, какое место занимало сочинение «подражаний» в творчестве авторов Ближнего и Среднего Востока, в литературном процессе этого обширного региона в целом. Известно, что поэт XIII в. Сайф Фергани в «подражание» одной касыде и 81 газели великого Саади (Са'ди) (1184–1298) создал около ста касыд и газелей. Таким образом, получается, что седьмая часть его касыд и газелей написана как «подражание» Саади [4, с. 85; цит. по: 3, с. 123]. В собрании произведений Абу Исхака Ат'има (ум. в 1433 г.) 90 газелей являются «подражаниями» 24 поэтам XIII – начала XV вв. и, следовательно, лишь 10 его газелей являются «оригинальными» [15, с. 26; 3, с. 124].

Широкое распространение «подражаний» на газели известных авторов нашло свое отражение в создании антологических сборников «Рада'иф ал-аш'ар» («Разряды стихов»), составленных из подобных произведений. Если судить по антологии Фахри Хирати, созданной в 1523 г., в XV – первой половине XVI вв. чаще всего создавались «подражания» газелям Амира Хосрова Дехлеви (1253–1325): на 48 газелей-«оригиналов» создано 308 «подражаний», Саади (1184–1298) соответственно 31 – 231, Джами (1414–1492) — 27 – 135, Хафиза (ум. в 1389 г.) — 23 – 125. Всего же в антологии Фахри 234 газелям-«образцам» соответствует 1399 газелей-назира, принадлежащих 276 поэтам [3, с. 130–131].

«Подражания» создавались на Ближнем и Среднем Востоке на протяжении всего средневековья, начиная с X в. и вплоть до XX в. Интерпретация их природы средневековыми и современными учеными представляет для нас большой интерес. Общим элементом для тех и других является представление о «подражании» как о своего рода *соперничестве, состязании*. Из современных ученых впервые подобную точку зрения высказал, по-видимому, английский востоковед Х. А. Р. Гибб в конце XIX в. [3, с. 120]. Суть ее сводится к тому, что «подражатель» рассматривается не как бездумный копиист предшественника, а как его соперник. И это при том неременном условии, что объектом для «подражания», как и в древнерусской литературе, должны были становиться не рядовые, заурядные произведения, а превосходные, образцовые в том или ином отношении газели, касыды, месневи, сборники поэм и т. п. Удачным «подражанием» считалось лишь в том случае, если его автор смог превзойти предшественника в воплощении определенных элементов содержания или формы. Задача эта была необычайно трудной, и далеко не все «подражатели» оказывались на высоте. Так, средневековый филолог пишет об одном из шедевров арабо-испанской лирики — касыде «Нунийя» Ибн Зайдуна (1003–1071): «И эта касыда в своей совокупности несравненна, *подражали* ей многие, но оказались не в состоянии превзойти ее» (цит. по: [11, с. 54–55]). Джами писал об одном из поэтов: «Случилось так, что никто, как это требовалось, не справился с “ответом” на его известную касыду...» [3, с. 122]. В другом источнике находим: «Знатоки поэзии составили немало “ответов” на эту газель, но ни один из них не превзошел ее» (цит. по: [3, с. 122]). Однако история литератур Ближнего и Среднего Востока знает, разумеется, и немало случаев, когда «подражание» превосходило «образец» [1, с. 10]. Как бы то ни было, важно подчеркнуть, что сочинять «подражания» отваживался лишь автор, уверенный в своих силах, обладавший авторитетом в литературных кругах. Здесь будет достаточно сказать, что «подражания» на поэмы Низами писали такие выдающиеся авторы мировой литературы, как Амир Хосров Дехлеви, Алишер Навои, Джами, Физули.

Большинство современных исследователей, как уже говорилось, склонно рассматривать «подражания» как своего рода *соперничество, состязание*. В чем же состояла цель подобного соперничества?

С незапамятных времен бытует мнение, что «подражание» было действенным инструментом литературной борьбы между придворными поэтами, пытавшимися доказать свое превосходство над соперниками. Задача Алишера Навои, как она видится Е. Э. Бертельсу, состояла, в частности, в том, чтобы создать такие произведения, которые «могли бы выдержать конкуренцию и обратили бы в бегство своего противника». *Назира* была идеальной формой для решения этой задачи, поскольку ставила соперничавших авторов в равные условия: «Читатель-знаток, беря в руки произведение, написанное на уже давно известную тему... видел, как ту же самую задачу, решение которой известно, решали по-новому и, может быть, более изящным и оригинальным способом» [7, с. 435]. Известны случаи, когда поэты проверяли мастерство друг друга или новичка с помощью *назира*, либо устраивали нечто вроде поэтического состязания, в котором все участники должны были написать «ответ» на одно и то же стихотворение. Таким образом, по формулировке А. Мирзоева, измерял «силу своего таланта талантом других поэтов» (цит. по: [3, с. 120]).

Такой взгляд на «подражание» во многом оправдывается средневековой литературной практикой. Однако он не полностью раскрывает природу указанного соперничества. Обратимся в этой связи к факту, который, по словам Е. Э. Бертельса, до известной степени раскрывает технику поэзии XV в. Венценосный автор Султан-Хусайн, написав газель, «пишет еще две газели с той же рифмой и с тем же редифом. Иначе говоря, он как бы пишет “ответ” (назира) на свои же собственные стихи» [6, с. 61]. Подобный пример соперничества с самим собой был, по-видимому, относительно редок, но к нему, несомненно, примыкает более распространенное явление. Уже упоминавшийся поэт Сайф Фергани, написавший «ответы» на 81 газель Саади, 9 газелей своего великого современника удостоил двумя «ответами» [3, с. 123]. В этом случае автор вступает в соперничество не только с предшественником, но и самим собой.

Последние примеры говорят о том, что «подражание» не всегда было нацелено на то, чтобы «обратить в бегство своего противника». Можно даже сказать еще определеннее. Нормой для «подражания» является «мирное сосуществование» автора «образца» и авторов-«подражателей», соперничавших с ним. Турецкий поэт Азери (ум. в 1585 г.) в поэме «Накш-и хайал» («Узоры воображения»), написанной как *назира* к «Махзан ал-асрар» («Сокровищница тайн») Низами, в следующих словах пишет о своих предшественниках-«соперниках»:

Предводитель всего этого каравана (поэтов),
Владыка страны познания и таланта...
Низами, отмеченный печатью красноречия...
Сочинил совершенную поэму «Махзан ал-асрар»...
За ним последовал Хосров...
И его «Хамсе» стало озаряющим мир светочем...
И сочинил он книгу «Восхождение светил».
После него раздался глас Джами...
Теперь во владениях Рума живут красноречивые поэты,
И есть среди них великие мастера.
И каждый из них создал по одной поэме,
И написал ее в манере назире...⁴.

⁴ Перев. цит. по: [1, с. 10–11].

Из данного отрывка вовсе не следует, что турецкий поэт хотел «побить своих соперников их же оружием, а для этого нельзя было выходить за пределы намеченного ими круга тем» [7, с. 436]. Вряд ли Алишер Навои, к которому относится последняя цитата из Е. Э. Бертельса, «подражая» «Хамсе» Низами, хотел «побить» своего великого предшественника. И тем не менее он вступал с ним в диалог, отношения спора и соперничества, признавая и подчеркивая генетические связи своего произведения с произведением Низами.

Представление о *соперничестве* (даже трактуемом весьма широко) как об основе «подражания» не объясняет всех странностей этой формы творчества для современного исследователя. Вернемся к фразе о том, что касыда «Нунийя» Ибн Зайдуна несравненна, «*подражали* ей многие, но оказались не в состоянии превзойти ее». Если сохранить в ней средневековое существо дела, но наполнить ее именами и названиями из мировой литературы XIX–XX вв., она зазвучит как нонсенс: «В подражание “Милому другу” Ги де Мопассана сочинитель О. написал своего “Милого друга”, но оказался не в состоянии превзойти предшественника». Не спасает положения и широко употребляемое сегодня понятие «творческое подражание» вместо «подражания», которое ставит акцент на обязательности внесения изменений в «оригинал» при составлении «ответа» на него. Современного читателя и исследователя здесь должно удивлять некорректное уравнивание в правах автора «оригинала» и автора «подражания», а проще говоря, по нынешним представлениям: автора и его эпигона. Между тем такое уравнение было совершенно обычным для средневековых писателей, читателей и ученых. В этом случае мы, несомненно, имеем дело со специфическими представлениями об авторской оригинальности не только в средневековых литературах Ближнего и Среднего Востока, но и во всей мировой средневековой литературе.

Подробнее других на данной стороне «подражания» остановился Е. Э. Бертельс. Многие его суждения и сегодня, по прошествии нескольких десятилетий (значительное число работ было написано в 40–50-е годы прошлого века), заслуживают пристального внимания. Ученый считает неверным называть авторов *назира* «подражателями», ибо это свидетельствует об антиисторическом подходе и непонимании специфики литературы феодального общества, стремлении «мерить все явления прошлого на свой аршин». В этом обществе выбор тем был «крайне ограничен» «узостью интересов, замкнутостью жизни, медленностью самого ее темпа». По этой причине авторы, даже имевшие возможности обновить тематику (было бы просто нелепо, например, сомневаться в том, что Навои при желании мог бы ввести в литературу новую тематику), не стремились выходить за пределы намеченного традицией круга тем. Узость тематики при интенсивной литературной жизни привела к «чрезвычайной чувствительности к культуре слова» и разработке представлений близких к концепции «искусства для искусства», поскольку «часто целью произведения был лишь показ мастерства в обработке хорошо известного сюжета». Вместе с тем было бы неверно полагать, что при таком взгляде на литературу значительно умаляется ее общественная ценность, поскольку «талантливый писатель и в этих трудных, сковывающих полет его мысли условиях, сумеет воздействовать на мысли и чувства читателя и раскрыть перед ним новые, ему дотоле неизвестные стороны человеческой души» [7, с. 435–436].

Суждения Е. Э. Бертельса о «трудных, сковывающих полет... мысли условиях», в которых средневековый автор создавал свои *назира*, были данью теоретико-литературным представлениям определенной эпохи и сегодня нуждаются в корректировке. Средневековые литературы Востока и Запада отличаются ярко выраженным традицио-

нализмом, обуславливающим специфику их художественной системы. «Подражания» типа *назире* были распространены не только на Ближнем и Среднем Востоке. В сборниках вагантов встречаются многочисленные произведения, разрабатывающие сходные мотивы и образы. Каждое такое произведение было результатом не переделок, а «подражания, это не “порча текста”, а творческое соревнование», настаивает М. Л. Гаспаров [10, с. 471–472]. Разные виды «подражания» в средневековой литературе объединялись общей нацеленностью на творческое отношение к «первоисточнику», на *соперничество* и *соревнование* с ним.

Понятие *состязания* было одним из центральных для системы средневековой литературы. Оно зиждилось на внеисторизме (аисторизме) традиционалистского художественного сознания. Произведения древнерусской литературы «жили многими столетиями», «в письменности было “одновременно”, а вернее вневременно все, что написано сейчас или в прошлом» – говорит Д. С. Лихачев [13, с. 20, 94–95]. Аисторизм выражался в «снятии» хронологической дистанции при сопоставлениях: временной интервал в пятьсот и даже тысячу лет не смущал ученых, оценивавших результаты «состязания», не учитывалась принадлежность сопоставлявшихся авторов не только разным эпохам, но и разным литературам и культурам.

Непременным условием *состязания* в средневековую эпоху было твердое убеждение авторов-«соперников» в единственности и неизменности во времени (сколь бы продолжительным оно ни было) самой цели, к которой они стремились. Идея «абсолюта», недостижимого жанрового или стилистического канона, создавала базу для корректных сопоставлений. Оригинальный автор, создавший первое произведение на какую-либо тему, рассматривался всеми как человек, совершивший необходимый шаг к единой для всех цели. Оригинальный автор, в средневековом представлении, лишь «опередил» соперников в соревновании, «обогнал» на пути к объективно данной, предвечной, единой и обязательной для всех авторов цели.

Такое понимание «оригинала», «образца» придавало ему две важных особенности. Во-первых, в глазах средневековых ученых он не мог быть совершенным, ибо истолкование предвечного положительно не могло быть исчерпывающим и окончательным. Во-вторых, «оригинал» в принципе не мог быть обнесен оградой собственности, ибо он был общей ценностью, являясь пусть первым, но все же одним из необходимых для всех шагов на пути постижения абсолюта.

Эти особенности определили характер отношения к произведению-«образцу» в литературной практике. Ни один «образец» не квалифицировался средневековыми учеными и авторами как раз и навсегда установленное лучшее достижение на пути к абсолюту. Последователи чувствовали себя обязанными совершенствовать «первооткрытие», чтобы еще дальше продвинуться по пути к абсолюту.

Таким образом, отношение к «образцам» было двойственным. Как достижение на пути к абсолюту, они требовали от последователей своего воспроизведения. Как плод человеческого разума, они не могли быть адекватным воплощением абсолюта и в принципе должны были обладать рядом несовершенств. Поэтому следование им не только допускало, но и предполагало одновременное изменение унаследованных «образцов» с целью дальнейшего приближения к абсолюту. И именно поэтому *назира* нельзя квалифицировать как «подражание», а авторов *назира* называть «подражателями», «копиистами» и — тем более — «эпигонами». Варьирование «образцов» в «подражаниях» последователей приобретало, таким образом, особый смысл, а индивидуальное и коллективное диалектически связывались между собой в цепи бесконечных взаимопревращений на пути безграничного совершенствования.

Подведем итоги рассмотрения проблемы нестилизационных подражаний в историко-поэтологическом аспекте. Развитие литературоведческой теории в последние десятилетия, переосмысление известных историко- и теоретико-литературных представлений в свете новых подходов дало новый импульс для переосмысления проблем литературного развития на региональном и межрегиональном уровнях, проблем творчества отдельных представителей этого процесса. «Старые» проблемы зачастую выглядят по-новому в контексте нового подхода к средневековой литературе как *особому* периоду в истории мировой литературы со своим *особым* типом художественного сознания и связанными с этим принципиально новыми воззрениями на традиционалистский канон, на статус средневекового автора, статус средневекового сочинения и пр. и пр.

Поясним нашу мысль небольшим примером относительно интерпретации творчества неоднократно упоминавшегося в нашей статье узбекского автора Алишера Навои.

Отечественное востоковедение уже давно отказалось от взгляда на Навои как на подражателя персидско-таджикским поэтам. Напомним, что такова была, фактически, позиция выдающегося российского ученого В. В. Бартольда: «В XV в. в Средней Азии, сначала в Самарканде, потом в Герате жил поэт Мир Али-Шир, сделавшийся классическим поэтом для всех мусульманских турок... Но и в то время и потом турецкая литература оставалась переводной или подражательной... На всем пространстве от Китая до Балканского полуострова и Египта турецкие писатели находились под влиянием персидских образцов...» [5, с. 245].

Подобный взгляд во многом основывался на том, что значительная часть произведений Алишера Навои была создана по методу *назира*⁵. В практическом, историко-литературном, плане этот вопрос, можно сказать, решен в конкретном сопоставительном анализе произведений Навои с произведениями предшественников, выявившем несомненный оригинальный характер сочинений узбекского автора. Однако в теоретико-литературном, поэтологическом аспекте данный вопрос, по нашему мнению, нуждается в более основательном рассмотрении в свете интерпретации нестилизационных подражаний, предложенной в нашей статье.

Идущая в отечественной науке во многом от Д. С. Лихачева линия понимания поэтики как «системы всего мировоззрения и мироповедения», как «системы идеологически реагирующей на мир формы» [12, с. 352] создает, как мы стремились показать, предпосылки для верного истолкования *нестилизационных подражаний* в качестве одного из действенных художественных средств средневековой литературы. Заложенные в Лихачевском подходе потенциальные возможности культурологических обобщений позволяют подняться от поэтологической интерпретации отдельного явления до выводов более высокого уровня, вплоть до пересмотра некоторых итогов развития мировой литературы в Средние века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Алиев Г. Ю. Темы и сюжеты Низами в литературах народов Востока. М.: Наука, 1985. 332 с.
- 2 Алиев Р. М., Османов М. Н. Омар Хайям. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 144 с.
- 3 Афсахзод А. Лирика Абд ар-Рахмана Джами. Проблемы текста и поэтики. М.: Наука, 1988. 326 с.

⁵ В этой связи актуальным до нашего времени остается вопрос об определении степени творческой свободы Навои в рамках данного метода. Подробнее см.: [14, с. 272].

- 4 *Афсахов А.* Сайфи Фарғони. Душанбе: Институт языка и литературы, 1976. 227 с. (на тадж. яз.)
- 5 *Бартольд В. В.* Мусульманский мир /первая публ. Пг., 1922/ // Сочинения. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы (ГРВЛ «Наука»), 1966. Т. VI. 784 с.
- 6 *Бертельс Е. Э.* Навои // *Бертельс Е. Э.* Избранные труды. М.: Изд-во восточной литературы, 1965. Т. 4: Навои и Джами. 499 с.
- 7 *Бертельс Е. Э.* Навои и литература Востока // *Бертельс Е. Э.* Избранные труды. М.: Изд-во восточной литературы, 1965. Т. 4: Навои и Джами. 499 с.
- 8 *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1941. 620 с.
- 9 *Ворожейкина З. Н.* Исфаханская школа поэтов и литературная жизнь Ирана в предмонгольское время. XII – начало XIII в. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы (ГРВЛ «Наука»), 1984. 270 с.
- 10 *Гаспаров М. Л.* Поэзия вагантов // Поэзия вагантов. М.: Наука, 1975. С. 421–514.
- 11 *Куделин А. Б.* Классическая арабо-испанская поэзия (конец X – середина XII в.). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы (ГРВЛ «Наука»), 1973. 191 с.
- 12 *Лихачев Д. С.* Отзыв на работу С. С. Аверинцева «Ранневизантийская поэтика» // Прошлое — будущему. Статьи и очерки. Л.: Наука, 1985. С. 350–359.
- 13 *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е, доп. М.: Наука, 1979. 360 с.
- 14 *Малехова А. Н.* Поэма Алишера Навои «Язык птиц» // Алишер Навои. Язык птиц / пер. С. Н. Иванова. 2-е изд. СПб.: Наука, 2007. 384 с.
- 15 *Мирзоев А.* Абу Исхак. Душанбе: Дониш, 1971. 148 с. (на тадж. яз.)

© 2018. Alexander B. Kudelin
Moscow, Russia

NON-STYLISTIC IMITATIONS AS AN EVENT IN WORLD LITERATURE OF THE MIDDLE AGES

Abstract: The present article, widely drawing on the works of the world literature, pays particular attention to the so-called *non-stylistic imitations*, which were closely analyzed by D. S. Likhachev in his study *A Poetics of the Old Russian Literature*. Our probing into the principles of medieval literature of the Near and Far East allows for deepening our knowledge of this particular technique informing the Medieval texts. New insights into historical and theoretical aspects of literary studies have spurred reconsideration of literary phenomena on certain regional and inter-regional levels up to overall reassessment of medieval literary development at large. Considering the Medieval period as *unique* in World studies, as emanating a *very particular* type of artistic consciousness, this article offers a new take on ‘non-stylistic imitations’ as an effective technique integral to Medieval literature.

Keywords: Non-stylistic imitations, stylization, Dmitry S. Likhachev, world literature of the Middle ages, artistic means employed by the old Russian Literature, the Medieval literature of the Near and Far East, *nazira*, poetic competition.

Information about the author: Alexander B. Kudelin — DSc in Philology, Full Professor, Academician of the RAS, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya Str., 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: abkudelin@rambler.ru

Received: February 12, 2018

Date of publication: June 15, 2018

For citation: Kudelin A. B. Non-stylistic imitations as an event in World literature of the Middle Ages. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 48, pp. 101–112. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Aliyev G. Ui. *Themes and Plots From Nizami Ganjavi in Eastern Literatures*. Moscow, Nauka Publ., 1985. 332 p. (In Russian)
- 2 Aliyev R. M., Osmanov M. N. *Omar Khayyam*. Moscow, Publishers of the AS of the USSR Publ., 1959. 144 p. (In Russian)
- 3 Afsakhzod A. *The Lyrics of Nur ad-Dīn Abd ar-Rahmān Jāmī. The Issues of Textology and Poetics*. Moscow, Nauka Publ., 1988. 326 p. (In Russian)
- 4 Afsakhov A. *Saif Farghani*. Dushanbe, The Institute of Language and Literature, 1976. 227 p. (In Tajic)
- 5 Bartold V. V. The Muslim World. (The 1st printing Pg., 1922). *Bartold V. V. The Works*. Moscow, Nauka, the Head Print House of Eastern Lit. at Nauka Publishers, 1966. Vol. VI. 784 p. (In Russian)
- 6 Bertels Ye. Ae. “Ali-Shir Nava'i.” *Selected Works. Ali-Shir Nava'i and Nur ad-Dīn Abd ar-Rahmān Jāmī*. Moscow, The Eastern Liteatures Ed. House Publ., 1965. 499 p. (In Russian)
- 7 Bertels Ye. Ae. “Ali-Shir Nava'i and Oriental Liteature”. *Selected Works. Ali-Shir Nava'i and Nur ad-Dīn Abd ar-Rahmān Jāmī*. Moscow, The Eastern Liteatures Ed. House Publ., 1965. 499 p. (In Russian)
- 8 Vinogradov V. V. *Pushkin's Style*. Moscow, The State Publ. House of Artistic Literature Publ., 1941. 620 p. (In Russian)
- 9 Vorozheikina Z. N. *The Isfahan School of Poets and the Literary Life of Iran during the Pre-Mongolian Epoch. The 12th – beginning of 13th cent.* Moscow, Nauka, the Head Print House of Eastern Lit. at Nauka Publishers Publ., 1984. 270 p. (In Russian)
- 10 Gasparov M. L. “The Poetry of the Goliards”. *The Poetry of the Goliards*. Moscow, Nauka Publ., 1975. 606 p. (In Russian)
- 11 Kudelin A. B. *The Classical Arabic-and-Spanish Poetry (the End of the 10th – Beginning of the 12th cent.)* Moscow, Nauka, the Head Print House of Eastern Lit. at Nauka Publishers, 1973. 191 p. (In Russian)
- 12 Likhachev D. S. A Responce to S. S. Averintsev's study “The Early Byzantine Poetics”. *From the Past to the Future. Articles and Essays*. Leningrad, Nauka Publ., 1985, pp. 30–359. (In Russian)
- 13 Likhachev D. S. *A Poetics of the Old Russian Literature*. The 3rd ed., expanded. Moscow, Nauka Publ., 1979. 360 p. (In Russian)
- 14 Malekhova A. N. Ali-Shir Nava'i's Poem “The Birds' Language”. *Ali-Shir Nava'i. The Birds' Language*. Trans. by S. N. Ivanov. 2nd ed. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 384 p. (In Russian)
- 15 Mirzoyev A. *Abū Ishāq*. Dushanbe, Donish, 1971. 148 p. (In Tajic)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. В. М. Кириллин
г. Москва, Россия

РАЗВИТИЕ СОСТАВА ЭПИТЕТОВ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ВЛАДИМИРА СВЯТОГО В ПОСВЯЩЕННОЙ ЕМУ ДРЕВНЕРУССКОЙ ГИМНОГРАФИИ

Аннотация: В статье рассматриваются эпитетные характеристики Владимира Великого, содержащиеся в богослужебных текстах. Учитывая фактор их развития, автор выявляет сходства и различия в образных и оценочных аттестациях князя в плане эмоционального, экспрессивного или интенционального пафоса, динамику меняющихся фигуративно-аксиологических, духовно-поэтических представлений о нем, которая выражена тенденцией к увеличению, за счет лексической синонимии, количественной плотности эпитетов, а также тенденцией к усложнению их семантической и формальной, или структурной специфики. Но главным в развитии этого массива тропов является стремление гимнографов к расширению состава и объема метасмыслов, сопряженных с обладающими конкретной семантикой лексемами и фразами, так что поэзия слов и речи невербально уносила славящих Святого в область умозрительной, идеальной, духовной, горней реальности.

Ключевые слова: гимнография, служба, простой эпитет, сложный эпитет, троп, семантическое поле, идея, тема.

Информация об авторе: Владимир Михайлович Кириллин — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: kvladimirm@mail.ru.

Дата поступления статьи: 18.03.2018

Дата публикации: 15.06.2018

Для цитирования: Кириллин В. М. Развитие состава эпитетов, характеризующих Владимира Святого в посвященной ему древнерусской гимнографии // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 113–136.

Корпус посвященных благоверному князю Владимиру Великому гимнографических текстов весьма объемён и разнообразен, он весьма показательно демонстрирует то, как воспринималась и оценивалась в средневековом русском обществе его личность с точки зрения мироустроительного величия его святости и в плане меняющегося со временем отношения к нему. Различные стихословия и песнословия включались в богослужебный обиход Русской Церкви в разное время и представляют собой разные по жанровой сути и форме тексты. Достаточно уверенно можно предполагать, что древнейшие из них должны были появиться до конца XII в. Это подтверждается известным свидетельством краткого, или проложного, «Жития», тогда уже существовавшего [9, с. 200; 15, с. 179]: «*Молебными пѣсньми память твою празднующе, похвалныя вѣнца приносим ти*» [15, с. 437]. Можно также не сомневаться в изначальной приуроченности первых

молебных песен в честь Владимира Святославича не ко дню его кончины, 15 июля по ст. ст., который в тот период, скорее всего, еще не отмечался как день его церковного поминания, а ко дню памяти об убийстве его сына Бориса, 24 июля, в который чествовался и другой его сын Глеб, убитый 5 сентября. Данная убежденность зиждется на факте уставного указания, читающегося в отрывке Студийско-Алексиевского устава конца XII или начала XIII в. (Курский областной краеведческий музей, № 20959), в сведениях за 24 июля о службе страстотерпцам: «*Утется житие князя Володимира. В томъ есть и мучение святою Бориса и Глеба*» [28, с. 161 (№ 139)].

История владимирской гимнографии столь же сложна, как и история владимирской агиографии [15, с. 149–212]. Но если последней занимались многие исследователи, то посвященные крестителю Руси богослужебные тексты изучены плохо, и прежде всего в плане их литературного генезиса и идейно-содержательной специфики. Из отечественных ученых одни относили появление первых стихословий в честь равноапостольного князя к XI в. [38, с. 23; 11, с. 71, 250; 23, с. 404; 24, с. 444; 33, с. 83–85; 29, с. 69; 3, с. 69], связывая их с неким иноком Киево-Печерского монастыря Григорием [34], о котором известно по патерику этой обители, что он был «творцом канунов»¹; другие ученые склонялись к XIII столетию [5, с. 392; 13; 30, с. 207–208; 36], сопрягая возникновение самых ранних посвященных Владимиру гимнических текстов с официальным утверждением его церковного почитания. Эту точку зрения разделяет и последний исследователь рукописной традиции владимирской гимнографии Н. И. Милютенко. В итоге историографического обзора, отталкиваясь, прежде всего, от работы М. Н. Славнитского, а также в результате анализа рукописных и старопечатных источников, она достигла, думается, вполне резонного вывода о том, что отдельные прославляющие князя «молебные песни» могли появиться задолго до XIII в., в дальнейшем же владимирский богослужебный цикл перерабатывался (структурно и текстуально) на фоне отказа русского богослужения от традиции Студийского устава в пользу Иерусалимского обихода [14, с. 206–212; 15; 16].

Древнерусские рукописи свидетельствуют о весьма длительном процессе литургической ратификации службы Владимиру. В сохранившихся донныне самых ранних списках² содержится ее 1-я редакция, очень простая по составу (четыре стихирьы вечерни: «*О преславное чюдо, величавый разумъ...*», «*Дивная чюдомъ пучина, жестосердии...*», «*Радуйся, русская похвало...*», «*Начальника благочестью и проповѣдника вѣрѣ...*» и далее канон: «*Придите, братие, песнь духовьную вси възопиемъ...*» с заключительным светильном «*Тихое пристанище*»). Текст этой редакции издавался трижды. Святитель Макарий (Булгаков) опубликовал его по списку из Софийской библиотеки XIII–XIV в. [11, с. 250–254 (прим. 182)], который в настоящее время не идентифицирован [12, с. 622 (комм. 259*)]. Непосредственно по списку Соф. 382 и с указанием разночтений, характерных для других 30 списков служба Владимиру в 1-й редакции была издана упоминавшимся уже выпускником Санкт-Петербургской духовной академии М. Н. Славнитским³ в 1888 г. [30, с. 225–233]. Вместе с тем Славнитский выявил 2-ю редакцию (зафиксирована печатными служебными минеями начиная с издания 1629 г.⁴ и предшеству-

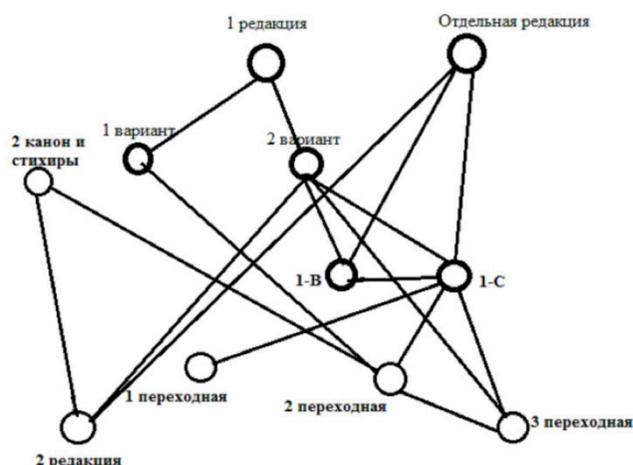
¹ В одном ряду с ним в патерике упоминается еще другой Григорий, «Чюдотворец», которому, помимо этого, посвящена отдельная новелла [6, с. 38, 42–46].

² Старейший — «Праздничная минея», не ранее середины XIV в.: РНБ, ОР, Соф. 382. Л. 67–71.

³ Сведения о нем: [8, с. 37].

⁴ Минея служебная: Июль. М.: Печатный двор, 1629. Л. 214–229 об.; Минея служебная: Июль. М., 1646. Л. 191 об. – 205 об.

ющими рукописными: старший список XV в.⁵, а также 3-ю редакцию⁶. Список Соф. 382 был использован как опорный и для современной научной публикации службы Владимиру в 1-й редакции [15, с. 478–489]. При этом установлена значительная вариативность по составу, структуре и словесной оболочке других списков данной версии, связанная с ходом формирования на ее основе 2-й редакции службы. Отдельные элементы последования (стихиры, тропари, седален, кондак, икос) в разных списках то наличествуют, то отсутствуют, меняются местами или функционально, возмещаются иными текстами, неустойчивы в плане лексического наполнения. Подобная литературная история характерна (правда, в меньшей степени) и для 2-й редакции службы. Но ввиду задач настоящего исследования важно отметить лишь то, что в ее составе первоначальный текст 1-й редакции обогащается комплексом новых стихословий и песнословий и, главное, новым, вторым, каноном: «Съвезначальное Слово, иже древле четыремъ стихиямъ Творецъ...». К сожалению, текст 2-й редакции службы Владимиру научно, по рукописям, не издан. Но зато на основании списка из «Трефолога» XV в.⁷ опубликована схема последования этой службы [5, с. 521–522]. Кроме того, имеются отмеченные выше старопечатные минеи, в которых, правда, указанный новый канон перемещен со второго места (как в означенной рукописи) на первое, перед текстом более раннего канона из 1-й редакции службы, именуемого здесь, соответственно, «другим» или «иным». В своем труде Славнитский также опубликовал и 3-ю редакцию службы Владимиру [30, с. 233–237], которая, по его мнению, была составлена после Стоглавого собора 1551 г., причем в текстовом отношении почти независимо от более раннего последования в виде 1-й и 2-й редакций [30, с. 216–217]. Поэтому правильнее было бы считать ее не редакцией, а новой, или второй, службой. Уточняя и разрабатывая наблюдения и выводы своего предшественника, Н. И. Милютенко предложила, во-первых, называть данную версию «Исторической редакцией», так как, по ее мнению, она текстуально опирается на «Повесть временных лет»; во-вторых, указала на более раннее происхождение этой новой службы, в силу того что содержащий таковую список КБ 375/632, на самом деле, относится не к XVI в., как полагал Славнитский, а к 70–80 гг. XV в. [14, с. 9]; в-третьих, выявила значительно более сложную и разветвленную историю развития текста службы Владимиру от 1-й редакции ко 2-й, что прекрасно демонстрируется составленной ею стеммой [16, с. 363]:

⁵ РНБ, ОР, КБ 442/669. Л. 237 об. – 246 об.

⁶ Единственный список: РНБ, ОР, КБ 375/632. Л. 104 об. – 116.

⁷ РГБ, НИОР, Трц. 613. Л. 392–403.

При этом принципиально важно отметить, что если 1-я редакция 1-й службы Владимиру могла появиться в XIII в., то наиболее интенсивный период формирования на ее основе 2-й редакции приходится, видимо, на XV в. К концу этого столетия относится и появление новой, второй, или «исторической», службы в память о крестителе Руси.

Однако, судя по рукописям, в обиходе Русской Церкви, помимо относительно целостных последований, имела хождение еще и группа отдельных посвященных Владимиру песнословий, которые в течение XV в. были постепенно включены в ее состав. В этом отношении показательны нотированный «Стихирарь» 2 половины XIV в.⁸ и сохранившийся, к сожалению, только в поздних копиях сборник Матвея Кусова 1414 г. «Стихирарь» содержит две стихиры, вставленные в виде подклейки, причем синхронной работе над рукописью, в текст стихир святым мученикам Тарсийским Кирику и Иулитте (л. 182 об. – 184): «Придете, стецѣмъ ся вси къ чьстѣнѣй памяти отьца Русьскаго...», «Апостоломъ ревнителя Володимера, преблаженнаго отьца...» [16, с. 9–10]. В сборнике Кусова сразу за текстом «Слова о Законе и Благодати» помещены эти же две стихиры, в дополнение к ним три тропаря: «Уподобивыйся купчю, ищюцю добраго висера...», «Новый Костянтинъ ты бысть, Христа в сердци приимъ...», «Правовѣрью наставнице и всея Руси просвѣтителю...», и затем уже в каноне Кирику и Иулитте, по 6 песни, читаются еще кондак: «В Руси днесь учитель явися...» и икос «Похвалимъ нынѣ новаго апостола в Руси...» [22, с. 68–69, 72; 15, с. 493]. Оба источника не были известны Славнитскому, но содержащиеся в них гимны Владимиру Святославичу были ему знакомы, поскольку встречались в разных более поздних списках службы. Разумеется, оснований для решительных утверждений недостаточно, но вот гипотеза, что означенные семь текстов как раз и суть те самые «молельные песни», о которых в XII в. упоминал автор проложного «Жития» Владимира, вполне, полагаю, правомерна. Конечно, если принять во внимание не только их изначально отдельное от службы крестителю Руси бытование и сопряженность со службой Кирику и Иулитте, но и то, что канон этим святым в сборнике Кусова (1 троп. 1 песни «Авраамовѣ вѣрѣ порѣвновавшѣ...»), написанный, как выяснилось [15, с. 6–7], святителем Германом, патриархом Константинопольским († около 741 г.), отражает, ввиду наличия в нем второй песни, древнюю богослужебную традицию, причем даже более древнюю по отношению к Студийско-Алексиевскому уставу, которым в соответствующий день предписывался уже сравнительно новый канон (1 троп. 1 песни «Воду прошед, яко сушу...» [26, с. 354]), созданный преподобным Иосифом Песнописцем († около 886 г.). И в этом есть очевидная закономерность. Во-первых, списки посвященных великому Киевскому князю Владимиру Святославичу агиографических и гимнографических текстов, судя по самым старшим и многим последующим, исключительно севернорусского бытования⁹, в частности новгородского (кстати, и первая Владимирская церковь возведена в Новгороде в 1311 г., видимо, в память об изначальном новгородском княжении крестителя Руси), что заставляет думать об инициаторской роли именно русского Севера в деле распространения и утверждения почитания Владимира¹⁰ уже после того, как Киев утратил свое прежнее определяющее политическое, церковное, духовное

⁸ РГБ, НИОР, ф. 113 (Волок.), № 3.

⁹ Из библиотек Софийского собора в Новгороде, монастырей Кирилло-Белозерского, Троице-Сергиева, Волоколамского, Соловецкого.

¹⁰ Схожее положение, только с уточнением применительно к Владимиро-Суздальской Руси, обосновано в работе Н. С. Серegiной [29, с. 70–71].

и культурное значение, т. е. отчасти после 1169 г. (в результате разорения от благоверного князя Андрея Боголюбского) и полностью после 1240 г. (в результате уничтожения войском хана Батыея). Во-вторых, введенный преподобным Феодосием в Киево-Печерском монастыре во второй половине XI в. устав Студийского монастыря, несомненно, распространялся на Руси — в его богослужебной части (не говоря уж о дисциплинарной) — крайне медленно и новгородцами был принят очень нескоро. Этим обстоятельством и может быть обусловлен факт наличия славословий Владимиру и характер их распределения в Волоколамском «Стихираре» и в сборнике Кусова, а заодно оправдано и предположение об их древнем происхождении.

Таким образом, в распоряжении исследователей имеется весьма значительный комплекс прославляющих святого крестителя Руси гимнографических произведений. Однако, поскольку, как констатировала Н. И. Милютенко, текст 1-й редакции 1-й службы целиком вошел в состав текста ее 2-й редакции, в интересах настоящего исследования важны, прежде всего, начальная (вероятно, находящаяся в XIII или даже в XII в.) и конечная (падающая на 1629 г.) точки этой литературной истории¹¹. Первостепенный интерес представляют и семь отдельных гимнов Владимиру, а также факт появления новой или 2-й службы ему на исходе XV столетия.

Не думаю, что есть необходимость учета всего массива текстовых вариантов или нюансов, хранимых всеми рукописными источниками. Вряд ли будет принципиально ошибочной опора только на опубликованные стихословия 1-й и 2-й редакций 1-й службы Владимиру, новой службы ему и отдельных, возможно самых ранних прославляющих его семи гимнов. Для демонстрации динамики фигуративно-аксеологических представлений о святом князе этого материала будет достаточно. Но и в данном случае целесообразно ограничиться. Дело в том, что тексты из Владимирского гимнографического цикла согласно богослужебной поэтике (стихиры, тропари канонов, седальны, кондаки, икосы и т. п.) в жанровом отношении различны и, соответственно, различаются по объему, тематически, идейно-содержательно, функционально (не говоря уж об их месте и роли в композиции последований и об их интонационно-мелодических особенностях). Вместе с тем их можно разделить, как минимум, на две группы: одну группу составляют тексты исторического свойства и назначения, в которых, прежде всего, описываются действия восхваляемого лица или связанные с ним события, что, в сущности, является поэтической репликой на сведения ранних летописных, гомилетических и агиографических источников; другая группа представлена текстами прямо рефлексивного свойства и назначения, которые содержат образные и оценочные аттестации героя поэтического размышления, выражая отношение к нему. Тексты этой второй группы и являются наиболее привлекательными ввиду научных задач настоящего исследования. Именно они отражают развитие в контексте богослужения состава эпитетов и других образно-смысловых элементов (именований, ретроспекций, сравнений), характеризующих великого Киевского князя Владимира Святославича, и именно они, соответственно, фиксируют собой новый этап восприятия его святой личности.

К сожалению, художественно-изобразительной и семантической специфике владимирской гимнографии в научной литературе уделено совсем незначительное вни-

¹¹ Текст службы Владимиру в первой печатной минее 1629 г. условно принимается за конечную точку развития владимирской гимнографии, ибо ныне используемое последование службы князю отличается большим набором стихословий и даже некоторой структурной подвижностью (ср.: [20, с. 283–306; 17, с. 180–203]).

мание. В прошлом только Славнитский касался этой темы. В своем сочинении он дал обобщающую характеристику сравнений и эпитетов, сопровождающих имя крестителя Руси в посвященных ему стихословиях, но характеристику безотносительную к истории их пополнения и в отдельных случаях текстуального изменения [30, с. 218–224]. В наше же время единственно В. В. Василик и Е. В. Джиджора интересовались означенной проблематикой. Первый, например, писал о тематических и идейно-образных параллелях, наблюдаемых в стихословиях 1-й службы Святому в сравнении с древнейшими славянскими канонами: на обретение мощей Климента Римского и великомученику Димитрию Солунскому (темы просвещения, преодоления язычества, создания нового народа, небесного заступничества, а также уподобления императору Константину, пророку Моисею и апостолу Павлу) [3]. Исследователь, кроме того, размышлял о причинной сути характерной для Владимирской гимнографии идеи царского достоинства крестителя Руси и ассоциативном смысле выражающих эту идею образов [1; 2]. В свою очередь, Джиджора, размышляя над принципами построения образа Владимира Святославича, ограничивается, во-первых, материалом только 1-й редакции 1-й службы князю и, во-вторых, анализом лишь нескольких содержащихся в ней простых определений («благженный», «честный», «великий», «святой», «новый») к именованиям крестителя Руси, а также фактов чередования его личных имен: Владимир — Василий и фактов его уподобления пророку Моисею, апостолу Павлу и императору Константину. Все эти детали, по справедливому мнению исследователя, служат символизации образа князя как «благовестителя» [40]. Таким образом, оба исследователя владимирской гимнографии даже не затронули тему реконструкции картины развития духовно-поэтических представлений о Святом на основании сравнительного анализа отличающих его славение изобразительных элементов и интерпретации семантической многоликости и многоаспектности таковых.

Думается, означенную задачу можно решить через привлечение и сопоставление всех посвященных князю гимнов. Но методологически, полагаю, вернее при этом следовать принципу их отбора для сравнения по типу использованных при их составлении средств тропологии, т. е. вполне традиционных фигур художественной речи: эпитетов, атрибутивных и агентивных именовании, исторических аналогий и сравнений.

Наиболее развитым в посвященных Владимиру Святославичу богослужебных произведениях является состав эпитетов. Не касаясь здесь по-разному рассматриваемой литературоведами и лингвистами проблемы формальных, содержательных и функциональных особенностей эпитета (и как разновидности художественного тропа, и как стилистического маркера [27; 35, с. 57–61; 37, с. 195–201; 4, с. 411–412; 21, с. 29]), отмечу только, что эпитет есть весьма показательное средство образной выразительности, которое, прежде всего, передает авторское экспрессивно-аксиологическое, идейно-эстетическое отношение к изображаемому, обусловленное индивидуальным либо коллективным видением и сознанием. При этом роль эпитета могут выполнять разные части речи и синтаксические единицы: не только прилагательные, но и существительные, наречия, причастия, деепричастия, а также причастные и деепричастные обороты [39].

Следствием признания святости Владимира Святославича стало, в первую очередь, количественное развитие состава эпитетов, сопровождающих упоминания о нем. Однако в панегирических и агиографических текстах Владимирского цикла, первоначальных по отношению к гимнографии, эпитеты сравнительно редки.

Таблица 1 – Table 1

«Слово о Законе и Благодати» Илариона	«Память и Похвала» Иакова Мниха	Проложное, или Обычное жите Владимира	4-я редакция Обычного жития Владимира
славный от славных			
благороден от благородных			
	благоверне (2)		
	христолюбиве		
честный и славный в земляных владыках			
премужественный			
Блажен	блаженный (7)	блаженный	
	треблаженный		
	божественный		
	послуживъ Богу всимъ сердцемъ и всею душою		
Правдою облечен			
крепостию препоясан			
истиною обуѣт			
Смыслом венчан			
милостынею яко гривною и утварью златою красуюся			
		примый вѣнецъ от русы Бсѣдержителя Бога	
		истерзавъ льстное терне из Руси, взоравъ крещеньемъ всю Русьскую землю и насявы святыми книгами	
			се же, 30 лѣт и 3 бывъ въ святомъ крещеньи, вѣру чистую соблюдь, заповѣди свершивъ Господня, преставися, в руцѣ Божии душу свою предавъ

Но на следующем этапе сохранения памяти о крестителе Руси, уже в прославляющих его гимнах, картина меняется: число характеризующих Святого эпитетов резко вырастает, при этом они усложняются структурно и содержательно, согласуясь, очевидно, с развитием аксиологического фона почитания князя.

Таблица 2 – Table 2

	1-я ред. 1-й Службы, РНБ, ОР, Соф. 382, XIV в.	2-я ред. 1-й Службы по печ. Минее 1629 г.	Сборник Матвея Кусова 1414 г.	Новая или 2-я Служба по Минее из Кир.-Белоз. мон. кон. XV в. № 375/632 XVI в.
1		истинный же проповѣдатель (на вечерне 3 стихира 4 гласа: Якоже отецъ духовно)		
	1 стихира вечерни 8 гласа (О преславное чюдо):			
2a	великаго Василия нашего	великаго Василия нашего (на вечерне 1 стихира на стиховне 8 гласа: О преславное чюдо)		
2b				Великаго князя Владимира (уставное указание в начале службы)
	2 стихира вечерни 8 гласа (Дивная чюдомъ пучина)			
3a	князя вѣрнаго	князя вѣрна (на вечерне 2 стихира на стиховне 8 гласа: Дивная чюдесемъ пучина)		
	3 стихира вечерни 8 гласа (Радуйся, русская похвало):	≈		
4a	русская похвало	≈ (на вечерне 3 стихира на стиховне 8 гласа: Радуйся, русская похвало)		
5a	блаженный Володимире	≈ (на вечерне 3 стихира на стиховне 8 гласа: Радуйся, русская похвало)		
6a	чюдо чюдомъ преславное	чюдо чюдесемъ преславное (на вечерне 3 стихира на стиховне 8 гласа: Радуйся, русская похвало)		
7	пристанище тихое	≈ (на вечерне 3 стихира на стиховне 8 гласа: Радуйся, русская похвало)		

8	всесвятый	всесвятый корени вѣры (на вечерне 3 стихира на стиховне 8 гласа: Радуйся, русская похвало)		
9		божественный Владимире (на вечерне 3 стихира на стиховне 8 гласа: Радуйся, русская похвало)		
10		напоенъ же Духомъ Пресвятимъ, возрастивый намъ вѣтви богосажденныя, цвѣтъ благоуханія источающа, Бориса чуднаго и Глѣба ревнителя благочестію (на вечерне 4 стихира 4 гласа: Корень правовѣрія)		
11		от еллинъ родися и возлюби возлюбившаго ѿ Христа (на вечерне стихира на Слава 8 гласа: Придѣте стечемся)	отъ варягъ рожество възлюбивъ възлюбившаго ѿ Христа (стихира 8 гласа: Придѣте стечѣмся)	
	4 стихира вечерни на стиховне 8 гласа (Начальника благочестію):			
12	Княземъ рускимъ верховнаго	княземъ русскимъ верховнаго (на вечерне стихира на Слава 8 гласа: Начальника благочестію)		
2b	великаго Володимира	великаго Владимира (на вечерне стихира на Слава 8 гласа: Начальника благочестію)		
13a	апостоломъ равна, (хваллами и гѣсньми духовными вѣнчаемъ, глаголюще)			Апостоломъ равнаго (уставное указание в начале службы)
13b		апостоломъ равнаго, хваллами и гѣсньми духовными вѣнчаемаго, глаголюще (на вечерне стихира на Слава 8 гласа: Начальника благочестію)		

14	Христовъ воине прехрабръй, яко томителя врага до конѣа погубивъ и насъ отъ лести его избавивъ	≈ (на вечерне стихира на Слава 8 гласа: Начальника благочестно)		
15a	преблженне	≈ (стихира вечерни на Слава 8 гласа: Начальника благочестью)		
15a				преблженне (3 тропарь 9 песни канона 6 гласа)
16	всехвалне	≈ (стихира вечерни на Слава 8 гласа: Начальника благочестью)		
17		Уподобивыйся купцу, ищущу добраго бисера (на вечерне тропарь 4 гласа: Уподобивыйся)	≈ (тропарь 4 гласа: Уподобивыйся)	≈ (уставное указание на тропарь 4 гласа Уподобивыйся в конце службы)
18a		славнодержавный (на вечерне тропарь 4 гласа: Уподобивыйся)	≈ (тропарь 4 гласа: Уподобивыйся)	≈ (уставное указание на тропарь 4 гласа Уподобивыйся в конце службы)
5b		блженне княже (на утрне по 1 стихологии седален 1 гласа: Яко начальнику и корене вѣры)		Княже (стихословие без обозначения жанра перед заключительным тропарем Уподобивыйся)
13b		равноапостольне Владимире (на утрне по 1 стихологии седален 1 гласа: Яко начальнику и корене вѣры)		равне апостоломъ (стихословие без обозначения жанра перед заключительным тропарем Уподобивыйся)
13b				равне апостолом (стихословие без обозначения жанра в конце службы Яко начальнику крещения)
19		Научився неизреченною от Бога вышшею мудростию (на утрне по 2 стихологии седален 8 гласа: Научився)		Научився неизреченно от Бога вышшею Премудростию (уставное указание на седален 8 гласа по 3 песни канона 6 гласа)

20a		свѣтильниче свѣтлый Василие (на утрени по 2 стихологии седален 8 гласа: Научися)		? (уставное указание на седален 8 гласа по 3 песни канона 6 гласа)
21		и обрѣтъ купель богоммысленую и духовную, скоро притеклъ еси (на утрени по полиелеосе седален 4 гласа: Скоро и твердо)		
22		скверну прегрѣшений очистивъ и люди своя освяти(в), молися (на утрени по полиелеосе седален 4 гласа: Скоро и твердо)		
15b		Владимира превлаженнаго (на утрени стихира по 50 псалме 8 гласа: Апостоломъ ревнителя)		
15c			Володимира тревлаженнаго (2 стихира 8 гласа: Апостоломъ ревнителя)	
3c		вождя правовѣрна (на утрени стихира по 50 псалме 8 гласа: Апостоломъ ревнителя)	вожа правовѣрна (2 стихира 8 гласа: Апостоломъ ревнителя)	
23			Христову бо вѣру от душа възлюбивъ (Кондак 3 гласа: В Руси днесъ)	
5a ₁			блаженный Володимере, примый вѣнецъ от руки Вседержителя Бога (стихословие 8 гласа без обозначения жанра: Новый Костянтинъ)	
24			благочестивы (стихословие 8 гласа без обозначения жанра: Правовѣрью наставнице)	
4b			цесарю русскый (стихословие 8 гласа без обозначения жанра: Правовѣрью наставнице)	

6b			преславный княже Володимиру (2 тропарь 8 гласа: Правосъбрю наставнице)	
5c		блжженне (1 тропарь 3 песни 1 канона 8 гласа)		
5c		блжженне (2 тропарь 6 песни 1 канона 8 гласа)		
25a		Радуйся, всечестне (3 тропарь 6 песни 2 канона 6 гласа)		
15a		Радуйся... преблжженне (3 тропарь 6 песни 2 канона 6 гласа)		
15a				преблжженне (3 тропарь 9 песни канона 6 гласа)
15b		преблжженнаго отца (по Евангелии и 50 псалме стихира 8 гласа)		
	1 тропарь 1 песни канона 6 гласа:	≈		
25b	честнаго Володимира	≈		
2c	великаго князя			
	3 тропарь 1 песни канона 6 гласа:	≈		
3a	Вѣрнаго... кѣнязя	≈		
26	достохвалнаго кѣнязя			
	1 тропарь 3 песни канона 6 гласа: Иже Паула просвѣтомъ	≈		
4c	отца рускаго	≈		
4c		отца рускаго (на вечерне стихира на Слава 8 гласа: Начальника благочестью)		
4c			отца рускаго (1 стихира 8 гласа: Придѣте стечемся)	
	Богородичен 3 песни канона 6 гласа	≈		
25c	Володимиръ кѣнязь честный	≈		
	Икос по 6 песни канона 6 гласа	≈		

27	Ангелъ плотнию одѣянъ	≈ (икос по 3 песни канона 6 гласа: Ангелъ плотнию одѣянъ)		Ангелъ плотнию одѣянъ (уставное указание на икос по 3 песни канона 6 гласа)
28	Радуйся, свѣще, тьму просвѣщаючи			? (уставное указание на икос по 3 песни канона 6 гласа)
29	...свѣще, осушяя невѣрие			? (уставное указание на икос по 3 песни канона 6 гласа)
3b	княже благовѣрный	≈ (икос по 3 песни канона 6 гласа: Ангелъ плотнию одѣянъ)		≈ (уставное указание на икос по 3 песни канона 6 гласа: Ангелъ плотнию одѣянъ)
	3 тропарь 4 песни канона 6 гласа			
13c	равноапостоле Христовъ	равне апостоломъ Христовымъ (3 тропарь 4 песни 2 канона 6 гласа)		
2c	княже великый Володимере	≈ (3 тропарь 4 песни 2 канона 6 гласа)		
	Кондак по 6 песни 8 гласа: Изрядному воеводе и правовѣрному		≈	≈
3c	правовѣрному		Изрядному воеводѣ и правовѣрному... (Кондак 8 гласа по 3 песни канона 6 гласа)	≈ (уставное указание на кондак по 3 песни канона: Изрядному воеводу)
3b	княже благовѣрный			благовѣрнаго... князя Владимира (уставное указание на кондак по 3 песни канона: Изрядному воеводу)
2b				...великаго князя Владимира (уставное указание на память дня в начале службы)
	3 тропарь 5 песни канона 6 гласа			
30	раве Христовъ	≈ (3 тропарь 5 песни канона 6 гласа)		
6c	славный мудрый	≈ (3 тропарь 5 песни канона 6 гласа)		

6d		славнаго князя Василия (1 тропарь 1 песни 1 канона 8 гласа)		
31		чюднаго князя Василия (2 тропарь 1 песни 1 канона 8 гласа)		
6е		славный (Богородичен 3 песни 1 канона 8 гласа)		
6е				Славне (на вечерне стихира 8 гласа: Единъ, яко второе солнце в земли русстей явися)
32		Въ молитвахъ бдяй присно радостною душею, Василие... (Седален 2 гласа по 3 песни канонов: Въ молитвахъ бдяй присно)		
2d		великий и мудрый (3 тропарь 5 песни 2 канона 6 гласа)		
6f		в державныхъ сѣдинахъ всеславный (кондак по 6 песни 1 канона 8 гласа: Подобьствовавъ)		
6d		славнаго Владимира (икос по 6 песни 1 канона 8 гласа: Постытивый древле)		
	1 тропарь 6 песни канона 6 гласа	≈		
3а	Василия вѣрнаго князя	≈		
33		благодушествуяй правовѣрный царь русский днесь Богородичен 6 песни 1 канона 8 гласа		
34		...Духъ Твой послалъ еси в крѣпкоразумнаго душу славнаго Владимира познати Тебе... (икос по 6 песни 1 канона 8 гласа: Постытивый древле)		
6d		славнаго (икос по 6 песни 1 канона 8 гласа: Постытивый древле)		
	1 тропарь 7 песни канона 6 гласа	≈		

35a	Константи́нъ же но́вый вели́кий	Константи́нъ же вели́кий но́вый		
35b			Но́вый Константи́нъ стихослове́ 8 гласа без обозначения жанра: Но́вый Константи́нъ ты бысть	
35c				Второ́й ты бысть Константи́нъ сло́вом и дѣ́ломъ (тропа́рь 8 гласа)
	2 тропа́рь 8 песни канона 6 гласа			
35a	Константи́нъ но́вый	Константи́нъ но́вый (2 тропа́рь 8 песни канона 6 гласа)		
5d	блаже́ный Васи́лие	блаже́нне Васи́лие (2 тропа́рь 8 песни канона 6 гласа)		
	Свети́лен: Тихо́е приста́нище			
6d	сла́вный кня́же Володи́мире			
35			Пре́чистъ и освяще́нъ ду́хомъ, принося́ мо́лбы къ Бо́гу о люде́хъ свои́хъ (И́кос: Похва́лимъ ны́нѣ)	
36		благоче́ннне Влади́мире (Свети́лен: Свѣ́тилицы)		
37		днѣнаго во святы́х (Свети́лен: Свѣ́тилицы)		
18b				всѣ́хъ ца́рю свѣ́тлый Васи́лио (3 тропа́рь 5 песни канона 6 гласа)

Как видно по таблице, структурно простые эпитеты, синтаксически тождественные простым определениям, отмечают свойства личности Владимира: его общественное (№№ 2abcd, 4a, 6abcde, 12, 13abc, 16, 18a, 19ab, 20abc, 35a, 25abc, 26) и частное (1, 2d, 3a, 23abc, 24, 35bc, 30, 34), нравственное (3ac, 18b, 20a, 24, 30) и духовное (3b, 5abcd, 7, 8, 9, 15abc, 31, 36, 37) состояние — прижизненное или же в Горнем мире. При этом, обладая вполне ясной семантикой, все они в силу своей типологичности в значительной степени лишены признаков яркой метафоричности и лишь условно могут быть отнесены к разряду фигуративных, иносказательных тропов. Содержательно и функционально они, скорее, логичны, предикативны, и художественными, образными могут считаться только с учетом отличающего их эмоционального, экспрессивного или интенционального пафоса. Вместе с тем рассматриваемые элементы богослужбных

текстов обусловлены несколько иным комплексом смысловых полей сравнительно с рефлексивными пассажами текстов митрополита Илариона и Иакова Мниха. Они не отражают идей учительства, милосердия, заступничества Владимира Святославича, но зато, в дополнение к идеям земной власти (12, 18a), подлинной веры (3c), пребывания в вечности (3b, 5abcd, 8, 9, 15abc), замещения (35abc), совершенства личностного (1, 18b), нравственного (3a, 20a, 24, 30), духовного (36, 37), интеллектуальной силы (2d, 6c, 34), соотносятся с идеями новыми: *исключительности* (37), *общественной авторитетности* (2d, 6abcdef, 12, 13abc, 16, 20a, 25abc, 26) и *этнической принадлежности* (4abc, 33).

Следует, в дополнение к сказанному, заметить, что при формировании владимирской гимнографии проявляется также тенденция к употреблению, наряду с простыми компонентами текста в роли эпитетов, компонентов структурно сложных, развернутых, выраженных определениями в виде причастного оборота (№№ 5a1, 10, 11, 13b, 14, 17, 19, 21, 22, 23, 27, 28, 29, 32, 33, 35), и тенденция эта отражает текстуальное развитие службы Святому в целом. Подобные компоненты, генетически восходя по содержанию к предшествующей владимирской ораторике и агиографии, наделены уже более разнообразной семантикой, т. е. отражают определенные комплексы смысловых, настроенческих, целевых нюансов, имеют своей задачей описание или характеристику не только состояния, но и процесса, причем в разных аспектах времени, — применительно и к минувшему, и к настоящему, и к грядущему. Соответственно, они более изобразительны, характеристичны, идеологичны и, несмотря на свою типологичность, имеют свойства, наиболее близкие к свойствам эпитета. В аксиологическом контексте почитания великого Киевского князя они, во-первых, вслед за агиографической традицией, декларируют представление о нем как умудренной от Господа личности (19, 21), просветителе народа (22, 28, 29), одухотворенном источнике святости в Русской земле (10); во-вторых, отображают старые идеи панегиристов о поразительной тайне его духовного перерождения (11) и о его богоизбранности (5a₁), о преодолении им язычества (14) и его славлении равном славлению апостолов (13b); в-третьих, таят в себе новые аллюзии, касающиеся непринужденной *естественности его веры* (23), его *истовой молитвенности* (32, 35), его *душевной радости и доброты* (33¹²).

Наконец, среди структурно сложных гимнографических определений к именованиям Владимира Святославича встречаются и фигуративно оригинальные словосочетания, изобразительная емкость которых вполне позволяет считать их эпитетами, выражающими идеи нравственного совершенства «Уподобивыйся купцу, ищущу добраго висра» (17) и общественной авторитетности «в державных сединых всеславный» (6f). Несомненно, эпитетом является и выражение «Ангелъ, плотию одѣвъ, (ты. — В. К.) на земли яви ся» (27), но оно, во-первых, есть вариант постоянного в гимнографии антиномического топоса: «В телеси ангелъ»¹³, «Яко ангелъ с плотию на земли, отче, пожил еси»¹⁴, «Ангелъ на земли»¹⁵, а во-вторых, является точным повторением выражения из греческой стихире Иоанну Златоусту («О труба златозвонная зова Господнего»), — «Ангел, плотью одетый» [25, с. 376 (пер. С. С. Аверенцева)], что весьма удивительно, ибо в славянской службе святителю эта стихира («Златокованную трубу, Богодохновенный орган...») имеет

¹² «Благодушествуй» — от «благодушествовати» (*радоваться, быть благочестивым*) и «благодушество» (*великодушие, доброжелательность*) [31, с. 202].

¹³ Служба Кириаку Отшельнику [19, с. 856 (тропарь)].

¹⁴ Служба Иоанну Александрийскому [18, с. 373 (тропарь)].

¹⁵ Служба Иоанну Златоусту [18, с. 403 (стихира)].

заметно иной текстовой вид, разбита на три части, и как раз в третьей части указанное выражение перефразировано: «Земный ангелъ и небесный человекъ» [18, с. 386, 404]¹⁶ (между прочим, в Службе Иоанну Златоусту по древнейшей ноябрьской минее указанная стихира отсутствует [28, с. 362–370]).

Любопытно, что в позднейшей новой службе оценочная квалификация крестителя Руси посредством простых определений редка (№№ 2b, 6e, 18b, 35c) и наличествует в основном благодаря заимствованию некоторых выражений и стихословий из более ранних последований (см. выше 3b(c), 13ab, 18ab, 20a). Зато развернутые эпитеты в форме причастных оборотов используются в новой службе весьма настоятельно, являя собой, пожалуй, главный прием изобразительности в рамках данного последования:

Таблица 3 – Table 3

Новая или 2-я Служба по Минее из Кир.-Белоз. мон. кон. XV в. № 375/632 XVI в.
Имея ревность Божественую и прежде наученшаго беззаконнаго дѣяния брата убилъ еси, мзду же ревности приемъ, от всеиленнаго единого Господа наставаемъ, <u>разумомъ духовнымъ поучаемъ</u> , яко да спасенымъ обогатишия <u>разумомъ божественнымъ</u> . (3 стихира 8 гласа)
Не от человекъ, званне, но от Бога стежавъ, славне, <u>умудрився разумомъ</u> и свѣтлоозарив си душу, свѣтло в Руси восия божественныя вѣры (1 тропарь 1 песни канона 6 гласа)
Не удержавъ любви плотскыхъ, Василие, равъ прежде имъ бывъ, но <u>разумъ возвысивъ къ Богу</u> , свободилъ еси себе от неплодныхъ дѣяний (3 тропарь 1 песни канона 6 гласа)
Почтениемъ божественнымъ и мудростию си озаривъ умъ, взыскавъ любовию всесовершеннаго добротъ Бога обрѣсти истиннаго Бога и держати его поклоняние (1 тропарь 3 песни канона 6 гласа)
По вѣсхъ члстехъ земля расъпростеръ <u>разумъ</u> , съгладъ вси вѣры, чтимое тамо, къ истинному свѣту прежде прочее избѣратъ (2 тропарь 3 песни канона 6 гласа)
Вѣтры южныи ижжагаемъ, нечестиемъ изъгараемъ, отечество яко видѣ безбожия пламень, къ водѣ крещения, <u>Господень разумъ имѣя</u> , возростилъ еси. (3 тропарь 3 песни канона 6 гласа)
Научився неизреченно <u>вышнему премудростию</u> ... (седален 8 гласа по 3 песни канона 6 гласа)
Тлѣвму благодать презрѣвъ и благополученную гордость ничтоже мнѣвъ, извѣстѹя славу, богатство тверди взыскавъ, обрѣте вѣсхъ Бога. (1 тропарь 5 песни канона 6 гласа)
<u>Умъ разумвалъ</u> еси лучшее <u>помысломъ</u> , вѣру идоломъ глухыхъ гнусну суцу и суетну, едину же вѣру злату свыше приемъ, поклоняние Троици, божественное крещение (2 тропарь 5 песни канона 6 гласа)
Отложи вѣру отчу, рождение же обзрѣте, Отца суцаго свѣту благодатию помазанъ сынъ ¹⁷ <u>Духомъ Святымъ</u> , вѣсхъ царю свѣтлый Василию (3 тропарь 5 песни канона 6 гласа)
Злаго невѣрствия и нечестивыи извѣжавъ, и ко истиннѣй вѣрѣ притече, сущимъ в тебѣ <u>разума</u> истинною вѣсхъ къ вѣрѣ призывая яко проповѣдникъ и апостолъ (1 тропарь 6 песни канона 6 гласа)

¹⁶ Ср.: «Иже на земли ангелъ и небесный человекъ» — Рукописная Минеея рубежа XIV–XV в. // РГБ ОР, собр. библиотеки Троице-Сергиевой лавры (ф. 304.1), № 31 (1997). Л. 97 об.

¹⁷ Возможно, здесь ошибка, и нужно читать «сый».

<p>Яко солнце расъпростеръ луча всюду благочестия добротами по земль Русьтѣй, и тму лукавыхъ отгналъ еси, благодатью в ней восия <u>Божия разума</u> <i>(2 тропарь 6 песни канона 6 гласа)</i></p>
<p>Болящее исцѣлилъ еси лукавствомъ отечества нечестивыя волѣзни, омывъ банею божественаго крещения, и научилъ еси вся <u>разуму божествуному</u> <i>(3 тропарь 6 песни канона 6 гласа)</i></p>
<p>Небеснымъ свѣтомъ ты озаренъ от Бога, душу просвѣти, украсивъ ю благими вѣсми дѣлы, и невѣсту Христову добрыми дѣлы приведе, божественою любовию <i>(3 тропарь 8 песни канона 6 гласа)</i></p>
<p>Восиявшаго вѣсмы свѣтомъ <u>разумомъ</u> <i>(Светилен на Слава)</i></p>

Будучи содержательно биографичными, эти словесные комплексы, как можно видеть, преимущественно посвящены феномену пережитой Владимиром Святославичем внутренней перемены, так или иначе они характеризуют его приход к истинной вере, ко Христу, через отказ от язычества, от веры отцов. Уместно вместе с тем отметить их настоящую идейную обращенность к теме ума, разума, — бесспорно, тенденция, генерированная еще Иларионом [7, с. 35–36, 39]. При этом означенные понятия — ума и разума — трактуются гимнографом вполне тождественно: но не как рефлекс рациональной энергии, не как внутренняя когнитивная сила человека, эмпирически направленная на видимую реальность (что соответствовало бы святоотеческому понятию о «естественном», «плотском» разуме, или рассудке [10, с. 3]), а как ниспосылаемая свыше духовная способность личности к духовному же постижению реальности сокровенной, инобытийной, божественной (что христианские мыслители чаще трактовали, как «ум», или «дух», т. е. как созерцательную способность человека устремляться к Богу [10, с. 5]). Естественна при такой интерпретации и образная суть того, кем в новой службе посредством развернутых эпитетов явлен народу великий Святой: на этой словесной иконе он выглядит как собеседник Господень, провозвестник Божественного разума, осветивший всю Русскую землю светом Божественной премудрости («разумомъ духовнымъ поучаемъ», «разумъ возвысивъ къ Богу», «поучениемъ божественнымъ и мудростию си озаривъ умъ», «Господень разумъ имѣя», «научився... вышнюю премудростию», «благодатью в ней восия Божия разума»). Это совершенно не известный, сравнительно с прежней литературной традицией, взгляд на Владимира Святославича как на сакрального просветителя Руси. И удивительно, что именно такой оценки со стороны составителя новой службы его современники не поняли, не приняли и оставили созданный им текст без внимания, так что он никак не отразился в продолжающейся традиции богослужебного славения великого Киевского князя.

Итак, обзор определений, функционирующих в гимнах Владимиру Святославичу в роли эпитетов, обнаружил тенденции к увеличению, за счет лексической синонимии, их количественной плотности и усложнению их семантической и формальной, или структурной специфики. Но главной тенденцией в развитии этого массива тропов является стремление гимнографов (возможно, полусознательное, связанное с художественной интуицией) к расширению состава и объема метасмыслов, сопряженных с обладающими конкретной семантикой лексемами и фразами, так что поэзия слов и речи (не важно, топосны они или образны) невербально уносила славящих Святого в область умозрительной, идеальной, духовной, горней реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Василик В. В.* Образ святого равноапостольного Владимира как царя в древнерусской гимнографии // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях (Palaiorwsia: en cronw, en proswpw, en eidei). СПб., 2015. Вып. 3. С. 169–175.
- 2 *Василик В. В.* Святой равноапостольный князь Владимир как новый Константин // Русин. 2015. № 4 (42). С. 321–333.
- 3 *Василик В. В.* Служба св. равноапостольному князю Владимиру и Кирилло-Мефодиевская традиция // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2013. № 2: июль-декабрь. С. 67–77.
- 4 Введение в литературоведение: учеб. пособие / под ред. Л. В. Чернец. М.: Высш. шк., 2004. 680 с.
- 5 *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. М., 1904. Т. 1, ч. 2. 903 с.
- 6 Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик; Волоколамский патерик / изд. подг. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М.: Наука, 1999. 496 с.
- 7 *Кириллин В. М.* Образ князя Владимира Святославича в ранних древнерусских гом依иях // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2014. № 2 (56). Июнь. С. 35–36, 39.
- 8 *Кривошеева Н. А.* Патриарший курс // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 37.
- 9 *Клосс Б. М.* Житие князя Владимира // Письменные памятники истории Древней Руси: Летописи. Повести. Хождения. Жития. Послания. Аннотированный каталог-справочник / под ред. Я. Н. Щапова. СПб.: Блиц, 2003. С. 199–201.
- 10 *Леонов В., прот.* Понятия «Ум», «Разум», «Рассудок» в святоотеческой традиции // Психологическая наука и образование. 2011. № 3. С. 1–8. URL: http://psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2011_3_2403.pdf (дата обращения: 17.03.2018).
- 11 *Макарий (Булгаков), еп.* Винницкий. История Русской Церкви: в 12 т. СПб.: Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ, 1857. Т. 2. 322 с.
- 12 *Макарий (Булгаков), митр.* Московский и Коломенский. История Русской Церкви: в 7 кн. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. Кн. 2: История Русской Церкви в период совершенной зависимости ее от Константинопольского патриарха (988–1240). 702 с.
- 13 *Мальшевский И. И.* Когда и где впервые установлено празднование памяти св. князя Владимира 15 июля? (По поводу вопроса об этом, поставленного в «Истории Русской Церкви» Е. Е. Голубинского) // ТрКДА. Киев, 1882. Кн. 1. С. 45–69.
- 14 *Милютенко Н. И.* Крещение Руси в гимнографии // ResearchGate GmbH. 2014 URL: <https://www.researchgate.net/publication/271193374> (дата обращения: 13.07.2017).
- 15 *Милютенко Н. И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси: Древнейшие письменные источники. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. 576 с.
- 16 *Милютенко Н. И.* Служба святому равноапостольному князю Владимиру // *Милютенко Н. И., Василик В. В.* Владимир Святой и крещение Руси: Отражения в гимнографии. Б. г. Ч. I. С. 1–221. URL: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/144193022.pdf> (дата обращения: 13.07.2017).
- 17 Минея: Июль. М.: Изд. Совет РПЦ, 2002. Ч. 2. 512 с.
- 18 Минея: Ноябрь. М.: Изд. Совет РПЦ, 2002. Ч. 1. 464 с.
- 19 Минея: Сентябрь. М.: Изд. Совет РПЦ, 2002. 924 с.

- 20 Минія місяць іулій. М.: Московский Сретенский монастырь, Изд-во Правило веры, 1996. 640 с.
- 21 *Москвин В. П.* Эпитет в художественной речи // Русская речь. 2011. № 4. С. 28–32.
- 22 Мусин-Пушкинский сборник 1414 года в копии начала XIX-го века. С двумя таблицами фототипических снимков / изд. Вс. Срезневский. СПб., 1893. С. 68–69, 72.
- 23 *Никольский К., свящ.* Обозрение богослужебных книг Православной Российской Церкви по отношению их к церковному уставу. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1858. 432 с.
- 24 *Никольский Н. К.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.). СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1906. 596 с.
- 25 Памятники византийской литературы IX–XIV веков / отв. ред. Л. А. Фрейберг. М.: Наука, 1969. 352 с.
- 26 *Пентковский А. М.* Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2001. 354 с.
- 27 *Петровский М.* Эпитет // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2 т. / под. ред. Н. Бродского и др. М.; Л., 1925. Т. 2: П–Я. Стб. 1118–1121.
- 28 Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв. / гл. ред. С. О. Шмидт. М.: Наука, 1984. 406 с.
- 29 *Серегина Н. С.* Песнопения русским святым: По материалам рукописной певческой книги XI–XIX вв. «Стихирарь месячный». СПб.: Российский ин-т истории искусств, 1994. 468 с.
- 30 *Славнитский М., свящ.* Канонизация св. князя Владимира и службы ему по спискам XIII–XVII вв. с приложением двух неизданных служб по рукописям XIII и XVI вв. // Странник: Восьмой год издания под новой редакцией. СПб., 1888. Т. 2: Май-август. С. 197–237.
- 31 Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов. М.: Наука, 1975. Вып. 1 (А–Б). 371 с.
- 32 Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь: В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г. / сост. И. В. Ягич. СПб.: Изд-во Имп. АН, 1886. 944 с.
- 33 *Спасский Ф. Г.* Русское литургическое творчество. М.: Издат. совет РПЦ, 2008. 544 с.
- 34 *Творогов О. В.* Григорий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI – первая половина XIV в.). Л.: Наука, 1987. С. 108–109.
- 35 *Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 1996. 333 с.
- 36 *Федотов Г. П.* Канонизация святого Владимира // Владимирский сборник. В память 950-летия Крещения Руси. 988–1938. Белград, 1938. С. 188–196.
- 37 *Федотов О. И.* Основы теории литературы: в 2 ч. М.: Владос, 2003. Ч. 1: Литературное творчество и литературное произведение. 256 с.
- 38 *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Обзор русской духовной литературы. СПб.: Изд-е И. Л. Тузова, 1884. Кн. 1: 862–1720. С. 23.
- 39 *Чернец Л. В.* Черная роза или драдедамовый платок (Об эпитете) // Русская словесность. М.: Школьная пресса, 2000. № 1. С. 49–53.

- 40 Джиджора Е. [В.] Архітектоніка образу Хрестителя Русі в Службі князю Володимиру // Науковий збірник Діалог: медіа студії. Одеса: Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, 2015. № 21. С. 69–83.

© 2018. Vladimir M. Kirillin

Moscow, Russia

**DEVELOPMENT OF STRUCTURE OF THE EPITHETS
CHARACTERIZING VLADIMIR THE SAINT
IN THE EPONYMOUS OLD RUSSIAN HYMNOGRAPHY**

Abstract: This article discusses epithet characteristics of Vladimir the Great, containing in the liturgical texts. Considering the factor of their development, the author reveals similarities and differences in the figurative and evaluative appraisals of the prince in terms of emotional, expressive or intential pathos, the dynamics of the changing figuratively-axiological, spiritual and poetic notions about him, which is expressed by the tendency to increase, by means of lexical synonymy, the quantitative density epithets, as well as the tendency to complicate their semantic and formal or structural specificity. Yet the main in the development of an array of tropes is the hymnographers' aspiration to expanse the structure and volume of the metameanings interfaced to have specific semantics of lexemes and phrases, so that the poetry of words and speech non-verbally took away glorifying the Saint into speculative, ideal, spiritual, heavenly reality.

Keywords: hymnography, church service, simple epithet, difficult epithet, trope, semantic field, an idea, a theme.

Information about author: Vladimir M. Kirillin — DSc in Philology, Leading Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya Str., 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: kvladimirm@mail.ru

Received: March 18, 2018

Date of publication: June 15, 2018

For citation: Kirillin V. M. Development of structure of the epithets characterizing Vladimir the Saint in the eponymous Old Russian hymnography. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 48, pp. 113–136. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Vasilik V. V. Obraz sviatogo ravnoapostol'nogo Vladimira kak tsaria v drevnerusskoi gimnografii [The image of Saint Vladimir as the Tsar in Old Russian hymnography]. *Drevniaia Rus': vo vremeni, v lichnostiakh, v ideiakh (Palaiorwsia: en cronw, en proswpw, en eidei)* [Ancient Rus': time, personalities and ideas (Palaiorwsia: en cronw, en proswpw, en eidei)]. St. Petersburg, 2015, vol. 3, pp. 169–175. (In Russian)
- 2 Vasilik V. V. Cviatoi ravnoapostol'nyi kniaz' Vladimir kak novyi Konstantin [The Holy equiapostolic Prince Vladimir as the new Constantine]. *Rusin*, 2015, no 4 (42), pp. 321–333. (In Russian)
- 3 Vasilik V. V. Sluzhba sv. ravnoapostol'nomu kniazuiu Vladimiru i Kirillo-Mefodievskaia traditsiia [Service of Holy equiapostolic Vladimir and St. Cyril and Methodius tradition]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2013, no 2: iul'-dekabr' [July-December], pp. 67–77. (In Russian)

- 4 *Vvedenie v literaturovedenie: Uchebnoe posobie* [Introduction to literary studies: Manual], ed. by L. V. Chernets. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 2004. 680 p. (In Russian)
- 5 Golubinskii E. E. *Istoriia russkoi tserkvi* [The history of the Russian Church]. Moscow, 1904. Vol. 1. Part 2. 903 p. (In Russian)
- 6 *Drevnerusskie pateriki: Kievo-Pecherskii paterik; Volokolamskii paterik* [Old Russian Paterikon: the Kiev-Pecherskii Paterikon; Volokolamsk Paterik], preparation of the publication by L. A. Ol'shevskaia, S. N. Travnikov. Moscow, Nauka Publ., 1999, pp. 38, 42–46. (In Russian)
- 7 Kirillin V. M. *Obraz kniazia Vladimira Sviatoslavicha v rannikh drevnerusskikh gomiliakh* [The image of Prince Vladimir Svyatoslavich in the early Old Russian homilies]. *Drevniaia Rus': Voprosy medievistiki*, 2014, no 2 (56), Iiun' [June], pp. 36, 39. (In Russian)
- 8 Krivosheeva N. A. Patriarshii kurs [Patriarchal course]. *Vestnik PSTGU, Series 2: Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi* [History Of The Russian Orthodox Church], 2006, vol. 2 (19), p. 37. (In Russian)
- 9 Kloss B. M. *Zhitie kniazia Vladimira* [The life of Prince Vladimir]. *Pis'mennye pamiatniki istorii Drevnei Rusi: Letopisi. Povesti. Khozhdeniia. Zhitia. Poslaniia. Annotirovannyi katalog-spravochnik* [Written monuments of the Ancient Rus Chronicles. Story. Walking. Life. Message. Annotated directory-the directory], ed. by Ia. N. Shchapova. St. Petersburg, Blitts Publ., 2003, pp. 199–201. (In Russian)
- 10 Leonov V., prot. Poniatiia “Um”, “Razum”, “Rassudok” v sviatootecheskoi traditsii [The concept of “intelligence”, “Reason”, “Mind” in patristic tradition]. *Psikhologicheskaia nauka i obrazovanie*, 2011, no 3, pp. 1–8. Available at: http://psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2011_3_2403.pdf (accessed 17 March 2018). (In Russian)
- 11 Makarii (Bulgakov), ep. Vinnitskii. *Istoriia Russkoi Tserkvi: v 12 t.* [The History Of The Russian Church: in 12 vols.]. St. Petersburg, V tipografii Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1857. Vol. 2. 322 p. (In Russian)
- 12 Makarii (Bulgakov), mitr. Moskovskii i Kolomenskii. *Istoriia Russkoi Tserkvi: v 7 kn.* [The History Of The Russian Church. In 7 books.]. Moscow, Izd-vo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya Publ., 1995. Book 2: *Istoriia Russkoi Tserkvi v period sovershennoi zavisimosti ee ot Konstantinopol'skogo patriarkha (988–1240)* [History of the Russian Church during its complete dependence on the Patriarch of Constantinople (988–1240)]. 702 p. (In Russian)
- 13 Malyshevskii I. I. *Kogda i gde v pervye ustanovleno prazdnovanie pamiati sv. kniazia Vladimira 15 iul'ia? (Po povodu voprosa ob etom, postavlennogo v “Istorii Russkoi Tserkvi” E. E. Golubinskogo)* [When and where was the first celebration of the memory of St. Prince Vladimir on July 15 established? (On the issue raised in the “History of the Russian Church” by E. E. Golubinski)], *TrKDA*. Kiev, 1882, book 1, pp. 45–69. (In Russian)
- 14 Miliutenko N. I. *Kreshchenie Rusi v gimnografii* [The baptism of Rus in hymnography]. *ResearchGate GmbH*. 2014 Available at: <https://www.researchgate.net/publication/271193374> (accessed 13 July 2017). (In Russian)
- 15 Miliutenko N. I. *Sviatoi ravnoapostol'nyi kniaz' Vladimir i kreshchenie Rusi: Drevneishie pis'mennye istochniki* [The Holy equiapostolic Prince Vladimir and the baptism of Rus': the earliest written sources]. St. Petersburg, Izd-vo Olega Abyshko Publ., 2008. 576 p. (In Russian)

- 16 Miliutenko N. I. Sluzhba sviatomu ravnoapostol'nomu kniazuiu Vladimirus [Service of the Holy equiapostolic Prince Vladimir]. Miliutenko N. I., Vasilik V. V. *Vladimir Sviatoi i kreshchenie Rusi: Otrazheniia v gimnografii* [Milyutenko N. S., Vasylyk V. V. St. Vladimir and the baptism of Rus': reflections in the hymnography]. Part I. S. 1–221. Available at: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/144193022.pdf> (accessed 13 July 2017). (In Russian)
- 17 *Minea: Iiul'* [Menaion: July]. Moscow, Izdatel'skii sovet RPTs Publ., 2002. Part 2. 512 p. (In Russian)
- 18 *Minea: Noiabr'* [Menaion: November]. Moscow, Izdatel'skii sovet RPTs Publ., 2002. Part 1. 464 p. (In Russian)
- 19 *Minea: Sentiabr'* [Menaion: September]. Moscow, Izdatel'skii sovet RPTs Publ., 2002. 924 p. (In Russian)
- 20 *Minia mesiats" iulii* [Menaion of month July]. Moscow, Moskovskii Sretenskii monastyr', izdatel'stvo Pravilo very Publ., 1996. 640 p. (In Russian)
- 21 Moskvina V. P. Epitet v khudozhestvennoi rechi [The epithet of the speech]. *Russkaia rech'*, 2011, no 4, pp. 28–32. (In Russian)
- 22 *Musin-Pushkinskii sbornik 1414 goda v kopii nachala XIX-go veka. S dvumia tablitsami fototipicheskikh snimkov* [Musin-Pushkin's collection 1414 in a copy of the beginning of XIX-th century. With two table views in collotype technique], published by Vs. Sreznevskii. St. Petersburg, 1893, pp. 68–69, 72. (In Russian)
- 23 Nikol'skii K., sviashch. *Obozrenie bogoslužebnykh knig Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi po otnosheniiu ikh k tserkovnomu ustavu* [Review of the liturgical books of the Russian Orthodox Church in relation to the Church Constitution]. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk Publ., 1858. 432 p. (In Russian)
- 24 Nikol'skii N. K. *Materialy dlia povremennogo spiska russkikh pisatelei i ikh sochinenii (X–XI vv.)* [Materials for the time-phased list of Russian writers and their works (X–XI centuries)]. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk Publ., 1906. 596 p. (In Russian)
- 25 *Pamiatniki vizantiiskoi literatury IX–XIV vekov* [Monuments of Byzantine literature of IX–XIV centuries], ex. ed. L. A. Freiberg. Moscow, Nauka Publ., 1969. 352 p. (In Russian)
- 26 Pentkovskii A. M. *Tipikon patriarkha Aleksii Studita v Vizantii i na Rusi* [The Typicon of the Patriarch Alexis the Studite in Byzantium and in Russia]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoi Patriarkhii Publ., 2001. 354 p. (In Russian)
- 27 Petrovskii M. Epitet [Epithet]. *Literaturnaia entsiklopediia: Slovar' literaturnykh terminov: v 2 t.* [Literary encyclopedia: Dictionary of literary terms: in 2 vols.], ed. by N. Brodskogo i dr. Moscow, Leningrad, 1925, vol. 2: P-Ia, stb. 1118–1121. (In Russian)
- 28 *Svodnyi katalog slaviano-russkikh rukopisnykh knig, khraniashchikhsia v SSSR: XI–XIII vv.* [The Union catalogue of Slavic-Russian manuscript books, kept in the USSR: the XI–XIII cc.], ch. ed. S. O. Shmidt. Moscow, Nauka Publ., 1984. 406 p. (In Russian)
- 29 Seregina N. S. *Pesnopeniia russkim sviatym: Po materialam rukopisnoi pevcheskoi knigi XI–XIX vv. "Stikhirar' mesiachnyi"* [Chants of the Russian saints: According to the handwritten song books XI–XIX centuries "Month sticherarion"]. St. Petersburg, Sankt-Peterburg Rossijskij in-t istorii iskusstv 1994. 468 p. (In Russian)
- 30 Slavitskii M., sviashch. *Kanonizatsiia sv. kniazia Vladimira i sluzhby emu po spiskam XIII–XVII vv. s prilozheniem dvukh neizdannykh sluzhb po rukopisiam XIII i XVI vv.* [The canonization of St. Prince Vladimir and services for him on the list of

- the XIII–XVII centuries enclosing two unpublished services on the manuscripts of the XIII and XVI centuries]. *Strannik: Vos'moi god izdaniia pod novoi redaktsiei* [The wanderer: Eighth year of publication under a new editor]. St. Petersburg, 1888, vol. 2: Mai-avgust [May-August], pp. 197–237. (In Russian)
- 31 *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian language XI–XVII centuries], chief editor S. G. Barkhudarov. Moscow, Nauka Publ., 1975. Vol. 1 (A-B). 371 p. (In Russian)
- 32 *Sluzhebnye minei za sentiabr', oktiabr' i noiabr': V tserkovnoslavianskom perevode po russkim rukopisiam 1095–1097 g.* [Service Menaion for September, October and November: In Church Slavonic translations of Russian manuscripts of 1095–1097 years], collected by I. V. Iagich. St. Petersburg, Izdatel'stvo Imperatorskoi akademii nauk Publ., 1886. 944 p. (In Russian)
- 33 Spasskii F. G. *Russkoe liturgicheskoe tvorchestvo* [Russian liturgical works]. Moscow, Izdatel'skii sovet RPTs Publ., 2008. 544 p. (In Russian)
- 34 Tvorogov O. V. Grigorii [Gregory]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. Vyp. I (XI — pervaiia polovina XIV v.)* [Dictionary of scribes and booklore of Ancient Rus. Vol. I (XI — the first half of the XIV century)]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, pp. 108–109. (In Russian)
- 35 Tomashevskii B. V. *Teoriia literatury. Poetika* [Literature and literary theory. Poetics]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1996. 333 p. (In Russian)
- 36 Fedotov G. P. Kanonizatsiia sviatogo Vladimira [The canonization of St. Vladimir]. *Vladimirskii sbornik. V pamiat' 950-letiiia Kreshcheniia Rusi. 988–1938* [Vladimir collection. In memory of 950th anniversary of the baptism of Rus. 988–1938]. Belgrad, 1938, pp. 188–196. (In Russian)
- 37 Fedotov O. I. *Osnovy teorii literatury. V 2 ch* [Fundamentals of the theory of literature. In 2 parts]. Moscow, Vlado Publ., 2003. Part 1: Literaturnoe tvorchestvo i literaturnoe proizvedenie [Creative writing and literary work]. 256 p. (In Russian)
- 38 Filaret (Gumilevskii), arkhiep. *Obzor russkoi dukhovnoi literatury* [Review of Russian spiritual literature]. St. Petersburg, Izdanie I. L. Tuzova, 1884. Book 1: 862–1720. P. 23. (In Russian)
- 39 Chernets L. V. Chernaia roza ili dradedamovyi platok (Ob epitete) [Black rose or drap-de-dames shawl (On epithet)]. *Russkaia slovesnost'* [Russian literature.]. Moscow, Shkol'naia pressa Publ., 2000, no 1, pp. 49–53. (In Russian)
- 40 Dzhidzhora E. [V.] Arkhitektonika obrazu Khrestitelia Rusi v Sluzhbi kniazuiu Volodimiru [The architectonic image of the Baptizer of Rus, in the Service of Prince Vladimir]. *Naukovii zbirnik Dialog: media studii* [Scientific journal Dialogue: the media studio]. Odesa, Odes'kii natsional'nii universitet imeni I. I. Mechnikova Publ., 2015, no 21, pp. 69–83. (In Ukrainian)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. Н. В. Трофимова
г. Москва, Россия

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ БИБЛЕЙСКИХ ЦИТАТ В ВОИНСКИХ ПОВЕСТЯХ, ВОШЕДШИХ В ЛЕТОПИСИ XIV–XV ВВ.

Аннотация: Цель статьи — систематизировать материал библейских цитат разных типов, использованных в воинских повестях, включенных в основные летописные своды XIV–XV вв. (Лаврентьевский, Ипатьевский, Новгородские I и IV, Софийский I, Рогожский, Московский 1479 г.) и на их примере проверить некоторые положения, выдвинутые современными медиевистами. Исследование показало, что библейские тексты неравномерно используются в летописном воинском повествовании, наибольшее их количество приходится на тексты, рассказывающие о событиях конца XIV – начала XV вв. Редко к воинским повестям можно применить теорию «библейских тематических ключей» Р. Пиккио: как правило, цитаты в текстах не слишком многочисленны, а иногда не используются совсем. Большинство цитат выражают мысль о зависимости хода исторических событий от Божьего Промысла. С этой мыслью связан ряд мотивов, каждый из которых оформляется с помощью круга библейских текстов. Выявлена группа повторяющихся цитат и отмечены тексты, появляющиеся в единственном случае. Цитаты приводятся точно или в виде парафраза и вводятся разными способами. Большинство сосредоточено в авторской речи и молитвах персонажей, их функции разнообразны: от подтверждения мыслей книжника до усиления эмоциональной выразительности текста. Репертуар цитат, как правило, не выходит за пределы текстов, включавшихся в богослужебные книги, что подтверждает мысль, отстаиваемую в настоящее время М. Гардзанити, о происхождении их из литургических текстов. **Ключевые слова:** воинская повесть, летопись, библейская цитата, парафраз, способы введения цитат, функции цитат, теория «библейских тематических ключей» Р. Пиккио, повторяющиеся мотивы и цитаты.

Информация об авторе: Нина Владимировна Трофимова — доктор филологических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1/1, 119991 г. Москва, Россия. E-mail: nvt.df@yandex.ru

Дата поступления статьи: 15.12.2017

Дата публикации: 15.06.2018

Для цитирования: Трофимова Н. В. Функционирование библейских цитат в воинских повестях, вошедших в летописи XIV–XV вв. // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 137–150.

Изучение библейских цитат в древнерусских текстах в отечественной и зарубежной медиевистике ведется многие десятилетия, им посвящено столь значительное

число работ, что в статье не представляется возможным даже перечислить их¹. Выдвинутые учеными принципы исследования цитат различны и дискуссионны. Теория «библейских тематических ключей», разработанная главным образом на материале произведений житийного жанра Р. Пиккио [15], и теория центонно-парафраза строения летописного текста И. Н. Данилевского [4] не только привлекают внимание, но и вызывают обоснованную критику, примером которой могут служить работы А. В. Каравашкина [7; 8]. В настоящий момент наиболее обоснованным представляется взгляд на проблему, изложенный М. Гардзанити, предлагающим детальную классификацию типов цитирования и отстаивающим идею о возможности влияния библейских текстов на литературу через литургическую практику [2; 3]. Большинство исследователей связывают исследование цитат прежде всего с герменевтическим аспектом. В целом проблемы происхождения, репертуара, типологии и функций библейских цитат в древнерусских памятниках разных жанров далеки от окончательного разрешения. Цель данной статьи — систематизировать материал цитат в воинских повестях, вошедших в летописные своды XIV–XV вв., и оценить возможность применения к ним существующих теорий.

Летописные воинские повести — один из жанров, включающих библейские тексты, однако обращение к ним неравномерно: отдельные авторы постоянно прибегают к цитированию, другие не используют цитат.

Между тем осмысление событий древнерусскими летописцами неизменно исходило из теории казней Божьих, соответственно нашествие врагов и поражения, нанесенные ими, рассматривались как возмездие за грехи, а в текстах, повествующих о междоусобных битвах, победа оказывалась на стороне правого. В связи с этим большинство цитат непосредственно определяется мыслью о Божьем промысле, проявляющемся в ходе событий. Эта идея формирует ряд устойчивых и тесно взаимосвязанных мотивов: поражения как Божьего наказания за грехи; возможности прощения грешников; противопоставления смирения и гордости, Божьей помощи не сильным, а правым; смирения перед Промыслом. Каждый из них оформляется цитатами, многие повторяются в сходных ситуациях.

С первым из указанных мотивов связывается выступающая чаще всего в виде парафраза и, как правило, без ссылки на источник, цитата из книги Пророка Амоса 8: 10 в речи повествователей: «и превращу праздники ваша в жалость и вся песни ваша в плачь». Она появляется в повести о поражении на Желани Святополка от половцев под 1093 г.: «сего ради пророкъ глаголаше: и прѣложю праздники ваша у плачь и пѣсни ваша в рыданье» [6, стб. 213]; в повести Киевской летописи о неудачном походе Игоря против половцев: «И тако во день святаго воскресения наведе на ня Господь гнѣвъ свои, в радости мѣсто наведе на ны плачь и во веселье мѣсто желю на рѣцѣ Каялы» [6, стб. 642–643]; в той же повести по Суздальской летописи: «Гдѣ бо бяше в нас радость, нонѣ же въздыханье и плачь распространися» [10, стб. 398], в Московском своде в этом фрагменте цитата отсутствует (так же как сопровождающий ее в Суздальской летописи текст со ссылкой на Книгу пророка Исаяи 26: 16: «Господи, в печали помянухомъ ты и прочая» [10, стб. 399]), а редактор Тверского сборника усилил мотив кары, точно назвав причину ее — гордыню — «Где бѣ въ насъ *отъ смирення* радость, нынѣ же *отъ величания* плачь распространися» [18, стб. 273]; в суздальской повести об осаде татарами Владимира: «И бысть плачь великъ в градѣ, а не радость, грѣхъ ради нашихъ и неправды» [10, стб. 462]. Точнее всего цитата воспроизведена в самой ранней из повестей, но во всех случаях она выполняет функцию эмоциональной оценки событий.

¹ Библиографию работ см., например, в исследованиях: [1; 3; 4; 9].

Справедливость Божьего наказания подчеркивает летописец в Суздальском своде, повествуя под 1177 г. о походе Всеволода против рязанского князя Глеба, разорившего окраину Владимира и поплатившегося поражением и пленом за свое преступление: «тѣм же и мы послѣдующе Давиду пророку глаголемъ: Боже мои, положи я яко коло яко огонь предъ лицемъ вѣтру иже поपालаетъ дубравы, тако пожениши я гнѣвомъ твоимъ исполнь лица ихъ досаженъя се бо оскверниша святыи дом твои да вправду восприяша възмездье. Судь бо безъ милости не створшему милости» [10, стб. 385]. В отрывке соединены точные цитаты из псалма 82: 14–17 и послания апостола Иакова 2: 13 и парафраз псалма 78: 1.

Картина разорения русских земель врагами как результата Божьего гнева устойчиво создается цитатой из псалма 78: 1–3, повествующей о гибели Иерусалима. Она появляется в Суздальской летописи в повести о захвате Киева Рюриком и Ольговичами с союзными им половцами под 1202 г.: «якож глаголетъ пророкъ Давидъ: Боже, приидоша языци в достояние твое и оскверниша церковь святую твою, положиша Иерусалима яко овощное хранилище, положиша трупие рабъ твоихъ брашно птицамъ небеснымъ, плоть преподобныхъ твоихъ звѣремъ земнымъ, пролиаша кровь ихъ аки воду» [10, стб. 418], а затем в повести о взятии Владимира монголо-татарами [10, стб. 463]. Тот же текст цитируется летописцами в повести о нашествии Тохтамыша в Рогожском летописце [16, стб. 145] и Новгородской IV летописи [14, с. 334–335], причем во втором случае автор дополняет картину парафразом двух стихов 77 псалма: «и дѣвица ихъ не осѣтовани быша, и вдовичи ихъ не оплакани быша, и ерѣи ихъ и священници ихъ оружемъ падоша» [14, с. 335].

Те же образы, перекликающиеся с текстами других книг Библии (Иер. 7: 33, 16: 4, 34: 20; ср. также 1 Царств 17: 46 и др.), появляются в речи жителей Владимира, обращенной к Ярославу Всеволодовичу, в повести о битве на Липице по Софийской I летописи: «Про твое бо преступление крестное речено бысть: «Приидете птица небесныя, напитаитеся крови человеческыя; звѣрие найдитеся мясь человеческыхъ: не 10 бо убито, ни 100, но тысуца тысуцами» [17, стб. 271]. Я. С. Лурье назвал наиболее близкий источник цитаты — книгу пророка Иезекииля 32: 4 [11, с. 101], хотя правильное было бы указать два стиха этой главы — четвертый и пятый: «И посажду на тебѣ вся птицы небесныя, и насыщу тобою вся звѣри вся земли, и повергу плоти твоя на горахъ, и наполню кровию твоею всю землю». Использованные образы приобретают не только смысловое, но и эмоциональное значение. Эта речь вместе с парафразом библейского текста снята в повествовании Московского свода [12, с. 157].

В повести о походе Даниила и Василька Романовичей к Червену и Белзу под 1222 г. в Галицкой летописи аналогичную функцию эмоционального описания разорения земли и оценки событий как наказания за грех предательства выполняет цитата из Евангелий: «<...> вся земля поплена бысть: бояринъ боярина плѣнвшю, смердь смерда, градъ града, якоже не остатися ни единой вси не плѣнени. Еже притьчею глаголють книги: “Не оставлешуся камень на камени”» [6, стб. 739] (Мф. 24: 2, Мк. 13: 22, Лк. 19: 44, 21: 6).

С тем же мотивом Божьего наказания связан парафраз текста из книги Исход 15: 16 («Да нападетъ на ня страхъ и трепеть»), повторяющегося и в других книгах (Втор. 2: 25, 11: 25; Иер. 15: 8, Пс 54: 6), который изображает душевное состояние людей, подвергнутых Божьей каре. В повести о походе русских князей против половцев в 1103 г. по «Повести временных лет» гнев Божий обрушивается на врагов Руси: «И Богъ великыи вложи ужась велику в Половцѣ и страхъ нападе на ня и тре-

петь от лица Русских вои» [10, стб. 278]. Чаще речь идет о наказании русских людей. «И бѣ видѣти страхъ и трепеть, яко на христьянскѣ родѣ страхъ и колѣбанье и бѣда упространися» [10, стб. 464] — пишет летописец, рассказывая о разорении Владимира в Суздальской летописи. Более точно тот же текст с неточной косвенной ссылкой на источник (упомянут Иисус Навин вместо Моисея) процитирован в повести о приходе Батые на Рязань по Новгородской I летописи в качестве предсказания хода событий после того, как владимирский князь Юрий отказался помочь рязанскому князю: «Но уже бѣше Божию гнѣву не противитися, яко речено бысть дрѣвле Иусу Наугину Богомъ; егда веде я на землю обѣтованую, тогда рече: азъ послю на ня преже васъ недоумѣние, и грозу, и страхъ, и трепеть. Такоже и преже сихъ отъя Господь у насъ силу, а недоумѣние, и грозу, и страхъ, и трепеть вложи в насъ за грѣхы наша» [13, с. 75]. Та же цитата использована в группе заимствований в Повести о нашествии Тохтамышша на Москву по Новгородской IV летописи [14, с. 337], которыми автор выражает мысль о бедах как результате прегрешений, а затем в повести о походе московского князя на Новгород по Московскому своду 1479 г. в словах новгородцев, рассказывающих о своем состоянии: «и тако ужас нападе на ны, и страхъ обѣт ны, и трепеть приать насъ» [12, с. 394]. В этом случае цитата подчеркивает мысль о божественной помощи московскому войску.

Метафорические выражения, отражающие осознание героями и повествователями своей греховности и справедливости Божьей кары, также часто представляют собой заимствования из Библии. В Киевской летописи Игорь, оценивающий свое поражение и плен как наказание за грехи, произносит: «и снидоша днесъ грѣси мои на главу мою» [6, стб. 644] (ср. Пс 7:17). Та же цитата с более широким заимствованием текста псалма появляется в повести о междоусобице князей в 1207 г. в Суздальской летописи. Грех предателей рязанских князей и справедливость их наказания определяется автором через точную цитату: «И сбyses на нихъ Давидово слово глаголющее: се болѣ неправдою, зачатъ болѣзнь и роди безаконье. Ровъ изры и ископа и впадеся в яму юже створи и обратися болѣзнь его на главу ему и на верхъ его неправда его снидеся» [10, стб. 431] (Пс 7: 15–17).

Сходный образ использован в авторском вступлении к повести о нашествии Едигея по Рогожскому летописцу: «<...> верху власъ прегрѣшени нашихъ обрѣтаемься, того ради Господу Богу наказующу насъ и посѣщающу жезломъ беззакония наша по пророку» [16, стб. 178]. Первая часть — парафраз, без указания на источник, текста псалма 37: 5 («яко беззакония моя превзыдоша главу мою»), вторая представляет собой более точную, со ссылкой на пророка цитату из того же источника 88: 33 («посещу жезломъ беззакония ихъ»). Повесть представляет тот редкий для воинского повествования случай, в котором цитата может считаться выполняющей роль «тематического ключа».

Она развивается комплексом цитат, связанным с рассказом автора о грехе Василия Дмитриевича, заключавшемся в отношении к «ляху» Свидригайле Ольгердовичу, приехавшему на помощь московскому князю. Приняв его с почетом, Василий дал ему земли, в том числе Владимир, полагаясь, по словам автора, на советы молодых советников, а не старцев. Летописец осуждает это решение, утверждая, что священный город нельзя было отдавать иноземцу. За этот грех Русь постигли беды, о которых автор упоминает, забегая вперед и при этом цитируя Писание: «<...> тѣмже и бѣды многы постигоша насъ, храбрии паче женъ явишася и страшливее дѣтищъ обрѣтешася, отъя бо ся крѣпкаго крѣпость, по пророку, и стрѣлы младенецъ язвы быша имъ и лысты мужественныя на бѣгъ токмо силу показаша» [16, стб. 181] (Ср: Втор. 31: 17, 31: 21; Ис. 19: 16,

Иер. 51: 30, Пс. 63: 8, 146: 10). Последнее выражение автор, несколько изменив порядок слов, повторяет позже, рассказывая о том, что никакой помощи войска Свидригайлы русским не оказали. Повтор цитаты не случаен: в Псалтири она включена в текст, подчеркивающий, что Бог покровительствует не сильным, а уповающим на милость его. Дополняется это размышление во втором случае еще одной неточной цитатой из того же источника, со ссылкой: «Сломибо ся оруже ихъ и щить гордыхъ огнемъ сожъжеса, по пророку» [16, стб. 184] (ср. Пс. 45: 10).

Прощение греха князя и Божья помощь были даны москвичам за их упование на нее, а не за военную силу. Проводя эту мысль, летописец вновь использует текст псалма: «смотряще яко никто же помагая имъ и челоувѣчьское спасение не обрѣтеса имъ, и памятующе Давида, еже пиша, рече: добро есть уповати на Господа, нежели уповати на князя, добро есть надѣятися на Бога, нежели надѣятися на челоувѣка» [16, стб. 184] (ср. Пс. 117: 9, 8). Далее он приводит молитвы горожан, содержащие неточные цитаты из Псалтири: «<...> и въсплакашася вси людие предъ Богомъ, глаголюще и припадающе зѣло: не предаждь звѣремъ душа рабъ твоихъ, Владыко, аще и согрѣшихомъ Ти, но за имя Твое святое еще пощади насъ, Господи. Также и къ животворивѣи иконѣ Пречистыа Богоматери взирающе со слезами, болѣзненно въпиахуть: о Заступнице наша неотъступимая, еще не предаждь до конца насъ въ руцѣ врагомъ нашимъ» [16, стб. 184] (Пс. 73: 19, 118: 121).

Размышления летописца завершаются рассуждением в конце повести о том, что, хотя Бог допустил приход врагов на Русь за грехи, но «милости же своя не отведе до конца, аще и озоба насъ вебрь отъ луга, и инокъ диви пояде насъ, но корени благочестиа не исторже» [16, стб. 185] (ср. Пс. 79: 14).

Заключительное авторское отступление, объясняющее, что издавна идет традиция описывать все случившееся без умолчаний и прикрас, особо отмечает, что «Юнии старцевъ да почитають и сами едини безъ искуснѣшихъ старцевъ всякого земльскаго правления да не самочиннують, ибо красота граду есть старечество, понеже и Богомъ почтено есть старечство, рече бо писание: выпроси отца твоего возвѣститъ ть и старца твоя рекуть ти» [16, стб. 185–186] (Втор. 32: 7).

Таким образом, мысль о справедливости кары за грех и о Божьем милосердии к кающимся и утверждение, что грехом было решение, принятое без участия старцев-мудрецов, последовательно проводятся с помощью цитат.

Мотив осуждения гордыни, тесно связанный с мыслью о покровительстве Божьем не сильным, а правым, часто выражается через цитату, содержащуюся в Книге притч Соломоновых и в апостольских посланиях (Пр. 3: 34, Иак. 4: 6 или 1 Петра 5: 5). В повествовании о битве на Нежатиной Ниве с ее помощью летописцем прямо осуждается похвалившийся Борис Вячеславич: «яко Богъ гордымъ противитя, смѣреннымъ же благодать даетъ» [6, стб. 192], и она усиливается цитатой из Книги пророка Иеремии 9: 23: «да не хвалитя силныи силою своею».

Та же цитата (со ссылкой на Притчи Соломоновы) использована в повести по Рогожскому летописцу и Софийской I летописи о битве на Скорнице между московским и рязанским войсками в осуждение гордым рязанцам. Она также дополняется, но уже двумя цитатами: «И въ Еуагелии рече: «Всякъ възносяся смѣрится, а смиряся възнесетя». И Давидъ пророкъ рече: «Не спасетя царь мною силою, ни исполинъ, ни храборъ не спасетя множествомъ крѣпости своя» [16, стб. 99, ср.: 17, стб. 440] (Лк. 14: 11; Пс 32: 16). В Рогожском своде все цитаты помещены после сообщения о победе москвичей, выполняя оценочную функцию, а в Софийском предваряют описание битвы, предсказывая ее исход.

В повести под 1174 г. по Ипатьевской летописи о походе Андрея Юрьевича на Ростиславичей самая распространенная из цитат приведена перед рассказом о походе в осуждение гордости князя, причем источник ее указан неверно: «Андрѣи же князь толикъ умникъ сы, во всихъ дѣлѣхъ добль сы и погуби смыслъ свои и невоздержаниемъ располѣвья гнѣвомъ, такова убо слова похвалня испусти, яже Богови студна и мерьска хвала и гордость. Си бо вся быша от дьявола на ны, иже всѣваетъ в сердце наше хвалу и гордость, якоже Павель глаголетъ: гордымъ Богъ противиться, а смиреннымъ даетъ благодать, еже и збытсѣя слово апостола Павла глаголавша, яже и последи скажемъ» [6, стб. 574]. Летописец подтверждает авторитетным источником свою оценку.

Мысль о независимости военных побед и поражений от силы войск выражается парафразом цитаты, присутствующей в вариантах в ряде книг Библии (Лев. 26: 8, Втор. 32: 30, Нав. 23: 10: «Како поженеть единъ тысящи и два двигнета тмы, аще не Богъ отдаде ихъ и Господь предаде ихъ»). Наиболее точно она передана автором повести о Куликовской битве в Новгородской I летописи младшего извода, который, рассказывая о московских «небывальцах», устранившихся и даже бежавших с поля боя перед битвой (фрагмент этот встречается и в Пространной повести, но уже в описании сражения), сопроводил отрывок цитатой, предвещающей ход событий: «не помянувшѣ реченаго пророкомъ, како единъ пожнетъ 1000, а два двигнета тму, аще не Богъ предасть ихъ» [13, с. 376].

Аллюзия к тому же тексту есть в повести о битве под Раковором в 1269 г. в Новгородской I летописи старшего извода, где она помещена в авторском эмоционально-дидактическом отступлении, прерывающем изображение битвы и соединяющем ряд цитат: «якоже глаголет писание: дивно оружие молитва и постъ; и паки: милостыни совокупилася с постомъ, от смерти избавляета человекъ; и паки помянемъ Исаия пророка, глаголюща, аще хотите послушати мене, благая земная снѣсте; аще ли не хотите, ни послушаете мене, оружие вы поясть, и тако поженеть единъ 100 васъ, а от ста побѣгнетъ 1000 васъ» [13, с. 86–87]. Первая часть фразы взята не из Библии, а из молитв в понедельник Второй седмицы Великого Поста, вторая отчасти сходна с Иак. 5: 15–16 и перекликается с поучениями Отцов церкви, и только фрагмент со ссылкой на пророка Исайю действительно передает точно текст двух стихов (Ис. 1: 19–20).

В повести о нашествии Тохтамыша по Новгородской IV летописи в рассуждении автора о бедах Русской земли использованы реминисценции, объединенные общей ссылкой: «яко же Господь глагола пророкомъ: аще хотите, послушайте менѣ, блага земна снестѣ, и положите страхъ вашъ на вразехъ вашихъ; аще ли не послушайте менѣ, то побѣгнете, никимъ же гоними; пошлю на вы страхъ и ужасъ, побѣгнете васъ отъ пяти сто, а отъ ста тысяща» [14, с. 337] — из книг Исайи 1: 19, Иеремии 15: 8, Левит 26: 17, 8 («и побѣгнете, никому же гонящу васъ», «и поженуть отъ васъ пять сто, и сто васъ поженеть тмы»).

В повести о новгородском походе московского князя в 1471 г. по Московскому летописному своду мысль о закономерности победы московского воинства, проведенная в первой части через авторское отступление, в рассказе о битве воплощается в формуле Божьей помощи и в цитате, завершающей рассказ о поражении новгородцев: «яко пять васъ поженеть сто, а сто двигнета тмы» [12, с. 393]. В том же сводѣ в повести о походе на Новгород московского князя в 1456 г. та же идея раскрывается маркированной цитатой из псалма 32: 17: «и сбытсѣя речьное пророческое слово над нами, глаголющее: ложь конь во спасение, въ множестве же силы своя не спасетсѣя» [12, с. 373].

Мотив прощения грешников оформляется неповторяющимися цитатами. В повести Суздальской летописи о походе 1169 г. Мстислава Андреевича на Новгород за преступление новгородцами крестного целования рассказывается о том, что войска князя разорили новгородскую землю, но Новгорода не взяли. В связи с этим летописец рассуждает о наказании Новгорода за преступление его жителей и конечном спасении, приводя цитату: «Наказая накажи мя — рече — Господи, а смерти не предажь мене, — глаголя Давидъ» [10, стб. 362] (Пс. 117: 18).

Возможность прощения грешника признает и автор суздальской повести о поражении Игоря от половцев, рассказывая с помощью двух немаркированных цитат о победе князя из плена: «не оставит бо Господь праведнаго в руку грѣшничю очи бо Господни на боящаяся его а уши его в —молитву ихъ» [10, стб. 399] (ср. «яко не оставит Господь жезла грѣшныхъ на жребий праведныхъ» — Пс. 124: 3; «зане очи Господни на праведныя и уши его в молитву ихъ» — 1 Петра 3: 12) и затем сопоставляет погоню половцев за Игорем с Саулом и Давидом, избавленным Богом. В Московском летописном своде первая из цитат сохранена, а вторая снята, так же как и ретроспективная историческая аналогия.

Мотив смирения перед Промыслом раскрывается рядом повторяющихся цитат, более или менее точно воспроизводящих текст Псалтири 118: 137 и Книги Иова 1: 21: «рцѣмъ велегласно: праведенъ еси Господи и праведнѣ суди твои <...> Рцемъ съ Иевомъ: якоже Господеви любо тако и бысть. Буди имя Господне благословенно у вѣкы» [6, стб. 214] — пишет автор в повести о битве на Желани, «Истиненъ Господь и прави суди его» [6, стб. 644] — в повести о походе Игоря по Киевской летописи, в речи героя; «Яко Господеви годѣ бысть тако и бысть. Буди имя Господне благословено в вѣкы» [10, стб. 462] — говорят Всеволод и Мстислав в повести о взятии татарами Владимира. В первой из названных повестей две цитаты разделены третьей, больше, по нашим наблюдениям, не встречающейся в летописных воинских повестях: «Рцѣмъ по оному разбоинику: мы достойная яже сдѣяхомъ и прияхомъ» [6, стб. 214] (Лк. 23: 41).

Группа цитат передает мысль о благодетельности упования на Промысел и гибельности самостоятельных действий. Так Киевская летопись, подчеркивая положительный смысл неудачного похода Игоря на половцев, сообщает, что князья отправились против врагов, «положаче на Бозѣ упование свое» [6, стб. 639] (ср.: Пс. 72: 28; Ис. 10: 20), а автор повести о том же событии в Суздальской летописи, отрицательно оценивавший поход, отмечал, что он был совершен вопреки Божьей воле: «нѣсть чьловѣку мудрости, ни есть мужства, ни есть думы противу Господеви» [10, стб. 398] (ср.: «Нестъ премудрости, несть мужства, несть совета у нечестиваго» — Притчи 21: 30). Цитаты не только противоположным образом характеризуют героев, но и выражают авторское отношение к событиям. Редактор Московского свода снял реплику автора вместе с содержащейся в ней цитатой [12, с. 128].

Цитата из Притч использована и в повести, помещенной в предыдущей статье Суздальской летописи, об объединенном походе русских князей, но относится она к врагам-половцам [10, стб. 395] (в Московском своде она также отсутствует [12, с. 127]). В повести о приходе татар на Владимир князья восприняли беду Руси как наказание за грехи, используя эту же цитату [10, стб. 462] вместе с цитатой из книги Иова, чем подчеркивается мысль летописца о смирении людей перед Божьим промыслом.

Благодарность за помощь Господа уповавшим на нее и одержавшим победу выражается также с помощью цитат, повторяющихся в разных текстах. После похода на половцев в 1103 г. Владимир Мономах возносит хвалу Господу, соединяя точную

цитату из псалма 117: 24 и парафразы псалмов 135: 24 и 73: 13, 14: «Се день иже створи Господь възрадуемься и възвеселимься во нь яко избавиль ны есть от врагъ нашихъ и покори враги наша и скруши главы змѣвья и даль есть Господь брашно ихъ намъ» [6, стб. 255, ср. 10, стб. 279]. Тот же комплекс цитат появляется в повести Суздальской летописи под 1185 г., рассказывающей об успешном объединенном походе южнорусских князей против половцев, где они включены в речь Владимира Глебовича Переяславского, причем цитирование 73 псалма ограничивается первой половиной стиха 14 [10, стб. 396]. Заметим, что редактор Московского свода конца XV в. снял эту речь вместе с цитатой [12, с. 127].

Аналогичная мысль звучит в повести о междоусобице 1207 г.: в финале ее автор двумя цитатами (Пс. 117: 24, 26: 1–4), первая из которых повторяет предыдущие повести, подчеркивает, что к победе над врагами князя Всеволода Юрьевича привело упование на Божью помощь.

Особое значение приобретают цитаты в молитвах, включенных в воинские повести. Соответственно двум основным типам молитв — просительным и благодарственным — они связаны с мотивом упования на Божью помощь или благодарности за нее. Главным образом в них цитируются псалмы, передающие мысли героев и придающие эмоциональность текстам. Появляются такие цитаты уже «Повести временных лет». В рассказе о первом сражении Ярослава против Святополка приведена молитва князя: «нарекъ Бога рекъ: не азъ почаяхъ избивать братью, но онъ. Да будетъ Богъ отместникъ крови брату моея, зане безъ вины проля кровь Борисову и Глѣбову праведною, еда и мнѣ си же створить. Но суди ми, Господи, по правдѣ, да скончается злоба грѣшнаго» [6, стб. 128], использующая в последней фразе фрагменты двух стихов псалма 7: 9, 10.

Увеличение числа молитв и соответственно цитат заметно в текстах начиная с рубежа XIV–XV вв., примером чему служит Пространная редакция повести о Куликовской битве, вошедшая в Новгородскую IV и Софийскую I летописи.

На этапе подготовки к битве летописец приводит пять молитв князя Дмитрия Ивановича, которые характеризуют главного героя и подтверждают мысль о Божественном покровительстве ему. Все они содержат заимствования из Псалтири².

В первой молитве князь, узнав о походе Мамай в союзе с литовским князем Ягайло, перед иконой Богородицы просит о милости к христианам, используя псалмы (23: 8, 10; 75: 8), Тропарь 6 гласа из Великого Повечерия, что было отмечено Л. А. Дмитриевым [5, с. 389]. В этом фрагменте наряду с просьбой проявляется похвальное начало, цитаты способствуют возвеличиванию Господа и Богородицы, создают торжественный патетический строй текста.

Вторая молитва произнесена Дмитрием после беседы с братом и боярами. Она более краткая и содержит только просьбу о помощи, выраженную с использованием текста псалма 69: 1–2.

В третьей пространной молитве князь в связи с известием о предательстве Олега Рязанского, «въздохнувъ из глубины сердца», просит о помощи правым и отмщении «новому Святополку» — Олегу, выражая мысли переплетением мотивов двух псалмов (78: 10, 6; 85: 10). В этой молитве особенно подчеркивается мысль о том, что противостоят русскому воинству иноверцы, поэтому автор обращается к скорбному тексту 78 псалма.

Четвертая молитва, вновь краткая, произнесена после получения князем на Дону грамоты с благословением преподобного Сергия. В этой молитве содержится просьба и выражается надежда князя; использован текст псалма 19: 8.

² Абсолютное большинство источников цитат установлено в комментарии Л. А. Дмитриева и О. П. Лихачевой [5].

Примечательна пятая молитва Дмитрия. В ней сочетаются обличение замыслов Мамаю с просьбой о помощи, выраженной парафразом текста молитвы «На великое освящение воды» из Требника [5, с. 390] и аллюзией к истории Моисея (Исход 13–14).

Во второй части, рассказывающей о битве, также помещена молитва князя, произнесенная после переезда войска за Дон. Она подчеркивает праведный характер борьбы с врагом, вновь содержит просьбу о помощи, используя текст псалмов 3: 2, 117: 10–11.

В третьей части повести, традиционно сообщающей о торжестве победителей, приводится благодарственная молитва Дмитрия Ивановича к Иисусу и Богородице, «велико благодарение принесе» [17, стб. 468]. В ней на первом плане мотив милости Господа, явленной по молитвам Его Матери, к русскому воинству, восходящий к псалму 56: 4–5. Кроме этого, автор выстраивает ряд ретроспективной исторической аналогии, объединяющий библейских и исторических лиц, которым была явлена Божья милость: Моисей, Давид, Константин, Ярослав Мудрый.

Молитвы, помещенные в повести, не только содержат традиционные просьбу и благодарность, но и раскрывают размышления и чувства Дмитрия: ожидание грядущих событий, упование на Божью помощь, уверенность в правоте борьбы с врагами. Автор достигает эмоциональности и разнообразия текстов в первую очередь использованием псалмов.

Нужно сказать, что в данной повести число цитат увеличивается и в авторском тексте. Рисуя сходящиеся на Куликовом поле войска, автор соединяет цитаты из Псалтири и Евангелий: «Они же извлекоша оружия своя обоиюдоустри в руках их, и орли сбираахуся, яко же есть писано, гдѣ трупиа, туто и орли» [17, стб. 464] (ср. Пс. 149: 6, Мф. 24: 28 или Лк. 17: 37). Рассказывая о том, что Дмитрий сражался в передовом полку, автор рассуждает о Божьем заступничестве за князя, благодаря которому тот не получил ранений, используя значительные заимствования из Библии (Пс. 5: 13, 16: 13, 107: 7, 137: 7, 135: 12, 43: 7, 90: 9–11,5; Плач Иер. 3: 31–32), и точных, и в форме парафразов. Они способствуют раскрытию мыслей книжника и передаче его чувств.

Средством характеристики героев, объяснения хода событий и авторской оценки служит ряд цитат в воинских повестях. Последовательно характеризуют персонажей цитаты в повести 1207 г. по Суздальской летописи об усобице владимирских и рязанских князей (подробнее см.: [19]). Тексты, связанные с Константином Всеволодовичем, взяты из Притч Соломоновых 4: 3; 13: 1; 28: 7; Послания Ефесеянам 6: 14. Для характеристики рязанских князей и одновременно предсказания их судьбы использованы псалмы (54: 24, 139: 12, 77: 36–37, 40: 10, 22: 4). К жителям Пронска, отказавшимся сдать город Всеволоду Юрьевичу, отнесена цитата из псалма 126: 1. Вообще эта повесть представляет уникальный для Суздальской летописи пример концентрации цитат в связи с военными событиями.

Оценку предателя Олега Рязанского с помощью библейских цитат дважды дает автор пространной повести о Куликовской битве. Говоря о его сношениях с Мамаем, автор заметил: «Яко же рече Христос: от нас изидоша, а на ны быша» [17, стб. 456] (1 Иоанна 2: 19). Эти слова дают резко отрицательную оценку героя: исследователи, комментируя цитату, отметили, что речь в Библии идет об «антихристах», которые явятся в последние времена и ополчатся на христиан [5, с. 388]. Второй текст включен в авторское эмоциональное отступление: «О враже изменниче Олже, лихоимства открываеши образъ, а не веси, яко меч Божии острится на тя, яко же пророкъ рече: “Оружие извлекоша грешници и напрягоша луки своя стреляти въ мракъ правыя сердцемъ,

и оружие их вниде въ сердца ихъ, и люди ихъ съкрушатся?» [17, стб. 456] (ср. Пс. 36: 14–15). Цитата дополняет оценку персонажа и содержит пророчество о его судьбе.

Оценочный характер носят некоторые из цитат, использованных в повести о нашествии Тохтамыша в Новгородской IV летописи. Прежде всего, повествователь осуждает князей, не пришедших на совете к согласию о дальнейших действиях, цитируя псалом 132: 1 с точной ссылкой на источник: «не помянуша Давыда пророка, глаголюща: се коль добро и коль красно, еже жити братии вкупѣ» [14, с. 328], а затем Притчи 18: 19 с неточным упоминанием «и другому приснопомнимому рекшу: другъ другу пособляа, и братъ брату помагаа, яко градъ твердъ» [14, с. 328]. Затем, отсылая к Евангельским текстам, он изображает состояние жителей Москвы после отъезда князя: «бѣху людие смущени, яко овца, не имуща пастуха» [14, с. 328] («бяху смятении и отвержении, яко овцы не имущыя пастыря» (Мф. 9: 36, Мк. 6: 34, см. также Чис. 27: 17, Зах. 10: 2), а осуждая доверчивость поверивших лживым обещаниям нижегородских князей, пишет, что они «ни помянуша глаголющаго: не всякому духу вѣруите» [14, с. 333] (1 Иоанна 4: 1).

Едигея в повести по Рогожскому летописцу автор характеризует метафорой псалма 139: 3: «ядъ же аспиденъ подъ устнами скрываа ношаше» [16, с. 182], которая в источнике определяет людей лукавых, замысляющих ложь в сердце своем. Обращение к Священному Писанию помогает раскрыть образ хана.

Характеристика новгородцев как отступников от православия (поскольку они, по словам летописца, хотели «отступити за Латынского короля» [12, с. 391] и не слушали увещаний великого князя и митрополита Филиппа), данная с помощью обширной цитаты из Евангелия от Матфея 18: 15–17, позволяет автору Московского свода обосновать справедливость Божьей помощи, оказанной московскому князю в походе 1471 г.

Таким образом, в летописных воинских повестях библейские цитаты в большинстве случаев немногочисленны и выполняют функции разъяснения хода событий или выражения авторских идей. Реже они проходят через весь текст повестей и в этом случае наделены также функциями предсказания хода событий, характеристики героев и описания последствий поражений в битвах.

В единичных случаях можно рассматривать цитаты как «тематические ключи», причем это относится только к текстам о событиях конца XIV – начала XV вв. Именно в эту эпоху в воинских повестях используется наибольшее количество цитат, источники их становятся разнообразнее. Во второй половине XV столетия московские летописцы, с одной стороны, зачастую снимают цитаты, использованные в предшествующих редакциях повестей, с другой стороны, активно включают их в повести о современных событиях, расширяя репертуар источников.

Большинство библейских текстов входит в повествование или рассуждение автора, реже они используются в речах и молитвах героев, подчеркивая их эмоциональность. Многие цитаты повторяются в воинских повестях неоднократно, превращаясь в своеобразные топосы.

Цитируемые фрагменты могут вводиться приблизительными упоминаниями источника («яко же Господь глагола пророкомъ», «еже рече в Еуангелии»), или точными указаниями на книги Библии («Рцемъ съ Иевомъ», «яко ж рече Приточникъ», «глаголя Давидъ»), чаще всего точно даются ссылки на Псалтирь. В некоторых случаях цитаты в речи повествователя и героев не маркируются, вплетаясь в текст как его органическая часть.

Наиболее часто и довольно точно цитируется Псалтирь, что неудивительно, если иметь в виду ее многофункциональный характер в Древней Руси и то, что в течение недели весь ее текст прочитывался на службах. Как правило, точно передается также текст Новозаветных книг. Этому также есть объяснение, поскольку цитируемые тексты входили в Евангелия-апракос и Апостол. Цитаты из книг Ветхого Завета часто неточные, по большей части воспроизводятся либо повторяющиеся элементы библейских книг, либо афоризмы. Притчи Соломоновы, части Пятикнижия, Пророков и Книги Иова, которые использовались книжниками, в различном объеме включались в Паримийник. Эти данные подтверждают мысль о том, что многие цитаты приходили в древнерусские тексты через литургическую практику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Башлыкова М. Е.* Топика житий в Киево-Печерском патерике редакции 1661 года // Герменевтика древнерусской литературы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. Сб. 15. С. 187–351.
- 2 *Гардзанини М.* Библейские цитаты в литературе Slavia orthodoxa // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. Т. 58. С. 28–40.
- 3 *Гардзанини М.* Библейские цитаты в церковнославянской книжности. М.: Индрик, 2014. 232 с.
- 4 *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М.: Аспект-пресс, 2004. 370 с.
- 5 *Дмитриев Л. А., Лихачева О. П.* Историко-литературный комментарий // Сказания и повести о Куликовской битве. Л.: Наука, 1982. С. 379–409.
- 6 *Ипатьевская летопись* // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. 2. 648 с.
- 7 *Каравашкин А. В.* Библейские тематические ключи: пределы верификации // Россия XXI. 2006. № 1. С. 64–85.
- 8 *Каравашкин А. В.* Понимание древнерусского источника (традиции и современность) // Ученые записки Московского гуманитарного педагогического института. М., 2004. С. 60–92.
- 9 *Кузьмина М. К.* Канон преподобнического жития сквозь призму библейских цитат. М.: Водолей, 2017. 400 с.
- 10 *Лаврентьевская летопись* // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 1. 496 с.
- 11 *Лурье Я. С.* Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании XIV–XVI вв. // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1979. Т.34. С.96–115.
- 12 *Московский летописный свод конца XV века* // Русские летописи. Рязань: Узоро-чье, 2000. Т. 8. 649 с.
- 13 *Новгородская I летопись старшего и младшего изводов* // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 3. XII, 720 с.
- 14 *Новгородская IV летопись* // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 4, ч. 1. XXXVIII, 690 с.
- 15 *Пиккио Р.* Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства // Slavia orthodoxa. Литература и язык. М.: Знак, 2003. С. 431–473.
- 16 *Рогожский летописец* // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 15. XII с., 186 стб., 29 с.
- 17 *Софийская I летопись старшего извода* // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 6. Вып. 1. VIII, 312 с.

- 18 Тверской сборник // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 15. V с., 504 стб., 35 с.
- 19 Трофимова Н. В. Об использовании цитат из Священного Писания в летописных воинских повестях // XIV Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Материалы 2004 г. М., 2005.

© 2018. Nina V. Trofimova
Moscow, Russia

**THE FUNCTIONING OF THE BIBLICAL QUOTATIONS
IN MILITARY NARRATIONS, INCLUDED IN THE CHRONICLES
OF THE XIV–XV CENTURIES**

Abstract: The purpose of the article is to systematize the material of biblical quotes of various types, used in military narrations, included in the chronicles of the XIV–XV centuries (Laurentian, Ipatiev, Novgorod First and Forth, Sofia First, Rogozhsky, Moscow 1479) and to test using their example some theoretical statements suggested by modern medievalists. The study showed that the biblical texts are used unevenly in the chronicle military narrations, so that the greatest number of them are included in the texts depicting the events of the late XIV – early XV centuries. The theory of “biblical thematic keys” by R. Piccio can rarely be implied to military narrations: as a rule, quotations in the texts are scarce, if present at all. Most of the quotations express the idea of relationship of historical events with God's Providence. A set of motifs is connected with this idea, each of them is being formed by using the circle of biblical texts. There is a group of repeated quotes and texts appearing in a single case. Quotes are cited exactly or in paraphrase, and are introduced in a different way. We find most of them concentrated in the author's speech and prayers of the characters, and their functions stretch from confirmation of the thoughts of a scribe to amplification of the emotional expressiveness of the text. The repertoire of quotations usually does not go beyond the texts included in liturgical books. This fact confirms the idea advocated by M. Garzaniti, that the liturgical texts are the source of the biblical quotes.

Keywords: military narration, a chronicle, a Bible quote, paraphrase, ways of introducing of quotes, functions of quotes, the theory of “biblical thematic keys” by R. Piccio, repeated motifs and quotes.

Information about the author: Nina V. Trofimova — DSc in Philology, Professor, Moscow State University of Education (MPSU), M. Pirogovskaya Str., 1/1, 119991 Moscow, Russia. E-mail: nvt.df@yandex.ru

Received: December 15, 2017

Date of publication: June 15, 2018

For citation: Trofimova N. V. The functioning of the biblical quotations in military narrations, included in the chronicles of XIV–XV centuries. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 48, pp. 137–150. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Bashlykova M. E. Topika zhitii v Kievo-Pecherskom paterike redaktsii 1661 goda. [Topography of the lives in the Kievo-Pechersk Paterikon edition of 1661].

- Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian literature]. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2010, vol. 15, pp. 187–351. (In Russian)
- 2 Gardzaniti M. Bibleiskie tsitaty v literature Slavia orthodoxa [Biblical quotations in the literature of Slavia orthodoxa]. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Department of Old Russian literature]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2007, vol. 58, pp. 28–40. (In Russian)
 - 3 Gardzaniti M. *Bibleiskie tsitaty v tserkovnoslavianskoi knizhnosti* [Biblical quotations in Old Church Slavonic literacy]. Moscow, Indrik Publ., 2014. 232 p. (In Russian)
 - 4 Danilevskii I. N. *Povest' vremennykh let: Germenevticheskie osnovy izucheniia letopisnykh tekstov* [The tale of bygone years: Hermeneutical foundations of the study of the annalistic texts]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2004. 370 p. (In Russian)
 - 5 Dmitriev L. A., Likhacheva O. P. Istoriko-literaturnyi kommentarii [Historical-literary review]. *Skazaniia i povesti o Kulikovskoi bitve* [Legends and stories about the battle of Kulikovo]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, pp. 379–409. (In Russian)
 - 6 Ipat'evskaia letopis' [Ipatiev chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1998. Vol. 2. 648 p. (In Russian)
 - 7 Karavashkin A. V. Bibleiskie tematicheskie kliuchi: predely verifikatsii [Biblical thematic keys: limits of verification]. *Rossii XXI*, 2006, no 1, pp. 64–85. (In Russian)
 - 8 Karavashkin A. V. Ponimanie drevnerusskogo istochnika (traditsii i sovremennost') [The understanding of Old Russian source (tradition and modernity)]. *Uchenye zapiski Moskovskogo gumanitarnogo pedagogicheskogo institute* [Scholarly notes of the Moscow humanitarian pedagogical Institute]. Moscow, MGPI Publ., 2004, pp. 60–92. (In Russian)
 - 9 Kuz'mina M. K. *Kanon prepodobnicheskogo zhitiia skvoz' prizmu bibleiskikh tsitat* [Canon of monastic lives in light of biblical quotations]. Moscow, Vodolei Publ., 2017. 400 p. (In Russian)
 - 10 Lavrent'evskaia letopis' [Laurentian chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1997. Vol. 1. 496 p. (In Russian)
 - 11 Lur'e Ia. S. Povest' o bitve na Lipitse 1216 g. v letopisanii XIV–XVI vv. [The tale of the battle on the Lipitsa in 1216 by the Chronicles of the XIV–XVI centuries]. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Department of Old Russian literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, vol. 34, pp. 96–115. (In Russian)
 - 12 Moskovskii letopisnyi svod kontsa XV veka [The Moscow chronicle of the end of the XV century]. *Russkie letopisi* [Russian chronicle]. Riazan', Uzoroch'e Publ., 2000. Vol. 8. 649 p. (In Russian)
 - 13 Novgorodskaia I letopis' starshego i mladshego izvodov [I Novgorod chronicle of senior and junior recensions]. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. Vol. 3. XII, 720 p. (In Russian)
 - 14 Novgorodskaia IV letopis' [IV Novgorod chronicle], *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. Vol. 4. Part 1. XXXVIII, 690 p. (In Russian)
 - 15 Picchio R. Funktsiia bibleiskikh tematicheskikh kliuchei v literaturnom kode pravoslavnogo slavianstva [The function of biblical thematic keys in the literary

- code of Slavia Orthodoxa]. *Slavia orthodoxa. Literatura i iazyk* [Slavia orthodoxa. Literature and language]. Moscow, Znak Publ., 2003, pp. 431–473. (In Russian)
- 16 Rogozhskii letopisets [Rogozhsky chronicler]. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. Vol. 15. XII p., 186 columns, 29 p. (In Russian)
- 17 Sofiiskaia I letopis' starshego izvoda [I Sofia chronicle of the older recension]. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. Vol. 6. Part 1. VIII, 312 p. (In Russian)
- 18 Tverskoi sbornik [Tver collection]. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. Vol. 15. V p., 504 columns, 35 p. (In Russian)
- 19 Trofimova N. V. Ob ispol'zovanii tsitat iz Sviashchennogo Pisaniiia v letopisnykh voinskikh povestiakh [On using quotations from the Bible in the chronicle military narrations]. *XIV Ezhegodnaia bogoslovskaja konferentsiia Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Materialy 2004 g.* [The XIVth Annual theological conference of St. Tikhon Orthodox humanitarian University. Materials 2004]. Moscow, PSTGU Publ., 2005. (In Russian)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. Л. В. Павлова
г. Смоленск, Россия

ХРИСТИАНСТВО И ХРИСТИАНЕ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ Е. Н. КЛЕТНОВОЙ

Статья подготовлена в рамках проекта «Сочинения Екатерины Клетновой: подготовка текстов, исследования, комментарий», поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований (№16-14-67001)

Аннотация: В статье представлены результаты образно-тематического анализа художественных произведений Е. Н. Клетновой, относящихся к разным литературным родам и жанрам и объединенных общей темой — христианство. Сделанные в ходе анализа наблюдения и выводы пополняют представление об особенностях развития христианской темы в литературе рубежа XIX–XX вв. Литературное наследие знаменитого археолога, этнографа, педагога, краеведа только начинает вводиться в научный обиход. Абсолютной новизной отличается материал исследования — произведения, ранее не собранные в единый корпус и никогда не становившиеся предметом целенаправленного рассмотрения (очерки «Лампада горного ущелья», «Церковное пение и русская духовная музыка», «Пояс Пресвятой Богородицы», пьеса «Славный город Смоленец», историческая заметка «Из Вяземских сказаний 12-го года», стихотворение «Легенда о Святителе Николае» и др.).

Ключевые слова: Е. Н. Клетнова, публицистика, литературно-художественное творчество, христианство, тема, образ, сюжет, легенда, очерк, пьеса, парадигма.

Информация об авторе: Лариса Викторовна Павлова — доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», ул. Пржевальского, д. 4/2, 214000 г. Смоленск, Россия. E-mail: pavlar@inbox.ru

Дата поступления статьи: 13.10.2017

Дата публикации: 15.06.2018

Для цитирования: Павлова Л. В. Христианство и христиане в публицистическом и литературно-художественном творчестве Е. Н. Клетновой // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 151–161.

Судьбы христианства на рубеже XIX–XX вв., овеянном тревожными предчувствиями «неслыханных перемен, невиданных мятежей» (А. Блок), волновали умы и души. Богословы, философы, писатели по-разному, но с одинаково горячим воодушевлением откликались на запросы времени. Одной из тех, кто облек свои размышления в литературно-художественную форму, была Екатерина Николаевна Клетнова (1869–1938¹).

¹ В ряде источников годом смерти ошибочно указывается 1937 г.

Труды Е. Н. Клетновой по археологии, этнографии, краеведению всегда высоко ценились специалистами², тогда как литературное творчество попало в поле внимания исследователей совсем недавно и активно изучается лишь последние несколько лет. За это время опубликован ряд статей³, подготовлено к изданию собрание художественных произведений Клетновой, рассыпанных по современным ей периодическим изданиям или не изданных вовсе, хранящихся в российских и зарубежных архивах⁴. Корпус собранных на сегодняшний день публицистических и литературно-художественных сочинений Клетновой охватывает написанное за полвека⁵ и включает стихотворения, рассказы, очерки, пьесы, оперные либретто, фельетоны, переводы художественных произведений европейских авторов (В. Гюго, П. Б. Шелли, Фр. Геббель и др.).

Зная специфику научных занятий Клетновой, в центре которых — интерес к славянским древностям, можно предположить, что в ее художественном творчестве возобладают языческие мотивы и образы. Однако в написанных ею произведениях религиозной тематики центральное место, как показал анализ, занимают христианские темы, образы, сюжеты. Клетнова пишет об истории христианства первых веков в его тесном и непростом соприкосновении с язычеством, о сохранении христианских памятников на отдаленных от Центральной России территориях, о церковном искусстве, перелагает народные легенды о христианских святых.

Христианские образы и сюжеты нередко встречаются в очерках Клетновой, публиковавшихся в начале XX в. на страницах различных журналов и газет. Так, в апрельском номере «Дневника писателя» за 1908 г. помещен путевой очерк «Лампада горного ущелья», в основе которого лежат личные впечатления автора от поездки на Кавказ. В центре повествования — образ «маленькой древней каплички» XII в. — Нузальской церкви, приютившейся «среди безжизненных утрюмых скал Ардонского ущелья» [4, с. 8]. Детальное, с научной скрупулезностью описание внешнего вида и внутреннего убранства уникальной «церкви-каплюшки», ветхой, но величественной, разрешается авторским отступлением-сожалением о судьбах христианских святынь на территориях, вовлеченных в водоворот борьбы язычества, христианства и магометанства. Венчает очерк развернутая метафора: «крошечный храм, единственный во всей Осетии, сохранивший в течение веков свой христианский облик, тогда как прочие Св. места обраще-

² Приведем авторитетное мнение историка Д. И. Будаева о достижениях Клетновой: «Е. Н. Клетнову отличали широта и разнообразие научных интересов. Она занималась геологией и по материалам изучения местного края написала статью “Полезные ископаемые Смоленской губернии”. В круг ее научных интересов входила этнография. Она собрала большую коллекцию тканей и опубликовала работу “Символика народных украс Смоленского края”. Она собирала произведения устно-поэтического народного творчества, предания об Отечественной войне 1812 года, которые легли в основу ее книги “Отечественная война в преданиях и сказаниях Вяземского уезда”. Археологические раскопки она проводила на Смядыни в Смоленске, в Гнездове, у себя на родине в Вяземском уезде. Результаты изучения верований древних славян она изложила в статье “Остатки змеиного культа в пределах Смоленской губернии”» [1, с. 212].

³ Например, см. статьи: [12; 14; 15].

⁴ Том художественных произведений Е. Н. Клетновой подготовлен к печати в ходе реализации проекта «Сочинения Екатерины Клетновой: подготовка текстов, исследования, комментарий», по результатам регионального конкурса «Центральная Россия: прошлое, настоящее, будущее» в 2016 г. поддержанного грантом РФФИ (№16-14-67001).

⁵ Комедия «В чем сила?», самое раннее из известных на сегодняшний день произведений Клетновой, написана в 1888 г., автору — девятнадцать лет. Последние публикации относятся к 1938 г.

ны в полуязыческие «Дзуар‘ы»⁶ <...> [4, с. 10], предстает «неугасимой лампадой, огонек которой так легко раздуть в яркий пламень светоча» [4, с. 11]. В контексте очерка конкретная образная парадигма «храм → лампада» обретает и обобщенное основание сопоставления «христианство → лампада».

Через полгода, в ноябрьском и декабрьском номерах «Дневника писателя», напечатан очерк Е. Н. Клетновой «Церковное пение и русская духовная музыка». Музыкальная эрудиция автора не требовала подтверждения: с конца XIX в. Клетнова была хорошо известна в музыкальных кругах как автор оперных либретто. С характерной для Клетновой научно-исследовательской основательностью воспроизведены в очерке основные этапы становления и развития церковного музыкального искусства: упомянуты Св. Иоанн Златоуст как основоположник церковного пения, Св. Иоанн Дамаскин как его «окончательный устроитель», охарактеризованы полные и неполные распевы, разные виды богослужебного пения, описаны церковно-певческие книги, особенности церковного хорового пения. Отличает авторскую позицию Клетновой, в данном случае выступающей как историк духовной музыки, то, что значительное место в становлении русской духовной музыкальной культуры она отводит родной смоленской теме, приведя в конце очерка целый ряд обоснований своей точки зрения: по ее мнению, чрезвычайно важно помнить, что первые русские духовные стихи посвящены князьям-мученикам Борису и Глебу, особую роль в житии которых сыграл Смоленск⁷; со Смоленском связана деятельность Николая Дилецкого, «Мусикийская грамматика» которого служила руководством для русских композиторов на протяжении XVII–XVIII вв., а деятельность в целом повлияла на формирование русской школы многоголосного церковного пения, и, наконец, смоленская земля дала миру «великого преобразователя и творца нашей национальной музыки» [9, с. 49], носителя божественного дара — Михаила Глинку⁸.

⁶ «<...> дзуаром осетины называют святого, патрона, духа-покровителя. Но то же название прилагается к известному месту, пользующемуся религиозным почитанием. <...> особой славой пользуются места, освященные древней христианской святыней, — развалины старых церквей. В культе таких дзуаров сохранились многие черты древнехристианского культа. Самыми славными дзуарами Осетии нужно назвать Реком и Мыкалгабырта <...>. Первый из них — древняя часовня, посвященная некогда св. Георгию (Уастырджи), второй — остаток христианской церкви, построенной некогда во имя св. Николая Чудотворца» [11, с. 399–400].

⁷ «Глеб умерщвлен по самым городом при впадении, ныне пересохшем, реки Смядыни в Днепр 5 сентября 1115 года, а неизвестно куда скрывшиеся мощи их из Вышегородского храма (под Киевом) по преданию перенесены во время татарского нашествия в Смоленскую Свирскую Церковь, находившуюся на месте убиения Глеба <...>» [9, с. 48–49].

⁸ Свое восхищение великим земляком выразила Клетнова также в стихотворении «Бессмертной памяти М. И. Глинки», в котором сравнила композитора с древнерусским певцом Баяном (парадигма «Глинка → Баян»), выразителем дум и чаяний родной земли.

И был ему дар, дар божественный дан
Знать песни народной извивы.
Он в струны ударил и песнь полилась,
Лады за ладами сплетая,
В них новая вещая мощь раздалась
Преданий родимого края.
В ней ширь отразилась привольных степей
И рек тихоструйных пучины,
Раздолье пиров, звон булатных мечей
И радость и слезы кручины.
Все шире и шире та песня росла,
Как посвист степного бурана,
И славу далече за море несла
Земли Свято-Русской Баяна [2, с. 2].

Уже в годы эмиграции Клетновой в ужгородской газете «Русский народный голос» был опубликован небольшой очерк «Пояс Пресвятой Богородицы». Очерк представляет собой своего рода комментарий по поводу праздника Покрова Пресвятой Богородицы. Содержание комментария исчерпывается пересказом болгарской легенды, повествующей о том, как Богородица получила от Спасителя разрешение вывести из ада столько грешных душ, сколько укроется под Ее одеяниями, развернула свой широкий пояс, который ткала от Рождества Христова до Светлого Его Воскресения, и покрыла им всех грешников. Завершает очерк авторское упование на милость Пречистой Девы, снова ткущей свой пояс, чтобы и после второго пришествия спасти грешные души, посланные в ад.

Очерк «Пояс Пресвятой Богородицы», по-видимому, последняя прижизненная публикация Клетновой, вышедшая в свет за месяц до ее смерти [7, с. 5].

Не только для публицистики, но и для художественных произведений христианской тематики Клетновой характерен следующий прием — повествование строится вокруг некоего документального факта (предмет, строение, легенда и т. п.). Об использовании этого приема порой свидетельствует уже название. Так, в августе 1912 г. в журнале «Светлый путь» была опубликована «историческая заметка»⁹ Клетновой «Из Вяземских сказаний 12-го года»¹⁰. В начале «исторической заметки» приводятся записи дурных предзнаменований, хаживавших в народе накануне 1812 г.: нашествие невероятно прожорливых червей, цветение садов осенью, перед самыми морозами, появление хвостатой звезды, слухи о рождении антихриста и т. п. Записи снабжены указанием источника — «Из дневника очевидца Букина». При возможности реального существования этого неустановленного очевидца и его дневника, указание на источник является, прежде всего, художественным приемом, создающим эффект достоверности. Почти весь последующий текст — это переложение в художественной форме предания о старце Питириме, настоятеле Иоанно-Предтеченского мужского монастыря в Вязьме¹¹.

При приближении французов жителям было приказано уйти из города. Схронив монастырские ценности, с плачем собрались в путь и монахи. «Но старец Питирим — архимандрит монастырский, наотрез отказался покинуть обитель, а с ним остался послушник его Иона и еще один монах.

— Отпевать, погребать павших...» [3, с. 3].

При взятии Вязьмы французскими войсками старец Питирим погиб, однако обет свой выполнил: «<...> многим тогда видимо было, как там, где лежали убитые, неотпетые и несхороненные, в часы вечерних сумерок¹², явился благообразный муж в священническом облачении с курящимся кадиллом и совершал над ними заупокойное служение, а невидимые хоры пели “вечную память”...»

⁹ Так обозначен жанр в подзаголовке публикации.

¹⁰ Е. Н. Клетнова была одним из главных организаторов празднования 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. в Вязьме.

¹¹ Иоанно-Предтеченский монастырь основан в XVI в. прп. Герасимом Болдинским, сведения об архимандрите по имени «Питирим», управлявшем обителью в годы Отечественной войны 1812 г., отсутствуют.

¹² Так в тексте.

Но подходили люди, и тогда, как легкий дым, здесь таяло виденье¹³, чтобы снова появиться в отдалении. И долго чуялся в тех местах пахучий запах ладона¹⁴ росного и слышалось в невидимых устах за упокой погибнувших¹⁵ в боях торжественно — молитвенное пение» [3, с. 8].

За год до публикации «Из Вяземских сказаний 12-го года» вышла в свет книга очерков Клетновой «Отзвуки Отечественной войны в преданиях и сказаниях Вяземского уезда». В одном из очерков («Город Вязьма») приведено «сохранившееся устное предание» о том, как вся братия покинула монастырь, в нем остались лишь старый иеромонах Иосаф и послушник Иона, которые «не пожелали бросить на произвол судьбы свою обитель и решились разделить ее участь» [6, с. 53]. При обстреле Вязьмы иеромонах был убит, и, как гласит предание, «послушник отправился к самому Наполеону *требовать*¹⁶ людей для рытья могилы и погребения старца». Отряженные на погребение гренадеры, «желая отдать особую почесть праху <...>, не придумали ничего лучше, чем перевернуть свои головные уборы задом на перед, когда опускали в могилу его бранные останки» [6, с. 53].

Мотив благосклонного участия Наполеона в совокупности с мотивом смерти святого старца присутствует и в исторической заметке «Из Вяземских сказаний 12-го года», но реализуется в ином ключе. Разыскивающие монастырские сокровища солдаты наполеоновской армии «перерыли храмы и службы, разбили и расхитили книгохранилище, где хранились многие царские грамоты, жития и летописи. <...> Три раза в поисках ключей от ризницы выбрасывали тело архимандрита из гроба. Три раза благочестивые иноки снова убирали его <...> Наконец, порешили они идти просить защиты от мародеров, своих и чужеземных, у самого императора» [3, с. 4]. Не сразу удалось монахам встретиться с Наполеоном, но с Божьей помощью они добились своего: караулили под окнами дома, в котором расположился Наполеон, и когда ранним утром тот вышел на балкон, «бесстрашно приступили к нему, *требую*¹⁷ охраны останков геройски погибшего в обители своей старца» [3, с. 5]. Наполеон распорядился не только помочь в погребении, но и приказал выставить почетный караул у могилы архимандрита. И здесь упоминается манипуляция гренадеров с головными уборами.

В художественно обработанных вяземских историях совпадает также имя храброго послушника, не покинувшего старца в годину бедствий, но в первой из них нет упоминаний об архимандрите Питириме и чудесных явлениях, происходивших по его смерти. Зато есть перечень задокументированных «денежных» потерь, понесенных вяземскими храмами во время наполеоновского нашествия. В этом «финансовом» контексте тонкая мистическая история была неуместна, поэтому Клетнова посвятила ей отдельное произведение, опубликованное в год столетия Отечественной войны.

В эмиграции, в Чехии, в рамках благотворительной акции «День русского инвалида», на страницах специально выпущенной однодневной газеты под таким же названием Клетнова публикует стихотворное переложение легенды о Николае Мирликийском, одном из самых почитаемых на Руси святом¹⁸. Причина столь горячей люб-

¹³ Отметим наличие образной парадигмы «виденье → дым» и то, что в произведениях Клетновой тропы встречаются редко и, как правило, вполне традиционны.

¹⁴ Так в тексте.

¹⁵ Так в тексте.

¹⁶ Курсив Е. Н. Клетновой.

¹⁷ Курсив Е. Н. Клетновой.

¹⁸ Выбор темы обусловлен тем, что День русского инвалида отмечался в день памяти святого Николая Чудотворца (22 (9) мая), начиная с 1926 г., получил широкое распространения в разных странах.

ви русского народа к нему в стихотворении объясняется тем, что Святитель Николай, не боясь замараться, помогает простому мужику, чей воз увяз в грязи:

Видят — лежит лошаденка,
Бьется над ней мужичонка,
Воз — на боку.
Тотчас Никола Святитель,
Божией правды хранитель,
Помощь подал мужику [5, с. 7].

Особого внимания заслуживает противопоставление, лежащее в основе композиции «Легенды о Святителе Николае»: не с грешником сравнивается святой, а со святым же — Св. Кассианом. В экспозиции сказано, что Николай и Кассиан вместе идут к Богу, но, столкнувшись с бедой человеческой, ведут себя по-разному: Николай бросается помогать, а Кассиан «сторонится / Грязи боится — хоронится, / Ризы свои бережет». И в Царствии Небесном, и в сердце православном их пути расходятся: по милости Божией дважды в год празднуют день памяти Св. Николая Чудотворца (19 декабря¹⁹ и 22 мая²⁰) и только раз в четыре года — Св. Кассиана (29 февраля).

За то, что Никола грязей не боялся,
Что скорым помощником людям являлся,
Тебя будут чтить православные,
Князья и цари их державные
По дважды в год.
А ты, чистоту наблюдавший
И Божий Завет забывавший,
Лукавый Кассиан,
Тебя православный народ,
Через три года раз помянет Закоснелаго [5, с. 7].

Сюжет стихотворения Клетновой не нов, она перелагает известную в разных местностях России легенду о путешествии Касьяна и Николая к Богу в рай, где повествуется о встрече с мужиком, о доброте Николая и отказе в помощи Кассиана, о вознаграждении по заслугам, полученном от Бога²¹. «Закоснелый», «лукавый» — оценочные эпитеты Кассиана (Касьяна) тоже не авторская выдумка, в народной среде бытовал длинный ряд отрицательных характеристик этого святого: «немилостивый», «Касьян на что взглянет — все вянет», «Касьяном смотрит» (=угрюмый, тяжелый человек), «Касьян косоглазый, от него, братцы, хороните все, как от Касьяна — живо сглазит, да так, что потом ни попы не отчитают, ни бабки не отшепчут» (о человеке, способном сглазить) [10, с. 523–525] и др.

¹⁹ Это так называемый Никола Зимний, день смерти святого.

²⁰ Так называемый Никола Летний, день перенесения мощей Святителя и Чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бари.

²¹ В главе «Касьян немилостивый» в числе прочих, столь же нелицеприятных для святого, эту легенду, записанную в Рязанской губернии, приводит С. В. Максимов в своей книге «Неведомая, нечистая и крестная сила», специально оговорив, что она «пользуется на Руси самым широким распространением» [10, с. 524].

Своеобразие стихотворения Клетновой заключается, подчеркнем — не в первый раз, в смоленском колорите. Место действие автор переносит на смоленскую землю, добавляя в описание пути Св. Николая и Св. Кассиана пейзажные реалии, характерные для Смоленщины с ее частыми непогодами:

Шли они к царству небесному,
К Божью престолу чудесному,
К свету предвечному.
Шли и песками сыпучими,
Шли и лесами дремучими,
И болотами зыбучими,
Черно-грязями смоленскими [5, с. 7].

А в финале стихотворения, говоря о дарованных Николаю Угоднику двух дней памяти — зимой и летом, вводит в текст диалектизм, который поясняет в примечании к стихотворению — «Так говорят в Смоленской Губернии <...>»:

И с той поры так и вошло в обиход:
Ублажает Святителя русский народ
И «Зимнего», так и по-летелого [5, с. 7].

Особенно плотно смоленская тема взаимодействует с христианской темой в наиболее значительном художественном произведении Клетновой — пьесе²² «Славный город Смоленец», рукопись которой обнаружена в фондах Государственного архива Смоленской области²³. Действие пьесы разворачивается на берегу Днепра, многие сцены происходят на площадях и улицах города Смоленца, наделенного узнаваемыми чертами древнего Смоленска. Активно участвует в действии, порой выполняя функции античного хора, порой отсылая к временам сильного городского вече, смоленецкий люд. Через историю князя Русислава, стремившегося к власти над всем миром и страстно желавшего любви Царь-Девы, но обретшего смысл жизни в христианской вере, в служении своему народу, в семейном счастье с Любавой, Клетнова передает важнейшее для истории Древней Руси событие — смену религиозной парадигмы, переход от языческих воззрений к христианскому вероучению. Своеобразие идейно-художественной позиции автора, как было установлено в ходе анализа, заключается в том, что Клетнова не противопоставляет язычество и христианство, а утверждает возможность естественной адаптации языческих божеств (прежде всего связанных с земледельческим циклом и любовью) к условиям нового времени²⁴.

Пускай мы перестанем быть богами,
Пусть жертвенный огонь погаснет перед нами,
Народ людской, создавший нам моленья,
Тем самым отошел от озверенья,

²² Авторское определение жанра — «былинно-скоморошное действо».

²³ ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 54.

²⁴ Подробный образно-тематический, проблемный, композиционный анализ пьесы представлен здесь: [13].

Чтоб воспринять потом великий, вечный Свет.
Пока земля стоит, пока не сгинет свет,
У каждого из нас найдется дело <...>²⁵.

В финальном монологе Русислава христианство предстает в образе дивного хлеба, способного насытить всех страждущих (парадигма «христианство → хлеб»):

Идем мы до Царь-Града.
Идем мы хлеба добывать,
Да хлеба не простого:
Вкусившим больше не взалкать,
Не будут жаждать снова²⁶.

О христианской вере, о христианских святых и подвижниках Екатерина Николаевна Клетнова писала на протяжении нескольких десятилетий творчества. Жанровый диапазон представления этой темы широк: очерки, рассказы, пьеса, стихотворения. Источником ее вдохновения служили не книжные премудрости, а живая вера народа, свидетельство которой — устные предания, богослужебные песнопения и бережно сохраняемые храмы, наследие отцов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Будаев Д. И., Левитин М. Н. Неизвестное об известных. Смоленск: Маджента, 2003. 384 с.
- 2 Клетнова Е. Н. Бессмертной памяти М. И. Глинки // Русская земля. 1907. № 282.
- 3 Клетнова Е. Н. Из Вяземских сказаний 12-го года // Светлый луч. 1912. № 8. С. 1–8.
- 4 Клетнова Е. Н. Лампада горного ущелья // Дневник писателя. 1908. Апрель. С. 8–11.
- 5 Клетнова Е. Н. Легенда о Святителе Николае // День русского инвалида: однодневная газета. Прага. 1926. (9) 22 мая.
- 6 Клетнова Е. Н. Отзвуки Отечественной войны в преданиях и сказаниях Вяземского уезда. Смоленск, 1911. Вып. 1. 85 с.
- 7 Клетнова Е. Н. Пояс Пресвятой Богородицы // Русский народный голос. 1938. № 85.
- 8 Клетнова Е. Н. Церковное пение и русская духовная музыка. I. // Дневник писателя. 1908. Ноябрь. С. 47–53.
- 9 Клетнова Е. Н. Церковное пение и русская духовная музыка. II. // Дневник писателя. 1908. Декабрь. С. 46–50.
- 10 Максимов С. В. Куль хлеба. Неведомая, нечистая и крестная сила. Смоленск: Русич, 1995. 670 с.
- 11 Миллер В. Ф. В горах Осетии. Владикавказ, 2007. 536 с.
- 12 Павлова Л. В., Пастернак Т. К. Литературное творчество Екатерины Клетновой на страницах журнала «Светлый луч» // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 4 (36). С. 8–17.

²⁵ ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 54.

²⁶ Там же.

- 13 Павлова Л. В., Пастернак Т. К. Религиозные воззрения древних славян в пьесе Е. Н. Клетновой «Славный город Смоленец» // Вестник славянских культур. 2016. № 1 (39). С. 105–116.
- 14 Пастернак Т. К. «Народные сюжеты» в литературном творчестве Е. Н. Клетновой // Живая Старина. 2016. № 4(92). С. 38–44.
- 15 Пастернак Т. К. Литературное творчество Е. Н. Клетновой: известные и неизвестные факты, архивные находки // Русская филология: Ученые записки кафедры литературы и методики ее преподавания Смоленского государственного университета. 2015. Т. 16. С. 254–266.

© 2018. Larisa V. Pavlova
Smolensk, Russia

CHRISTIANITY AND CHRISTIANS IN THE JOURNALISTIC AND LITERARY WORK OF EKATERINA KLETNOVA

Acknowledgements: The article is prepared under the project “Compositions of Ekaterina Kletnova: preparation of texts, researches, commentaries”, supported by the Russian Foundation for Basic Research (No. 16-14-67001).

Abstract: The article displays results of the figurative and thematic analysis of E. N. Kletnova’s art works, belonging to different literary genres and united by a common theme — Christianity. The observations and conclusions made in the course of the analysis provide more insights into the idea of peculiarities of the development of the Christian theme in the literature of the turn of the 20th century. The literary heritage of the famous archeologist, ethnographer, teacher, ethnographer is just about to be introduced into scientific discourse. Presented material of research is of an absolute novelty — works that were not collected in the uniform case before and never served as objects of purposeful consideration (sketches of “Lamp of the Mountain Gorge”, “Church singing and Russian sacred music”, “Belt of the Blessed Virgin”, play “Glorious Smolevets”, a historical note “From the Viazma legends of the 12th year”, a poem “The Legend of St. Nicholas”, etc.).

Keywords: E. N. Kletnova, journalism, literary and artistic creativity, Christianity, theme, image, plot, legend, essay, play, paradigm.

Information about the author: Larisa V. Pavlova — DSc in Philology, Professor, Smolensk State University, Przhevalsky Str., 4/2, 214000 Smolensk Russia. E-mail: pavlar@inbox.ru

Received: October 13, 2017

Date of publication: June 15, 2018

For citation: Pavlova L. V. Christianity and Christians in the journalistic and literary work of E. N. Kletnova. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 48, pp. 151–160. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Budaev D. I., Levitin M. N. *Neizvestnoe ob izvestnyh* [Unknown about the known]. Smolensk, Magenta Publ., 2003. 384 p. (In Russian)

- 2 Kletnova E. N. Bessmertnoj pamjati M. I. Glinki [Immortal memory of M. I. Glinka]. *Russkaja zemlja*, 1907, no 282. (In Russian)
- 3 Kletnova E. N. Iz Vjazemskih skazanij 12-go goda [From Viazma tales of the 12th year]. *Svetlyj luch*, 1912, no 8, pp. 1–8. (In Russian)
- 4 Kletnova E. N. Lampada gornogo ushel'ja [The Lamp of the Mountain Gorge]. *Dnevnik pisatelja*, 1908, April, pp. 8–11. (In Russian)
- 5 Kletnova E. N. Legenda o Svjatitele Nikolae [The Legend of St. Nicholas], *Den' russkogo invalida*, 1926, (9) 22 May. (In Russian)
- 6 Kletnova E. N. *Otvuki Otechestvennoj vojny v predanijah i skazanijah Vjazemskogo uezda* [Echoes of the Patriotic War in the legends and tales of Vyazemsky Uyezd]. Smolensk, 1911. Vol. 1. 85 p. (In Russian)
- 7 Kletnova E. N. Pojas Presvjatoj Bogorodicy [Belt of the Blessed Virgin Mary]. *Russkij narodnyj golos*, 1938, no 85. (In Russian)
- 8 Kletnova E. N. Cerkovnoe penie i russkaja duhovnaja muzyka [Church singing and Russian sacred music]. *Dnevnik pisatelja*, 1908, November, pp. 47–53. (In Russian)
- 9 Kletnova E. N. Cerkovnoe penie i russkaja duhovnaja muzyka [Church singing and Russian sacred music]. *Dnevnik pisatelja*, 1908, December, pp. 46–50. (In Russian)
- 10 Maksimov S. V. *Kul' hleba. Nevedomaja, nechistaja i krestnaja sila* [A sack of bread. Unknown, evil power and power of the cross]. Smolensk, Rusich Publ., 1995. (In Russian)
- 11 Miller V. F. *V gorah Osetii* [In the Mountains of Ossetia]. Vladikavkaz, 2007. 536 p. (In Russian)
- 12 Pavlova L. V., Pasternak T. K. Literaturnoe tvorcestvo Ekateriny Kletnovej na stranicah zhurnala “Svetlyj luch” [Literary works of Ekaterina Kletnova in the pages of the magazine “Bright Light”]. *Izvestiya Smolensk State University*, 2016, no 4 (36), pp. 8–17. (In Russian)
- 13 Pavlova L. V., Pasternak T. K. Religioznye vozzrenija drevnih slavjan v p'ese E. N. Kletnovej “Slavnyj gorod Smolevec” [Religious beliefs of ancient Slavs in the play “Glorious City of Smolevets” by E. N. Kletnova]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2016, no 1 (39), pp. 105–116. (In Russian)
- 14 Pasternak T. K. “Narodnye sjuzhety” v literaturnom tvorcestve E. N. Kletnovej [“Folkloric plots” in the literary works of E. N. Kletnova]. *Zhivaja Starina*, 2016, no 4 (92), pp. 38–44. (In Russian)
- 15 Pasternak T. K. Literaturnoe tvorcestvo E. N. Kletnovej: izvestnye i neizvestnye fakty, arhivnye nahodki [E. N. Kletnova's literary works: known and unknown facts, archival findings]. *Russkaja filologija: Uchenye zapiski kafedry literatury i metodiki ee prepodavanija Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. Smolensk, 2015, vol. 16, pp. 254–266. (In Russian)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. В. В. Полонский
г. Москва, Россия

**ЛИТЕРАТОРЫ ПОЛЬСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
КАК КУЛЬТУРНЫЕ ПОСРЕДНИКИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.: СЛУЧАЙ Т. ВЫЖЕВСКОГО¹**

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 17-04-00438
«Завоевание французского общественного мнения русскими писателями
и интеллектуалами XVIII - начала XX в.»)

Аннотация: На рубеже XIX–XX вв. наиболее прямой путь к мировой литературной славе пролегал через формирование писательской репутации в культурной столице тогдашнего Запада, во Франции. В это время здесь сложились благоприятные социально-политические обстоятельства для усвоения образцов русской словесности. Весьма существенную роль в формировании рецепции русской литературы в этой стране сыграли франкоязычные выходцы из Российской империи польского происхождения. Заданная ими модель культурного посредничества во многом была обусловлена комплексом «причастной отчужденности» по отношению к культуре имперской «метрополии». В роли культурных медиаторов они способствовали завоеванию парижского литературного рынка отечественными писателями и одновременно, в частности, исполняли функцию адаптации экзотичной литературной «русскости» к привычным матрицам «латинского сознания». В статье в качестве репрезентативного примера культурной модели подобного рода анализируется работа поляка Т. Выжевского (французское литературное имя — Теодор де Визева) как переводчика и критика с трактатом «Что такое искусство?» и романом «Воскресение» Л. Н. Толстого. Исследование эстетических предпосылок редактирования и купирования толстовского текста Визева подводит к выводу, что в данном случае славянский автор, снискавший себе репутацию уважаемого парижского литератора, пытается адаптировать русский материал под традиционный французский эстетический канон — и невольно способствует преодолению консервативной инерции этого канона со стороны не принявших данный эксперимент собственно французских писателей. Тем самым польская модель культурного посредничества невольно укрепляет тенденции во французской литературной среде к преодолению самозамкнутости и адаптации аутентичных образов «инонационального».

Ключевые слова: русско-французские литературные связи, польская франкофония, Визева, Толстой, литературный перевод, имагология, культурное посредничество.

Информация об авторе: Вадим Владимирович Полонский — доктор филологических наук, профессор РАН, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: v.polonski@imli.ru

¹ Статья содержит материалы доклада автора на XVI Международном съезде славистов.

Дата поступления статьи: 12.01.2018

Дата публикации: 15.06.2018

Для цитирования: Полонский В. В. Литераторы польского происхождения как культурные посредники между Россией и Францией на рубеже XIX–XX вв.: случай Т. Выжевского // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 161–178.

В 1909 г. А. М. Горький писал: «В истории развития литературы европейской наша юная литература представляет собою феномен изумительный; я не преувеличу правды, сказав, что ни одна из литератур Запада не возникала к жизни с такою силой и быстротой, в таком мощном, ослепительном блеске таланта» [1, с. 257]. И эти слова — отнюдь не дань горделивой национальной риторике, Горькому в принципе не свойственной. В них скорее находит очередное выражение одно из общих мест в критике и публицистике эпохи. За предшествующие этому высказыванию полстолетия русская литература в международных «табелях о рангах» превратилась из совокупности наследия ряда писателей — великих в пределах своей страны, но вполне «экзотичных» в глазах зарубежного читателя — в единое национально-историческое явление всемирного значения. Показательно в этом смысле воспоминание Константина Леонтьева о беседе с И. С. Тургеневым еще в 1850-е: на предложение молодого почитателя «Записок охотника» перевести их на французский и издать в Париже автор нашумевшего сочинения ответил: «Как можно нам претендовать на мировое значение! Достаточно и того, если в России нас читают» [2, с. 36]. В 1890 г. в своей книге «О романах гр. Л. Н. Толстого. Анализ, стиль и веяние» Леонтьев приводит это высказывание классика уже в качестве хлесткой иллюстрации того, насколько за три десятилетия изменился международный статус русской литературы.

Одно из самых ярких свидетельств этого изменения — вышедшая в 1886 г. книга Э. М. де Вогюэ «Русский роман». В этом труде, который пользовался колоссальной популярностью среди западных интеллектуалов того времени, вынесенный в заглавие феномен предстал не просто предметом модного увлечения, охватившего в последние десятилетия XIX в. всю Европу, но и моделью для творческого освоения родной критику французской словесностью. Вогюэ говорит о вызывающем «замешательство» богатстве русской литературы («sa richesse fait notre embarras») [20, р. IX], равно как и о «своевременном приходе» русских («les Russes arrivent à point») [20, р. LIV], влияние которых «будет спасительным для нашего истощенного искусства» («l'influence des grands écrivains russes sera salutaire pour notre art épuisé») [20, р. LIII]. И такая аттестация очень скоро перестает быть фактом истории только французской рецепции русской словесности. Практически то же о ней начинают писать на самых разных языках по всему миру. Наступающий XX в. лишь утверждает отечественную словесность в правах одной из ведущих национальных литературных традиций, с которой мировая культура вступает в непрекращающийся напряженный и плодотворный диалог.

Но отнюдь не случайно особую роль в формировании международной репутации русской литературы сыграла ставшая бестселлером книга именно француза де Вогюэ. На рубеже XIX–XX вв., во времена так называемой Belle époque, наиболее прямой путь в «салон всемирной литературы» пролегал через формирование писательской репутации в культурной столице тогдашнего Запада, во Франции, поскольку признание в парижских литературных кругах предопределяло последующую международную известность, а первые переводы произведений, созданных на языках, относительно недавно завоевавших себе высокий международный культурный статус, нередко выполнялись

не с оригинала, а с их французской версии, как правило, воспроизводя ее особенности и огрехи.

При этом важно осознавать и политико-идеологические предпосылки широкой популярности отечественной литературы во Франции именно в эту эпоху. К самому рубежу веков здесь сложились весьма благоприятные обстоятельства для усвоения русской литературной продукции. Заключение русско-французского союза (Антанты), в том числе оборонительного (1891–1893), приезд императора Николая II в Париж в 1896 г. и подготовка второго визита, намеченного на 1901 г., благоприятствовали активному распространению русской литературы и предопределяли спрос на «русофилию» в общественном мнении, а заодно способствовали формированию, так сказать, «кодекса лояльности» в том числе и к официозному образу российской государственности. Это существенно отличало идеологический фон данного, условно — второго, этапа акцентированной рецепции русской литературы во Франции, в отличие от этапа первого, который завершился в середине XIX в. травмой, вызванной Крымской войной и предопределившей критический модус восприятия «образа царской России» в парижской интеллектуальной среде.

Процессы межкультурной коммуникации и мобильности интеллектуалов, свободно перемещающихся между разными культурными центрами Европы и включающихся в деятельность их многообразных институций, к рубежу веков стали особо активными. И показательно, что в деле формирования рецепции русской литературы во Франции конца XIX – начала XX столетий, а учитывая роль Парижа как культурного центра эпохи, и в системном освоении ею европейского литературного рынка в целом, сыграли большую роль франкоязычные выходцы из Российской империи. Причем среди них чрезвычайно высока была доля не собственно русских, а, так сказать, «лимитрофных» посредников, инородцев-иноверцев по рождению, представителей меньшинств, особенно выходцев из западных земель, лиц польско-литовского происхождения. Заданная ими модель культурного посредничества во многом была обусловлена комплексом причастной отчужденности по отношению к культуре российской имперской «метрополии». В результате культурная идентификация этих людей была зачастую двойственной, если не тройственной. С одной стороны, они осознавали себя носителями западной культуры, что нередко усугублялось подчеркнутым этническим — и порой травмированным — самосознанием и оппозиционностью к «российскому империализму», с другой стороны, в большинстве своем по рождению они были подданными петербургской короны и волей-неволей воспринимались в западном общественном мнении, не всегда готовом к различению нюансов, как представители российской культуры. Эти люди, как правило, знали русский язык, формировались в российском идейно-политическом контексте и следили — с разной степенью вовлеченности — за перипетиями общественной жизни на «большой родине». «Мода на Россию» в Париже и Европе рубежа веков предопределила спрос изнутри культурного рынка на публицистическую продукцию, посвященную соответствующим сюжетам, и франкоязычные литераторы-поляки оказывались здесь вполне ко двору, поскольку в роли культурных медиаторов исполняли функцию адаптации экзотичной литературной «рускости» — со всеми ее спиритуальными и эстетическими экстремумами — к привычным матрицам классического латинского сознания, или, говоря некорректным языком критики эпохи Просвещения, к «цивилизованному вкусу». Заодно они могли обеспечивать столь ценные — при всем сближении республиканской Франции с царской монархией — в западных прогрессистских кругах жесты идейно-политического дистанцирования от кон-

сервативного образа самодержавной России. Наконец, эта модель включала в себя еще и третью составляющую, тесно связанную со второй. Русский фокус интересов в западном общественном мнении рубежа XIX–XX столетий был частью более обширного рецептивного поля, подразумевающего мифологию славянства как целого, которое становилось объектом социокультурной и политической рефлексии. В этом смысле поляки, пишущие для французов о русских писателях и их переводящие, оказывались конъюнктурно удобными и понятными, поскольку сливались со своими героями в некую сквозную славянскую партию, востребованную в едином контексте модернизирующейся Европы, занятой идеологическим портретированием больших этнокультурных общностей на дальних подступах к Первой мировой войне и тем духовным сдвигам, что позже будут кристаллизованы в книге Освальда Шпенглера.

В период бурного всплеска во Франции интереса к русской литературе именно франкоязычные литераторы польского происхождения особо активно выступали и как переводчики, и как критики, и как изошренные импресарио. Помогали в налаживании контактов между русскими писателями и ведущими французскими газетами, журналами («*Mercure de France*», «*Journal des Débats*», «*Revue des Deux Mondes*» и др.) и издательскими домами, в освоении парижской социокультурной и литературной среды. Они зачастую участвовали в применении новейших методов рекламы русской литературной продукции, в продвижении ее авторов на европейских книжных рынках, в разнобразных «имиджевых акциях» и «пиаровских ходах», содействовали в поисках выхода на наиболее влиятельных критиков и переводчиков «со связями» в европейском литературном истеблишменте.

Среди наиболее активных литературных деятелей такого рода и писатель-критик Станислав Ржевуский; и едва ли не главный переводчик на французский А. М. Горького и Л. Н. Андреева социалист Сергей Перский; и чрезвычайно плодовитый Илья Гальперин-Каминский, основатель газеты «*Le Franco-Russe*», знакомивший парижского читателя с образцами русской словесности, прежде всего с новейшими сочинениями Л. Н. Толстого, крайне предприимчивый человек с весьма сомнительной профессиональной репутацией при жизни, зато современной энциклопедией провозглашенный титулованным «принцем переводчиков» (его именем была названа ежегодная премия за лучший литературный перевод во Франции) [20, p. 158]. И российский дипломат польского происхождения граф М. Э. Прозор, эстет, переводчик и популяризатор Х. Ибсена и Д. С. Мережковского, выступавший во франкоязычной печати под именем Maurice Prozor. Наконец, к той же когорте принадлежал и главный герой нашей статьи, один из ведущих парижских критиков религиозно-символистской ориентации Теодор Стефан Выжевский, писавший под галлицизированным именем *Теодора де Визева*.

Эти литераторы польского происхождения сыграли значимую роль и в становлении репутации русской классики во Франции, и в формировании образа новейшей отечественной литературы на Западе. Целостное иллюстрирование этого тезиса потребовало бы представления обширной панорамы литературных фактов, не укладывающейся в рамки данной работы. Поэтому ограничимся лишь одним репрезентативным примером, демонстрирующим характерные закономерности подобного литературного посредничества на показательном материале, который одновременно воплощал собой и «классическое», и «новаторское». Речь пойдет о работе Выжевского с текстами «живого классика» — Л. Н. Толстого, которые при этом стали фактами остроактуального литературного процесса. Нас будут интересовать эпизоды 1898–1900 гг., связанные с выполненными Визева переводами на французский трактата «Что такое искусство?» и ро-

мана «Воскресение», публикация которого ознаменовала собой едва ли не ключевое событие парижской, да и европейской литературной жизни на самом изломе столетий.

Когда Толстой принимал и при помощи своего окружения, прежде всего В. Г. Черткова, воплощал в жизнь в 1898–1899 гг. решение о практически одновременном издании «Воскресения» в оригинале на родине в журнале «Нива» и на Западе в переводах на французский, английский и немецкий языки, благодаря вмешательству сына писателя С. Л. Толстого предложение взять на себя перевод романа было сделано именно Визева. Этот выходец с Подолья к тому времени успел снискать себе крепкую и почтенную репутацию в парижских культурных кругах, пройдя к тому же характерный путь художественной и идейной эволюции.

Визева сыграл заметную роль в становлении эстетики французского символизма, с 1885 по 1888 г. будучи одним из ведущих сотрудников модернистских журналов «Revue Wagnérienne» (основал это издание вместе с Эдуаром Дюжарденом) и «Revue Indépendante» и завсегдагаем знаменитых «вторников» Стефана Малларме. При этом спектр его творческих интересов был впечатляюще широким. К исходу 1890-х родившийся в 1862-м Визева — автор автобиографического романа «Вальбер, или рассказы молодого человека» («Valbert, ou les Récits d'un jeune homme», 1893); работы «Социалистическое движение в Европе: люди и идеи» («Le Mouvement socialiste en Europe, les hommes et les idées», 1892); ряда трудов о Ницше; достаточно длинного списка книг о классическом, современном и прикладном искусстве Франции, Германии, Фландрии, Голландии, Италии, Испании, Англии; критического трехтомника «Иностранные писатели» («Écrivains étrangers», 1896–1890), в который, среди прочего, вошли очерки о Н. В. Гоголе, И. А. Гончарове, И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом и который удостоился от Французской академии премии Марселена Герэна; перевода на французский — восторженно оцененного Анатодем Франсом — средневековой латинской «Золотой легенды» Иакова Ворагинского, а также сочинений Эмилии Бронте и Теодора Герцки; наконец, крупный музыковед, который, в частности, выпустил повлиявший на многих труд «Бетховен и Вагнер: историко-критический музыковедческий очерк» («Beethoven et Wagner, essai d'histoire et de critique musicales», 1898) и основал в Париже «Моцартовское общество» [6; 7; 10; 14; 15].

Еще на рубеже 1880–1890-х гг. Визева пережил, однако, мировоззренческий кризис: подверг ревизии модернистский эстетизм и декадентский субъективизм, порвал с бывшими французскими сотоварищами на ниве «чистого искусства» – и стал правоверным католиком [15, р. 61–76]. Тогда же, почуяв выгодный для себя потенциал идейного перелома молодого литератора, его приглашает вести отдел иностранной литературы в авторитетнейший «Revue des Deux Mondes» Фердинанд Брюнетьер, видный литературный критик отчетливо традиционалистской, антимодернистской ориентации, только что ставший главным редактором этого ведущего консервативного журнала страны [15, р. 77]. Работа здесь окончательно разводит Визева с представителями кружковой модернистской культуры, но дает ему респектабельное имя и широкую известность.

По всей видимости, собственный путь к активному воцерковлению предопределил для Визева особо пристрастное внимание к творчеству Л. Толстого после религиозного перелома. С русским классиком позднего, «учительного» периода до некоторой степени (весьма, впрочем, условной, учитывая глубинный рационализм толстовской религиозности) роднила парижанина-поляка и принципиальная, отрефлектированная мировоззренческая установка на неприятие самоценной эстетической изоэтрности, на антиинтеллектуализм и антисциентизм. Очевидно, эти обстоятельства сыграли

не малую роль в желании Визева взяться за перевод Толстого, причем самых, так сказать, «горячих» его текстов. В 1896 г. совместно с Г. Артом он осуществляет с женевского издания 1890 г. перевод толстовского переложения Евангелий [17], а в 1898 г. выпускает по-французски главную эстетическую декларацию яснополянского классика — трактат «Что такое искусство?» [18], причем со своим предисловием, некоторые положения которого достойны особого внимания.

Прежде всего в этом тексте Визева, не говоря о том напрямую, примеряет толстовскую концепцию искусства к собственным постулатам. Он с энтузиазмом приветствует критический заряд трактата русского классика в отношении накопленной историей доктрин эстетики, но прежде всего ее нынешнего состояния: «Никогда ранее столь громкий голос не восставал с большей силой против постыдной низости современного искусства. Окончательная потеря всякого идеала, обеднение художественного материала, поиски темнот и причудливости, с каждым днем усугубляющийся союз дурновкусия с аморальностью и все возрастающая подмена искреннего и трогательного искусства тысячами подделок — увы, даже не искусных! — все это предмет не логического рассуждения, а непосредственного и постоянного наблюдения; и никогда еще он не становился объектом наблюдения более точного, не предстал пред нашими глазами писанным более твердой кистью, чем в этой книге <...>»² [21, р. IV–V].

Уже в процитированном отрывке ясно проглядывает мысль о неприменимости сугубо рационального гносеологического аппарата к эстетике — мысль, которая красной нитью пройдет сквозь предисловие «антиинтеллектуалиста» Визева. Это — отправная точка рассуждений переводчика. Отсюда — его восхищение толстовскими критическими бичеваниями и неприятие положительной эстетической концепции писателя: доктрины искусства как инструмента «перевода религиозных концепций из сферы разума в сферу чувства» [21, р. V]. Сама возможность априорного доктринирования по этому вопросу отрицается Визева, поскольку «искусство и красота суть вещи, где рассудок способен лишь сбить с толку» [l'art et la beauté sont choses où l'intelligence ne peut rien faire que déraisonner] [21, р. III]. Этим обусловлен постепенный переход предисловия к поучительному тону в адрес автора трактата.

Так, Визева, один из первых последовательных и действительно высококомпетентных европейских модернистов-вагнерианцев, обличает Толстого в ошибочном понимании сути концепции создателя «музыкальной драмы». Правда, обличения эти касаются лишь поверхностных и вторичных аспектов темы. Автор предисловия доказывает: Толстой не прав, утверждая, что согласно Вагнеру «музыка должна служить поэзии», поскольку в его «музыкальной драме» дело обстоит ровно наоборот — «все иные искусства должны бы как раз “служить” музыке, дабы помочь ей выразить то, что она одна в состоянии выразить: самые глубокие, самые общие, самые *человечные* чувства человеческой души» [21, р. X–XI]. При этом Визева совсем не касается сути антивагнерианских эскапад Толстого: его скепсиса по отношению к самой установке на «синтез искусств», который, по логике русского писателя, неизменно посягает на «главную черту всякого истинного художественного произведения — *цельность, органичность* (курсив мой. — В. П.)» [3, с. 130]. И в конце концов именно этим в построениях Толстого предопределено фундаментальное качество вагнеровского творчества как в высшей степени «мастерского», апогейного сочленения «поддельных» принципов искусства: «заимствования, подражательности, эффектности и занимательности» [3, с. 137].

²Здесь и далее все переводы с французского — автора статьи.

Попытки ревизии толстовских взглядов на искусство Визева в предисловии драпирует внешней почтительностью тона, что лишь оттеняет его вполне подчеркнутую установку на полемичность. Для нас при этом особо показателен один пункт спора критика с Толстым, где он и прямо, и косвенно демонстрирует, во-первых, свои переводческие принципы и, во-вторых, так сказать, тип литературной саморепрезентации как культурного посредника между Россией и Францией.

Речь идет о том, что, принимая толстовский тезис о необходимой «гармонии» формы и содержания в истинном произведении искусства, Визева считает недостижимым идеал искусства «всемирного» применительно к литературе — в силу естественных языковых ограничений: «Будем же полностью доверять графу Толстому в суждении о стихотворениях Пушкина, его соотечественника! Поверим ему также тогда, когда он нам говорит о писателях немецких, английских и скандинавских: ошибаться на их счет он может с тем же правом, что и мы. Но не станем заблуждаться вместе с ним в отношении французских произведений, истинный смысл которых, безусловно, от него ускользает, как он всегда ускользает от каждого, кто не имел с детства навыка думать и чувствовать по-французски! Я не знаю ничего более смехотворного, чем восхищение молодых английских или немецких эстетов такими французскими поэтами, как, к примеру, Верлен или Вилье де Лиль-Адан. Эти поэты могут быть поняты только во Франции, и те, кто восхищается ими за рубежом, восхищается ими, не будучи в состоянии их понять. Но отсюда не следует, как то полагает граф Толстой, что они совершенно непонятны. Они таковы лишь для него, как для нас Лермонтов и Пушкин. Это — художники: художественная ценность их произведений проистекает из гармонии формы и содержания. И как бы ни был образован русский читатель, каким бы совершенным ни было его знание французского языка, форма этого языка от него неизменно ускользает [et si lettré que soit un lecteur russe, si parfaite que soit sa connaissance de la langue française, la forme de cette langue lui échappe toujours]» [21, p. VI-VII].

Подобная радикальность отказа в праве полноценно понимать произведение словесного искусства человеком, для которого язык этого произведения с детства не родной, более чем красноречива — прежде всего потому, что она исходит из-под пера литератора славянского происхождения, хотя и проживавшего в Париже с 7-летнего возраста, родившегося все же неподалеку от российского Каменец-Подольска и в качестве *материнского* языка усвоившего первоначально отнюдь не французский.

Любопытно, что мысль Визева о невозможности понимания иноязычных авторов получит печатный отпор, но не от Толстого, а с другой стороны — от Андре Жида. Дело в том, что те же идеи из предисловия к трактату об искусстве критик-переводчик воспроизводил неоднократно и в иных своих работах, написанных близко по времени к этому тексту. В частности, ими обосновывается тезис о «неэкспортабельности» литературы и обреченности на непонимание французами и немцами сочинений друг друга в третьем томе его упоминавшегося выше сборника «Иностранные писатели» [22]. В рецензии на эту книгу в «La Revue blanche» А. Жид замечает:

Г-н де Визева несправедлив к нам, несправедлив к немцам, несправедлив к себе самому. Одним из лучших ценителей Мольера был Гете; и разве г-н де Визева не цитирует сам в конце своего тома замечательное суждение Достоевского о Бальзаке? И я имею дерзость заявить, что Гете люблю так же, как веймарский ребенок, а Шекспира — больше, чем некоторые крестьяне из Стрэтфорта.

Конечно, каждое произведение несет вкус своей земли, и дух [русского] мужика – это не дух нормандского крестьянина [l'odeur du moujik n'est pas l'odeur du paysan normand]; читая «Карамазовых», я живо ощущаю, что это было написано и пережито не в Турени, но знание о том, что финики не созревают в Париже, не мешает их любить <...>

Немецкое дурновкусие может отличаться от дурновкусия французского, а немецкий гений — это не гений французский, но для меня невозможно не верить в то, что всякое по-настоящему прекрасное произведение покоится на общем для всех людей основании и лишь то «всемирное», что оно может нести в пространстве, позволит ему быть «вечным» во времени [seul ce qu'elle peut avoir d'"universel" dans l'espace lui permettra d'être "éternel" dans temps] [9, p. 73].

Апология заряда «всемирности» в истинном произведении искусства позволяет осторожно предположить, что Жид мог быть знаком с незадолго до того опубликованным предисловием Визева к трактату Толстого: процитированные слова кажутся прямой полемической репликой по отношению к инвективам переводчика в адрес именно этого понятия в эстетике русского писателя.

Вернемся непосредственно к тексту предисловия. Приведенные выше рассуждения служат обоснованием для более чем характерного переводческого жеста, который может показаться, мягко говоря, странным: Визева решает подправить то, где Толстой, с его точки зрения, «погрешает» против французской литературы, — и просто «смыть» эти «огрехи»: «Потому-то я воспользовался свободой *убрать* [supprimer] (курсив мой. — В. П.) в переводе этой книги пассаж, где как “совершенно непонятные” приводятся две французские поэмы в прозе: “Галантный стрелок” [Le Galant Tireur] Бодлера и “Будущий феномен” [le Phénomène Futur] г-на Малларме» [21, p. VII]. Далее Визева приводит в предисловии полным текстом эти произведения в доказательство того, что всякому *французу*, в отличие от Толстого, они «совершенно понятны». И делает не мудрящий вывод: «Если бы граф Толстой был французом, а не русским, то отнюдь не эти два произведения он бы выбрал в качестве примеров, чтобы доказать нам справедливость своих наблюдений о развале, низости и фальши современного искусства. В лучших примерах — увы! — у него не было бы недостатка [Et si le comte Tolstoï avait été français, au lieu d'être russe, ce n'est point ces deux œuvres qu'il aurait choisies comme exemples, pour nous prouver la justesse de ses observations sur le désarroi, la bassesse, et la fausseté de l'art contemporain. De meilleurs exemples, hélas! ne lui auraient pas manqué] [21, p. X].

Таким образом, переводчик польско-российского происхождения редактирует текст русского классика, приводя его в соответствие с «галльским смыслом».

Более чем примечательный факт, рельефно выявляющий специфику моделирования своего поведения именно поляками-франкофонами — посредниками в культурном диалоге между Россией и Европой на рубеже столетий. Особенности этой модели, как мы увидим, в большей степени объясняются комплексом их «причастной отчужденности» по отношению к русскому культурному контексту, чем, скажем, спецификой переводческой ситуации во Франции в эту эпоху.

Впрочем, на первый взгляд, сама французская переводческая традиция способствовала подобной «вольности». Еще с XVII в., когда французский язык постепенно завоевывает статус международного и начинается всплеск переложений на него сперва греко-латинских, а затем и иных авторов, среди парижских литераторов формируется

своеобразная культура «изящно-неверных переводов», обозначаемая по-французски устойчивым понятием *belles infidèles*. По определению П. Орлена, это переводы, выполненные «с целью прийти по вкусу, соответствовать духу своей эпохи, версии, “исправленные и отредактированные” переводчиками, осознающими (с несомненной чрезмерностью) превосходство собственного языка и собственного суждения» [13, p. 76]³. Иными словами — вольные переложения, подогнанные под привычки и вкусы современных переводчику читателей-французов, «галлицизированные» вариации на исходные темы, приведенные в согласие с представлениями о прекрасном, утвердившимися в диапазоне от литературных салонов в предместье Сен-Жермен до мелких парижских лавочников-книгочеев.

Традиции *belles infidèles* оказались во Франции, стране классицистического наследия с его претензиями на «галлоцентричный» универсализм, много более жизнестойкими, чем в иных крупных литературных странах Европы, где гердеровская апология «народного духа» (*Volksgeist*) и романтический историзм XIX в. достаточно уверенно, во-первых, расширяли переводческий репертуар, а во-вторых, прокладывали путь к осознанным принципам точности и строгим критериям адекватной эквивалентности в переложении оригинала на иной язык. Крепкие корни принципов *belles infidèles* были следствием трудно преодолимой культурной замкнутости Франции. Еще в 1852 г. Герман Эвербек в своем предисловии к французскому переводу «Языков современной Европы» Августа Шлейхера клеймил французское «исключительное безразличие к зарубежью, безразличие, которое проявляет себя в преступной неосведомленности о нефранцузских вещах и идеях» [8, p. IV].

Характерно, что переводы из русской классики поначалу только усугубляли ситуацию с господством принципов *belles infidèles*. Авторы новейшей коллективной монографии на эту тему формулируют показательный тезис: «С появлением французских переводов Пушкина (а затем, по прошествии нескольких лет, — Гоголя и Тургенева) мы присутствуем при своеобразном возрождении (невольном) традиции “изящно-неверных переводов”, а точнее “неверных переводов более или менее изящного характера” [des “infidèles plus ou moins belles”]» [11, p. 800]. Причиной тому — отсутствие качественной словарей и квалифицированного знания русского языка у переводчиков-французов, а также частое использование механизма «посреднического перевода», обозначаемого французским понятием *traduction relais* (перевод с иного перевода; использование услуг русского писателя-франкофона не знающим русского языка французом, как в случае с Луи Виардо и И. С. Тургеневым, и т. п.).

Все это, кажется, создавало благоприятный фон для «творческой свободы» того типа, который продемонстрировал Визева в работе с трактатом Толстого об искусстве. Однако к концу века ситуация уже серьезно изменилась. Сформировалась целая традиция переводов русской литературы. Принципы точности и эквивалентности здесь

³ Ср. развернутую характеристику французской традиции *belles infidèles*, данную автором «Истории перевода во Франции» (1892) Жюстеном Беланже: «Если он [переводчик] исходит из принципа, что его единственный долг — сделать доступным массе то, что было доступным лишь небольшому числу, он неизбежно обречен ставить удовольствие читателей выше всего прочего. А значит, придется ради читателя устранять все скучное и требующее усилий [supprimer pour le lecteur la fatigue et l'effort]. По мере необходимости будет вырезаться все, что по природе своей способно оскорбить его идеи, расстроить его чувства, задеть его общественные привычки и образ жизни. Словом, ему не позволят оторваться от родной почвы [dépayser]. В любом случае будут помнить о том, что он живет в Париже, а не в Риме или Афинах, что он рожден верным слугой христианнейшего короля, а не гражданином языческо-аристократической республики» (Цит. по: [11, p. 738]).

также все более утверждались в правах, устойчивые привычки к адаптациям иностранных текстов постепенно уступали место потребностям в переводах. Становление академической славистики, расширение культурных связей с Россией и возможностей углубленного знакомства с русской литературой способствовали укреплению цеха профессиональных переводчиков-французов. К 1890-м гг. их уже было не мало. Хотя и не столь много, чтобы занять собой всю соответствующую нишу. В любом случае там оставалось довольно места для переводчиков-франкофонов российско-славянского происхождения, которые выступают далеко не на последних ролях. Но любопытно то, что их тяготение к «галлицизации» и склонность к приемам в духе *belles infidèles* теперь получает последовательно негативную оценку со стороны уважаемых критиков и квалифицированных переводчиков из числа коренных французов. Последние настаивают на необходимости адекватно-точного перевода и почтения к источнику. Базовые культурные запросы теперь оказались совершенно иными: то, что некогда было господствующей французской традицией и в этом качестве могло братья на вооружение извне вошедшими в нее литераторами иностранного происхождения, ныне для собственно французов воплощало собой скорее варварство и непрофессионализм.

Яркое тому доказательство — скандал, разгоревшийся после обнародования в 1900 г. перевода «Воскресения» Толстого, выполненного Визева, опубликованного вначале в газете «Echo de Paris», а сразу затем вышедшего книгой в издательстве «Perrin» [19].

Суть скандала состояла в громком и резонансном критическом разгроме, какому подверг перевод Визева со страниц «La Revue blanche» в статье «Как переводят Толстого» Адриан Субербель [16], известный журналист, видный парижский критик, почитатель и знаток позднего толстовского творчества, опубликовавший годом позже в собственных французских переводах ответ яснополянского писателя на знаменитое определение Синода, «Рабство нашего времени», «Где выход?» и «Корень зла».

Прежде всего Субербель изобличает Визева в многочисленных ошибках прочтения русского оригинала, вопиющих неточностях, привнесении непростительных декоративных «украшений» в аскетичный толстовский текст, наконец, в пропусках не только художественно важных и очень точных авторских деталей, эпитетов, реплик, но и целых сцен — центральных в поэтико-смысловой архитектонике романа. Критик дает десятки примеров такого рода, которые в концентрированном виде, действительно, производят впечатление убедительных доказательств «контрафактности» перевода Визева.

При этом существенно, что квалификация переводчика у Субербеля не вызывает никаких сомнений, а порукой его компетенции в русском языке, что характерно, служит именно польское происхождение. Критик констатирует: «Все же г-н де Визева пользуется в Париже солидной репутацией приличного человека. Его знание русского языка кажется несомненным: он поляк. Можно было доверять его литературному стилю: он сотрудиничает с “Revue des deux mondes”. Это — основательные гарантии» [16, p. 44].

Тем с большим пафосом критик задается вопросом, что же заставило Визева «провалить обязательства по кредиту, выданному на его имя», и «раскромсать, измять и перештопать» [taillader, tripoter, rapetasser] последний роман «самого благородного мыслителя нашего времени» [16, p. 44].

Наиболее острое возмущение у Субербеля вызывает, разумеется, пропуск ключевых сцен. Их число и характер действительно впечатляют. Из французского текста, который читал критик, выпали знаменитое остроконечное описание литургии с толстов-

скими отповедями православию в XXXIX и XL главах 1-й части; сцена подачи Нехлюдовым прошения о сектантах холодному и лицемерно-циничному чиновнику Топорову в XXVII главе 2-й части; выразительный фрагмент из XXXV главы 2-й части о пересечении партии осужденных с «богатой коляской» и чувствах, охвативших сидевших в ней членов семьи от этого тяжелого зрелища; наконец, длинный ряд эпизодов, которые в своей совокупности могут трактоваться как антиклерикальные, жестко критичные по отношению к государственным институтам, содержащие «неблагонадежные» отсылки к «скользким» событиям прошлого и политическим реалиям настоящего, а также погрешающие против кодекса «благопристойности» современного читателя из буржуазно-аристократических кругов.

Субербель уверенно связывает такие переводческие решения с последовательным католицизмом Визева, желающим таким образом цензурировать слишком радикальные толстовские религиозные взгляды, но прежде всего — с идеологическими установками газеты «Echo de Paris», клерикальной, консервативной, склонной к национализму. Эти обвинения звучали тем более хлестко, что в 1900 г. вследствие Реннского процесса 1899 г. в очередной раз обострились страсти вокруг дела Дрейфуса, которое идеологически «перегрело» и поляризовало французское общество. На этом фоне купирование «острых» мест при переводе радикально оппозиционного по отношению к официозу романа Толстого, очевидно, воспринималось как откровенно «антидрейфусарский», ретроградный жест. С едкой иронией критик бросает: «Подписчики “Echo de Paris” — это не только люди изысканных вкусов; их отличает ярый патриотизм, проявляющий себя в лояльности, которую они свидетельствуют в адрес императора Николая [leur patriotisme est ardent et se reconnaît au loyalisme qu'ils témoignent à l'empereur Nicolas]. Г-н де Визева и его газета и близко не позволили себе задеть щепетильные чувства своих читателей и отказались воспроизводить <...> суровые оценки царских властей, как, например, в толстовском заявлении, что “единственное приличествующее место честному человеку в России в теперешнее время есть тюрьма”. Они сокрыли то осуждение, какое автор на нескольких страницах своей книги высказывает в отношении официального преследования религиозных сект. И ни слова о бойне в Польше в переводе, подписанном поляком!» [16, p. 50].

Субербель несколько раз возвращается к тезису, что, приняв с виду неожиданное решение печатать идеологически не близкого себе, но чрезвычайно популярного автора, купировав у него все «вредоносное», право-клерикальная газета одновременно решала две задачи: сочленяла успешное коммерческое начинание с сознательной фальсификацией представлений о толстовских идеях. Однако на практике все оказалось сложнее. В какой бы мере ни был прав критик в своих подозрениях по поводу идеологической ангажированности «Echo de Paris» и католика Визева, оказалось, что причины вольного обращения с текстом «Воскресения» были не столько политическими, сколько собственно литературными. По крайней мере — не в меньшей степени последними, чем первыми.

Буквально в следующем номере «La Revue blanche» был помещен обмен открытыми письмами Визева и Субербеля. Дело в том, что переводчик решил объясниться со своим зоилом — и картина предстала несколько иной, хотя тоже весьма красноречивой.

Прежде всего Визева категорически опровергает предположение о том, что требование отдать перевод именно ему исходило в адрес Черткова как распорядителя толстовскими делами от самой «Echo de Paris» (за этим явственно слышался намек, что

газета сознательно хотела добиться согласия на привлечение к французскому изданию «Воскресения» идеологически близкого себе литератора). Визева подчеркивает, что получил предложение заняться переводом непосредственно от «одного из сыновей» писателя, не сразу его принял, а выполнив перевод, безуспешно пытался устроить плоды своих трудов в несколько иных газет. В конце концов лишь «Echo de Paris» приняла к публикации роман, так что «национализм» издания в этой истории роли не играл.

Далее выясняется, что большинство отмеченных Субербьедем купюр, включая изъятия «антиклерикальных» и «антимилитаристских» фрагментов, действительно были сделаны переводчиком, но при подготовке книжного издания в доме «Perrin», которое оказалось «сокращенным», в газете же их не было. Там эти эпизоды воспроизведены. Наконец, ряд обвинений в неточностях и ошибочном прочтении переводчик отводил ссылкой на соответствие своего текста авторской рукописи, по которой он работал и которую предлагал предъявить всем желающим. По всей видимости, в распоряжении Визева действительно была неокончателная рукописная редакция, отличная от текста с позднейшей правкой лондонского издания, знакомого Субербьеделю.

Впрочем, значимо в этой истории иное. В целом Визева отнюдь не отрицает, что его перевод далек от следования критериям строгой точности. Напротив, известную «вольность» обращения с источником он представляет своей сознательной установкой: «<...> я <...> всегда давал понять, что слишком буквальный перевод для меня – плохой перевод» [23, p. 131]. Признавая все же правоту обвинений в неточностях применительно к «двум, много к трем» [deux ou trois à peine] случаям, переводчик оправдывает их тем, что они мотивированы «желанием лучше донести мысль автора до французской публики» [23, p. 132].

Примечательно также, что, называя версию своего текста в книжном издании «Perrin» «исправленной, переработанной, сокращенной, совершенно отличной от полного перевода, опубликованного в “Echo de Paris”» [une traduction revue, remaniée, allégée, toute différente de la traduction complète qu’avait publié l’Echo de Paris], Визева объясняет, что убрал из нее те самые «антиклерикальные» и «антимилитаристские» фрагменты «из опасения растянуть и перегрузить роман» [par crainte d’allonger et d’allourdir le roman] [23, p. 132, 131]. Впрочем, он признается, что из газетной редакции своего перевода он изъяс-таки сцену посещения Нехлюдовым Топорова. Но опять же мотивирует это сугубо литературными, а не идеологическими причинами: эта «достаточно безобидная» [bien inoffensif] глава представляется ему производящей эффект «тормозящей действие» «вставки» [d’un hors-d’oeuvre arrêtant l’action] [23, p. 131].

Такое выразительное признание требует контекстного комментария, в котором нам поможет обращение к предисловию третьего тома «Иностранных писателей» Визева. Здесь критик, рассуждая об упадке романа на рубеже столетий, указывает исток кризиса жанра: «За границей, как и во Франции, роман болен, и за границей, как и во Франции, причина болезни — одна и та же, и она не имеет отношения к недостатку идейного обмена между странами. Причина эта просто в том, что по всей Европе романисты ныне потеряли вкус к рассказыванию [dans toute l’Europe, les romanciers ont désormais perdu le goût de conter; курсив мой. — В. П.]. Одни принялись описывать, вторые — проповедовать, а третьи — анализировать механизм мысли и чувства, и эти различные занятия заставили их позабыть, что единственный истинный предмет романа — это воссозданное перед глазами читателя живое действие [le seul objet véritable d’un roman était d’évoquer aux yeux du lecteur une action vivante]» [22, p. VIII–IX].

Итак, с точки зрения Визева, упадок романа обусловлен отсутствием вкуса к рассказыванию и во французской, и в иных европейских литературах (любопытно, что при желании рассуждения польско-французского критика можно воспринять как отдаленно предвосхищающие сетования Ю. Тынянова в «Сокращении штатов» на утрату «веселого героя веселых авантюрных романов» [4, с. 243]). Но оказывается, что, так сказать, степень ущерба здесь разная. Эстетическая изощренность французского романа, по мнению парижанина-поляка, делает его менее уязвимым: «<...> этот упадок столь же ощутим в иностранных литературах, сколь и в нашей. Или даже он там чувствуется бесконечно явственнее, поскольку добродетели, которые французские романисты постепенно теряют — чувство порядка и меры, сдержанность, простота, — это то, чего лучшие из иностранных романистов никогда не ведали, так что можно сказать: если немецкий или английский роман посредствен, он таков с большей очевидностью, чем роман французский [l'on peut dire qu'un roman allemand ou anglais, quand il est médiocre, l'est avec bien plus d'évidence qu'un roman français]» [22, p. VII].

Не трудно сочлениить эту диагностику жанрового кризиса в современном романе и трогательные проявления галльского литературного шовинизма у критика-поляка с той технологией обращения с текстом иностранного писателя, какую он продемонстрировал при подготовке отчасти газетной, но прежде всего «исправленной», книжной, версии «Воскресения». И реконструировать систему соответствующих мотивировок. Изнутри эстетических предпосылок Визева она может быть описана следующим образом. Роман Толстого, несомненно, среди прочих оказывается причастным ситуации общего жанрового упадка хотя бы потому, что его автор жертвует *рассказыванием* в пользу *описания* и *проповеди*, да и без «анализа механизма мысли и чувства» здесь также дело не обходится, пусть он дан и не столь развернуто, как в «Воине и мире» и «Анне Карениной». Ну а коль скоро это признаки жанровой «болезненности», то никак не осудительно применить и лекарство, убрав то, что «растягивает» и «перегружает» роман, умаляет «вкус к рассказыванию», мешает «воссозданию живого действия» и тормозит его развитие. Эффективность же этого лекарства обусловлена самим языком перевода и той более изысканной литературной культурой, какая за ним стоит. Отсюда и неизбежность, и эстетическая оправданность, по логике поляка-парижанина, установок на «коррекцию» исходного текста с целью «лучше донести мысль автора до французской публики». Убрать лишнее — и тем самым «оздоровить», «ороманить», «офранцузить» текст Толстого: такова суть книжного перевода Визева в качестве симптоматического литературного жеста.

Однако повторим, что культурная ситуация во Франции изменилась, и подобные жесты со стороны переводчика-поляка — в духе доброй старой галльской традиции *belles infidèles* — в «автохтонных» парижских литературных кругах теперь воспринимались как вопиющий анахронизм, вредоносный с точки зрения новых потребностей в выстраивании, так сказать, межнациональной и межкультурной коммуникации, выработке адекватных имагологических и рецептивных стратегий, конструировании образа *Другого* в современной культуре. Отсюда — едкая отповедь Визева со стороны Субербьеля в ответном письме: «В сухом остатке Вы ошиблись в выборе подобающей роли. Вас не просили помочь нам полюбить Толстого — это уже давно свершившийся факт. Вас просили укрепить наше близкое знакомство с этим великим умом и раскрыть нам его нынешний уклад мысли, эволюция которой еще не завершена [de resserrer notre intimité avec ce grand esprit et de nous révéler l'état présent d'une pensée dont l'évolution n'est pas encore terminée]. Все, что Вы прочли в “Воскресении”, нужно было передавать,

рискуя оказаться скучным. И если действительно существует антиномия — во что я не верю — между французским вкусом и эстетикой Толстого, Вам следовало продемонстрировать это противоречие. Ваш метод вульгаризации, который мог быть поддержан во времена, когда Вольтер переводил Шекспира, более не годится для нашей эпохи научной культуры» [23, p. 133].

История получила широкий и показательный с точки зрения изменений культурных механизмов в восприятии *Другого* резонанс во французских литературных кругах. Выразительный отклик на нее — с попутным повторением обвинений в идеологической ангажированности Визева — мы, в частности, встречаем на страницах журнала «La Plume» в статье критика Леона Базальжета под красноречивым названием «Traduttore traditore», обыгрывающим параномазию слов «переводчик» и «предатель» в устойчивой итальянской языковой формуле: «Совсем недавно мы познакомились — и не без изумления — с особыми махинациями [tripatouillages], которые г-н Теодор де Визева <...> произвел с текстом Толстого. Мы узнали — и сомнений здесь быть не может, поскольку переводчик, о котором идет речь, смог лишь признать обоснованность утверждений своего критика, — что в этом переводе “Воскресения”, вызвавшем столько восхищенных вздохов в литературных салонах, вконец исчезло все противоречащее политическим, общественным и религиозным воззрениям г-на де Визева» [5, p. 457].

В финале своей статьи Базальжет помещает пространную экспрессивно-риторичную филиппику, в которой переводческие вольные манипуляции образца Визева связываются с закостенелой устойчивостью французской традиции культурного «аутизма»: «В конце концов не сочтут ли наивными мои требования точных переводов для страны, которую Бьёрнсон совсем недавно объявил — и не без некоторой очевидной обоснованности — совершенно неспособной к постижению зарубежных произведений и идей во всем их истинном характере, в полноте их оригинальности [tout à fait inapte à saisir dans leur réel caractère, dans leur integrale originalité, les oeuvres et la pensée du dehors]; для народа, столь глубинно эгоистичного и шовинистичного, что когда он соблаговоляет открыть двери перед каким-то писателем или художником, которому несчастная судьба ссудила родиться за границей, то оказывает ему честь “посвящения”; для публики, которая все, что по сути своей не является “достаточно французским”, воспринимает с подозрением и задней мыслью — за исключением, возможно, таких случаев абсурдного энтузиазма, как с пресловутым “Камо грядеши?”, не более польским, чем финским или мексиканским [en exceptant peut-être des enthousiasmes absurdes comme en fit naître ce quelconque *Quo vadis*, qui n'est pas plus polonais que finlandais ou mexicain]? <...> Пусть уж лучше нас оставят в неведении относительно заграницы, чем подсовывают ее под маской. Уважайте зарубежные шедевры или воздерживайтесь! Целомудрия или тишины, пожалуйста! Прежде всего мы требуем буквальности, подлинного и настоящего. Мы до тошноты устали от макияжа и парафраз. Псевдопереводы — под нож!» [5, p. 462].

Конечно, есть все основания поставить под сомнение подспудные оценки Базальжетом романа Сенкевича как «не более польского», чем любого другого, т. е. «денационализованного», лишённого оригинального лица, а потому и способного соответствовать «французскому вкусу» с его претензией на универсальность. Однако само наличие этих оценок и их концептуальные предпосылки в контексте, сопряженном с критикой Визева, более чем показательны с точки зрения рецепции в собственно французской литературной среде рубежа столетий «польских» моделей освоения парижского литературного рынка. В той мере, в какой подобные модели осознаются

как традиционно «галлоцентричные» или «универсалистские», они могут оцениваться как анахронистичные и чуждые внутреннему зову времени. К своему апогею французская Belle époque все более испытывает потребность в выявлении *аутентично-инонационального* как самоценного «причастно-внеаходимого» (если воспользоваться бахтинской терминологией) субъекта кросскультурного континуума единой литературы. В окончательном пробивании брони «галльской» национальной замкнутости на этом временном пороге отечественным классикам принадлежала едва ли не ключевая роль. Не случайно создатели новейшей академической «Истории переводов на французский язык» явственно заключают: «С появлением великих русских авторов начинается “глобализация” [“mondialisation”] французского литературного пантеона» [11, p. 804]. И пусть далее авторы книги добавляют, что иные славянские литераторы на парижском книжном рынке рядом с русскими отчасти «производят впечатление “бедных родственников” [à côté des grands auteurs russes ils font un peu figure de “parents pauvres”]» [11, p. 804]. Многие из них, и прежде всего поляки, во-первых, смогли состояться как собственно французские писатели, во-вторых, сыграли важнейшую роль литературных посредников между Россией и Францией и, в-третьих, своей активной, в том числе переводческой, деятельностью способствовали — порой и примерами *ex adverso* — принципиальной трансформации одной из ведущих культур Запада в сторону большей ментальной, цивилизационной и языковой открытости.

Эти процессы были не однонаправленными и не одномерными. Случай с Теодором Выжевским очень рельефно рисует нам одну из осложненных и диалектичных моделей культурного посредничества. Славянский автор, снискавший себе репутацию авторитетного парижского литератора, пытается адаптировать русский материал под традиционный французский эстетический канон и невольно способствует преодолению консервативной инерции этого канона со стороны не принявших данный эксперимент собственно французских писателей.

«Палимпсест культурных идентификаций» способен на неожиданные плоды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Горький М. Собр. соч.: в 16 т. М.: Правда, 1979. Т. 16. 368 с.
- 2 Леонтьев К. О романах гр. Л. Н. Толстого. Анализ, стиль и веяние (критический этюд). М.: Тип. В. М. Саблина, 1911. 152 с.
- 3 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Гос. изд. худож. лит., 1951. Т. 30. 698 с.
- 4 Тынянов Ю. Н. Литературный факт. М.: Высшая школа, 1993. 320 с.
- 5 Bazalgette L. Traduttore traditore. La Plume, 1901, juin (II). P. 456–462.
- 6 Bordeaux H. Théodor de Wyzewa. Genève: C. Eggimann et Cie, 1894. 30 p.
- 7 Delsemme P. Teodor de Wyzewa et le cosmopolitisme littéraire en France à l'époque du symbolisme. Bruxelles: Presses universitaires de Bruxelles, 1967. 2 vol.
- 8 Ewerbeck H. Préface du traducteur // Schleicher A. Les langues de l'Europe moderne. Traduit de l'allemand par Hermann Ewerbeck. Paris: Ladrangé, 1852. VIII p.
- 9 Gide A. Les Livres. Les romans // La Revue blanche. 1900. № 5. P. 73–76.
- 10 Girolamo N. Di. Teodor de Wyzewa dal simbolismo al tradizionalismo, 1885–1887. Bologna: R. Pàtron, 1969. 192 p.
- 11 Histoire des traductions en langue française. XIX siècle. 1815–1914, sous la direction d'Yves Chevrel, Lieven d'Hulst et Christine Lombez. Lagrasse: Verdier, 2012. 1376 p.
- 12 Hoof H. van. Dictionnaire universel des traducteurs. Genève: Slatkine, 1993. 414 p.

- 13 *Horguelin P.* Anthologie de la manière de traduire: Domaine français. Montréal: éd. Linguatex, 1981. 230 p.
- 14 *Kopszak P.* Krytyka artystyczna Teodora de Wyzewy. Warszawa: Neriton, 2005. 175 p.
- 15 *Liverman D. E.* Téodor de Wyzewa: Critic without a country, Gèneve: Droz / Paris: Minard, 1961. 175 p.
- 16 *Souberbielle A.* Comment on traduit Tolstoï // La Revue blanche. 1900. № 5. P. 44–52.
- 17 *Tolstoï L., comte.* Les Évangiles. Traduits du russe par T. de Wyzewa et G. Art. Paris: Perrin, 1896. 219 p.
- 18 *Tolstoï L., comte.* Qu'est-ce que l'art? Traduit du russe et précédé d'une introduction, par Teodor de Wyzewa. Paris: Perrin, 1898. 270 p.
- 19 *Tolstoï L., comte.* Résurrection, Roman traduit du russe par Théodor de Wyzewa. Paris: Perrin et Cie, Libraires-Éditeurs, 1900. 2 vol.
- 20 *Vogüé E. M. de.* Le Roman russe. Paris: Plon, 1886. 352 p.
- 21 *Wyzewa T. de.* Avant-propos du traducteur // *Tolstoï L., comte.* Qu'est-ce que l'art? Traduit du russe et précédé d'une introduction, par Teodor de Wyzewa. Paris: Perrin, 1898. XII p.
- 22 *Wyzewa T. de.* Écrivains étrangers (3-e série). Le roman contemporain à l'étranger. Paris: Perrin, 1900. 330 p.
- 23 [*Wyzewa T. de, Souberbielle A.*] A propos de la traduction de «Résurrection»: Deux lettres // La Revue blanche. 1900. № 6. P. 131–134.

© 2018. Vadim V. Polonsky
Moscow, Russia

**MEN OF LETTERS OF POLISH ORIGIN AS CULTURAL MEDIATORS
BETWEEN RUSSIA AND FRANCE AT THE TURN OF THE XX CENTURY:
THE CASE OF T. WYŻEWSKI⁴**

Acknowledgements: The research was supported by RFBR (project № 17-04-00438 “Conquering French public opinion by Russian writers and intellectuals of the XVIII-th - early XX-th centuries”).

Abstract: At the turn of the XX century highroad to the worldwide literary fame run through the forging of writer's reputation in cultural capital of the then West, France. Favorable socio-political circumstances for acculturation of the Russian literature emerged there at this time. Francophone Polish immigrants from Russian Empire played vital part in facilitating of the reception of Russian literature in this country. Cultural mediation's model they informed was to a large extent determined by the complex of “concerned alienation” towards imperial metropolitan culture. Acting as cultural mediators they came to be instrumental in penetration into Parisian literary market by Russian writers simultaneously contributing to the adapting of exotic literary “Russianness” towards conventional matrix of the “Latin conscience”. The paper looks at the study of a Polish author T. Wyżewski (French pen-name — Téodore de Wyzewa), critic, writer of the treatise “What is Art?” and translator of Tolstoy's novel

⁴The article contains materials of the author's proceedings paper prepared for the XVI International Congress of Slavists.

“Resurrection” as a representative example of cultural sample of this kind. The article explores aesthetic prerequisites of reduction of Tolstoy’s text by Wyzewa, bringing to the conclusion, that the Slavic author, with the reputation of respectable Parisian man of letters, seeks to attune Russian material to traditional French aesthetic canon — involuntarily contributing to the overcoming of the conservative inertia of the given canon on the part of the French writers that discarded such an experiment. Thus Polish model of the cultural mediation unintentionally reinforces tendencies of the French literary environment towards overcoming of the insularity and adapting authentic images of another nations’ culture.

Keywords: Russian-French literary connections, Polish francophonie, Wyzewa, Tolstoi, literary translation, imagology, cultural mediation.

Information about the author: Vadim V. Polonsky — DSc in Philology, Professor of the RAS, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya Str., 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: v.polonski@imli.ru

Received: January 12, 2018

Date of publication: June 15, 2018

For citation: Polonsky V. V. Men of letters of Polish origin as cultural mediators between Russia and France at the turn of the XX century: the case of T. Wyżewski. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 48, pp. 161–178. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Gorky M. *Sobranie sochinenij: v 16 t.* [Collected Works: in 16 vols.] Moscow, Pravda Publ., 1979. Vol. 16. 368 p. (In Russian)
- 2 Leontyev K. *O romanah gr. L. N. Tolstogo. Analiz, stil' i veyanie (kriticheskij ehtyud)* [On Count Leo Tolstoy’s Novels. Analysis, Style, and Tendency. Critical Essay]. Moscow, V. M. Sablin Publ., 1911. 152 p. (In Russian)
- 3 Tolstoj L. N. *Polnoe sobranie sochinenij: v 90 t.* [Complete Works: in 90 vols.] Moscow, Gos. izd. hud. lit. Publ., 1951. Vol. 30. 698 p. (In Russian)
- 4 Tynyanov Yu. N. *Literaturnyj fakt.* [Literary Fact]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1993. 320 p. (In Russian)
- 5 Bazalgette L. Traduttore traditore. *La Plume*, 1901, juin (II). P. 456–462. (In French)
- 6 Bordeaux H. *Téodor de Wyzewa.* Genève, C. Eggimann et Cie, 1894. 30 p. (In French)
- 7 Delsemme P. *Téodor de Wyzewa et le cosmopolitisme littéraire en France à l'époque du symbolisme.* Bruxelles, Presses universitaires de Bruxelles, 1967. 2 vol. (In French)
- 8 Ewerbeck H. Préface du traducteur. *Schleicher A. Les langues de l'Europe moderne.* Traduit de l'allemand par Hermann Ewerbeck. Paris, Ladrangé, 1852. VIII p. (In French)
- 9 Gide A. Les Livres. Les romans. *La Revue blanche*, 1900, no 5, pp. 73–76. (In French)
- 10 Girolamo N. Di. *Teodor de Wyzewa dal simbolismo al tradizionalismo, 1885–1887.* Bologna, R. Pàtron, 1969. 192 p. (In Italian)
- 11 *Histoire des traductions en langue française. XIX siècle. 1815–1914, sous la direction d'Yves Chevrel, Lieven d'Hulst et Christine Lombez.* Lagrasse: Verdier, 2012. 1376 p. (In French)
- 12 Hoof H. van. *Dictionnaire universel des traducteurs.* Genève, Slatkine, 1993. 414 p. (In French)
- 13 Horguelin P. *Anthologie de la manière de traduire: Domaine français.* Montréal, éd. Linguatex, 1981. 230 p. (In French)

- 14 Kopszak P. *Krytyka artystyczna Teodora de Wyzewy*. Warszawa, Neriton, 2005. 175 p. (In Polish)
- 15 Liverman D. E. *Téodor de Wyzewa: Critic without a country*. Genève, Droz / Paris, Minard, 1961. 175 p. (In French)
- 16 Souberbielle A. Comment on traduit Tolstoï. *La Revue blanche*, 1900, no 5, pp. 44–52. (In French)
- 17 Tolstoï L., comte. *Les Évangiles. Traduits du russe par T. de Wyzewa et G. Art*. Paris, Perrin, 1896. 219 p. (In French)
- 18 Tolstoï L., comte. *Qu'est-ce que l'art? Traduit du russe et précédé d'une introduction, par Teodor de Wyzewa*. Paris, Perrin, 1898. 270 p. (In French)
- 19 Tolstoï L., comte. *Résurrection, Roman traduit du russe par Théodor de Wyzewa*. Paris, Perrin et Cie, Libraires-Éditeurs, 1900. 2 vol. (In French)
- 20 Vogüé E. M. de. *Le Roman russe*. Paris, Plon, 1886. 352 p. (In French)
- 21 Wyzewa T. de. Avant-propos du traducteur. *Tolstoï L., comte. Qu'est-ce que l'art? Traduit du russe et précédé d'une introduction, par Teodor de Wyzewa*. Paris, Perrin, 1898. XII p. (In French)
- 22 Wyzewa T. de. *Écrivains étrangers (3-e série). Le roman contemporain à l'étranger*. Paris, Perrin, 1900. 330 p. (In French)
- 23 [Wyzewa T. de, Souberbielle A.] A propos de la traduction de “Résurrection”: Deux lettres. *La Revue blanche*, 1900, no 6, pp. 131–134. (In French)

© 2018 г. А. К. Сухарев
г. Москва, Россия

**ЗАЧЕМ ВОЛХ В ИНДИЮ ХОДИЛ?
ИЛИ СЛЕДЫ ДРЕВНЕЙШИХ СКАЗАНИЙ О ВОЛХЕ
В БЫЛИНЕ «ВОЛХ ВСЕСЛАВЬЕВИЧ»**

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению двух ключевых эпизодов в былине «Волх Всеславьевич», повествующей о походе Волха в Индию: совместной охоты Волха и его дружины и тайного визита Волха в Индийское царство накануне своего вторжения туда в сопровождении дружины. На материале второго эпизода восстанавливаются черты исконного образа Волха как героя богатырской сказки, который в одиночку проникал в иной мир с целью похищения оттуда какой-то добычи и как типичный сказочный герой во время выполнения трудной задачи прибегал к волшебству ради сохранения своей жизни. На материале первого эпизода восстанавливаются элементы древнего мифа творения, в котором Волх выступал в роли тотемного предка и культурного героя, сотворившего людей и разнообразных животных для их пропитания.

Ключевые слова: Волх, Вольга, культурный герой, миф творения, волшебная богатырская сказка, русский эпос, героический эпос, былины.

Информация об авторе: Александр Константинович Сухарев — кандидат исторических наук, Московский государственный институт культуры, ул. Библиотечная, д. 7, 141406 Московская область, г. Химки, Россия. E-mail: Sukharev_AK86@mail.ru

Дата поступления статьи: 25.09.2017

Дата публикации: 15.06.2018

Для цитирования: Сухарев А. К. Зачем Волх в Индию ходил? Или следы древнейших сказаний о Волхе в былине «Волх Всеславьевич» // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 179–199.

Уже давно былина о Волхе или Волхве, та, в которой повествуется о его чудесном рождении и походе на Индийское царство, признана одной из древнейших песен русского героического эпоса [9, с. 70–76]. Ее древность заключается в обилии архаических деталей, которые в своей совокупности резко выделяют эту песнь из прочих былин. Многие из этих деталей выявил и блестяще проанализировал В. Я. Пропп, пришедший к выводу о том, что в лице Волха перед нами предстает не типичный киевский богатырь-воин, защитник родной земли и народа, а древний полумифический персонаж с чертами тотемного предка, синтезирующий в себе верования и идеалы людей эпохи первобытнообщинного строя, а также общественные представления, отношения и мировоззрение общества охотников-рыболовов, живущих в условиях родоплеменного строя, в котором присутствует уже ярко выраженный элемент вождества [9, с. 72, 74].

Действительно, в фигуре Волха есть много черт, сближающих его скорее с древним вождем, нежели с богатырем эпохи Киевской Руси. Вся его жизнь проходит в окружении лично им набранной дружины, их связывают между собой тесные патриархальные узы, они все делают сообща, все время проводят вместе, дружина подчиняется Волху как отцу, старейшему и мудрейшему среди них, вся их жизнь сосредоточена лишь на охоте и войне¹.

К числу прочих особенностей, отличающих Волха от других русских былинных богатырей, относятся реальная цель его похода в Индийское царство и способ ведения им войны. Из анализа деталей сюжета былины хорошо известно, что поход Волха в прошлом, до включения этой песни в киевский цикл, в действительности носил не оборонительный, а грабительский, и даже более того, завоевательный характер, что, по мнению В. Я. Проппа, отражает реалии родоплеменного общества [9, с. 73–75], жизнь которого, подобно общинам ахейских греков Гомера или древних и раннесредневековых германцев и норвежцев, была наполнена многочисленными столкновениями с соседями, сопровождавшимися грабежом, угоном скота, порабощением или истреблением людей, преследованием только одной цели — нетрудовой наживы. Ведущую роль в этих набегах и столкновениях играли отдельные, и далеко не обязательно общеплеменные, вожди и пребывающие под их началом на постоянной или временной основе дружины.

Что касается способа ведения войны, то он в былине самый необычный, ибо Волх действует не оружием, а волшебством, в результате чего он покоряет и разоряет вражеское царство без кровопролитных битв и изнурительных осад — быстро и молниеносно, так что завоевание походит скорее на истребление заведомо немого противника. Волшебные умения Волха заключаются в его способности перевоплощаться в различных животных и превращать в них других людей, которые он ярко демонстрирует во время индийского похода, где, превратившись в сокола, он летит вперед дружины в стан врага и приводит в негодность все вражеское оружие, а затем, подведя свою дружину к самым вратам вражьего царства, обращает ее в муравьев, позволяя тем самым ей с легкостью преодолеть неприступную ограду вражьей твердыни.

Своими волшебными умениями Волх пользуется и в мирной жизни, например, во время совместной охоты с дружиной, описанию которой в песне отведено значительное место как отдельному достославному деянию и подвигу Волха, так что порой отдельные варианты былины едва не ограничиваются рассказом об одной лишь этой охоте². В иных вариантах эпизод с охотой может переноситься из начала песни в середину, в сцену похода, во время которого Волх устраивает охоту с целью прокормления дружины по пути во вражескую землю³. Стоит заметить, что в обоих случаях превращения Волха являются не магией⁴, а волшебством совсем иного рода. Он не пользуется

¹ ПД № 1, Ст. 10–69; Ст. 74–95; № 2, Ст. 20–40; № 5, Ст. 27–38; Ст. 64–83; Ст. 95–115. К аналогичным выводам пришел в своей статье и Н. Н. Носов, см.: [8, с. 19–27].

² ПД № 1, Ст. 10–68; ПД № 2, Ст. 15–39.

³ ПД № 5, Ст. 71–82.

⁴ За исключением эпизода с превращением дружины в муравьев, где Волх направляет свои волшебные способности, свою силу не на себя самого, а на сторонних людей, таковой силой не обладающих. В данном случае он, безусловно, выступает как маг и чародей. Но стоит отметить, что эта магия вторична и вызвана включением в сюжет былины дружины, как неотъемлемой соучастницы всех подвигов Волха, которая отныне выступает будто его органическим, телесным продолжением, и потому он так же легко обращает ее в иную телесную форму, как легко и естественно делает это с самим собой.

заклинаниями, травами, отварами, телесными манипуляциями, а превращается в иных существ по мановению одной лишь воли, из чего можно заключить, что его оборотничество есть свойство его природы, оно присуще ему от природы и столь же естественно для него, как способность передвигаться, видеть или дышать. Так, веля дружине плести и расставлять для ловли рыбы, зверей и птиц сети и силки, сам Волх, вместо того чтобы делать то же самое, оборачивается соколом и летит в поднебесье, гоня и сбивая птиц, затем оборачивается волком и рыщет по глухим лесам, выгоняя оттуда дичь навстречу расставленным сетям, или в образе волка сам рвет и режет добычу и приносит ее дружине⁵. Отправляясь на разведку в Индийское царство, он снова оборачивается соколом и летит туда, а не едет верхом или идет пешком, как следовало бы обыкновенному воину или богатырю из круга Владимировой киевской дружины⁶. Действовать в обликах различных животных и решать таким способом поставленные задачи Волху привычно и легко, о чем говорит и тот факт, что в зависимости от обстоятельств и характера конкретной стоящей перед ним задачи он принимает облик разных животных, наиболее подходящий для конкретных условий. Волх привык так поступать и не умеет действовать иначе, и оборотничество является неотъемлемой стороной его жизни.

Сочетание в Волхе двух основных черт и двух видов деятельности — черт оборотня и военного предводителя, вождя, а также его занятий охотой и грабительским набегом — позволили ученым выявить две бесспорно присутствующие в былине стадии эволюции данного персонажа: тотемного предка, родоначальника первобытной общины древних охотников и рыболовов, и военного вождя, предводителя племени или отдельной соседской родовой или территориальной общины⁷ [9, с. 72–75; 7, с. 32–33, 36–39; 8, с. 19–27], аналогичного тем вождям, которые известны нам на примере норвежских конунгов и хёвдингов из исландских саг. Соответственно можно говорить и о том, что сама песнь, или, вернее, ее сюжет, прошла как минимум через два этапа в своей эволюции, до того как стать одной из песен киевского цикла. Однако в большинстве работ, затрагивавших так или иначе эту былинку, дело ограничивалось лишь констатацией наличия в ней признаков нескольких этапов развития без углубленного анализа ее текстов и сюжета, поскольку она не являлась непосредственным объектом их изучения⁸. И таким образом в ее составе были выявлены далеко не все архаичные детали, которые позволили бы восстановить некоторые элементы ее сюжета в их исконном виде. Между тем в былине о Волхе есть ряд мотивов, которые при сравнении с героическими песнями других народов позволяют проследить еще одну стадию на пути ее долгого развития — стадию, когда ее главный герой из тотемного предка с чертами культурного героя стал персонажем волшебной сказки, еще лишенным черт военного вождя и являющимся героем-одиночкой⁹. Кроме того, в этой былине есть ряд мотивов, которые позволяют гораздо глубже раскрыть портрет Волха в его ипостаси тотемного предка и культурного

⁵ ПД. № 1, Ст. 10–68; ПД. № 2, Ст. 15–39; ПД. № 5, Ст. 71–82.

⁶ ПД. № 1, Ст. 93–100; ПД. № 5, Ст. 35–45.

⁷ При этом, пытаясь отыскать мифические корни былинного образа Волха, исследователи пытались связать его с образом того или иного славянского божества, вроде Велеса или Перуна, а разбирая образ Волха как военного вождя и князя, старались найти его реальный исторический прототип в среде русских князей эпохи Киевской Руси, см. подробнее: [7, с. 32–44]. Подробно же образ Волха как тотемного предка не разбирался.

⁸ Эту же особенность в судьбе изучения данной былинки прослеживает и Н. Н. Носов, см.: [7, с. 32–33].

⁹ О путях эволюции тотемных предков и культурных героев в персонажах волшебных и волшебных богатырских сказок в эпосе различных народов см.: [4, с. 25–94].

героя и обнаружить остаточные элементы очень древнего мифа первотворения. Начнем наш обзор ретроспективно, двигаясь от более поздних и близких к нам по времени их возникновения мотивов былины к более ранним и отдаленным, уходящим в седую глубь веков.

В былине о Волхе, в частности в эпизоде с походом в Индийское царство, бросается в глаза одна ярко выраженная деталь — чрезвычайно слабое взаимодействие Волха с его дружиной, и можно сказать даже более категорично, пассивность его дружины. Особенно ярко эта деталь проступает во время похода. Напомним, что, собираясь в поход против индийского царя, чтобы якобы защитить Русь от его нападения, Волх берет с собой дружину. Однако он направляется во вражескую землю вместе с ней не сразу. Сначала Волх наказывает своей дружине обождать, а сам, обернувшись соколом, летит в Индийское царство, дабы разведать, по его собственным словам, замыслы врага. Долетев до хором царя и сев на окошко его почивальни, Волх подслушивает разговор царя с царицей, из которого становится ясно, что тот собирается в поход на Русь и намерен склонить под меч самого Волха, как защитника Русской земли. Тогда Волх оборачивается горностаем и бежит в царские погреба, где портит и выводит из строя все хранящееся там оружие. Причем, по-видимому, это все оружие, которым индийский царь вообще располагал, ибо позже, приведя к стенам Индийской твердыни свою дружину, Волх велит ей не сражаться, а избивать без пощады все местное население¹⁰, из чего можно заключить, что обитатели Индийского царства, благодаря вредительской акции Волха накануне, остались вовсе без оружия. Волх перегрызает тетивы у луков, выгрызает из ружей кремни и закапывает их в землю, пряча их таким образом, чтобы слуги и воины царя их не нашли и не смогли воспользоваться этими ружьями. После этого Волх вновь оборачивается птицей и возвращается к своей дружине и теперь уже зовет ее за собой в поход, чтобы упредить врага и не пустить его на Русь. По пути он неотрывно следует рядом с дружиной, лишь периодически обращаясь то в сокола, то в волка, то в щуку, чтобы наловить птиц, зверей и рыбы для пропитания войска в походе¹¹. Наконец, придя под самые стены и ворота Индийского царства, Волх, видя неприступность твердыни, обращает своих дружинников и себя в муравьев, и они все вместе пробираются сквозь крошечные щели за ограду. И затем Волх велит дружине ступать по Индийской земле и резать всех, не щадя ни старого, ни малого, оставляя одних лишь девиц брачного возраста, коих им можно будет взять себе после в жены¹². Отметим еще раз, что перед дружиной ставится задача не сражения с врагом, а его избивания, что подразумевает полную беззащитность и безоружность врага, которого ожидает участь оставшегося в домах мирного населения в тот момент, когда враги, сокрушив стены и истребив всех способных держать оружие и сражаться защитников, устремляются лавиной в обнаженный город и режут всех на своем пути. Вероятно, такая форма приказа Волха мотивирована тем, что главную задачу он уже выполнил накануне сам: рыская горностаем по погребам, он оставил обитателей вражеского царства без средств нападения и обороны.

¹⁰ ПД № 5, Ст. 95–99: «“Ай же вы, удалы добры молодцы, ходите вы по царству Индейскому, рубите вы старого и малого, оставляйте вы себе только по выбору душечек красных девушек”. И пошла дружина тут по Индии, рубила она старого и малого».

¹¹ ПД № 5, Ст. 72–82: «Волхв обернётся ясным соколом, он летает, бьёт птицы разныя. Он обернётся щукой-рыбою, и ловит он рыбу разную. Он обернётся серым волком, скачет он по густым лесам, скачет он по чистым полям, он давит-режет животны разныя».

¹² ПД № 5, Ст. 95–103.

Но возникает вопрос: зачем Волх это сделал? Для чего ему забегать заранее во вражеское царство, рыскать в одиночку горностаем по погребам, портить оружие, когда при нем есть воинская дружина? К чему все это волшебство, когда можно было бы обойтись лишь силой оружия, как и подобает воинам. Первый и самый очевидный ответ напрашивается сам собой, если сравнить между собой Волха и его дружину. Его люди, в отличие от своего предводителя, не обладают волшебными способностями — не летают (ибо Волх, следуя уже с ними, вынужден передвигаться посуху и столь же медленно, как и они)¹³ и не рыскают волком. В отличие от вождя, они более уязвимы. Поэтому вполне естественно предположить, что Волх испортил все оружие в Индийском царстве для того, чтобы уберечь свою немногочисленную дружину, в составе которой было всего «тридцать молодцев без единого», от возможных тяжких и невозполнимых потерь. Такое объяснение было бы вполне допустимо, если бы не одна важная деталь, возникающая тут же, в эпизоде с походом. Для преодоления неприступных ворот Волх без труда обращает своих воинов в муравьев. Нам также известно, что в его арсенале был целый ряд и куда более внушительных образов животного мира. И в этом случае вполне уместно задать вопрос: а что собственно мешало Волху после преодоления стены обратить дружинников в таких животных, которые смогли бы смести вражеских воинов без урона для себя или что мешало ему обратить всех боеспособных жителей вражьего царства в тех же муравьев и покончить с ними без труда, не тратя время на уничтожение всех их луков, стрел и ружей? На наш взгляд, неиспользование Волхом таких средств защиты весьма подозрительно, поскольку ничто не мешает ему ими воспользоваться.

Второй вероятный ответ может заключаться в желании Волха напугать индийского царя, чтобы заставить его отказаться от своих злонамеренных планов против Руси, тем более что именно так все и происходит в ряде кратких вариантов песни, где Волх, опять же упреждая своего противника, летит в его царство, садится на окошко его чертогов, чтоб подслушать его планы, а затем дает ему знать о своем присутствии и тем так сильно пугает его, что тот решает не связываться с могучим богатырем и не нападать на Русскую землю¹⁴. Порча Волхом оружия в стане врага, конечно, могла иметь аналогичный эффект. Но есть два обстоятельства, которые также говорят против и этой версии. Во-первых, Волх портит оружие в царских погребках тайно, будучи скрыт от чужих взоров, и, возможно, даже ночью¹⁵. Если он это делает с целью запугать врага, тогда явно требовалось, чтобы тот проведал о случившемся и как можно скорее. Но никто не видел и не слышал Волха, и никто не подозревает о том, что случилось в погребках. Пока враги собрались бы в них спуститься, могло пройти много времени, в зависимости от того, как скоро царь окончательно решил бы выступать в поход на Русь. В любом случае эффект от такого средства запугивания мог быть не быстрым. А кроме того, если бы Волх хотел таким образом напугать царя, ему следовало бы в этом случае выждать какое-то время, чтобы узнать реакцию врага и убедиться в успешности или, наоборот,

¹³ ПД № 5, Ст. 64–85.

¹⁴ ПД № 1, Ст. 143–155.

¹⁵ О том, что рейд Волха в Индийское царство мог быть ночным, косвенно указывает тот факт, что иногда он подслушивает разговор царя и царицы в тот момент, когда они находятся в спальне (ПД № 1, Ст. 99–105). Само по себе упоминание спальни еще ничего не говорит о времени действия в былинке. В конце концов супруги могли вести диалог в спальне в любое время, однако, учитывая, что Волх стремится во время своего визита остаться незамеченным и у него это вполне выходит, напрашивается мысль о том, что дело могло разворачиваться и ночью. Хотя точных данных на сей счет все же нет.

безуспешности своей акции. Но Волх этого не делает. Возвратившись к дружине, он тут же командует поход и движется на врага, не дожидаясь его реакции. Так что и версию с попыткой устрашения индийского царя можно так же отвергнуть.

Разоружив подданных индийского царя, Волх фактически преподносит своей дружине вражеское царство в качестве легкой добычи, практически пойманной и беззащитной дичи, подобно тому как он поступает во время охоты, выполняя всю самую трудоемкую работу сам и загоня всю живность своей дружине прямо в руки, либо принося ей уже пойманную им без ее участия дичь. Дружине по прибытии в Индийское царство остается лишь одно — просто вырезать всех под корень, даже не вступая в реальный бой. Но в этом сокрыт некий неизбежный парадокс, который можно выразить одним вопросом: а зачем вообще тогда нужна Волху в его походе дружина, если в былинне целью похода провозглашается борьба, война с потенциальным врагом, а Волх при этом в один день или ночь в одиночку практически решает исход всей кампании? Как могучий богатырь, да вдобавок и оборотень, он с легкостью мог бы довершить начатое дело до конца и сам, подобно знаменитым героям-аргивьянам Диомеду и Одиссею¹⁶. Но при этом он этого не делает. Волх не доходит буквально шага, причем самого короткого и легкого, для достижения конечной цели и отступает. Это вызывает недоумение и явно говорит о том, что в этом эпизоде кроется какое-то противоречие, как в поведении героя, так и в мотивах его поступков. Во всем эпизоде есть что-то, что идет вразрез с существующей в песне трактовкой всего сюжета и образа главного героя¹⁷.

И вновь встает вопрос о причине столь таинственного посещения Волхом Индийского царства накануне его завоевания. Он летит туда, обернувшись птицей, а позже, обернувшись из птицы горностаем, проникает в оружейные погреба и портит находящееся там оружие. В обоих случаях Волх стремится сделать свое пребывание во вражеской земле незамеченным, но зачем ему это нужно? Если дело заключается не в стремлении навести страх на врага, то, может быть, причина кроется в желании усыпить его бдительность, не дать ему спохватиться раньше времени, если он обнаружит причиненный урон прежде времени и таким образом моментально поймет, что над его царством уже нависла угроза? Такое предположение было бы вполне допустимо, если бы дружина Волха уже находилась на подходе к границам Индийского царства. Однако в былинне изображается совсем другая картина. Волх временно расстается со своей дружиной не во время уже начатого похода против индийского царя, а еще дома, когда та только готовится к походу, причем велит ей оставаться на месте и дожидаться его¹⁸. Значит, все то время, пока Волх добирается в одиночку до Индийской земли и рыщет по ее просторам, его дружина находится дома без движения. Следовательно, атаковать врагов тут же, после того как он испортил их оружие, вместе с дружиной Волх не может. Добавим к этому, что в былинне никогда не говорится точно, сколько времени у Волха занима-

¹⁶ В «Илиаде» рассказывается, как после боя, едва не окончившегося поражением ахейцев, двое вождей аргивян, Диомед и Одиссей, отправившись на разведку во вражеский стан, проникли ночью в стан фракийцев, пришедших на помощь троянцам и разбивших свой лагерь под стенами Трои. Воспользовавшись тьмой и безмятежным сном, объявившим врагов, которые ввиду своей многочисленности и близости стен города и лагеря самих троянцев, не чуяли никакой опасности, два героя прокрались в самое нутро вражеского стана и убили не только несколько десятков фракийских воинов, но и самого их предводителя — царя Реза (*Илиада* X. 260–505).

¹⁷ Что, согласно уже многократно проверенной на практике теории В. Я. Проппа, свидетельствует о том, что в данных местах в былинне присутствуют следы трансформации исконного сюжета, см. подробнее: [9, с. 20–59, 60–61].

¹⁸ ПД № 1, Ст. 93–95; № 5, Ст. 35–40.

ет повторное возвращение к пределам Индийской земли совместно с его дружиной. Но есть косвенные намеки на то, что путь этот был не близкий. Певцы традиционно характеризуют путь как дальнюю дорожку¹⁹, во время похода Волх неоднократно обращается различными хищниками и ловит добычу, чтобы прокормить своих воинов²⁰, а значит, поход занял некоторое время и не был молниеносным, ведь его дружина, как он, не летает. Но тогда откуда Волх мог быть уверен в том, что сам готовящийся по сюжету былины к походу на Русь индийский царь не обнаружит своевременно испорченное оружие и не приступит к его исправлению? Если речь идет о земном царстве, каковой Индийская земля в былине и предстает, то тетива у луков явно не одна, и запасные кремни к ружьям у царя также должны иметься. Важная особенность рейда Волха в одиночку в Индийское царство заключается в том, что его результат должен носить кратковременный эффект.

Ответ на вопрос, в чем тогда вообще заключается смысл этого рейда и порчи вражеского оружия, вытекает из ответа на все тот же самый вопрос, сформулированный выше: зачем Волх стремится остаться в Индийском царстве незамеченным и осуществляет свою подрывную акцию тайно? Если смена обличий и форм продиктована не желанием напугать противника всей неожиданностью произошедшего и не стремлением усыпить до поры его бдительность, вместе с тем подготовив своей дружине легкий путь к победе, то тогда остается всего один возможный вариант — допустить, что Волх обращается птицей и горностаем из соображений осторожности. Оставаясь во вражеском царстве в своем подлинном облике, Волх неминуемо привлек бы к себе внимание, выдал бы себя. Конечно, можно допустить, что он принял облик горностаем в том числе и для того, чтобы иметь возможность легче проникнуть в погреба, которые, по всей вероятности, были заперты, поступая в данной ситуации аналогично тому, как он и его дружина впоследствии, наткнувшись на неприступные ворота и стены индийской твердыни, обратились в муравьев и проникли внутрь сквозь щели. И для этого может быть найдено вполне логичное объяснение, если допустить, что Волх обладает лишь волшебством, позволяющим ему менять только свой собственный облик, но не дающим ему возможности воздействовать на объекты внешнего мира, что, как мы уже отмечали выше, просматривается в былине довольно отчетливо и является отличительной чертой волшебных умений Волха. Волх просто не умеет воздействовать магией на предметный мир. В этом случае, встречая на своем пути препятствие в виде, вероятно, запертых дверей, он обращается в маленького юркого зверька, способного найти лазейку внутрь, и таким образом выходит, что Волхом движут чисто утилитарные соображения. Однако нельзя забывать, что, несмотря на это, в былине за Волхом уже замечаются волшебные навыки и иного рода. Ведь превращая дружину в муравьев, он воздействует на внешний объект, а значит, чисто теоретически может трансформировать и прочие объекты окружающего мира. Но, как бы то ни было, обращение горностаем явно преследует не только чисто утилитарную цель, но призвано также уберечь героя от опасности быть обнаруженным во время его предприятия.

Об этом говорит сам факт обращения Волха в птицу, в облике которой он проникает едва ли не в самые покои дворца вражеского царя, оставаясь никем не замеченным до тех пор, пока сам в некоторых вариантах не выдает себя, подав голос из желания напугать беспечного врага²¹. Кроме того, о том, что Волха вынуждает к перемене об-

¹⁹ ПД № 5, Ст. 71.

²⁰ ПД № 5, Ст. 72–83.

²¹ ПД № 1, Ст. 143–155.

лика во время визита в Индийское царство не только соображение простоты и удобства, поскольку ему привычнее и проще действовать в личинах разных животных, говорит соответствующая оценка всего эпизода самими сказителями. В одном из вариантов былины, где дело до совместного похода Волха с дружиной против индийского царя так и не доходит, но имеется сцена приготовления Волха и дружины к нему, Волх, прежде чем отправиться на разведку в Индийское царство²², предлагает сначала сделать это добровольцу из числа своей дружины. Однако добровольца так и не находится, более того, все воины Волха с нескрываемым страхом прячутся друг за друга, боясь, словно смерти, этого задания. Вполне резонно предположить, что дружиной Волха движет страх перед гибелью в той вражеской земле, и никто из них, не обладая способностями Волха, не надеется остаться там в живых. Естественно, что сцена с уклонением дружины от предложенной миссии была вызвана к жизни тем обстоятельством, что в более ранних вариантах песни, не дошедших до нас, Волх посещал Индийское царство один, не имея при себе спутников, что со временем, когда образ Волха стал все более сближаться в сознании аудитории с реальным князем или воеводой, непрерывно сопровождаемым в своих походах дружиной, стало казаться непонятным и требовало объяснений. Иначе неясна была бы вообще роль дружины при Волхе-князе или Волхе-вожде. Объяснение одиночеству Волха во время его первого визита в Индийское царство было найдено в традиционном для других былин киевского цикла приеме. Сцена с описанием того, как дружинники Волха прячутся друг за друга, конечно, представляет собой распространенный в былинах штамп, позаимствованный, видимо, из песен о Добрыне или Илье Муромце, где подобное поведение для участников пира у князя Владимира в минуту, когда он хочет поручить кому-либо крайне опасное задание, является традиционной поэтической формулой. Всякий раз, когда Владимир ищет богатыря, который исполнит его поручение, все в страхе прячутся друг за друга, и только один человек, главный герой, по собственному почину или по совету пытающихся скинуть с себя нависшую угрозу на другого княжеских клеветников, берется в итоге исполнить поручение. Но поскольку Волх в этой песне сам главный герой, и богатырь и предводитель в одном лице, то после отказа дружины от выполнения поручения ему не к кому более обратиться и приходится самому решать поставленную задачу. И таким образом его визит в Индийское царство в полном одиночестве ради разведки получает логическое обоснование. И хотя в данном эпизоде отказа дружины от поручения мы имеем дело с поэтической формулой, однако принципиально важно, что певец посчитал возможным и даже нужным ввести эту формулу именно в песнь о Волхе и именно в это место в сюжете. Сам по себе этот факт говорит об оценке, которую дает исполнитель задуманному Волхом предприятию. Оно крайне опасно и не по плечу простому воину из числа Волховой дружины. Повторим вновь, что никто из его соратников явно не надеется на благополучный исход этой разведывательной миссии.

²² На самом деле в данном тексте (ПД № 1) в качестве вражеской земли фигурирует вовсе не Индийское царство, а Золотая Орда. Однако мы именуем ее «Индийской» по аналогии с более ранними вариантами песни, ибо название «Золотая Орда», безусловно, проникло в песнь гораздо позже, когда ее сюжет стал интерпретироваться в духе позднейших былин из цикла о татаро-монгольском нашествии на Русь. Кроме того, употребляя топоним «Индийское царство», мы стремимся сохранить исконное понимание земли, в которую отправлялся походом Волх, как потустороннего, фантастического, неведомого человеку мира, аналогом которого Индийская земля выступала в мировом фольклоре с древнейших времен, вспомним хотя бы фантастические рассказы об Индии, лежащей за пределами обитаемого мира, где греки до похода Александра Македонского никогда не бывали, у греческого логографа Гекатея Милетского и следовавшего ему в собственном описании Индийской земли отца истории Геродота.

Очевидно, что никто из дружинников не чаёт остаться в Индийском царстве незамеченным, а вот сам Волх — иное дело. Он обладает таким искусством, благодаря которому успех его миссии гарантирован. И потому он сам без колебаний и сомнений, легко и непринужденно, исполненный решительности, твердости, а главное, уверенности, направляется в стан врага. Подчеркнем бросающуюся таким образом в глаза важную деталь: сюжет былины о Волхе давал исполнителям и аудитории основания полагать, что перемена Волхом своего обличия во время первого посещения Индийского царства представляла собой меру предосторожности. Она позволяла ему осуществить то, что невозможно было выполнить в иных условиях, если бы Волх решился отправиться в Индийское царство, не обладая волшебными способностями. А это значит, что перемена облика героем была непременным условием для благополучного как пребывания в, так и возвращения из Индийского царства.

Все вышесказанное на счет эпизода с пребыванием Волха в Индийском царстве без дружины показывает, что попытки понять это приключение Волха в рамках традиционного истолкования его похода в Индийское царство как завоевательного (толкования, естественно следующего из идейной трактовки сюжета, предложенной в самой былине) не дают убедительного результата. Поведение героя песни при учете обстоятельств, в которых он действует, и всех его потенциальных возможностей выглядит странным и не вполне логичным. На наш взгляд, эпизод с тайным посещением Волхом Индийского царства и его вредительство объясняются совсем иначе. Ключ к их пониманию дает тувинская богатырская сказка о богатыре Хайындырынмае Багай-ооле [11, с. 79–119].

В ней главный герой, по имени Хайындырынмай, направляется по поручению хана Булутай-Эге на небеса, чтобы раздобыть у небесного владыки, грозного Сарыг-хана его трон. Заметим, что герой направляется не в реальное земное царство и не к обыкновенному хану, а к владыке небес и, естественно, не намерен завоевывать его владения, что в принципе невозможно. Сарыг-хан — это божество-громовержец²³, его невозможно одолеть земному мужу, даже если он чародей или могучий воин. Единственное, на что может надеяться Хайындырынмай, — это похитить трон, украсть его, обманув или перехитрив Сарыг-хана. Но и это сделать оказывается не так-то просто. Сарыг-хан, как владыка небес, помимо могучей свойственной божеству-громовержцу силы обладает и даром предвиденья. Он наперед узнает о приближении героя и повелевает своему небесному народу найти его и уничтожить. Герой, чтобы избежать гибели, начинает поочередно принимать облик различных предметов и живых существ, пытаясь таким способом остаться незамеченным²⁴. Но Сарыг-хан всякий раз обнаруживает его и направляет своих подданных по его следу. Наконец, по совету своего богатырского коня,

²³ ПФНСДВ / Тувинские народные сказки. С. 99–101; 107–109. Ст. 980–1034; 1135–1200.

²⁴ Там же. Ст. 1135–1225: «Хайындырынмай Багай-оол облик коня своего Хан-Шилги изменил... сам же коршуном стал, в небесных глубинах летал, ястребом стал, над миром летал и обратился в тысячу чижиков — серых пичужек, к низу одёка моего они подлетели и опустились (говорит своим слугам Сарыг-хан. — А. С.). Любую пичужку увидите — убивайте!» (Ст. 1135–1144), «Когда стал подданный люд охотиться за пичужками, Хайындырынмай Багай-оол обратился в семисуставчатую жёлтую травинку и, подхваченный ветром, ханского порога достиг. Грозный Сарыг-хан говорит: “В семисуставчатую жёлтую травинку обратился и явился уже, кулугур! Увидев любую соломинку, жгите-палите!” И подданный люд стал осоку-траву поджигать» (Ст. 1145–1155), «Хайындырынмай Багай-оол, проведая об этом, изменил себя — в овечьего клеща обратился, между кошм забрался и лёг. Грозный Сарыг-хан говорит: “Хайындырынмай Багай-оол в овечьего клеща обратился, между кошм залёг. Сжигайте любого клеща!”» (Ст. 1175–1185).

Хайндырынмай оборачивается неким невиданным пауком, неизвестным Сарыг-хану, и в результате тот не может его найти²⁵. Встревожившись, владыка небес окружает свою юрту девяти тысячным войском и размещает стражу внутри юрты тоже. А Хайндырынмай-паук, взобравшись по юрте, спускается внутрь через дымовое отверстие и незаметно напускает сон на всех присутствующих, включая самого Сарыг-хана. После этого он оплетает паутиной всех воинов хана и портит его собственное оружие и снаряжение: перерезает тетиву у лука, затупляет саблю ударами ею о камни, ломает наконечник его боевой стрелы, разрезает кафтан, срезает подошвы с идиков (войлочной обуви. — А. С.) и перерезает подпруги у седла на коне хана²⁶. После этого он похищает трон и сбегает назад в нижний мир. Пробудившийся в следующее мгновение ото сна хан хватается за оружие и хочет броситься за воров в погоню, но обнаруживает, что все его снаряжение испорчено. В данном эпизоде мотив поступка героя очевиден. Будучи один на один с целым небесным народом и многотысячным войском и вдобавок во главе с самим небесным владыкой, которого в принципе невозможно одолеть силой, Хайндырынмай, как и Волх, прибегает к волшебству и хитрости: меняя обличия, он, наконец, ускользает от преследования, а затем обезвреживает своих врагов, чтобы решить в итоге поставленную задачу, которую невозможно было бы решить одной лишь силой, — похитить трон владыки неба и вернуться с ним обратно на землю невредимым, избежав смертельной погони.

Таким образом, в богатырской сказке «Хайндырынмай Багай-оол» перемена герою своего облика и порча им оружия вызваны простым желанием спасти свою жизнь и благополучно вернуться домой из владений существа несравненно более могущественного по своей природе, чем он сам. Хайндырынмай — не воин-завоеватель, а похититель, перед ним не ставится задача покорения или разорения того края, в который он направляется, что и понятно: ведь он направляется в иной мир, во владения божественного властелина, а не к земному владыке. В былине о Волхе уже другие реалии. Место, куда он направляется, изображается хотя и абстрактно, но как земное царство, в котором правит земной, смертный владыка, покорение которого представляется несравненно более легким делом, чем одоление божества, тем более для такого героя, как Волх, сохраняющего за собой в качестве наследия от исконного сюжета свои волшебные способности, дающие ему несоизмеримые преимущества в сравнении с его абсолютно земным противником. Сюжет былины выстроен таким образом, что в нем практически невозможно усмотреть былого одиночества Волха и распознать исконный

²⁵ Там же. Ст. 1204–1230: «“До чего же хан Грозный Сарыг могучее существо: девяносто девять волшебных сил у него! В кого я ни обращаюсь — распознаёт!” Конь Хан-Шилиги говорит: — И небывалое в мире оборотничество, сквозь девять небес распознаёт — такое он существо, но есть в мире некий паук — ух как много в нём нечисти-крови! Если изменишь себя, обратившись в него, он только его распознать не сумеет... Тогда Хайндырынмай Багай-оол себя изменил — в большого паука обратился по наказу коня, под основание юрты забрался-залёг. Хан Грозный Сарыг говорит: “Не распознаю, куда подевался! Ещё лучше меня стерегите, ещё лучше охрану несите!” <...> Подданный люд да девять тысяч воинов стали стеречь коней и дворцовую юрту Грозного Сарыг-хана».

²⁶ Там же. Ст. 1233–1265: «Хайндырынмай Багай-оол по верёвке покрытия дымника юрты забрался, под покрытие забрался и стал вить силки между решётками верхнего обруча юрты. Весь подданный люд, как не спавший всю жизнь — шестьдесят-семьдесят лет, не мог сон побороть — во главе с самим Грозным Сарыг-ханом заснул, окзалось. Когда заснул подданный люд, паук подданных людей друг с другом соединил, клеем склеивая... и уши-глаза заклатьем залепил. Усыпив мёртвым сном Грозного Сарыг-хана, у его грозного жёлтого лука тетиву перерезал, сломал чёрный боевой наконечник стрелы, его чёрный меч, белую саблю, побил лезвиями о чёрный камень и белый так, что их забубрил-затупил... испортил его вещи-предметы нужные, чтобы с мужчиною справиться».

характер его похода. Однако эпизод с тайным рейдом Волха в Индийское царство при тщательном внутреннем анализе его содержания и сравнении с аналогичным эпизодом в более раннем по типу сюжета и идейному содержанию эпическом памятнике показывает, что некогда главный герой этой былины отправлялся в так называемый «поход» в одиночку и не ради покорения чужой земли или ее разорения, а с целью похищения чего-то крайне необходимого и, вероятно, не у простых соседей, а у обитателей иного, потустороннего, волшебного мира, где героя могли спасти и помочь ему выполнить свою миссию только его волшебное искусство и хитрость.

Как мы уже сказали ранее, эпизод с посещением Волхом Индийского царства в одиночку выглядит не вполне логичным, и главным образом потому, что его наличие приводит к образованию в песне дубля — после своего возвращения к дружине Волх вновь, на этот раз вместе с нею, направляется туда же, откуда явился. Один из визитов во вражью землю оказывается явно лишним, а другой неполным. Но какой из них какой? Если допустить, как то и подсказывает весь сюжет былины, что Волх прежде был совершенно один и действовал всегда в одиночку и убрать из песни дружину, которая крайне слабо взаимодействует с главным героем, тогда окажется, что возвращение Волха из Индийского царства и повторное возвращение в него является бессмысленным и даже абсурдным. А это значит, что второй поход Волха в Индийское царство и есть тот самый поздний, лишний эпизод, а первый визит Волха в облики птицы к индийскому царю является исконным, но неполным, оборванным эпизодом песни. Если Волх изначально действовал один, то, попав в Индийское царство, он должен был сразу решить все стоявшие перед ним задачи, а не возвращаться туда через некоторое время, ничего при этом нового не сделав в образовавшийся промежуток времени, что могло бы кардинально изменить ситуацию в его пользу. Более того, становится очевидным, что если Волх, действуя один, не решился явиться в Индийское царство в человеческом облике, то это значит, что он не надеялся в этом облике достичь успеха или по крайней мере выжить. А это говорит о том, что данный персонаж на одном из этапов своего развития представлял тот тип героя, который чрезвычайно характерен для волшебных сказок. Он внешне и физически ничем не отличается от остальных людей и не имеет той богатырской силы, которая позволила бы ему спокойно встретиться с опасностью лицом к лицу, иными словами он довольно слаб. Но его слабость компенсируется волшебными способностями, используя которые он может избежать опасности или даже победить. Само же его волшебство представляет собой в сущности хитрость, обман, но обман сверхчеловеческого масштаба, что делает его нераскрываемым, неосязаемым для антропоморфного врага. Но человеческого противника можно провести и иными способами, коих примеров в мировом фольклоре множество. Но героям волшебных сказок этого мало. Они вынуждены прибегать к волшебству, своего рода сверхобману. И вызвано это тем, что данным персонажам приходится действовать в таких условиях, когда обычной человеческой хитростью и смекалкой ему победить невозможно, и, следовательно, требуется хитрость иного рода — волшебство. В свою очередь эти условия возможны тогда, когда этот герой имеет дело не с простыми, человеческими, земными противниками, а с миром «неземным» и его обитателями. При внимательном прочтении всей былины, и эпизода с порчей оружия в частности, становится очевидным, что Волх действительно стремится разоружить царских воинов и оставить их вообще без какого-либо оружия, но не ради спасения собственной дружины, для чего он мог бы воспользоваться иными методами, а ради спасения своего собственного. Волх готовит благоприятные условия для отступления, или, говоря прямо, бегства из вражеского

царства. Однако причина, побудившая его туда придти, остается для нас неизвестной. С уверенностью можно говорить лишь о том, что в исконном сюжете сказания о Волхе не шло речи о завоевании какого-либо царства, а говорилось о добывании героем в одиночку чего-то очень важного и ценного для него из потустороннего мира.

Итак, путем внутреннего анализа эпизода с походом Волха в Индийское царство и сопоставления полученной картины с эпосом тувинцев нам удалось установить, что сюжет былины о Волхе некогда в древности был иным и сам Волх представлял собой типичного героя волшебной сказки, приключение которого было связано с похищением чего-то крайне важного и нужного в мире, населенном не людьми, а фантастическими обитателями, для противостояния которым простых человеческих сил было недостаточно. Одной из характерных черт подобных персонажей, отправляющихся на поиски чего-то ценного в неведомые края и иные миры, нередко является сохранение за ними рудиментарных признаков и функций культурных героев и предков-прародителей, воспевающих их подвиги народов. К примеру, в затронутом уже нами эпосе тувинцев чертами культурного героя обладает упомянутый выше Хайндырынмай. Перед тем как отправиться в верхний мир для похищения трона небесного владыки, Хайндырынмай сперва готовится все необходимое для жизни своих престарелых родителей на время своего отсутствия. Среди прочего он отправляется на склоны гор и убивает огромное количество дичи, мясо и тук, которой он складывает в две большие горы, затем из костей животных сооружает для родителей дом (словно у них не было прежде никакого жилища)²⁷, причем обращает на себя внимание сам материал строительства, потом отрезает родителям по лучу от солнца и луны, дабы у них всегда был свет, а затем проковыривает пальцем в земной тверди колодец, чтобы у стариков всегда была свежая вода. Перед нами разворачивается не просто картина очень древнего охотничьего быта, а сцена самого настоящего акта первотворения. Хайндырынмай выступает в роли творца-первопредка, впервые обеспечивающего появившихся по его воле на земле людей всем необходимым для жизни. Причем, что характерно, люди, на благо которых он старается, сами, судя по всему, ничего еще не умеют делать, у них нет ни жилья, ни огня или света, ни еды, и они не владеют способами ее добывания²⁸. Вместе с тем Хайндырынмай выступает и как учитель-изобретатель культурных благ (мотив, широко распространенный в мировой мифологии, в том числе и античной). В этом плане показательно жилище, сооруженное им для своих родителей. Обращает на себя внимание не только сам факт его строительства, предполагающий, что до той поры никакого жилья у родителей героя не было вообще, но и материал. Герой использует кости животных, т. е. тот материал, который в обычной жизни представляет собой либо просто отхо-

²⁷ Что, кстати говоря, практически так и есть, ибо ранее в сказке говорится, что родители живут с Хайндырынмаем в шалаше из «сена и травы», который походит явно на временное пристанище, но не на долговременное и основательное жилище, ввиду чего можно заключить, что они ведут полудикий образ жизни, несмотря на то что их быт наполнен различными предметами обихода, вошедшими в сюжет позднее, в ходе его длительного развития под воздействием изменявшихся социальных и культурно-бытовых условий, в которых находились носители данного эпоса на протяжении сменявших друг друга тысячелетий и столетий. — ПФНСДВ / Тувинские народные сказки. С. 55, Ст. 85–90.

²⁸ Старость родителей Хайндырынмая, которая служит объяснением того, почему они сами не в состоянии добыть себе пищу, конечно, является более поздним мотивом. Тот факт, что Хайндырынмай в означенном эпизоде кормит именно людей, не умеющих самостоятельно добывать себе пищу, подтверждается тем, что герой обеспечивает родителей и благами иного рода, которые являются атрибутами «культурной» жизни человека, — огонь/свет, жилье и колодезная вода, позволяющие людям обособиться от дикой природы и ее капризов и впервые создающие условия для возникновения нового, антропогенного мира.

ды хозяйственной деятельности, материал, получаемый из животных, которые служат в первую очередь источником пищи, либо материал, подходящий для изготовления различных предметов быта. Додуматься соорудить из костей именно жилье не простая задача. Фактически Хайындырынмай показывает способы того, как можно продуктивно использовать природные блага. Обратим внимание на то, что кости животных, в отличие от камней, не лежат под ногами и не являются подручным материалом, их еще надо раздобыть, и даже более того, обнаружить, добыв животное и сняв с него плоть. Этот материал сокрыт от глаз и недоступен несведущим людям. И, стало быть, если у его родителей до сих пор не было жилища из костей, охотиться сами они не могли или, если все происходящее в этом эпизоде рассматривать в контексте первотворения, не умели.

Аналогичные черты культурных героев-первопредков и создателей людей просматриваются и в образах других тувинских эпических персонажей, героев богатырского эпоса Боктуг Кириша и Бору Шэлей [12, с. 298–527]. Признаки культурных героев они демонстрируют в одноименной песне дважды. Первый раз, когда они, играя в лесу, вылепливают из глины фигурки людей, домашних животных, миниатюрные подобию юрт и выстраивают из этих игрушечных фигурок целый аал, воспроизводя в мельчайших деталях жизнь настоящего человеческого поселения²⁹. Причем все фигурки настолько реалистично слеплены, что отец маленьких создателей едва смог отличить их от настоящих людей, животных и юрт и в итоге так и не решился их разрушить, хотя и намеревался это сделать, сетуя на то, что дети все время посвящают этой игре и совсем не хотят постигать основ реальной хозяйственной деятельности. Совсем несложно распознать в этих игрушках Боктуга и Бору и в их игре реликт древнего мотива создания демиургом людей и всего сущего из глины или, говоря шире, праха земного. Во второй раз герои являют признаки культурных героев, когда внезапно остаются без родителей и сталкиваются с необходимостью самостоятельного выживания. Процесс их выживания воспроизводит в миниатюре исторический опыт перехода раннего человеческого коллектива от дикости к культуре³⁰. Поначалу дети питаются тем, что находят на месте без следа исчезнувшего поселения, — собирают ранее выброшенные кости животных, вторично варят их или жарят на углях, оставшихся от очага, затем собирают в лесу коренья, ягоды и орехи, ловят мышей и прочую мелкую живность. Но это еще не настоящая охота. Затем они выдумывают силки и перестают ловить дичь голыми руками. Потом они сооружают себе жилье³¹. Правда, здесь герои не во всем начинают свою хозяйственную деятельность с нуля, некоторые очень важные предметы быта и элементы материальной культуры уже имеются у них в наличии, оставшись от исчезнувшего со всеми взрослыми обитателями аала. Это котел, почти потухший очаг, с едва тлеющими углями, которые избавляют брата и сестру от необходимости добывать огонь, топор, который Боктугу нужно лишь наточить, после чего он приступает к валке леса. Но во всем остальном дети оказываются один на один с природой, без опыта культурно-хозяйственной деятельности, и вынуждены все постигать, делать и открывать с нуля.

Волх также сочетает в себе наряду с чертами воина и богатыря признаки культурного героя-первопредка. На эту особенность его образа исследователи обратили

²⁹ ПФНСДВ / Тувинские героические сказания. С. 303–305, Ст. 90–130.

³⁰ Под культурой мы в данном случае понимаем любую созидательную деятельность человека по преобразованию природной среды для удовлетворения собственных жизненных потребностей, результатом которой становится сотворение небывалой прежде антропогенной среды обитания с совокупностью составляющих ее атрибутов материального быта людей.

³¹ ПФНСДВ / Тувинские героические сказания. С. 307–309, Ст. 165–250.

внимание уже давно и наиболее яркой из этих черт считали его оборотничество, указывающее на то, что в фигуре Волха отразились древние тотемические представления предков славян. Другая сторона культурной деятельности Волха проявляется в сцене его совместной охоты со своей дружиной. В ней герой выступает не просто великим охотником, но фактически изобретателем охоты как вида хозяйственной деятельности. Наиболее ярко эта сцена представлена в одном из пудожских вариантов. В нем Волх поочередно оборачивается то в щуку, то в сокола, то в волка и отправляется соответственно то в море, то в поднебесную высь, то в лес, чтобы выгнать оттуда, спрятавшуюся при его рождении живность. Но при этом всякий раз то перед началом охоты, то после выгона животных из их убежищ Волх обращается к дружине с наказом, в котором объясняет, что им самим следует делать. И каждый раз его наказ одинаков. Волх велит им ладить и мастерить тони и сети (иногда еще изготавливать ружья и пули), а потом растянуть их на выходе из лесов, из морских глубин и так далее, дабы прямоком в них угодила вся живность, которую Волх выгонит из ее укрытий, обернувшись зверем, птицей или рыбой соответствующего хищного вида. При этом примечательно, что Волх не просто велит им растягивать сети, но всякий раз указывает отдельные операции по их изготовлению, а после их подготовки еще и объясняет своим соратникам по охоте, зачем собственно эти сети вообще нужны³². Кроме того, примечателен сам по себе тот факт, что Волх велит дружине перед самым гоном именно изготовить сети и тони, т. е. фактически сделать их с нуля, вместо того, чтобы просто велеть им взять их и расставить. Это может говорить только об одном: у дружины не было данных охотничьих приспособлений.

Наблюдая далее за происходящим, мы видим, что Волх оборачивается, по крайней мере в случае с щукой и волком, в таких животных, которые в славянской мифологии традиционно связаны с образами так называемых хозяев стихий — водяного и лесного — и являются их эманацией [3, с. 326–334]. Согласно современной точке зрения

³²ПД № 1, Ст. 32–68:

Пошел Вольга во сине море, / Всех рыб он повыпугал / Со тых станов со глубоких / Во тые тоневья шелковыя; / Всю кунную рыбу повыловил / Со своей дружиной со хороброй. Будет Вольга на крутом берегу, / На крутом берегу удалым молодцем, / И сам говорил таково слово: / «Братцы вы, дружина хоробрая! / Теперь кунная рыба вся повыловлена / Во том ли во славном синем море; / Теперь куниц и лисиц повыловим. / Слушайте же большого атамана, делайте дело повеленое: / Вяжите вы тоневья шелковыя, / Вы пускайте тоневья в леса темные, / По близности славнаго синя моря». Сам-от Вольга сударь Всеславьевич / Обернулся Вольга серым волком, / Побежал Вольга в темны леса. / Его братья, дружина хоробрая, / Слушали большого атамана, делали дело повеленое: / Вязали тоневья шелковыя, / Пускали тоневья во темны леса, / По близности славнаго синя моря. Сам-от Вольга сударь Всеславьевич / Побежал во ты во ломы во великие: / Из тых из ломов из великих / Всех куниц, лисиц, повыпугал / Ко тому ко славному синю морю, / Во тые во тоневья шелковыя, / Будет Вольга на крутом берегу, / На крутом берегу удалым молодцем. / Сам говорил таково слово: / «Кунная рыба вся повыловлена, / И куницы, лисицы все повыловлены».

ПД № 2, Ст. 16–39:

Овернулся Вольга да малой птичиной — / Улетел-то Вольга да он под оболуку, / Ай птицу всю да он порозгонял. / Овернулся Вольга да добрым молодцом: / «Братцы, дружинушка хоробрая! Ставьте-тко пасточки дубовыи, / Сильшка Вы ладьте-тко шелковыи, / Птица не улетела б под оболуку». / Овернулся Вольга да свежей рыбиной, / Ай пошел-то Вольга да в глубоки станы, / Рыбу-то всю да он порозгонял. Овернулся Вольга да добрым молодцом: / «Братцы дружинушка хоробрая! / Ладьте-тко невода шелковыи, / Проволоки Вы кладите да золочоныи, / Рыба не ушла б в глубоки станы!» / Овернулся Вольга да лютыйм зверём, / Ай ушел-то Вольга да во темны леса, Зверей-то всех да он порозгонял. / Овернулся Вольга да добрым молодцом; / «Братцы дружинушка хоробрая! / Ладьте-тко пищалочки винтовыи, / Закатите-тко пулечки калёныи, / Звери не ушли б да во темны леса».

фольклористов, связь этих фантастических, мифологических персонажей с данными животными имеет тотемные корни и происходит из почитания в древности предками славян щуки и волка, а также и множества других животных в качестве первопредков того или иного племени или рода [3, с. 255, 328–329]. Хорошо известно из быличек и бывальщин, происходящих из многих областей и уголков России, что как леший, так и водяной являются хранителями природных богатств и именно они своей волей либо посылают в сети охотников и рыбаков добычу, либо ее не дают [3, с. 270–280, 342–346]. Так, леший, например, в случае благосклонности к какому-либо охотнику, в изобилии гонит в его силки или под ружье дичь (как зверей, так и птиц), укрывающуюся в самой глухой лесной чаще [3, с. 265]. Также известно, что именно глухой, девственный и заколодевший лес является тем местом, где леший прячет своих подопечных и где обитает сам. Эти факты мифологических представлений славян о духах-хозяевах и их поведении и взаимоотношениях с человеком точь-в-точь соответствуют тому, как ведет себя и что делает Волх в сцене охоты. Он оборачивается одним из животных-воплощений духов-хозяев, направляется в самое сердце стихии, в ее заповедные глубины, где обычно обитают эти духи, и подобно им выгоняет оттуда морских, лесных и небесных обитателей навстречу сетям охотников. Все это, безусловно, типологически сближает Волха с духами-хозяевами славянской мифологии и указывает на его древнюю тотемическую природу.

Но в вышеперечисленных фактах есть одна особенность: в мифологической прозе духи-хозяева, как и Волх, обычно выступают хозяевами, хранителями и распределителями ресурсов, а не создателями. Они повелевают животными, но не выступают напрямую их творцами. В песне же о Волхе есть несколько деталей, которые позволяют видеть в нем не только признаки предка с чертами хозяина стихии, но и предка-тотема с чертами творца всего сущего на земле, подобно чукотскому (палеоазиатскому) Ворону. Для этого надо вернуться к зачину песни и вновь внимательно посмотреть на ряд деталей. Традиционно во всех вариантах былины говорится, что как только Волх рождается, все животные (рыбы, звери и птицы) в тот же миг, чуя рождение великого охотника, а стало быть, и грозящую им гибель, спасаются бегством, забираясь в самые глухие леса, глубокие воды морей и верхние небесные дали. Обратим внимание на интересный факт: все они сбегает одновременно с рождением Волха. Говоря иными словами, все остальное время песни, пока Волх не устраивает на них охоты, т. е. пока он растет, мужает и набирает себе дружину, животных просто нет³³. Другая любопытная деталь прослеживается из сцены охоты уже в отношении самой дружины. Выше мы указали, что Волх велит им вязать снасти для охоты, указывает, как это надо делать, дает некоторые инструкции по деталям их изготовления и, кроме того, объясняет, зачем все это вообще нужно. На наш взгляд, все это указывает на то, что у дружины Волха а) не было охотничьего снаряжения до сей поры, б) она в принципе не знала, что собой представляет охота, т. е. не знала этого типа хозяйственной деятельности прежде. Вместе с тем в былине нигде ни разу не указываются какие-либо иные способы добывания дружиной пищи, кроме совместной охоты с Волхом, там нет ни земледелия, ни собирательства.

³³ Об этом фактически прямо говорится и в одном онежском варианте былины, где Волх так же, как и в пудожских вариантах, велит дружине вязать силки и растягивать их в лесах и на деревьях и ловить зверей и птиц, но когда дружинники выполняют повеление и расставляют в лесу силки, то у них ничего не выходит. Они тщетно ждут три дня и три ночи, но звери и птицы так и не появляются и не попадают в ловушки. И тогда уже Волх оборачивается хищником и пускается в глубокие чащи и в далекую небесную высь, чтобы выгнать животных из их укрытий и погнать навстречу заготовленным силкам, см.: [2, с. 68–72].

Дружина Волха живет только охотой и рыболовством, так она делает до похода, с того момента как он ведет ее на охоту, так она живет и в походе. Но если она не ведаёт иных источников пропитания и способов их добычи и до возмужания Волха и охоты вместе с ним сама не охотится, то чем же вся эта дружина питалась все то время, пока Волх рос, а равно и до момента его рождения? Тот же вопрос возникает и в том случае, если мы вспомним, что на момент рождения Волха на земле не остается животных, они все прячутся так далеко, что никому, кроме Волха, невозможно их достать. Так как же дружина жила все это время и что вообще означает это таинственное бегство животных в былине, делающее невозможным сам факт существования не только дружины, но и кого бы то ни было вообще из людей в былине?

Ответ нам представляется довольно простым, но в этой его простоте раскрывается вся уникальность былины о Волхе. Очевидно, что мотив убегания животных в момент рождения героя заменил собой в сюжете мотив их отсутствия. А сам эпизод с охотой Волха и дружины представляет собой реликт древнего мифа о том, как культурный герой и тотемный предок научил созданных им перволюдей приемам и способам добывания пищи. Такая схема распространена в древних мифах. Сначала герой-первопредок создает людей, а потом задумывается об обеспечении их пищей, жильем и прочими благами и постепенно приступает к их созданию. Ту же картину мы наблюдаем в былине о Волхе. Только тут герой не создает дружину, а она сама ждет его рождения и взросления и затем получает от него пропитание. Интересно так же, что это не самая древняя стадия развития подобного мифа о герое-творце, ибо здесь Волх формально не создает животных, а только выгоняет их из заповедных мест, т. е. из ниоткуда. Возможно, когда-то давно была и другая версия мифа о Волхе, в которой описывался и эпизод творения. Но точного его содержания мы не знаем. Однако бесспорно в былине сохранились черты мифа о творении, в котором герой-первопредок впервые обеспечивает созданных им людей пищей.

Подобие того, как это могло выглядеть, дают, к примеру, мифы палеоазиатов о Вороне и мифы хантов и манси о появлении людей. Ситуация, когда творец создает вначале людей и только потом задумывается об источниках их пропитания и в итоге создает животных, на которых они могут охотиться или которых могут разводить, характерна для цикла мифов о Вороне [1, с. 164, № 53; с. 167–169, № 57; 13, р. 151–154]. В одном из мифов Ворон сначала создает людей, вернее, его жена рождает их, а потом он по их собственной просьбе создает для них землю с рельефом, реками и озерами, океан и затем наполняет землю и воды различными животными: от медведя и волка, до разных морских млекопитающих и рыб, причем создает их из стружки от деревьев различных пород [13, р. 153–154]. В других мифах он опять же создает для пропитания людей оленей уже после создания их самих. Но в одном случае он создает стада оленей из кустарника [1, с. 164, № 53], а в другом спускает оленей на землю с небес [1, с. 168–169, № 57]. И это уже наиболее поздняя версия творения, поскольку Ворон в ней превращен из тотемного предка в старика-небожителя.

В мифах же хантов и манси творец и первопредок по имени Нум Торум тоже вначале создает на земле людей, но не обеспечивает их пищей. Затем, когда он осознает, что им надо чем-то питаться, он выгоняет на просторы тундры из глухих лесов стада оленей и повелевает людям на них охотиться, дабы тем добывать себе пропитание. Мотив сотворения животных замещает мотив их выгона из заповедных мест их обитания. Как и в былине о Волхе, мы сталкиваемся с ситуацией, когда люди на земле уже есть, а животных нет, и первым нечем питаться. И так же как в былине, в этом мифе Нум

Торум выгоняет зверей из глухих лесов и велит людям на них охотиться, в то время как до выгона зверей эти люди и не подозревали об их существовании, а равно и о прочих источниках пищи [6, с. 299]³⁴.

Дополнительным подтверждением того, что в былине о Волхе запечатлены отголоски древнего мифа творения, является и еще один факт — сама форма охоты в былине. Эта охота чем-то напоминает загонную коллективную. Здесь объединяется воедино большое число участников, для охоты используют длинные сети, которые ставят сообщца, и сообщца ловят в них добычу, есть здесь и гон в сети дичи и рыбы. Но одна деталь все же отличает ее от загоной коллективной охоты: сами охотники, в лице дружины, не участвуют в загоне, они лишь пассивные участники и только ловят бегущую в их руки дичь. Гон осуществляет всего один персонаж — сам Волх. Без него охотникам-дружинникам в жизни не довелось бы выгнать животных из тех укрытий, в которые они ушли. Из этого обстоятельства следует закономерный вывод: эти люди-охотники еще не могут охотиться самостоятельно, сами добывать себе пищу. Результатом описываемой в былине охоты является обретение дружиной N-го запаса еды на N-й промежуток времени. И совершенно очевидно, что когда этот запас иссякнет, им потребуется повторить всю охоту вновь, по той же схеме, и вновь дичь будет гнать Волх. Конечно, если предположить, что Волх выгнал не всю живность. Если же благодаря его рейду по лесам, небесам и глубинам животные вышли из своих укрытий раз и навсегда и навели мир, то дружина сможет сама добыть себе вновь пищу. Ясно, что одно из двух этих следствий было итогом этого восстанавливаемого из былины мифа творения в его изначальном виде. Но, какое из них точно, сказать пока трудно. В мировом фольклоре есть варианты тотемных мифов, в которых созданные героем люди долгое время так и живут, периодически обращаясь за помощью к своему родоначальнику с целью получения пищи.

Ярким примером такого рода взаимоотношений мифического прародителя и созданных им людей и такого способа их прокормления на заре их жизни может служить кетский миф о Кайгусе. Этот мифический герой живет на опушке леса на берегу реки вместе с семьей семьями, проживающими отдельными группами. В отличие от Волха, он уже не обладает внешне выраженными врожденными волшебными способностями, однако у него в наличии есть ряд волшебных предметов, используя которые он достигает во время охоты тех же результатов, что и Волх. Охотится же Кайгусь по следующим причинам и следующим образом. Его народ не умеет самостоятельно добывать себе пищу, и всякий раз просит сделать это Кайгуся. Когда еда у людей его рода заканчивается, кто-нибудь из них подходит к нему и бьет колотушкой по уху. Кайгусь тем временем спит беспробудным сном и сам, как видно, в пище не нуждается (эту черту можно

³⁴ «Когда люди на земле появились, Крылатая Калм снова полетела к Нум-Торуму. Сказала ему так:

— Ну вот, люди на нашей земле появились. Теперь скажи, чем они будут кормиться, чем прикроют от холода свои тела?

Нум-Торум голову опустил, долго думал. Потом так ответил:

— Крылатая Калм, лети обратно на землю. В тайге, в лесной чаще будет много сохатого зверя; на болота, в тундру я пушу оленей. Там они будут жить, пищу для себя искать, а люди пусть ходят туда на промысел.

Крылатая Калм спустилась на землю. Йолп-Торум-сянь спрашивает её:

— Какую весть ты принесла от своего отца?

— Нум-Торум так сказал: в тайгу, в лесную чащу, на болота и в тундру я пушу оленей и сохатых зверей; туда будут ходить люди добывать себе пищу».

заметить и за Волхом), и лишь удар колотушкой будит его. Узнав, что его людям нужна пища, он встает, отправляется на охоту, приносит большой запас дичи или рыбы, чтобы его хватило надолго, и снова укладывается спать. И затем спит до той поры, пока пища у его людей вновь не иссякнет и кто-нибудь из них вновь не пойдет его будить, чтобы он вновь раздобыл для всех еды [5, с. 169–170, № 95]. Охотится же Кайгусь, тоже прибегая к волшебству, но не к оборотничеству, как Волх, а используя волшебные предметы, которые приманивают к нему в неограниченном числе рыб, зверей и птиц. Этих предметов два, но главный из них один — волшебная дудка, на звуки которой и сбегаются звери, слетаются птицы и подходит к берегам рыба. А второй предмет — черемуховый посох, которым Кайгусь убивает замороженную дичь, которая даже не пытается сбежать. Как и в былине о Волхе, в мифе о Кайгусе тоже просматривается связь между животными, обитающими во всех трех средах, и центральным персонажем, выполняющим роль родоначальника и охотника. И связь эта тоже сверхъестественная. Но, как и в былине, она уже сильно видоизменена. Прямая власть Кайгуся над животным миром замещается силой воздействия волшебного предмета, а сотворение животных уступает место мотиву их выманивания из их укрытий. Но что особенно важно в этом мифе для анализа сюжета былины о Волхе, так это то обстоятельство, что здесь родоначальник постоянно кормит сотворенных им людей, а сами они никакого пропитания себе без него добыть не могут и никакими навыками охоты не обладают, а равно не ведают и иных типов хозяйственной деятельности, что говорит о том, что в лице этого коллектива перед нами предстает первая община сотворенных на земле людей. Эта картина во многом типологически схожа с тем, что мы наблюдаем в былине на примере взаимоотношений Волха и его дружины. И это дает твердое основание утверждать, что в сюжете былины о походе Волха в Индийское царство запечатлены в сильно измененном виде мотивы древнего мифа о сотворении первых людей и создании для них творцом, который одновременно является и их тотемным прародителем, всяческих благ, в том числе и источников пищи, в виде разнообразных животных, на которых эти люди могли охотиться. Сопоставление имеющихся в былине мотивов с материалами мифов других народов показывает, что в данном случае в былине отразилась особая вариация мифа-творения, очевидно, более молодая в сравнении с остальными, в которой предок-создатель не производит животных из какой-либо материи, а выгоняет их в населенное людьми пространство из заповедных мест их изолированного обитания, а говоря иными словами, из ниоткуда. Эту вариацию следует признать более молодой потому, что животные мыслятся в ней как уже существующие на момент создания людей, и творцу остается только вывести их к людям. Хотя это еще вопрос, какая из двух версий наполнения территории обитания людей животными более древняя, потому что создание животных из других материй, в частности из стружки деревьев, предполагает обращение демиурга к сложным техническим манипуляциям и представляет собой процесс созидания, т. е. искусственного сотворения чего-то, чего нет в природе.

Таким образом, текстологический и сравнительно-типологический анализ былины о Волхе обнаруживает в ней конкретные отголоски еще двух типов эпических произведений, легших в основу ее сюжета и, соответственно, еще двух стадий на пути долгой эволюции сюжета, в котором в качестве главного персонажа фигурировал Волх. Это этап, когда Волх выступал в качестве героя-одиночки так называемой волшебной сказки, в которой его главным приключением состояло в посещении потустороннего мира и похищении у его обитателей какой-то ценности. И этап, еще более ранний, когда Волх

выступал в роли прародителя и создателя первых людей на земле, причем действовал он по распространенной в фольклоре многих народов схеме: сначала создавал людей, а потом приступал к сотворению источников пищи для них. Впоследствии сотворение промысловых животных сменилось их выгоном из лесов, морских глубин и небес, а затем к этому добавился и новый мотив — обучение первых людей охоте как основному типу хозяйственной деятельности. Однако этому этапу развития мифа предшествовала другая стадия, когда Волх-творец был вынужден сам регулярно охотиться и добывать для людей пищу, поскольку они сами этого делать не умели. Установление точной последовательности возникновения и развития в мифе всех этих этапов представляет собой отдельную задачу. Нашей целью было объяснение тех логических несоответствий, которые наблюдаются в этой уникальной былине и понимание того, что за ними стоит.

Сокращения

ПД — Свод русского фольклора. Былины: в 25 т. СПб.; М.: Наука, 2013. Т. 16: Былины Пудог. 1296 с.

ПФНСДВ — Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока: в 60 т. Новосибирск: Наука, 1990–2008.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Богораз В. Г.* Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб.: Имп. Акад. наук, 1900. Ч. I. 417 с.
- 2 *Гильфердинг А. Ф.* Онежские былины. Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1983. 340 с.
- 3 *Криничная Н. А.* Русская мифология: мир образов фольклора. М.: Академический Проект, Гаудемаус, 2004. 1013 с.
- 4 *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2004. 466 с.
- 5 Мифы, предания, сказки кетов. М.: Наука; Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 343 с.
- 6 Мифы, предания, сказки хантов и манси. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1990. 568 с.
- 7 *Носов Н. Н.* Исторические и мифологические прототипы былинного образа Волха / Вольги: источники и гипотезы // Традиционная культура: Научный альманах. 2008. № 4 (32). С. 32–44.
- 8 *Носов Н. Н.* Волх / Вольга как герой раннеэпического образца: (Мифологическое происхождение и социальный статус) // Традиционная культура: Научный альманах. 2011. № 3 (43). С. 19–27.
- 9 *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. М.: Лабиринт, 1999. 638 с.
- 10 Свод русского фольклора. Былины: в 25 т. СПб.; М.: Наука, 2013. Т. 16: Былины Пудог. 1296 с.
- 11 Тувинские народные сказки. Новосибирск: Наука, Сибирская издат. фирма, 1994. 459 с.
- 12 Тувинские героические сказания. Новосибирск: Наука, Сибирское предприятие РАН, 1997. 583 с.
- 13 *Bogoras W. G.* Chukchee Mythology. Memoir of the American Museum of Natural History. New York, 1910. Vol. 8. 202 p.

© 2018. Alexander K. Sukharev
Moscow, Russia

**WHY VOLKH INVADED THE INDIAN LAND? OR THE TRAILS OF THE
ANCIENT HEROIC AND MYTHICAL TALES IN THE RUSSIAN EPIC TALE
“VOLKH VSESLAVIEVICH”**

Abstract: This article inquires two principal episodes in the Russian epic tale “Volkh Vseslavievich”, which relates about the Volkh's campaign against Indian kingdom. The first episode is the joint hunting of Volkh and his warriors on different animals, including forest wild beasts, birds and sea fish, before or on the march to the borders of Indian land. The second is the Volkh's secret visit to the Indian land before his invasion. The material of second episode reveals some initial features of Volkh linking him with others heroes of traditional world-known heroic fairy tales. Like those figures in the archaic core of the tale Volkh visited the other world alone with the purpose of getting some useful objects by the means of robbery, abduction or theft. During this adventure he had to oppose supernatural force of the other world's lord, using his own magical abilities not to vanquish but to deceive this powerful creature. The second episode of the tale gives material for reconstruction of main features of the old creation myth, where Volkh played a role of the creator of humans and different animals. Perhaps this was the oldest role of Volkh known to us, which links him with similar totem-creators presented in the tales of Siberian hunting peoples.

Keywords: Volkh, culture hero, creation tale, totem, heroic tale, Russian folklore, epic tale, epic hero.

Information about author: Alexander K. Sukharev — PhD in History, Moscow State Institute of Culture, Bibliotechnaya Str., 7, 141406 Moscow Region, Khimki, Russia. E-mail: Sukharev_AK86@mail.ru

Received: September 25, 2017

Date of publication: June 15, 2018

For citation: Sukharev A. K. Why Volkh invaded the Indian land? Or the trails of the ancient heroic and mythical tales in the Russian epic tale “Volkh Vseslavievich”. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 48, pp. 179–199. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Bogoraz V. G. *Materialy po izucheniju chukotskogo jazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskoi okruge* [The materials for studying Chukchee language and folklore, collected in Kolyma region]. St. Petersburg, Imp. Akad. nauk Publ., 1900. Part I. 466 p. (In Russian)
- 2 Gil'ferding A. F. *Onezhskie byliny* [Byliny of Onega region]. Arhangel'sk, Severo-Zapadnoe knizhnoe izd-vo Publ., 1983. 340 p. (In Russian)
- 3 Krinichnaja N. A. *Russkaja mifologija: mir obrazov fol'klora* [Russian mythology: the world of the folklore characters]. Moscow, Akademicheskij Proekt, Gaudemaus Publ., 2004. 1013 p. (In Russian)
- 4 Meletinskij E. M. *Proishozhdenie geroicheskogo jeposa. Rannie formy i arhaicheskie pamjatniki* [The origin of heroic epos. The early forms and archaic sources]. Moscow,

- Nauka Publ., 2004. 466 p. (In Russian)
- 5 *Mify, predanija, skazki ketov* [The kety's myths, legends and tales]. Moscow, Nauka Publ., 2001. 343 p. (In Russian)
- 6 *Mify, predanija, skazki hantov i mansi* [The myths, legends and tales of khanty and mansy]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 568 p. (In Russian)
- 7 Nosov N. N. Istoricheskie i mifologicheskie prototipy bylinnogo obraza Volha / Vol'gi: istochniki i gipotezy [The historical and mythological prototypes of Volh's / Volga's figure in Russian byliny: the sources and hypotheses]. *Tradicionnaja kul'tura: Nauchnyj al'manah*, 2008, vol. 4 (32), pp. 32–44 (In Russian)
- 8 Nosov N. N. Volh / Vol'ga kak geroj rannejepicheskogo obrazca: (Mifologicheskoe proishozhdenie i social'nyj status) [Volh / Vol'ga like a hero of early epic tradition: his mythological origin and social status]. *Tradicionnaja kul'tura: Nauchnyj al'manah*, 2011, vol. 3 (43), pp. 19–27 (In Russian)
- 9 Propp V. Ja. *Russkij geroicheskiy jepos* [The Russian heroic epos]. Moscow, Labirint Publ., 1999. 638 p. (In Russian)
- 10 *Svod russkogo fol'klora. Byliny: v 25 t.* [The complete Russian folklore]. St Petersburg, Moscow, Nauka Publ., 2013. Vol. 16: Byliny Pudogi, 2013. 1063 p. (In Russian)
- 11 *Tuvinskie narodnye skazki* [The folk tales of Tuva]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1994. 459 p. (In Russian)
- 12 *Tuvinskie geroicheskie skazanija* [The heroic tales of Tuva]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1997. 583 p. (In Russian)
- 13 Bogoras W. G. *Chukchee Mythology. Memoir of the American Museum of Natural History*. New York, 1910. Vol. 8. 202 p. (In English)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. Е. Н. Егорова
г. Архангельск, Россия

**ВЕЩЬ КАК КЛЮЧ К ВОСПОМИНАНИЮ
(КУЛЬТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
«ЧЕМОДАН» С. Д. ДОВЛАТОВА)**

Аннотация: В статье приводятся данные культурно-семантического исследования произведения «Чемодан» С. Д. Довлатова. Анализируются языковые средства, актуализирующие хаотичность перечисления вещей и линейность воспоминаний. Под призмой семантики оппозиций характеризуются социокультурное пространство повествования и авторская модальность, объективируемая через качество вещей. Акцентируется внимание на смыслах, репрезентирующих абсурдность и разлад с действительностью как норму жизни творческой личности. В исследовании выделяются главные смысловые оппозиции произведения: советское – антисоветское, свобода – несвобода, интеллигентность – неинтеллигентность, человек – зверь, принц – нищий и др. В процессе изучения художественного дискурса через образ вещи реконструируются фрагменты концептуальной картины мира.

Ключевые слова: подтекстовый смысл, ключевые социокультурные оппозиции, сильные текстовые позиции, модальность, интертекстуальность.

Информация об авторе: Екатерина Николаевна Егорова — кандидат филологических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Наб. Северной Двины, д. 17, 163000 г. Архангельск, Россия. E-mail: ruslit1611@yandex.ru

Дата поступления статьи: 08.05.2017

Дата публикации: 15.06.2018

Для цитирования: Егорова Е. Н. Вещь как ключ к воспоминанию (культурно-семантический анализ произведения «Чемодан» С. Д. Довлатова // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 200–210.

«В каждой работе необходима минимальная доля абсурда...»

Книга «Чемодан», наряду с такими произведениями, посвященными жизни автотопсихологического героя, как «Зона», «Компромисс», «Заповедник», «Наши», «Филиал», является одним из центральных произведений довлатовской прозы.

Как известно, рассказы, вошедшие в сборник «Чемодан», были созданы в Нью-Йорке. С. Н. Ширяева отмечает: «Впервые на русском языке книга появилась в эмигрантском “Эрмитаже” в 1986 году. В 1990 году, спустя две недели после смерти автора, “Чемодан” вышел на английском языке, там же в Нью-Йорке» [9, с. 193].

«Чемодан» С. Д. Довлатова исследователи относят к циклу рассказов, созданных в стиле псевдодокументализма [6; 7]. Перечень основных сюжетов и мотивов с очевид-

ностью интересно изучать как под призмой интертекстуальности, так и в контексте плюсов, оппозиций смысла, т. е. в культурно-семантическом аспекте [1; 7].

По словам Г. А. Доброзраковой, «интертекстуальные и ассоциативные связи повести с произведениями русской литературы XX в. (А. Блок “Грешить бесстыдно, не пробудно...”, И. Ильф “Записные книжки”, В. Голявкин “О чемодане”, А. Тарковский “Вещи”, Д. Кедрин “Есть у каждого бродяги сундучок воспоминаний...”, М. Осоргин “Вещи человека”, Б. Житков “Что я видел”, “Что я нажил”) были намечены в монографии И. Сухих “Сергей Довлатов: время, место, судьба”» [1, с. 77].

Цель нашего анализа — выявить подтекстовый и пресуппозитивный смыслы, описать размещение социокультурных оппозиций в сильных текстовых позициях, обозначить ключевые слова, приемы оживления внутренней формы, прецедентные тексты, актуализирующие пресуппозиции, окказиональные номинации, приемы, воздействующие на подсознание читателя, и др.

Структура рассказов в книге оригинальна: указав в предисловии один порядок вещей, автор резко меняет последовательность их описания: «Сверху лежал приличный двубортный костюм (1). В расчете на интервью, симпозиумы, лекции, торжественные приемы. Полагаю, он сгодился бы и для Нобелевской церемонии. Дальше — поплиновая рубашка (2) и туфли (3), завернутые в бумагу. Под ними — вельветовая куртка (4) на искусственном меху. Слева — зимняя шапка (5) из фальшивого котика. Три пары финских креповых носков (6). Шоферские перчатки (7). И наконец — кожаный офицерский ремень (8). На дне чемодана лежала страница “Правды” за май восьмидесятого года. Крупный заголовок гласил: “Великому учению — жить!”» [4, с. 644].

Как видно из представленного контекста, упоминание о «креповых финских носках» занимает здесь срединную позицию, однако основное повествование начинается с истории, названной именно так: «Креповые финские носки» [4, с. 646].

Известно, что среди сильных текстовых позиций обычно выделяют начало и финал текста, заглавие, ключевые слова, эпиграф (если есть). Перед нами словосочетание, реализующее одновременно несколько функций лида:

- 1) заглавную, привлекающую внимание, удивляющую, фактуальную;
- 2) функцию ключевого слова — в тексте встречается как сама лексема, актуализирующая значения, так и слова-стимулы (смысловой привязки), например, «крепнейлон», «синтетика», «синтетическое дерьмо», «клеймо “Мейд ин Финланд”» и пр.;
- 3) финального акцента: «Так я и уехал, бросив в пустой квартире груду финских креповых носков. Лишь три пары сунул в чемодан» [4, с. 656].

При этом интересно отметить тот факт, что модально-оценочная составляющая сильной текстовой позиции явно негативная: «синтетическое дерьмо», «хреновина», «блядская промышленность», «подлянка от социалистической экономики», «безобразной гороховой расцветки», «дрянь» и пр. С одной стороны, отрицательная коннотация текстового окружения очевидна и сообразна «криминальной» ситуации; с другой — автор всячески акцентирует внимание на количестве, производит «математические выкладки» и пр.: «три пары», «двести сорок пар», «количество этой дряни почти не уменьшалось», «груды финских креповых носков», а также подчеркивает многовариативность использования «черного» товара: «Я дарил их всем своим знакомым. Хранил в них елочные игрушки. Вытирал ими пыль. Затыкал носками щели в оконных рамах. И все же количество этой дряни почти не уменьшалось» [4, с. 656].

Довлатов как будто играет со знакомой нам пресуппозицией: если нет или мало, то дефицит, мода, черный рынок, дорого; а если есть и много, «завал» — никому

не нужно, бесполезно. Такова имплицитно содержащаяся в высказывании информация. Вслед за этой можно обозначить в тексте и другие (ставшие очевидной оппозицией) смысловые моменты: «недостаток – избыток», «Советская промышленность» vs «“Мейд ин Финланд”», «подлянка от социалистической экономики» vs «звериный оскал капитализма», изменения в жизни – постоянство в атрибуте: «И лишь одно было неизменным. Двадцать лет я щеголял в гороховых носках» и др.

Описывая дискурсивные признаки вещи-концепта, мы приходим к мысли: в ядре значения оказывается искусственный материал («синтетика») как метафора пустоты в настоящем, начальной точки истории человека с чемоданом («Так я и уехал, бросив в пустой квартире груды финских креповых носков»). Возможно, поэтому в препозиции словосочетания первично относительное «креповые», а не притяжательное прилагательное «финские»: «креповые финские носки».

Наконец, резюмируя вышесказанное, с целью подтверждения документальности этого художественного произведения, созданного в 1986 г., через деталь (словоформу «креповые») обратимся к статистическим ресурсам Национального корпуса русского языка. По данным ресурса, пик словоупотребления пришелся как раз на год создания произведения, что рождает лишь еще одну догадку, почему, нарушив последовательность предисловия, автор начал повествование о криминальной юности, первой любви и старых друзьях с описания такой малозначительной вещи «в горошек».

Безусловно, «представление» вещей не по заданному списку в предисловии подтверждает и гипотезу о соблюдении хронологии событий.

Что касается интертекстуальных находок первой части — литературоведы отмечают: «Глава “Креповые финские носки” перекликается с последней довлатовской повестью — “Филиал” (а через нее — с повестью А. Битова “Сад”, посвященной любви Сергея Довлатова и Аси Пекуровской) — не только на мотивном уровне (мотив бедности влюбленного молодого человека), но и с помощью включения в “Филиал” точных и неточных цитат» [6; 7; 8].

Третье место в перечне чемоданных вещей занимают «туфли, завернутые в бумагу», а истории их «приобретения» посвящен второй текст книги «Чемодан». Как будто стараясь спрятать украденную вещь, автор использует для заглавия синоним номинации — «полуботинки», «снабжая» его емким определением — «номенклатурные». Наконец, в пространстве текста (где чувствует себя в полной безопасности) писатель превращает «полуботинки» в ботинки: «Я должен начать с откровенного признания. Ботинки эти я практически украл...» [4, с. 656]. Модально-оценочное окружение этой «вещи» выглядит весьма мажорным по сравнению с дискурсом, обрамляющим концепт «креповые финские носки»: «в советском магазине нет таких ботинок», «украл я их не в магазине, разумеется», «добротные советские ботинки, предназначенные на экспорт», «я ощутил их благородную, тяжеловатую прочность» [4].

Для современного читателя, по-видимому, кажется нелогичным стечение двух обстоятельств, «советских ботинок» нет в «советском магазине», однако носителя языка и культуры XX в. не найдут в этом никакого нарушения закона логики, тем более автор пророчески поясняет: «предназначенные на экспорт». Так актуализируется мощная парадигма смыслов, характерная для советского времени: «для своих», «блат», «достать» и пр.

Кстати, тот факт, что по размеру ботинки не подходили мэру, есть не что иное, как пресуппозиция, также объективирующая типичную для 1980-х гг. ситуацию. Передавая всю палитру экземплифицированных ощущений (от «крайней сосредоточенно-

сти» до «игры на рояле»), автор делится сокровенным, тем, что способно «вынудить затаить дыхание»: «А я наблюдал за мэром. Что-то беспокоило его. Томило. Заставляло хмуриться и напрягаться. Временами по его лицу бродила страдальческая улыбка. Затем произошло следующее. Мэр резко придвинулся к столу. Не опуская головы, пригнулся. Левая рука его, оставив бутерброд, скользнула вниз. Около минуты лицо почетного гостя выражало крайнюю сосредоточенность. Потом, издав едва уловимый звук лопнувшей шины, мэр весело откинулся на спинку кресла. И с облегчением взял бутерброд. Тогда я незаметно приподнял скатерть. Заглянул под стол и тотчас выпрямился. То, что я увидел, поразило меня и вынудило затаить дыхание. Я сжался от причастности к тайне. А увидел я крупные ступни мэра города, туго обтянутые зелеными шелковыми носками. Пальцы ног мэра города шевелились. Как будто мэр импровизировал на рояле. Ботинки стояли рядом» [4, с. 664]. Общей «сценарности» фрагмента способствуют обилие глагольных и деепричастных форм, емкость и лаконичность парцеллированных синтаксических конструкций, яркость сравнений, метафор, олицетворений.

Финальная фраза не может не навести на мысль о персонификации «благородной» вещи: «Ботинки стояли рядом». Помимо акцента на субъекте, грамматическая конструкция всего предложения способствует «одушевлению» номинации. Кстати, определение реализуют ту же функцию, поскольку «номенклатурные» значит «являющиеся номенклатурой», а следовательно, «назначенные по специальному решению высшей инстанции». Так заглавие «номенклатурные полуботинки» становится окказиональным и намеренно деформированным именно из-за природной лексической несочетаемости включенных слов. Конечно, нами не исключается и фактор принадлежности объекту речи — мэру Ленинграда.

Оппозиции в этом тексте, связанные по смыслу с ключевым словом «ботинки», также заслуживают внимания: «креповым финским носкам» противопоставлены «зеленые шелковые»; «мэру / боссу с охранниками» vs «работяги, товарищи»; «загадочному воровству без какой-либо цели, характерному лишь для российского государства», практичное преступное деяние героя («украл», «стащил»).

При этом мотивы преступления, обозначенные автором, актуализируют типичную приметку времени — «несогласие с системой»: «И тут — не знаю, что со мной произошло. То ли сказалось мое подавленное диссидентство. То ли заговорила во мне криминальная сущность. То ли воздействовали на меня загадочные разрушительные силы» [4, с. 664]. Анафористичность, парцеллированность и синтаксический параллелизм конструкций воздействуют на читателя гипнотически: начинаешь верить в отсутствие мотива преступления и присутствие разрушительных сил.

В заглавии «Приличный двубортный костюм» имплицитно представлен смысловой компонент: «Приличия официальных встреч соблюдены, если есть костюм». Этой положительно оценочной лексеме «приличный» отведена препозиция: «Сверху лежал приличный двубортный костюм (1). В расчете на интервью, симпозиумы, лекции, торжественные приемы. Полагаю, он сгодился бы и для Нобелевской церемонии» [4, с. 644].

Чемодан оказывается вместилищем не столько вещей (материя), сколько воспоминаний. Как видно из текста, существующий диссонанс обнаруживается и в мире людей, и в мире вещей. Одежда объективируется здесь в качестве одного из способов коммуникации: «своими брюками, товарищ Довлатов, вы нарушаете праздничную атмосферу здешних мест»; «Мы оказали вам доверие. Делегировали вас на похороны

генерала Филоненко. А вы, как мне стало известно, явились без пиджака»; «Извольте одеваться так, как подобает работнику солидной газеты!» [4, с. 667].

Находим также подтверждение мысли о существовании комплекса несоответствия внешнего и внутреннего: «Я и сейчас одет неважно. А раньше одевался еще хуже. В Союзе я был одет настолько плохо, что меня даже корили за это». При этом автор намеренно обращает наше внимание на оценку рассказчика внешнего вида других персонажей: «Цыпин — в замшевой куртке и джинсах. Я и не подозревал, что он щеголь» [из фрагмента «Номенклатурные ботинки», интертекст]; «Им (шпионам) надо вести себя гораздо проще. Во-первых, одеваться как можно шикарнее» [из фрагмента «Приличный двубортный костюм»] [4, с. 675].

Интертекстуальный смысловой «крючок» заброшен посредством антономазии: «На вас была какая-то старая ряса. — Это не ряса. Это заграничная куртка. И кстати, подарок Леже. (Куртка, и вправду, досталась мне от Фернана Леже. Но эта история — впереди.) — Что такое “леже”? — поморщился редактор. — Леже — выдающийся французский художник» [4, с. 667].

Как видим, рассказ «Приличный двубортный костюм» перекликается с рассказом «Куртка Фернана Леже» (С. Довлатов кратко пересказывает историю подаренной ему куртки). Кроме того, эта значимая часть «Чемодана» связана с повестью «Компромисс», рассказывающей о компромиссах в журналистской работе.

Условия компромиссного решения также интересны для анализа: «Три статьи широкого общественно-политического звучания. И тогда редакция премирует вас скромным костюмом. — Что значит — скромным? Дешевым?» Здесь лексема «скромный» действительно актуализирует смысл «небогатый». Автор в диалоге это подчеркивает с помощью нарушения логики противопоставления (категория «стоимость» и категория «цвет»): «Не дешевым, а черным. Для торжественных случаев» [4].

Приличный двубортный костюм, который впоследствии становится собственностью автора, похож на квадратные скобки смысла: жизненный путь каждого человека мифологичен по своей природе (с одной стороны, миф о сизифе [«А моего шведа через неделю выслали из Союза. Он был консервативным журналистом. Выразителем интересов правого крыла»], с другой — миф о лабиринте [вход в лабиринт — «расчет на симпозиумы», выход — «делеги́рование на похороны»]). Не та национальность, не то имя, не те обстоятельства — всё это так называемые деструктивные факторы, за которыми скрыты интереснейшие судьбы, о которых хочет, но не может писать автор: «Мои записи были полны интересных деталей. Мне не терпелось приступить к работе» [4].

Характерные для фрагмента оппозиции представлены в разных формах (как имплицитно, так и эксплицитно):

«— У меня нет костюма. Для театра нужна соответствующая одежда. Там, между прочим, бывают иностранцы» (оппозиция «свое – чужое»);

«— Почему же у вас нет костюма? — спросил майор. — Что за ерунда такая? Вы же работник солидной газеты» (оппозиция «впечатление – реальность»);

«— У меня, — говорю, — нестандартный размер» (оппозиция «стандартность – индивидуальность»);

«— Ничего, — сказал редактор, — я позвоню директору универмага...» (Имплицитные оппозиции «свой – чужой», «вверх – низ», асимметричность отношений «начальник – подчиненный»; переход на симметрию для преодоления трудности: «главный редактор – директор универмага»);

«Так я стал обладателем импортного двубортного костюма. Если не ошибаюсь, восточногерманского производства» (оппозиция «свое – чужое», «советское – заграничное»).

Для автора цепочка этих оппозиций сообразна линии жизни, реконструируемой посредством череды воспоминаний. Эти полюса смыслов ведут к цели: Новый год — новый «приличный двубортный костюм»: «Есть решение наградить товарища Довлатова ценным подарком... Так я стал обладателем импортного двубортного костюма» [4, с. 678].

Более «глубоководный» смысл о природе человека и человеческого актуализируется в следующем рассказе, названном отчасти с использованием имплицитной синекдохи и представленном как целое, — «Офицерский ремень» (под частью синекдохи мы имеем в виду «бляху с рельефной звездой как вид грозного оружия»). Эта часть книги также интертекстуальна и связана с произведением «Зона»: «Все это произошло со мной летом шестьдесят третьего года на юге республики Коми» [4, с. 679].

Сопровождая 'якобы' ненормального заключённого, из состояния «нормы» выходит Чурилин. Часто С. Д. Довлатов упоминает в своих текстах о природе интеллигентности, о природе человека (есть очерк «Это непереводаемое слово “хамство”»): «Интеллигентность мне вредила, еще когда я занимался боксом». Здесь возникает отсылка к оппозиции «интеллигентность/человечность – неинтеллигентность/звериность». Особенно это проявляется в стихийной «дуэли», в ситуации предельности, в пороговом состоянии между жизнью и смертью: «Я видел, как Чурилин снимает ремень. Я не сообразил, что это значит. Думал, что он поправляет гимнастерку. Теоретически я мог пристрелить его или хотя бы ранить. Мы ведь были на задании. Так сказать, в боевой обстановке. Меня бы оправдали. Вместо этого я снова двинулся к нему. Интеллигентность мне вредила, еще когда я занимался боксом. В результате Чурилин обрушил бляху мне на голову» [4, с. 684].

Природа интеллигентности героя в деталях жизни и поступках, как большое в малом: он мог быть пристрелить, не дать, сообщить, но он не убил, отдал, простил. При этом создается впечатление, будто все окружение автопсихологического персонажа осведомлено о мягкости и деликатности, о силе офицерского духа и человечности героя, однако потребительски и со звериной жадностью неблагодарно использует человеческое в нечеловеческих целях. Так читатель знакомится с оппозициями: «закон – преступление», «нормальный – ненормальный», «свой – чужой», «свобода – несвобода»; а также с вопросом о том, что границы этих противопоставлений зачастую размыты и стерты.

Как справедливо утверждают исследователи довлатовской прозы, «в рассказах «Куртка Фернана Леже» и «Зимняя шапка» через «домашние» сюжеты и общих героев (родители, домработница, брат Борис, друзья героя) просматривается связь с главами повести “Наши”» [1; 2; 3; 5; 6; 7; 8].

Версия появления куртки такова: знаменитый французский художник завещал своей жене быть «другом всякого сброда». Вещь мастера Нина Черкасова передала другу своего сына Андрея. Довлатов в действительности изысканно шифрует смысл: друг — Андрей, автопсихологический герой — «сброд».

В начале текста «Куртка Фернана Леже» Довлатов определяет: «это рассказ о принце и нищем» [4, с. 691]. Ключевая оппозиция, обозначенная автором, концептуализируется многочисленными несоответствиями в жизненных обстоятельствах: весна – осень (рождение принца и нищего в 1941); выдающийся – только худобой (происхождение и статус отцов); артист – рядовой деятель театра (значимость в деле); талант

отца – сомнение в таланте (профессиональная роль); знает вся страна – знают соседи (сфера популярности); друзья – бытовое окружение (круг общения).

Игра антитезами иногда сменяется акцентом на общем: «лежали рядом в детских колясках»; «Питались мы, я думаю, одинаково скверно. Шла война». Сквозь череду противопоставлений просматриваются также намеки на природу интеллигентности героя: «Конечно, я тоже любил шоколад. Но делал вид, что предпочитаю ириски» [4, с. 693].

Как метко и иронично обыгрывает автор цитату: «Я не жалею о пережитой бедности. Если верить Хемингуэю, бедность — незаменимая школа для писателя. Бедность делает человека зорким. И так далее. Любопытно, что Хемингуэй это понял, как только разбогател...» [4, с. 694]. В подтексте появляется (как минимум) двусмысленность: «Хемингуэй разбогател и перестал быть зорким» или «Хемингуэй разбогател и остался писателем»?

Из сотканных антонимичных смыслов рассказа мы узнаем о принце и нищем — о жизнях преуспевающего физика и диссидентствующего лирика. О куртке Фернана Леже, о вещи, смысл которой объективируется посредством рассказа — завещанной истории про «друга всякого сброда».

Получив в подарок старую вельветовую куртку, герой был растерян: «Куртка явно требовала чистки и ремонта. Локти блестели. Пуговиц не хватало. У ворота и на рукаве я заметил следы масляной краски» [4, с. 699].

К знакомым нам по тексту оппозициям («советское – американское») возвращает фраза: «Такие куртки, если верить советским плакатам, носят американские безработные» [4, с. 699].

Удивительно, но нестандартность размера героя, подчеркнутая в предыдущем рассказе, здесь контрастирует с гармоничностью: «Я надел куртку. Она была мне впору. Ее можно было носить поверх теплого свитера. Это было что-то вроде короткого осеннего пальто» [4, с. 699].

Воспоминания о владельце куртки: «Это был высокий, сильный человек, нормандец, из крестьян. <...> Фронтонные рисунки Леже проникнуты ужасом. В дальнейшем он, подобно Маяковскому, боролся с искусством. <...> Ему казалось, что линия важнее цвета. Что искусство, от Шекспира до Эдит Пиаф, живет контрастами. Его любимые слова: “Ренуар изображал то, что видел. Я изображаю то, что понял...”» [4, с. 699–700].

Нельзя не согласиться с тем, что в этой части произведения, как и в остальных, явно представлено предназначение писателя — «быть принцем духа». Не зря так часто в жизни героя наблюдается тот самый конфликт с материальным и вещественным миром, тот самый разлад с действительностью.

Как и финские носки, приличный двубортный костюм восточно-германского производства, номенклатурные ботинки на экспорт (каких не было в советских магазинах), поплиновая рубашка не была советской: «если не ошибаюсь, румынского производства. <...> Приличная рубаха, скромная и доброкачественная. Да здравствует товарищ Чаушеску!..» [4, с. 712].

Эта вещь не просто воспоминание о подарке жены, собирающейся уезжать. Она выполняет функцию реконструкции в памяти пограничного момента, когда на фоне полнейшей статики герой обнаруживает, какой «силы и остроты может достигать» чувство; символ любви и заботы двух людей, которых связывают «двадцать лет взаимной обособленности и равнодушия к жизни» [4].

Кстати, именно из рассказа «Поплиновая рубашка» мы узнаем об одной из трех версий знакомства героя со своей женой (две другие представлены в повестях «Заповедник» и «Наши») [4, с. 293, с. 381].

В сильной текстовой позиции (финале рассказа) содержится упоминание о подарке, купленном на «лишние» (а в реальности — из смыслового подтекста — «нелишние») деньги.

Здесь интересно продолжение ряда оппозиций, а также то, как на динамичном текстовом фоне изображены статичные герои, «пренебрегшие своими гражданскими обязанностями» и «имеющие в качестве свидетельства о браке ребенка». Статичность торжествует внешне: «Только куда я в ней пойду? В самом деле — куда?!» [4, с. 712]. Движение (подвиг) здесь внутренний. Из трех существующих путей — законов жизни (жить и все время чего-то желать, жить и стараться достигнуть знания, жить и любить) герои выбирают самый сложный (третий).

Ключом к воспоминанию, такому немногословному (в отличие от других воспоминаний) и такому сокровенному, выступает «поплиновая рубашка» румынского производства. Суть метафоры отношений героев очевидна: она скрыта в качестве ткани. Поплин — натуральная ткань, особенность прочности которой заключается в соединении толстой и тонкой нитей, в описаниях свойств часто встречается сравнение «как в рубчик».

Смысловая оппозиция «советское – антисоветское» («свое – чужое») присутствует и в следующем тексте, повествующем о «Рае, газетной поденщине, нелепой лыжной шапочке, и даже любовных успехах Бориса». Интересна эта оппозиция в деталях: в переименовании гостиницы («Советская» – «Антисоветская»), в интертекстуальной отсылке к рассказу о номенклатурных ботинках: «— Чем это вас саданули — кирпичиной? — Ботинком, — говорю. Врач уточнил: — Наверное, скороходовским ботинком? И добавил: — Когда же мы научимся выпускать изящную советскую обувь?!...» [4, с. 719].

Заметим, именно качество вещи становится метафорической основой для актуализации авторской модальности (отношения автора к описываемым личностям, ситуациям и пр., ср.: качество финских носков или бляха из олова на офицерском ремне). Вот и зимняя шапка из «лыжной, уродливой, нелепой» 'героически' становится «котиковой».

В рассказе «Зимняя шапка» Довлатов продолжает разговор с читателем на тему «разлада с действительностью»: внешнее противопоставляется внутреннему, материальное — духовному. Одно только сочетание «трубадуры режима» реализует многогранную функцию смыслопорождения о «железных принципах», «фальшивом энтузиазме», «неосуществимых мечтах о творчестве...» [4, с. 713, 715].

Отражение в зеркале — ложное дублирование образа, это хорошо осознает автотопсихологический персонаж: «тем более что в зеркало я не глядел уже лет пятнадцать» [4, с. 713].

Однако герои, его окружающие, как будто не могут понять бахтинскую мысль об истинности отражения в глазах Другого: «— Вы одеваетесь, как босяк! Я ответил: — Ничего страшного. Представьте себе, что я монтер или водопроводчик. Аристократка торопится домой в сопровождении электромонтера. Все нормально» [4, с. 717]. Интертекстуальность обнаруживается в отрывке мгновенно (М. М. Зощенко «Аристократка»), и тут же в подтексте диалога появляются новые смыслы о соответствии и несоответствии, об этажах культуры, о масках и стереотипах.

Все события словно концентрируются вокруг «уродливой», «забытой кем-то», «лыжной» шапки: «У него свалилась шапка. И у меня свалилась шапка. Я смотрю — его шапка новее. Нагибаюсь, беру его шапку. А он, естественно — мою. Я его изматерил. И он меня. На том и разошлись. А эту шапку я дарю тебе. Бери» [4, с. 723].

Многочисленные лексические повторы ключевого слова становятся акцентами в парцелированных конструкциях, создающих ощущение динамичности, эффекта реалистичности и правдоподобности драки. Финальная реплика героя в этом рассказе также подана правдоподобно: «Зато, — говорю, — у меня есть новая котиковая шапка» [4, с. 724]. А ведь в предисловии автор указал на фальшивость материала, из которого была сделана шапка: «Слева — зимняя шапка из фальшивого котика» [4, с. 644]. Так актуализируется смысл псевдопревращения, негативная коннотация остается прежней, автопсихологическому герою по-прежнему «тошно» от фальшивого окружения, изображающего категоричное представление об истинности выбранного жизненного пути.

«Шоферские перчатки» [4] — заглавие и одновременно текстовая деталь, второстепенный элемент «киношности» и «театральности», акцент на абсурдности, повествование о съемках в аполитичном фильме в роли царя.

Тема актерства и ритуальности в реальной жизни неисчерпаема. Она присутствует и в общем смысле историй и оппозиций, и в частном: «Мужчины были в серых пиджаках и телогрейках. Они держались строго и равнодушно, как у посторонней могилы» [4, с. 733]. Лаконичное, но емкое в значении сравнение содержит пресуппозицию: «Каждый находится в своём ‘людском’ круге, и гибель одного из круга оставляет равнодушными посторонних, людей из Другого круга». «Сколько людей ежедневно умирает и рождается заново?» [4, с. 733].

Интересно, как воспринимают люди «приблизительно Долматова» в образе царя Петра (в очереди за пивом): «— Я стою за лысым. Царь за мной. А ты уж будешь за царем...» [4, с. 734]; как чувствует себя сам герой в «атрибутах», подчеркивающих его внешнюю нестандартность и внутренний разлад: «Приближаясь к толпе, я испытывал страх. <...> Кому нужен весь этот глупый маскарад?!...» [4, с. 733].

«Шоферские перчатки» становятся также и частью стереотипного представления гражданина России о том, что каждый американец является владельцем собственного автомобиля: «Шоферские перчатки я захватил в эмиграцию. Я был уверен, что первым делом куплю машину» [4, с. 736]. Несоответствие общему фону, инакомыслие и пр. объективируется посредством «отсутствия» материального блага: «Да так и не купил. Не захотел. Должен же я чем-то выделяться на общем фоне! Пускай весь Форест-Хиллс знает “того самого Довлатова, у которого нет автомобиля”!» [4, с. 736].

Выявление подтекстового и пресуппозитивного смыслов, описание ключевых социокультурных оппозиций в сильных текстовых позициях позволили охарактеризовать одно из центральных произведений Сергея Довлатова «Чемодан».

Подводя итоги культурно-семантического анализа, следует отметить:

- хаотичность перечисления вещей и линейность воспоминаний,
- авторскую модальность, объективируемую через качество вещей,
- абсурдность и разлад с действительностью как норму жизни творческой личности.

Вещи как ключи смыслов реконструируют концептуальную картину мира автора, а интертекстуальные обращения отражают ее лингвокультурную составляющую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Доброзракова Г. А.* Интертекстуальные связи повести С. Довлатова «Чемодан» с произведениями русской классической литературы XIX–XX веков // Известия саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2011. № 1. С. 77–80.
- 2 *Доброзракова Г. А.* Мифы Довлатова и мифы о Довлатове: Проблемы морфологии и стилистики. Самара: ПГУТИ, 2008. 216 с.
- 3 *Доброзракова Г. А.* Сергей Довлатов: диалог с классиками и современниками. Самара: ИНУЛ ПГУТИ, 2011. 262 с.
- 4 *Довлатов С.* Избранное: Повести, рассказы. СПб.: Азбука, 2013. 944 с.
- 5 *Довлатов С.* Иная жизнь. СПб.: Азбука, 2012. 320 с.
- 6 *Сухих И.* Сергей Довлатов: в круге третьем // *Довлатов С.* Иная жизнь. СПб.: Азбука, 2012. С. 7–30.
- 7 *Сухих И.* Сергей Довлатов: время, место, судьба. СПб.: Азбука, 2010. 288 с.
- 8 *Харитонова Е. А.* Колумнистика С. Довлатова: смыслообразующие логосы образа родины // Язык и социальная динамика. 2013. № 13. С. 137–140.
- 9 *Ширяева С. Н.* Поэтика цикла «Чемодан» С. Довлатова // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 5. С. 193–196.

© 2018. Ekaterina N. Egorova
Arkhangelsk, Russia

**OBJECT AS THE KEY TO REMEMBERING
(CULTURAL AND SEMANTIC ANALYSIS
OF THE WORK “SUITCASE” BY S. D. DOVLATOV)**

Abstract: This article is devoted to the cultural and semantic research of the work “Suitcase” by S. D. Dovlatov. The paper explores language tools that actualize the randomness of the things enumeration and the linearity of memories. It also deals with the socio-cultural space of the narration and the author's modality, objectified through the quality of the things, in terms of semantics of the oppositions. The author focuses on the meanings representing absurdity and the discord with reality as a norm of creative person's life. The study identifies main semantic oppositions of the work: Soviet — anti-Soviet, freedom — lack of freedom, intelligence — non-intellectualism, man — beast, prince — beggar, etc. Investigating the artistic discourse through the image of object (thing) the author reconstructs fragments of the conceptual worldview.

Keywords: the subtextual meaning, key socio-cultural oppositions, the strong textual positions, modality, intertextuality.

Information about author: Ekaterina N. Egorova — PhD in Philology, Associate Professor, Northern Arctic Federal University, Severnaya Dvina Embankment, 17, 163000 Arkhangelsk, Russia. E-mail: ruslit1611@yandex.ru

Received: May 08, 2017

Date of publication: June 15, 2018

For citation: Egorova E. N. Object as the key to remembering (cultural and semantic analysis of the work “Suitcase” by S. D. Dovlatov). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 48, pp. 200–210. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Dobrozrakova G. A. *Intertekstual'nye svyazi povesti S. Dovlatova “Chemodan” s proizvedeniyami russkoi klassicheskoi literatury XIX–XX vekov* [The intertextual connections of the story of S. Dovlatov “Suitcase” with the works of Russian classical literature of the XIX–XX centuries]. *Izvestiya saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 2011, no 1, pp. 77–80. (In Russian)
- 2 Dobrozrakova G. A. *Mify Dovlatova i mify o Dovlatove: Problemy morfologii i stilistiki* [Myths of Dovlatov and myths about Dovlatov: Problems of morphology and stylistics]. Samara, PGUTI Publ., 2008. 216 p. (In Russian)
- 3 Dobrozrakova G. A. *Sergei Dovlatov: dialog s klassikami i sovremennikami* [Sergey Dovlatov: dialogue with classics and contemporaries]. Samara, INUL PGUTI Publ., 2011. 262 p. (In Russian)
- 4 Dovlatov S. *Izbrannoe: Povesti, rasskazy* [Selected: Stories, stories]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2013. 944 p. (In Russian)
- 5 Dovlatov S. *Inaya zhizn'* [A different life]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2012. 320 p. (In Russian)
- 6 Sukhikh I. *Sergei Dovlatov: v krugе tret'em. Dovlatov S. Inaya zhizn'* [Sergei Dovlatov: in the third round]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2012, pp. 7–30. (In Russian)
- 7 Sukhikh I. *Sergei Dovlatov: vremya, mesto, sud'ba* [Sergey Dovlatov: time, place, fate]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2010. 288 p. (In Russian)
- 8 Kharitonova E. A. *Kolumnistika S. Dovlatova: smysloobrazuyushchie logosy obraza rodiny* [S. Dovlatov: Semantic Logos of the Image of the Motherland]. *Yazyk i sotsial'naya dinamika* [Language and Social Dynamics]. Krasnoyarsk, Sibirskii gosudarstvennyi aerokosmicheskii universitet im. akad. M. F. Reshetneva Publ., 2013, no 13, pp. 137–140. (In Russian)
- 9 Shiryaeva S. N. *Poetika tsikla “Chemodan” S. Dovlatova* [Poetics of the cycle “Suitcase” by S. Dovlatov]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2015, no 5, pp. 193–196. (In Russian)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. Н. Ю. Нелюбова
г. Москва, Россия

© 2018 г. П. С. Фомина
г. Москва, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЕМА АДАПТАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К РАЗЛИЧНЫМ ТИПАМ КУЛЬТУР (ЗАПАДНОЙ И РУССКОЙ)

Аннотация: В данной статье рассматриваются проблемы использования приема адаптации при переводе художественных текстов, относящихся к западной культуре (французской и английской), к русской культуре, являющейся переходной между западным и восточным типами культур. Данная переводческая трансформация подразумевает при переводе оригинального произведения замену неизвестного известным и непривычного привычным. Необходимость ее применения обусловлена принадлежностью автора произведения к западному типу культуры, а читателей — к восточному, или наоборот; разницей их менталитета и окружающей действительности, а также типологическими различиями между языками. В рамках настоящего исследования представлен анализ переводов романов «Дама с камелиями» А. Дюма-сына на английский и русский языки и «Грозовой перевал» Э. Бронте на французский и русский языки, который заключался в сравнении текстов оригинала с текстами перевода с целью выявления особенностей применения приема адаптации при переводе текстов художественной литературы и подтверждения гипотезы о влиянии прагматического, стилистического и лингвокультурного факторов, непосредственно связанных с типом культуры, на использование данной переводческой трансформации. Проведенное исследование показало, что каждый из факторов играет важную роль при переводе текстов художественной литературы, в частности, при применении приема адаптации. Кроме того, в рамках исследования выдвигается предположение относительно того, что рассмотренные термины (прагматический, стилистический, лингвокультурный факторы) являются составляющими особой типологии факторов адаптации явлений текста в соответствии с особенностями их интегральных и дифференциальных признаков.

Ключевые слова: переводческие трансформации, прием адаптации, письменный перевод, прагматика, стилистика, лингвокультура.

Информация об авторах:

Наталия Юрьевна Нелюбова — кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, 117198 г. Москва, Россия. E-mail: nat.nelubova@mail.ru

Полина Сергеевна Фомина — студентка 2 курса магистратуры направления "Методика обучения языкам. Переводоведение. Синхронный перевод", Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, 117198 г. Москва, Россия. E-mail: p.s.fomina@mail.ru

Дата поступления статьи: 10.10.2017

Дата публикации: 15.06.2018

Для цитирования: Нелюбова Н. Ю., Фомина П. С. Использование приема адаптации при переводе художественных произведений, относящихся к различным типам культур (западной и русской) // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 211–224.

Введение

Как известно, язык является отражением культуры его носителей. Различия в культуре разных стран и народов непосредственно выражаются в языке. Специфика культуры носителей того или иного языка наиболее очевидна в текстах художественной литературы, которые, в свою очередь, являются исключительным источником знаний о менталитете, мировоззрении и мировосприятии народа, совершенно различных, например, в западной и русской культурах. При осуществлении перевода текстов художественной литературы необходимо преодолевать эти различия, чтобы текст перевода (ПТ) был доступнее и понятнее носителям принимающей культуры. Для достижения этой цели используются различные переводческие трансформации и, в частности, прием адаптации, т. е. замена неизвестного известным, а непривычного — привычным [12, с. 38–57].

В данной статье рассматриваются проблемы перевода художественных текстов, а именно произведений английской и французской литературы, и их решения с помощью приема адаптации. Актуальность данной темы определяется необходимостью более полного и всестороннего изучения проблемы точного и адекватного перевода текстов английской и французской художественной литературы и применения приема адаптации при переводе текстов художественной литературы.

В переводе с одного языка на другой важную роль играют: разница между восприятием мира носителей разных языков, особенно если автор произведения принадлежит к западному типу культуры, а читатели — к восточному, или наоборот; разница их менталитета и окружающей действительности, а также типологические различия между языками. Отличие культуры разных стран обуславливает наличие в одном языке и, соответственно, отсутствие в другом тех или иных реалий, что представляет трудность для переводчика и требует от него поиска наиболее адекватных языковых средств для передачи того или иного явления действительности.

В научной и методической литературе можно найти различные характеристики, соотносимые с понятием адаптации труднопереводимых явлений текста оригинала, а именно: прагматическая, стилистическая, лингвокультурная адаптация. Цель настоящего исследования — определить, следует ли рассматривать данные разновидности как отдельные факторы, или же они взаимосвязаны и дополняют друг друга при применении приема адаптации. Для достижения данной цели необходимо выявить функции каждого из вышеприведенных факторов, а также их назначение применительно к адаптации явлений при переводе текстов художественной литературы.

Адаптация представляет собой переводческую трансформацию, которая используется для достижения равенства коммуникативного эффекта в тексте оригинала

и тексте перевода [1, с. 196–197] и заключается в замене неизвестного известным, непривычного — привычным [12, с. 129–130]. Переводчик адаптирует определенные явления подлинника, ориентируясь на соответствие текста перевода исходному тексту (ИТ), а также на адекватное восприятие результата читателями. Рецепторы ПТ, в силу своей принадлежности другой культуре или отнесенности к иной эпохе, не способны понять те или иные явления без их предварительной адаптации, поэтому при переводе текстов следует передавать содержание понятия, фразы или целой ситуации в соответствии с требованиями культуры рецептора. Для достижения необходимого коммуникативного эффекта при переводе необходимо принимать во внимание особенности системы ценностей, мировоззрения, менталитета представителей культуры языка перевода [9, с. 32].

В ходе исследования мы определили, что каждый из вышеперечисленных факторов играет очень важную роль при письменном переводе в особенности при переводе текстов художественной литературы. Для того чтобы продемонстрировать необходимость учета данных факторов при переводе и, в частности, при применении приема адаптации, в первую очередь следует дать определение каждому из вышеприведенных терминов, выявить цели каждого вида адаптации и определить, при переводе какого типа текстов их применение особенно целесообразно.

Прагматический фактор

Согласно определению В. Н. Комиссарова, прагматическая адаптация — это система действий переводчика, направленных на приспособление текста ПЯ (переводного языка) с использованием средств ИЯ (исходного языка) к его восприятию носителем другой культуры [9, с. 223].

Понятие прагматики, введенное в 30-х гг. XX в. американским ученым Ч. Моррисом, непосредственно связано с предметно-логическим и коннотативным значениями языковой единицы, которые необходимо передавать в переводе для успешной реализации прагматического потенциала текста [5, с. 72]. Кроме того, прагматическое отношение рецептора к тексту перевода зависит от его личности, фоновых знаний, предыдущего опыта, психического состояния и других особенностей.

Очевидно, что, проведя прагматический анализ текста, переводчик не сможет детально предусмотреть коммуникативный эффект текста по отношению к «усредненному» рецептору, однако он может предсказать потенциальное воздействие перевода на читателей, оперируя обширными знаниями культуры, менталитета, реалий исходной и принимающей культуры [9, с. 209]. Наиболее часто данный фактор принимается во внимание при переводе реалий исходного текста, но необходимо его также учитывать ввиду различных ассоциаций в культуре исходного языка и принимающей культуры, ориентации перевода на конкретного рецептора, например, при адаптации фразеологизмов. Реалия — понятие, подразумевающее специфические особенности одного народа, страны, чуждые другим народам и странам [3, с. VI]. Важность данного понятия обуславливается тем, что корректный или, наоборот, некорректный перевод реалии может существенно повлиять на восприятие ПТ читателями.

Прагматическая адаптация явлений текста может иметь различные цели [9, с. 210]. Первая цель — обеспечить адекватное понимание оригинала рецептором в связи с отсутствием у него достаточных фоновых знаний. В этом случае переводчику необходимо делать дополнения, в частности, при переводе географических реалий (добавление слов «город», «деревня», «штат», «княжество»), если подобного рода уточнений

нет в ИТ (например, «*en Allier*» — в департаменте Алье); названий печатных изданий, учреждений — «газета», «журнал», «завод» (например, «*Elle travaille chez Citroën*» — она работает на заводе Ситроен); бытовых реалий, например, «*Je suis malade*» — знаменитая песня французской певицы Далиды).

Вторая цель — обеспечить достижение необходимого эмоционального воздействия и адекватного восприятия текста на эмоциональном уровне. Причиной необходимости адаптации могут служить различные ассоциации в разных культурах относительно одного и того же явления. Например, в предложении «*J'étais mince comme une anguille, j'aurais pu passer comme elle à travers une touffe de joncs <...>*» (Pesquidoux, «*Le livre de raison*») рассказчица сравнивает себя с угрем, говоря о своей стройности или даже худобе. В русском переводе предпочтительно прибегнуть к приему адаптации и сравнить девушку не с угрем, как в тексте оригинала, что вызвало бы странные ассоциации у читателя, а с тростинкой или березкой, что более привычно для русской культуры.

Третья цель — ориентация на конкретного рецептора и на конкретную ситуацию общения, а не на среднестатистические. Эта цель достигается за счет внесения в ПТ изменений, необходимых для решения задач, поставленных автором текста оригинала. Данный вид адаптации в большинстве случаев используется для перевода названий художественных произведений или фильмов для придания им более естественного звучания, привычного для рецептора. Например, в названии французского фильма «*Il était une fois un flic*» («*Жил-был полицейский*») используется разговорное слово «*flic*». Переводчик заменил это слово нейтральным «полицейский», чтобы адаптировать его для русской аудитории [12, с. 47–79].

Таким образом, цель прагматического перевода состоит в наиболее точной передаче сообщения [9, с. 75]. Однако при переводе художественных произведений и применении приема адаптации большую роль играет не столько передача содержания, сколько формирование правильного представления у читателя о ситуации в целом [13, р. 230].

Прагматический фактор необходимо учитывать в основном при адаптации явлений при переводе публицистических и художественных текстов, а также при устном переводе, когда перед переводчиком стоит задача передать необходимую информацию конкретному рецептору.

Стилистический фактор

Стилистический фактор также является неотъемлемой составляющей при применении адаптации явлений текста, так как стилистика непосредственно связана с теорией и практикой перевода, и именно учет стилистического фактора способствует наиболее точному и адекватному переводу.

Понятие стиля играет исключительную роль применительно к текстам художественной литературы, так как в художественном стиле речи могут использоваться языковые средства, относящиеся к различным функциональным стилям (научному, официально-деловому, газетно-публицистическому, разговорному, церковно-религиозному), используемые в измененной функции, а именно, в изобразительно-выразительной [8, с. 198].

Цель стилистической адаптации — преобразование элементов ИТ (а иногда и всего текста), не соответствующих аналогичным элементам ПЯ с точки зрения данного функционального стиля речи, для обеспечения необходимого коммуникативного эффекта.

При стилистической адаптации специфические средства изложения в ИТ заменяются на те, которые характерны для данного функционального стиля текста в ПЯ [9, с. 110]. Кроме того, данный вид адаптации подразумевает изменение синтаксической структуры предложения и отдельных словосочетаний для того, чтобы они были более привычны для того или иного функционального стиля в конкретном языке.

Так, например, английские и французские научно-технические тексты отличаются большим разнообразием языковых средств, иногда и некоторой образностью повествования, приближаясь в этом плане к тому, что в русской языковой культуре называется научно-популярным стилем. Когда речь идет о текстах газетно-информационного стиля, французским, английским и русским текстам этого типа свойственно включение элементов разговорного стиля. Однако во французских и английских текстах подобные элементы используются более свободно, иногда они носят фамильярный и даже жаргонный характер. Так, переводчику порой необходимо «приглаживать» текст перевода, заменяя жаргонно-фамильярные слова и обороты более нейтральными.

И в русском, и во французском, и в английском языках данному стилю присуща лаконичность. Однако во французских и английских текстах это требование соблюдается более строго, чем в русском. Поэтому в переводах часто приходится прибегать к более пространному варианту:

According to W.H.O. statistics, heart diseases were the No. 1 killer.

Согласно данным **Всемирной организации здравоохранения** первое место среди всех **причин смертности** занимали сердечные заболевания.

В данном примере аббревиатура расшифрована, а слово «killer» переведено на русский язык с учетом газетно-информационного стиля русских текстов: «*причина смертности*» [9, с. 133–134].

Так, стилистический фактор необходимо учитывать, как правило, при переводе текстов научно-технического и газетно-информационного стилей ввиду различия данных функциональных стилей в разных языках, а именно ввиду использования стилистических средств другого порядка в ИТ и ПТ. Стилистический фактор следует также учитывать при переводе текстов художественной литературы, сохраняя стилистические черты, присущие произведению, в частности, в наших примерах — отнесенность оригинала к исторически отдаленной эпохе.

Лингвокультурный фактор

Лингвокультурная адаптация представляет собой приспособление явлений ИТ к социально-культурной действительности носителей ПЯ. Это своеобразное «вписывание» текста перевода в матрицу принимающей лингвокультуры, т. е. адаптация явлений текста под воздействием лингвокультур ИЯ и ПЯ. Данный фактор часто применяется при адаптации не только к отдельным явлениям текста подлинника, а ко всему тексту в целом.

Лингвокультура — культура, воплощенная и закреплённая в знаках языка, образы сознания, облеченные в языковые знаки [10, с. 83].

При учете данного фактора переводимые явления и реалии не должны «выбиваться» из мировоззрения носителей принимающей культуры, они должны быть знакомы и привычны читателям. Отрицательная сторона данного вида адаптации заключается в том, что в результате его применения может быть утрачена значительная часть культурно специфических элементов оригинального произведения.

Цель переводчика при применении данного фактора — приспособить нехарактерные для ПЯ особенности текста оригинала, как культурные, так и непосредственно языковые (в том числе синтаксическая структура предложений ИТ, различные синтаксические конструкции), к языку принимающей культуры для достижения необходимого эстетического воздействия на читателей.

В качестве примера адаптации синтаксической структуры предложения приведем перевод стихотворного отрывка, так как при переводе данного жанра литературных текстов наиболее ярко заметны именно структурно-синтаксические изменения:

*The **torrent** roar'd, and we did buffet it*

*With **lusty sinews**, throwing it aside*

*And stemming it with **hearts** of controversy* [William Shakespeare, Julius Caesar].

Поток шумел, и мы расталкивали его сильными мускулами, отбрасывая его в сторону и оказывая сопротивление (идя против течения) спорящими сердцами (подстрочный перевод выполнен И. В. Войнич)

Перевод И. Б. Мандельштама:

*Бушевали **волны**.*

Наотмашь мы их били, разгоняли

И против их напора грудью шли.

Так, помимо лексико-семантических преобразований (слово «*torrent*» — «*поток*» переведено как «*волны*»; «*With lusty sinews, throwing it aside*» — «Мы расталкивали его сильными мускулами, отбрасывая его в сторону» — переведено как «*наотмашь мы их били, разгоняли*»; к слову «*hearts*» — «*сердца*» применен прием генерализации: «*грудью*»), в данном переводе мы видим различные грамматические трансформации: членение предложений, категориальные замены (неличные формы глаголов английского предложения заменены на личные формы русского).

Итак, как показал проведенный нами анализ, данный фактор необходимо учитывать в основном при переводе произведений фольклора, а именно пословиц и поговорок, сказок и басен, фразеологизмов, т. е. тех текстов, где наиболее ярко и «концентрированно» отображены культура, традиции, моральные устои и обычаи представителей того или иного народа [11, с. 70]. Лингвокультурная адаптация применяется в основном при переводе текстов художественной литературы как прозаических, так и стихотворных жанров, а также при переводе любых текстов, имеющих яркую культурную специфику.

Сопоставительный анализ использования приема адаптации с учетом выявленных факторов

С целью проследить роль и функционирование выявленных факторов при адаптации явлений текста на конкретном материале, нами был проведен сопоставительный анализ переводов произведений «Дама с камелиями» А. Дюма-сына (французский язык) [16] на английский и русский языки, «Грозовой перевал» Эмили Бронте (английский язык) [14] на французский и русский языки, который заключался в сравнении текстов оригинала с текстами перевода и их исследовании с целью изучения использования приема адаптации в переводах С. Антик [6], Н. Вольпин [2], L. Schillinger [17] и F. Delebecque [15]. Проанализированные произведения были выбраны ввиду их отнесенности к одному и тому же литературному жанру (роман) и практически одной даты публикации (1848 и 1847 гг. соответственно). Для анализа нами были выбраны именно тексты художественной литературы, так как в данном типе текстов сочетаются элемен-

ты всех функциональных стилей и жанров, поэтому при переводе данных текстов необходимо учитывать все вышеуказанные факторы, что и показал проведенный анализ. Нами выявлено, что все перечисленные выше факторы были учтены при переводе.

В приведенных ниже примерах можно проследить роль каждого фактора, способ его реализации и связь с другими вышеуказанными факторами.

Роль прагматического фактора

«Дама с камелиями»

<i>Французский</i>	<i>Английский</i>	<i>Русский</i>
« Sous le péristyle du théâtre se présenta à elles un petit domestique» (p. 83).	« At the entrance to the theatre they were met by a footman» (p. 82).	« У выхода к ним подошел маленький грум» (с. 86).

В переводе данного предложения с французского на английский и русский языки использована прагматическая адаптация ввиду слишком узкого значения переводимого слова, которое может быть незнакомо русскоязычным читателям. «*Péristyle*» означает «перистиль» или «перистилиум» — открытое пространство, окруженное с четырех сторон крытой колоннадой. Здания такого типа часто встречаются на улицах французских городов, поэтому для французских читателей значение данного слова в тексте, скорее всего, было бы понятно. Однако данное явление редко встречается в английской и российской архитектуре, поэтому переводчики сочли нужным его адаптировать, прибегнув к обобщению. В указанном примере очевидно применение прагматической адаптации, подразумевающей в данном случае перевод реалии, т. е. названия конкретного архитектурного элемента, и ориентированной на понимание реалии реципиентами. На примере данной фразы мы можем проследить очевидную связь прагматического и лингвокультурного факторов, выражающуюся в адаптации реалий к лингвокультуре рецепторов ПТ.

Роль стилистического фактора

«Грозовой перевал»

<i>Английский</i>	<i>Французский</i>	<i>Русский</i>
«I had just taken the children upstairs, after tea was finished, <...> I had come down, and was standing by the table in the hall, lighting a bed-room candle for Mr Edgar <...>» (p. 217).	«Je venais de faire monter les enfants, le thé fini, <...> j'étais redescendue et me trouvais dans le vestibule, près de la table, en train d'allumer une bougie pour Mr. Edgar <...>» (p. 245).	«После чая я отвела детей наверх, <...> затем сошла вниз и стояла в передней у стола, зажигая ночник для мистера Эдгара <...>» (с. 218).

В данном отрывке в тексте оригинала упомянуто явление, характерное для XVIII в., в котором происходит действие романа, но несвойственное современному быту, — свеча, которую слуги ставили знатым господам на ночь у кровати. При переводе на французский язык опущено определение «*bedroom*» — «для спальни комнаты», слово «*candle*» — «свеча» переведено дословно — «*bougie*». Так, опущение определения во французской версии романа можно объяснить желанием автора перевода «приблизить» текст к настоящему времени, применив стилистическую адаптацию, так

как в современности нет такого понятия, как «свеча для спальни комнаты». В переводе на русский язык также использован прием стилистической адаптации, переводчик «приблизил» перевод к настоящему времени еще больше, чем автор французского перевода, использовав относительно современное слово «ночник», тем самым не заменив переводимое явление, а описав его, передав суть обозначаемого предмета. В данном случае речь идет именно о стилистической, а не прагматической адаптации, так как дословный перевод данного понятия («une bougie de chambre à coucher»/«свеча для спальни комнаты») на оба языка был бы понятен читателям, но непривычен с точки зрения старомодности явления. На наш взгляд, перевод данного фрагмента на французский язык уместен, он отражает суть переводимого явления и, вместе с тем, соответствует стилю произведения, тогда как слово «ночник» в русском переводе является достаточно современным и «выбивается» из стиля произведения. Кроме того, в переводе указанного отрывка можно заметить элемент лингвокультурной адаптации, а именно, упрощение во французском и русском ПТ исходного словосочетания (его замена одним словом) для адекватного восприятия данного явления читателями.

Роль лингвокультурного фактора

«Дама с камелиями»

Французский	Английский	Русский
«C'est à ma génération que je m'adresse, à ceux pour qui les théories de Voltaire n'existent heureusement plus, à ceux qui, comme moi, comprennent que l'humanité est depuis quinze ans dans un de ses plus audacieux élans» (p. 39).	«It is to my own generation that I speak, to those for whom the theories of M. de Voltaire happily exist no longer, to those who, like myself, realize that humanity, for these last fifteen years, has been in one of its most audacious moments of expansion» (p. 39).	«Я обращаюсь к моему поколению, [-] к тем, которые, подобно мне, понимают, что человечество за последние пятнадцать лет сделало один из наиболее смелых скачков» (с. 41).

В переводе данного предложения можно увидеть, что на английский язык выделенный фрагмент переведен дословно, тогда как в русскоязычной версии романа эта часть предложения отсутствует. На русский язык этот фрагмент мог бы быть переведен следующим образом: «[я обращаюсь] к тем, для кого теории Вольтера, к счастью, уже не существуют». В перевод данная часть предложения включена не была, так как могла бы показаться недостаточно ясной русскому читателю, который может не знать теорий французского философа Вольтера. Переводчик применил прием лингвокультурной адаптации, «вписав» перевод в рамки принимающей культуры, опустив уточнение, данное автором оригинала. Переводчик исключил из текста перевода информацию, которая могла бы быть непонятна, недостаточно очевидна для русскоязычных читателей, изменив синтаксическую структуру предложения, а именно, опустив одну из его частей. Что касается семантической стороны опущенной части предложения, она не несет значительной смысловой нагрузки, ее утрата не меняет общей интонации повествования и не приводит к искажению цели высказывания. При адаптации данной фразы переводчик также принял во внимание прагматический фактор, т. е. прогнозировал возможное непонимание рецепторами исходной фразы. Однако, на наш взгляд, данный прием нужно применять только тогда, когда какое-либо явление или понятие невозможно передать на ПЯ.

Заключение

В результате проведенного анализа переводов двух произведений нами была составлена следующая таблица, в которой указаны выявленные особенности различных факторов адаптации:

Особенности	Прагматическая	Стилистическая	Лингвокультурная
Адаптация реалий	+	+	+
Использование лексико-семантических средств	+	-	+
Структурно-семантические изменения	-	+	+
Нацеленность на адекватное восприятие читателями	+	+	+
Передача экспрессивности	-	+	+

В результате проведенного анализа мы пришли к выводу, что переводчик, принимая во внимание вышперечисленные факторы, в значительной степени улучшает качество ПТ и адаптирует тексты оригинальных произведений, принадлежащих одному типу культуры — культуры носителей языка перевода.

Те или иные факторы адаптации необходимо учитывать в определенных *типах текстов*.

Так, **прагматический фактор** играет особенно важную роль преимущественно при переводе публицистики, а также при устном переводе.

Стилистический фактор учитывается в основном при переводе научно-технических и газетно-информационных текстов.

Лингвокультурный фактор крайне важен при переводе фольклорных произведений и фразеологических единиц в различных типах текстов, также этот фактор играет ключевую роль при адаптации явлений текстов художественной литературы.

Таким образом, каждый вид адаптации характеризуется своей *сферой использования*. Прагматическая, равно как и стилистическая адаптация, применима к адаптации явлений в бытовой сфере, т. е. тех, которые существуют в повседневной жизни, преимущественно, современной. Это могут быть географические, бытовые реалии, названия фильмов и книг. Стилистическая адаптация применяется при переводе реалий, которые характерны для научных и публицистических текстов, так как в текстах данного функционального стиля часто используются специфические средства изложения, которые необходимо адаптировать для носителей ПЯ, в частности, в научных и публицистических текстах. Что касается лингвокультурной адаптации, в самом термине заложена сема «культуры», следовательно, в данном случае речь идет о приспособлении перевода к культурной действительности носителей ПЯ, что может быть необходимо для перевода текстов художественной литературы, фольклорных произведений.

Данные типы адаптации различаются также и в зависимости от *объекта адаптации*, т. е. языковых элементов ИЯ, на которые они нацелены. Так, объектом прагматической адаптации являются лексико-семантические средства языка, относящиеся в большей степени непосредственно к лексическим единицам языка, в то время как

стилистическая адаптация может затрагивать и структурно-синтаксические особенности ИЯ и ПЯ. Поэтому прагматическая адаптация применяется для преобразования *единичных явлений* ИТ, в то время как стилистическая адаптация часто *подразумевают комплексные преобразования*, перестройку исходной фразы или отрывка произведения исходя в том числе из типологических особенностей ПЯ. Что касается лингвокультурной адаптации, ее объектом являются и лексико-семантические средства языка, и структурно-синтаксические особенности, т. е. данный вид адаптации подразумевает как единичные, так и комплексные преобразования элементов оригинального текста.

Цели каждого вида адаптации также могут различаться. Под «целью» адаптации мы подразумеваем то, на что направлен тот или иной тип (вид) адаптации. Так, все виды адаптации направлены на наиболее *адекватное восприятие* читателями ИТ, однако под разным углом: стилистическая и лингвокультурная адаптация предназначены для передачи необходимой *экспрессивности* в ПТ, последняя необходима также для оказания равного эстетического воздействия на читателей. Прагматическая адаптация вызвана, как правило, необходимостью «восполнить» некоторые фоновые знания читателей, а также «приспособить» текст для определенной группы реципиентов. То же самое является целью стилистической и лингвокультурной адаптации, но здесь данная цель имеет несколько иную направленность — даже если текст оригинала будет переведен дословно, читатель поймет, о чем идет речь (чего не будет при отсутствии прагматической адаптации), однако переведенный текст не будет воспринят так, как был бы воспринят текст оригинала. Таким образом, при отсутствии стилистической адаптации, читателю непривычен будет стиль повествования, не характерный для данного жанра в принимающей лингвокультуре; если не будет произведена лингвокультурная адаптация, читателю будет недоступна значительная часть информации эстетического характера, заложенной автором оригинального произведения.

Взаимосвязь факторов. В ходе проведенного нами анализа мы проследили строго определенные комбинации факторов с точки зрения их целей и роли при переводе текстов художественной литературы:

Прагматическая + лингвокультурная адаптация. Сочетание данных факторов при переводе обусловлено необходимостью адаптации лексико-семантических средств языка, а именно применение различных переводческих трансформаций в рамках приема адаптации для нахождения более подходящего эквивалента в ПЯ понятиям и явлениям в тексте оригинала.

Стилистическая + лингвокультурная адаптация. Комбинация данных факторов при переводе объясняется потребностью адаптации структурно-семантических средств языка, что может быть выражено изменением структуры исходного предложения/словосочетания с целью их упрощения или приспособления для восприятия читателями, которые привыкли к иному типу структурных единиц языка.

Таким образом, вряд ли можно утверждать, что все рассмотренные нами термины являются составляющими особой типологии факторов адаптации явлений текста. На основе полученных нами в ходе сравнительно-сопоставительного анализа данных можно сделать вывод о существовании своеобразной системы факторов адаптации, тесно связанных друг с другом множеством их интегральных признаков и различающихся по причине отсутствия дифференциальных. Это подтверждает тот факт, что примеры использования данных факторов в большинстве случаев трудноопределимы, и различные виды часто комбинируются в процессе перевода. Анализ текстов оригинальных произведений и соответствующих текстов переводов позволил нам сделать предполо-

жительное утверждение о доминирующей роли фактора лингвокультурной адаптации, так как именно этот фактор, как показали приведенные нами примеры, является наиболее всеобъемлющим и превалирует над другими рассмотренными нами факторами. Частое применение данного вида адаптации можно объяснить тем, что в рамках этого фактора комбинируются все указанные нами возможные особенности видов адаптации: это и адаптация реалий, и использование лексико-семантических средств, и внесение структурно-семантических изменений, также данный фактор нацелен на адекватное восприятие ПТ читателями и передачу экспрессивности ИТ.

Проведенный нами анализ также показал, что именно в художественных текстах сочетается множество стилей и жанров, каждый из которых отличается своей спецификой и индивидуальным подходом в переводе, поэтому для адекватной интерпретации художественных произведений необходимо учитывать прагматический, стилистический и лингвокультурный факторы, так как все они отражают и характеризуют формальные и содержательные аспекты ИТ. Данные факторы играют исключительно важную роль при адаптации, дополняя и совершенствуя текст перевода. Перспектива дальнейших исследований видится нам в проведении аналогичного исследования на материале других языков, а также в том, чтобы определить, насколько часто каждый из рассмотренных факторов влияет на перевод текстов, относящихся к различным типам культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Алексеева И. С.* Введение в переводоведение. М.: Академия, 2004. 352 с.
- 2 *Бронте Э.* Грозовой перевал. М.: Азбука-классика, 2009. 384 с.
- 3 *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 342 с.
- 4 *Войнич И. В.* Стратегии лингвокультурной адаптации художественного текста при переводе: автореф. ... канд. филол. наук. Пермь, 2010. 234 с.
- 5 *Грайс П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1995. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. 504 с.
- 6 *Дюма А.* Дама с Камелиями. М.: Эксмо, 2007. 240 с.
- 7 *Захаров Д. Н., Винокурова Д. М.* Социокультура как важнейший фактор модернизации отношений высшего образования на рынке труда // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 5. С. 153–157.
- 8 *Кожина М. Н.* Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта, Наука, 2003. 257 с.
- 9 *Комиссаров В. Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
- 10 *Федоров М. А.* Термин «Лингвокультура» в аспекте теории культуры // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 6–2. С. 83–86.
- 11 *Фененко Н. А.* Лингвокультурная адаптация текста при переводе: пределы возможного и допустимого // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 1. С. 70–74.
- 12 *Щетинкин В. Е.* Пособие по переводу с французского языка на русский: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». М.: Просвещение, 1987. 157 с.
- 13 *Baker M.* In Other Words: A Coursebook on Translation. NY.: Routledge, 2011. 353 p.
- 14 *Brontë E.* Wuthering Heights. L.: Pearson, 2012. 357 p.

- 15 *Brontë E.* Les Hauts de Hurle-Vent. Paris: Le Livre de Poche, 2016. 416 p.
- 16 *Dumas A. (fils).* La Dame aux Camélias. Malesherbes: Maury-Imprimeur, 2012. 295 p.
- 17 *Dumas A. (fils).* The Lady of the Camellias. L.: Penguin Classics, 2013. 240 p.
- 18 *Venuti L.* The Translator's Invisibility. A History of Translation. NY.: Abingdon, Routledge, 2008. 353 p.

© 2018. Natalia Yu. Nelyubova
Moscow, Russia

© 2018. Polina S. Fomina
Moscow, Russia

ADAPTATION TECHNIQUE IN TRANSLATION OF LITERARY TEXTS OF DIFFERENT CULTURES TYPES (E. G. WESTERN AND RUSSIAN)

Abstract: This article touches upon some issues of the use of adaptation technique in translation of literary texts belonging to the Western culture, namely, French and English cultures, and Russian culture, which is a transitional one between the western and eastern types of culture. This translational transformation is used to replace the unknown with the known and the unusual with the usual when translating authentic texts. The necessity of using this kind of transformation may stem from the fact of the author's belonging to the Western type of culture, and the readers' belonging to the eastern one, or vice versa, thus, the difference in their mentality and the surrounding reality, as well as typological differences of languages. As part of the study we carried out an analysis of the translations of the novels "The Lady of the Camellias" by A. Dumas-son into English and Russian and "Wuthering Heights" by Emily Bronte into French and Russian, which consisted of comparing the original texts with the texts of translation. The purpose of the analysis was to reveal certain particularities of use of the adaptation technique in translation of literary texts and the confirmation of the hypothesis on the influence of pragmatic, stylistic and linguocultural factors directly related to the type of culture with the use of such translational transformation. According to the results of the research, each of the abovementioned factors is critically important in the translation of literary texts, in particular, with regard to the adaptation technique. In addition, it could be argued that these terms are components of a specific typology of factors of the adaptation of some text phenomena on the basis of their integral and differential characteristics.

Keywords: translation transformations, the adaptation technique, translation, pragmatics, stylistics, linguoculture.

Information about authors:

Natalia Yu. Nelyubova — PhD in Philology, Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya Str., 6, 117198 Moscow, Russia. E-mail: nat.nelubova@mail.ru

Polina S. Fomina — 2 year Master student in «Teaching Foreign Languages. Translation Theory. Simultaneous Translation», Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya Str., 6, 117198 Moscow, Russia. E-mail: p.s.fomina@mail.ru

Received: October 10, 2017

Date of publication: June 15, 2018

For citation: Nelyubova N. Y., Fomina P. S. Adaptation technique in translation of literary texts, of different culture types (e.g. Western and Russian). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 48, pp. 211–224. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Alekseeva I. S. *Vvedenie v perevodovedenie* [Introduction to Translation Studies]. Moscow, Akademija Publ., 2004. 352 p. (In Russian)
- 2 Bronte E. *Grozovoj pereval* [Wuthering Heights]. Moscow, Azbuka-klassika Publ., 2009. 384 p. (In Russian)
- 3 Vlahov S., Florin S. *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in translation]. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 1980. 342 p. (In Russian)
- 4 Vojnich I. V. *Strategii lingvokul'turnoj adaptacii hudozhestvennogo teksta pri perevode* [Strategies of linguocultural adaptation of artistic texts in translation], Abstract of dissertation candidate of Philology. Perm, 2010. 234 p. (In Russian)
- 5 Grajs P. *Logika i rechevoe obshhenie* [Logic and speech communication]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1995. Vol. 16: *Lingvisticheskaja pragmatika* [Linguistic Pragmatics]. 504 p. (In Russian)
- 6 Djuma A. *Dama s Kamelijami* [The Lady of the Camellias]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 240 p. (In Russian)
- 7 Zaharov D. N., Vinokurova D. M. Sociokul'tura kak vazhnejshij faktor modernizacii otnoshenij vysshego obrazovanija na rynke truda [Socioculture as the most important factor in the modernization of higher education relations in the labor market]. *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'*, 2011, no 5, pp. 153–157. (In Russian)
- 8 Kozhina M. N. *Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2003. 257 p. (In Russian)
- 9 Komissarov V. N. *Teorija perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Theory of translation (linguistic aspects)]. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1990. 253 p. (In Russian)
- 10 Fedorov M. A. Termin “Lingvokul'tura” v aspekte teorii kul'tury [The term “linguoculture” in the aspect of the theory of culture]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no 6–2, pp. 83–86. (In Russian)
- 11 Fenenko N. A. Lingvokul'turnaja adaptacija teksta pri perevode: predely vozmozhnogo i dopustimogo [Linguistic and cultural adaptation of the text in the translation: the limits of the possible and permissible]. *Vestnik VGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija*, 2001, no 1, pp. 70–74. (In Russian)
- 12 Shhetinkin V. E. *Posobie po perevodu s francuzskogo jazyka na russkij: Uchebnoe posobie dlja studentov pedagogicheskikh institutov po spetsial'nosti № 2103 “Inostrannyi iazyk”* [A Handbook on Translation from French into Russian: A textbook for students of pedagogical institutes on specialty no 2103 “Foreign languages”]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1987. 157 p. (In Russian)
- 13 Baker M. *In Other Words: A Coursebook on Translation*. New York, Routledge, 2011. 353 p. (In English)
- 14 Brontë E. *Wuthering Heights*. London, Pearson Publ., 2012. 357 p. (In English)
- 15 Brontë E. *Les Hauts de Hurle-Vent* [The High Screams-Wind]. Paris, Le Livre de Poche, 2016. 416 p. (In French)

- 16 Dumas A. (fils). *La Dame aux Camélias* [The Lady of the Camellias]. Malesherbes, Maury-Imprimeur, 2012. 295 p. (In French)
- 17 Dumas A. (fils). *The Lady of the Camellias*. London, Penguin Classics, 2013. 240 p. (In English)
- 18 Venuti L. *The Translator's Invisibility. A History of Translation*. New York, Abingdon, Routledge, 2008. 353 p. (In English)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. М. А. Чекунова
г. Москва, Россия

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОГО СЕТЕВОГО МЕДИАДИСКУРСА: ЯЗЫК И СТИЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация: Под воздействием новых информационных технологий политико-административное взаимодействие по формуле «государственная власть – гражданское общество» приобретает качественно новые свойства, опирающиеся на более глубокое взаимное проникновение. Блогосферу и социальные сети стало принято объединять в понятие социальных интернет-медиа, которые выполняют функции СМИ, прежде всего информационную, и в то же время влияют на принятие административных решений различными управленческими структурами на государственном уровне. Блог как средство массовой коммуникации в политической сфере имеет достаточно большую и устойчивую популярность. В условиях актуальных тенденций развития современного информационного общества именно блоги рассматривались в качестве наиболее удобного и эффективного способа неформальной интернет-коммуникации и воспринимались как возможность реализации свободы слова, способ высказать свое мнение и по возможности оказать влияние на аудиторию. Сегодня блог — это еще и сложившийся, устойчивый и востребованный жанр, который изначально был предназначен для того, чтобы относительно свободно распространять свое личное мнение, упрочивать свое влияние на целевую аудиторию и приобретать единомышленников. Немаловажен в этом аспекте и выбор площадки ведения своего блога: если микроблоги в рамках социальных сетей более популярны у представителей официальной власти, то блоги в классическом понимании с возможностью наиболее полно высказывать свою позицию являются основным средством распространения информации в арсенале каналов коммуникации у политиков самого различного толка. Таким образом, блог становится эффективным средством политико-административной коммуникации, достаточно широко используемым сегодня представителями власти, получившими возможность воздействовать на аудиторию посредством этого очень популярного среди населения канала массовой коммуникации. Использование блога в качестве средства распространения информации позволяет создавать новые установки, формировать новые и корректировать уже существующие ценности у представителей контактных аудиторий. Тексты блогов становятся полноценными связными, цельными и завершенными текстами, что позволяет рассматривать их в качестве медиапродукта. В данной статье рассматриваются особенности речевой реализации языковых средств в текстах блогов/микроблогов политико-административного сетевого медиадискурса. Выявленные языковые средства, речевые приемы и стилистические фигуры позволяют утверждать, что они являются жанровыми доминантами, а их совокупность достаточна для

оформления нового жанра политико-административной медиакоммуникации в Интернете.

Ключевые слова: жанр, политико-административный дискурс, микроблог, язык, стиль, речь, Интернет.

Информация об авторе: Марина Анатольевна Чекунова — кандидат филологических наук, докторант, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, 117198 г. Москва, Россия. E-mail: chekunova@gmail.com

Дата поступления статьи: 26.06.2017

Дата публикации: 15.06.2018

Для цитирования: Чекунова М. А. Особенности политико-административного сетевого медиадискурса: язык и стиль средств массовой информации // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 225–234.

Введение

Язык и стиль средств массовой информации постоянно находятся в центре гуманитарных исследований по языкознанию, лингвистике, журналистике и массовой коммуникации. Теоретические основы стилистики текста, которые затем, в свою очередь, стали базой для исследований языка и стиля СМИ, были заложены также в трудах М. М. Бахтина, Г. О. Винокура, В. Г. Костомарова, М. Н. Кожинной, Н. С. Валгиной и др. Так, по выражению известного русского филолога В. В. Виноградова, «стилистика языка, или структурная стилистика, описывает, квалифицирует и объясняет взаимоотношения, связи и взаимодействия разных соотносительных частных систем форм, слов, рядов слов и конструкции внутри единой структуры языка как “системы систем”» [1, с. 5]. Действительно, от языковых приемов и стилистических средств напрямую зависит эффективность журналистской деятельности, ее влияния на общественное мнение.

Функциональная стилистика, основанная М. Н. Кожинной, опирается на основополагающие исследования языка газеты В. Г. Костомарова и Г. Я. Солганика. Еще в 70-е гг. В. Г. Костомаров выделяет две доминантные характеристики языка СМИ, стандарт и экспрессия, в чередующемся взаимодействии которых реализуются основные функции журналистского текста, информационная и экспрессивная [4]. В дальнейших трудах В. Г. Костомаров разрабатывает проблемы воздействия СМИ на формирование языковой нормы и предлагает понятие стилевого вектора и языкового вкуса [5].

В начале XXI в. новые подходы к изучению «функционирования языка в сфере массовой коммуникации» в медиалингвистике разрабатывают Т. Г. Добросклонская, Т. В. Чернышова, С. И. Сметанина и др. Так, Т. Г. Добросклонская вводит в отечественный научный оборот термины «медиалингвистика» и «медиатекст» [2], рассматриваемые как объемное многоуровневое явление, которое «дополняется устойчивой системой параметров», в частности формы его создания и воспроизведения, канал распространения, функционально-жанровый тип и тематическая доминанта [3, с. 40].

При всем разнообразии подходов и аспектов изучения большинство ученых сходятся в том, что язык медиатекста следует изучать комплексно и междисциплинарно с позиций психолингвистики, герменевтики, филологии и риторики, лингвопрагматики, функциональной стилистики, межкультурной коммуникации [9].

Языковые и стилистические особенности

Политико-административный сетевой медиадискурс является неотъемлемой частью современной языковой культуры, поэтому требует тщательного изучения. Язык

и стиль текстов блогов и/или микроблогов политико-административного сегмента медиакоммуникации в Интернете реализует самые разнообразные интенции: повествование и сообщение, утверждение и рассуждение, аргументацию и доказательство, что обусловлено совмещением разговорного, публицистического и политико-административного дискурсов в условиях компьютерно-сетевой опосредованности (Алексей Островский, @a_ostrovskiy, 10 нояб. 2012 г.: «Чем больше бессильной злобы и желчи у моих политических оппонентов, тем вернее и правильнее путь, которым я иду. Собаки лают, а караван идет»).

На фонетико-графическом уровне авторы воспроизводят орфографическими средствами просодию, т. е. интонацию и эмоционально-оценочные коннотации (Georgiy Poltavchenko, @G_Poltavchenko от 13 февр. 2013 г.: «Всем влюблённым — любви и счастья!!! А любимому “Зениту” — победы над англичанами!!!»). Наблюдается и использование эмодиконов, служащих для выражения эмоций и уточнения смысла высказывания (Алексей Островский, @a_ostrovskiy от 29 июл. 2012 г.: «Хорошо, что я Губернатор, а не кинорежиссер! Сейчас просто советчики-любители, а были бы уже профессионалы-критики!!! Сейчас начнется... :)))»).

На лексическом уровне в политико-административных блоговых записях часто встречаются традиционные для неформального интернет-общения разговорные просторечия (Василий Голубев, @golubev_yu от 21 мая 2012 г.: «Бардак, когда в кармане деньги, их надо использовать на дело, а их даже из карманов не достают»), ироничные высказывания (Сергей Собянин, @MosSobyaniin от 23 авг. год: Сергей Собянин Ретвитнул(а) RT на русском: «Все, как они мечтали о свободе: стена и колючая прово-

лока». Сергей Собянин добавил(а), RT на русском, @RT_russian: «Защита от мигрантов из России: МВД Украины объяснило, зачем они строят “Стену” <https://russian.rt.com/article/317702-zaschita-ot-migrantov-iz-rossii-mvd-ukrainu...>», образные выражения (Сергей Собянин, @MosSobyaniin от 11 июн. год: Сергей Собянин Ретвитнул(а) RT на русском: «Евродепутат, видимо, не в курсе, что

из пушки по воробьям не стреляют» Сергей Собянин добавил(а), RT на русском, @RT_russian: «Евродепутат от Литвы опасается ядерной угрозы со стороны Калининграда <https://russian.rt.com/article/306995->» и др.

Блоги изобилуют разговорными словами и выражениями (Сергей Собянин, @MosSobyaniin от 11 июл. год: Сергей Собянин Ретвитнул(а) ИноТВ: «В переводе с польского — лечь под Штаты — Сергей Собянин добавил(а), ИноТВ, @RT_InoTV: «Глава МИД Польши призвал Россию отказаться от “державной политики” <https://russian.rt.com/inotv/2016-07-11/Glava-MID-Polshi-prizval-Rossiyu>»).

В то же время лексика концентрирует номинации, подтверждающие тематику и социополитический контекст политико-административной коммуникации (Сергей Собянин, @MosSobyaniin от 27 июн. год: «Возглавил список ЕР по Москве. Это единственная политическая сила, которая способна консолидировать страну и преодолеть сегодняшние проблемы»).

В блогах нередко прецедентные феномены и разнообразное употребление цитат, аллюзий, реминисценций (Сергей Собянин, @MosSobyenin от 11 июня. год: Сергей Собянин Ретвитнул(а) RT на русском: «Евродепутат, видимо, не в курсе, что из пушки

по воробьям не стреляют» — Сергей Собянин добавил(а), RT на русском, @RT_russian: «Евродепутат от Литвы опасается ядерной угрозы со стороны Калининграда <https://russian.rt.com/article/306995>»).

На лексическом уровне это проявляется в использовании топонимов, имен собственных, слов, выражающих родственные и другие отношения, терминов, связанных с профессиональной деятельностью (Игорь Сапко, @sapkorert от 6 августа. год: «И снова КАМША, и снова море положительных эмоций и креатива! Этномузыка, этномода, этнотанцы! Этнофестиваль уже в 11 раз!»).

В то же время в лексике присутствуют и клишированные лексические единицы общественно-политической тематики: Василий Голубев, @golubev_yu от 17 июня. 2013 г.: «Глубоко возмущен!»

Морфологический и словообразовательный уровни анализа выявляют следующее: отличительной особенностью является повествование от первого лица единственного числа и частое употребление личных местоимений 1 лица (я, мы, мой, наш, мне, меня и т. д.), что объясняет персонализацию блоговых высказываний: Владимир Евланов, @vladimirevlanov от 17 апреля. 2015 г.: «Обратились в правоохранительные органы».

Именно личное местоимение и его формы указывают на непосредственное присутствие в тексте блога автора, который имеет возможность выражения субъективной авторской точки зрения. Личностное начало также проявляется и в освещении событий из личной жизни блогера (Игорь Сапко, @sapkorert от 7 сентября. год: «Неужели сегодня

есть шанс лечь спать пораньше? Всем спокойной ночи...»).

Часто встречаются и местоимения 2 лица, оформляющие обращение автора к своей аудитории, что подчеркивает диалогизм блога: Komarova Natalya, @KomarovaNatalya от 15 апреля. 2012 г.: «До встречи, оставляйте, пож-та, те, кто нуждается в помощи, координаты для связи, либо перезванивайте помощникам».

Для глаголов характерно преобладание времен, свойственных устной речи: настоящее (Игорь Сапко, @sapkorert от 2 сентября. год: «Вместе с пермской делегацией работаем сегодня в Ижевске на форуме НКО») или прошедшее совершенного вида (Игорь Сапко, @sapkorert от 31 августа. год: «Принял участие в предвыборных дебатах в прямом эфире. Получилась хорошая дискуссия, с острыми вопросами, но корректно»).

Несмотря на то что неподготовленная и спонтанная речь в Интернете изобилует ошибками, блоги и/или микроблоги сетевой политико-административной медиакommunikации практически не содержат таких ошибок и пишутся связными распространенными предложениями и фразовыми единствами, что объясняется высоким социальным статусом и культурно-образовательным уровнем их авторов.

В то же время жанровые черты персонального дневника определяют достаточно большую свободу в использовании языка, просторечных конструкций, языковой игры (Игорь Сапко, @sapkorert от 1 сент. год: «С началом нового учебного года! После

такого шикарного лета сил на учебу должно быть море. Успехов, друзья!»).

Часто записи отличаются фрагментарностью речи, которую ей придает употребление номинативных конструкций (Андрей Воробьев, @VorobievAndrey от 3 мая год.: «#Лавра полна людей!!! #Сергиевалавра #насха»).

Будучи имитацией устного диалога блог содержит коммуникативные фрагменты двух типов — зачинающие и мотивирующие реакцию (Сергей Собянин, @MosSobyaniin от 3 мая год.: Сергей Собянин Ретвитнул(а) Москва: «Настоящий тир

для любителей рыбы». — Сергей Собянин добавил(а), Москва, @moscow: «Фестиваль “Рыбная неделя” посвятят основным портам России #фестиваль <https://www.mos.ru/news/item/10579073>») и продолжающие, реагирующие на посыл, которые имеют свои регулярные структурные единицы. В этом случае коммуникативное намерение блогера взаимодействовать со своей аудиторией способствует активному использованию таких речевых приемов, как прямая адресованность (Василий Голубев, @golubev_yu от 1 июл. 2013 г.: «Требование к главам: не проводите отчеты для актива — проводите для населения. Не бойтесь неудобных вопросов — они зададут направление работы») и косвенная адресованность (Василий Голубев, @golubev_yu от 17 июн. 2013 г.: «Это самый настоящий бред!! Предлагаю поискать иные темы для развлечений»).

Регулятивный эффект блогов проявляется в том, что автор блога придерживается правил коммуникации: приветствует своих читателей (Игорь Сапко, @sapkorert от 10 сент. год.: «Доброго утра всем, кто проснулся в субботу рано! Выходные у меня

как всегда рабочие. #Дума2016 #ep2016»), живо реагирует на комментарии (Komarova Natalya, @KomarovaNatalya от 4 нояб. 2012 г.: «Снова с Вами. Никто не потерялся). Настоящая дружба) Твиттер — работа, спец-ты скорее справились, думаю, это позитив»), прощается и посылает добрые пожелания своей аудитории (Василий Голубев, @golubev_yu от 26 февр. 2012 г.: «Всех с Масленицей. И простите меня»).

Оригинальным структурообразующим приемом, связующим все Интернет-пространство в единую сеть сегодня стали хэштеги (метки со значком решетки hash#, которые используются для распределения сообщений по темам в социальных сетях и блогах), позволяют просмотреть все сообщения, помеченные данным хэштегом, структурировать информацию по конкретному запросу и потенциально увеличить посещаемость страниц: #медсестры #нашеподмосковье #губернатор.

Синтаксис текстов политико-административного сетевого медиадискурса шире всего представляет характерные свойства интернет-коммуникации. Это, прежде всего, письменная фиксация синтаксических особенностей устной речи: эллиптические конструкции (В. Миклушевский, @v_miklushevskiy от 14 апр. год.: «Возвращаемся по дороге Партизанск-Шкотово... Сильно её разбили большегрузы:-(((Местами очень... <https://www.instagram.com/p/BEK66YnSihj/>)), инверсия (Василий Голубев, @golubev_yu от 7 мая 2013 г.: «Побывал я на ростовской набережной. Впечатление удручающее. Цветы на части клумб не высажены, гранит разрисован»), компрессия (Владимир Евланов, @vladimirevlanov от 19 июля 2014 г.: «По скверу Дружбы. Не беспокойтесь, мальчика со слоном вывезли»). А также гипертекстовая организация высказывания, делающая его нелинейным, многоуровневым, а следовательно, и многомерным по смыслам и коннотациям. Склонность к диалогическому типу устной речи проявляется в блогах в простых неполных предложениях (Василий Голубев, @golubev_yu от 2 февр. 2015 г.: «Поручил главам подготовить дополнительные места для расселения беженцев»). На синтаксическом уровне наблюдается особенно большое количество восклицательных и побудительных предложений (Sergei Morozov, @morozov_si от 25 сент. 2014 г.: «Уничтожены десятки деревьев! Того, кто дал разрешение на спил тополей и нарушил введенный мной запрет, ждет серьезный разбор полетов!!!»).

Парцелляция служит для выделения того, что в устной речи могло быть реализовано с помощью интонации или паузации (Василий Голубев, @golubev_yu от 18 сент. 2015 г.: «Процесс пошел. Не остановишь. Время, вперед!»).

Характерны и номинативные конструкции (Андрей Воробьев, @VorobievAndrey от 29 июня год.: «#Путепровод у Фирсановки в Химках открыт! Это 11-й новый переезд за 2 года #нашеподмосковье»).

Экспрессия на синтаксическом уровне выражается и с помощью восклицаний, риторических вопросов и побуждений (Андрей Воробьев, @VorobievAndrey от 22 июня год.: «Давайте найдём время, чтобы поговорить с детьми о подвигах и о страшной цене, которую пришлось заплатить за свободу»), императивных конструкций (Василий Голубев, @golubev_yu от 4 июня 2014 г.: «Надо помогать соседям»).

Стилистические особенности компьютерно опосредованной политико-административной медиакommunikации заключаются в стиливых схождениях дневниковой непосредственной интимности и официально-деловой отчетности, публицистической экспрессивности и компьютерно-сетевой киберзависимости (Сергей Собянин, @MosSobyainin от 14 июля год.: «Сильнейший шторм за посл годы. Больше 1000 упавших деревьев, до вечера уберем. Состояние 9 пострадавших под контролем. Затопления ликвидированы»).

Зачастую записи обладают высокой степенью пафосности, публицистичности (Сергей Собянин, @MosSobyainin от 11 июня год.: Сергей Собянин Ретвитнул(а) RT на русском: «Евродепутат, видимо, не в курсе, что из пушки по воробьям не стреля-

ют» — Сергей Собянин добавил(а), RT на русском, @RT_russian: «Евродепутат от Литвы опасается ядерной угрозы со стороны Калининграда <https://russian.rt.com/article/306995>»). Метафоризация создает впечатление свободы, экспрессии, равнодушного отношения к сообщаемой информации (Василий Голубев, @golubev_yu от 30 окт. 2013 г.: «Эта дорога не без камней, но мы по ней должны идти»).

Интенсивность использования мультимедиа путем включения в текст звука, видеоизображения, анимации определяет актуальность обращения и к поликодовости блогов и/или микроблогов политико-административной сетевой медиакommunikации. Термин «поликодовость» был впервые введен в научный оборот в 1974 г. Г. В. Ейгером и В. Л. Юхтом, как понятие, обозначающее «сочетания естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы» [7]. Позднее на смысловую значимость поликодовости как «соединения в едином графическом пространстве семиотически гетерогенных составляющих» [6, с. 171] указал А. Г. Сонин, а В. Е. Чернявская привлекла внимание к тому, что поликодовый текст «обращает внимание на текстуальный характер обозначенного явления, его содержательно-смысловую целостность» [8, с. 90]. Именно поликодовость определяет возможность лаконично, сжато, но достаточно полно предоставить в информационном компоненте и сведения о произошедшем событии, и аргументацию, подтверждающую мнение автора, его позицию, комментарий по поводу события. Тем самым данные тексты сближаются по своей функциональности с журналистскими сетевыми текстами, которым всегда было характерно стремление к доходчивости, разнообразию, выразительности и одновременно к полному изложению смыслов со всеми их нюансами, причем в ограниченном объеме пространства или времени (*Василий Голубев, @golubev_vu от 31 дек. 2013 г.: «Снег, как всегда, радовал нас совсем недолго. Хорошо, что успел запечатлеть зимнюю картинку. Дарит*

новогоднее настроение »).

Совмещение вербального текста и какого-либо изображения, картинки, рисунка или фотографии, позволяет автору метафорически отобразить событие, а аудитории — самостоятельно его интерпретировать, опираясь на емкие образы:

Вениамин Кондратьев, @kondratyevvi от 12 окт. года: «Вот такая развязка теперь на въезде в Краснодар у ст. Елизаветинской. А ведь раньше здесь были километровые пробки. Ежедневно».

Потребность в таких поликодовых мультимедийных структурах определена ограниченным объемом блога или — тем более — твиттер-высказывания при одновременном сгущении подробностей события и оценочных смыслов. Такой поликодовый текст, с одной стороны, минимизирует количество разнообразных интерпретаций, а с другой — позволяет находить новые смыслы, что также придает этим текстам журналистский эффект постоянного баланса между клишированностью и стандартизацией.

Заключение

Таким образом, блоги и/или микроблоги представляют особое явление в аспекте языковой культуры, а также являются новым типом политико-административного сетевого медиадискурса. Выбор языковых средств обусловлен намерениями автора воздействовать на свою аудиторию через предоставление ей информации определен-

ным образом. К основным жанрообразующим речевым средствам следует отнести лексическую и синтаксическую разговорность, неполноту синтаксических конструкций, наиболее частотное употребление настоящего и прошедшего совершенного времени, экспрессивность, выраженную как лингвистическими, так и экстралингвистическими способами, обилие модальных выражений повелительного, долженствующего или утвердительного характера, образных средств, включающих в себя метафоры, эпитеты, аллюзии, фразеологические и крылатые выражения, и устойчивых лексических единиц общественно-политической направленности. Яркой характерной особенностью жанра является поликодовость изложения информации в сочетании вербальных и визуальных компонентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1963. 215 с.
- 2 *Добросклонская Т. Г.* Вопросы изучения медиатекстов. М.: Изд-во МГУ, 2000. 288 с.
- 3 *Добросклонская Т. Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М.: Наука, 2008. 264 с.
- 4 *Костомаров В. Г.* Русский язык на газетной полосе. М.: Изд-во МГУ, 1971. 266 с.
- 5 *Костомаров В. Г.* Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб.: Златоуст, 1999. 320 с.
- 6 *Сонин А. Г.* Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. М.: Изд-во ИЯ РАН, 2005. 220 с.
- 7 *Сподарец О.* Поликодовость как ключ к новостному политическому медиатексту // Политическая лингвистика. URL: http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling35/ling35_25.pdf (дата обращения: 10.06.2014).
- 8 *Чернявская В. Е.* Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. М.: Либроком, 2009. 248 с.
- 9 Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие / отв. ред. М. Н. Володина. М.: Изд-во МГУ, 2003. 451 с.

© 2018. Marina A. Chekunova
Moscow, Russia

FEATURES OF THE POLITICAL AND ADMINISTRATIVE NETWORK MEDIA DISCOURSE AS PHENOMENA OF MODERN LANGUAGE CULTURE

Abstract: Under the influence of new information technologies, political and administrative interaction according to the formula “state power – civil society” acquires qualitatively new properties based on a deeper mutual penetration. Blogosphere and social networks have come to be united in terms of the concept of social Internet media, performing functions of the mass media, especially the informational one, and at the same time affect the administrative decision-making by various administrative structures at the state level. Blog as a means of mass communication in the political sphere has quite a large and stable popularity. In the context of current trends in the

development of the contemporary information society, it were blogs to be considered the most convenient and effective method of informal Internet communication and perceived as the opportunity of realizing freedom of speech, a way to express one's views and, if possible, to influence the audience. Today, a blog is also a well-established, stable and popular genre, originally intended to be relatively free to disseminate one's personal views, to strengthen one's influence on the target audience and to find like-minded people. The selection of the site of your blog is also important in this respect: if micro-blogging within social network services is more popular among representatives of official authorities, then blogs in its classical sense, with the ability to express one's position to the fullest, are the main means of disseminating information in the arsenal of communication channels among politicians of various persuasions. Thus, the blog becomes an effective means of political and administrative communication, widely used by today's government officials who have been able to influence the audience through this very popular mass communication channel. Using the blog as a means of disseminating information allows creating new settings, adjusting existing values and foster new ones among representatives of contact audiences. The texts of the blogs become a full-fledged coherent, whole and complete texts which allows them to be viewed as a media product.

Keywords: genre, political-administrative discourse, microblogging, language, style, speech, Internet.

Information about the author: Marina Anatolyevna Chekunova — PhD in Philology, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maclay Str., 6, 117198 Moscow, Russia. E-mail: chekunova@gmail.com

Received: June 26, 2017

Date of publication: June 15, 2018

For citation: Chekunova M. A. Features of the political and administrative network media discourse as phenomena of modern language culture. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 48, pp. 225–234. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Vinogradov V. V. *Stilistika. Teoriia poeticheskoi rechi. Poetika: ucheb. posobie* [Style. The theory of poetic speech. Poetics: textbook]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1963. 215 p. (In Russian)
- 2 Dobrosklonskaia T. G. *Voprosy izucheniia mediatekstov* [The study of media texts]. Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 2000. 288 p. (In Russian)
- 3 Dobrosklonskaia T. G. *Medialingvistika: sistemnyi podkhod k izucheniiu iazyka SMI: sovremennaia angliiskaia mediarech'* [Metalinguistic: a systematic approach to the study of media language: the modern English media discourse]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 264 p. (In Russian)
- 4 Kostomarov V. G. *Russkii iazyk na gazetnoi polose* [Russian language newspaper page]. Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1971. 266. (In Russian)
- 5 Kostomarov V. G. *Iazykovoii vkus epokhi: Iz nabliudenii nad rechevoi praktikoi mass-media* [Language taste of the epoch: From observations of speech practice of mass-media]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 1999. 320 p. (In Russian)
- 6 Sonin A. G. *Ponimanie polikodovykh tekstov: kognitivnyi aspekt* [Understanding polycode texts: cognitive aspect]. Moscow, Izdatel'stvo Ila RAN Publ., 2005. 220 p. (In Russian)

- 7 Spodarets O. Polikodovost' kak kliuch k novostnomu politicheskomu mediatekstu [Polycodedness as the key to political news media-text]. *Politicheskaja lingvistika* [Political linguistics]. Available at: http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling35/ling35_25.pdf (accessed 10 July 2014). (In Russian)
- 8 Cherniavskaia V. E. *Lingvistika teksta: polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost': uchebnoe posobie* [Text linguistics: polycodedness, intertextuality, interdiscursivity: a training manual]. Moscow, Librokom Publ., 2009. 248 p. (In Russian)
- 9 Iazyk SMI kak ob"ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniia. Uchebnoe posobie [Mass media language as an object of interdisciplinary research. Textbook], managing edited by M. N. Volodina. Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 2003. 451 p. (In Russian)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. В. В. Бычков
г. Москва, Россия

ПРОБЛЕМА ТВОРЧЕСТВА В ЭСТЕТИКЕ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА

Аннотация: Тема творчества занимала одно из видных мест в эстетике русских символистов. Ими были осмыслены два различных творческих метода в истории искусства — реализм и идеализм, переходящие на современном им этапе в реалистический и идеалистический символизм. На уровне самого символизма его теоретики выделили три творческих периода: теза, антитеза, синтез; выявили два этапа творчества — восхождение и нисхождение при создании символов искусства; главную цель творчества некоторые из них усматривали в теургии, выводящей творчество по эстетическим принципам из сферы искусства в реальную жизнь.

Ключевые слова: творчество, русский символизм, символ, реализм, идеализм, творческий метод, теургия, Вячеслав Иванов, Андрей Белый, Николай Бердяев.

Информация об авторе: Виктор Васильевич Бычков — доктор философских наук, профессор, лауреат Государственной премии РФ, главный научный сотрудник, Институт философии Российской академии наук, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, 119019 г. Москва, Россия. E-mail: iph@iph.ras.ru

Дата поступления статьи: 07.12.2017

Дата публикации: 15.06.2018

Для цитирования: Бычков В. В. Проблема творчества в эстетике русского символизма // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 235–249.

Тема творчества как специфической деятельности человека занимает видное место во многих современных науках, в том числе в философии и эстетике. Она с древности интересовала многих крупнейших мыслителей и деятелей искусства, самих творцов, у которых она теснейшим образом была связана с их собственным творчеством. Не обошли ее вниманием и русские символисты начала XX в., периода расцвета их творчества и символистских теорий искусства. В контексте рассуждений о символизме они дали свое достаточно оригинальное решение проблемы творчества, часто не занимаясь ею напрямую, но имея ее в виду при разговоре фактически обо всех проблемах искусства. С особой очевидностью она прописана Вячеславом Ивановым, но и остальные символисты, включая близкого к ним Николая Бердяева, немало сделали для формирования символистского ракурса подхода к этой теме. Он и сегодня представляет интерес для нас, как возникший в сознании самих творцов искусства.

В статье «Две стихии в современном символизме» Вячеслав Иванов усматривает два творческих метода в истории искусства, которые в символизме, согласно рус-

скому поэту, воплотились в два потока, или «две стихии» — *символизм реалистический* и *идеалистический*. В истории искусства он обозначает их как *реализм* и *идеализм*, сразу подчеркивая, что они не имеют ничего общего с философским реализмом и идеализмом. Под реализмом в искусстве («художестве» в его терминологии) Иванов понимает «принцип верности вещам, каковы они суть в явлении и в существе своем», а под идеализмом — «утверждение творческой свободы в комбинации элементов, данных в опыте художнического наблюдения и ясновидения, и правило верности не вещам, а постулатам личного эстетического мировосприятия, — красоте, как отвлеченному началу» [13, с. 539]. В основе искусства, полагал Иванов, опираясь на дух античной эстетики, лежит «миметическая способность человека», т. е. его стремление к подражанию. При этом оно может носить *ознаменательный* характер, т. е. простого «выявления» вещей в форме и в звуке (и тогда это — реализм), или — *преобразовательный* характер (идеализм). Реализм и идеализм изначально присутствуют в тех или иных соотношениях в любом художественном творчестве. Отнесение же искусства к этим направлениям определяется заметным преобладанием того или иного начала.

Художник-реалист стремится только к одному — наиболее точному, «беспримесному» принятию в свою душу «объекта» (или «вещи») и передаче его другой душе. При этом под «вещью» имеется в виду как ее «явление», т. е. переходящий материальный облик, так и ее чувственно не воспринимаемая *сущность*. Реализм, стремящийся передать сущность вещи, поднимается до «феномена чистой символики». Если же художник ограничивается изображением только внешнего вида вещи в ее явлении, мы говорим о натурализме. Встречается и простое перечисление вещей по именам (известное в литературе от Гомера до Андре Жида) — это чистой воды номинализм. Художник-реалист не вносит в свое ознаменование ничего субъективного. Напротив, художник-идеалист активно использует в творчестве субъективный момент, преобразуя вещи с помощью своего воображения и личных переживаний.

Полагая высшей и истиннейшей целью художественного творчества узрение и «благовествование сокровенной воли сущностей», Иванов вполне логично заключает, что высшей ценностью обладает только реалистическое мирозерцание художника и реализм в искусстве. Реалистическим в этом плане было древнейшее архаическое искусство, создававшее фетиши, т. е. предметы, «безусловно соответствующие вещам божественным» [13, с. 541], и средневековое христианское искусство. Именно в Средние века «религиозное мирозерцание, всеобъемлющее и стройное, как готический храм, определяло место каждой вещи, земной и небесной, в рассчитанно-сложной архитектуре своего иерархического согласия. Соборы вырастали поистине как некие “леса символов”. Живопись служила всенародною книгой для познания вещей божественных». Явно имея перед своим внутренним взором искусство западноевропейского Средневековья, Иванов замечает, что этот средневековый реализм складывался из причудливого смешения символики, фантастики и «истинного натурализма». Ибо *реализмом*, еще раз формулирует теоретик русского символизма, является такое искусство, «которое требует от художника только правильного списка, точной копии, верной оригиналу передачи того, что он наблюдает или о чем осведомлен и поскольку осведомлен» [13, с. 543]. Именно поэтому произведение реалистического искусства является свидетельством объективного бытия изображенной вещи.

Напротив, идеализм отходит от вещи, заменяя копирование ее «чисто эстетическими» канонами. Эти каноны (именно — каноны видимой, чувственно воспринимаемой *красоты*) представляются Иванову, с чем, конечно, трудно согласиться,

изобретением субъективности художника, отказывающегося от «ознаменования» вещи в пользу свободно расцветшего в его душе «идеала», который, может быть, является продуктом только его фантазии, его личного творчества, «только красотой», не существующей реально ни в этой, ни в иной реальности. Сокрывая облачения с женских фигур, которые, по мнению Иванова, придавали им религиозный характер, как сокрывавшие некую тайну, греческие художники установили *канон пропорций* обнаженного тела и возвели его в норму, которая затем и стала господствовать в идеалистическом искусстве в качестве идеала красоты (и в классицизме, и в академизме). Древние греки, в понимании Иванова, стали родоначальниками идеалистического искусства (= чистого эстетизма). С этим пониманием, между тем, позже никак не могли согласиться о. Павел Флоренский и о. Сергей Булгаков. Последний был убежден, что в смысле выражения сущностных идей наибольших высот достигли в истории искусства только греческая скульптура в обнаженных фигурах и русская икона. В греческой пластике, в частности, в Венере Милосской, о. Сергей усматривал воплощение «духовной, святой телесности» [10, с. 254, 257, 267]. Да и сам Иванов не был однозначен в оценке античного искусства.

Творчество художников Возрождения, согласно его концепции, стало следующим значимым этапом в развитии идеализма уже в его классическом виде. Если в античной Греции индивидуализм в искусстве был еще только слабо намечен (а именно он и является важным двигателем идеалистического творчества согласно Иванову), то с появлением ярко индивидуализированной личности в ренессансное время он расцвел пышным цветом. При этом, как это ни покажется парадоксальным, именно христианство подготовило и вспахало почву, на которой только и возможно стало многокрасочное цветение идеализма. Ибо христианство не только «открыло тайну лика», но и «утвердило окончательно личность». И эта личность, осознав себя центром мира и чародеем, признала «за высшее среди духовных стремлений — эстетизм» и утвердила в искусстве господство идеализма, преобразующего «действительность в отражении, а не отражающим действительность в ее реальном преображении» [13, с. 542], что под силу только реализму.

От *так* понятого реализма и идеализма Иванов переходит к высшей, в понимании символистов, ступени искусства — *символизму*, в котором, как и во всем искусстве, также усматривает следы этих двух противоположных стихий. Реалистический символизм — это высшее достижение искусства реализма. Идеалистический символизм — логическое завершение идеализма, пришедшего к утонченному эстетизму и импрессионизму. Главная задача реалистического символизма — «вызвать непосредственное постижение сокровенной жизни сущего снимающим все пелены изображением явного таинства этой жизни», ибо он видит «глубочайшую истинную реальность вещей, *realia in rebus*», хотя не отказывает в относительной реальности и феноменальному миру, поскольку именно в нем и сокрыта «реальнейшая действительность»; т. е. феноменальный мир предстает символом этой реальнейшей действительности [13, с. 549]. Идеалистический же символизм не интересуется глубинной действительностью. Он ограничивается изобретением утонченных художественных средств для передачи субъективных переживаний художника зрителю или читателю его произведений. Это парнасизм, эстетизм, неоклассицизм, декадентство. Обе стихии живут и причудливо сочетаются в творчестве русских символистов. Сам Иванов остается приверженцем первой и уже своими дефинициями пытается отыскать пути к ее более прочному утверждению в русской культуре, ибо перспективы сущностного бытия культуры он видит только на путях развития реалистического символизма (подробнее см.: [18]).

Критерием различия указанных стихий (или направлений) символизма является само понимание символа. В реалистическом символизме он осознается как «цель художественного раскрытия: всякая вещь поскольку она реальность сокровенная, есть уже символ, тем более глубокий, тем менее исследимый в своем последнем содержании, чем прямее и ближе причастие этой вещи реальности абсолютной» [13, с. 552]. Основу этого символизма составляет *онтологизм* символа. В то время как в идеалистическом символизме символ по сути своей *психологичен*; он — лишь художественное средство для передачи информации о субъективном переживании от одного человека к другому. В реалистическом символизме символ тоже связывает сознания, но совсем на иной основе — он приводит их в *соборное* единение «общим мистическим лицезрением единой для всех, объективной сущности» [13, с. 552]. Суть творчества художника в реалистическом символизме — проникнуть через реальную вещь к высшей реальности: *a realibus ad realiora*. «Его алхимическая загадка, его теургическая попытка религиозного творчества — утвердить, познать, выявить в действительности иную, более действительную действительность. Это — пафос мистического устремления к *Ens realissimum*» [13, с. 553]. Таким образом, творческие устремления художника реалистического символизма всегда направлены вверх и вглубь. Имеют в целом анаagogический характер — восхождения художника к метафизическим основам бытия и возведения тем самым и реципиента своего произведения к ним.

Реалистический символизм был, по убеждению Иванова, единственной современной формой сохранения и в какой-то мере развития *мифа* как глубинного содержания символа, понятого в качестве реальности. «Реалистический символизм идет путем символа к мифу; миф — уже содержится в символе, он имманентен ему; созерцание символа раскрывает в символе миф» [13, с. 554]. Миф же в понимании Иванова — некая объективная реальность, содержащая в себе истину о «более реальной реальности». Его высокий онтологический статус по отношению к символу определяется тем, что он — «результат не личного, а коллективного, или соборного, сознания» [13, с. 567]. И открывался миф (как сакральная реальность) этому соборному сознанию (= «соборной душе» — [13, с. 572]) в актах древнейших мистерий. Затем он становился достоянием народа, обрастал в народно-исторической памяти разными прикрасами и искажениями и в этой (народной) форме и становился собственно мифом в полном смысле слова [13, с. 560].

Истинный миф, убежден Иванов, лишен каких-либо личностных характеристик (будь то творца или слушателя) — это объективная форма хранения знания о реальности, обретенная в результате мистического опыта и принимаемая на веру до тех пор, пока в акте нового прорыва к той же реальности не будет открыто о ней новое знание более высокого уровня. Тогда старый миф снимается новым, который занимает его место в религиозном сознании и в духовном опыте людей. Поэтому сверхзадачу символизма, до осуществления которой, по признанию самого Иванова, еще очень далеко, он видит в мифотворчестве. Но не в художественной обработке старых мифов или в писании новых фантастических сказок, чем, по его мнению, занимается идеалистический символизм, а в истинном *мифотворчестве*, которое Иванов понимает как «душевный подвиг самого художника». Художник «должен перестать творить вне связи с божественным всеединством, должен воспитать себя до возможностей творческой реализации этой связи. И миф, прежде чем он будет переживаться всеми, должен стать событием внутреннего опыта, личного по своей арене, сверхличного по своему содержанию» [13, с. 558]. В этом и заключается «теургическая цель» символизма, которую пытались

реализовать в своем творчестве многие русские символисты того времени (см. также: [11, с. 201–211]).

Размышляя о существенных аспектах творчества современных ему символистов, Вяч. Иванов пришел к интересной, хотя и дискуссионной концепции трех творческих этапов, или «моментов», в русском символизме, которые он обозначил как *теза*, *анти-теза* и *синтез* [13, с. 598]. Суть первого момента Иванов осмысливает как открывшийся вдруг перед внутренним взором художника бесконечно многообразный мир иного высшего бытия. В душе художника зазвучало «учение Вл. Соловьева о теургическом смысле и назначении поэзии, еще не понятое до конца», возник повелительный призыв (как обет Фауста) «к бытию высочайшему стремиться неустанно» — и не только в поэзии, но и в самой своей жизни — воплотить в ней «миросозерцание мистического реализма». И именно поэтому-то, убежден Иванов, русский «символизм не хотел и не мог быть “только искусством”» [13, с. 598–599].

Однако перед реализацией этой теургической задачи символистам предстояло «выдержать религиозно-нравственное испытание “антитезы”», которое теснейшим образом было связано с общественным кризисом того времени и привело многих символистов к срывам, «крикам последнего отчаяния», душевным страданиям, а такие чувствительные натуры, как Врубель, — к безумию. Многие разочаровались в символизме и, сложив крылья, пали на землю натурализма или «парнасизма». Сам Иванов, ощущавший себя глубоко религиозным поэтом и мыслителем, не поддавался пессимистическим настроениям антитезы. У него, по меткому выражению Бердяева, не было «чувства катастрофического». Он прозревал третью, высшую стадию символизма — *синтетическую* — и связал ее с понятием «внутреннего канона», который, видимо, как и канон средневековый в свое время, должен существенно дисциплинировать современного художника (= символиста) и вывести его на принципиально новый уровень уже не только и не столько искусства, сколько *бытия*.

Этот «канон» существенно отличается от уже упоминавшегося канона внешних форм, легшего, согласно Иванову, в основу художественного идеализма. «Под “внутренним канонem”, — писал он, — мы разумеем: в переживании художника — свободное и цельное признание иерархического порядка реальных ценностей, образующих в своем согласии божественное всеединство последней реальности, в творчестве — живую связь соответственно соподчиненных символов, из коих художник тклет драгоценное покрывало Душе Мира, как бы творя природу, более духовную и прозрачную, чем многоцветный пеплос естества» [13, с. 601]. Символизм на первой стадии созерцал, прозревал и творил разрозненные символы отдельных аспектов бытия, высшей реальности, создавал как бы бесчисленные осколки зеркала, в которых мелькали фрагментарные, а часто и искаженные обрывки истинной реальности. «Внутренний канон» поднимает художника на принципиально новый уровень созерцания, целостного «тайновидения» и выводит его в сферу священного теургического «тайнодействия любви», преодолевающего всяческую раздробленность. Он не только видит целостную реальность бытия, но и творит более духовное и тоже целостное (единое) отражение его в материальном мире, как бы собирает в фокусе своего более мощного зеркала все отражения осколочных зеркал символистов первой стадии, нередко искажавших истину. «“Зеркалом зеркал” — “speculum speculorum” — делается художество, все — в самой зеркальности своей — одна символика единого бытия, где каждая клеточка живой благоухающей ткани творит и славит свой лепесток, и каждый лепесток излучает и славит сияющее средоточие неисповедимого цветка — символа символов, Плоти Слова» [13,

с. 601]. В этом, собственно, по Иванову, который во многом продолжает здесь Вл. Соловьева, последняя синтетическая стадия символизма. На ней художник практически покидает стезю традиционного искусства, перерождается в теурга, который на основе открывшегося ему глубинного созерцания целостной и единой сущности бытия создает некое новое сакрализованное бытие людей, более возвышенное и духовное, чем современная жизнь.

Против теургической идеи Иванова и других младосимволистов активно выступал символист старшего поколения и продолжатель традиций французского символизма Валерий Брюслв. Он подчеркивал, что символизм «хотел быть и всегда был только искусством» [9, с. 178]. Под критику Брюсова попал и Александр Блок, который в своем докладе-статье «О современном состоянии русского символизма» образно проиллюстрировал первые два момента из статьи-доклада Иванова, но умолчал о последнем синтетическом, или теургическом, моменте. Тем не менее термин теургия он тоже упомянул, чем и вызвал негодование Брюсова.

Согласно Блоку, *теза* и *антитеза* Иванова относятся к бытийственным состояниям символической реальности. На уровне тезы художник сознает себя совершенно свободным творцом в волшебном мире, ему дозволено делать все, что он пожелает, ибо он — символист. Символист же «уже изначала — *теург*, то есть обладатель тайного знания, за которым стоит тайное действие» [8, с. 427], и вдохновляет его на это действие чей-то лучезарный взор, он же — золотой и лазурный меч, пронзающий все миры и достигающий сердца теурга. Это взор соловьевской «Лучезарной Подруги», имя которой сам «учитель» (так Блок почтительно называл Вл. Соловьева) страшился выговорить. Мы теперь знаем, что речь шла о Софии — Премудрости Божией, которая в поэзии и самого Соловьева, и его учеников-символистов представляла в символах Вечной Женственности (*das Ewig-Weibliche* Гете), Прекрасной Дамы, небесной Девы. Миры, пронизанные мечом-лучом-взором этой небесной Подруги-Музы, окрашены для Блока в пурпурно-лиловые цвета. «Золотой меч, пронизывающий пурпур лиловых миров, разгорается ослепительно — и пронзает сердце теурга» [8, с. 427]. Среди небесных роз уже начинает «сквозить лицо», слышится голос, «возникает диалог, подобный тому, который описан в “Трех Свиданиях” Вл. Соловьева»... И вдруг все прерывается. Как будто кто-то, «ревнуя теурга к Заревой ясности ... внезапно пресекает золотую нить зацветающих чудес; лезвие лучезарного меча меркнет и перестает чувствоваться в сердце» [8, с. 428]. Завершается *теза*, и начинается *антитеза*.

Гаснет мир царского пурпура, все затопляет сине-лиловый сумрак. Лучше всего его, по мнению Блока, передавал Врубель. Сам он, если бы имел дар живописца, изобразил бы переживания этого момента так: «...в лиловом сумраке необъятного мира качается огромный белый катафалк, а на нем лежит мертвая кукла с лицом, смутно напоминающим то, которое сквозило среди небесных роз» [8, с. 429]. Мертвая кукла с лицом Софии... Для этой стадии характерна острота, яркость и многообразие переживаний. Лиловый сумрак нахлынувших миров полон «соответствий» (т. е. осознается Блоком именно как художественный символизм, что, видимо, и обеспокоило Брюсова), в самом переживающем возникает множество его «двойников» — демонов, которые рыщут в лиловых мирах и, покорные воле художника, стаскивают ему лучшие драгоценности: кто тучку принесет, кто — вздох моря, кто — аметист, иной — скарабея или крылатый глаз. Все это переплавляет символист в горниле художественного творчества и наконец «при помощи заклинаний, добывает искомое — себе самому на диво и на потеху; искомое — красавица кукла». Волшебный мир превращается в *балаган*, сама

жизнь художника становится *искусством*, в центре которого обитает то, «что я (лично) называю “Незнакомкой”: красавица кукла, синий призрак, земное чудо. Это — венец антитезы» [8, с. 430].

Таково современное состояние символизма, согласно Блоку. Художник живет в этом реальном сине-лиловом мире, созданном им и поглотившем и поработившем его. Поэтому «искусство есть *Ад*»; «искусство есть чудовищный и блистательный Ад. Из мрака этого Ада выводит художник свои образы», и в этом же мраке и темноте он, тоскуя по угасшему золотому мечу, «сходит с ума и гибнет» [8, с. 434]. Блок вспоминает о печальной участи Лермонтова, Гоголя, Врубеля, Комиссаржевской. Белый в подобной же связи часто вспоминал о безумии своего кумира Ницше.

Итак, символист, по Блоку, это некий творец, которому в *тезе* вроде бы были явлены и обещаны золотисто-лучезарно-пурпурные волшебные миры, но некие силы сокрыли их и ввергли художника в демонические, по-своему блистательные и привлекательные сине-лиловые сферы Ада, ввергли в соблазн адской прелести.

Здесь следует вспомнить одну из ранних статей Иванова «Символика эстетических начал», в которой он фактически на уровне эстетических категорий объяснял столь ярко расцвеченные позже Блоком творческие метания символистов от сияющего божественного мира к хтоническим лиловым глубинам Ада. В творчестве художника-символиста (а такими младосимволисты считали всех творцов подлинного искусства) он усматривает движения *восхождения* и *нисхождения*. Творческий процесс начинается с восхождения души художника к божественным вершинам, подлинной родине самой души. Это состояние духа художника Иванов обозначает категорией *возвышенного*. В акте восхождения художник отрешается от себя самого ради себя иного, более возвышенного, его дух утрачивает все, присущее ему, и приобщается к небесной Красоте [12, с. 824]. Эта Красота, однако, недоступна земному человеку, и дух художника, осиянный ею, начинает нисхождение к Земле, чтобы ее средствами облечь «в зримое» постигнутое им. Здесь Красота становится красотой искусства, доступной восприятию человека. «Мы, земнородные, можем воспринимать Красоту только в категориях красоты земной» [12, с. 826].

Однако нисхождение не всегда красота. «Есть нисхождение, как разрыв», глубже Земли, мимо Земли в бездонность, «в пропасть, кипящую мутным взором безумия!..» [12, 828]. В этом «мимоземном» нисхождении Иванов видит третье начало эстетического: «...таково после *возвышенного* в выше определенном смысле и после *прекрасного*, принцип которого — милость нисхождения, — третье, демоническое, начало наших эстетических волений: имя ему *хаотическое*. <...> Это царство не золотосолнечных и алмазно-белых подъемов в лазурь и не розовых и изумрудных возвратов к земле, но темного пурпура преисподней» [12, с. 828–829]. Блоку это царство хаотического виделось в сине-лиловых тонах живописи Врубеля, но смысл его был близким к ивановскому.

В более поздний период творчества и теоретических размышлений Иванов не обращается уже к сфере хаотического, как не характерной для его собственного творчества. Он расширяет свое понимание результата нисхождения и акцентирует теперь внимание на том, что в процессе нисхождения художник создает чувственно воспринимаемые *символы* открывшегося ему духовного мира. И именно символ воспринимается им, как и другими символистами, в качестве концентрации творческой энергии нисхождения. При этом весь творческий процесс мыслится им как процесс двойного восхождения в духовные (божественные) сферы. Сначала художник восходит туда для озарения духовной Красотой, а затем уже зритель (читатель) произведения с помощью

его энергии возводится к тем же духовным истокам, которыми питался художник, — от реального к реальнейшему, от символа к символизируемому.

Процесс художественного творчества как трудноуловимый для разума Иванов пытается описать и с помощью понятия формы в своем понимании. Полученный в процессе восхождения квант творческой энергии он обозначает как «форма зиждущая» (*forma formans*), а произведение творческой активности — «форма созижденная» (*forma formata*) [14, с. 667; см.: с. 675 и далее]. Форма зиждущая существует только во внутреннем мире художника, но это не замысел произведения в традиционном понимании школьной эстетики, а некая самостоятельная энергия, умная сила в душе, «безошибочно знающая свои пути и предписывающая материи свой закон необходимого воплощения. Это — живая душа и готовое душевное тело изваяния, спящего в мраморной глыбе. Красота прекрасных стихов — *forma formata*; их поэзия — *forma formans*» [14, с. 668].

В более поздней статье Иванов определяет зиждущую форму как *художественное содержание произведения*. Это «действенный прообраз творения в мысли творца, как канон или эфирная модель будущего произведения, его *Eidolon*, который можно назвать *forma formans*, потому что она, форма эта, и есть созидающая идея целого и всех его отдельных частей». Чем ближе созижденная форма к этой «идее», тем совершеннее произведение искусства. «И нет в произведении том никакого другого “содержания”, кроме той идеи, его зиждущей формы (*forma formans*), которая, прежде чем обнаружиться в слове или мраморе, в звуках или красках, уже духовно определяла всю полноту и целостность творящей художественной интуиции» [14, с. 679]. Зиждущая форма выступает, согласно Иванову, и творческим принципом, и невербализуемым художественным содержанием созданного на ее основе символа. Поэтому, говоря о символистской концепции творчества, нельзя обойти вниманием понимание символистами объекта этого творчества — символа, составляющего основу любого произведения подлинного искусства.

Согласно Иванову, «символ есть знак, или ознаменование. То, что он означает, или знаменует, не есть какая-либо определенная идея» [13, с. 537], т. е. символ — не условный знак или однозначный иероглиф. Он — многозначен и многосмыслен. «Подобно солнечному лучу, символ прорезывает все планы бытия и все сферы сознания и знаменует в каждом плане иные сущности, исполняет в каждой сфере иное назначение... В каждой точке пересечения символа, как луча нисходящего, со сферой сознания он является знаменем, смысл которого образно и полно раскрывается в соответствующем мифе» [13, с. 537]. Символы — это «знамения иной действительности» [13, с. 538]. Они, согласно Иванову, обладают самостоятельным бытием и наделены комплексом значений, по-разному раскрывающихся на различных уровнях бытия и сознания. Позже он уточнит, что «всякий истинный символ есть некое воплощение живой божественной истины», это уникальная посредствующая форма, которая не содержит нечто, но «через которую течет реальность, то вспыхивая в ней, то угасая, — медиум струящихся через нее богоявлений» [13, с. 646–647].

Воплощению символа в искусстве способствует художник, выступающий своеобразным проводником и объективатором символа в художественной материи. Символ в искусстве, согласно Иванову, неисчерпаем в смысловом отношении, многозначен, иератичен, наделен священной энергией. Этим он по существу отличается от рационалистически заданной аллегории. «Символ только тогда истинный символ, когда он неисчерпаем и беспределен в своем значении, когда он изрекает на своем сокровенном

(иератическом и магическом) языке намека и внушения нечто неизглаголемое, неадекватное внешнему слову. Он многолик, многосмыслен и всегда темен в последней глубине» [12, с. 713].

Не менее высоко ценил символ Андрей Белый. При этом Символом с прописной буквы он считал самого Иисуса Христа. А вот под *символом* (со строчной буквы) понимал в целом некую многозначную единицу особого семантического уровня, которая обладает рядом своеобразных качеств, далеко не все из которых ему удастся достаточно ясно прописать вербально. Исходя из традиционной для русского символизма этимологии слова «символ» (как *соединение*), Белый утверждает, что *символ* указывает на результат «органического соединения» чего-либо с чем-либо, т. е. более высокого уровня соединения, чем подразумевается под термином *синтез* (он видит в нем лишь механический конгломерат) [1, с. 71]. Символ — это «отливка», «отпечаток» «внутренне-переживаемого опыта человечества». При этом художественная символика есть отпечаток личного творчества, а религиозная — «индивидуально-расового» [1, с. 47].

Символ принципиально неоднозначен и не формализуем на логическом уровне. Он не дает точного знания о своем содержании, но лишь в большей или меньшей мере намекает на него. Символы не говорят, но «подмигивают» и «кивают», со ссылкой на своего кумира Ницше, неоднократно повторяет Белый [2, с. 22; 3, с. 435; 17, с. 25]; но они *кивают* «о действительно переживаемом, о творимом, о третьем, о царстве символа» [3, с. 435]. Символ — это нечто внешнее, надежно укрывающее внутреннее и защищающее его от непосвященных: «Символ — оболочка идеи, оболочка *Tao*» [2, с. 132]. «Идеология шлема и бронировки» — это идеология символического мышления [3, с. 435]. Сокрытие и защита, однако, не главная функция символа, но скорее необходимость, вытекающая из принципиальной трудновыразимости его внутреннего содержания. Главная же его задача, конечно, позитивная — открывать тайну тем, кто способен ее понять. «...символ — окно в Вечность» [2, с. 212], а соответственно и путь к Символу.

Суть *художественного символизма* состоит в том, что это — «метод выражения переживаний в образах» [2, с. 33, 67]; «способ выражения», который осуществляется «в свободе отношения к образам видимости как к моделям безобразных переживаний внутреннего опыта» [1, с. 152]. Художник остается свободным в выборе образов видимой действительности как материала для выражения, в способах их изменения и насыщения своими переживаниями; он свободен в обращении с выразительно-изобразительным материалом, но при этом остается *верным действительности*, вызвавшей переживание, ставшей предметом его внутреннего опыта, т. е. более истинной действительности, чем та, которая дана нам в результате чувственного опыта восприятия внешнего мира.

Известный символист и теоретик символизма Эллис (Л. Л. Кобылинский), размышляя о символическом созерцании как основе творческого метода, полагал, что объективно оно не имеет предела. Оно ограничивается только способностями субъекта к духовному восприятию, его «духовными органами». Поэтому реально символическое искусство — это процесс последовательного восхождения на одну из ступеней духовного созерцания, углубление познания лишь на один ближайший «план бытия». Когда он будет органично освоен, возможен подъем на новую ступень и т. д. [17, с. 256]. Существенной заслугой символизма поэтому Эллис считает, «что он непосредственно и до конца проникся *чувством бесконечной возможности творческого самоуглубления*, что особенно подчеркнул и выдвинул вопрос о связи художественных методов с мета-

морфозой самого субъекта» [17, с. 257]. Символизм осознал себя в качестве действенного способа совершенствования духовного мира человека, его сознания.

Наиболее полно и глубоко символистские интуитивные откровения о творчестве разработал Николай Бердяев [см.: 15], ценивший символизм как высшую форму искусства. В 1916 г. он опубликовал книгу «Смысл творчества. Опыт оправдания человека», в которой дал свое всестороннее понимание творчества как высшей формы человеческой деятельности, и в дальнейшем регулярно обращался к этой теме во многих своих работах. Понятно, что здесь я не собираюсь анализировать ее, но хотел бы только остановиться на тех моментах понимания творчества, которые близки символистам, но наиболее четко были прописаны русским философом, симпатизировавшим им.

Проблема творчества — это проблема вдохновения, проблема духовности, которая понимается Бердяевым традиционно по-христиански. Духовность — нахождение человека «в духе», вхождения духа в человека, вдохновение. Это и есть творческое состояние. Поэтому «духовность всегда есть творчество, ибо признаком духа является свобода и активность». В творчестве Бердяев видит два элемента, имеющих божественный источник: «...элемент благодати, т. е. вдохновения свыше в человеке, обладание человеком гения, дара, и элемент свободы, ни из чего не выводимой и ничем не детерминированной, которым определяется новизна в творческом акте». Творчество направлено на взаимодействие человека с миром, и при этом оно является взаимодействием человека с Богом. «Человек как бы передает миру свой разговор с Богом». Творческим началом всегда является дух. «Всякое творческое изменение в мире происходит от вторжения духа, т. е. свободы, т. е. благодати, в бытие» [4, с. 356].

В творчестве Бердяева больше всего интересует его «неизъяснимый» метафизический смысл, те истоки, которые не поддаются аналитическому осмыслению, но время от времени являются ищущему сознанию в интуитивном откровении. Он часто подчеркивает, что под творчеством он понимает не конкретные процессы создания произведений культуры и искусства, «а потрясение и подъем всего человеческого существа, направленного к иной, высшей жизни, к новому бытию» [5, с. 244]. В творческом опыте раскрывается, что субъект творчества первичнее и выше любого объекта, но при этом истинное творчество лишено эгоцентризма. В творческом опыте субъект забывает и о себе, и о мире, он поднимается над своим несовершенством и устремляется к преобразению мира, к новому, еще не ведомому бытию.

Творческий акт, согласно Бердяеву, это всегда прорыв «к более глубокой реальности, к нуменальному за феноменальным» [4, с. 520]. «Творческий экстаз (творческий акт всегда есть *ex-tasis*) есть прорыв в бесконечность» [5, с. 243]. В необъяснимом, непостижимом акте творчества человек покидает пределы земного бытия, покидает себя самого как существа обыденной земной жизни и проникает туда, куда закрыт доступ простым смертным, — в вечность. Это идеальный концепт творчества, творческое задание человеку свыше, которое в реальном творчестве произведений культуры и искусства реализуется только отчасти, а иногда и не реализуется вовсе.

Все, что было ценного в мире и культуре, в истории и искусстве, убежден Бердяев, «было трансцендентно, было жаждой перейти грани этого мира, разбить замкнутый круг имманентности, было выходом в иной мир, проникновением иного мира в наш мир. Трансцендентное становится имманентно миру — вот в чем смысл мировой культуры» [7, с. 280]. Человеческое творчество никогда не было апологией этого мира, закреплением радостей естественной жизни, довольством этим миром. Оно всегда было томлением по трансцендентному, «выражением недовольства, отражением муки недовольства этой жизнью» [7, с. 280].

Стремясь показать высочайшее духовное и даже религиозное значение творчества, Бердяев рассматривает две крупнейшие фигуры русской культуры начала XIX в. — святого Серафима Саровского и Александра Пушкина — и показывает, что творческий гений перед Богом равен по значимости и духовному деланию святости, что творчество Пушкина — это тоже «религиозное делание». «Гениальность есть иной религиозный путь, равноценный и равнодостоинный пути святости. Творчество гения есть не “мирское”, а “духовное” делание» [6, с. 260]. В делах духовного возрастания человечества, для «божественных целей мира» необходимы как святые, так и гениальные творцы. Россия много потеряла бы, если бы у нас вместо Пушкина было бы еще несколько святых. «С одной святостью Серафима без гения Пушкина не достигается творческая цель мира» [6, с. 206]. Святость аскетического послушания должна быть дополнена «святостью дерзновения», которая концентрируется в даре творческого гения. Гениальность всегда от мира иного, и она противостоит «миру сему», рвется из него в творческом горении.

Первичный творческий акт, внутренний акт творчества, согласно Бердяеву, вторящему в этом символистам, всегда является взлетом вверх, восхождением к иному миру. Это акт чисто «нуменальный», протекающий в экзистенциальном времени, т. е. вне времени материального мира. Однако он встречает сопротивление материи этого мира, когда входит в стадию созидания продукта творчества, принадлежащего миру феноменальному. Здесь творчество идет по нисходящей линии. Творец не может остаться в себе, он должен воплотить обретенные смыслы, выразить в чем-то свое состояние, и в этом оформлении, выражении вынужден спуститься на землю. «Творческий акт устремлен к бесконечному, форма же творческого продукта всегда конечна. И весь вопрос в том, просвечивает ли бесконечность в конечном образе?» [4, с. 513]. Любой творческий процесс, будь то музыкальное творчество или философское, заключен между бесконечным и конечным, восхождением, взлетом вверх и образом, входящим в объективированный мир.

Младосимволисты, в чем мы уже неоднократно убеждались, как творческие личности религиозной ориентации связывали завершение (реальное или идеальное) творческого акта с теургией, которую понимали в частности каждый по-своему, но в сущности одинаково. В своем понимании теургии Вяч. Иванов берет за основу мысль Вл. Соловьева о том, что искусство будущего должно вступить в новую свободную связь с религией. «Художники и поэты, — писал Соловьев, — опять должны стать жрецами и пророками, но уже в другом, еще более важном и возвышенном смысле: не только религиозная идея будет владеть ими, но и они сами будут владеть ею и сознательно управлять ее земными воплощениями» [16, с. 190]. Приведя эту цитату, Иванов называет таких художников *теургами*, носителями божественного откровения. Именно они, полагает русский символист, подлинные мифотворцы, в высшем и истиннейшем смысле символисты. Художники-теурги еще не появились, но за ними, в этом едины многие символисты, будущее. Иванов чаще всего связывает теургию с идеальным творческим актом художника. Значительно шире ее понимал Белый.

Согласно Белому, теургия — та цель, к которой устремлена культура в своем историческом развитии и искусство, как ее часть, и символизм — тем более, как высшее достижение искусства и мост от него к реальной действительности. Человеческое творчество на высшем его этапе состоит из трех восходящих «актов», в терминологии русского символиста. Первый акт — это создание мира искусств. Второй — «созидание себя по образу и подобию мира», т. е. совершенствование самого себя, которое проис-

ходит в острой борьбе со своим косным «я», со «стражем порога», который не пускает личность в царство свободы. Здесь происходит трагический разлад личности с самой собой, уход художника из искусства. И третий акт (грядущий) — вступление личностей в царство свободы и «новая связь безусловно свободных людей для создания общины жизни по образу и подобию новых имен, в нас тайно вписанных Духом» [2, с. 465]. Этот последний акт и соответствует в понимании Белого уровню теургического творчества (= бытия), основанного на духовной инспирации свыше.

В теургии, согласно Белому, как высшей форме человеческого творчества, означенного схождением в душу теурга высшего духовного начала, красота сливается с нравственностью в неделимое единство, и здесь уже не приходится различать этику, эстетику, религию или познание [2, с. 172]. Все сливается в единое *творчество* — созидание новой жизни и нового человека (и человечества) на исключительно идеальных духовных основаниях всеединого первозданного бытия. Соответственно художественный символизм в понимании Белого — это творческий путь к грядущему преобразованию, и даже «преображению» человека, человечества, жизни общества в более совершенные состояния на основе импульсов духовной энергии и духовных парадигм, получаемых достигшими высших ступеней духовного развития символистами-теургами из горних духовных сфер бытия.

Наиболее четко сформулировал идею теургии, чаемой символистами, Николай Бердяев. Искусство в своих высших формах символизма и грядущего за ним «мистического реализма» (так Бердяев иногда называет, вероятно, то, что в других местах он именуется как «теургическое искусство») идет к теургии, но не достигает ее. В нем лишь творятся «знаки, символы последнего бытия, а не само бытие, не сама реальность» [6, с. 275]. Подлинная теургия выше любого искусства, хотя современный «новый символизм», как направление в искусстве, символизм Малларме, Метерлинка, Ибсена, Иванова, Белого, уже «рвется» к теургии. Символизм Данте или Гете был «послушен миру», выражал его смыслы, современный символизм отказывается от какого-либо интереса к этому миру и устремляется к иному бытию. «Новый символизм отталкивается от всех берегов, ищет небывалого, неведомого. Новый символизм ищет последнего, конечного, предельного, выходит за пределы среднего, устроенного, канонического пути. В новом символизме творчество перерастает себя, творчество рвется не к ценностям культуры, а к новому бытию» [6, с. 276].

И Бердяев все свои помыслы, весь пафос своего интеллектуально-мыслительного творчества и пророческий дар направляет на убеждение своих читателей в том, что именно теургия и есть цель и смысл бытия человечества и всего космоантропного процесса. Все в мире идет к ней, и она будет, в конце концов, реализована как эсхатологический конец мира. Наступление теургии, или творческой религиозной эпохи, означает «глубочайший кризис творчества человека» в его современном понимании. Сама культура на вершинах своих — а сегодня она достигла одной из своих высших точек — приходит к самоотрицанию, в ее недрах зреет кризис творчества, как творчества произведений культуры и искусства. Творческие интенции человека рвутся далее искусства и культуры, к созиданию самой жизни, к оправданию своего творческого назначения. Культура начинает преодолеваться изнутри. Это и есть предвестие теургии, по Бердяеву.

«Подлинное творчество есть теургия, богодействие, совместное с Богом действии», — краткое бердяевское определение теургии, и оно, как магическое заклинание, повторяется им регулярно на протяжении всей жизни [6, с. 283; 4, с. 521], воодушевляя,

прежде всего, самого мыслителя на творчество и определяя новый идеал религиозному человечеству, грядущему этапу христианства. «Теургия, — разворачивает свое определение Бердяев, — не культуру творит, а новое бытие, теургия — сверхкультурна. Теургия — искусство, творящее иной мир, иное бытие, иную жизнь, красоту как сущее» [6, с. 283].

Сегодня мы видим, что возвышенные, духовно озаренные представления символистов и Бердяева о грядущем творчестве человека далеки от реализации. Это, кстати, понимали и сами создатели их еще столетие назад. Между тем художественное творчество, начиная с середины XX в., активно покидает пределы того, что классическая эстетика понимала под искусством, и устремляется на созидание земной жизни по эстетическим законам (дизайн, создание среды обитания, некоторые интерактивные арт-практики, полухудожественные виртуальные пространства интернета и т. п.). Пока, правда, все больше исключительно человеческими усилиями, без упования на помощь высших сил, что сказывается на невысоком пока эстетическом качестве создаваемой продукции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Белый А.* Критика. Эстетика. Теория символизма: в 2 т. М.: Искусство, 1994. Т. 1. 478 с.
- 2 *Белый А.* Критика. Эстетика. Теория символизма: в 2 т. М.: Искусство, 1994. Т. 2. 571 с.
- 3 *Белый А.* Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. 528 с.
- 4 *Бердяев Н.* Дух и реальность. М.: АСТ, Фолио, 2003. 680 с.
- 5 *Бердяев Н.* Собр. соч.: в 4 т. / под общ. ред. Н. А. Струве. Париж: YMCA-Press, 1989. Т. 1: Самопознание: (опыт философской автобиографии). 426 с.
- 6 *Бердяев Н.* Собр. соч.: в 4 т. / под общ. ред. Н. А. Струве. Париж: YMCA-Press. 1991. Т. 2: Смысл творчества: опыт оправдания человека. 452 с.
- 7 *Бердяев Н.* Философия творчества, культуры и искусства: комплект из 2 кн. М.: Искусство, 1994. 1502 с.
- 8 *Блок А.* Собр. соч.: в 8 т. / под общ. ред. В. Н. Орлова. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. Т. 5. 799 с.
- 9 *Брюсов В.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Худож. лит., 1975. Т. 6: Статьи и рецензии. Далекие и близкие. 656 с.
- 10 *Булгаков С.* Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М.: Путь, 1917. 426 с.
- 11 *Гидини М. К.* Поэзия и мистика: Вячеслав Иванов и Жак Маритен // *Europa Orientalis*. XXI (2002). № 1. P. 201–211.
- 12 *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. Брюссель: Жизнь с Богом, 1971. Т. 1. 872 с.
- 13 *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. Брюссель: Жизнь с Богом, 1974. Т. 2. 852 с.
- 14 *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. Брюссель: Жизнь с Богом, 1979. Т. 3. 913 с.
- 15 *Кудаев А. Е.* Трагедия творчества в эстетике Николая Бердяева. М.: Изд-во ИФ РАН, 2014. 255 с.
- 16 *Соловьев В. С.* Собр. соч.: в 10 т. СПб.: Тов-во Просвещение, 1912. Т. 3. 444 с.
- 17 *Эллис* Русские символисты. Константин Бальмонт. Валерий Брюсов. Андрей Белый. Томск: Водолей, 1996. 288 с.
- 18 *West J.* Russian Symbolism. A study of Vyacheslav Ivanov and the Russian symbolist Aesthetic. L.: Methuen and co LTD, 1970. 250 p.

© 2018. Victor V. Bychkov
Moscow, Russia

THE ISSUE OF CREATIVITY IN RUSSIAN SYMBOLIST AESTHETICS

Abstract: The subject of creativity was always among top spots in the aesthetics of Russian symbolists. The latter thought of two different creative methods in the history of art — realism and idealism — which during their times were being transformed into realistic and idealistic types of symbolism. Speaking of symbolism itself, its theoreticians singled out three creative stages: thesis, antithesis, and synthesis. In addition, they highlighted two stages in creativity: ascent and descent in the process of creating artistic symbols. Some of them believed that the principal goal of creativity is theurgy, which, using aesthetic principles, takes creativity out of the sphere of art into real life.

Keywords: creativity, Russian symbolism, symbol, realism, idealism, creative method, theurgy, Vyacheslav Ivanov, Andrej Belyj, Nicolaj Berdyaev.

Information about the author: Victor V. Bychkov — DSc in Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Goncharnaya Str., 12–1, 119019 Moscow, Russia. E-mail: iph@iph.ras.ru

Received: December 07, 2017

Date of publication: June 15, 2018

For citation: Bychkov V. V. The issue of creativity in Russian symbolist aesthetics. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 48, pp. 235–249. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Belyj A. *Kritika. Estetika. Teoriya simvolizma: v 2 t.* [Critics. Aesthetics. Theory of Symbolism: in 2 vols.]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1994. Vol. 1. 478 p. (In Russian)
- 2 Belyj A. *Kritika. Estetika. Teoriya simvolizma: v 2 t.* [Critics. Aesthetics. Theory of Symbolism: in 2 vols.]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1994. Vol. 2. 571 p. (In Russian)
- 3 Belyj A. *Simvolizm kak miroponimanie* [Symbolism as World Outlook]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 528 p. (In Russian)
- 4 Berdyaev N. *Dukh i real'nost'* [Spirit and Reality]. Moscow, AST, Folio Publ., 2003. 680 p. (In Russian)
- 5 Berdiaev N. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols.], general ed. by N. A. Struve. Parizh, YMCA-Press, 1989. Vol. 1: Samopoznanie: (opyt filosofskoi avtobiografii) [Self-knowledge: (experience of philosophical autobiography)]. 426 p. (In Russian)
- 6 Berdiaev N. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols.], general ed. by N. A. Struve. Parizh, YMCA-Press, 1991. Vol. 2: Smysl tvorchestva: opyt opravdaniia cheloveka [The meaning of creativity: experience of justification of the man]. 452 p. (In Russian)
- 7 Berdyaev N. *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva: v 2 t.* [Philosophy of Creativity, Culture and Art: in 2 vols.]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1994. 1502 p. (In Russian)
- 8 Blok A. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected works: in 8 vols.], general ed. by V. N. Orlov. Moscow, Leningrad, Goslitizdat, Publ., 1962. Vol. 5. 799 p. (In Russian)

- 9 Bryusov V. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected works: in 7 vols.]. Moscow, 1975. Vol. 6: Stat'i i retsenzii. Dalekie i blizkie [Articles and reviews. Distant and close]. 656 p.
- 10 Bulgakov S. *Svet nevechernij. Sozertsaniya i umozreniya* [Nonevening Light. Contemplation and Speculation]. Moscow, Put' Publ., 1917. 426 p. (In Russian)
- 11 Gidini M. K. Poeziia i mistika: Viacheslav Ivanov i Zhak Mariten [Poetry and Mystics: Vyacheslav Ivanov and Jacques Maritain]. *Europa Orientalis*, XXI (2002), no 1, pp. 201–211. (In Russian)
- 12 Ivanov Vyach. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols.]. Bryussel', Zhizn' s Bogom Publ., 1971. Vol. 1. 872 p. (In Russian)
- 13 Ivanov Vyach. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols.]. Bryussel', Zhizn' s Bogom Publ., 1971. Vol. 2. 852 p. (In Russian)
- 14 Ivanov Vyach. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols.]. Bryussel', Zhizn' s Bogom Publ., 1971. Vol. 3. 913 p. (In Russian)
- 15 Kudaev A. E. *Tragediya tvorchestva v ehstetike Nikolaya Berdyaeva* [Tragedy of Creativity in Nikolay Berdyaev's Aesthetics]. Moscow, Izdatel'stvo IF RAN Publ., 2014. (In Russian)
- 16 Solov'ev V. S. *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected works: in 10 vols.]. St. Petersburg, Tovarishchestvo Prosveshchenie Publ., 1912. Vol. 3. 444 p. (In Russian)
- 17 Ellis *Russkie simvolisty. Konstantin Balmont. Valerij Bryusov. Andrej Belyj* [Russian Symbolists. Konstantin Balmont. Valerij Bryusov. Andrej Belyj]. Tomsk, Vodolej Publ., 1996. 288 p. (In Russian)
- 18 West J. *Russian Symbolism. A study of Vyacheslav Ivanov and the Russian symbolist Aesthetic.* London, Methuen and co LTD, Publ., 1970. 250 p. (In English)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. Г. А. Пожидаева
г. Москва, Россия

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ СЛАВЯНСТВА В ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ПЕВЧЕСКОГО ИСКУССТВА (К ПРОБЛЕМЕ «ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ВЛИЯНИЙ»)

Аннотация: В ранний период так называемого первого «южнославянского влияния» связи болгар и русских в церковном пении проявились прежде всего в литературных переводах гимнографии, а также в возможной посреднической роли болгар при передаче основ византийской музыкальной системы. В период второго «южнославянского влияния» уже в Московской Руси межкультурные связи славянства снова сказались на уровне слова. Ощущение славянского единства приводит к единству пантеона славянских святых на Руси и в Болгарии и Сербии. Гимнографы Болгарии и Сербии создают службы русским святым, а русские гимнографы — службы болгарским и сербским святым. Состав русских служб является более полным, напевы песнопений нотированы. Только в третий период «южнославянских влияний» (вторую половину XVII в.) обнаруживаются собственно музыкальные связи славянства. Развитие южнославянских культур уже в поствизантийскую эпоху привело к формированию своеобразных национальных традиций церковного пения в Болгарии и Сербии. В результате исторических переселений южных славян на восточнославянские земли эти национальные традиции через Молдавию и Украину были занесены на Русь. На Руси они были восприняты как родственные православные культуры и вошли в обиход Русской Православной Церкви. Единение славянских культур в новом центре православия было логичным завершением культурных контактов Византии, южных и восточных славян в эпоху Средневековья, показывая их благотворность для развития церковно-певческого искусства.

Ключевые слова: «южнославянские влияния», культурные контакты южных и восточных славян, церковное пение Руси, киевский, греческий, болгарский, сербский распевы.

Информация об авторе: Галина Андреевна Пожидаева — доктор искусствоведения, профессор, Высшее театральное училище (институт) им. М. С. Щепкина при Государственном академическом Малом театре России, ул. Неглинная, д. 6/2, стр. 1, 2, 109019 г. Москва, Россия. E-mail: pozhidaeva.galiva@yandex.ru

Дата поступления статьи: 15.12.2017

Дата публикации: 15.06.2018

Для цитирования: Пожидаева Г. А. Культурные связи славянства в истории древнерусского певческого искусства (к проблеме «южнославянских влияний») // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 250–263.

В истории культуры православной Руси принято выделять периоды так называемых «южнославянских влияний». Как правило, они были связаны с переломными мо-

ментами русской истории: временем Крещения Руси, затем временем уставных перемен в церковной жизни в XV в., наконец, периодом Никоновских реформ и поворотом на сближение с Западной Европой во второй половине XVII в.

Концепция трех южнославянских влияний в истории культуры Древней Руси сложилась в медиевистике достаточно давно и долгое время была единственной. Лишь в последнее время возникли тенденции к переоценке этого феномена русской культуры.

Сам термин «южнославянское влияние» подразумевает значительное, существенное воздействие южнославянской культуры на древнерусскую. Сегодня уже совершенно очевидно, что термин является неудачным. Во-первых, по отношению к Древней Руси он оказывается неточным, поскольку в ранний период можно говорить только о возможных русско-болгарских контактах, что было отмечено И. И. Калигановым [6, с. 66]. Во-вторых, в эпоху Московской Руси межславянские контакты были связаны с развитием на Руси идеи «Москва — III Рим» и формированием идеи о Москве как вселенском центре православия.

В статье предлагается обобщение по трем периодам так называемых «южнославянских влияний» в целом, что должно прояснить значение русско-балканских связей и роль каждой страны для истории православного церковного пения, что в перспективе даст возможность их объективной оценки на протяжении эпохи Средневековья¹.

В **первый период** роль южных славян, собственно, болгар, заключалась в передаче литературных переводов Священного Писания, в том числе и гимнографии. Безусловно, это имело огромное значение для певческого искусства.

Для организации богослужения и понимания его структуры важна была и передача богослужебной книжности. Сравнительное исследование типологии византийско-славянского Октоиха XI–XIV вв. подтверждает русско-болгарские контакты в ранний период после христианизации Руси. Так, О. А. Крашенинникова установила неоспоримые связи славянского Октоиха XI–XIV вв. с его болгарским архаичным прообразом, перенесенным на Русь в конце X – начале XI вв., т. е. сразу после крещения Руси князем Владимиром (988 г.) [10, с. 382].

Для истории церковного пения большой интерес представляют собственные музыкальные контакты русских и болгарских певчих. Могли ли болгары, принявшие крещение более чем на 100 лет раньше Руси, создать и принести на Русь свою певческую традицию?

Р. Паликаровой-Вердей была высказана гипотеза о возможном создании собственной певческой традиции в Охридской школе, а точнее, в Охридском певческом центре — в конце IX – конце X вв. [31, с. 55–63], но пока ее трудно подтвердить конкретным материалом, так как болгарские целиком нотированные рукописи известны только с XV в., поэтому можно вести речь только о продолжении ранней традиции в более позднее время или о следах этой традиции.

Такие следы находит Е. Тончева, современный крупный исследователь болгарской средневековой музыки. Она пишет о том, что устные певческие прототипы болгарского пения, возможно восходящие к Охридскому центру, проявились в редких двуязычных (греко-славянских) певческих рукописях XV–XVI вв. [25, с. 613]. Вместе с тем надо понимать, что за 500 лет, прошедшие в истории после Охридского центра, к началу XVI в. певческая традиция, скорее всего, сильно изменилась, поэтому ранние болгарские образцы мелоса очень непросто расслышать в более поздних. Тем более

¹ Периоды «южнославянских влияний» в церковно-певческом искусстве Руси рассматриваются в работах автора [15; 17; 14, с. 79–87, 127–141, 233–243].

непросто услышать их в русском мелосе периода XI–XIV вв., который пока поддается прочтению преимущественно фрагментарно. То есть доказательное решение этой проблемы пока откладывается до более глубокого изучения русского пения раннего периода и болгарского XV–XVI вв.

Уже в ранний период русское певческое искусство показало себя достаточно самостоятельным, развивающимся во многом автономно даже от византийской культуры. Огромным достижением нашей культуры было создание музыкальной письменности на основе византийской графики, но иной по своей типологии: такая нотация была создана на Руси уже в XI в. [8, с. 91; 26, с. 67; 16].

Создание собственной музыкальной письменности на Руси было фактом, подтверждающим оригинальность певческой традиции. Если учесть, что ни Болгария, ни Сербия, ни другие славянские страны не создали своей музыкальной письменности на протяжении своей истории, то очевидно, что Русь в этом смысле опережала их, поэтому говорить о их влиянии в музыкальном искусстве Руси не приходится.

В области собственно музыкальной болгары, вероятно, были посредниками в передаче византийских основ певческого искусства, в объяснении русским певчим книжности, жанров, типологии пения, системы осмогласия, ритмической системы и др.²

Период **второго «южнославянского влияния»** обычно относят к концу XIV–XV вв. На Руси этот период исторически связан с важнейшими государственными событиями: Куликовской битвой, окончанием татарского ига, возвышением Москвы. После покорения Византии турками и захвата Константинополя в 1453 г. на Руси рождается идея «Москва — новый град Константина». Москва начинает ощущать себя не только новой столицей государства, но и преемницей Византии и новой столицей православия.

В церковной жизни также происходят большие перемены: принимается новый Иерусалимский устав, согласно которому меняется богослужение и, соответственно, гимнография. Самым важным новшеством для последней стало введение всенощного бдения с великой вечерней и утреней, что повлекло за собой появление в богослужении множества новых певческих текстов.

Большие изменения происходят в литературе и книжности. В переводных сочинениях богослужебной книжности возникает своего рода символизм, связанный с тем, что словам, передающим божественную сущность, придается особо важное значение. Они воспринимаются как носители божественного смысла и сути вещей и явлений. Отсюда возникает пристальное внимание к переводам Священного Писания, в которых переводчики стремятся передать более точный его смысл.

В житийной литературе возникает стиль «плетения словес»: агиографы, книжники стремились передать через него более точный смысл сущностей горнего и дольного мира. Возникновение стиля «плетения словес» Д. С. Лихачев увязывал с книжной реформой болгарского патриарха Евфимия Тырновского во второй половине XIV в. Изменение литературного стиля, а также реформа литературного языка, его орфографии и графики, долгое время принято было считать проявлением южнославянского влияния Тырновской школы конца XIV в. [11, с. 18, 23–24].

Переоценка этого явления в трудах Л. П. Жуковской возникла благодаря более глубокому изучению источников, их археографической датировке. Выявленные изменения в алфавите и орфографии славянской книжности были установлены Л. П. Жуковской значительно позднее — только с конца XV в. [4, с. 149–150]. В этот период

² Более подробно о первом периоде «южнославянского влияния» см.: [15, с. 195–205; 14, с. 79–87].

на Руси усилились связи с Константинополем и Афоном, как последним оплотом православия, в котором сохранялись традиции Византии. Вероятно, этим отчасти объясняется архаизация языка и сознательное использование в нем греческих элементов.

Возможно, что реформа Евфимия Тырновского оказала не прямое, а косвенное влияние через Афон, но временные границы его оказались смещенными почти на столетие — к концу XV в.

Какое отражение находят эти явления в церковно-певческом искусстве?

Элементы архаизации и грецизации языка проявились и в певческой гимнографии, в частности, в новых пространных распевах — путевом, демественном и большом. Архаизация нашла свое выражение во введении в песнопения аненаек и хабув — фонетических вставок на слоги «а-не-на» и «хе-бу-ве», — они применялись в кондакарном пении Киевской и Владимиро-Суздальской Руси. Теперь они переходят в гимнографию Руси Московской, подобной стилизацией утверждая ее преемственность от раннего периода русской государственности. Грецизмы, как вставки греческих слов в текст песнопений, выполняли ту же функцию — стилизацию под раннехристианский период Руси. При этом новая орфография вошла и в певческий круг: в нем соблюдаются общие правила и тенденции языковой ситуации данного исторического периода³.

Д. С. Лихачев писал об обращении к периоду своей исторической древности как о признаке Предвозрождения в культуре, сравнивая обращение русских книжников к эпохе Киевской Руси с обращением к античности в период западноевропейского Предвозрождения [12, с. 118]. Стилизация под старину Киевской Руси, которая проявляется в церковном пении с конца XV в., вписывается в процесс исторического развития русской культуры, выражая тенденции Предвозрождения.

Развитие церковного пения на Руси определялось и более общими тенденциями культурно-исторического процесса, в частности, развитием музыкального языка и в целом музыкального мышления. Здесь можно провести параллель с литературой и развитием литературного языка. Аналогия возможна между литературным стилем «плетения словес» и развитием музыкального языка новых пространных распевов — пути, демества, большого распева и даже новой редакции знаменного распева. Этот музыкальный язык отличала бóльшая мелодизация и подобное стилю «плетения словес» пространное изложение. Это отражало общие закономерности в поступательном движении культурного процесса.

Литературный стиль «плетения словес» также соответствовал процессу в развитии литературного мышления: в этом стиле стремились найти более точное выражение сложных богословских и догматических понятий, отображаемых в гимнографии. Лексику этого стиля можно сопоставить с варианностью музыкальной лексики. Более всего она проявила себя в большом распеве последней четверти XVI – первой половины XVII вв., т. е. через 200–250 лет после реформы Евфимия Тырновского. Хронологические рамки не позволяют оценить эту тенденцию изменения музыкального стиля как след Тырновской реформы. Думается, что здесь в большей степени сказалось влияние народной культуры, в которой музыкальная вариантность применялась очень широко. Проникновение элементов народной культуры наблюдается и в архитектуре, например, в храмовом зодчестве Московской Руси XVI в. — церковь Вознесения в Коломенском (1532), Покровский собор (собор Василия Блаженного) на Красной площади (1555–1561) и др. Поэтому использование в церковном пении элементов, идущих от народной культуры, находится в общем русле развития искусства Московской Руси.

³ Подробнее об этом см.: [17; 14, с. 127–141].

Важной тенденцией в межславянских культурных связях стало почитание южнославянских святых на Руси и русских святых на Балканах. Безусловно, это также играло на единение славянства. Связи подобного рода активно проявились именно в эпоху Московской Руси, Полагаю, что на Руси они были связаны с идеей «Москва — III Рим», т. е. с ощущением Москвы как вселенского центра православия.

В это русло вливается творчество южнославянских агиографов и гимнографов: митрополита Киприана, Григория Цамблака, Пахомия Сербя, которые много сил положили на развитие русской культуры. Как гимнографы, они писали службы русским, болгарским, сербским и молдавским святым, охватывая православные страны и демонстрируя их единство в поле православия. Эти службы позднее вошли в Великие Четыи Минеи митрополита Макария.

Митрополит Киприан, болгарин по происхождению, был автором Жития и службы первому русскому митрополиту — Петру, митрополиту Московскому.

Пахомий Серб (Логофет) написал более 20 житий, служб и канонов русским святым, среди них Сергию Радонежскому, Никону, Алексию, митрополиту московскому, Антонию Печерскому, Варлааму Хутынскому, Кириллу Белозерскому, Михаилу Черниговскому, Стефану Пермскому, Димитрию Прилуцкому, Петру и Февронии Муромским, Ионе, митрополиту Московскому, праздникам Покрова Богородицы, Знамения Богородицы в Новгороде и др., — все они вошли в служебную Минею [18, с. 167–168]. Новейшие исследования его произведений доказывают вторичность некоторых его сочинений и влияние русских литераторов, что показывает глубокое и органичное «внедрение» автора в русскую культуру [9].

Литературное творчество Григория Цамблака, также болгарина по происхождению, включало агиографию и гимнографию: он составил жития Параскевы Эпиватской (Болгария и Сербия), Стефана Дечанского (Сербия), Иоанна Белгородского (Молдова). Григорий Цамблак проявил себя как незаурядный церковный деятель и гимнограф, творчество которого знали на Руси. Об этом говорит тот факт, что на основе его Слова на Успение Богородицы русскими книжниками составлена успенская стихира «Днесь Владычица Богородица».

В русском певческом обиходе успенская стихира не стала широко распространенной, видимо, из-за своих огромных масштабов; но она была изложена русским знаменным распевом новой редакции. Списки ее известны с начала XVII в. и сохранялись в старообрядческой среде на протяжении XVII–XVIII вв. [7; 3; 19; 20; 23].

Взаимосвязь южнославянской и русской культур была настолько значимой, что на Руси отмечают памяти южнославянских святых: болгарских — Иоанна Рыльского, Параскевы Тырновской, Георгия Нового; сербских — Саввы, Симеона, Лазаря, Стефана Дечанского. Это очевидно по рукописной певческой традиции конца XVI – первой половины XVII вв., подтверждающая культурно-историческую общность православного славянства.

Таким образом, межславянские связи и в эпоху Московской Руси проявляют себя прежде всего на уровне слова — литературно-поэтического творчества писателей Болгарии и Сербии на Руси, а также русской гимнографии, посвященной южнославянским святым.

Русская гимнография служб южнославянским святым была более полной в сравнении с южнославянской. Все службы были изложены в русской традиции знаменного пения и были нотированы, в отличие от болгарских и сербских списков. Например, нотированные песнопения Георгию Новому возникли в Москве, в конце 50-х – начале

60-х гг. XVI в. в связи с канонизацией святого на соборах 1547 и 1549 гг. [5, с. 552]. Это объективно является фактом опережающего развития певческой культуры Московской Руси.

Третий период «южнославянских влияний» по времени относится ко второй половине XVII в. В этот период возникает новая культурно-историческая ситуация на Руси, наступает время сближения с другими культурами. В истории церковно-певческого искусства принято подчеркивать проникновение в культуру, с одной стороны, балканских и южнославянских распевов, с другой — западного итальянского стиля многоголосного пения, пришедшего через Польшу и Украину. Поэтому общая тенденция большей открытости русской культуры по отношению к другим даже в области церковного пения проступает со всей очевидностью.

Свидетельством третьего «южнославянского влияния» и шире — балканского влияния — стали поздние киевский и балканские распевы: греческий, болгарский, сербский. Они появились на Руси во второй половине XVII в., когда после воссоединения Украины с Россией в 1653 г. в Москву были приглашены украинские певчие, они-то и принесли с собою новые распевы и многоголосную партесную традицию пения [8, с. 218, 223; 21, с. 38–40; 29].

Киевские певчие принесли на Русь и линейную нотацию в ее локальном варианте (киевская квадратная нотация). Переход к линейной музыкальной письменности, происшедший позднее, в 90-е гг. XVII в., имел огромное культурно-историческое значение для сближения России с Европой и ее культурой. Нотация была принесена на Русь с Украины, поэтому можно было бы расценить это как влияние, поскольку оно было существенным и принципиальным. Однако фактически это было влияние западноевропейской культуры, а Украина оказалась ее посредником.

Киевский распев был неоднороден по своему стилю. В нем сохранился ранний пласт силлабического пения, восходящий к эпохе Киевской Руси, и бытовал распев достаточно поздней традиции, мелодически более развитый, — киевский большой распев, формирование которого по стилистическим признакам, относится, вероятно, к концу XVI – первой половине XVII вв. Круг этого вида пения охватывает до 120 песнопений [29, с. 17].

Балканские распевы — греческий, болгарский, сербский — охватывают до 300 песнопений [29, с. 17]. Их объединяет не только общее балканское происхождение, но и определенное стилистическое родство музыкального языка, что было вполне естественным для распевов бывшей Византийской империи и ее провинций — Болгарии и Сербии. Распевы связывает их близость мажоро-минорной основе, условный характер осмогласия, метрическая организация напева, наконец, строфическая музыкальная форма, приближающая их к куплетной (песенной) форме, — все эти общие черты сильно отличают балканские распевы от традиционной древнерусской монодии.

Греческий распев, отображавший общевизантийские черты, получил наибольшее распространение, показывая большую значимость общевизантийской традиции для русской культуры.

Важную роль греческий распев сыграл в истории раннего партесного *многоголосия*. Простота традиции и отношение к ней с большим пиететом как к древней подвигли распевщиков на многоголосные обработки, что было намного проще, чем гармонизации современного знаменного одноголосия, имеющего более развитые напевы. Вероятно, поэтому греческий распев, наряду со знаменным, стал своеобразным буфером в соединении одноголосной традиции Руси с аккордово-гармоническим мно-

гоголосием западноевропейского образца. Это смягчало переход к партесному пению, поскольку его основу составляли традиционные распевы. Возникшие на «стыке» русского и европейского, партесные обработки греческого и киевского распевов, наряду со знаменными, сохранялись вплоть до екатерининской эпохи — 80-х гг. XVIII в. [13, с. 84].

Южнославянская певческая традиция, несущая национальные черты стиля, также сыграла свою роль в истории отечественного церковного пения.

Почему южнославянские распевы только в XVII в. попали на Русь? Причины заключаются в особенностях исторического развития южнославянских стран под турецким владычеством и в особенностях бытования в это время церковно-певческой традиции.

В поствизантийскую эпоху началась массовая миграция болгар за Дунай, оттуда в Валахию, Молдову и на Украину [28, с. 431]. Обособленное положение болгар как мигрантов способствовало сохранению в их среде родной культуры, в том числе церковно-певческой, и конкретно — болгарского распева.

Поскольку музыкальная грамотность среди переселенцев встречалась очень редко, болгарский распев передавался изустно, что подтверждают украинские источники [25; 27]. Болгарская певческая традиция перенималась на Украине и входила в местную церковно-певческую практику. Славянское родство, общие славянские корни способствовали сближению культур, тем более что их объединяли и древние византийские истоки.

Сербский распев был распространен очень мало и на Украине, и на Руси. Причина этого, прежде всего, историческая: меньшая миграция сербов на восточнославянские земли. Кроме того, устная традиция, обладавшая большим своеобразием, но не имевшая своей музыкальной письменности, не способствовала проникновению в культурную среду восточных славян [30].

При всех контактах Руси с Афоном устное бытование болгарского и сербского распевов не позволяло перенести их на Русь из афонских монастырей. И только в результате исторических переселений южных славян на восточнославянские земли, когда распевы были записаны в украинских книгах и обрели письменную традицию, они попали на Русь.

Таким образом, развитие южнославянских культур в поствизантийскую эпоху привело к формированию национальных традиций в Болгарии и Сербии. В результате исторических переселений южных славян на восточнославянские земли эти национальные традиции через Украину были занесены на Русь. На Руси они были восприняты как родственные православные культуры и вошли в обиход Русской Православной Церкви.

Как считает Елена Тончева, основой **болгарского распева** является поздневизантийское пение XIV–XVI вв. в его южнославянском варианте [25, с. 613]. В конце XVI в. этот род пения проник из Болгарии в Галицию, а затем получил распространение и на Украине, и в Белоруссии.

В процессе своего бытования в юго-западных славянских землях болгарский распев, несомненно, претерпел изменения и в Московскую Русь попал уже в достаточно переработанном виде, о чем свидетельствуют сохранившиеся певческие рукописи великорусских собраний. В частности, это редкая рукопись 1680 г., РГБ, Музейное собр., 7753, которая содержит большой круг болгарского одногласного распева, а стиль его несет явные черты славянской переработки. По своему стилю он ближе греческому рас-

певу XVII в. Распевы сближает диатоничность лада, мерность ритма, практически со сложившимся метром: в нем слышен размер 4/4. В сравнении с ним в знаменном распеве есть определенная «несимметричность» ритма.

Болгарский распев был более распространен как стихирарный и обиходный, т. е. он предназначался для праздничных торжественных или протяженных великопостных песнопений, а также для песнопений литургии. Круг пения болгарского распева обиходных негласовых жанров аналогичен кругу пространного пения русского Обихода [27, с. 645; 14, с. 143–144, 154–156, 162–163, 172–173].

Сербский распев был распространен на Руси менее других балканских распевов. На родине он сохранялся в устной практике и был записан, подобно фольклору, лишь в середине XIX в. [22], в рукописных источниках встречается крайне редко [30].

Балканские распевы греческий и болгарский, а также киевский распев с XVII в. столь прочно вошли в русскую культуру, что в одногласии эти три распева сохранились в Троице-Сергиевой лавре, в ее Ирмологии (по напеву Троице-Сергиевой лавры) [2]. В канонах этой книги есть греческий распев и киевский, сокращенный греческий и киевский. Следовательно, во второй половине XVII в. эти распевы вошли в монастырский обиход и сохранились в нем вплоть до наших дней. Современными мастерами церковного пения сочиняются обработки для многоголосного хора: это обработки таких мастеров, как о. Матфей (Мормыль), дьякон Сергей (Трубачёв).

Выводы

Можно ли отнести вхождение в русскую культуру балканских распевов и киевского распева к третьему южнославянскому влиянию?

О «влиянии» Балкан в этот период говорить трудно, поскольку византийская империя уже не существует более двух столетий. Русь, ощущая себя Третьим Римом, вселенским центром православия, стремится включить в свое культурное пространство и Балканы, и Киевскую Русь как изначальные для себя истоки христианства, освятив современное пение древностью традиций. Во многом именно по этой причине распространяются на Руси киевское пение и балканские распевы, подчеркивая древние истоки современного центра православия.

Во второй половине XVII в. Русь была уже достаточно могущественным государством. В середине XVII в. произошло историческое событие — воссоединение Украины с Россией (Киевской Руси с Московией). Культурное развитие Руси в тот период вряд ли можно поставить в зависимость от бывшей Византии и ее провинций — Болгарии и Сербии. В истории русского церковного пения вторую половину XVII в., на наш взгляд, более объективно рассматривать не как период третьего южнославянского влияния, а как период дальнейшего развития идеи «Москва — III Рим».

Отметим, что собственно музыкальные связи славянства проявили себя только в этот период, уже в поствизантийскую эпоху. Причина, думаю, заключается в том, что только к этому времени в Болгарии, Сербии и на Украине сложились национальные традиции пения на славянской основе. Это были одногласные распевы, сопоставимые с русскими распевами — знаменным, путевым, демественным и большим, они стали интересными для Руси как представляющие самоценность, феномен южнославянской и украинской культур. Более простые распевы речитативного склада (силлабические) вошли в русский обиход как основа многоголосных обработок и существуют в нем и поныне.

Мы видим, что *три периода* так называемых «южнославянских влияний» были временем активного культурного взаимодействия южных и восточных славян. В цер-

ковном пении два первых периода отличает взаимодействие культур преимущественно на уровне слова: в первый период на Руси использовались болгарские переводы гимнографии. Музыкальные связи в ту пору — возможное посредничество болгар в передаче основ византийской певческой системы. В освоении музыкальной письменности Русь опережает южнославянские страны.

Ощущение славянского единства приводит к единству пантеона славянских святых на Руси и в Болгарии и Сербии. Гимнографы Болгарии и Сербии создают службы русским святым, а русские гимнографы — службы болгарским и сербским святым. Состав русских служб более полный, их изложение в нотированных певческих книгах объективно показывает более высокую ступень развития и гимнографии, и распева, и музыкальной письменности.

В третий период обнаруживаются непосредственные музыкальные контакты славянства в певческом искусстве, когда в обиход Русской Православной Церкви влились греческий, киевский и болгарский распевы. Эти распевы широко применялись для ранних многоголосных обработок, однако в кругу пения тем не менее преобладали монодический знаменный распев, а также раннее полифоническое многоголосие, особенно путевое. Поэтому балканские распевы, вошедшие в обиход, тем не менее не были определяющими в певческом репертуаре, их невозможно рассматривать как распевы, существенно изменившие картину церковно-певческой практики.

Контакты славянства на ниве славянской гимнографии и церковно-певческого искусства, несомненно, обогащали наши культуры и способствовало их развитию. Длительный совместный путь в истории уже в период позднего Средневековья завершился «симфонией» русских, византийских и южнославянских распевов в отечественном богослужении. Единение славянских культур в новом центре православия было логичным завершением культурных связей Византии, южных и восточных славян в эпоху Средневековья, показывая их благотворность для развития церковно-певческого искусства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Гарднер И.* Богослужбное пение русской православной церкви. Сущность, система и история. М.: Изд-во ПСТГУ, 2004. Т. 1. 496 с.
- 2 *Генченкова М. В.* Певческое наследие Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М.: Изд-во АХИ им. В. С. Попова, 2015. 302 с.
- 3 *Гусейнова З. М.* Две редакции стихир Григория Цамблака на Успение Богородицы // Вестник ПСТГУ. Серия V: Музыкальное искусство христианского мира. 2007. Вып. 1 (1). С. 17–25.
- 4 *Жуковская Л. П.* Грецизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV — 1 пол. XVI в. // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М.: Наука, 1987. С. 144–176.
- 5 *Калиганов И. И.* Георгий Новый у восточных славян. М.: Индрик, 2000. 800 с.
- 6 *Калиганов И. И.* Историко-литературные проблемы южнославянского влияния на Руси // Веков связующая нить. М.: Изд-во ИСл РАН, 2006. С. 52–68.
- 7 *Карастоянов Б. П.* Стихира знаменного распева «Денесе Владычице пресвятая дева царице преходите» («Днесь Владычица Богородица пресвятая дева царица преходить»). Краткая версия стихир («Днесь Владычица Богородица пресвятая дева царица к сыну своему»). Стихира знаменного распева «Днесь возрадуемся

- еже на небесехъ». «Осмогласием Успенскому Цамблаку подобен». Публикация, нотноточная транскрипция, комментарии, исследования. Вена, 2009. 358 с.
- 8 *Келдыш Ю. В.* Древняя Русь XI–XVII века // История русской музыки. М.: Музыка, 1983. Т. 1. 384 с.
- 9 *Кириллин В. М.* Панегирическое наследие Пахомия Логофета. 2010 г. // Научный богословский портал Богослов.ru URL: <http://www.bogoslov.ru> (дата обращения: 27.12.2016).
- 10 *Крашенинникова О. А.* Древнеславянский Октоих св. Климента, архиепископа Охридского; по древнерусским и южнославянским спискам XIII–XV веков / РАН; ИМЛИ им. А. М. Горького; Общ-во исследователей Древней Руси. М.: Языки славянских культур, 2006. 384 с.
- 11 *Лихачев Д. С.* Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России // Исследования по древнерусской литературе. Л.: Наука, 1986. С. 3–56.
- 12 *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. Л.: Наука, 1973. 256 с.
- 13 *Плотникова Н. Ю.* Партесные гармонизации знаменного и греческого распевов. Исследование и публикации. М.: Композитор, 2005. 200 с.
- 14 *Пождаева Г. А.* Духовная музыка славянского Средневековья: Русь, Болгария, Сербия. IX–XVII века. М.: Композитор, Нестор-История, 2017. 472 с.
- 15 *Пождаева Г. А.* О роли южных славян в истории древнерусского певческого искусства (эпоха Студийского устава) // Вестник славянских культур. 2014. № 3. С. 195–210.
- 16 *Пождаева Г. А.* О типологическом различии византийской и древнерусской музыкальной письменности // Вестник славянских культур. 2013. № 4. С. 70–78.
- 17 *Пождаева Г. А.* Период второго «южнославянского влияния» в церковно-певческом искусстве Древней Руси // Вестник славянских культур. 2017. Т. 45. С. 190–204.
- 18 *Прохоров Г. М.* Пахомий Серб (Логофет) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Л.: Наука, 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. 526 с.
- 19 *Серегина Н. С.* Стихира Григория Цамблака на Успение Богородицы и проблема исследования мелизматической монодии // Музыка России: От средних веков до современности / сост. М. Г. Арановский. М.: Композитор, 2004. Вып. 2. С. 7–29.
- 20 *Серегина Н. С.* Стихира Григория Цамблака на Успение Богородицы. Стихира Иоанну Новому // Творческое наследие Григория Цамблака. Женева, Велико Тырново: Изд-во ВТУ им. Св. Кирилла и Мефодия, 2005. С. 466–507, 565–570.
- 21 *Скребков С. С.* Русская хоровая музыка XVII – начала XVIII в. М.: Музыка, 1969. 120 с.
- 22 *Станкович Корнелие* // Энциклопедия / сост. Ф. А. Брокгауз, И. Е. Ефрон. СПб.: Семеновская Тип. (И.А. Ефрона), 1895. Т. 31. С. 424.
- 23 *Титова Е. А.* «А нарицается сий стих Цамблак» // Древнерусское песнопение. Пути во времени / сост. и науч. ред. Н. Б. Захарьина. СПб., 2005. Вып. 2: По материалам научной конференции «Бражниковские чтения-2004». С. 14–27.
- 24 *Тончева Е.* Болгарский распев // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. Т. 5. С. 643–644.
- 25 *Тончева Е.* Церковная музыка / Болгария // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. Т. 5. С. 612–614.

- 26 *Холопова В. Н.* Русская музыкальная ритмика. М.: Сов. композитор, 1983. 281 с.
- 27 *Шевчук Е. Ю.* Болгарский распев / В юго-западной Руси // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. Т. 5. С. 644–646.
- 28 *Шевчук Е. Ю.* Греческий распев // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. Т. 12. С. 430–436.
- 29 *Шевчук Е. Ю.* Киевский напев в контексте церковно-моноподического пения Украины и Белоруссии XVII–XVIII вв.: автореф. ... канд. искусствоведения. Киев, 1999. 21 с.
- 30 *Шевчук Е. Ю.* Сербский напев в контексте южнославянского влияния (по материалам украинских и белорусских Ирмологионов XVII в.) // Вестник ПСТГУ. Серия 5: Музыкальное искусство христианского мира. Вып. 2 (3). 2008. С. 23–54.
- 31 *Palikarova-Verdeil R.* La musique byzantine chez les Bulgares et les Russes // MMB, Subsidia 3. Copenhague: Munksgaard, 1953. 250 с.

© 2018. Galina A. Pozhidaeva
Moscow, Russia

**CULTURAL COMMUNICATION OF THE SLAVS
IN THE HISTORY OF OLD RUSSIAN CHANTING ART
(ON THE ISSUE OF “SOUTH SLAVIC INFLUENCES”)**

Abstract: In the early period of the so-called first “South Slavic influence”, the connections between Bulgarians and Russians in the field of Church chant manifested primarily in the literary translations of hymnography, as well as in the possible intermediary role of Bulgarians in the transmission of the basics of the Byzantine musical system. During the second “South Slavic influence” in Moscovite Rus' intercultural communication of Slavs again functioned on the level of words. The feeling of Slavic unity leads to the unity of the Pantheon of Slavic saints in Rus' and in Bulgaria and Serbia. The hymnographers of Bulgaria and Serbia create services for Russian saints, while the Russian hymnographers do the same for Bulgarian and Serbian saints. The composition of the Russian services is more complete, and the hymns are recorded using musical notation. Only the third period of “South Slavic influences” (second half of XVII century) actually marks the musical connection of the Slavs as such. The development of South Slavic cultures in the post-Byzantine era resulted in formation of the unique national traditions of Church chant in Bulgaria and Serbia. As a consequence of historical migrations of the southern Slavs to the East Slavic lands these national traditions were brought to Russia through Moldova and Ukraine. In Russia they were perceived as related Orthodox cultures and became part of the everyday life of the Russian Orthodox Church. The unity of Slavic cultures in the new center of Orthodoxy came to be a logical conclusion of cultural contacts of Byzantium, Southern and Eastern Slavs in the Middle Ages, contributing beneficially to the development of Church chant art.

Keywords: “South Slavic influences”, cultural contacts of South and East Slavs, Church chant of Russia, Kiev, Greek, Bulgarian, Serbian chants.

Information about the author: Galina A. Pozhidaeva — DSc in Arts, Professor, Schepkin Higher Theatre School (Institute) associated with the State Academic Maly Theatre, Neglinnaya Str., 6/2, 109012 Moscow, Russia. E-mail: pozhidaeva.galiva@yandex.ru

Received: December 15, 2017

Date of publication: June 15, 2018

For citation: Pozhidaeva G. A. Cultural communication of the Slavs in the history of Old Russian chanting art (on the issue of “South Slavic influences”). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 48, pp. 250–263. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Gardner I. *Bogoslužebnoe penie russkoi pravoslavnoi tserkvi. Sushchnost', sistema i istoriia* [Liturgical chant of the Russian Orthodox Church. The essence of the system and history]. Moscow, Izdatel'stvo PSTGU Publ., 2004. Vol. 1. 496 p. (In Russian)
- 2 Genchenkova M. V. *Pevcheskoe nasledie Sviato-Troitskoi Sergievoi lavry* [Chant heritage of the Holy Trinity-St. Sergius Laura]. Moscow, Izdatel'stvo AKHi im. V. S. Popova Publ., 2015. 302 p. (In Russian)
- 3 Guseinova Z. M. Dve redaktsii stikhiry Grigoriia Tsamblaka na Uspenie Bogoroditsy [Two editions of the Sticheron of Gregory Tsamblak on the Dormition of the Theotokos]. *Vestnik PSTGU. Serii V: Muzykal'noe iskusstvo khristianskogo mira*, 2007, vol. 1 (1), pp. 17–25. (In Russian)
- 4 Zhukovskaia L. P. Gretsizatsiia i arkhazatsiia russkogo pis'ma 2-i pol. XV – 1 pol. XVI v. [Greekization and archaization of Russian writing of the 2nd half of the XV — 1 the half of the XVI c.]. *Drevnerusskii literaturnyi iazyk v ego otnoshenii k staroslavianskomu* [The XVI century, the old Russian literary language in its relation to Old Slavonic]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 144–176. (In Russian)
- 5 Kaliganov I. I. *Georgii Novyi u vostochnykh slavian* [George the New as viewed by Eastern Slavs]. Moscow, Indrik Publ., 2000. 800 p. (In Russian)
- 6 Kaliganov I. I. Istoriko-literaturnye problemy iuzhnoslavianskogo vliianiia na Rusi [Historical and literary problems of South Slavic influence in Rus']. *Vekov sviazuiushchaia nit'* [Binding thread of centuries]. Moscow, Izdatel'stvo ISl RAN Publ., 2006, pp. 52–68. (In Russian)
- 7 Karastoianov B. P. *Stikhira znamennogo rospeva “Denese Vladychitse presviataia devo tsaritse prekhodite” (“Dnes' Vladychitsa Bogoroditsa presviataia deva tsaritsa prekhodit”)*. *Kratkaia versiia stikhiry (“Dnes' Vladychitsa Bogoroditsa presviataia deva tsaritsa k synu svoemu”. Stikhira znamennogo rospeva “Dnes' vozraduemsia ezhe na nebesekh”*. “Osmoglasiem Uspenskomu Tsamblaku podoben”. *Publikatsiia, notnolineinaia transkriptsii, komentarii, issledovaniia* [The sticheron version of znamenny chant “Today the Blessed virgin the Queen transient” (“Today the virgin Queen transient”). The short version of the sticheron (“Today the Theotokos the blessed virgin the Queen to the son”. The sticheron of znamenny chant “Today let us rejoice on in heaven”. “After the oktoechos of Zamblak's Dormition is proscomioin”. Publication, line transcription, commentaries, research]. Vena, 2009. 358 p. (In German)
- 8 Keldysh Iu. V. *Drevniaia Rus' XI–XVII veka* [Ancient Rus' of XI–XVII centuries]. *Istoriia russkoi muzyki* [History of Russian music]. Moscow, Muzyka Publ., 1983. Vol. 1. 384 p. (In Russian)

- 9 Kirillin V. M. Panegiricheskoe nasledie Pakhomiia Logofeta. 2010 g. [Panegyric legacy of Pachomius the Logothete. 2010]. *Nauchnyi bogoslovskii portal Bogoslov.ru* [Scientific theological portal Bogoslov.ru]. Available at: <http://www.bogoslov.ru> (accessed 27 December 2016). (In Russian)
- 10 Krasheninnikova O. A. *Drevneslavianskii Oktoikh sv. Klimenta, arkhiepiskopa Okhridskogo; po drevnerusskim i iuzhnoslavianskim spiskam XIII–XV vekov* [Old Slavic Octoechos of St. Clement, Archbishop of Ohrid; according to Old Russian and South Slavic Manuscripts of the XIII–XV centuries], RAN; IMLI im. A. M. Gor'kogo; Obshchestvo issledovatelei Drevnei Rusi [RAN; Gorky IMLI; the Society of researchers of Ancient Russia]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2006. 384 p. (In Russian)
- 11 Likhachev D. S. Nekotorye zadachi izucheniia vtorogo iuzhno-slavianskogo vliianiia v Rossii [Some issues of studying the second South Slavic influence in Russia]. *Issledovaniia po drevnerusskoi literature* [Research on Old Russian literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1986, pp. 3–56. (In Russian)
- 12 Likhachev D. S. *Razvitie russkoi literatury X–XVII vekov. Epokhi i stili* [Development of Russian literature of X–XVII centuries. Eras and styles]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 256 p. (In Russian)
- 13 Plotnikova N. Iu. *Partesnye garmonizatsii znamennogo i grecheskogo rospevov. Issledovanie i publikatsii* [Score of partes harmonization of Znamenny and Greek chant. Research and publications]. Moscow, Kompozitor Publ., 2005. 200 p. (In Russian)
- 14 Pozhidaeva G. A. *Dukhovnaia muzyka slavianskogo Srednevekov'ia: Rus', Bolgariia, Serbiia. IX–XVII veka* [Spiritual music of the Slavic middle Ages: Russia, Bulgaria, Serbia. IX–XVII cc.]. Moscow, Kompozitor Publ., Nestor-Istoriia Publ., 2017. 472 p. (In Russian)
- 15 Pozhidaeva G. A. O roli iuzhnykh slavian v istorii drevnerusskogo pevcheskogo iskusstva (epokha Studiiskogo ustava) [On the role of the South Slavs in the history of Old Russian chant art (the era of the Studite)]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2014, no 3, pp. 195–210. (In Russian)
- 16 Pozhidaeva G. A. O tipologicheskom razlichii vizantiiskoi i drevnerusskoi muzykal'noi pis'mennosti [On typological differences of the Byzantine and Old Russian musical notation]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2013, no 4, pp. 70–78. (In Russian)
- 17 Pozhidaeva G. A. Period vtorogo “iuzhnoslavianskogo vliianiia” v tserkovno-pevcheskom iskusstve Drevnei Rusi [The second “South Slavic influence” in the chant art of Ancient Rus']. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2017, vol. 45, pp. 190–204. (In Russian)
- 18 Prokhorov G. M. Pakhomii Serb (Logofet) [Pachomius The Serb (Logothete)]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. Vtoraia polovina XIV–XVI v.* [The dictionary of scribes and booklore of Ancient Rus. The second half of the XIV–XVI century]. Leningrad, Nauka Publ., 1989. Vol. 2 (vtoraia polovina XIV–XVI v.) [(the second half of XIV–XVI centuries.)]. Part 2. 526 p. (In Russian)
- 19 Seregina N. S. Stikhira Grigoriia Tsamblaka na Usenie Bogoroditsy i problema issledovaniia melizmaticheskoi monodii [The sticheron of Gregory Camblak on the Dormition of the Theotokos and the problem of the study of melismatic monody]. *Muzyka Rossii: Ot srednikh vekov do sovremennosti* [Music of Russia: from the middle ages to the present], compilation by M. G. Aranovskii. Moscow, Kompozitor Publ., 2004, vol. 2, pp. 7–29. (In Russian)

- 20 Seregina N. S. Stikhira Grigoriia Tsamblaka na Uspenie Bogoroditsy. Stikhira Ioannu Novomu [The sticheron of Gregory Camblak on the Dormition of Theetheotokos]. *Tvorcheskoe nasledie Grigoriia Tsamblaka* [The sticheron of John New. The creative legacy of Gregory Camblak]. Zheneva, Veliko Tyrnovo, Izdatel'stvo VTU im. Sv. Kirilla i Mefodiia Publ., 2005, pp. 466–507, 565–570. (In Russian)
- 21 Skrebkov S. S. *Russkaia khorovaia muzyka XVII – nachala XVIII v.* [Russian choral music of XVII – beginning of XVIII century] Moscow, Muzyka Publ., 1969. 120 p. (In Russian)
- 22 Stankovich Kornelie [Stankovic Cornelia]. *Entsiklopediia* [Encyclopedia], compilation by F. A. Brokgauz, I. E. Efron. St. Petersburg, Semenovskaia Tipografiya (I. A. Efrona), 1895, vol. 31, p. 424. (In Russian)
- 23 Titova E. A. “A naritsaetsia sii stikh Tsamblak” [“And the name of the sticheron is Tsamblak”]. *Drevnerusskoe pesnopenie. Puti vo vremeni* [The Old Russian chant. Paths in time. compilation and scientist edited by N. B. Zakhar'ina]. St. Petersburg, 2005, vol. 2: Po materialam nauchnoi konferentsii “Brazhnikovskie chteniia-2004”, pp. 14–27. (In Russian)
- 24 Toncheva E. Bolgarskii raspev [Bulgarian chant]. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox encyclopedia]. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr “Pravoslavnaia entsiklopediia” Publ., 2002, vol. 5, pp. 643–644. (In Russian)
- 25 Toncheva E. Tserkovnaia muzyka [Church music], Bolgariia [Bulgaria]. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox encyclopedia]. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr “Pravoslavnaia entsiklopediia” Publ., 2002, vol. 5, pp. 612–614. (In Russian)
- 26 Kholopova V. N. *Russkaia muzykal'naia ritmika* [Russian musical rhythm]. Moscow, Sovetskii kompozitor Publ., 1983. 281 p. (In Russian)
- 27 Shevchuk E. Iu. Bolgarskii raspev [Bulgarian chant] / V iugo-zapadnoi Rusi [In South-Western Rus']. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox encyclopedia]. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr “Pravoslavnaia entsiklopediia” Publ., 2006, vol. 5, pp. 644–646. (In Russian)
- 28 Shevchuk E. Iu. Grecheskii raspev [Greek chant]. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox encyclopedia]. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr “Pravoslavnaia entsiklopediia” Publ., 2006, vol. 12, pp. 430–436. (In Russian)
- 29 Shevchuk E. Iu. *Kievskii napev v kontekste tserkovno-monodicheskogo peniia Ukrainy i Belorussii XVII–XVIII vv.* [Kyiv chant in the context of Church-monodic singing of Ukraine and Belarus of XVII–XVIII centuries]. Abstract of dissertation candidate of Art history. Kiev, 1999. 21 p. (In Russian)
- 30 Shevchuk E. Iu. Serbskii napev v kontekste iuzhnoslavianskogo vliianiia (po materialam ukrainskikh i belorusskikh Irmologionov XVII v.) [Serbian chant in the context of the South Slavic influence (basing on materials of the Ukrainian and Belarusian Irmologion XVII century)]. *Vestnik PSTGU. Serii 5: Muzykal'noe iskusstvo khristianskogo mira*, vol. 2 (3), 2008, pp. 23–54. (In Russian)
- 31 Palikarova-Verdeil R. La musique byzantine chez les Bulgares et les Russes. *MMB, Subsidia 3*. Copenhagen, Munksgaard, 1953. 250 p. (In French)

УДК 78.03
ББК 85.313(3)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. Е. А. Зайцева
г. Москва, Россия

ИЗ СЕВСКА В ВЕНУ: ДОГЛИНКИНСКАЯ «КАМАРИНСКАЯ» В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ МУЗЫКЕ

Аннотация: Статья посвящена претворению «Камаринской» в творчестве западноевропейских композиторов-классиков последней трети XVIII – первой трети XIX вв. Рассмотрены генезис известной русской плясовой песни, бытовавшей в Комарицкой волости Севского уезда (в настоящее время территория Брянской области), а также этимология слова, допускающая 2 варианта написания: камаринская и комаринская. Осуществлен сравнительный анализ современного фольклорного первоисточника, зафиксированного в 2000 г. в Брянской области, с тематизмом и принципами развития сочинений Й. Гайдна — пьеса «Der Dudelsack» для органчика в часах, И. М. Ярновика — Финал скрипичного концерта № 7, П. Враницкого — Й. Кински — балет «Waldmädchen». Охарактеризованы особенности воплощения русского этномелоса в творчестве Л. Бетховена на примере Двенадцати вариаций на русский танец из балета «Лесная девушка» и трио Скерцо из его Девятой симфонии. Выявлены исторические, географические, социокультурные, жанровые особенности миграции песенно-плясовой темы «Камаринской» в западноевропейской музыке.

Ключевые слова: доглинкинская «Камаринская», русский этномелос, венский классицизм, Й. Гайдн, И. М. Ярновик, П. Враницкий, Й. Кински, Л. Бетховен, М. И. Глинка.

Информация об авторе: Елена Александровна Зайцева — кандидат искусствоведения, доцент, Московский государственный институт музыки им. А. Г. Шнитке, ул. Маршала Соколовского, д. 10, 123060 г. Москва, Россия. E-mail: mlad61@mail.ru

Дата поступления статьи: 27.11.2017

Дата публикации: 15.06.2018

Для цитирования: Зайцева Е. А. Из Севска в Вену: доглинкинская «Камаринская» в западноевропейской музыке // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 264–279.

Среди русских народных плясовых песен «Камаринская» пользуется особой популярностью. Известная с XVII в., она бытует в вокальном, инструментальном и плясовом вариантах по сей день. Брянские балалаечники, смоленские скрипачи и владимирские рожечники, а также гармонисты разных регионов России исполняют эту мелодию, узнаваемую по трем первым звукам.

В середине XIX в. популярность русской плясовой значительно возросла после того, как в 1848 г. М. И. Глинка создал одноименную симфоническую фантазию для оркестра. 40 лет спустя в 1888 г. Чайковский в своем дневнике записал: «Русских сим-

фонических сочинений написано много, можно сказать, что имеется настоящая русская симфоническая школа. И что же? Вся она в “Камаринской”, подобно тому, как весь дуб в желуду! И долго из этого богатого источника будут черпать русские авторы, ибо нужно много времени и много сил, чтобы исчерпать все его богатство» [15, с. 26]. Именно эта концепция, высказанная в XIX в. П. И. Чайковским, многогранно раскрыта известным отечественным музыковедом XX в. — Виктором Абрамовичем Цуккерманом в монографии «“Камаринская” Глинки и ее традиции в русской музыке» (1957) [15].

Наша исследовательская задача заключается в том, чтобы выявить исторические, географические и социокультурные причины миграции песенно-плясовой темы «Камаринской» в западноевропейской музыке, а также жанровые и стилевые особенности, рассмотрев произведения зарубежных композиторов последней трети XVIII – первой трети XIX вв.: Йозефа Гайдна, Ивана Мане Ярновика, Пауля Враницкого — Йозефа Кински, Людвиг ван Бетховена, где фигурирует «Камаринская» как интонационно-тематический материал.

Прежде, чем мы развернем наш взгляд на Запад, остановимся на **генезисе** этой плясовой, а также **этимологии** слова, допускающего два написания: камаринская и комаринская.

Комарицкая волость (она же Камарицкая, Каморицкая, Камарницкая, Камаринская, Комарицкая, Комаровская) — историческая административно-территориальная единица в составе Брянского (с 1627 — Севского) уезда, расположенная по реке Неруссе и ее притокам (занимала юго-восточные районы современной Брянской области и прилегающие районы Курской и Орловской областей). Известна с XV в. Являлась дворцовым владением, т. е. вотчиной российских монархов, и подчинялась непосредственно Москве через приказную избу в селе Лугань.

Карта Комарицкой волости
The map of the Komaritskaya Volost

Этимология слова происходит от позднелатинского *commarca* — «граница, предел». Действительно, в течение долгого времени Комарицкая волость оставалась для Московского государства пограничной, да и латинское происхождение названия вполне объяснимо, поскольку оно возникло во времена польско-литовского владычества.

Еще один смысл слова «комара», или «камера», означает государственную казну польско-литовских королей, которые до конца XV в. владели Комарицкой волостью как своим личным имением. Московские государи, завоевав эту волость в начале XVI в., также содержали ее в своем Дворцовом (Камерарном) ведомстве, а Лжедмитрий II в жалованной грамоте своему мнимому тестю — сандомирскому воеводе Юрию Мнишеку, писанной на польском языке, называет Севск *Камарском*.

Т. А. Мартемьянов, первый исследователь плясовой песни «Камаринская», считает, что это название происходит от слова «каморник» — так называли людей, не имевших своих домов и живших в чужих избах и каморах. К их числу относили сторожей, истопников, работников в доме, занимавших каморки. Комарицкая волость, вследствие усиленной колонизации по укреплению южных границ Московского государства, была краем бездомников, бродяг. Волость, по мнению Мартемьянова, «кишела каморниками, и им, вероятно, она обязана своим названием» [15, с. 70].

В начале XVII в. волость оказалась в центре восстания Болотникова; через нее пролегли пути на Москву Лжедмитрия I и Лжедмитрия II. Вплоть до XX в. население Комарицкой волости отличалось бунтарским характером и свободолобием, принимавшим самые разнообразные формы. По утверждению историка-краеведа Г. М. Пясецкого, русская народная песня «Камаринская» — «Ах ты, сукин сын, комаринский мужик, не хотел ты своему барину служить...» — осталась «памятником измены комаричан Борису не только как государю, но и как своему помещику-барину» [15, с. 70]. С начала XVIII в. земли волости раздаются дворянам: Кантемиру, Голицыным, Апраксиным и другим. Территория волости как дворцового владения существенно сократилась, а сам термин «Комарицкая волость» обрел двоякий смысл: в историческом плане — обширная территория, охватывающая весь Севский уезд; в текущем хозяйственно-владельческом отношении — его часть, оставшаяся в собственности царской фамилии. В конце XIX в. память о существовавшей когда-то Комарицкой волости была увековечена в названии железнодорожной станции Комаричи.

Таким образом, географическое положение, исторические причины и особенности жизни народа, создавшего песенно-плясовую «Камаринскую», выявляют следующие важные факторы:

- миграцию населения, а следовательно, и напева, как на восток — в Россию, так и на запад — в Европу;
- тройное подчинение — Москве, Литве и Польше — межэтнические корни мелодии, сочетающие как восточнославянские скоморошьи признаки, так и особенности скрипичного музицирования западных славян и балтов;
- протестующе-бунтарский характер слов свидетельствует о тяжелейшем положении низов данного локуса;
- разнузданный тон, допускающий грубую ругань, типичен как для среды скоморохов и разбойников, так и кабацкого люда.

Архив ИИЭМ
им. К. В. Кавказа
И 4027-26

Камаринская

Запись Н.М. Савельевой 2000 г.
Яроская область,
Новолюбинский р-н, д. Дубровка
от Мелодии Екатерины Григорьевны
1928 г.р. (вдова, бывшая)
Нотация Е.А. Зайцевой

♩ = 96

Балалайка

-Девки! Пейте "Камаринска"!
Мы ж танцевали и в присидки, и всяко танцевали.

Ты рас - су - хни сны, ка - ма - рин - ской му - жик!

Шна - ны ски - нул и по у - ли - по би - жик!

«Камаринская».

Запись 2000 г. Н. М. Савельевой, нотация 2017 г. Е. А. Зайцевой
«Kamarinskaia». Recorded by M. N. Savelyeva in 2000, noted by E. A. Zaytseva in 2017

В отличие от разнообразных примеров бытующей повсеместно популярной плясовой, данный вариант, что для нас особенно важно, в первой мелостроке начинается с терцового тона. С точки зрения пропорций этот образец представляет собой органическую неквадратность (3+3+3+...). Композиционно образуется вариированная периодичность.

Мелодия «Камаринской», распространенной в разных регионах, начинается с устойчивых ступеней (I, III, V). Развитие ядра происходит преимущественно секвенционно. Нисходящее движение звеньев опирается на скрытое двухголосие, столь типичное для инструментальной музыки вообще и народных наигрышей, в частности. Многократный повтор основной ступени лада придает вращающемуся напеву назидательный оттенок, а композиционная неквадратность выявляет его славянскую принадлежность.

Напевая и приплясывая «Камаринскую», развернем наш взор на Запад и отправимся с пограничных российских территорий, а именно **из Севска**, по направлению **к Вене**, с тем, чтобы отыскать отзвуки наигрыша в творчестве композиторов последней трети XVIII в. Исследуя культурно-исторические особенности трансформации фольклорного первоисточника (анонимного, коллективного, вариантного) в авторское сочинение, изложим известные нам примеры хронологически.

На сегодняшний день в нашей исследовательской цепи не хватает некоторых звеньев, возможно, какие-то из них безвозвратно утрачены. Однако абсолютно очевидно, что наигрыш «Камаринской» как некая энергетическая субстанция, имеющая интонационный, ритмический, линейно-графический и композиционный инвариант, перемещался по Европе и был с той или иной точностью не только письменно зафиксирован, но и воспроизводился при помощи механических аппаратов того времени.

Скорее всего, одним из первых композиторов, положивших «Камаринскую» на ноты и давших возможность ей регулярно звучать в поместье князя Эстергази, был **Йозеф Гайдн**, создавший пьесу для органчика в часах под названием «Der Dudelsack»². Он является автором 32 небольших пьес для так называемых флейтовых часов (Flötenuhr)³, изготовленных, библиотекарем князя Эстергази, учеником и другом Гайдна — Примитивусом Нимецом, монахом ордена Милосердных отцов. Его инструменты воспроизводили исключительно пьесы Гайдна. Способность П. Нимеца к сочинению музыки совмещалась у него с потрясающим даром ко всяческим механическим изобретениям. Три образца механических часов были созданы им в 1772, 1792, 1793 гг. Часы, изготовленные в 1772 г., были подарены Гайдном жене его друга, венского капельмейстера Флореана Леопольда Гасмана по случаю крещения их дочери Анны (в замужестве — фрау Фукс).⁴

Сам композитор, создавая пьесы, хотел получить необычный, особого изысканного тембра звук⁵.

К двухсотлетию со дня рождения Й. Гайдна 32 пьесы для органчика в часах были записаны на грамофон, а в 1953 г. изданы в транскрипции для фортепиано в две руки [18]⁶.

² Сочинение датировано 1772 г., возможно ошибочно.

³ Механическая репродукция музыки при помощи музыкальных автоматов, существовавших с XV–XVI вв., становится особенно популярной в эпоху венских классиков. Как утверждает А. В. Фисейский в монографии «Орган в истории мировой музыкальной культуры (III век до н. э. – 1800 год)», «Флейтовые часы и иные разновидности Orgelwalze получили в XVIII веке широкое распространение в Англии, Нидерландах и Австрии» [13, с. 382]. Известным композиторам можно было заказать небольшую пьесу, которую данный аппарат мог воспроизводить неограниченное количество раз, при этом сохранялся темп, тембр и орнаментика миниатюры. Ганс Лео Хаслер и Кристиан Эрбах создавали свои произведения для подобных аппаратов, учитывая их возможности. Подобные заказы поступали Моцарту, Бетховену, но прежде всего Гайдну.

⁴ Этот механизм в настоящее время находится во владении потомков семьи Гасман, живущих в Вене и носящих фамилию Тойбнер Регем. Орган воспроизводит 16 пьес, в том числе и интересующий нас номер 16 «Der Dudelsack». Пьесы с 13 по 18 созданы для часов 1772 г. Как утверждает автор предисловия к изданию 1953 года E. F. Schmid, комические названия номеров 6, 16 и 18 являются традиционными для семьи Фукс-Гасманов: № 6 — Menuett «Der Wachtelschlag» (перепелиный бой), № 16 — Andante cantabile «Der Dudelsack» (Волейка), № 18 — Vivace «Der Kaffeeklatsch» (болтовня за чашечкой кофе) [19]. Как пояснил орнитолог Антон Межнев, комментируя пьесу № 6, «Самцы перепела имеют очень характерную вокализацию (“песня” — громкие, хорошо слышимые звуки, предназначенные для оповещения о своем присутствии, в том числе — для привлечения самки). Эта вокализация по-русски передается словами “подь-полоть” или “спать пора”. Само название вида (перепел) — вероятно, тоже звукоподражательное, от этого звука. Вокализация по-русски называется “бой”, возможно потому, что включает резкий свист, похожий на удар хлыста. Der Wachtelschlag — это “бой перепела” или “песня перепела”. Есть еще один вариант перевода — медицинский. Боткин описал так называемый “ритм перепела” — когда в сердцебиении раздваивается второй тон, это симптом определенного порока сердца. В XIX в. в России было много любителей перепелиного “пения”, и при прослушивании больного с таким пороком у этих любителей и могла возникнуть подобная ассоциация».

⁵ Основным элементом их механизма является валик с закрепленными на нем шпеньками различной длины. При вращении валика шпеньки открывают воздуху путь в трубы, которые начинают звучать в установленной последовательности, в точности с пожеланием автора (с правильно выполненными украшениями, арпеджированными аккордами, агогикой и всеми прочими едва уловимыми тонкостями исполнения, которые невозможно отразить в нотной записи). Вышеуказанные композиции Й. Гайдна современные музыканты традиционно исполняют на органе или баяне, поскольку во флейтовых часах их озвучивали маленькие механические органчики (Orgelwalze) — своего рода «музыкальные шкатулки», играющие без участия органиста.

⁶ Манускрипты хранятся в Венском и Берлинском архивах.

Титульный лист нот Гайдна с изображением Flötenuhr
The title page of Haydn's music with the image of Flötenuhr

№ 16 Andante cantabile «Der Dudelsack» представляет собой пьесу, написанную в простой двухчастной репризной форме с кодой. Оригинальным формообразующим принципом этой необычной пьесы является чередование неквадратности (5+5, 5+5) в первой части формы и квадратности во втором, основанном на перегармонизации двухтактовых построений, и коде. Гармонический язык первой части ограничен диатоническими созвучиями, включая трезвучие шестой и сектаккорд второй ступени в половинной каденции. В первом проведении темы Гайдн единственный раз задействует четвертую высокую ступень. Пятая ступень лада — *соль* — неоднократно педалируется, как в верхнем, так и в нижнем голосе, создавая звуковую октавную рамку. В средней части активно осваиваются тональности первой степени родства к *До* мажору: тональность доминанты — *Соль* мажор и тональности, представленные в первой части лишь гармониями VI и II ступеней, соответственно *ля* и *ре* миноры. В коде трижды повторен двутакт, изложенный на тоническом органном пункте, уравновешивающем доминантовую педаль в экспонирующем разделе пьесы.

Пьеса Й. Гайдна «Der Dudelsack»
The play by J. Haydn “Der Dudelsack”

Как и в анализируемой нами пьесе Й. Гайдна, в «Камаринской» М. И. Глинки органные пункты и педали играют весьма существенную роль. В цифре 4 — доминантовая педаль у скрипок, а затем тонический органный пункт у контрабасов. В цифре 11 — литавры, виолончели и контрабасы тянут *ля* — пятую ступень лада, ее же подхватывает гобой. В заключительном разделе фантазии преобладает тонический органный пункт. Есть еще пара характерных педалей у труб и валторн, имеющая юмористический эффект, о которой в «Записках» М. И. Глинки читаем: «Могу уверить, что я руководствовался при сочинении этой пьесы единственно внутренним музыкальным чувством, не думая ни о том, что происходит на свадьбах, как гуляет наш православный народ и как может запоздалый пьяный стучать в дверь, чтобы ему отворили. Несмотря на это, Ф. М. Толстой (Ростислав) на репетиции “Камаринской” (как я впоследствии по совету князя Одоевского назвал эту пьесу) сам говорил мне, что он, объясняя государыне-императрице (ныне вдовствующей) Александре Федоровне мою “Камаринскую”, в последней части этой пьесы, а именно, где сперва валторны держат педаль на *Fis* и потом трубы на *C*, сказал ее величеству, что это место изображает, как пьяный стучится в двери избы» [1, с. 150].

Народно-жанровый колорит, свойственный пьесе Й. Гайдна и фантазии для оркестра М. И. Глинки, связанный в частности с органными пунктами и педалями, в том числе на седьмой низкой (миксолидийской) ступени, воплотил и П. И. Чайковский в «Камаринской» из «Детского альбома».

Для волынки как музыкального инструмента фольклорной традиции и педали, и органные пункты весьма характерны, так как мелодическую линию волынец может развивать лишь в солирующем голосе. Да и аппликатура при игре на аэрофонах естественно допускает скрытое двухголосие, столь типичное для всех вариантов «Камаринской». Однако зафиксированных этноорганологами примеров исполнения данного наигрыша на волынке не известно.

Ни сам Гайдн, ни автор предисловия к переизданию 32 его пьес E. F. Schmid, ни А. В. Фисейский не указывают столь очевидное нам название наигрыша — «Камаринская», хотя в исследованиях Б. С. Штейнпресса и Л. В. Кириллиной [16; 3] изложена гипотеза, что данная мелодия была сообщена Й. Гайдну Иваном Мане Ярновиком. Либо это произошло на 24 года раньше, нежели у Бетховена в фортепианных вариациях, либо допущена ошибка в датировке манускриптов Гайдна. Напомним, что аналогичные часы были изготовлены не только в 1772 г., но и в 1792 и 1793 гг., что гораздо ближе к 1796 — году фиксации «Камаринской» Л. Бетховеном.

Временно оставим эти размышления и познакомимся с композитором и скрипачом-виртуозом хорватско-итальянского происхождения, колесившим по Европе, знавшим наигрыш «Камаринской», включившим ее в свои опусы, исполняемые с большим успехом, как в европейских столицах, так и в поместьях именитых особ. Его фамилия имеет свыше 15 вариантов записи: **Иван Мане Ярновик**, Ярнович, Джованни Мане Джорновики, Джарновикки, (Jarnovic, Giarnovicchi). Даты рождения по разным источникам колеблются между 1735, 1745 и 1747 гг., а дата и место смерти — 11(23). XI.1804, Санкт-Петербург.

Из весьма обрывочных сведений о жизни и деятельности Ярновика вырисовывается фигура успешного, энергичного и удачливого музыканта:

1770–1779 — Париж, 1773 — первое публичное выступление;

1779–1781 — Германия, служба в качестве первого скрипача у прусского принца Фридриха Вильгельма II;

1782 — выступления в Варшаве;

1783–1786 — Петербург, придворный камерный музыкант Екатерины II;

1787–1788 — разные города Европы, в том числе Вена;

1789 — концертировал в Москве;

1791–1794 — скрипач и дирижер в Лондоне;

1795–1802 — Гамбург;

1802–1804 — Санкт-Петербург.

Франция, Германия, Австрия, Польша, Англия и Россия — таков перечень стран, быть может, неполный, где Ярновик выступал как скрипач, композитор и дирижер. Сочинения И. М. Ярновика печатались многими издателями в разных странах, хотя музыкальное наследие его изучено недостаточно. Бурная жизнь виртуоза нашла отражение в беллетристике: французский роман «Jarnowick» Г. Денуартер-Ле-Бризуа, новелла «Урок Ярновика» П. Смита (оба произведения 1844 года). Э. Т. А. Гофман упоминает Ярновика в новелле «Барон фон Б. Ученик Тартини» из романа «Серапионовы братья» (1819), где называет его по-итальянски Джеминиани Джарновичи.

Как утверждают Б. С. Штейнпресс и Л. В. Кириллина, свои выступления он любил заканчивать исполнением народных мелодий. Именно ему принадлежит популяризация «Камаринской». В его концерт для скрипки с оркестром № 7 входит рондо под названием «Русский танец» («La danse Russe»). Нот этого произведения нам найти не удалось, а вот запись концерта оказалась доступна в интернете. Финал названного скрипичного концерта И. М. Ярновика — русский танец — представляет собой многочастное рондо в духе Ф. Э. Баха. Мажорный рефрен чередуется с минорными эпизодами в одноименном и параллельном минорах. Фольклорный первоисточник становится основой народно-жанрового финала в форме рондо, что так типично для финалов раннего классицизма.

«Русский танец» («La danse Russe») И. М. Ярновика был настолько любим публикой и популярен, что при создании балета Пауля Враницкого⁷ «Лесная девушка» («Das Waldmädchen») был включен композитором в качестве вставного номера. За неимением нот остается неясным, почему в справочных изданиях упоминаются в связи с балетом *вариации* Ярновика, хотя эта русская тема воплощена им в форме *рондо*. Вскоре после премьеры 23 сентября 1796 г. «Венская газета» отмечала, что «Русский танец», вставленный в партитуру балета «Лесная девушка», стал излюбленным номе-

⁷ Пауль [Павел] Враницкий (чеш. Pavel Vranický; нем. Paul Wranitzky; 30.12.1756 Нова-Ржише — 26.9.1808 Вена) — чешско-австрийский композитор и скрипач. В 1770–1771 гг. учился пению, игре на органе и скрипке в Иглау (Йиглава), затем изучал теологию и совершенствовался в игре на скрипке в Ольмюце (Оломоуц). Артистическая и творческая жизнь Враницкого связана с Австрией. С 1776 г. он изучал теологию в Вене, одновременно брал уроки композиции у Й. М. Крауса. Был скрипачом в капелле князя П. Эстерхази (1780–1785), которой в то время руководил Й. Гайдн. В 1785–1808 гг. капельмейстер венской придворной оперы. С 1793 г. член Общества музыкантов в Вене, затем его секретарь (реорганизовал работу этого общества), Враницкий был не только выдающимся скрипачом, но и композитором. Среди его сочинений наибольшей популярностью пользовались зингшпили. Его творчество высоко ценил Й. Гайдн. На тему русского танца из балета Враницкого «Лесная девушка» («Waldmädchen», 1796), известного в его обработке (тема заимствована Враницким у И. М. Ярновича), Л. Бетховен написал 12 вариаций A-dur для фортепиано или клавесина.

ром спектакля. Журналист «Венской газеты» русский танец называет *московским* — «Der moskowitsche Tanz» [16, с. 284].

Как уточняет Б. С. Штейнпресс в статье «К творческой истории «Камаринской»», «Балет “Лесная девушка” сочинен капельмейстером придворной Венской оперы Враницким в сотворчестве с композитором Йозефом Кинским, которому принадлежат несколько номеров в названном произведении» [16, с. 284].

Йозеф Гайдн был, очевидно, знаком и с Ярновиком, и тем более с Враницким. Последний служил в капелле Эстергази под управлением Гайдна с 1780 по 1785 г. в качестве скрипача, а его брат Антон был учеником Гайдна. Ярновик состоял капельмейстером князя Роана-Гемене, занимавшего с 1772 г. пост французского посла в Вене. Князь посещал и венский дом, и провинциальные имения венгерского магната Эстергази, у которого служил Гайдн. «Посол и его концертмейстер должны были встречаться у Эстергази с его капельмейстером» [16, с. 284]. Впитывать русский этномелос Ярновик, судя по биографическим данным, мог начать лишь с 1783 г., находясь на службе в Санкт-Петербурге при дворе Екатерины II. Ранее и в Германии, и в Польше он мог встретиться и с русскими дипломатами, да, впрочем, и встретиться на дорогах Европы с «Камаринской», запомнив ее раз и навсегда. Однако это всего лишь гипотезы.

Людвиг ван Бетховен вскоре после премьеры балета «Лесная девушка» создал Двенадцать вариаций на тему русского танца (A-dur). Согласно каталогу Г. Кинского — Х. Хальма, данное произведение, не имеющее опусного номера, обозначается WoO 71 и датируется 1796 г. Бетховен молод. Ему 26 лет. Двенадцать вариаций на русский танец из балета «Лесная девушка» (на тему Камаринской) он посвящает графине Броун.

Анна Маргарет (Аннетта), урожденная Фитингоф-Шель (1769–1803), была супругой бригадира русской военной миссии графа Ивана Юрьевича (Иоганна Георга) Броуна-Камуса (1767–1827), приехавшего в 1795 г. из Риги⁸.

Среди аристократов, в том числе венских, было весьма престижно получить посвящение известного композитора или поэта. Вслед за этим обычно следовал в адрес создателя произведения либо внушительный гонорар, либо дорогой подарок, либо иные знаки великосветского внимания. «Мы не знаем, в каких именно формах осуществлялась поддержка графом Броуном “музы” Бетховена <...> От Риса известно, что в ответ на посвящение Аннетте Броун фортепианных вариаций на русскую тему WoO 71 граф подарил Бетховену прекрасную верховую лошадь, на которой тот несколько раз выезжал, но потом начисто забыл о ее существовании и сильно удивился, получив от плутоватого слуги огромный счет за корм» [2, с. 170–171].

Тема **Двенадцати вариаций** своим мелодическим контуром и гармонизацией необычайно похожа на найденный нами образец, зафиксированный в 2000 г. в Брянской области.

⁸ Как указывает Л. В. Кириллина в монографии «Бетховен. Жизнь и творчество», «Граф Броун происходил из древнего рода обрусевших ирландцев, а его жена была дочерью сенатора, екатерининского вельможи, прославившегося в Риге своей благотворительностью и меценатством. По-видимому, с этой четой Бетховена связывали чувства взаимной симпатии, тем более, что Броуны были его сверстниками» [2, с. 170]. Бетховен был домашним пианистом в доме Броунов. «Можно также предположить, — пишет Л. В. Кириллина, — что Аннетта Броун некоторое время совершенствовалась у Бетховена в игре на фортепиано и, судя по посвященным ей произведениям (три сонаты op. 10, вариации WoO 71, вариации на тему Зюсмайра WoO 76), была, вероятно, не очень виртуозной, но точно чувствующей музыку пианисткой» [2, с. 170].

Это позволяет выдвинуть гипотезу, что в основу бетховенских вариаций положена «Камаринская», генезис которой связан с Комарицкой волостью — ныне Брянским ареалом.

Бетховен, вслед за Гайдном и Ярновиком, излагает тему в двухчастной репризной форме с повторенной второй частью. Первая часть состоит из двух пятитактовых предложений, а каждое предложение делится на две фразы (3+2). В первой — «Камаринская» является мелодией, гармонизованной тоническими и доминантовыми аккордами, изложенными четвертями; вторая представляет собой оставшееся от гармонизации контурное голосоведение с тянущейся педалью на доминантовом тоне *ми*. Во втором предложении выдерживается гармонический стиль изложения с характерной октавой на доминантовом звуке, возникающей на слабой доле. Середина развивающего типа (2+2) завершается пятитактовой репризой. Таким образом, пропорции темы, сложенные из неквадратных и квадратных построений, образуют неорганическую неквадратность, характерную для тем фольклорного происхождения, в том числе русских.

В следующих далее двух мажорных вариациях к гармоническому последованию добавляются гаммообразные пассажи, нисходящие хроматические секвенции, мелодические фигурации с включением триольного ритма шестнадцатых. Мелодическая линия второй вариации образует обращенную волну.

Минорные вариации (№ 3, 7 и 11) носят лирико-драматический характер. Тематизм третьей и одиннадцатой вариаций обретает ламентозные, порой романсовые интонации, звучащие на пиано. В средней части третьей вариации восходящие по квартсектаккорду обороты настойчиво звучат на форте, образуя контраст с тихой и печальной репризой. Вариация № 7 выдержана в характере порывистого скерцо. Триоли шестнадцатых с акцентом на слабой доле создают состояние мятежного волнения.

Кроме триады минорных вариаций форму цементируют две вариации в духе скерцо: это уже упомянутая седьмая — минорная и десятая — мажорная, изложенная триолями шестнадцатых. В десятой также появляется новый исполнительский штрих — восходящие октавные ходы, извлекаемые исполнителем *sforzando*.

В четвертой (мажорной) вариации трехоктавные гаммообразные пассажи выстроены динамически: в восходящем движении — от *f* до *ff*, в нисходящем — от *ff* до *p*. Гармоническая медитативная пятая и подголосочная шестая вариации контрастируют фактурно. Восьмая и девятая — динамически. Трелеобразные обороты, восходящие на четыре октавы, подготавливают тонические органые пункты следующей десятой вариации.

Если тема и одиннадцать вариаций исполняются в темпе Allegretto, то финальная двенадцатая звучит скоро — Allegro. Двудольная плясовая «Камаринская», трансформировавшаяся в процессе развития то в жалобу (№ 3, 11), то в размышление (№ 5, 6), то в скерцо (№ 7, 10), в финале становится трехдольной (размер 6/8), трехголосной полифонизированной галантной музыкой. Прежде весельчак

То согнется, то прискочнет в три ноги,
Истоптал свои смазные сапоги.
То руками, то плечами шевелит,
А гармоньку все пилит, пилит, пилит⁹.

В последней вариации камаринский мужик уже в камзоле и парике, чулках и башмаках, с поклонами и приседаниями танцует, именно *танцует*, а не *пляшет* светские па на балу у вельможи.

Однако это еще не финал. В развернутой коде Бетховен синтезирует фактуру гармоническую и полифоническую, пассажи и переключки голосов. После столь протяженных A-dur и a-moll, обусловленных жанром и формой вариаций, композитор увлекает нас цепочкой модуляций, в том числе энгармонических, в далекие тональности: As-dur, Es-dur, G-dur. Он колорирует тему в минорных и мажорных ладах, подвергая ее повторению, секвенцированию, дроблению. И после доминантового предъикта, предвещающего разработочные разделы будущих фортепианных сонат, возвращает основную тональность, трехдольную пульсацию, лишь дважды прерванную стремительными триольными восходящими пассажами.

Рассмотрение бетховенских фортепианных вариаций на тему «Камаринской» требует упоминания еще одного фундаментальнейшего сочинению мастера, выходящего за рамки исследуемого исторического периода и относящегося к последнему этапу его творчества, а именно его **Девятой симфонии**. Она создавалась с 1822 по 1824 гг., премьера состоялась в Вене. Оказывается даже четверть века спустя интонационные контуры «Камаринской» не оставляют Бетховена-симфониста. В Трио Скерцо возникает тема сначала у валторн, а потом у струнных, необыкновенно напоминающая русскую плясовую. Она звучит не как цитата, а, скорее, как мелодическое обобщение — аллюзия.

«Камаринский след» в Девятой симфонии был отмечен многими музыковедами. Приведем лишь три цитаты:

Александр Николаевич Серов — 1968 г.: «*Темой здесь* мелодия гимна, *низведенная* ритмическим поворотом до тривиальности, очень похожей на тему нашей «Камаринской». Шумное, неэстетическое веселье простолюдина...» [10, с. 433]. Продолжая разговор век спустя, Надежда Сергеевна Николаева пишет (1967): «Серов не без основания сравнивает музыку трио с русской народной песней “Камаринская” (хотя Бетховен и не цитирует эту мелодию). Особенно много сходства с этой песней в контрапунктирующей мелодии. Близость к русской музыке проявляется в трио не только в интонациях, но и в характере вариационной обработки темы — мелодия-остинато на фоне сопровождающего контрапункта. В конце трио совсем по-русски звучат “гармошечные” последования — тоника и доминанта на тоническом органном пункте» [6, с. 236]. В тетрадах 1972–1980 гг. Георгий Васильевич Свиридов отмечал: «Бетховен (кажется) первый начал соединять диатонику русской песни с европейским хроматизмом

⁹ Один из вариантов текста «Камаринской».

(в квартетах для Разумовского). Во всяком случае, следы русского мелоса есть в Трио из Скерцо 9-й симфонии. Диатонический мотив плясового характера (между прочим, в духе «Камаринской»), обвитый хроматическим подголоском. Так делал и Глинка» [9, с. 123–124].

А. Н. Серов, Н. С. Николаева и особенно Г. В. Свиридов слышали в Трио Скерцо Девятой симфонии не только связь с русским этномелосом, но и принципы развития музыкальной мысли, объединяющие Бетховена с Глинкой.

Исследуя особенности претворения доглинкинской «Камаринской» в творчестве западноевропейских композиторов последней трети XVIII в., мы рассмотрели произведения Й. Гайдна и Л. Бетховена, коснулись сочинений И. М. Ярновика и П. Враницкого — Й. Кински, созданных в период с 1772 по 1796 гг. (Исключением является Девятая симфония — 1824 г.) Географически наши интересы были сосредоточены вокруг Вены и ее предместий, хотя пути миграции русской плясовой могли пролегать через Польшу и Чехию, Хорватию и Австрию — страны с самобытными фольклорными традициями, но при этом находящиеся в это время во власти формирующейся музыкальной классики. Именно влияние венского классицизма обусловило жанровый спектр изучаемых произведений: камерная музыка — пьеса Гайдна «Der Dudelsack» и Двенадцать вариаций на русский танец из балета «Лесная девушка» Бетховена; оркестровый жанр, представленный скрипичным концертом № 7 A-Dur И. М. Ярновика, симфонический — фрагментом Девятой симфонии Л. Бетховена, и, наконец, — сценический, а именно балет П. Враницкого и Й. Кински «Das Waldmädchen».

Особого внимания заслуживает эстетический аспект изучаемой проблемы. Существовавшие в фольклорной среде, «инструментальные произведения такого рода предназначены для самовыражения музыканта и развлечения окружающих, <...> — как утверждает И. В. Мацеевский, — <...> они бытуют в разных ситуациях и относятся к жанрам, реализующим эстетическую функцию» [5, с. 371–372]. Однако представления о красоте, прекрасном и безобразном отличались у музыкантов Камарицкой волости и ранее названных композиторов. Из разных источников известно, что русское оригинальное в европейской интерпретации — это такая же экзотика, помещенная в рамки классицизма, как восточная ориентальность в творчестве отечественных композиторов второй половины XIX в. Подобно тому, как русские композиторы относились к восточному мелосу, не дифференцируя его подчас на отдельные этносы, так и представители венского классицизма воспринимали русское, собственно расположенное к востоку от Австрии, как обобщенную ритмоинтонационную модель. «Во всех случаях обращений иностранцев к «Камаринской», — считает Л. В. Кириллина, — заметны, с одной стороны, явная симпатия авторов к обрабатываемой мелодии, а во-вторых, противоречивое желание как сохранить некоторые присущие ей мелодико-ритмические «странности», так и вписать их в контекст «нормального» классического стиля» [3, с. 194].

Оставим за рамками настоящей статьи сочинения Даниэля Штейбельта и Джона Фильда, Жана-Пьера Рода и Джона Крамера, Иоганна Непомука Гуммеля, Фернандо Сора и Андре Эрнеста Гретри, а также других композиторов, обращавшихся к русской «Камаринской», так как это тема отдельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Глинка М. И. Записки. М.: Музыка, 1988. 222 с.
- 2 Кириллина Л. В. Бетховен. Жизнь и творчество: в 2 т. М.: Московская консерватория, 2009. Т. 1. 536 с.

- 3 *Кириллина Л.* «Schöne Minka» и ее сестры // Бортнянский и его время. К 250-летию со дня рождения Д. С. Бортнянского: Материалы международной конференции. М.: МГК им. П. И. Чайковского, 2003. С. 191–205.
- 4 *Линева Е.* Владимирские рожечники // Русские рожечники / сост. Н. А. Сладкова. М.: Сов. композитор, 1990. С. 53–57.
- 5 Народное музыкальное творчество: учебник / отв. ред. О. А. Пашина. СПб.: Композитор, 2005. 567 с.
- 6 Музыка французской революции XVIII века: учеб. пособие. М.: МГК им. П. И. Чайковского, 1967. 442 с.
- 7 *Пясецкий Г.* Исторический очерк города Севска и его уезда // Сб. орловского церковного историко-археологического общества. Орел, 1906. Т. 2. С. 22–60.
- 8 *Руднева А. В.* О взаимосвязи стиха и напева в русской народной песне // Русское народное музыкально творчество. Очерки по теории фольклора. М.: Композитор, 1994. С. 11–69.
- 9 *Свиридов Г. В.* Музыка как судьба. М.: Молодая гвардия, 2002. 621 с.
- 10 *Серов А. Н.* Девятая симфония Бетховена, ее склад и смысл // Избранные статьи / под общ. ред. Г. Н. Хубова. М.; Л.: МУЗГИЗ, 1950. Т. 1. С. 425–434.
- 11 *Смирнов Б.* Искусство владимирских рожечников. М.: Музыка, 1965. 231 с.
- 12 *Трутовский В.* Собрание русских простых песен с нотами / под ред. В. Беляева. М.: МУЗГИЗ, 1953. 179 с.
- 13 *Фисейский А. В.* Орган в истории мировой музыкальной культуры (III век до н. э. — 1800 год): Исследование. М.: РАМ им. Гнесиных, 2009. 543 с.
- 14 *Фраенова Е. М.* Русское народное музыкальное творчество. Хрестоматия. М.: АМУ при МГК им. П. И. Чайковского, 2012. 255 с.
- 15 *Цуккерман В. А.* «Камаринская» Глинки и ее традиции в русской музыке. М.: МУЗГИЗ, 1957. 495 с.
- 16 *Штейнпресс Б. С.* К творческой истории «Камаринской» // Очерки и этюды. М.: Сов. композитор, 1980. С. 283–287.
- 17 *Щуров В. М.* Жанры русского музыкального фольклора: учеб. пособие для муз. вузов и училищ: в 2 ч. М.: Музыка, 2007. Ч. 1: История, бытование, музыкально-поэтические особенности. 400 с.
- 18 *Haydn J.* Werke für das Laufwerk (Flötenuhr) für Klavier zu zwei Händen / übertragen und erstmalig herausgegeben von Ernst Fritz Schmid. Nagel Verlag Kassel, 1953. 51 s.
- 19 *Schmid E. F.* Ioseph Haydn und die Flötenuhr // Zeitschrift für Musikwissenschaft. Leipzig, 1932, H. 4. S. 193–221.

© 2018. Ekaterina A. Zaitseva
Moscow, Russia

FROM SEVSK TO VIENNA: PRE-GLINKA'S "KAMARINSKAYA IN WEST EUROPEAN MUSIC

Abstract: The article is dedicated to the implementation of “Kamarinskaya” in the works of Western European classical composers of the last third of the 18th – the first third of the 19th centuries. We analyze the genesis of the famous Russian dance song that existed

in the Komaritskaya Volost of the Sevsk district (now territory of the Bryansk Region), and the etymology of this word, which allows two variants of writing: Kamarinskaya and Komarinskaya. Authors carry out a comparative analysis of the contemporary folklore source recorded in 2000 in the Bryansk region, with the themes and principles of development of J. Haydn's works — the play “Der Dudelsack” for clock organ, of I. M. Jarnovik — Final of Violin Concerto No 7, of P. Vranitsky — J. Kinsky — ballet “Waldmädchen”. The paper explores the specifics of the realization of the Russian ethnomelos in the works of L. Beethoven as exemplified by Twelve variations for the Russian dance from the ballet “Forest Girl” and by Scherzo’ trio from his Ninth Symphony and reveals historical, geographical, sociocultural, and genre specifics of the migration of the song and dance theme of “Kamarinskaya” in Western European music.

Keywords: Pre-Glinka’s “Kamarinskaya”, Russian ethnomelos, Viennese classicism, J. Haydn, I. M. Jarnovik, P. Vranitzky, J. Kinsky, L. Beethoven, M. I. Glinka.

Information about author: Elena A. Zaitseva — PhD in Art History, Associate Professor, A. G. Schnittke Moscow state Institute of music, Marshal Sokolovsky Str., 10, 123060 Moscow, Russia. E-mail: mlad61@mail.ru

Received: November 27, 2017

Date of publication: June 15, 2018

For citation: Zaitseva E. A. From Sevsk to Vienna: pre-Glinka’s “Kamarinskaya” in West European music. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 48, pp. 264–279. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Glinka M. I. *Zapiski* [Notes]. Moscow, Muzyka Publ., 1988. 222 p. (In Russian)
- 2 Kirillina L. V. *Beethoven. Zhizn' i tvorchestvo: v 2 t.* [Beethoven. Life and works: in 2 vols.]. Moscow, Moskovskaia konservatoriia Publ., 2009. Vol. 1. 536 p. (In Russian)
- 3 Kirillina L. “Schöne Minka” i ee sestry [“Schöne Minka” and her sisters]. *Bortnianskii i ego vremia. K 250-letiiu so dnia rozhdeniia D. S. Bortnianskogo: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [Bortnyansky and his time. To the 250th anniversary of D. S. Bortnyansky: Proceedings of the international conference]. Moscow, MGK im. P. I. Chaikovskogo Publ., 2003, pp. 191–205. (In Russian)
- 4 Linieva E. Vladimirskie rozhechniki [The Vladimir Horn Players]. *Russkie rozhechniki* [Russian Horn Players], composed by N. Sladkova. Moscow, Soviet composer Publ., 1990, pp. 53–57. (In Russian)
- 5 *Narodnoe muzykal'noe tvorchestvo: Uchebnik* [People's musical creativity: a textbook], executive edited by O. A. Pashina. St. Petersburg, Kompozitor Publ., 2005. 567 p. (In Russian)
- 6 *Muzyka frantsuzskoi revoliutsii XVIII veka* [Music of the French revolution of the eighteenth century: a training manual]. Moscow, MGK im. P. I. Chaikovskogo Publ., 1967. 442 p. (In Russian)
- 7 Piasetskii G. Istoricheskii ocherk goroda Sevsk i ego uezda [Historical sketch of the town of Sevsk, and its district]. *Sbornik orlovskogo tserkovnogo istoriko-arkheologicheskogo obshchestva* [Collection of Orlovsky's Church historical and archaeological society]. Oryol, 1906, vol. 2, pp. 22–60. (In Russian)
- 8 Rudneva A. V. O vzaimosviasi stikha i napeva v russkoi narodnoi pesne [On the relationship of poetry and chant in the Russian folk song]. *Russkoe narodnoe*

- muzykal'no tvorchestvo. Ocherki po teorii fol'klora* [Russian folk music. Essays on the theory of folklore]. Moscow, Kompozitor Publ., 1994, pp. 11–69. (In Russian)
- 9 Sviridov G. V. *Muzyka kak sud'ba* [Music as fate]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2002. 621 p. (In Russian)
- 10 Serov A. N. *Deviataia simfoniia Betkhovena, ee sklad i smysl* [Beethoven's ninth Symphony, its composition and meaning]. *Izbrannye stat'i* [Selected articles], executive edited by G. N. Khubova. Moscow, St. Petersburg, MUZGIZ Publ., 1950, vol. 1, pp. 425–434. (In Russian)
- 11 Smirnov B. *Iskusstvo vladimirskikh rozhechnikov* [The Art of the Vladimir Horn Players]. Moscow, Music Publ., 1965. 231 p. (In Russian)
- 12 Trutovskii V. *Sobranie russkikh prostykh pesen s notami* [Collection of Russian simple songs with notes], ed. by V. Beliaeva. Moscow, MUZGIZ Publ., 1953. 179 p. (In Russian)
- 13 Fiseiskii A. V. *Organ v istorii mirovoi muzykal'noi kul'tury (III vek do n. e. – 1800 god): Issledovanie* [Organ in the history of world musical culture (III century BC — 1800): Research]. Moscow, RAM im. Gnesinykh Publ., 2009. 543 p. (In Russian)
- 14 Frayonova E. *Russian Folk Musical Works. Reader* [Russian folk music. Reader]. Moscow, AMU pri MGK im. P. I. Chaikovskogo Publ., 2012. 255 p. (In Russian)
- 15 Tsukkerman V. A. *“Kamarinskaia” Glinki i ee traditsii v russkoi muzyke* [“Kamarinskaya” by Glinka and its traditions in Russian music]. Moscow, MUZGIZ Publ., 1957. 495 p. (In Russian)
- 16 Shteinpress B. S. *K tvorcheskoi istorii “Kamarinskoi”* [To the creative history of “Kamarinskaya”]. *Ocherki i etudy* [Essays and sketches]. Moscow, Sovetskii kompozitor Publ., 1980, pp. 283–287. (In Russian)
- 17 Shchurov V. *Zhanry russkogo muzykal'nogo fol'klora. Uchebnoe posobie dlia muzykal'nykh vuzov i uchilishch: v 2 ch.* [Genres of Russian Musical Folklore. Teaching guide for music universities and schools: in 2 parts]. Moscow, Music Publ., 2007. Ch. 1: *Istoriia, bytovanie, muzykal'no-poeticheskie osobennosti* [Part 1: History, existence, musical and poetic characteristics]. 400 p. (In Russian)
- 18 Haydn J. *Werke für das Laufwerk (Flötenuhr) für Klavier zu zwei Händen* [To transfer works for the drive (Flute), for piano, two hands], transferred and for the first time published von Ernst Fritz Schmid. Nagel Verlag Kassel, 1953. 51 p. (In Germany)
- 19 Schmid E. F. *Ioseph Haydn und die Flötenuhr* [Ioseph Haydn and the flute], *Zeitschrift für Musikwissenschaft*, Leipzig, 1932, h. 4, pp. 193–221. (In Germany)

УДК 76.03

ББК 85.153(2) + 85.153(3)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. И. В. Мишачева

г. Москва, Россия

**МИР НАРОДНОЙ СКАЗКИ В КНИЖНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ
РУБЕЖА XIX–XX ВВ.: ГЕРОИ И ПЕЙЗАЖ.
ГЕРМАН ФОГЕЛЬ (ГЕРМАНИЯ) — ИВАН БИЛИБИН (РОССИЯ)**

Аннотация: В статье анализируются варианты интерпретации облика фольклорного героя и сказочного пейзажа в книжной графике «Золотого века». Иллюстрируя в 1892–1894 гг. «Детские и семейные сказки» из собрания братьев Grimm, немецкий мастер Герман Фогель опирался на наследие позднего романтизма и бидермайера. Иван Билибин в оформлении русских народных сказок из собрания А. Н. Афанасьева в 1901–1903 гг. органично сочетал стилистику модерна с образами и ритмами народного и древнерусского искусства. В обоих случаях узнаваемый авторский стиль органично продолжает национальную художественную традицию. Г. Фогель стремился к жанровой занимательности и нравованию, для И. Билибина важнее художественные образы пути «из обыденности в сказку»: тропа, уводящая героя из Дома в мир лесов и болот, граница между мирами (чаще всего обозначаемая диагональю ствола поваленного дерева). И в немецкой, и в русской иллюстрации волшебный пейзаж чаще всего подразумевает изображение Леса. Наполненная щебечущими птицами и мелкими зверьками уютная чаща Фогеля «выращивает» для заблудившихся героев лесные домики-укрытия. Помимо несколько поверхностной сентиментальности бидермайера и ориентации на детскую аудиторию, в этом ощущим отзвук представлений немецких романтиков об особой связи детской души и гармонической природы Эдема. Русский лес Билибина монументален и молчалив, грозен и прекрасен, и он ближе неадаптированной фольклорной картине мира.

Ключевые слова: «золотой век» книжной иллюстрации, Герман Фогель, Иван Билибин, герой народной сказки, сказочный пейзаж, лес как образ иномирья, русский лес, немецкий лес.

Информация об авторе: Ирина Валентиновна Мишачева — кандидат культурологии, доцент, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Институт славянской культуры, Хибинский пр., д. 6, 129337 г. Москва, Россия. E-mail: irinami2@mail.ru

Дата поступления статьи: 30.01.2018

Дата публикации: 15.06.2018

Для цитирования: Мишачева И. В. Мир народной сказки в книжной иллюстрации рубежа XIX–XX вв.: герои и пейзаж. Герман Фогель (Германия) – Иван Билибин (Россия) // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 280–290.

В XIX в. национальный фольклор стал значимой темой письменной городской культуры Европы, России и Америки. Древние мелодии сказок, созвучные образам народного искусства, перекладывались на язык европейского искусства Нового времени, в пространстве иллюстрированной печатной книги сопрягаясь со стиливыми формулами классицизма, романтизма, бидермайера, реализма и модерна. От чуткости художника зависела степень сближения миров, убедительность художественной реконструкции (на основе предельно скупых указаний текста [5, с. 143]) сказочного пейзажа, сохраняющего связь с архаической моделью Природы-универсума.

Рассматриваемые в статье сказочные сюиты Германа Фогеля (иллюстрации к «Детским и семейным сказкам» из собрания братьев Гримм, 1892–1894 гг.) и Ивана Билибина (иллюстрации к русским народным сказкам из собрания А. Н. Афанасьева, 1901–1903 гг.), хотя и разделены не более чем десятью годами, отражают два разных этапа в истории европейской иллюстрации: «эkleктичный» Фогель привержен принципам позднего романтизма и бидермайера, Билибин утверждает эстетику модерна.

Саксонский художник Герман Фогель (1854–1921), проучившись где-то около года в Дрезденской Академии художеств (1874–1875), предпочел путь самообразования, побывал в Италии и, начиная с 1878 г., успешно сотрудничал с лейпцигским издательством в качестве иллюстратора сказок и легенд [7, S. 482]. И сам Фогель, и историки искусства неоднократно отмечали ориентацию мастера на наследие классиков немецкой книжной графики середины XIX в., Людвига Рихтера и Мориса Швинда [7, S. 482; 8, S. 419], чье творчество неразрывно связано с идеалами бидермайера и романтизма. Л. Рихтер преподавал рисунок в Дрезденской академии, а графика М. Швинда, наряду с работами Г. Фогеля, продолжала активно печататься мюнхенским издательством «Браун и Шнайдер». П. М. Дульский с симпатией отзывался о рисунках Рихтера, овеянных «добродушием, сердечностью и уютом», хвалил Швинда за «сказочную фантастичность и тонкое поэтическое чутье» [3, с. 8–9]. Вышеперечисленное в той или иной степени свойственно и фогелевской графике. Карикатурно-юмористическая составляющая таланта художника пришла ко двору в еженедельнике «Летучие листки» («*Fliegenden Blätter*»). Помимо «Листков», в 1890-х гг. мюнхенское издательство «Браун и Шнайдер» активно печатало сказочную графику мастера: анализируемые в данной статье иллюстрации к выпускам «Детских и семейных сказок» братьев Гримм 1892–1894 гг.¹, «Лесные картинки» (18 репродукций в папке, выполненных по рисункам Фогеля в технике гелиогравюры) и, наконец, так называемый «Герман Фогель-Альбом»² с иллюстрациями и собственными стихотворениями автора [7, S. 482].

Творчеству Германа Фогеля, в том числе и его иллюстрациям к «Детским и семейным сказкам», на Западе было посвящено некоторое количество статей (см.: [9]), опубликовано монографическое исследование [11]. В то же время Хорст Кунце, «крупнейший в ГДР исследователь книжного искусства <...>, детской литературы и иллюстрации» [2, с. 91], не включил Фогеля в список ведущих немецких книжных графиков XIX–XX вв. [10]. В нашей стране иллюстрации Фогеля (Фогеля-Плауэна) воспроизво-

¹ *Kinder- und Hausmärchen / Gesammelt durch die Brüder Grimm. Ill. v. Herm(ann) Vogel. München, Braun und Schneider, 1894. 287 s.: Ill., 25 cm.; Kinder- und Hausmärchen / Gesammelt durch die Brüder Grimm. Ill. v. Herm(ann) Vogel. Braunschweig: Archiv-Verl., 2007. 287 s.: Ill. (Reprint der Orig.-Ausg. München, Braun und Schneider, 1894).*

² *Hermann Vogel — Album. München: Braun & Schneider, [1899–1908]. Bd. 1–4. Экземпляры первого и второго тома имеются в собрании Российской государственной библиотеки.*

дились многократно³, но у историков искусства особого интереса не вызывали. Отечественные исследователи не жаловали «мещанский» бидермайер и его поздние отголоски в искусстве рубежа столетий. А вот вклад И. Билибина высоко оценен историками и русской, и европейской детской иллюстрации [3, с. 41–45; 12, с. 352–353 и др.]. Серия книг русских народных сказок из собрания А. Н. Афанасьева с иллюстрациями И. Я. Билибина (1876–1942), изданных Экспедицией заготовления государственных бумаг в период 1901–1903 гг., считается ярким явлением русского национального стиля и примером утверждения эстетики модерна [1, с. 45–49].

Выполненные пером и тушью, кистью и акварелью, черно-белые либо многоцветные рисунки Фогеля к «Детским и домашним сказкам» братьев Grimm репродуцировались средствами торцовой гравюры на дереве, черно-белой и цветной (хромо-) литографии [8, S. 419]. Зачастую монохромные сценки выглядят интересней тяжеловесных, сентиментальных, перегруженных деталями многоцветных композиций «во всю страницу». В иллюстрациях И. Я. Билибина противоречия между авторским рисунком и его воспроизведением в печати сведены к минимуму: «...полная законченность контуров, условная расцветка ровным слоем акварели, хромо-литографическая передача, которая делает композицию еще более плоскостной; при переходе к цветной автотипии Билибин умел эту плоскостность сбросить как особое качество книжной графики» [6, с. 93].

Помимо очевидных различий между контурно-штриховыми (наиболее выразительными в черно-белом варианте) рисунками Г. Фогеля и многоцветными «витражными» композициями И. Билибина можно выделить и то, что их сближает.

- 1 Высокая графическая культура, характеризующая как рисунки авторов, так и печатные стандарты издательств — условие, необходимое для создания «красивой книги» Золотого века иллюстрации [1, с. 44; 2, с. 90].
- 2 Узнаваемый авторский стиль органично продолжает национальную художественную традицию. Подробное, линейно-штриховое вырисовывание деталей (дополняемых монограммой мастера Н.Ф. и датой) у Фогеля выглядит естественным продолжением «дюреровской» линии, а в цветонасыщенных и с чеканным контуром композициях Билибина очевидна связь не только с модерном, но и с эстетикой народного и древнерусского искусства.
- 3 Оформление книги не исчерпывается полностраничными или полуполосными сценами с изображениями героев на фоне пейзажа; ориентация на старинный (средневековый, раннеренессансный) идеал гармонического взаимодействия текста и изображения ощутима в активном использовании заставок, концовок, орнаментальных «рам» для текстов и изображений (Билибин), табличек или лент с текстом внутри сенок (Фогель).
- 4 Особая чуткость к теме сказочной, фольклорной природы.

При этом подходы к раскрытию «сказочной» сущности героя и окружающей его природы у И. Билибина и Г. Фогеля весьма различны.

³ К примеру: Сказки и легенды братьев Grimm / пер. А. А. Федорова-Давыдова; с 8 рис. в красках, 400 рис. в тексте; 2-е изд. В 2 т. М.: Типо-литография И. И. Пашкова, 1906. Т. 1. 623 с., Т. 2. 610 с.; *Гримм Я.* Сказки Деда-Всеведа. Семь народных немецких сказок из собрания братьев Grimm / с рис. Германа Фогеля. Берлин: А. Ф. Девриен, [192–?]. 62 с.: ил. Из современных изданий: *Гримм В., Гримм Я.* Сказки / пер. под ред. П. Н. Полевого; ил. Г. Фогеля и Дж. Груэлла. М.: Издательский Дом Мещерякова, 2011. 144 с.: ил., 8 цв. ил.; *Братья Гримм.* Бременские музыканты. Избранные сказки. СПб.: СЗКЭО, 2014. 128 с., ил.

Отсутствие яркой, доминантной для сцены в целом выразительности в облике главного героя у Билибина созвучно фольклорному миропониманию: герой волшебной сказки не нацелен изначально на совершение подвигов, не наделен необходимыми для этого сверхспособностями. Он — «всякий и каждый», на его место слушателю легко поставить самого себя. Билибинский герой редко прямо смотрит на зрителя-читателя, но становится его проводником в мир чудесного. Вместе с главным героем (нередко — из-за его спины) зритель вглядывается в дебри сказочного леса, вчитывается с Иваном-царевичем в пугающую надпись на камне и медлит на распутье, прячет эмоции, надеясь обмануть гневливого царя Кусмана (переживания, не описанные в тексте, можно домыслить, упиравшись взглядом в затылок главного героя)⁴. В других иллюстрациях зоры основных действующих лиц максимально сосредоточены на собеседнике, будь то лягушка, «старый старичок» или кто-то еще (потенциальные волшебные помощники: герой добр, храбр и стремится поступать по справедливости, но именно благодаря им он обретет счастье)⁵ или на чудесном явлении (Три Всадника Бабы Яги, Приморский город Финиста-Ясна-Сокола, увиденные Василисой и «красной девицей»)⁶.

В иллюстрациях Фогеля отождествление читателя с главным героем осуществляется иным методом. В мире европейской книжной культуры XIX в. основной адресат сказочного повествования — ребенок, и именно ему уподобляются взрослые (пусть и юные) герои. К примеру, младший сын из «Сказки о том, кто ходил страху учиться», согласно тексту, дорос до возможности жениться на принцессе. Но на иллюстрации Г. Фогеля в зале заколдованного замка в кегли с мертвецами азартно играет озорной мальчишка возраста Тома Сойера. Желая жениться на «красавице с картины» королевич (сказка «Верный Иоганн») миловидней, благонравней, лучше причесан, но... вряд ли старше. Укрывшиеся в лесу королевские сыновья («Двенадцать братьев»), если верить иллюстратору, ничуть не выросли, хотя их младшая сестра успела достичь возраста невесты и т. д. Вполне взрослыми выглядят лишь седобородые мудрецы, вроде воспитателя королевича Верного Иоганна, и женщины-матери. В облике королевы, погубленной ведьмой, но продолжающей чудесным образом являться к колыбели осиротевшего младенца («Братец и сестрица»), немало общих черт с царственной красотой Богоматери, взявшей на воспитание дочку бедного дровосека («Дитя Марии»).

Беззаботная ребячливость может доминировать и в характере второстепенных персонажей. Изображенные в виде коротышей с забавными рожицами, они оказываются сродни любимейшим персонажам графического театра Г. Фогеля — веселым бородастым гномам. Последние наследуют функции маргинальных фигур (дролери) на полях европейских средневековых кодексов. В неизменных колпаках, любители подвижных игр с участием лягушек, они проникают повсюду, становясь главными героями виньеток-концовок.

Для И. Я. Билибина «детскость» отнюдь не является неотъемлемым элементом «сказочного». Она тает под сенью вековой чашебы, под гнетом злого колдовства, когда юные герои пересекают границу миров: и Аленушкин братец, и дети Белой Уточки ведут себя со степенностью взрослых персонажей — одинокие фигурки перед лицом

⁴ Сказка об Иван-царевиче, Жар-птице и о сером волке / рис. И. Я. Билибина. СПб.: Изд. Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1901. 12 с.: ил.

⁵ Царевна-лягушка / рис. И. Я. Билибина. СПб.: Изд. Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1901. 12 с.: ил.

⁶ Василиса Прекрасная / рис. И. Я. Билибина. СПб.: Изд. Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1902. 12 с.: ил.; Пырьшко Финиста Ясна-Сокола / рис. И. Я. Билибина. СПб.: Изд. Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1902. 12 с.: ил.

прекрасного и грозного мира⁷. Область комического у Билибина уже, чем у Фогеля. Шаржированное прочтение облика престарелого царя и дородных бояр мотивировано не столько текстом, сколько либерально-революционными умонастроениями в русском обществе рубежа веков.

Момент сближения/отождествления читателя со сказочным героем контрастно оттенен приемами, позволяющими «увести» нас из мира повседневной обыденности. Для И. Я. Билибина «в некотором царстве, в некотором государстве» оказывается фактически равнозначно Московской Руси XVII столетия. Героев облачают в кольчуги и островерхие шлемы, порты и алые сафьяновые сапожки, расшитые золотом и жемчужом кафтаны, в боярские шубы на меху. Героинь — в нарядные сарафаны, душегрейки, венцы и кокошники или в простые рубахи и передники с традиционной вышивкой. В иллюстрациях И. Я. Билибина Древняя Русь сливается с Русью крестьянской и сказочной. Герои Фогеля облачены в куртки, шляпы с загнутыми вверх полями, чулки и башмаки; у женщин — рубахи с пышным недлинным рукавом, юбки, передники и платки; традиционный крестьянский костюм Германии ближе к современной ему городской моде. Именно на нее ориентируются сказочные щеголихи: когда Фогелю нужно противопоставить трудолюбивую сироту мачехиной дочке-лентяйке («Три человечка в лесу»), последняя изображается... в боа и в немыслимой шляпке с искусственной птичкой на полях.

Традиционный русский костюм, его колорит, узоры вышивок напрямую связаны с произведениями других видов народного искусства, и это обеспечивает неповторимую цельность «картины мира» билибинской сказочной сюиты. Ударился сокол об пол и обратился добрым молодцем («Марья Моревна»)⁸. Хоть он и волшебное существо, но миру главного героя не чужд: на воротнике кафтана вышита розетка наподобие той, что украшает наличник царского теремного покоя. На синих изразцах теремной печи мотив цветов и птиц удваивается, плюс дополнительная парочка птах присматривается к цветку-узору в верхних углах бордюрной рамы иллюстрации.

В «Василисе Прекрасной» вышивка на переднике (птицы по сторонам от Древа) играет роль дополнительного оберега для главной героини, переступающей границу между миром людей и сказочных существ. Наряд же упомянутой выше сироты из сказки «Три человечка в лесу» в иллюстрациях Г. Фогеля фольклорной информации в себе не несет. Впрочем, без древних образов Природы-космоса добросовестному и чуткому иллюстратору сказочных текстов не обойтись. Симметричные узоры с мировым Древом и стражами-адорантами, Древом в виде цветка, обрамленного парой бутонов проникают и в фогелевские иллюстрации — благодаря стойкой приверженности романтиков к образам рыцарского Средневековья. Народной традиции предпочли культуру аристократическую: над Королем-лягушонком, пирующим в замке испуганной королевы, в виде герба парит цветок водяной лилии, обрамленный двумя бутонами. Из водяных лилий сплетен и меандровый узор кружевной скатерти; в нем роль «стражей» Древа-цветка играют рыба и рак.

Важную роль природные мотивы играют в начальной и завершающей сказку иллюстрациях. У Фогеля они имеют форму виньетки (без прямоугольных границ), причем «открывающая» композиция может включать в себя заголовок и располагаться

⁷ Сестрица Аленушка и братец Иванушка. Белая утка / рис. И. Я. Билибина. СПб.: Изд. Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1903. 12 с.: ил.

⁸ Марья Моревна / рис. И. Я. Билибина. СПб.: Изд. Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1903. 12 с.: ил.

«уголком», напоминая о средневековом «историзованном» инициале. И. Я. Билибин ориентируется на тип византийской и древнерусской орнаментальной горизонтальной прямоугольной заставки, во всю ширину страничного текста. При этом в центр заполненного растительными узорами прямоугольника художник помещает «картинку», связанную с текстом, преобразуя поля заставки в подобие наличника. Концовки у обоих мастеров чуть скромнее по размеру и не всегда повествовательны.

Содержательная и стилистическая концепция заставки/концовки у русского и немецкого графиков весьма несхожи: бидермайеровский «неосентиментализм» контрастен русской тяге к глубине и драматичности.

Заставка — своего рода «ворота» в сказку, интригующая иллюстрация, создающая определенное настроение. Ее сюжетом в немецком издании становится та или иная занимательная сценка, далеко не всегда совпадающая с началом сказочного повествования. Яркий пример — изображение пира с участием короля, королевы и Лягушонка, предваряющее иллюстративный рассказ об их знакомстве. В других случаях предпочтение все же отдается начальному эпизоду (Гензель, тайком выбравшись из дома, собирает камешки). Драматическая нота в заставках Г. Фогеля — большая редкость.

Если Г. Фогель выбирает один из кульминационных либо визуально выразительных моментов и демонстрирует недюжинный талант рассказчика, то для И. Билибина, думается, важнее показать начало пути «из обыденности в сказку»: в мир вторгается некое волшебное существо и (или) герой пересекает границу между миром людей и иномирьем. Композиции «герой в пейзаже» оказываются многозначительней жанровых сцен Фогеля, образно интерпретируя структурно значимые образы дороги, «границы миров», лесного «инобытия» [4, с. 140, 150–151]. Царские сыновья только-только натянули тетиву луков («Царевна-Лягушка»), но уже нарисована тропа, что уведет героя из Дома в мир лесов и болот. Покидая берег с садом и теремом, плывет в сторону лесного пригорка с поганками и мухоморами «Белая утка». Использует И. Я. Билибин и другой прием, заранее готовя читателя-зрителя к встрече с волшебным миром. Проносится над ночным лесом черный силуэт Бабы Яги в ступе («Василиса Прекрасная»), а «Перышко Финиста-Ясна-Сокола» начинается с изображения стремительного полета птиц над изгибом реки: прежде чем героиня отправится в путь-дорогу, волшебный мир в лице таинственного Финиста-Ясна-Сокола уже проложил воздушный маршрут в мир людей.

Концовку И. Билибин редко использует для «доигрывания» сюжета. Актуальней природные ассоциации: плавающие в темной воде белые лилии и желтые кувшинки напоминают о лесной родословной Царевны-лягушки. Вместо «стали жить-поживать, да добра наживать» — меланхолические сине-сиреневые сумерки, одинокая береза и луна, отражающаяся в реке («Марья Моревна»). Или дорога, бегущая между кромкой поля и плетнем, уходящая к самому горизонту, навстречу прозрачным струям дождя («Сестрица Аленушка и братец Иванушка»). Мажорный аккорд для концовки не обязателен, волшебная сказка «по Билибину» может быть таинственной и пугающей: Серый Волк черной тенью с горящими точками глаз мчится по синеватой мгле ночного леса. А сказку о Белой Уточке завершает сценка с рассевшимися на ветвях дуба воронами с человеческими косточками (!) в клювах, иллюстрирующая фразу о казни ведьмы-детоубийцы.

Последнее сопоставимо с фогелевской финальной виньеткой к сказке «Двенадцать братьев»: мачеху, губительницу детей, посадили в бочку с кипящим маслом и змеями. Но Г. Фогель сознательно прибегает к комическому «снижению». Суровое нака-

зание обыгрывается в духе злой шутки: любопытные гном с вороной суется вокруг бочки, из которой вырывается струйка пара. Торжество добродетели у Фогеля нередко оттенено осмеиванием злодеев. В «Госпоже Метелице» на голову ленивице обезьянки опрокидывают чан смолы, в сказке «Волк и семеро козлят» козье семейство танцует на краю волчьей ямы. В других концовках доминируют комическое либо трогательное (гном склоняет колени перед камнем на могиле матери Замарашки). В целом концовки немецкого мастера ближе к понятию «хэппи энд». Художник любит показать героев довольными и умиротворенными, и улыбающаяся Красная Шапочка смело шагает по лесной дороге, уже на опасаясь волчьей засады.

Образ Леса значим и для немецкой, и для русской культуры. Его изображения и у Г. Фогеля, и у И. Билибина — нечто большее, чем просто пейзажный мотив, место действия или даже обозначение сказочного «иномирья». Русский лес И. Я. Билибин изображает проникновенно, реалистично, разнообразно. Зрителя очаровывает и светлое болотце с чахлыми березками, и бархатистый сумрак ельника, тонущие в траве пеньки, заросли папоротника и Иван-чая, мшистые поляны с нарядными (хотя и ядовитыми) грибами. Но лес может быть мрачен и опасен, особенно если злонравен его волшебный «Хозяин». Владелица избушки, огороженной забором из человеческих костей, — гадкая длиннорукая старуха, и место обитания нечисти, нежити оказывается окружено «порченой» природой: высохшие и с поломанными ветвями деревья, погибая поросль молодых елочек и березок, мухоморы вместо цветов («Василиса Прекрасная»). Если же Яга не кровожадна, приветливой выглядит и лесная поляна с избушкой на курьих ножках («Перышко Финиста-Ясна-Сокола»).

Неизменное качество леса у Билибина — монументальность. Стволы и кроны деревьев мощно уходят вверх, сплетаются в нерушимую разноцветную стену. Кустики ягод, цветы при таком подходе обобщаются почти до узора, до ярких брызг на однотонной поверхности травяной или мшистой поляны. Правда, элементы лесного «микроскопа» могут быть увеличены и вынесены на поля орнаментальной рамы (к примеру, белый клевер и Иван-да-Марья в рамке композиции с Красным всадником к сказке «Василиса Прекрасная»). Особенно уместен подобный прием, когда один из главных героев и сам невелик ростом (незабудки и жуки на ветке на полях рамы, обрамляющей сцену встречи Ивана-царевича и Лягушки). И все же лес остается скорее величественным, нежели приветливым. Он выглядит труднопроходимым, хотя в нужный момент и разомкнет ряды деревьев, пропуская героя в «тридевятое царство».

Леса И. Я. Билибина молчаливы; разве что грозное карканье воронов может нарушить торжественную тишину. А в сказочных лесах Г. Фогеля щебечут певчие птицы, квакают лягушки, мягко цокают копытами олени. Особенно много умильной суеты рядом с забредшими в лес детьми. Заночевавшие в лесу Гензель и Гретель притулились в своеобразном «гнездышке» между корней дерева и зарослями папоротника; филин, устроившийся на сухой ветке над их головами, больше похож на доброго стража, чем на грозного ночного хищника. Утку, согласившуюся перевезти Гензеля через озеро, Г. Фогель ухитрился показать улыбающейся (!), тогда как Серый Волк из русской сказки пусть и добр к герою, но весьма грозен на вид. Гретель, ожидающая своей очереди быть перевезенной (из мира леса в мир людей), показана сидящей на пенке. Можно предположить, что и до этой (волшебной) части леса добрался отец геров — дровосек. В билибинском лесу срубленных деревьев не наблюдается — лишь поломанные ветром.

Лесные цветы в рассматриваемых иллюстрациях И. Билибина ни разу не были сорваны, не сплетались в венки. Героини Г. Фогеля, напротив, любят собирать букеты.

Конечно, фольклорный лес Германии тоже непрост: сорванные девушкой двенадцать белых лилий означают превращение ее братьев в воронов, а «славные цветочки», на которые Волк указывает Красной Шапочке, не более чем повод сманить девочку с безопасной дороги. Но все-таки в завершающей сказку виньетке Красная Шапочка шагает домой с букетом в руках!

Заодно с травами, цветами и деревьями немецкая бидермайеровская чаща «выращивает» маленькие лесные домики, один уютней другого. С большой любовью Фогель изображает убежище, укrywшее от злого мира двенадцать братьев из одноименной сказки. К хижине, крытой соломой, ведет крутая лесенка, обрамленная поросшими мхом каменными глыбами, листьями папоротника и отчетливо «самодельными» деревянными перилами. Сооружение рукотворно и одновременно выглядит таким же порождением леса, как расположенное рядом толстое корявое дерево. Внутри похожего дерева-великана обретет приют героиня, неосторожно сорвавшая заколдованные лилии. Для спасения родных девушка должна претерпеть определенные тяготы, она не смеет ни с кем разговаривать; зато ей составляют компанию певчие птицы и белочка.

Лес И. Билибина ближе к неадаптированной, подлинно фольклорной картине мира: лес — кормилец, но он не принадлежит человеку, человек в нем — гость. Красота творения славит Творца, но в глубинах билибинской архаической чащи не мыслим аналог христианских лесных часовен Фогеля. Православные храмы здесь — сердца селений, стражи погостов; «маяки» обитаемых, отвоеванных у Леса пространств.

Граница мира Дома и волшебного (отчасти языческого) иномирья Леса в иллюстрациях Билибина нередко обозначается диагональю ствола поваленного дерева. Через эту преграду перелетает Иван-царевич, переступить через упавший древесный ствол предстоит Красной Девиге; символизирующий Ночь Черный всадник («Василиса Прекрасная») изображен переступающим бревнышко-границу, т. е. как бы покидающим собственный лесной мир идвигающимся навстречу зрителю. Неожиданное, в контексте эпической манеры художника, эмоциональное поведение изображенных на раме сиринов можно попытаться объяснить именно реакцией на угрозу пересечения Границы — Всадником или Василисой; вряд ли волшебные существа до такой степени смущены одним лишь видом своего «собрата».

Помимо монументальной величавости, тишины, нетронутой «дикой» природной красоты в великом и малом, важной характеристикой билибинских пейзажей остается их широкая пространственность. Она особенно ощутима в дальних планах цветных иллюстраций и в графической вязи линейных монохромных ландшафтов внутри прямоугольных рамок, обрамляющих страничный текст. В этих фрагментах грандиозной рисованной карты Древней (сказочной) Руси крестьянские и городские поселения, соединенные паутинкой троп, — всего лишь островки в море девственного леса. Немецкий лес Фогеля выглядит гораздо более обжитым и уютным, безопасным для героя. Впрочем, истоки лесной поэтики Г. Фогеля (она утешительней, но в чем-то и элементарней билибинской) не обязательно сводить к бидермайеровской сентиментальности и ориентации на детскую аудиторию. В ней угадывается отзвук представлений немецких романтиков об особой связи детской души и гармонической природы Эдема [2, с. 482].

В сказочной иллюстрации рубежа веков многое заслуживает пристального изучения: варианты образной интерпретации «книжным» мышлением мышления архаического, исторические аспекты постижения феномена фольклора и их преломление в творческом мышлении современников, способы художественного осмысления осо-

бенности национальной природы и культуры (в границах стилей и с выходом за их пределы). Думается, что метод контрастного сопоставления двух столь различных манер, как у Г. Фогеля и И. Билибина, позволяет четче охарактеризовать не только отдельные грани индивидуального понимания темы, но и некоторые особенности вариантов национального восприятия и фольклора, и мира в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Иван Яковлевич Билибин (1876–1942): альбом / авт.-сост. Т. Ф. Верижникова. СПб.: Аврора, 2011. 175 с.
- 2 Детская книга вчера и сегодня: По материалам зарубежной печати / сост. Э. З. Ганкина. М.: Книга, 1988. 311 с.
- 3 Дульский П., Мексин Я. Иллюстрация в детской книге. Казань: [б. и.], 1925. 149 с.
- 4 Мишачева И. В. Слово для леса и мира — одно. Волшебный пейзаж в европейской графике конца XIX — начала XX века // Эпоха символизма: встреча литературы и искусства / сост. М. А. Ариас-Вихель, К. Л. Лукичева, И. Е. Светлов. М.: Азбуковник, 2016. С. 138–155.
- 5 Пронн В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. 512 с.
- 6 Сидоров А. А. Русская графика начала XX века. Очерки истории и теории. М.: Искусство, 1969. 251 с.
- 7 Allgemeines Lexikon der bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart. Leipzig: Seemann, 1940. Bd. 34: Urliens — Vzal. 590 s.
- 8 Die Bilderwelt im Kinderbuch: Kinder und Jugendbücher aus fünf Jahrhunderten: katalog zur Ausstellung der Kunst- und Museumsbibliothek und des Rheinischen Bildarchivs der Stadt Köln. Köln: Greven & Bechtold, 1988. 539 p.
- 9 Bochow F. Vogel (Vogel-Plauen) Hermann // Sächsische Biografie. Geschichte und Volkskunde (Hrsg.), bearb. von Martina Schattkowsky. URL: [http://saebi.isgv.de/biografie/Hermann_Vogel_\(1854-1921\)](http://saebi.isgv.de/biografie/Hermann_Vogel_(1854-1921)) (дата обращения: 09.11.2017).
- 10 Kunze H. Schatzbehälter. Vom Besten aus der älteren deutschen Kinderliteratur. Berlin: Der Kinderbuchverlag, 1976. 447 s.
- 11 Tanner F. Über den vogtländischen Malerpoeten Hermann Vogel und seine Künstlerklausur in Krebs. Berlin: Projektgruppe M, 2005. 81 s.
- 12 Tatar M. The Annotated Classic Fairy Tales. NY., London: W.W. Norton & Company, 2002. 449 p.

© 2018. Irina V. Mishacheva
Moscow, Russia

WORLD OF THE FOLK TALES IN BOOK ILLUSTRATIONS OF THE TURN OF THE 20TH CENTURY: CHARACTERS AND LANDSCAPE. HERMANN VOGEL (GERMANY) — IVAN BILIBIN (RUSSIA)

Abstract: The article analyses variants of interpretation of the image of folk hero and fairy tale landscapes in book illustrations of the Golden Age. When illustrating Children's and Household Tales from the Brothers Grimm's collection in 1892–1894,

the German master Hermann Vogel drew from the heritage of late romanticism and the Biedermeier. In his illustrations for Russian folk tales from A. N. Afanasiev's collection in 1901–1903, Ivan Bilibin managed to seamlessly combine the Art Nouveau stylistics with the images and rhythms of folk and Old Russian Art. In both cases distinctive author's style naturally pursues the national artistic tradition. H. Vogel tended towards providing genre entertainment and moral, while I. Bilibin focused more on the artistic image of the path from the day-to-day life to a fairy tale: the path, that leads a hero from his house to the world of forests and swamps, the edge of the worlds (which is most often designated with a diagonal of a fallen tree trunk). Both in German and Russian illustrations, fairy landscapes most often feature the images of a Forest. Vogel's cozy mid-wood full of singing birds and tiny animals seems to provide shelters for lost heroes. In addition to certain superficial sentimentality of the Biedermeier and orientation on children's audience, there is a hint of German romanticists' belief in a special connection of children's souls and the harmonious nature of the Eden. Bilibin's Russian forest is monumental and silent, formidable and splendid, and is closer to the unadapted folk worldview.

Keywords: the “Golden age” of book illustration, Hermann Vogel, Ivan Bilibin, the hero of the folk tale, the forest as the image of the other world, Russian forest, German forest.

Information about the author: Irina V. Mishacheva — PhD in Culturology, Associate Professor, A. N. Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art), Institute of Slavic Culture, Khibinskiy pr., 6, 129337 Moscow, Russia. E-mail: irinami2@mail.ru

Received: January 29, 2018

Date of publication: June 15, 2018

For citation: Mishacheva I. V. World of the folk tales in book illustrations at the turn of the XX c.: characters and landscape. Hermann Vogel (Germany) – Ivan Bilibin (Russia). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 48, pp. 280–290. (In Russian)

REFERENCES

- 1 *Ivan Iakovlevich Bilibin (1876–1942): album* [Ivan Ja. Bilibin (1876–1942): album], composed by T. F. Verizhnikova. St. Petersburg, Aurora Publ., 2011. 175 p. (In Russian)
- 2 *Detskaia kniga vchera i segodnia: Po materialam zarubezhnoi pechati* [Children's book yesterday and today: basing on materials of the foreign press], composed by E. Z. Gankina. Moscow, Kniga Publ., 1988. 311 p. (In Russian)
- 3 Dul'skii P., Meksin Ia. *Illustratsia v detskoj knige* [Illustration in children's book]. Kazan, 1925. 149 p. (In Russian)
- 4 Mishacheva I. V. Slovo dlia lesa i mira odno. Volshebnyi peizazh v evropeiskoi graphike kontsa XIX – nachala XX veka [The word for the forest and for the world is the same: The magic landscape in the European Graphics of the late 19th – early 20th century]. *The era of symbolism: the meeting of literature and art* [The era of symbolism: the meeting of art and literature], composed by M. A. Arias-Vihel', K. L. Lukicheva, I. E. Svetlov. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016, pp. 138–155. (In Russian)
- 5 Propp V. Ia. *Morfologia volshebnoi skazki. Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [The morphology of the fairy tale. The historical roots of the fairy tale]. Moscow, Labirint Publ., 1998. 512 p. (In Russian)
- 6 Sidorov A. A. *Russkaia grafika nachala XX veka. Ocherki istorii i teorii* [Russian graphics of the beginning of XX century. Essays on history and theory]. Moscow, Iskustvo Publ., 1969. 251 p. (In Russian)

- 7 *Allgemeines Lexikon der bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart* [General lexicon of visual artists from antiquity to the present]. Leipzig, Seemann Publ., 1940. Bd. 34: Urliens — Vzal. 590 p. (In German)
- 8 *Die Bilderwelt im Kinderbuch: Kinder und Jugendbücher aus fünf Jahrhunderten: katalog zur Ausstellung der Kunst- und Museumsbibliothek und des Rheinischen Bildarchivs der Stadt Köln* [The world of images in children's book: catalogue for the exhibition]. Köln, Greven & Bechtold Publ., 1988. 539 p. (In German)
- 9 Bochow F. Vogel (Vogel-Plauen) Hermann. *Sächsische Biografie. Geschichte und Volkskunde* [Saxon Biography. History and folklore]. Available at: [http://saebi.isgv.de/biografie/Hermann_Vogel_\(1854-1921\)](http://saebi.isgv.de/biografie/Hermann_Vogel_(1854-1921)) (accessed 09 November 2017). (In German)
- 10 Kunze H. *Schatzbehälter. Vom Besten aus der älteren deutschen Kinderliteratur* [Treasure container. The Best of the older German children's literature]. Berlin, Der Kinderbuchverlag Publ., 1976. 447 p. (In German)
- 11 Tanner F. *Über den vogtländischen Malerpoeten Hermann Vogel und seine Künstlerklausur in Krebes* [About the Vogtland poetics of art of Hermann Vogel and his secluded workshop in Krebes]. Berlin, Projektgruppe M Publ., 2005. 81 p. (In German)
- 12 Tatar M. *The Annotated Classic Fairy Tales*. New York, London, W. W. Norton & Company Publ., 2002. 449 p. (In English)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. **Е. В. Поздняков**
Москва, Россия

© 2018 г. **Д. Ю. Позднякова**
Москва, Россия

ОБ ИКОНОСТАСАХ В ПРОСТРАНСТВЕ ХРАМА КЛИМЕНТА ПАПЫ РИМСКОГО 70-Х ГГ. XVIII В. И ИХ СЮЖЕТАХ

Аннотация: В статье рассматриваются композиционные схемы и сюжеты иконостасов храма Климента папы римского на Пятницкой улице в Москве. Этот храм, сохранившийся во времена разрушения и преобразования Москвы, в настоящее время доступен к обозрению и может служить образцом для создания архитектурных композиций в реконструкциях памятников середины XVIII в. эпохи барокко. Пространство христианского храма сакральное, все его составляющие имеют смысловое, символическое значение. Тем более представляется ценным памятник культуры, сохранивший основной первоначальный замысел, не только художественный — здесь искусство выступает как средство выражения, но и богословский, архитектора, относящегося ко времени правления Императрицы Елизаветы Петровны. Авторы статьи анализируют пути богословского, мистического влияния на построение архитектурного пространства, построение иерархии образов и сюжетов икон и архитектурных элементов, призванных подчеркнуть общую целостность восприятия при отдельной самоценности каждого элемента композиции, вплоть до его технического воплощения. Многие приемы, использованные на данном памятнике, уникальны как по сложности, так и по новаторству исполнения, они не имеют себе равных, этот аспект подчеркивает тот факт, что христианское искусство, при сохранении традиций, остается живой и развивающейся структурой, обогащаемой формами и символами на протяжении многих веков. Данный ракурс позволяет наиболее точно передать и воспринять Храм Климента папы римского в Замоскворечье как уникальный, сохранившийся ансамбль христианской культуры.

Ключевые слова: Москва, XVIII в., барокко, рококо, Храм Климента папы римского, иконостасы барокко.

Информация об авторах:

Евгений Владимирович Поздняков — инженер-реставратор архитектурного наследия, культуролог, художник-реставратор, член Творческого союза художников России, г. Москва, Россия. E-mail: peijer2012@yandex.ru

Дина Юрьевна Позднякова — культуролог, журналист, член СЖР и IFJ, художник, член Творческого союза художников России, г. Москва, Россия. E-mail: d.tardi@yandex.ru

Дата отправки статьи: 26.07.2017

Дата публикации: 15.06.2018

Для цитирования: Поздняков Е. В., Позднякова Д. Ю. Об иконостасах храма Климента папы римского на Пятницкой в Москве 70-х гг. XVIII в. и их сюжетах // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 291–301.

Центральный иконостас Климентовского храма представляет собой сложное сооружение, которое нельзя охватить взглядом одновременно целиком. Он требует подхода ближе или дальше, отхождения в сторону влево или вправо. Таким образом, к восприятию архитектурной декоративной формы добавляются компоненты протяженности созерцания во времени, зависящие от изменения нахождения в пространстве.

Входов в центральный придел три, и каждый портал входа несет в себе свои нюансы восприятия, кроме того, есть два исхода: спуски с лестниц, которые ведут к хорам и к галереям приделов второго этажа.

Северная дверь храма позволяет попасть в храм с Климентовского переулка, расположенного перпендикуляром между Пятницкой улицей и Ордынкой. Просторные окна хорошо освещают придел, и свет, проходя по мерцающим золотым завиткам иконостаса, постепенно переходит в таинственный полумрак центрального объема храма. Придел низкий, его свод служит основанием для верхнего этажа. Пройдя прямо под этим сводом, внезапно оказываешься в высоком пространстве, которое нельзя обозреть, просто смотря перед собой, но лишь запрокинув голову ввысь. В центральном иконостасе собралась высота, и вместе с иконостасами пилонов и боковых приделов ширина, а вместе с иконостасами второго яруса и киотами первого все вместе составляет ансамбль стиля барокко в его элегантной модификации рококо.

Западный вход ведет из трапезной. Сначала бросается в глаза ограничение пространства. Виден фрагмент иконостаса, ограниченный сверху хорами, а с боков — пилонами и киотами при них. При продолжении движения постепенно открывается многоступенчатость центрального иконостаса, затем из какой-то средней точки просматривается весь замысел неизвестного архитектора XVIII в.¹

Со второго этажа иконостас и внутреннее пространство храма предстают окутанными воздушной дымкой, сотканной из солнечных лучей. Центральный объем представляется неким колодцем, иконостасные ангелы приближаются вплотную, и можно рассмотреть те ярусы, которые снизу представлялись недостижимыми.

Прозревая мысль архитектора в тот момент, когда он проектировал иконостасы, можно представить, как в XVIII в. в пустом, пахнущим новизной и штукатуркой храме маленький человек вышел на середину. Он запрокинул голову назад, посмотрел ввысь и изрек: «Вот самая высокая высота. Здесь будет Господь Саваоф», — и сделал так.

Архитектор не мог долго стоять с запрокинутой головой, для большего равновесия он широко поставил ноги и широко воздел кверху обе руки, сказав так: «На всю высоту пусть будет центральный иконостас, *Преображенский*. Куда стремится моя правая рука, пусть там будет иконостас *Вознесения*. Куда стремится моя левая рука, пусть там будет иконостас *Рождества Богородицы*. Где твердо стоит моя правая нога, пусть там будет *Никольский* иконостас. Где твердо стоит моя левая нога, пусть там будет *Знаменский* иконостас. Пусть будет небесная космогония и земная», — и сделал так.

Рука итальянца строила купол, разделяя его расходящимися ребрами и врезая в каждый образовавшийся сегмент по окну, барабан украшая пилястрами с чередова-

¹ Сравнение стилистики иконостасов храма Климента с иконостасами стиля барокко в храмах Санкт-Петербурга см.: [3].

нием окон, а под окнами протягивая пояс, украшенный морскими-небесными раковинами, свисающими гирляндами и парящими завитками.

Центральный иконостас можно описывать снизу вверх, как восхождение, можно описывать с севера на юг, как протяженность, можно описывать от верха книзу, как нисхождение небесное к нам, предстоящим людям. В высоту иконостас имеет три архитектурных яруса. Высота каждого яруса обусловлена или высотой колонны с коринфской капителью, стоящей на постаменте, или пилястрой с ангелом-кариатидой, держащими вынос раскрепованного карниза. Тело иконостаса создано наборными рамами для обрамления икон, сюжетам которых посвящена статья.

Центральный алтарь храма Климента папы римского посвящен празднику Преображения Господня, поэтому весь храм именуется Преображенским, а Климентовским храм называется по имени чтимого святого, алтарь которого находился в правом пределе трапезной храма и был несколько лет назад заново возведен не без участия авторов статьи и известен больше под именем Климентовского. Храм был освящен в 1770 г., иконостасы современны храму. Большинство икон относятся к этому времени, некоторые из них находятся под записью конца XIX – начала XX в.

Навершие

Как уже упоминалось, венчает иконостас икона «*Господь Саваоф*», который изображен как седовласый мощный старец с треугольным нимбом. Это не совсем икона в обычном представлении, нет ни ковчега, ни полей. Сама фигура вырезана по контуру, подобно усадебным фигурам XVIII в., и наложена на резное сияние лучей славы, в которых поворачивают свои золотые головки путти-херувимы, а позади полукругом клубится небесное облако.

Верхний ярус

Нисходя от Господа Саваофа, иконостас расширяется, образуя мощный портал, служащий обрамлением для иконы «*Коронование Богородицы*». По центру коленопреклоненная Дева Мария, немного выше — Христос в виде человека средних лет и Саваоф в виде старца держат над головой Марии венец, над всей сценой реет Святой Дух в виде голубя. У Христа в правой руке мощный крест, фрагментарный и уходящий под раму сцены. Сама икона имеет тоже не прямоугольную форму, вверху имея вид нескольких восходящих арок, венчаемых херувимом. Этот ярус (третий от низа в высоту четыре деревянных скульптуры ангелов. Две крылатые полуфигуры ангелов, наподобие кариатид, поддерживают мощный карниз, другие две полные, крепкие фигуры ангелов сидят на архитектурных пьедесталах, в полуоборотах к центру, указывая рукой на икону «*Коронования Богородицы*». Позади ангелов, под прямым углом к стене, на карнизе установлены два картуша с евангельскими сценами².

Средний ярус

Следующий *нисходящий ярус* (второй ярус от солей, также второй и сверху) расширяется, заполняя ширину всего пролета, это второй или средний ярус трехъярусного иконостаса. За счет архитектурных изломов плоскостей возникают дополнительные грани, и иконостас имеет больше икон, чем мог бы вместить при плане прямом. Грани иконостаса образуют два элегантных боковых ризалита, а карниз в середине разомкнут. Сочетание архитектурных плоскостей и объемов ритмично организовано и создает пространство, обладающее одновременно качествами и простоты и сложности.

Центральная икона этого яруса — большая икона «*Воскресения Христова*» или

² Сюжеты: «Иисус Христос среди учителей иудейских» и «Иисус Христос среди учеников» [2].

«Восстания от гроба», фланкированная двумя золотыми коринфскими колоннами на пьедесталах. Христос изображен воспаряющий в воскресении, погребальная одежда развивается летящими складками. Ангел отодвигает крышку гроба, а внизу четыре воина, один из которых спит, двое полулежат, из которых один поднял над собой горизонтально копьё. Четвертый воин встал и делает выпад вперед, протягивая руку, в левой руке у него меч.

Над иконой пасхального Воскресения, в месте разомкнутости карниза, в барочном картуше находится икона «Образ Спаса Нерукотворного». Ангел двумя руками держит плат Вероники, на котором запечатлен лик Христа.

В этом ярусе иконостаса насчитывается 11 плоскостей *вертикальных* членений, по четыре принадлежащих двум боковым ризалитам, одна центральная с иконой Воскресения и две образованные благодаря добавленным боковым выносам на пилоны до арок балконов.

Центральная плоскость (1)³ продолжается позади колонн и состыковывается углом под 45 градусов с угловыми филенками (2 и 3). Каждая их этих филенок второй стороной стыкуется под тупым углом с филенкой, служащей рамой для икон, образуя выступ вперед (4 и 5). С ней под углом в 45 градусов стыкуется плоскость, на которой есть и пилястра и рама для икон, эта филенка одним своим краем вплотную примыкает к стене (6 и 7) и соединяется еще с одной плоскостью, примыкающей к стене задней частью (8 и 9).

Далее, к этой плоскости, углом, примыкают части, вынесенные на фронтальную сторону пилонов (10 и 11); эти части не имеют общего карниза, с другими частями, а перекликаются и связываются с ними размером своих икон. Это были членения по горизонтали.

Во время реставрационных работ, когда была снята ткань, драпировавшая заднюю часть иконостаса, со стороны алтаря можно было видеть принцип конструкции иконостаса. Иконостас, выглядящий снаружи как гигантское цельное сооружение, собран из довольно небольших элементов. Рамы для икон установлены гармошкой по типу ширмы, имеют ребра жесткости в местах стыков плоскостей и не требуют дополнительных усилений балками, отчего конструкция получается легкой⁴.

По горизонтали средний ярус центрального иконостаса вмещает три ряда икон, из них верхние два ряда (средний и верхний) соотносятся с высотой колонн, а нижний ряд определяется пьедесталом колонн.

Нижние иконы уровня пьедестала все имеют прямоугольную форму, тяготеющую к квадрату, кроме средней иконы, находящейся под иконой «Воскресения», это сюжет «Гостеприимство Авраама», или «Ветхозаветная Троица». Авраам принимает трех путников-ангелов, подавая им угощение, он ставит блюдо на покрытый белой скатертью стол. Сарра выглядывает из дверного проема дома, слева, а справа стоит дающий тень Мамврийский дуб. Кроме этой иконы в ряду еще шесть икон с сюжетами праздников.

Над ними иконы следующего ряда, который можно назвать «апостольским», на некоторых из них изображены по два апостола в полный рост. Справа от «Воскресения» апостолы *Иаков и Павел*, слева апостолы *Андрей и Петр*. Пропорции этих икон тяготеют к пропорции два квадрата в высоту и имеют арочные завершения с плечиками.

³ Цифрами условно помечены плоскости.

⁴ Об этих конструкциях более подробно написано в: [4].

Помимо центральной, более крупной, иконы «Воскресения», в этом ряду также шесть икон.

Над этими иконами — третий, верхний ряд, примерно на уровне капителей колонн. Эти иконы имеют одну с иконами среднего ряда раму — обрамление, одинаковую с иконами нижних рядов ширину, но меньше их счет высоты. Прямоугольных икон с арочным выгнутым основанием всего четыре, с сюжетами праздников, и на пилонах два картуша⁵.

В этом ярусе одна основная ось симметрии и две дополнительные, проходящие через боковые ризалиты по центру икон. Эта симметрия касается нижних частей пьедесталов, фланкирующих филенку с иконой по центру. Слева это икона «Успения Божией Матери», справа «Вход Господень в Иерусалим». На самих пьедесталах, ближе к центру установлено по колонне, ближе к периферии — по скульптуре ангела с каждой стороны. Две золотые скульптуры ангелов этого яруса стоят в полный рост, с динамично развернутыми крыльями, у одного ангела указывающая рука, призывающая устремиться к вышнему миру, у другого рука прижата к сердцу, направляя в глубины души⁶. Над диаконскими дверями, проемы для икон, находящихся в реставрации, на пилонах иконы праздников: «Воздвижение Креста» («Крестовоздвиженье») справа и «Покров» слева.

Иконы нижнего ряда, установленные в рамках, архитектурно чередуются с филенками, в таких же рамках. И золотые рамы, и филенки испещрены рокайльными завитками. Основанием всему второму ярусу служит мощный антаблемент нижнего яруса.

Нижний ярус

Этот ярус мощного потока нисхождения⁷ архитектурно расширяется так, что захватывает оба алтарных пилон и оба боковых иконостаса. Каждый последующий ярус, кроме ширины, увеличивается в высоту.

Если провести умозрительную линию от образа Господа Саваофа, венчающего иконостас, вниз, то на этом пути не встретится никаких препятствий в виде карнизов, это путь Божественного нисхождения, который каскадом лучей прорывается над Царскими воротами, над которыми также раскрываются золотые занавеси, а шнуры занавесей с кистями загибаются вокруг колонн.

На двух прорезных золотых створках Царских врат закреплены пять медальонов — картушей. Выпуклость этих картушей подобна округлости жемчужин — харак-

⁵ С сюжетами пророков «Захария» и «Давид» см.: [2].

⁶ В храме Архангела Гавриила стилистики барокко (1704–1707 гг., архитектор И. П. Зарудный), находящимся в полукруге ходьбы от храма Климента Римского, в декорации интерьера есть скульптурные изображения ангелов, о которых стоит упомянуть, ведя речь о жестах. Слева от портала, ведущего в наос из притвора, помещены два ангела с одним и тем же жестом: со сложенными руками, справа — два ангела с другим жестом: указующими руками вверх, к небу.

⁷ Так или иначе для понимания восхождения человека и нисхождения Бога к человеку необходимо обратиться к мистическому богословию и богословской терминологии. Для спасения людей Бог сходит к человеку, это схождение или нисхождение именуется словом «катабасис»:

«Ради нас, людей, и нашего ради спасения сшедшего с небес», — исповедуем мы в Символе веры. Таково основание христианской веры: не может быть искупления и спасения людей без схождения (катабасиса) Сына Божия в мир и в жизнь людей. Лишь когда Бог сам проявляет инициативу, когда «Един, сущий от Троицы, непреложно вочеловечивается» (как об этом поется в одном из песнопений византийской литургии), — тогда становится возможным искупление человека — см.: [1, с. 13]. И там же о восхождении: «На Божественный катабасис (нисхождение) человек отвечает своим анабасисом (восхождением)» [1, с. 139].

терная черта стиля, которая не воспроизводится в современных имитациях. Средний медальон разделен на две створки врат — это сцена Благовещения. На четырех других медальонах — четыре евангелиста. Над Царскими вратами, в месте разомкнутости антаблемента, помещена икона «Тайная Вечеря» в форме плоского картуша, в обрамлении рокайльных завитков. В нижнем ярусе четыре колонны.

Так же, как и средний ярус, нижний ярус центрального иконостаса по горизонтали имеет три ряда икон, из них верхние два ряда (средний и верхний) соотносятся с высотой колонн, а нижний ряд определяется пьедесталом колонн. Привычно в иконостасе считать иконостасные ряды от местного ряда, который в архитектурной конструкции иконостасов Климентовского храма будет от соли вторым.

Сюжеты икон местного ряда центрального иконостаса: справа от Царских врат образ «Иисуса Христа на престоле (троне)», в окружении херувимов. Слева от Царских врат образ «Богородицы с младенцем», сидящей на престоле (троне), в окружении херувимов. По бликам реставрационного защитного покрытия, представляется, что эти две иконы имеют немного вогнутые поверхности.

Всего в этом ряду 6 икон по три справа и слева от царских врат, две из этих икон на диаконских дверях, две на пилонах.

На правой диаконской двери — «Архангел Гавриил», на левой — «Архангел Михаил», с мечом огненным и щитом. Диаконские двери находятся за иконостасным выступом и когда они открываются, не видно, откуда выходит диакон, это видно только сбоку. На правом пилоне — храмовая икона «Преображения Господня», на левом — «Иоанн Предтеча с ангелом».

Над этими иконами — праздничный ряд, также из 6 икон, по три справа и слева от царских врат. Над иконой Иисуса Христа находится икона «Рождества Христова», а над иконой Богородицы образ «Рождество Богородицы». Другие иконы — две над диаконскими дверями, две на пилонах, все 6 икон одной формы. Над архангелом Гавриилом — «Крещение», над иконой Преображения — «Вознесение»; над Иоанном Предтечей — «Благовещение»⁸.

Нижний ряд, по уровню пьедесталов колонн, простирается от центрального иконостаса на пилоны и на боковые иконостасы; этот ряд посвящен деяниям святых апостолов, составляя 20 икон. Из них 6 приходится на центральный иконостас, по 4 на боковые иконостасы и по 3 на каждый пилон⁹.

Сами пилоны обхватываются иконостасной конструкцией, конструкция до арок, отделяющих приделы от центрального объема, принадлежит центральному иконостасу, состыкованная с ней конструкция под арками принадлежит боковым иконостасам. Высота нижних боковых иконостасов обусловлена уровнем пяты арок.

Проходя по фронтальной плоскости пилон, иконостасная конструкция резко загибается одной своей частью и переходит в иконостас придела. И верхние и нижние иконостасы имеют соединенную конструкцию, верхние немного заглублены по отношению к нижним и не соединяются с центральным иконостасом.

⁸ Кроме того, сюжеты праздников: «Воскрешение Лазаря»; «Обрезание Господне»; другие сюжеты: «Святой Иоанн Креститель»; «Явление архангела Гавриила первосвященнику Захарии»; «Святой апостол и евангелист Иоанн. Святой апостол Варфоломей» [2].

⁹ Евангельские сюжеты центрального Преображенского иконостаса: «Исцеление расслабленного», (Мф. 9: 2); «Притча о бесплодной смоковнице» (Мф. 21: 19–20; Мк. 11: 20–21).

Сюжеты деяний святых апостолов этого иконостаса: «Иисус Христос в Эммаусе». «Крещение внука святым апостолом Филиппом». «Исцеление Савла от слепоты учеником Ананием». «Исцеление Товифы».

Иконостасы приделов

Для четырех, сохранившихся с 70-гг. XVIII в., иконостасов, основной, ведущей идеей является Божие смотрение и Божественное нисхождение. Каждый отдельный иконостас венчает резное позолоченное панно с изображением Божественного ока в треугольнике¹⁰, окруженного сиянием, клубящимися завитками и головками херувимов¹¹. Единая иконостасная плоскость продолжается от ока к солее, так же, как в центральном иконостасе не встречая на протяжении движения препятствий, а над царскими воротами создавая лучи с нисходящим вниз голубем.

План для всех иконостасов — пятичастная конструкция, составленная из пяти плоскостей, центральная из которых фронтальна, четыре боковых, по две, стыкуются выступами вперед, образуя подобие ширмы. Этот сложный план позволяет в небольшом проеме создать дополнительные грани для помещения традиционного количества икон¹².

По вертикали нижнее горизонтальное членение стыкуется с высотой пьедесталов колонн и нижних филенок центрального иконостаса. Верхним карнизом иконостасы сочетаются с пятой свода арок, отделяющих приделы от центрального наоса, и другим концом подходят к храмовому карнизу.

По рядам икон все иконостасы приделов имеют три ряда в высоту, один из которых местный ряд, над ним другой ряд, праздничный, и третий, под местным рядом, — с сюжетами деяний святых апостолов.

Две иконы местного ряда возле царских врат выше двух других и имеют арочные завершения с плечиками. С ними сочетаются две иконы такой же формы на боковой и фронтальной частях пилона. Две других иконостасных иконы местного ряда прямоугольной вертикальной формы.

Иконы праздничного ряда симметричны по центральной оси симметрии: вытянутая горизонтально средняя, две, по одной справа и слева с арочными выемками внизу, затем по одной в форме картушей. На пилоне две иконы с арочными выемками внизу. Как уже говорилось, верхние иконостасы не имеют выноса на пилон. Кроме некоторых праздничных сюжетов, в этом ряду имеются евангельские сюжеты и притчи.

Иконы нижнего яруса все имеют одинаковую форму прямоугольника, тяготеющего к квадрату. Большинство икон посвящено сценам книги Деяния апостолов.

Иконостас правого, Никольского придела

Царские врата Никольского придела необычны. В четырех картушах изображены евангелисты, в центральном картуше, по половине которого приходится на каждую створку Царских врат, изображен сюжет «Сретения».

В местном ряду справа от Царских врат икона *Иисуса Христа* на облаках, с ангелами внизу композиции, слева от царских врат икона *Богоматери*, с подобной композиционной схемой. Рядом с иконой Иисуса Христа — чтимая икона Никольского придела *святого Николая Чудотворца*. Рядом с иконой Богородицы, левее, — диаконская дверь с иконой *архангела Уриила*.

Далее, на южной стене пилона, — икона святой *великомученицы Екатерины* со сценами жития. Левее, на фронтальной стене пилона, — икона *преподобного Сергия Радонежского*, затем начинаются сюжеты центрального иконостаса.

¹⁰ Этот символ может быть соотнесен с масонской символикой «Всевидающего ока», в значении «Архитектора Вселенной». В православии этот знак трактуется как Троица.

¹¹ Не может быть одновременно четыре ока. Каждый отдельный придел настолько удален от других приделов, что создается отдельная приватная зона внутри каждого придела, так что это не четыре одновременных ока, а вневременные изображения того же ока.

¹² Описание композиции одного из четырех иконостасов см.: [5].

В центре верхнего ряда, над Царскими вратами, — композиция *«Гостеприимство Авраама»* или, второе название этой композиции, *«Троица Ветхозаветная»*. Из праздничных сюжетов здесь помещен только один, над иконой Богоматери, это *«Бегство в Египет»*¹³.

Иконостас левого придела Иконы Знамения Богоматери

Сюжеты Царских врат традиционны. В четырех картушах изображены евангелисты, в центральном медальоне, по половине которого приходится на каждую створку Царских врат, изображен сюжет *«Благовещения»*. В центре верхнего ряда, над Царскими вратами — композиция *«Положение во гроб»*.

В местном ряду справа от Царских врат икона *Иисуса Христа*, стоящего в полный рост, слева от царских врат изображение *Богоматери* в виде оранты, это иконография иконы *«Знамения»*, чтимая икона придела. Левее — диаконская дверь с двуфигурной иконой *архангела Рафаила с Товией*. Рядом с изображением Иисуса Христа — на одной иконе двое святых: *Антоний и Феодосий Печерские*.

Далее, на северной стене пилона, — икона святой *великомученицы Варвары* со сценами жития. Правее, на фронтальной стене пилона — икона *святых Иоакима и Анны*, затем начинаются сюжеты центрального иконостаса¹⁴.

Иконостасы верхних приделов: Рождества Богородицы и Вознесения

Деревянные конструкции этих иконостасов заключены между стеной и пилоном, не имея прилегающих к пилону частей, как в нижних иконостасах, таким образом, в каждом из этих двух иконостасов на 6 икон меньше, чем в их нижних аналогах. Все другие формы и членения остаются подобными нижним иконостасам. Сохранность икон этих иконостасов частичная¹⁵.

Киоты западных пилонов

Кроме пяти иконостасов архитектурный ансамбль интерьера Климентовского храма составляют два больших киота¹⁶ по западной плоскости двух пилонов, юго-западного и северо-западного. Эти киоты, при входе в храм через западный портал, создают планы постепенности движения к алтарю.

Иконостасы пилонов трехчастны в ширину, средняя часть имеет выступ, верх украшен ордерным раскрепованным карнизом, заходящим на боковые части ширины

¹³ Евангельские сюжеты этого иконостаса: «Ученики спрашивают Иисуса, кто больше в Царстве Небесном», (Мф. 18: 1–3); «Служение ангелов Иисусу Христу». (Мф. 4: 11; Мк. 1: 13); «Иисус Христос в доме Симона прокаженного», (Мф. 26: 6–9; Мк. 14: 3–4); «Изгнание Спасителем торгующих из Храма» (Мф. 21: 12–13; Мк. 11: 15–17).

Сюжеты деяний святых апостолов этого иконостаса: «Апостол Петр в доме Корнилия»; «Исцеление хромого святым апостолом Петром», «Видение святому апостолу Петру крестить Корнилия сотника»; «Апостол Петр приходит к Корнилию Сотнику»; «Явление Ангела сотнику Корнилию» [2].

¹⁴ Евангельские сюжеты придела Знамения следующие: «Исцеление дочери Иаира» (Мк. 5: 41; Лк. 8: 54–55); «Исцеление прокаженного» (Мф. 8: 2; Мк. 1: 40); «Преполовление» (Ин. 7: 14–21); «Встреча Марии и Елизаветы» (Лк. 1: 40–41); «Христос и грешница» (Ин. 8: 8–11).

Сюжеты деяний святых апостолов: «Проповедь апостолов на Ареопаге» (на диаконской двери); «Проповедь святого архидиакона Стефана», «Видение святого апостола Петра в Иоппии» (под иконой Иисуса Христа); «Изведение ап. Петра из темницы ангелом» (под иконой вмч. Варвары); «Исцеление хромого святым апостолом Петром»; «Смерть Анании и Сапфиры» [2].

¹⁵ Сюжеты икон придела Рождества Богородицы: «Рождество Богородицы»; «Иисус Христос», «Святая мученица Анисия», «Страдания святой мученицы Анисии», «Святой пророк Иона».

Сюжеты икон придела Вознесения: «Святители Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст», «А входящий дверью есть пастырь овцам» (Ин. 10: 2) [2].

¹⁶ Об архитектурной композиции киотов см.: [6].

деревянной конструкции. Имеют два ряда икон, высота нижнего ряда определяется, как и в иконостасах, постаментом, иконы формой тяготеют к квадрату и занимают место филенки в раме. Верхние иконы, расположенные на уровне местного ряда иконостаса, ориентированы вертикально, составляя пропорцию примерно два квадрата в высоту. На карнизе над центральной иконой установлен картуш с иконой в обрамлении рокайльных завитков. Иконы в киотах разновременные.

Юго-западный киот

Иконы слева направо: «Воскресение» («Сошествие во ад»), с Горним Иерусалимом. Под ней: «Архангел Рафаил и Товия» («Архангел Рафаил в доме Товита»).

Центральная икона: «Благовещение у колодца», под ней: «Моисей при Купине» («Неопалимая купина»). Над Благовещением, в картуше: «Восстание из Гроба» («Воскресение») — Христос изображен в рост, с крестом.

Икона справа: средник «Климент Римский и Петр Александрийский», XVI в., рама: «Житие св. Климента», XVII в. Под этой иконой: «Авраам приносит в жертву Исаака».

Северо-западный киот

Иконы слева направо: средник «Казанская икона Пресвятой Богородица», рама: изображения святых. Под этой иконой: «Лествица Иакова».

Центральная икона: «Троица Ветхозаветная», под ней ветхозаветная сцена с ангелом идущим (Книга Бытия). Над «Троицей», в картуше: изображение коленопреклоненной Богородицы Марии.

Икона справа: средник, вставка — икона «Покров» вставлен в икону: «Собор Небесных сил» («Церковь Небесная»). Под этой иконой: «Св. пророк Иона».

Некоторые сюжеты иконостасов неразличимы из-за темных фонов и в тексте не подписаны. Отдельные иконы в иконостасах отсутствуют, и поэтому при известном количестве проемов сюжеты этих икон не перечислены. Приносим благодарность Наталье Мерзлютиной, чей труд об иконостасе храма Климента Римского помог в определении названий некоторых трудноразличимых сюжетов, в большей степени это относится к евангельским сюжетам и сюжетам апостольских деяний. Приносим благодарность священнику Леониду Калинину за возможность всестороннего исследования храма Святителя Климента в Замоскворечье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Кунцлер Михаил. Литургия церкви. Книга первая. М.: Христианская Россия, 2000. 304 с.
- 2 Мерзлютина Н. А. Иконостас церкви во имя священномученика Климента папы Римского // Филевские чтения. Тезисы десятой конференции. М., 2010. С. 39–44.
- 3 Позднякова Д. Ю. Об иконостасной резьбе стилистики барокко в московском храме Климента Римского // Материалы IX Всероссийской научной конференции «Культура России в XXI веке: прошлое в настоящем, настоящее в будущем». Высшая школа народных искусств, СПб. 25–26 апреля 2013 г. СПб., 2014. С. 253–258.
- 4 Поздняков Е. В. Конструкции рамных иконостасов барокко в храме Климента папы Римского в Москве // Материалы IX Всероссийской научной конференции «Культура России в XXI веке: прошлое в настоящем, настоящее в буду-

- щем». Высшая школа народных искусств, СПб. 25–26 апреля 2013 г. СПб., 2014. С. 248–253.
- 5 Поздняков Е. В., Позднякова Д. Ю. Иконостас придела в честь иконы Божией Матери «Знамение» храма священномученика Климента Папы Римского на Пятницкой в Москве. Опыт типизации // Декоративно-прикладное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА (Московская Государственная Художественно-Промышленная Академия имени С. Г. Строганова). 2011. № 1. С. 195–199.
- 6 Поздняков Е. В., Позднякова Д. Ю. Резная декорация стиля барокко на примере трехчастных киотов нижнего яруса в храме св. Климента Римского на Пятницкой в Москве // Вестник МГУКИ (Московский Государственный Университет Культуры и Искусств). 2010. № 3 (35). С. 232–236.

© 2018. Evgeny V. Pozdnyakov
Moscow, Russia

© 2018. Dina Yu. Pozdnyakova
Moscow, Russia

ON ICONOSTASES IN THE CHURCH OF POPE CLEMENT OF 70-S OF XVIII C. AND ITS ICON SUBJECTS

Abstract: The article looks at the compositional schemes and plots of the iconostases of the church of Pope Clement on Pyatnitskaya street in Moscow. This church, preserved at the time of the destruction and transformation of Moscow, is now available for visiting and may serve as a model for the creation of architectural compositions in terms of reconstruction of monuments of the mid-18th century Baroque. The space of the Christian temple is sacral, all its components having a semantic, symbolic meaning. The cultural monument is all the more valuable with the main original, not only artistic (here art is a means of expression), but also a theological architect's design well-preserved, dating back to the reign of the Empress Elizabeth Petrovna. The paper's authors analyze the paths of theological, mystical influence on the construction of an architectural space, the construction of a hierarchy of images and plots of icons and architectural elements, designed to emphasize the overall integrity of perception with a separate value of each element of the composition, up to its technical implementation. Many of the techniques used at this monument's construction are unique, both in complexity and innovation, they are unrivaled — this aspect is emphasized by the fact that Christian art, while preserving traditions, remains a living and evolving structure enriched by forms and symbols for many centuries. This perspective allows to portray and to perceive the church of Pope Clement in Zamoskvorechye as a unique, preserved ensemble of Christian culture most accurately.

Keywords: Moscow, XVIII century, Baroque, Rococo, the Church of St. Clement, the iconostasis of the Baroque.

Information about authors:

Yevgeny V. Pozdnyakov — engineer, and restorer of architectural heritage, cultural

studies, art restorer, member of the international Federation of artists, Moscow, Russia.

E-mail: d.tardi@yandex.ru

Dina Yu. Pozdnyakova — anthropologist, journalist, member of the international Union of journalists, an artist, a member of the international Federation of artists, Moscow, Russia. E-mail: d.tardi@yandex.ru

Received: July 26, 2017

Date of publication: June 15, 2018

For citation: Pozdnyakov E. V., Pozdnyakova D. Yu. On iconostases in the church of Pope Clement in Pyatnitskaya st. in Moscow of 70-s of the XVIII c. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 48, pp. 291–301. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Kuncler Mihail. *Liturgija cerkvi* [Mikhail Kunzler. Liturgy of the church]. Kniga pervaja [1 vol.]. Moscow, Hristianskaja Rossija Publ., 2000. 304 p. (In Russian).
- 2 Merzljutina N. A. Ikonostas cerkvi vo imja svjashhennomuchenika Klimenta papy Rimskogo. [The iconostasis of the church in the name of the holy martyr Clement of the Pope]. *Merzljutina Filevskie chtenija. Tezisy desjatoj konferencii* [Filevsky readings. The theses of the tenth conference]. Moscow, 2010, pp. 39–44. (In Russian)
- 3 Pozdnjakova D. Ju. Ob ikonostasnoj rez'be stilistiki barokko v moskovskom hrame Klimenta Rimskogo. [The iconostasis carving of the Baroque stylistics in the Moscow church of Clement of Rome]. *Materialy IX Vserossijskoj nauchnoj konferencii "Kul'tura Rossii v XXI veke: proshloe v nastojashhem, nastojashhee v budushhem"* [Proceedings of the IX All-Russian Scientific Conference "Culture of Russia in the 21st Century: Past in the Present, Present in the Future". Higher School of Folk Arts, St. Petersburg]. St. Petersburg, Vysshaja shkola narodnyh iskusstv Publ., 2014, pp. 253–258. (In Russian)
- 4 Pozdnjakov E. V. Konstrukcii ramnyh ikonostasov barokko v hrame Klimenta papy Rimskogo v Moskve [Constructions of baroque iconostasis in the church of Clement of Pope in Moscow]. *Materialy IX Vserossijskoj nauchnoj konferencii "Kul'tura Rossii v XXI veke: proshloe v nastojashhem, nastojashhee v budushhem"* [Proceedings of the IX All-Russian Scientific Conference "Culture of Russia in the 21st Century: Past in the Present, Present in the Future". Higher School of Folk Arts, St. Petersburg]. St. Petersburg, Vysshaja shkola narodnyh iskusstv Publ., 2014, pp. 248–253. (In Russian)
- 5 Pozdnjakov E. V., Pozdnjakova D. Ju. Ikonostas pridela v chest' ikony Bozhiej Materi "Znamenie" hrama svjashhennomuchenika Klimenta Papy Rimskogo na Pjatnickoj v Moskve. Opyt tipizacii. [The iconostasis of the chapel in honor of the icon of the Mother of God "The Sign" of the church of the Holy Martyr Kliment Pope at Pyatnitskaya in Moscow. Typing experience]. *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaja sreda. Vestnik MGHPA (Moskovskaja Gosudarstvennaja Hudozhestvenno-Promyshlennaja Akademija imeni S. G. Stroganova)*, 2011, no 1, pp. 195–199. (In Russian)
- 6 Pozdnjakov E. V., Pozdnjakova D. Ju. Reznaja dekoracija stilja barokko na primere trjohchastnyh kiotov nizhnego jarusa v hrame sv. Klimenta Rimskogo na Pjatnickoj v Moskve [Carved decoration of the Baroque style on the example of the three-part kiot of the lower tier in the church of St. Clement of Rome on Pyatnitskaya in Moscow]. *Vestnik MGUKI (Moskovskij Gosudarstvennyj Universitet Kul'tury i Iskusstv)*, 2010, no 3 (35), pp. 232–236. (In Russian)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. **М. М. Яньшина**
г. Оренбург, Россия

© 2018 г. **А. М. Упине**
г. Москва, Россия

© 2018 г. **Н. А. Коробцева**
г. Москва, Россия

© 2018 г. **Г. И. Петушкова**
г. Москва, Россия

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФУНКЦИЙ ИЗДЕЛИЙ ИЗ КОЗЬЕГО ПУХА (НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКОГО ПУХОВЯЗАЛЬНОГО ПРОМЫСЛА).

Аннотация: В статье рассмотрены основные функции одежды в системах «человек–вещь–среда», «человек–вещь–результат», «человек–вещь–общество», входящие в комплекс из четырех групп функций (инструментальная, адаптивная, результативная, интегративная). Определены функции изделий из козьего пуха различного ассортимента и обоснована необходимость их расширения. Предложена структурированная схема расширенного комплекса функций одежды из козьего пуха, включающая в себя лечебно-профилактическую и результативную функции. Изменение каждой из перечисленных функций одежды из козьего пуха рассмотрено во времени, выделены угасающие функции (вероисповедальная) и показаны новые (эротическая, функция культурного образца). Представлена возможность реализации каждой функции в модных изделиях современной жизни. Предложено использовать лечебно-профилактический потенциал свойств козьего пуха в лечебно-профилактической функции бытовой одежды домашнего и повседневного назначения. Результаты исследования восполняют недостаток имеющихся научно-практических представлений об эффективных способах использования пуха коз оренбургской породы в дизайне современной многофункциональной одежды.

Ключевые слова: функции одежды, дизайн, одежда из козьего пуха, многофункциональность.

Информация об авторах:

Майя Михайловна Яньшина — доцент, Оренбургский государственный университет, просп. Победы, д. 13, 460018 г. Оренбург, Россия. E-mail: yanshina.maiya@mail.ru

Анастасия Михайловна Упине — доктор искусствоведения, Московский государственный институт культуры, Библиотечная ул., д. 7, 141406 г. Химки, Россия. E-mail: upine@yandex.ru

Надежда Алексеевна Коробцева — доктор технических наук, профессор, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), ул. Садовническая, д. 33, стр. 1, 117997 г. Москва, Россия. E-mail: gg-home@yandex.ru

Галина Ивановна Петушкова — доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), ул. Садовническая, д. 33, стр. 1, 117997 г. Москва, Россия. E-mail: galina-petushkova@mail.ru

Дата поступления статьи: 24.11.2017

Дата публикации: 15.06.2018

Для цитирования: Яньшина М. М., Упине А. М., Коробцева Н. А., Петушкова Г. И. Определение функций изделий из козьего пуха (на примере Оренбургского пуховязального промысла) // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 302–317.

В настоящее время возрастает роль проектного направления в дизайне, ориентированном на создание продукции, удовлетворяющей материальным, физиологическим, эстетическим и духовным потребностям человека, а также на сохранение и приумножение национального достояния. Однако отечественная дизайнерская практика не всегда направлена на реализацию сырьевых возможностей и, в частности, ресурсов регионов.

Вместе с тем широкое социокультурное пространство Оренбургского края, одобрительное и поощрительное отношение к сохранению национальных традиций и одежды, искусства, ремесел, народного промысла требует создания дизайнерского продукта, учитывающего самобытную культуру, климатические особенности и сырьевые возможности этого региона.

Таким образом, особую значимость приобретает поиск эффективных способов использования уникального сырьевого ресурса края и сохранения лучших традиций оренбургского пуховязания в современном дизайне одежды различного ассортимента, особенно на этапе функционального анализа предполагаемого продукта регионального дизайна.

Актуальность данного исследования обусловлена наличием противоречий между следующими аспектами:

- объективной потребностью общества в многофункциональной эстетически выразительной одежде, удовлетворяющей утилитарные и духовные потребности человека и учитывающей особенности резко-континентального климата Оренбургского края и недостаточным уровнем качества одежды данного вида на рынке;
- расширяющимися инновационными возможностями современной индустрии дизайна одежды и их ограниченным использованием в производстве отечественной продукции;
- потребностью разработки новых видов использования сырьевых ресурсов Оренбургского региона и недостаточной разработанностью данной проблемы

в дизайнерской теории и практике, в том числе и в области функционального анализа изделий из козьего пуха.

Обнаружение противоречий и оценка их значимости позволили выявить проблематику и определить задачу исследования, которая состоит в обогащении научного знания об эффективных способах использования пуха коз оренбургской породы в дизайне современной многофункциональной одежды и, в частности, в необходимости разработки классификации функций одежды из козьего пуха.

Одежда как одна из обязательных составляющих предметного мира человека должна соответствовать основополагающему принципу «пользы, прочности, красоты», сформулированному еще Витрувием [4, с. 8]. Это весьма емкие понятия, которые в процессе развития общества изменяют свою трактовку, на наш взгляд связанную с появлением новых функций одежды.

Понятие «функция вещи» является одной из центральных категорий теории дизайна.

В рамках отечественного дизайна на базе Всероссийского научно-исследовательского института технической эстетики (ВНИИТЭ) сложился общий взгляд на функцию вещи «как на способность вещи к действиям, протекающим с участием человека и направленным на удовлетворение его потребностей» [20, с. 6].

Прежде чем определить основные функции вещей из пуха оренбургской козы в существующем ассортименте изделий, остановимся на классификации функций вещи как таковой. Различные авторы выделяют неодинаковое их количество. Наиболее полным нам представляется комплекс функций вещи в различных контекстах социально-культурной жизнедеятельности людей, описанный В. Ф. Сидоренко в книге «Методика художественного конструирования» [18]:

- инструментальная, преобразующая внешнюю среду, в подсистеме «человек–вещь–среда»;
- адаптивная, поддерживающая среду в состоянии, обеспечивающем нормальное протекание процессов жизнедеятельности, в подсистеме «человек–вещь–среда»;
- результативная, обеспечивающая достижение цели, в подсистеме «цель–вещь–результат»;
- интегративная, рассматривающая вещь как своеобразное проявление культурных достижений общества на определенном этапе его развития, в подсистеме «индивид–вещь–общество».

Эта классификация справедлива как для функций одежды, так и для функций всякой вещи. Однако дизайн одежды и аксессуаров как отдельная сфера дизайна имеет свои отличия, в том числе и в количестве рассматриваемых функций.

Специалисты по дизайну костюма выделяют различные функции одежды. Одна из самых развернутых классификаций функций одежды была дана П. Г. Богатыревым в статье «Функции национального костюма в Моравской Словакии» [2]. В общей сложности он выделяет одиннадцать функций, более того, говорит о многофункциональности костюма и предусматривает понятие «доминантной функции», а также приводит примеры иерархических структур функций для костюмов различного назначения. Более подробно перечень этих функций, а также функций одежды, рассматриваемых ведущими специалистами в области теории костюма, представлен в таблице 1.

Таблица 1 — Функции одежды
Table 1 — Clothes Functionality

ФИО автора	Перечень функций
П. Г. Богатырев [2]	Региональная Национальная Эстетическая Практическая Обрядовая Военная Праздничная Сословная Имущественного различия Магическая Вероисповедальная
Т. В. Козлова [14]	Защитная Благопристойности (престижности) Украшения
Ф. М. Пармон [15]	Защитная Утилитарно-эстетическая Воспитательная
Г. М. Гусейнов, В. В. Ермилова, Д. Ю. Ермилова [5]	Защитная Утилитарно-практическая Знаковая или коммуникативная Возрастная Социально-половой принадлежности Профессиональной принадлежности Климатических особенностей региона Эротическая Религиозная
М. И. Килошенко [7]	Защитная Украшения или эстетическая Половой идентификации Национальной идентификации Социальной идентификации Функция самовыражения и саморегуляции
Т. Л. Макарова [12]	Символическая
Н. А. Коробцева [10]	Чувственная
И. Н. Савельева [17]	Утилитарно-практическая Защитная Эстетическая Воспитательная
А. М. Упине [19]	Национальной идентификации

Из таблицы 1 видно, что многие функции у различных авторов повторяются или синонимичны друг другу, следовательно, список функций возможно оптимизировать. Если принять во внимание обобщающий характер комплекса функций, представленных В. Ф. Сидоренко [18], перечень функций, даваемый специалистами по костюму, можно считать элементами четырех основных групп функций (таблица 2).

Таблица 2 — Группы функций одежды
Table 2 — Classification of Clothes Functionality

Обобщающая функция	Перечень авторских формулировок функций
Инструментальная	Практическая (П. Г. Богатырев) Утилитарно-практическая (Г. М. Гусейнов, В. В. Ермилова, Д. Ю. Ермилова) Утилитарно-эстетическая (Ф. М. Пармон) Утилитарно-практическая (И. Н. Савельева)
Адаптивная	Защитная (Т. В. Козлова, И. Н. Савельева, Г. М. Гусейнов, В. В. Ермилова, Д. Ю. Ермилова, Ф. М. Пармон, М. И. Килошенко) Чувственная (Н. А. Коробцева)
Результативная	–
Интегративная	Региональная, национальная, эстетическая, обрядовая, военная, праздничная, сословная, имущественного различия, магическая, вероисповедальная (П. Г. Богатырев) Воспитательная (Ф. М. Пармон) Украшения (Т. В. Козлова) Знаковая или коммуникативная, возрастная, социально-половой принадлежности, профессиональной принадлежности, климатических особенностей региона, эротическая, религиозная (Г. М. Гусейнов, В. В. Ермилова, Д. Ю. Ермилова) Украшения или эстетическая, половой идентификации, национальной идентификации, социальной идентификации, функция самовыражения и саморегуляции (М. И. Килошенко) Символическая (Т. Л. Макарова) Эстетическая (И. Н. Савельева) Национальной идентификации (А. М. Упине)

На наш взгляд, функции, связанные с вероисповеданием, национальностью, региональной и сословной принадлежностью, профессией и т. д., можно рассматривать как знаковую, или коммуникативную, или информативную функцию, так как с ее помощью можно составить представление о носителе той или иной одежды. Этот прием обобщения достаточно распространен, к нему обращались, например, Т. В. Козлова, М. И. Килошенко.

Таким образом, мы выделили десять основных функций, входящих в комплекс из 4 групп функций (утилитарно-практическая, защитная, чувственная, магическая, обрядовая или ритуальная, праздничная, символическая, эстетическая, воспитательная, эротическая), и восемь подфункций коммуникативной функции интегративного комплекса (см. рисунок 1). Тем не менее перечень функций одежды не ограничивается указанными функциями и может быть расширен.

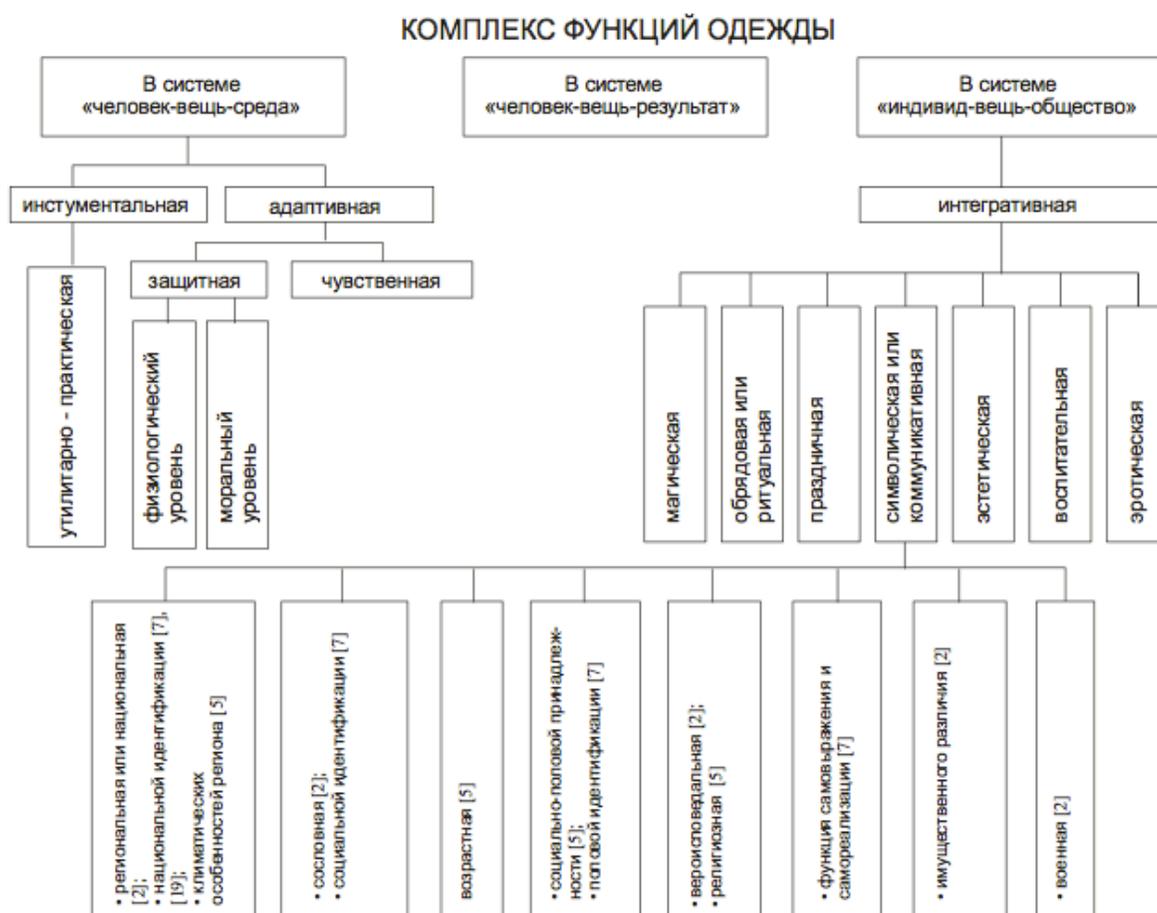
Как видно из таблицы 2 и рисунок 1, наиболее многочисленной по количеству функций является интегративная группа.

К сожалению, ни один из представленных авторов не выделяет результативной функции одежды как носителя многообразных целей общества (например, потребителя, продавца, поставщика сырья и т. д.). Несмотря на это, изделия из козьего пуха, как

и любая другая вещь, взятая в отношении к общественным целям, обладают большим потенциалом результативной функции.

В представленной классификации так же не учитывается лечебно-профилактическая функция одежды. В процессе эксплуатации одежды из некоторых натуральных материалов (верблюжья, собачья шерсть, козий пух) была выявлена ее способность облегчать самочувствие носителя, страдающего некоторыми видами заболеваний опорно-двигательного аппарата, мочеполовой системы и др. Наряду с чувственной функцией считаем целесообразным отнести данную функцию к группе адаптивных функций одежды.

Рисунок 1 — Комплекс функций одежды
Figure 1 — Complex of Clothing Functionality

Говоря о функциях изделий из пуха оренбургской козы, отметим, что изделия Оренбургского пуховязального промысла (ОПП) являются за некоторым исключением (военная) носителями практически всех перечисленных выше функций. Таким образом, полный комплекс функций одежды из козьего пуха представлен на рисунке 2.

Рисунок 2 — Комплекс функций одежды из козьего пуха
Figure 2 — Functionality set for goat down clothing

Функции вещи могут меняться исторически. З. Г. Бегенау в своих работах подтверждает эту динамичность категории функции: «Формирование функции — не единовременный акт, а происходящий из года в год процесс движения от одной модели к другой, процесс приближения к более совершенной потребительной стоимости» [1, с. 93]. На ранних этапах развития человеческого общества одежда выполняла защитные функции, обусловленные биогенными потребностями человека. С течением времени, развитием общественно-производственных отношений и эстетических концепций, изобретением новых материалов и технологий появляются новые утилитарно-практические, общественно-символические функции. В связи с этим постепенно отходят на второй план некоторые более ранние функции. Так, сегодня несколько утратили свою актуальность магические и религиозные функции костюма, в том числе изделий ОПП. Обрядовая, религиозная или вероисповедальная функции отчасти сохранились в отношении оренбургского пухового платка среди женщин старшего поколения.

Эротическая функция в изделиях ОПП связана в большей степени с одеждой, сшитой из «паутинок», так называемых производных пуховязального промысла второго порядка. Эксплуатация эрогенной зоны, накопившей «эротический капитал», осуществляется либо путем ее обнажения, либо плотным прилеганием поясной или плечевой одежды в этой области (например, грудь, талия или бедра). В случае с одеждой из пуховых платков присутствуют оба этих варианта (рисунок 3).

**Рисунок 3 — Модель Анны и Алексея Бородулиных [8]
Figure 3 — The model by Anna and Alexei Borodulin [8]**

В настоящее время не так активно проявляются функции изделий ОПП, связанные с социальным и имущественным положением их владельцев. Тем не менее существует группа эксклюзивных изделий, доступная ограниченной категории потребителей с высоким денежным доходом. Таковыми, например, являются единичные экземпляры пуховых платков Фабрики Оренбургских пуховых платков или изделия известных дизайнеров (рисунки 4, 5).

**Рисунок 4 — Пример эксклюзивного платочного изделия Фабрики Оренбургских пуховых платков, 2017 г. [16]
Figure 4 — Example of exclusive handkerchief of Orenburg's shawl factory, 2017 [16]**

**Рисунок 5 — Модели Анастасии Романцовой [21]
Figure 5 — Models by Anastasia Romantsova [21]**

Вне зависимости от того, какие функции приняты в качестве ведущих, утилитарно-практическую и защитную одежда выполняет всегда. Утилитарно-практическая функция изделий ОПП реализуется в процессе их эксплуатации.

Изделия из козьего пуха имеют не только повышенные теплозащитные свойства, но и могут выполнять функции защиты от опасности. Так, в Урюпинске разработали уникальный инвестиционный проект по обработке козьего пуха при помощи нанотехнологий и изготовлению из него бронежилетов. Аналогичными функциями защиты от механического воздействия обладали войлочные доспехи, стеганные шерстяные доспехи кочевников, набитые шерстью одежды римского легионера и средневекового пехотинца [9, с. 172], амортизационные стеганные одежды под рыцарские латы, а с появлением огнестрельного оружия — мешки, набитые шерстью.

С течением времени некоторые вещи утрачивают свою основную утилитарную функцию и начинают выполнять функцию культурного образца или ценности как одну из разновидностей эстетической функции. Так произошло с некоторыми изделиями ОПП, ставшими экспонатами галереи «Оренбургский пуховый платок» Оренбургского областного музея изобразительных искусств.

Каждая вещь в системе «человек–предмет–среда» обладает далеко не одной и не двумя функциями, а является многофункциональной. Для одежды главной является либо функция обеспечения удобства и комфорта эксплуатации, либо ее эстетическая составляющая, либо комбинация утилитарных и эстетических функций, относительно равных по значению. Классическим примером равнозначного сочетания утилитарных и эстетических функций является основное изделие ОПП — оренбургский пуховый платок, что подтверждают результаты композиционного анализа.

Так, композиция теплого платка строится на четырехчастной системе: середина, обвязка, кайма, зубцы. Обвязка и кайма богато орнаментируются, отделяясь от плотного безузорного фона середины. Подобное контрастное отношение фона и каймы считается классическим в декорировании шалей и платков. Но в оренбургском теплом платке центральное поле оставляют свободным от ажюра, исходя из целесообразности и логики создания теплого, защищающего от холода изделия. Кроме того, край платка, облегченный ажурной каймой, легкий и рыхлый в сравнении с плотной серединой, более податливый и тонкий, что крайне важно при использовании шали. При завязывании платка или при обматывании его вокруг шеи именно на кайму приходятся складки и наложения драпируемого изделия. Ажурные мягкие концы платка легче закрепить или завязать узлом. В данном случае мы видим полное соответствие формы и декора платка его функциональному бытовому назначению [3, с. 53–54].

Функции имеют иерархическую структуру соподчинения: одни играют основную роль, другие — подчиненную. Показательный образец изменения иерархической структуры функций в зависимости от назначения костюма приводит П. Г. Богатырев, располагая на первом месте практическую функцию у будничного костюма и лишь на шестом — в костюмах праздничном и обрядовом.

Отметим, что различные авторы используют различные термины по отношению к иерархии функций вещи. Так, М. В. Федоров определяет группы функций как основные и сопутствующие [20, с. 21]. К сопутствующим, например, он относит информационно-коммуникативные функции; с этим трудно не согласиться и не принять на счет изделий ОПП. Мы определяем основную функцию или группу функций как ведущую (или доминантную) и сопутствующие.

В современных условиях эксплуатации одежды зачастую заметно смещение акцента с одной из ведущих функций — утилитарно-практической — в сторону эстетической. Интенсивность проявления эстетической функции значительно возросла не только в нарядной одежде, но и в одежде повседневного использования. Данное явление, на наш взгляд, связано со многими причинами, в частности, с потребностью человека в творчестве и самовыражении, с представлением о собственной неповторимости и индивидуальности. Это объясняет появление на потребительском рынке оригинальных коллекций эксклюзивной одежды, например, такой, как одежда из оренбургских пуховых платков. Как следствие, эстетичность костюма резко снижает его утилитарно-практический потенциал, в отношении одежды из оренбургской «паутинки» — это определенная сложность в уходе за изделием.

Функция, полезная в определенных условиях, в некоторых случаях может превратиться в дисфункцию. Так, вещи из козьего пуха обладают повышенными теплозащитными свойствами, что отрицательно сказывается на эксплуатационных свойствах нарядной одежды. Вечернее платье не принято эксплуатировать в условиях пониженных температур. В такой ситуации полезная защитная функция пухового изделия трансформируется в дисфункцию. Но настоящих модниц это не останавливает, пуховые платья от разных дизайнеров пользуются неизменной популярностью как среди «звезд» и членов королевских фамилий, так и среди представителей других социальных слоев (рисунки 6, 7).

Рисунок 6 — Датская принцесса Мари в платье из мохера Josef Statkus [6]
Figure 6 — Danish Princess Marie in a Josef Statkus mohair dress [6]

Рисунок 7 — Яна Рудковская в платье Анастасии Романцовой [13]
Figure 7 — Yana Rudkovskaya in the dress by Anastasia Romantsova [13]

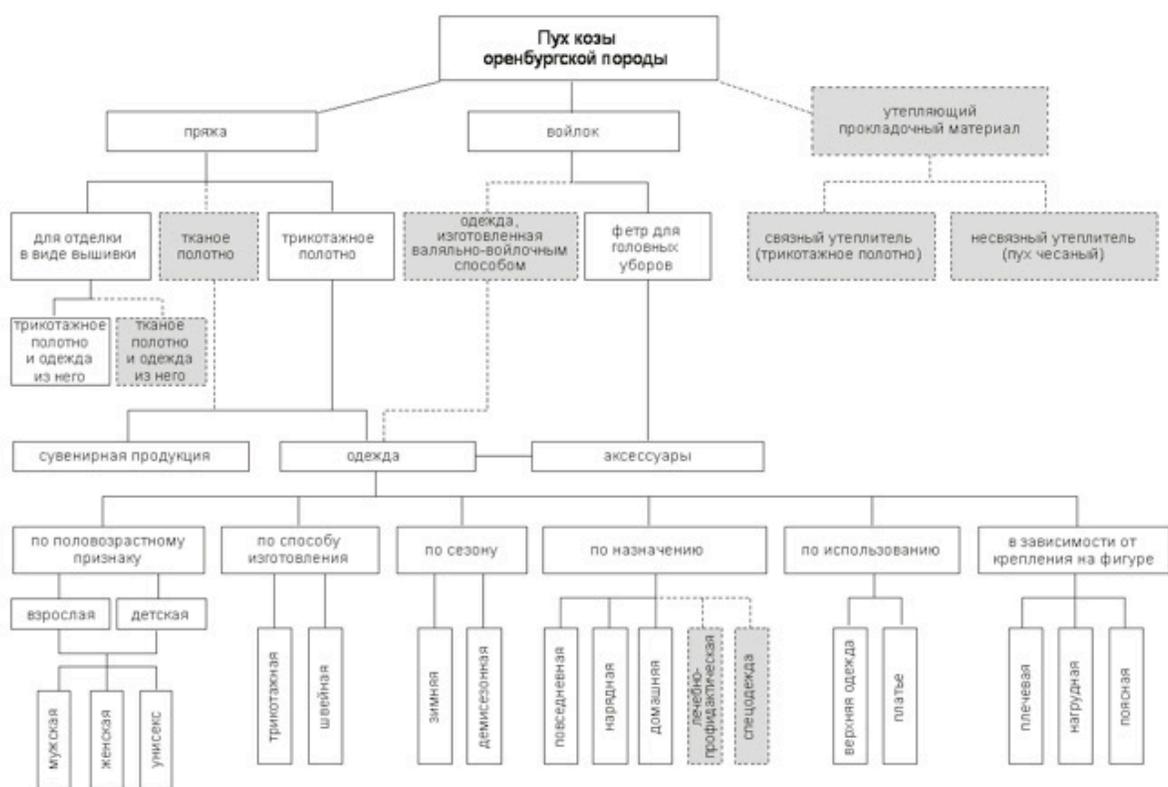
В настоящее время усиливается тенденция к использованию многофункциональной одежды, которая будет служить более чем одной цели. Если принять во внимание вышеизложенный материал, то любой предмет одежды многофункционален. В данном конкретном случае мы ведем речь о многофункциональности через интегрирование функций, присоединение к основной функциональной структуре всевозможных съемных деталей, выполняющих побочные функции или делающих отправление главной функции более безопасной и комфортной. Мы предлагаем реализовать лечебно-профилактический потенциал свойств козьего пуха в лечебно-профилактической функции бытовой одежды домашнего и повседневного назначения. Есть мнение, что многофункциональность — это «удел бедности». В современных условиях жизни общества многофункциональность предметов одежды связана с экологией искусственного мира — второй природы, с ликвидацией перепроизводства и необходимостью незахламленного пространства платяного шкафа, с формированием рационального гардероба и возвратом к вещам длительного пользования, не нарушающим «средового равновесия» (термин Э. Манцини [11, с. 91]).

Одной из основных тенденций современного производства является стремление выпускать многофункциональные изделия, способные удовлетворить одновременно многие потребности человека. Проектируя одежду из козьего пуха, мы следуем этой тенденции. Уникальные свойства пуха козы оренбургской породы позволяют расширить границы применения этого сырья с утилитарно-практических до лечебно-профилактических и декоративных, используя его в дизайне современной одежды различного назначения.

Функциональный анализ современного ассортимента изделий из козьего пуха позволил нам выявить диапазон применения ценного природного сырья — пуха козы оренбургской породы — и показал наличие незаполненных ассортиментных ниш. Так, во всем многообразии изделий из пуха оренбургских коз не реализуется потенциал пуха как утепляющей прокладки в одежде различных назначений; отсутствуют изделия, изготовленные валяльно-войлочным способом; не существует тканых полотен, в волокнистый состав которых входит пух коз оренбургской породы.

Эти данные наглядно представлены в виде разработанной нами классификации. Результатом классификации явился иерархический граф, показывающий общую картину ассортимента изделий из пуха козы оренбургской породы, что видно на рисунке 8, где пунктиром и серым цветом выделены ассортиментные ниши, не заполненные до настоящего времени. Тем не менее сырьевые и производственные ресурсы Оренбургского края позволяют разнообразить ассортимент одежды и обогатить имеющиеся представления о ее назначении.

Рисунок 8 — Ассортимент изделий из пуха козы оренбургской породы
 Figure 8 — Assortment of Orenburg's goat down products

Таким образом, по данным нашего исследования, изложенного выше, получены следующие результаты:

- 1) проведена авторская систематизация функций одежды, выделяемых различными теоретиками дизайна костюма, по группам функций в системах «человек–вещь–среда», «цель–вещь–результат», «индивид–вещь–общество»;
- 2) впервые разработан и описан комплекс функций одежды из козьего пуха, что особенно важно для развития регионального дизайна и проектирования современной одежды в рамках актуальных модных тенденций;
- 3) предложен иерархический граф ассортимента изделий из пуха козы оренбургской породы с акцентом на незаполненные ассортиментные ниши.

Полученные результаты восполняют недостаток имеющихся научно-практических представлений о теории и практике внедрения новых видов использования пуха коз оренбургской породы в процесс современного дизайн-проектирования. Это позволяет решить на новом уровне проблемы производства многофункциональной одежды различного назначения, востребованной не только в условиях резко-континентального климата Оренбуржья, но и за его пределами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Бегенау З. Г. Функция, форма, качество / пер. с нем. Ал. Дижур, М. М. Субботин; под ред. Г. Б. Минервина. М.: Мир, 1969. 168 с.
- 2 Богатырев П. Г. Функции национального костюма в Моравской Словакии // Теория Моды: Одежда. Тело. Культура. 2009. № 11. С. 189–224.

- 3 Бушухина И. В. Оренбургский пуховый платок: в 2 т. Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 2007. Т. 1. 160 с.
- 4 Воронов Н. В. Дизайн: русская версия. Тюмень: Изд-во Ин-та дизайна, 2005. 224 с.
- 5 Гусейнов, Г. М., Ермилова В. В., Ермилова Д. Ю. и др. Композиция костюма: учеб. пособие для вузов. М.: Академия, 2004. 432 с.
- 6 Йозас Статкявичиус (Juozas Statkevicius) — человек восторг! // TotallyBlond. URL: <http://totallyblond.com/jozas-statkyavichius-juozas-statkevicius-chelovek-vostorg/> (дата обращения: 01.08.2014).
- 7 Килошенко М. И. Психология моды: учеб. пособие для вузов. М.: Оникс, 2006. 320 с.
- 8 Коллекции: SOLYARIS\F\W 2010\11RFW // Anna and Alexei Borodulin. 2010–2016. URL: <http://borodulins.ru/collections/167/> (дата обращения: 16.03.2017).
- 9 Коммиссаржевский Ф. Ф. История костюма. Минск: Современный литератор, 2000. 496 с.
- 10 Коробцева Н. А. Проектирование одежды: импрессионный подход. М.: Гном и Д, 2001. 160 с.
- 11 Курьерова Г. Г. Экология предметного мира как стратегия дизайна в постиндустриальный период. М.: Изд-во ВНИИТЭ, 2008. 132 с.
- 12 Макарова Т. Л. Мода как процесс формирования информационно-знаковых систем в costume: автореф. ... канд. искусствоведения. М., 2004. 356 с.
- 13 Оренбургский пуховый платок — это звучит модно // LCO.RU. URL: http://www.lco.ru/news/orenburgskiy_platok_eto_zvuchit_modno/ (дата обращения: 16.03.2018).
- 14 Основы теории проектирования костюма: учеб. для вузов / под ред. Т. В. Козловой. М.: Легпромбытиздат, 1988. 352 с.
- 15 Пармон Ф. М. Композиция костюма: одежда, обувь, аксессуары: учеб. для вузов. М.: Легкая индустрия, 1997. 318 с.
- 16 Пуховые платки // Оренбургский пуховый платок. URL: <http://orenshal.ru/exkluziv/> (дата обращения: 08.11.2017).
- 17 Савельева И. Н. Основы теории, методики и практики дизайн-проектирования спецодежды. Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2005. 256 с.
- 18 Соловьев Ю. Б., Сидоренко В. Ф., Кузьмичев Л. А. и др. Методика художественного конструирования / ВНИИ тех. эстетики. М.: ВНИИТЭ, 1978. 334 с.
- 19 Утине А. М. Дизайн костюма как средство формирования имиджа (Теория, методология, практика): дис. ... д-ра искусствоведения. М., 2012. 447 с.
- 20 Функция вещи как предмет исследования в дизайне: сборник / под ред. Е. Е. Задесенец и др.; отв. ред. М. В. Федоров. М.: ВНИИТЭ, 1982. 82 с.
- 21 Looks: базовая коллекция // A LA RUSSE / Anastasia Romantsova. URL: <https://www.alarusse.com/collections/bazovaya-kolleksiya/looks/> (дата обращения: 08.11.2017).

© 2018. **Majja M. Yan`shina**
Orenburg, Russia

© 2018. **Anastasiya M. Upine**
Moscow, Russia

© 2018. **Nadezhda A. Korobtseva**
Moscow, Russia

© 2018. **Galina I. Petushkova**
Moscow, Russia

**DEFINITION OF FUNCTIONS OF GOAT DOWN ARTICLES
(ON THE EXAMPLE OF THE ORENBURG'S WOOL-KNITTING TRADE).**

Abstract: The article discusses the main functions of clothing within the systems “man-thing-environment”, “man-thing-result”, “man-thing-society”, included in the complex of four groups of functions (instrumental, adaptive, productive, integrative). The paper defines functions of goat down products of various assortment and justifies the necessity of their expansion. Proposed structured scheme for the extended set of functions of goat down clothing includes therapeutic and productive functions. Changes in each of the listed functions goat down clothing are considered in time with detecting of the fading (confessional) and emerging (erotic, function of cultural sample) functions. The authors suggest the possibility of realization of each function in fashionable products of modern life and propose to realize therapeutic and prophylactic potential of the properties of goat down in terms of therapeutic and prophylactic function of household clothing for home and everyday use. The results of the study make up for the lack of available scientific and practical ideas about effective ways of using of the Orenburg goat down in the design of modern multi-functional clothing.

Keywords: clothing functionality, design, goat's clothes, multifunctionalism.

Information about authors:

Majja M. Jan'shina — Senior Lecturer, Orenburg State University, Pobedy Ave., 13, 460018 Orenburg, Russia. E-mail: yanshina.maiya@mail.ru

Anastasiya M. Upine — DSc in Arts, Moscow State Institute of Culture, Bibliotechnaiya Str., 7, 141406 Khimki, Russia. E-mail: upine@yandex.ru

Nadezhda A. Korobtseva — DSc in Technical Sciences, Professor, A. N. Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art), Sadovnicheskaya Str., 33, 117997 Moscow, Russia. E-mail: rrr-home@yandex.ru

Galina I. Petushkova — DSc in Arts, Professor, A. N. Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art), Sadovnicheskaya Str., 33, 117997 Moscow, Russia. E-mail: galina-petushkova@mail.ru

Received: November 24, 2017

Date of publication: June 15, 2018

For citation: Jan'shina M. M., Upine A. M., Korobtseva N. A., Petushkova G. I. Definition of functions of goat down articles (on the example of the Orenburg's wool-knitting trade). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 48, pp. 302–317. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Begenau Z. G. *Funkcija, forma, kachestvo* [Function, form, quality]. Moscow, Mir Publ., 1969. 168 p. (In Russian)
- 2 Bogatyrev P. G. Funkcii nacional'nogo kostjuma v Moravskoj Slovakii [Functions of the national costume in Moravian Slovakia]. *Teorija Mody: Odezhda — Telo — Kul'tura*, 2009, no 11, pp. 200–225. (In Russian)
- 3 Bushuhina I. V. *Orenburgskij puhovyj platok* [Orenburg downy shawl] Orenburg, Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2007. Vol. 1. 160 p. (In Russian)
- 4 Voronov N. V. *Dizajn: russkaja versija* [Design: Russian version]. Tjumen', In-t dizajna Publ., 2005. 224 p. (In Russian)
- 5 Gusejnov G. M., Ermilova V. V., Ermilova D. Ju., Ljahova N. B., and other. *Kompozicija kostjuma: uchebnoe posobie dlja vuzov* [Costume composition: textbook for high schools]. Moscow, Akademija Publ., 2004. 432 p. (In Russian)
- 6 Jozas Statkjavichius — chelovek-vostorg! [Jozas Statkjavichius — a man of delight], *TotallyBlond*. Available at: <http://totallyblond.com/jozas-statkyavichius-juozas-statkevicius-chelovek-vostorg/> (accessed 01 August 2014). (In Russian)
- 7 Kiloshenko M. I. *Psihologija mody: uchebnoe posobie dlja vuzov* [Psychology of Fashion: textbook for high schools]. Moscow, Oniks Publ., 2006. 320 p. (In Russian)
- 8 Kollekcii: SOLYARIS" F\W 2010\11 RFW [Collections: SOLYARIS "F\W 2010\11 RFW]. *Anna and Alexei Borodulin*. 2010–2016. Available at: <http://borodulins.ru/collections/167/> (accessed 16 March 2017). (In Russian)
- 9 Kommissarzhevskij F. F. *Istorija kostjuma* [History of the costume]. Minsk, Sovremennyj literator Publ., 2000. 496 p. (In Russian)
- 10 Korobceva N. A. *Proektirovanie odezhdy: impressivnyj podhod* [Clothing Design: An Impressive Approach]. Moscow, Gnom i D Publ., 2001. 160 p. (In Russian)
- 11 Kur'erova G. G. *Jekologija predmetnogo mira kak strategija dizajna v postindustrial'nyj period* [Ecology of the objective world as a design strategy in the post-industrial period]. Moscow, Izdatel'stvo VNIITJe Publ., 2008. 132 p. (In Russian)
- 12 Makarova T. L. *Moda kak process formirovanija informacionno-znakovyh sistem v kostjume* [Fashion as the process of formation of information and sign systems in a suit]. Abstract of dissertation candidate of Art History. Moscow, 2004. 356 p. (In Russian)
- 13 Orenburgskij puhovyj platok — jeto zvuchit modno! [Orenburg downy shawl — it sounds fashionable!]. LCO.RU. Available at: http://www.lco.ru/news/orenburgskiy_platok_eto_zvuchit_modno/ (accessed 16 March 2017). (In Russian)
- 14 *Osnovy teorii proektirovanija kostjuma* [Basics of the theory of costume design], ed. by T. V. Kozlova. Moscow, Legprombytizdat Publ., 1988. 352 p. (In Russian)
- 15 Parmon F. M. *Kompozicija kostjuma: odezhda, obuv', aksessuary: uchebnoe posobie dlja vuzov* [Costume composition. Clothes, shoes. Accessories: textbook for high schools]. Moscow, Legkaja industrija Publ., 1997. 318 p. (In Russian)
- 16 Puhovye platki [Downy Shawls]. *Orenburgskij puhovyj platok* [Orenburg downy shawl]. Available at: <http://orensnal.ru/exkluziv/> (accessed 08 November 2017). (In Russian)
- 17 Savel'eva I. N. *Osnovy teorii, metodiki i praktiki dizajn-proektirovanija specodezhdy* [Fundamentals of the theory, methodology and practice of designing work clothes]. Ufa, RIO RUNMC MO RB Publ., 2005. 256 p. (In Russian)

- 18 Solov'ev Ju. B., Alekseev N. G., Kuz'michev L. A. and other. *Metodika hudozhestvennogo konstruirovaniya* [Technique of artistic design], VNII tekhnika estetiki [Institute of aesthetics technology]. Moscow, VNIITJe Publ., 1978. 334 p. (In Russian)
- 19 Upine A. M. *Dizajn kostjuma kak sredstvo formirovaniya imidzha (Teorija, metodologija, praktika)* [Costume design as a means of image formation (Theory, methodology, practice)]. Abstract of dissertation doctor of Art History. Moscow, 2012. 447 p. (In Russian)
- 20 Fedorov M. V. Funkcija, poleznost', cennost' [Function, utility, value]. *Funkcija veshhi kak predmet issledovanija v dizajne* [The function of things as a subject of research in design], ed. by E. E. Zadesenets and other; executive ed. by M. V. Fedorov. Moscow, VNIITJe Publ., 1982, pp. 19–48. (In Russian)
- 21 Looks: bazovaja kollekcija [Looks: basic collection]. *A LA RUSSE*, Anastasia Romantsova. Available at: <https://www.alarusse.com/collections/bazovaya-kollektsiya/looks/> (accessed 08 November 2017). (In Russian)

Рецензии
Reviews

УДК 008
ББК 71.0

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. В. А. Гавриков

**СИНТЕТИЧЕСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ
В СОВРЕМЕННОЙ ПЕСЕННО-ПОЭТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ**

Рецензия

на книгу Иванова Д. И. Теория синтетической языковой личности: в 2 т. Иваново:
ПресСто, 2017.

Информация об авторе рецензии: Виталий Александрович Гавриков — доктор филологических наук, Брянский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», ул. Горького, 18, 241050 г. Брянск, Россия. E-mail: yarosvettt@mail.ru

Для цитирования: Гавриков В. А. Синтетическая языковая личность в современной песенно-поэтической культуре. Рецензия на книгу Иванова Д. И. Теория синтетической языковой личности: в 2 т. Иваново: ПресСто, 2017 // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 318–322.

© 2018. Vitaliy A. Gavrikov
Bryansk, Russia

**SYNTHETIC LANGUAGE PERSON
IN THE MODERN SONG-POETIC CULTURE**

Review

On the book “Theory of synthetic personality” (2 volumes) by D. Ivanov

Abstract: There is the field of study that has been developing in Russia for the last two decades devoted to song and poetic text, mostly to Russian rock-poetry and bard songs. One of the research trends is intermedious (synthetic) research. D. Ivanov considers Russian rock music as an intermedious system from the lingual personality point within his book “The synthetic lingual personality theory”. He arranges the synthetic lingual personality levels showing it’s nature and discursive transforming rules. The lingual personality that transformed in the Russian rock music been analyzed in terms of verbal, musical and image aspects.

Keywords: Dmitry I. Ivanov, synthetic text, intermedial text, theory of synthetic personality, song poetry, Russian rock'n'roll.

Information about the review’s author: Vitaliy A. Gavrikov — DSc in Philosophy, Bryansk branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public

Administration under the President of the Russian Federation, Gorky street, 18, 241050 Bryansk, Russia. E-mail: yarosvettt@mail.ru

Received: December 01, 2017

Date of publication: June 15, 2018

For citation: Gavrikov V. A. Synthetic language person in the modern song-poetic culture. Review on the book "Theory of synthetic personality" (2 volumes) by D. Ivanov. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 48, pp. 318–322. (In Russian)

На протяжении примерно 20 лет в России активно развивается отрасль, занимающаяся песенной поэзией как интермедиальным (синтетическим) явлением. Исследования синтеза искусств на материале песенных текстов (в семиотическом понимании текста) имеют разную направленность и, если так можно выразиться, степень приращения к той или иной науке. Наиболее популярны междисциплинарные исследования с позиции филологии и, соответственно, принадлежащие перу отечественных литературоведов и лингвистов.

Двухтомник «Теория синтетической языковой личности» — первый пример масштабной интермедиальной концепции песенно-поэтического текста, выходящей за рамки филологической науки. Д. И. Иванов работает в рамках культурологии, называя ее универсальной наукой, способной подняться над узкоспециальными отраслями. Отсюда — логичен и подбор материала: автор рассматривает не только творчество признанных рок-поэтов, но и таких маргинальных фигур, как Лагутенко, Шнуров и т. п. Вряд ли их творчество можно назвать «поэзией» в классическом ее понимании, но то, что это факты интермедиального (синтетического) рок-текста, бесспорно. Таким образом, верификационную составляющую автор усиливает за счет привлечения весьма широкого рок-материала.

Если мы будем говорить об исследованиях языковой личности в российской песенно-поэтической культуре, то и с этого ракурса исследование Д. И. Иванова видится уникальным. Некогда я рассматривал диссертации, связанные с роком (а Д. И. Иванов базирует свою концепцию исключительно на материале русского рока). Так вот из 130 отечественных диссертаций около 20 были культурологическими (лингвокультурологическими). И лишь одна, диссертация О. М. Колчиной, посвящена языковой личности, да и то работа выполнена на материале поэзии Б. Гребенщикова.

Ну и третий аспект новизны связан не с широкой культурологией, а с исследованиями в области интермедиального песенно-поэтического текста. Эту не созданную пока науку можно было бы назвать «песенной интермедиалогией». Необходимость создания специальной интермедиальной (междисциплинарной) отрасли, которая бы занималась исключительно песенно-поэтическим текстом, давно назрела — слишком масштабным культурным явлением стали авторская песня, рок-поэзия и другие песенно-поэтические течения. В эту гипотетическую науку труд Д. И. Иванова также вносит заметный вклад, о чем подробно я скажу ниже.

Что же касается содержания двухтомника, то книга первая логично открывается историческим экскурсом. Д. И. Иванов первым подробно рассмотрел русскоязычную рок-культуру как трехэтапную систему, включив в нее новейшую песенность. Традиционно исследователи выделяли тоже три стадии, однако речь шла о первом «макароническом» этапе, когда советские рок-группы работали преимущественно с англоязычными текстами. Второй этап традиционно называется субкультурным, третий — контркультурным. Новаторство Д. И. Иванова заключается в том, что он логично объединил пер-

вый «ученический» этап и второй, а также добавил еще один — постконтркультурный (после 1991 г.). Об этой стадии развития отечественного рок-искусства до Д. И. Иванова не писал никто. Думаю, что периодизация, предложенная в двухтомнике, имеет все основания, чтобы стать парадигмообразующей.

Вторая глава первого тома логично посвящена соотношению понятий «языковая личность» и «синтетическая языковая личность». Последняя, по мысли исследователя, может одновременно рассматриваться как частная реализация, фрагмент дискурсивной личности и как самостоятельная, самодостаточная, целостная когнитивно-прагматическая система, функционирующая в пространстве дискурса. Внутренняя структура СЯЛ состоит из трех уровней: а) вербально-семиотического; б) когнитивно-прагматического; в) ассоциативно-интерпретационного.

Третья глава посвящена логоцентрической модели синтетической языковой личности. В этой главе автор отстаивает следующий тезис: вербальный субтекст занимает центральное место в структуре синтетического рок-текста и берет на себя ключевую, смыслообразующую функцию. При этом автор парадоксально рассматривает так называемые «инструменталы» (невербальные композиции-треки), единственной устойчивой словесной составляющей которых является название. Он рассуждает о том, что даже такие невербальные произведения за счет поэтического контекста оказываются включены в словесные смысловые ряды.

Глава четвертая называется «Лингво-семиотический и когнитивно-прагматический уровни синтетической языковой личности в рок-тексте». Здесь Д. И. Иванов рассматривает субтекстуальную структуру синтетического текста (центральные ее компоненты: вербальный, артикуляционный, музыкальный и имиджевый субтексты), чтобы потом переложить ее на материал синтетической языковой личности. Отмечается, что пространство логоцентрического синтетического рок-текста условно разделено на два подпространства, в соответствии с основными источниками порождения песни (сочинение / исполнение). Иными словами, в отличие, допустим, от традиционной литературы, где автор «не двоится», рок-текст может приобрести «дополнительного автора» в исполнителе.

Кроме того, Д. И. Иванов развивает смелую мысль о том, что в контексте изучения синтетической языковой личности имиджевый субтекст получает особую актуализацию. Субтекст, по сути, являющийся «немым» (как бы «не языковым»), т. е. лишенным словесного компонента, выполняет важную роль при смысловом выстраивании языковой личности (пусть и синтетической)! Этот рискованный смысловой пуант раскрывается на любопытном материале, побуждает к дискуссии и оживляет восприятие концепции Д. И. Иванова.

Что же касается когнитивно-прагматического уровня, то автор делит все целевые (прагматические) установки синтетической языковой личности на две группы: а) конструктивные; б) деструктивные. Первые связаны с желанием синтетической языковой личности возродить потерянные идеалы, преодолеть духовный кризис и эсхатологические настроения. Что же касается вторых, то, как подчеркивает Д. И. Иванов, они реализуются через «стремление к тотальному бунту».

Рассматривая систему вербальных концептуальных кодов в рок-тексте, автор выделяет следующие ее компоненты: а) название рок-группы; б) название рок-альбома; в) название рок-композиции; г) вербальный субтекст отдельной рок-композиции; д) систему вербальных субтекстов, реализуемую в рамках конкретного рок-альбома. К этому можно было еще добавить шестой и седьмой контексты: систему вербальных

субтекстов в концептуализированном цикле альбомов и весь вербальный творческий массив, принадлежащий данному автору. При анализе вербальных концептуальных кодов Д. И. Иванов обращается к биографическим мифам рок-поэтов, к проявлению западных влияний (авторы, группы, альбомы и т. д.) в русском роке, а также к «авторским индивидуально-стилистическим неологизмам» (т. е. окказионализмам) и др.

В контексте исследования не только синтетической языковой личности, но и вообще рок-искусства важным представляется пятая глава, где анализируется ассоциативно-интерпретационный уровень. Структура логоцентрической модели формируется на базе когнитивного взаимодействия двух типов субъектов: субъекта-источника и субъекта-интерпретатора. Рассмотрение такой бинарной системы вводит в структуру синтетической языковой личности не только ее интенцию и референцию, но и рецепцию, ведь рок-искусство — это особое акционное действие, где воспринимающий субъект часто также участвует в порождении интермедиального текста, в приращении смыслов.

Второй том открывается главой, посвященной вербальному компоненту синтетической языковой личности и семиотике контркультурной эпохи. Здесь развивается ряд положений, рассмотренных в первом томе. В частности, автор снова касается названий рок-группы, альбома, композиции, авторских неологизмов, а также рассматривает рок-альбом как целостную систему концептуальных кодов. Последний аспект представляется центральным в первой главе, ведь автор рассматривает важнейшие элементы рок-альбома как целостного цикла. Следуя концепции Ю. В. Доманского, Д. И. Иванов указывает на такие циклообразующие связи, как а) заглавие; б) композицию; в) изотопию; г) пространственно-временной континуум. Новым видится выделенная автором двухтомника и подробно проработанная концепция трех уровней текстов в рамках рок-альбома: 1) главная песня (общая формула альбома); 2) композиции, стоящие в сильных позициях; 3) композиции, стоящие в относительно слабых позициях.

Любопытной и во многом экспериментальной видится вторая глава «Музыкальный компонент синтетической языковой личности». Здесь автор снова вступает в пространство парадоксов, обнаруживая вербальные смыслы в изначально невербальном материале. Начинает автор с того, что определяет музыкальные структурные компоненты в интермедиальном тексте, это: а) вступление (Intro); б) куплет (Verse); в) припев (Chorus); г) проигрыш; д) инструментальное соло; е) финальный элемент музыкального компонента (Coda). Кроме того, в главе рассматриваются тональность, ритм и другие характеристики музыкальной составляющей.

Третья глава посвящена визуализации в песенной поэзии. На мой взгляд, это самый прорывной и новаторский фрагмент двухтомника Д. И. Иванова, так как до него никто так масштабно не рассматривал визуальные субтексты песенного текста. Конечно, их структуру и функции автор преломляет через концептуальную призму синтетической языковой личности. Визуальные коды разделяются на несколько групп, это: перформативно-декорационная имиджевая подсистема (оформление сцены), перформативно-масочная имиджевая подсистема (сценический костюм, грим и т. д.), перформативно-кинетическая имиджевая подсистема (движения тела, мимика и т. д.), иллюстративно-графическая имиджевая подсистема (в первую очередь это обложки рок-альбомов). Каждая из этих систем широко рассматривается на конкретных примерах.

Наконец, в четвертой главе происходит приложение концепции Д. И. Иванова к конкретному материалу. Название говорит само за себя: «Логоцентрическая модель

синтетической языковой личности В. Цоя: “восточные” коды; система структурообразующих концептов».

В заключении Д. И. Иванов говорит о том, что верифицировать положения, разработанные в двухтомнике, могут исследования других типов синтетического (интермедиального) текста. Вероятно, речь идет о кинематографе, театральном тексте, опере, рекламном тексте и т. д. Однако любопытно было бы увидеть через призму авторской концепции Д. И. Иванова и такое близкое к рок-поэзии явление, как авторская песня (называемая еще «бардовской»). Здесь также уже проведен ряд интермедиальных исследований, хотя, конечно, точки над *i* далеко не поставлены. Пожалуй, это ближайший контекст, который можно было бы использовать для расширения (уточнения) концепции Д. И. Иванова.

И еще. Д. И. Иванов хотя и говорит о логоцентризме, всё же акцент делает на слове как таковом (по сути, не отличимом от традиционного печатного стиха), но почти не касается звучащей природы словесного компонента. Как показывают исследования, артикуляционный субтекст в плане смыслообразования обладает мощнейшим потенциалом, который мне видится чуть ли не главной лакуной песневедения, работающего с интермедиальными песенно-поэтическими образованиями. Поэтому «вторым крылом» концепции Д. И. Иванова, помимо «синтетической языковой личности», могла бы стать «синтетическая речевая личность», которая бы развела «на разные полюса» печатное слово поэзии традиционной и звучащее — песенной. Словом, двухтомник открывает очень широкие горизонты для дальнейших исследований, о чем говорит и сам автор.

ОТ РЕДАКЦИИ

Правила оформления статей

1. Статья, оформленная в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Объем статьи вместе с примечаниями не более 1 п.л. — 40000 знаков вместе с пробелами (для аспирантов — не более 0,5 п.л. — 20000 знаков вместе с пробелами), включая таблицы и примечания. Дополнительные шрифты, если таковые использовались в статье.
2. Автор представляет рукопись по электронной почте: vsk_gask@mail.ru. Подписанный договор передается автором лично или пересылается по почте простым письмом или бандеролью по адресу: 129337, г. Москва, Хибинский проезд, д. 6. В редакцию журнала «Вестник славянских культур». Все документы должны быть продублированы по электронной почте.
3. Текст должен быть напечатан в текстовом редакторе *Microsoft Word*, формат А4, поля — 2 см со всех сторон, шрифт — *Times New Roman*, кегль — 14, межстрочный интервал — 1,5, абзацный отступ (красная строка) — 1,25, ориентация — книжная, без переносов.
4. Первая страница должна содержать следующую информацию:
 - название рубрики, кегль — 14;
 - УДК (см., например, teacode.com/online/udc), кегль — 14;
 - ББК (см., например, <http://roslavl.library67.ru/files/382/bbk.pdf>), кегль — 14;
 - Фамилия и инициалы автора(ов) печатаются по центру, жирным шрифтом, строчными буквами, перед ФИО ставится знак авторского права и год (например: © 2017 г. И. И. Иванов), кегль — 14. Ниже указываются город, страна, кегль — 12.
 - Название статьи — по центру, без отступа, жирным шрифтом, прописными буквами, кегль — 14.
 - Затем размещаются информация о финансовой поддержке работы (грант и др.), аннотация и ключевые слова на русском языке, дата отправки (поступления) статьи, выравнивание по ширине, без переносов, кегль — 12.
 - Далее — информация об авторе — имя, отчество, фамилия, ученая степень, звание (если есть), должность (при отсутствии ученой степени и звания), полное название организации, адрес организации вместе с индексом, E-mail, кегль — 12.
 - Далее — текст статьи — выравнивание по ширине, без переносов.
5. В конце статьи приводится СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТом 7.0.5.–2008 в виде нумерованного списка. Ф.И.О. печатается курсивом. Фамилия и инициала авторов пишутся раздельно.
6. Ссылки в тексте оформляются по следующему образцу: [1], [2, с. 567], [3, с. 45; 4, с. 89], [10, л. 8].
7. Ссылки на архивные материалы даются в виде постраничных автоматических сносок.
8. Примечания оформляются в виде постраничных автоматических сносок. Цифра сноски в конце предложения ставится перед точкой. Шрифт сносок: *Times New Roman*, кегль 12.
9. После СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ на русском языке размещается информация на английском (отделяется знаком ***):

- фамилия, имя (полностью), отчество (первая буква) автора(ов) печатаются по центру, жирным шрифтом, строчными буквами, перед ФИО ставится знак авторского права и год (например: © 2017. **Ivan I. Ivanov**), кегль — 14. Ниже указываются город, страна, кегль — 12.
 - Название статьи — по центру, без отступа, жирным шрифтом, прописными буквами, кегль — 14.
 - Затем размещаются информация о финансовой поддержке работы (грант и др.) (*Acknowledgements*), аннотация и ключевые слова на английском языке (*Abstract, Keywords*), выравнивание по ширине, без переносов, кегль — 14.
 - Далее — информация об авторе (*Information about the author*) — имя, отчество (первая буква), фамилия, ученая степень, звание (если есть), должность (при отсутствии ученой степени и звания), полное название организации, адрес организации вместе с индексом, E-mail, кегль — 12.
 - Далее указывается дата отправки (поступления) статьи (*Received: January 26, 2017*)
 - Затем приводится REFERENCES (см. *рекомендации по подготовке References*).
10. Сокращения. При первом упоминании лица обязательно указываются И. О., И. О. отделяются пробелом от фамилии. Годы при указании определенного периода указываются только в цифрах: 30-е гг., а не тридцатые годы. Конкретная дата дается с сокращением г. или гг.: 1920 г., 1920–1922 гг. Не век или века, а в. или вв. (римскими цифрами): IX в. Писать только полностью: так как, так называемые. Из сокращений допускаются: т. д., т. п., др., т. е., см.
 11. Кавычки — только «», если закавыченное слово начинает цитату или примыкает к концу цитаты, употребляются кавычки в кавычках: «“раз”, два, три, “четыре”».
 12. Иллюстрации представляются отдельно от статьи. Подписи к рисункам и таблицам приводятся на русском и английском языках.

ARTICLE REQUIREMENTS

1. An article, executed in accordance with the Bulletin requirements. The size of the article, including the tables, footnotes, endnotes, annotations etc., must be no larger than 40 000 characters together with space characters – not more than 1 p.s. (for postgraduate students — 20 000 characters together with space characters – not more than 0,5 p.s.). Custom fonts if any have been used.
2. The manuscript should be submitted via following e-mail: vsk_gask@mail.ru. The signed contract should be handed in by the author in person or posted as a regular letter or by parcel post to the address: 6, Hibinsky proezd, Moscow, Russia, 129337 with the tag “Вестник славянских культур”. All of the documents must be additionally sent in electronic form.
3. Text is written in *Microsoft Word*, Page size is A4, Margins are 20mm on all sides, Default font is *Times New Roman* Font size is – 14, Line Spacing is – 1,5, Indentation is first line — 1,25, Portrait orientation, No word breaking.
4. The first page of the article must be written as follows:
 - the name of the column, font size — 14;
 - UDC (see e.g., teacode.com/online/udc), font size — 14;
 - BBC (see e.g., <http://roslavl.library67.ru/files/382/bbk.pdf>), font size — 14;
 - At the center: Surname, first name, and middle name of the author(s) — bold, italics, lowercase, right align. The copyright and the year is placed before the Surname, first name, and middle name of the author (e.g.: © 2017 г. **И. И. Иванов**), font size — 14. Below: the city, country, font size – 12.

- The title of the article center-aligned. Bold, italics, justified, unintended, font size – 14.
 - Next goes information about the financial support of the paper (grant and other), abstract and Russian keywords, date of sending(receipt) of the article, justified, no word breaking, font size is 12.
 - Then goes the information about the author — first name, middle name, surname, scientific degree, academic rank (if any) or other status or position of the author(s) (in the absence of scientific degree and academic rank), full name of the institution, address of the institution with a postal code, E-mail, font size — 12.
 - These are followed by the text of the article, justified, no word breaking.
5. REFERENCES are listed in the end of the article in the alphabet order in accordance with GOST 7.0.5.–2008. as a numbered list. The font used for the names of the author(s) is italic. The surname and the initials are written separately.
 6. References in the text should look as follows: [1], [2, p. 567], [3, p. 45; 4, p. 89], [10, l. 8].
 7. References on archive materials come in the form of automatic page footnotes.
 8. Commentaries come in the form of automatic page footnotes. The number of the footnote is placed in the end of the sentence followed by full spot. The font is Times New Roman, the font size is 12.
 9. After the LIST OF REFERENCES in Russian comes the following information in English (separated with ***):
 - Surname, full first name and middle name of the author(s) are aligned on the right side, the font is italics, bold and lowercase (ex.: © **2017. Ivan I. Ivanov**), font size — 14. Further goes city or town, country, font size is 12.
 - The title of the article — center align. Bold, italics, justified, unintended, the font size is 14.
 - Then goes the information about financial support of the paper (grant etc.) (*Acknowledgements*), abstract and English keywords (*Abstract, Keywords*), justified, no word break, font size — 14.
 - The next is the information about the author (*Information about the author*) — first name, middle name, surname, academic degree, academic rank (if any), work position (in the absence of scientific degree and academic rank), full name of the institution, E-mail, font size — 12.
 - Then goes the date of sending(receipt) of the article (*Received: January 26, 2017*)
 - These are followed by REFERENCES (see *Guidelines for preparation of References*).
 10. Abbreviations. At the first mention of a person the name and patronymic name should be specified with the first capital letters with full stop (e.g.: N. P.). Separate N. P. (initials) and surname with a space. The period of time comes in numbers (e.g.: 1930s, but not “the thirties”). The Russian dates should be abbreviated as follows (r. or rr.: 1920 r., 1920–1922 rr.). Not “century” or “centuries” but c. and cc. correspondingly. (in Roman numerals): IX c. Abbreviations include: etc., i.e., et al.
 11. Only inverted commas of this form (e.g.:« ») are required to use. If the quotation begins or ends with the quoted word, the use of both types of commas is required (e.g.: «“one”, two, three, “four”»).
 12. The illustrations should be submitted separately. Figures and tables captions are listed in English and Russian.

ВЕСТНИК СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

Научный журнал

Том 48
июнь 2018

Выходит 4 раза в год

Формат 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 28,53 + 0,52 вкл. Тираж 500 экз.

Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство),
Институт славянской культуры
129337, Москва, Хибинский проезд, д. 6

Изготовлено РИО РГУ им. А. Н. Косыгина